Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Серия
«Ярославская юридическая школа
начала XXI века»

М. В. Лушникова
А. М. Лушников

Наука финансового права на службе государству: российские государственные деятели и развитие науки финансового права

(историко-правовой очерк)

Монография

Ярославль 2010

УДК 347.73
ББК Х 622
Л 87

Серия основана в 2000 году

Рекомендовано
редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2010/2011 учебного года

Рецензенты:
Е. А. Грачева, доктор юридических наук, профессор
Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина;
С. А. Егоров, доктор юридических наук, профессор кафедры теории
и истории государства и права Ярославского государственного
университета им. П. Г. Демидова

Л 87 **Лушникова, М. В. Наука финансового права на службе государству: российские государственные деятели и развитие науки финансового права (историко-правовой очерк)**: монография / М. В. Лушникова, А. М. Лушников; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 496 с. – (Серия «Ярославская юридическая школа начала XXI века»).

ISBN 978-5-8397-0783-2

Настоящая монография представляет собой исследование истории развития финансово-правовой мысли в трудах российских государственных деятелей со второй половины XVII до конца XX в.

Для специалистов в области финансового права, государственного и административного права, истории государства и права, финансов и налогов, а также студентов, аспирантов вузов юридического и экономического профиля.

УДК 347.73
ББК Х 622

© Ярославский
государственный
университет
им. П. Г. Демидова, 2010

ISBN 978-5-8397-0783-2

Оглавление

К читателю **5**

Вместо введения. **О значении науки финансового права в государственном управлении на Западе и в России** **10**

Глава 1. **Предшественники (вторая половина XVII – конец XVIII в.)** (Ю. Крижанич, Г. К. Котошихин, И. Т. Посошков, В. Н. Татищев, Д. А. Голицын, А. Б. Куракин и др.) **33**

Глава 2. **Чиновники, ставшие учеными (первая половина XIX в.).** **62**

2.1. На благо царя и Отечества (М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский, Е. Ф. Канкрин и др.) 63

2.2. Оппозиция Его Величества (Н. С. Мордвинов, Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов и др.) 95

Глава 3. **Ученые, ставшие чиновниками (вторая половина XIXв.)** **119**

3.1. Творцы финансовых реформ 60-80-х годов (Ю. А. Гагемейстер, А. П. Заблоцкий-Десятовский, М. Х. Рейтерн, В. А. Татаринов, Ф. Г. Тернер, И. В. Вернадский, Н. Х. Бунге, Е. И. Ламанский, В. П. Безобразов, Ю. Г. Жуковский, А. Н. Куломзин и др.) 121

3.2. Между либерализмом и консерватизмом (А. И. Васильчиков, П.А. Валуев, Д. А.Толстой, И. С. Блиох, В. А. Гольцев и др.) 179

Глава 4. **На пути к синтезу: государственные служащие, совмещавшие служебную и научную деятельность (рубеж XIX–XX вв.)** **202**

4.1. С. Ю. Витте и его соратники (Д. И. Менделеев, М. П. Кашкаров, А. Я. Антонович, Н. К. Бржеский, А. Н. Гурьев, И. П. Шипов) 203

4.2. От умеренных народников до политических авантюристов (В. Е. Варзар, Л. Б. Скаржинский, Н. Е. Гиацинтов, К. Я. Загорский, Н. Н. Покровский, В. Т. Судейкин, И. П. Манус) 238
4.3. В условиях зарождающегося парламентаризма (П. Х. Шванебах, М. М. Алексеенко, П. П. Мигулин, Д. И. Пихно, Н. Н. Кутлер, А. Н. Миклашевский, М. Я. Герценштейн) 259

Глава 5. **Члены Временного правительства и развитие финансовой науки (1917 год, и не только)** (П. Н. Милюков М. И. Терещенко, А. И. Шингарев, Н. В. Некрасов, М. И. Бернацкий, Ф. Ф. Кокошкин, А. А. Мануйлов, С. Н. Прокопович, М. И. Фридман, А. С. Посников, П. Б. Струве) **..... 302**

Глава 6. **Государственные деятели и финансовая наука (советский опыт в свете марксистско-ленинской теории) 353**
6.1. Идеологические основы советской науки финансового права и финансовой политики советского государства (К. Маркс, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, И. В. Сталин и др.) 356
6.2. Первый советский опыт синтеза науки и практики: между научной порядочностью и партийными директивами (Г. Я. Сокольников, Л. Н. Юровский и др.) 384
6.3. От «двуглавого орла» к «серпу и молоту» (Н. Д. Кондратьев, В. Я. Железнов, М. И. Боголепов, Д. П. Боголепов, Н. Н. Шапошников, А. А. Соколов, И. А. Трахтенберг) 421
6.4. В рядах советской номенклатуры (Н. Н. Любимов, Н. Н. Ровинский, А. Г. Зверев, Я. И. Голев, В. П. Дьяченко и др.). 468

Сведения об авторах 493

К читателю

Читатель прочтет книгу с гораздо большим удовольствием, если будет знать, кто ее автор: негр или белый, холерик или сангвиник, женатый или холостяк.

Джозеф Аддисон (1672–1719),
английский писатель.

Предлагаемый читателю очерк характеризует этапы развития российской науки финансового права в лицах, и лицах особых – государственных служащих, которые свои научные взгляды, финансовые теории в той или иной мере проводили в жизнь. Их можно также назвать «практиками от науки финансового права». Они были сторонниками различных научных школ и течений, политических убеждений, но каждый из них посильно отличился и на ниве науки. Именно к ним, таким разным и многоликим, можно отнести напутственные слова известного российского государственного деятеля, действительного члена Императорской Академии наук, профессора Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) лицея В. П. Безобразова. Эти слова прозвучали в 1878 г. при выпуске воспитанников на действительную государственную службу: «Без идеалов науки невозможно распознать и проложить себе ясный, определенный путь посреди сложных и запутанных, внутренних и внешних политических обстоятельств времени, невозможно овладеть этими обстоятельствами и господствовать над ними, как это требуется от высшей правительственной мысли… Никаким государственным талан-

том, никаким инстинктом нельзя предугадать этих путей решения государственных дел. Талант и инстинкт, столь высоко ценимые в государственном деле, увеличивают только силы государственных людей, уже вооруженных силами науки»[1].

В публикациях рубежа XIX–XX вв., а также в советских исследованиях по финансовому праву, подготовленных до конца 20-х гг. прошлого века, истории науки о финансах уделялось значительное место[2]. При этом история развития отечественной науки рассматривалась в контексте развития финансовой науки в странах Запада. Примечательно, что последней уделялось даже больше внимания, чем отечественной. С начала 30-х гг. XX в. и практически до конца советского периода этот сюжет практически не разрабатывался, чему были как объективные, так и субъективные причины. Только в постсоветский период наметилось оживление интереса исследователей к историческим аспектам развития науки финансового права[3]. Особенно интенсивно изучается история развития финансовой мысли учеными Санкт-Петербурга, однако в этих исследованиях абсолютно преобладает политэкономический аспект[4].

---

[1] Безобразов В. П. О значении науки для образования должностных лиц в государственном управлении. СПб., 1879. С. 7.

[2] См., например: Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. СПб., 1914. С. 11–30; Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 217–248; Иловайский С. И. Учебник финансового права. Одесса, 1899. С. 3–13; Лебедев В. А. Финансовое право. Т. 1. СПб., 1889. С. 187–197; Патлаевский И. И. Курс финансового права. Одесса, 1885. С. 9–16; Твердохлебов В. Н. Финансовые очерки. Вып. 1. Пг., 1916. С. 81–123 и др.

[3] См., например: Бельский К. С. Финансовое право. М., 1994. С. 44–67; История финансового законодательства России / под ред. И. В. Рукавишникова. М., 2003; Ковалев В. В. У истоков финансовой науки в России // Ежегодник центра публично-правовых исследований. Т. 3. 2008; Пушкарева В. М. История финансовой мысли и политики налогов. М., 1996; Ялбулганов А. А. Очерки истории финансового права дореволюционной России. М., 1998 и др.

[4] См.: История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге: сб. ст. СПб., 1997; Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет / под ред. В. В. Ковалева, М., 2009; Финансовая наука в Санкт-Петербургском университете / под ред. В. В. Иванова и др. СПб., 2006 и др.

Данное исследование подготовлено преимущественно по материалам Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива РФ (ГА РФ), архивов кадровых служб вузов (МГУ, СПбГУ и др.), научных учреждений (ИЗиСП (бывший ВНИИСЗ), ИГП РАН и др.). Широко использованы отдельные публикации биографического характера об ученых-правоведах[5]. Некоторым подспорьем для авторов явились биографические сборники профессоров и преподавателей, составленные отдельными вузами[6]. Активно использовались три издания Большой советской энциклопедии, а равно другие энциклопедические и справочные издания, содержащие сведения об отечест-

[5] См.: Антология юридического некролога / сост. В. М. Баранов и др. Нижний Новгород, 2005; Видные ученые-юристы России (Вторая половина XX века). Энциклопедический словарь биографий / под ред. В. М. Сырых. М., 2006; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Самые знаменитые юристы России. М., 2003; Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий / под ред. В. М. Сырых. Т. 1. М., 2009; Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX века. Очерки жизни и творчества. В 2 т. Т. 2. М., 2007; Шилохвост О. Ю. Русские цивилисты середины XVIII – начала XX в. Краткий библиографический словарь. М., 2005 и др.

[6] См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). В 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Святого Владимира / под ред. В. С. Иконникова. Киев, 1884; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую четверть века его существования. 1869–1894: в 2 т. СПб., 1896–1898; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за 100 лет его существования (1802–1902) / под ред. Г. В. Левицкого: в 2 т. Юрьев, 1903; Гриценко И. С., Короткий В. А. Юридический факультет Университета Святого Владимира, 1834–1920. Киев, 2009 (на укр. языке); Гущина Е. В., Морозов Д. К., Салова Ю. Г. Биографический сборник Демидовского университета. Ярославль, 2008; Казанский университет. 1804–2004. Биобиблиографический словарь / под ред. Г. Н. Вульфсон. Казань, 2004; Профессора МГУ. 1755–2004. Биографический словарь. В 2 т. М., 2005; Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушникова, Н. Н. Тарусиной. Ярославль, 2009 и др.

венных государственных деятелях и ученых[7]. Важным источником явились мемуары видных отечественных финансистов, таких как И. И. Янжул, С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, А. Г. Зверев и др. Материалы о части государственных деятелей и ученых достаточно противоречивы, в связи с чем мы опирались преимущественно на архивные данные, в необходимых случаях проводили сравнительный анализ или фронтальное исследование всего фактологического массива.

Между тем в настоящее время можно говорить только о начальном этапе воссоздания истории науки финансового права. В связи с этим стоит обратить внимание на ряд принципиальных положений. Во-первых, это неоднородность состава ученых – специалистов по финансовому праву. Помимо их традиционной принадлежности к школам финансового права (московской, петербургской, казанской, ярославской, киевской и др.), можно выделить относительно обособленную категорию государственных деятелей, которые внесли большой вклад в исследование названной проблематики. Это касается не только начального периода развития до середины XIX в., что бесспорно, но и более поздних этапов. Данное положение позволяет нам акцентировать внимание на персональном вкладе отдельных ученых, чья деятельность не вписывается в традиционные рамки научных школ и направлений. Во-вторых, большего внимания заслуживает взаимодействие отечественной и зарубежной финансовой науки. К сожалению, и в дореволюционных, а затем в советских и постсоветских исследованиях довольно часто авторы впадали в крайности: от констатации вторичности отечественной науки до признания ее первенства «во всем». Между тем эта проблема напрямую связа-

[7] См.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989; Емельянов В. Б., Куликов В. В. Русские мыслители второй половины XIX – начала XX века: Опыт краткого биографического словаря. Екатеринбург, 1996; Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000; Нижник Н. С., Сальников В. П., Мушкет И. И. Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002). Биографический справочник. СПб., 2002; Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. Т. 1–3. М., 1994–2000; Политические деятели России 1917: Биографический словарь / гл. ред. П. В. Волобуев. М., 1993 и др.

на с деятельностью российских чиновников в финансовой сфере и развитием отечественного финансового законодательства. В-третьих, в некоторой корректировке нуждается оценка вклада видных отечественных государственных деятелей в развитие финансовой науки. Традиционные колебания от комлиментарного подхода до гиперкритицизма должны смениться объективной оценкой на основе достоверных данных.

Сказанное во многом определило задачу авторов данного очерка. Она заключается в показе вклада российских государственных деятелей в развитие науки финансового права с рубежа XVII–XVIII вв. до наших дней. Однако проблематика постсоветского периода нами только обозначена, а для ее объективного рассмотрения необходим определенный временной разрыв, да и более объективные данные, которые в настоящее время получить практически невозможно.

Вместо введения

О значении науки финансового права в государственном управлении на Западе и в России

Идеалы науки необходимы на самых лучших и подчиненных ступенях государственной и общественной службы… Только наука и просвещенные ею должностные лица изгоняют из государственных учреждений мертвящую бюрократическую рутину.

Безобразов В. П. О значении науки
для образования должностных лиц
в государственном управлении. 1879.

Развитие науки финансового права представляет собой длительный, сложный и многоуровневый процесс. Трудность его осмысления заключается еще и в том, что первоначально данная наука формировалась в рамках камеральных наук, политической экономии, а затем выделившейся из нее финансовой науки. Только с последней наука финансового права размежевалась во второй половине XIX в., причем это размежевание первоначально было неполным и непоследовательным.

Нередко финансовая наука (наука о финансах) и наука финансового права отождествлялись либо наука финансового права рассматривалась как юридическая часть финансовой науки. Так, И. И. Янжул писал: «Финансовое право имеет своей задачей юридико-догматическое изучение финансовых законодательств, в их историческом развитии и современном состоянии, а финансовая наука изучает влияние их с экономической и юридической стороны и представляет собой ряд обобщений из данных финансового законодательства»[8].

[8] См.: Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. СПб., 1899. С. 13.

Как справедливо отмечает А. Н. Козырин, произошедшая во второй половине XIX в. дифференциация финансовой и финансово-правовой наук так и не смогла полностью освободить предмет науки финансового права от политических и экономических проблем[9]. «В науке финансового права правовой, политический и экономический элементы нераздельны, – писал профессор Демидовского юридического лицея И. Т. Тарасов. – В ней анализ законов хозяйственных явлений и анализ правовых норм, определяющих государственно-хозяйственную сферу, идут рука об руку»[10]. Такая «многослойность» делает необходимым поиск истоков финансово-правовой мысли также в политэкономических исследованиях, а затем и в работах по финансовой науке.

Важная роль государственных деятелей в развитии науки не является российской спецификой. Так, обычно считается, что финансовая наука возникла одновременно с политической экономией в XV в. в Италии. Самым видным ее представителем того периода был граф *Д. Карафа* (1406–1487), автор труда «О помехах правлению и добрым принципам». Он являлся министром финансов Неаполитанского королевства. Д. Карафа выступил за сбалансированный бюджет, располагающий большими средствами, которые можно направить на всеобщее благосостояние. Он хотел, чтобы у государства не было необходимости брать вынужденные займы, которые он сравнивал с воровством и грабежом. Граф выступал за строго определенные, справедливые и умеренные налоги, которые не приводили бы к бегству из страны капитала и не угнетали бы труд, по его мнению источник богатства. Он считал, что промышленность, сельское хозяйство и торговлю надо поощрять займами и другими финансовыми средствами. Д. Карафа высказался за то, чтобы создать удобства заграничным купцам, поскольку их присутствие весьма благоприятно для страны[11]. Таким образом, еще в середине второго тысячелетия нашей эры итальянский ученый выделил многие узловые про-

---

[9] У истоков финансового права. М., 1998. Т. 1. С. 15.

[10] Тарасов И. Т. Очерк науки финансового права. Вып. 1. Ярославль, 1889. С. 7.

[11] См.: Шумпетер Й. История экономического анализа // Истоки. 1998. № 3. С. 424.

блемы, остающиеся в центре финансово-правовых исследований и в настоящее время.

Примечательно, что не все чиновники финансовых ведомств, оставившие литературное наследие, прославились на ниве науки. Так, испанский писатель *Мигель де Сервантес* (1547–1616), бывший некоторое время чиновником по сбору налоговых недоимок, обвинялся в растрате денежных средств и дважды заключался в тюрьму. Именно там он начал работать над своим бессмертным «Дон Кихотом». Кто бы мог подумать, что труд на ниве финансов может сподвигнуть на создание столь гуманистически насыщенного творения.

В Европе идеи финансовой науки уже имели определенное влияние на государственную жизнь, а со второй половины XVIII в. получили, как писал В. П. Безобразов, «великое для нее значение»[12]. В России эта закономерность проявилась позднее – с XVIII в. Целая плеяда государственных деятелей, министров финансов государств Европы, Америки, России получили признание как известные ученые, труды которых стали классикой финансовой мысли.

Мы, чтобы не утомлять читателя большим количеством имен, остановимся лишь на тех иностранных государственных деятелях в сфере финансов, которые имели отношении к России, чьи труды и учения в какой-то мере повлияли на отечественную финансовую политику, стали предметом специальных научных изысканий российских государственных служащих, переводились на русский язык. Многие из этих имен иностранных государственных деятелей читатель неоднократно встретит на страницах данной книги.

Во Франции, например, известны такие министры финансов, как *М. Де Бютен, герцог де Сюлли* (1560–1641), *Ж. -Б. Кольбер* (1619–1683), *А. Тюрго* (1727–1781), *Л. Сэй* (1826–1896). В XVII–XVIII вв. на развитие финансовой науки значительное влияние оказала школа меркантилистов. Первому из названных, де Сюлли, меркантилисту-практику при Генрихе IV принадлежит и первый опыт составления государственной росписи во Франции. Яр-

[12] Безобразов В. П. О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе. М., 1867.

ким выразителем идей меркантилизма был министр финансов Франции при Людовике XIV Ж.-Б. Кольбер. Экономическая политика Кольбера, так называемый кольбертизм, – одна из разновидностей меркантилизма. Кольбер добивался увеличения государственных доходов в первую очередь за счёт активного торгового баланса: путём создания мануфактур, поощрения промышленности, увеличения вывоза промышленных изделий и ввоза сырья, сокращения ввоза готовых изделий иностранного производства, ввёл новый таможенный тариф, повысивший пошлины на иностранные товары.

В России идеи меркантильной школы нашли отражение в сочинениях и деятельности Ю. Крижанича, В. Н. Татищева, А. Б. Куракина. Министры финансов России Е. Ф. Канкрин, Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте в свое время прозывались «русские Кольберы».

Обращаясь к истории Франции, нельзя обойти вниманием *Джона Ло* (1671–1729), министра финансов, «заправителя финансовых судеб государства путем безграничного выпуска денежных знаков». Кстати, Джон Ло обещал по приглашению Петра I приехать в Россию, но только после того, как он составит «счастье Франции». Но вместо этого ему пришлось бежать, спасаясь от всеобщего проклятия французов, в Венецию. И в этот период Петр Великий писал письма к Дж. Ло, обвиняя Францию в несправедливости по отношению к изгнаннику, предлагал Ло чины, почести, высокое поприще и титул князя Астраханского. Но Дж. Ло так и не откликнулся на приглашение государя.

Печальный и поучительный опыт Дж. Ло стал предметом исследования основоположника учения о государственном кредите, государственного деятеля, участника движения декабристов *М. Ф. Орлова*, о котором мы еще расскажем. Эту систему М. Ф. Орлов назвал «дерзкой, искусной, которая одна могла спасти правительство от неминуемого банкротства, ежели б не была искажена неопытностью, нетерпением и бессовестностью»[13].

Систему Дж. Ло сделал предметом научного исследования еще один выдающийся экономист второй половины XIX в. *А. Горн*, де-

[13] Орлов М. Ф. О государственном кредите // У истоков финансового права. 1998. Т. 1. С. 351.

путат парламента и статс-секретарь (министра) торговли Венгрии. Примечательно, что его труд был переведен с немецкого будущим министром финансов России *И. П. Шиповым* и сопровождался предисловием бывшего министра финансов *Н. Х. Бунге.* Последний охарактеризовал исследование А. Горна как «едва ли не одно из лучших; оно отличается живостью рассказа, меткостью характеристик и вообще основательностью экономических суждений»[14].

Из практиков XVIII в. научными трудами о финансах прославился государственный деятель Франции *Ж. Неккер* (1732–1804), который ввел начала гласности в финансовое хозяйство, опубликовав в 1787 г. бюджет. При этом он раскрыл для общественности безграничную расточительность двора как главную причину дефицитов. Кстати, его идеи «о публицитете» нашли сторонников в лице российских государственных деятелей, включая *Н. И. Тургенева*[15]. Воплощение этой идеи в российскую финансовую практику осуществил министр финансов *М. Х. Рейтерн*. М. Ф. Орлов, рассматривая Неккера как правителя финансов Франции, писал, что он оказал стране великие услуги, однако не постиг истинных правил государственного кредита[16]. Эти правила истинного государственного кредита, по мнению русского исследователя, были воплощены в жизнь в Великобритании министром финансов, премьер-министром *У. Питтом* (младшим) (1759–1806)[17].

В противовес и на смену школе меркантилистов пришла школа физиократов во главе с лейб-медиком Людовика XV *Ф. Кенэ*. Его салон посещали Д. Дидро, К. Гельвеций, маркиз Мирабо, А. Тюрго; посетил его и А. Смит, проникшийся уважением к Ф. Кенэ. Серьезные усилия по применению идей физиократов на практике приложил во Франции А. Тюрго, генеральный контролер финансов при Людовике XVI. В его воззрениях физиократическая система приняла наиболее развитый вид. В своей практической деятельности он пытался осуществить основные теоретические положения физиократов, в частности предлагал установить еди-

---

[14] Горн. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. СПб., 1895. С. VI.

[15] См.: Тургенев Н. И. Опыт теории налогов // У истоков финансового права. 1998. Т. 1. С. 245–246.

[16] Орлов М. Ф. О государственном кредите. С. 355.

[17] Там же. С. 394–406.

ный поземельный налог, а также осуществить реформу государственного управления, заменил натуральную дорожную повинность денежным налогом, пытался упразднить цеховые корпорации и гильдии. Его основную работу «Размышление о создании и распределении богатств. Ценности и деньги» перевел на русский язык и дополнил комментариями в 1905 г. бывший чиновник российского Министерства финансов и видный финансист *А. Н. Миклашевский*, с которым мы еще встретимся на страницах нашей книги. А. Тюрго, как писал М. Ф. Орлов, был человеком строгой нравственности и обширного ума, но, увлеченный ложной экономической системой, принес мало пользы Франции. Товарищ А. Тюрго Мальзерб говорил: «Тюрго и я – мы были люди честные, очень ученые, страстные к добродетели. Кто бы мог осудить выбор таковых министров? Однако же, зная людей из одних только книг, не имея точного понятия и опытности в делах государственных, мы дурно управляли…и мы также, против воли нашей, способствовали ужасному перевороту»[18].

В нашем Отечестве к выразителям идей физиократов относят *И. Т. Посошкова*, о котором речь пойдет ниже. Этот «русский самородок», не имевший представления о литературе Запада, пришел самостоятельно к тем же положениям, что были сформулированы европейскими меркантилистами и физиократами. Отметим, что «чистых» представителей физиократов в России мы вряд ли найдем, но влияние прикладных выводов их учения сказалось в первой половине царствования Екатерины II. При участии князя *Д. А. Голицына,* русского посла в Париже, переписывавшегося в 60-х гг. XVIII в. с Екатериной II по крестьянскому вопросу, выписан был даже рекомендованный Д. Дидро представитель школы физиократов *М. де ла Ривьер*, неприятно поразивший императрицу своим самомнением и слишком высоким представлением о той роли, которую он готовил себе в России в качестве законодателя. После 8-месячного пребывания в Петербурге (1767–1768) он был отослан назад во Францию, и с этих пор начинается быстрое охлаждение Екатерины II к физиократам. В своей частной переписке она жалуется (середина 70-х гг.), что «экономисты» её

[18] Цит. по: Орлов М. Ф. О государственном кредите. С. 353.

осаждают навязчивыми советами, называет их «дурачьем» и «крикунами» и не упускает случая посмеяться над ними.

На смену учениям меркантилистов и физиократов приходит система *А. Смита* (1723–1790), появление которой составило целую эпоху в экономической и финансовой теории и практике. Прилежными учениками А. Смита стали министр финансов Франции при Наполеоне I *Н. Ф. Молльен* (1758–1850), многолетний премьер-министр Сардинского королевства и первый премьер-министр единой Италии *К. Б. Кавур* (1810–1861). Государственной службе Н. Ф. Молльена предшествовал период полного расстройства финансов в государстве. Достаточно сказать, что с 1774 по 1791 г. во Франции сменилось 15 министров финансов. С новым министром финансов Наполеон I не разлучался с первых дней консульства до своего отречения. Молльен по окончании курса права поступил на государственную службу, получил от своего отца мало тогда еще известную книгу А. Смита, с наставлением принять в руководство для своих мыслей новые взгляды автора, который «точным образом объясняет механизм общества подобно Ньютону, открывшему систему Вселенной»[19]. В результате эффективной деятельности Молльена, несмотря на истощение Франции после наполеоновских войн, правление Наполеона I не только не передало последующим правительствам никаких финансовых тягостей и затруднений, но отличалось образцовым финансовым порядком и успело водворить ту систему счетоводства и отчетности, которая составила предмет гордости Франции и подражания других народов[20].

Другой из упомянутых приверженцев А. Смита, К. Б. Кавур, прежде чем занять указанные выше государственные посты, был уже известен своими сочинениями по политической экономии. Здесь же следует назвать и *Р. Пиля* (1788–1850), государственного деятеля и премьер-министра, которому Англия обязана блестящими результатами в благоустройстве финансов государства. Он избирался членом парламента от Оксфордского университета, возглавлял комитет по денежному обращению и добился возвра-

[19] Безобразов В. П. О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе. С. 7.

[20] Там же. С. 6.

щения к наличным платежам и золотому стандарту, вновь ввел подоходный налог, завершил создание банковской и валютной систем государства.

В России влияние идей А. Смита, «дух науки проникал в законодательство и государственное хозяйство случайными проблесками, подобно финансовому плану М. М. Сперанского»[21]. Тем не менее и в России с начала XIX в. идеи А. Смита оказывают влияние на государственную жизнь. Другой государственный чиновник, *Н. И. Тургенев,* в работе «Опыт теории налогов» (1818) последовательно приложил общие начала учения А. Смита к построению налогов[22]. Его причисляют к «первым сознательным русским фритредерам»[23]. Сторонниками идей А. Смита, в частности течения «фритредерства», были герои наших очерков Н. И. Тургенев, *М. И. Фридман* и др.

Им противостояли «протекционисты», к числу которых можно отнести *Н. С. Мордвинова*, министров финансов России *Е. Ф. Канкрина*, Н. Х. Бунге и др. Так, адмирала Мордвинова называли «русским Фридрихом Листом»[24]. Между прочим, *Ф. Лист* (1789–1846), известный своим трудом «Национальная система политической экономии» (1841 г.), также имел опыт государственной службы, занимал должности в центральной администрации германского княжества (земли) Вюртемберга, а затем был и представителем этой земли. Учение Ф. Листа сильно повлияло на мировоззренческие установки отечественного государственного деятеля *С. Ю. Витте*.

Отметим, что не так часто в истории представители военной элиты становились и известными теоретиками и практиками в сфере финансов. В этой части следует провести параллель между маршалом Франции С. Вобаном и русским адмиралом Н. С. Мордвиновым, о котором пойдет речь в следующей главе

---

[21] Безобразов В. П. О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе. С. 24.

[22] См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 220.

[23] См.: Святловский В. Николай Тургенев и граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1905. С. 9.

[24] Там же.

нашей книги. Их разделяло почти столетие, но «линии судьбы» были созвучны. *С. Вобан* (1633–1707), маркиз, военный инженер, почетный член Французской академии наук, участвовал в 53 походах, 104 боях, руководил осадой 53 крепостей, постройкой 33 новых и перестройкой свыше 300 старых крепостей. Он был основоположником фортификации, теории минно-подрывного дела. Оставил большое количество сочинений по военным, инженерным и экономическим вопросам, изданным под названием «Досуги господина де Вобана» (1842–1845 гг.). В 1707 г. он составил проект, в котором предлагал обложить податью всех подданных без различия сословий, чем навлёк на себя гнев короля и двора; эта книга Вобана была конфискована и сожжена.

В конце XVIII в. достаточно известными специалистами в сфере финансового права были крупные чиновники министерств финансов француз *Ф. де Форбонне* (1722–1800), австриец *П. Вери* (1728–1797), испанцы *П. Родригес, граф Компоманес* (1723–1802) и *К. Мельчор де Ховельянос* (1744–1811). Эта тенденция, хотя и не так ярко, проявлялась и в дальнейшем. Так, Форбонне считался одним из лучших знатоков финансовой системы своего времени. Он придерживался меркантилистских воззрений и выступал против физиократов, в частности против Ф. Кенэ. Вероятно, одним из наибольших знатоков правовых аспектов финансовой проблематики был итальянец *Г. Филанджиери* (1752–1788), управлявший финансовым ведомством Неаполитанского королевства. Его перу принадлежит семитомное исследование «Наука законодательства» (1780–1785 гг.), где была изложена целая программа финансово-правовых преобразований; отмена многочисленных феодальных повинностей и косвенных налогов и замена их единым земельным налогом, налогообложение земельных владений церкви, утверждение свободы торговли. Следует вспомнить и *А. Гамильтона* (1757–1804), который был Первым секретарем Департамента казначейства США, автором программы ускоренного торгово-промышленного развития США. Он был инициатором создания центрального банка США, автором введения протекционистских тарифов. Именно его портрет ныне изображен на десятидолларовой банкноте.

Налоговые реформы физиократов Ф. Кенэ и А. Тюрго, а также упомянутых С. Вобана и Ф. Форбонне стали предметом спе-

циального научного исследования чиновника российского Министерства финансов Н. К. Бржеского[25]. Одним из широко цитируемых российскими финансистами авторов был и представитель английской экономической школы *Д. Рикардо* (1772–1823). Как талантливый финансист-практик он создал себе значительное состояние и, став членом парламента, принимал участие в дискуссиях по вопросам денежной политики, протекционистских законов о хлебе. Особую известность ему принесло опубликование исследования «Начала политической экономии и податного обложения» (1817 г.).

Значительное влияние на развитие российской науки финансового права оказала немецкая (германская) школа, начиная с финансистов-камералистов и до А. Вагнера. Словосочетание «финансовая наука» впервые было употреблено в XVIII в. немецкими камералистами. Студенты, изучавшие камералистику, должны были затем служить в государственных учреждениях, и поэтому финансовая наука носила прикладной и в то же время смешанный характер, включая в себя элементы права, экономической науки, статистики, философии. Эта специфическая форма науки оказала большое влияние на российских финансистов и оставила глубокий след в России, где почти всех чиновников Министерства финансов можно было назвать камералистами. На юридических факультетах российских университетов (Санкт-Петербург, Казань, Харьков и др.) до 1863 г. существовали отделения камералистики. Камеральный профиль имел Демидовский лицей с 1833 г. до его преобразования в конце 60-х гг. XIX в. в Демидовский юридический лицей (Ярославль). Целью обучения на отделениях камералистики выступала подготовка специалистов, способных к административной и хозяйственной службе.

Одним из общепризнанных отцов-основателей финансовой науки является *И. Зонненфельс* (1732–1817), издавший исследование «Основные начала полиции, торговли и финансовой науки» (1765–1767). Книга быстро завоевала большую популярность, была переведена почти на все европейские языки, в том числе и

[25] Бржеский Н. Податная реформа. Французские теории XVIII в. СПб., 1888.

русский[26], и на долгое время стала основным руководством для многих поколений финансистов. Первоначально он был профессором Венского университета, а затем министром финансов Австрии. П. П. Гензель в книге «Библиография финансовой науки. Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе» писал о том, что в этом весьма замечательном для своего времени сочинении Зонненфельса обращает на себя внимание роль, которую придает автор налогам в системе государственных доходов[27].

Отметим, что многие министры финансов того периода, и не только во Франции, одновременно признавались видными учеными-финансистами. Министром финансов одного из германских княжеств был не менее известный финансист *Ф. Л. Зеккендорф* (1626–1692). Еще один отец-основатель финансовой науки, *И. Г. фон Юсти* (1717–1771), автор исследования «Система государственных финансов» (1766), часть своей жизни посвятил преподаванию, а часть – государственной службе. Эта тенденция, хотя и не так ярко, проявлялась и в дальнейшем. П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» писал, что сочинение Юсти представляет собой один из наиболее замечательных трудов финансовой науки XVIII в.[28] В учении о налогах Юсти указывает на необходимость ежегодного вотирования (одобрения) налогов, т. к. это обеспечивает народную свободу и устраняет произвол правителей. Настаивает Юсти и на том, что налоги должны распределяться равномерно и не вредить благосостоянию страны.

Крупным специалистом в области финансов был министр финансов Пруссии *Г. Штейн* (1757–1831). Он учился в Геттингенском университете, где преимущественно изучал экономическую и политическую литературу Англии. Геттингенскй университет был в то время первой высшей школой, где будущие государственные деятели могли, кроме юридических, знакомиться и с политическими науками, освобожденными от узких рамок

[26] Зонненфельс И. Начальные основания полиции, или благочиния. М., 1787.

[27] См.: Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем.1907. № 2. С. 99.

[28] Там же. С. 98.

камералистики. Впоследствии Г. Штейн «с особенным жаром занимался творениями А. Смита»[29]. Он ввел бумажно-денежное обращение, упорядочил соляную монополию и уничтожил внутренние таможни. Благодаря проведенным реформам его признают не только одним из величайших экономистов, но и государственным деятелем, который стал творцом возрождения Пруссии. Г. Штейн активно взаимодействовал со своими российскими коллегами в качестве главы Центральной комиссии по управлению освобожденными от французов германскими землями, а также неофициального участника Венского конгресса 1814–1815 гг. Авторитет Г. Штейна среди русских финансистов был достаточно велик, причем независимо от идейной ориентации исследователей. Его ценили как декабристы, так и официальные представители самодержавия. Его прямой потомок *Л. Штейн* (1815–1890), принимавший участие в проведении экономических и социальных реформ в Германии, был более известен как ученый-финансист, тесно связывающий проблемы финансов и социального развития. Л. Штейн был одним из самых широко цитируемых германских авторов в русской финансовой литературе. В советской литературе его, как и А. Вагнера, причисляли к финансистам-реакционерам, проповедовавшим оппортунистические теории «государственного социализма». В частности, в таком тоне писал о них персонаж нашей книги Н. Н. Любимов[30].

Австрийский государственный деятель, высокопоставленный чиновник Министерства финансов и экономист *К. фон Гок* (1808–1869) успешно проводил финансовые реформы. Его классическое сочинение «Налоги и государственные долги», по словам автора результат долголетней деятельности в финансовом управлении Австрии, было переведено уже известным нам Н. Х. Бунге. Переводчик назвал это сочинение серьезным исследованием, которое отличается мастерством, составляющим удел немногих избранных[31]. Другому бывшему российскому министру финансов, Е. Ф. Кан-

---

[29] См.: Безобразов В. П. О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе. С. 14.

[30] См.: Финансы капиталистических государств. М., 1934. С. 22–23.

[31] Налоги и государственные долги. Сочинение Карла фон Гока. Киев, 1865. С. III.

крину, до последних минут интересовавшемуся наукой, жена в день смерти читала названное сочинение К. Гока[32].

Возвращаясь к Австрии, следует отметить министра торговли, видного специалиста в области финансов *А. Шеффле* (1831–1903), другой австрийский профессор, *Э. Бем-Баверк* (1851–1914), трижды занимавший пост министра финансов, называет его за научные труды «одним из великих строителей экономической науки». Он также входил в налоговую администрацию, был основным экспертом по реализации реформы прямого налогообложения (1889 г.). Его обоснованно считают одним из создателей конструкции современного подоходного налога. *Л. Сэй*, внук известного экономиста-классика Ж.-Б. Сэя, четыре раза занимал пост министра финансов Франции. Он был членом Французской академии, Академии политических и моральных наук, ему принадлежат известные труды, посвященные финансам Франции, теории государственного социализма. В эту же когорту входит и *Й. Шумпетер* (1883–1950). Он становится министром финансов австрийского социалистического правительства, продержавшегося всего 8 месяцев, а затем директором одного банка в Вене, разорившегося в 1927 г. Исследование этого выдающегося австрийского ученого можно считать образцом изучения истории финансово-правовой мысли[33].

Исследование о денежном обращении профессора *К. Крамаржа* (1860–1937), ставшего главой правительства Чехословакии в 1918–1919 гг., было широко известно среди его русских коллег. В частности, изучение этого труда вызвало у *П. Б. Струве* (о нем далее) интерес к проблемам финансового права. Проведенная ученым-финансистом, а также премьер-министром и министром финансов Польши *В. Грабским* (1874–1938) финансовая реформа в начале 20-х гг. XX в. имела некоторое сходство с аналогичными преобразованиями в Советской России в 1922–1924 гг. Его помощником в проведении данных преобразований был еще один видный ученый-финансист, многолетний советник Правительства и депутат польского Сейма *А. Кишжановский* (1873–1963).

---

[32] Лебедев В. А. Граф Егор Францович Канкрин. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896. С. 5.

[33] См.: Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3 т. М., 2001.

Не менее яркой фигурой был *А. Мейер* (1870–1953) – президент Швейцарии. До занятия этой должности он изучал право и экономику в Цюрихе, Берлине, Лейпциге, получил степень доктора, затем занимал должность начальника департамента финансов, был сторонником золотого стандарта и стабильного обменного курса, предпринимал попытки к проведению всеобъемлющей финансовой реформы.

В начале XX в. раскрылся талант британского финансиста, основателя течения «кейнсианства» *Дж. М. Кейнса* (1883–1946), профессора Кембриджского университета, который в Первую мировую войну был одним из важнейших распорядителей военных кредитов в британском казначействе. На Парижской мирной конференции он был представителем этого учреждения, замещая одновременно канцлера казначейства (министра финансов) в Верховном Экономическом Совете. Основываясь на личном опыте участия в мирных конференциях, он опубликовал работу «Экономические последствия мира», посвященную влиянию Версальского мирного договора на экономику Центральной Европы. Этот труд стал объектом развернутого критического анализа со стороны государственного служащего Наркомата финансов РСФСР *Н. Н. Любимова* (1894–1975)[34].

Участником переговоров по заключению Версальского мирного договора был еще один финансист с мировым именем, *Ф. Нитти* (1868–1953), министр финансов (1917–1919) и премьер-министр (1919–1920) Италии. Его труд «Основные начала финансовой науки» еще до революции был переведен на русский язык профессором Демидовского юридического лицея А. Р. Свирщевским[35] и издан под его редакцией и с дополнениями. Курс профессора Нитти охватывал все отделы финансовой науки, включая отделы о расходах, местных финансах, бюджете и кредитах.

Еще одним участником многих международных форумов, в том числе Генуэзской международной конференции 1922 г., был классик германской финансовой науки *Р. Гильфердинг* (1877–

[34] См.: Любимов Н. Н. Мировая война и ее влияние на государственное хозяйство Запада. Критическое изложение работы Кейнса «Экономические последствия мира». М., 1921.

[35] Нитти Ф. Основные начала финансовой науки. М., 1904.

1941), бывший затем министром финансов Германии в 1923 и 1928–1929 гг. Он неоднократно вел переговоры и с экономическими экспертами советской делегации, в том числе с вышеназванным Н. Н. Любимовым. Кстати, наиболее известный труд Р. Гильфердинга – «Финансовый капитал» – на русский язык перевел бывший первый нарком финансов РСФСР *И. И. Скворцов-Степанов*.

Отметим, что в досоветский период чиновники Министерства финансов *А. Н. Гурьев, Н. Н. Покровский, И. Р. Минцлов, Н. К. Бржеский, П. П. Бельковский, Г. Д. Дементьев, П. И. Миллер, П. А. Нордон, Е. Н. Фену* и некоторые другие стали авторами фундаментального исследования «Министерство финансов. 1802–1902» (в 2 ч., СПб., 1902). В данной книге по царствованиям, начиная с Александра I до начала царствования Николая II, дана характеристика финансовой системы России в целом по следующим рубрикам: жизнеописания министров финансов; центральные и местные учреждения Минфина, государственный долг; денежное обращение; прямые налоги; пошлины и сборы; косвенные налоги; торговля и промышленность; государственное имущество; бюджетное хозяйство. В отдельных случаях рассматривалось железнодорожное дело, казенная продажа питей и др. Несмотря на то, что это было официальное юбилейное издание со всеми вытекающими отсюда последствиями, оно достаточно информативно и до настоящего времени представляет научный интерес. Подчеркнем, что оно было подготовлено исключительно чиновниками Министерства финансов.

В структуре Министерства финансов с 1824 г. функционировал Ученый комитет Министерства. До 1917 г. Министерство финансов публиковало значительное количество материалов как в официальных изданиях, так и в научно-аналитических журналах. Таким журналом являлся еженедельный «Вестник Финансов, Торговли и Промышленности», на страницах которого помещались статьи, излагающие мотивы важнейших законодательных мер по Министерству финансов (обычно это выдержки из представлений министра финансов в Государственный совет). Кроме того, в издание включались статьи и обзоры по разным финансовым и экономическим вопросам России и Запада, еженедельно печатались балансы русского государственного, французского национального, германского имперского и английского банков,

статьи статистического характера. Подобные научно-аналитические журналы по финансам выпускались также и в европейских странах и редактировались упомянутыми учеными-практиками А. Шеффле, Э. Бем-Баверком и др.

Департаменты Министерства финансов также издавали объемные исследования по актуальным проблемам финансовых реформ, которые, как правило, им предшествовали или обобщали опыт применения финансовых законов. Например, Департамент окладных сборов публикует большую работу «Государственный квартирный налог. История и статистика налога. 1894–1900» (СПб., 1903), где сгруппированы основания и мотивы введения квартирного налога, т. е. история закона 14 мая 1894 г. и последующих его изменений, а также статистика его взимания. Департамент торговли и мануфактур издал «Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России» (СПб., 1893). Он также подготовил «Обзор иностранных законодательств о промысловом обложении» (СПб., 1893), который использовался при разработке реформы промыслового обложения 8 июня 1898 г. Кстати, подготовка обзоров иностранного законодательства по поручению Министерства финансов была обычной практикой[36]. Опубликованию подлежали и материалы Комиссий, которые создавались для составления проектов налоговых законов, по изысканию способов к упорядочению производства и продажи напитков, содержащих алкоголь и др. Так, например, в материалы последней из названных Комиссий, редактируемых И. Р. Минцловым, включены материалы о налоге на напитки в России и в Западной Европе. В записке И. Р. Минцлова предлагалось введение акциза с алкоголя, содержащегося в напитках всякого рода. Автор указывал на опасность для казны действующей системы, при которой обложению подлежали лишь некоторые виды спиртных напитков.

Ученый комитет Министерства финансов имел обширную библиотеку и издал «Систематический каталог библиотеки», включающий русскую и иностранную финансовую и экономиче-

[36] См., например: Андреев В. Н. Обзор иностранного законодательства по взиманию налога со спирта. Составлено по распоряжению Департамента неокладных сборов. СПб., 1883.

скую литературу (издание каталога осуществлено в Санкт-Петербурге в 1901 и 1904 гг.).

Однако «коридоры» Министерства финансов и чиновничья служба по данному ведомству рождали и иные творческие и научные устремления. Известный общественный деятель и писатель, автор оды «Вольность» и сочинения «Путешествия из Петербурга в Москву» *А. Н. Радищев* (1749–1802) довольно долго находился на государственной службе, был одним из руководителей петербургской таможни. Финансовую проблематику он затронул в целом ряде своих работ, в том числе «Записке о податях Петербургской губернии», «Письме о Китайском торге» и др. В них он раскрыл сущность налогов, их природу, описал современную ему налоговую систему, выделяя в ней прямые и косвенные налоги.

Стоит напомнить, что *Н. С. Турчанинов* (1796–1863), многие годы прослуживший в Министерстве финансов в Петербурге, выйдя в отставку, посвятил себя изучению ботаники, подготовил классический труд о забайкальской флоре и открыл и описал сотни новых растений в России и по всему миру. Именно в этой сфере он снискал всемирную известность и получил Демидовскую премию[37]. Выдающийся русский писатель *М. Е. Салтыков-Щедрин* (1826–1889) также некоторое время напрямую был связан с проблемами финансов, управляя в ряде губерний казенными палатами. Возможно, сюжеты для некоторых произведений и образы русских чиновников он почерпнул из своей практической деятельности по сбору питейных акцизов.

Чиновники Министерства финансов, государственные деятели участвовали в работе Вольного экономического общества, в профессиональных клубах «Собрание экономистов», «Общество финансовых реформ» и др. Вольное экономическое общество (ВЭО) было создано в 1765 г. по инициативе Екатерины II. Примечательно, что многие персонажи этой книги были его членами (В. П. Безобразов, И. В. Вернадский, В. П. Кочубей, Е. И. Ламанский, Д. И. Менделеев, С. Н. Прокопович и др.). Более того, данное общество возглавляли такие видные ученые-финансисты, как Н. С. Мордвинов (1823–1840), о чем будет сказано отдельно, а

[37] См.: Шипчинский Н. В. Знаменитый русский ботаник-самоучка Н. С. Турчанинов // Ботанический журнал. 1953. Т. 38. Вып. 4.

также А. С. Посников (1909–1911) и Н. Н. Кутлер (1912–1913), с которыми мы еще встретимся в дальнейшем. Не чужд был финансовым исследованиям и последний президент ВЭО М. М. Ковалевский (1914–1916). В качестве тенденции отметим, что по мере развития общества вопросам экономики и финансов уделялось все большее внимание. В 1859 г. в структуре общества выделилось Отделение вспомогательных наук, при котором существовал политэкономический комитет. В 1872 г. данное отделение преобразовано в Отделение политэкономии и сельскохозяйственной статистики. Вольное экономическое общество в 1845–1852 гг. курировало правительственную программу хозяйственного статистического исследования России, материалы которого были опубликованы в 1853 г. и активно использовались при анализе состояния отечественных финансов. По линии общества издавались не только «Труды Вольного экономического общества», но и журналы «Экономические известия» (1788–1811), «Круг хозяйственных сведений» (1805 г.), «Экономические записки» (1854–1862). Публичные лекции, организованные по линии ВЭО, читали такие известные ученые, как И. Я. Горлов, И. В. Вернадский и др. Проекты реформ, рождающиеся в недрах общества, не всегда устраивали государственную власть. В 1900–1904 гг. и с 1915 по февраль 1917 г. его работа была приостановлена правительством, а в 1919 г. оно прекратило существование после прекращения государственного финансирования.

В 1891 г. был создан клуб «Собрание экономистов» для обсуждения проблем экономической жизни. Информация о его деятельности имеется до 1913 г. Активными членами данного клуба были упомянутые чиновники Министерства финансов А. Н. Гурьев, В. Е. Варзар и др. Почетными членами клуба являлись *А. Вагнер (1835–1917)* и французский ученый *А. Леруа-Болье (1843–1916)*.

Между прочим, А. Вагнер был автором специального исследования «Русские бумажные деньги», в котором он предложил свой проект по восстановлению металлического денежного обращения в России. Этот труд был переведен на русский язык и сопровождался комментариями профессора, будущего министра

финансов Н. Х. Бунге[38]. Русская финансовая литература с 70-х годов XIX в. находилась под беспрекословным идейным руководством А. Вагнера. От Н. Х. Бунге до М. И. Фридмана все русские финансисты были в той или другой степени учениками А. Вагнера[39]. В советский период его клеймили как буржуазного финансиста, «проповедь которого велась с университетских кафедр одновременно с апологией прусского монархизма»[40].

А. Леруа-Болье с 1872 по 1881 г. совершил четыре путешествия в Россию, результаты которых изложил в книге «L'Empire des Tsars et les Russes» (Париж, 1881–1989). Это всестороннее исследование о современном государственном и общественном строе России, наиболее обстоятельное в западноевропейской литературе. Автор относится к России с уважением, и даже неблагоприятные отзывы его отличаются сдержанностью. Дополнением к этому труду служит сочинение «Un homme d'état russe. Etude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II» (Париж, 1884), посвященное товарищу министра внутренних дел, идеологу и одному из руководителей отмены крепостного права в России *Н. А. Милютину* (1818–1872), автор пользовался неизданной корреспонденцией Н. А. Милютина и ряда других лиц. В России был переведен его труд «Власть денег», посвященный влиянию денег на политику государства, социальный прогресс[41]. Хотя он был написан в конце XIX в., но выводы автора актуальны и сегодня. Приведем лишь пару цитат в доказательство данного утверждения. А. Поль-Леруа писал: «Вторжение денег в политику составляет один из самых тревожных симптомов господствующего ныне социального недуга… Политические партии превратились в батальоны наемников, выставляемых в поле группами финансистов и сражающихся избирательными бюллетенями для доставления кому следует выгодных мест и законодательного влияния… Из двух мошенников, вступающих в союз для злоупотребления доверчивостью народа, особенного презрения заслуживает министр или депутат, – эти слуги республики, призванные разоб-

[38] Вагнер А. Русские бумажные деньги. Киев, 1871.
[39] Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 162.
[40] Финансы капиталистических государств. М., 1934. С. 22.
[41] Леруа-Болье А. Власть денег; пер. Р. И. Семеновского. СПб., 1990.

лачать все злоупотребления, но торгующие своим влиянием и своими голосами… А что такое республика в глазах многих народных избранников? Они смотрят на политику как на искусство доить народную корову, не раздражая ее»[42].

В 1911–1912 гг. выходили издания Общества финансовых реформ, на заседаниях которого обсуждались проблемы введения в России подоходного налога, улучшение финансов местных органов самоуправления и др. Председателем этого общества был М. М. Алексеенко, о котором будет сказано в дальнейшем. Делали доклады на заседаниях общества и участвовали в их обсуждении также персонажи нашей книги – государственные деятели, как член Государственной думы, бывший товарищ министра финансов Н. Н. Кутлер, министр финансов А. И. Шингарев, товарищ министра финансов М. И. Фридман и др.

После Октябрьской революции 1917 г., в период «военного коммунизма», наука финансового права оказалась в числе невостребованных государственной службой наук. Лишь в период НЭПа интерес к финансовым знаниям возродился, но ненадолго. В этот период исследования в сфере финансов продолжила «старая гвардия», получившая образование в дореволюционной России или за рубежом (*Л. Н. Юровский, М. И. Боголепов* и др.). С 30-х гг. прошлого века наука финансового права утратила свое значение, была замещена марксистско-ленинской политэкономией в ее догматическом варианте. «Железный занавес» закрыл доступ к новым экономическим учениям, которые проходили проверку на практике в западных странах. Речь идет об учении *Дж. М. Кейнса*, который был официальным экономистом Великобритании, директором Английского банка; *И. Фишера* (1867–1947), политического советника президента Ф. Рузвельта; *Д. Гэлбрайта*, экономического советника президента Дж. Ф. Кеннеди, *М. Фридмена* (1912–2008), советника президента Р. Никсона; *Ж. Рюэфа* (1896–1978), инспектора финансов и советника президента Франции Р. Пуанкаре, и др. Генеральный секретарь ООН в 1953–1961 гг. *Д. Хаммаршельд* (1905–1961) являлся одним из ведущих шведский ученых-финансистов, доктором наук, членом Шведской академии наук, в прошлом статс-секретарем

[42] Леруа-Болье А. Власть денег. С. 39–43

Министерства финансов и председателем правления Национального Банка.

Возвращаясь к России, отметим, что постсоветский период в этом отношении оценивать еще рано, хотя очевидна активизация государственных деятелей на ниве научных исследований в сфере экономики и финансов. Напомним, что ученую степень доктора экономических наук имели такие министры финансов Российской Федерации, как *Е. Т. Гайдар*[43] (1956–2010), *Б. Г. Федоров*[44] (1958–2007), *В. Г. Пансков*[45], *А. Я. Лившиц*[46], председатель Центрального банка России *С. К. Дубинин,* министр внутренних дел в 1995–1998 гг. *А. С. Куликов*. Доктором юридических наук является бывший председатель Правительства РФ и министр внутренних дел РФ, а ныне председатель Счетной палаты Государственной думы РФ *С. В. Степашин*[47]. Нахождение на высших государственных должностях в сфере финансов с научным исследованием проблем финансового права совмещали *А. П. Починок, Д. Г. Черник, С. Д. Шаталов*[48] и др.

---

[43] См.: Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. М., 1995; Его же. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005; Его же. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2007 и др.

[44] Федоров Б. Г. Валютная система СССР: взгляд в будущее. М., 1990; Его же. Англо-русский банковский энциклопедический словарь. СПб., 1995; Его же. Новый англо-русский банковский и экономический словарь. СПб., 2000 и др.

[45] Пансков В. Г. Финансовые основы местного самоуправления в Российской Федерации. М., 1998; Его же. Российская система налогообложения: проблемы развития. М., 2003; Его же. Налоги и налогообложение в Российской Федерации. М., 2006; Его же. Налоги и налоговая система Российской Федерации. М., 2008 и др.

[46] Введение в рыночную экономику / под ред. А. Я. Лившица и И. Н. Никулиной. М., 1994 и др.

[47] Степашин С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые аспекты). М., 1994; Экономическая безопасность Российской Федерации. В 2 т. / под общ. ред. С. В. Степашина. М.; СПб., 2001; Степашин С. В. и др. Государственный финансовый контроль. СПб., 2004; Его же. Конституционный аудит. М., 2006; Его же. Государственный аудит и экономика будущего. М., 2008 и др.

[48] См.: Шаталов С. Д. Развитие налоговой системы России: проблемы, пути решения и перспективы. М., 2000; Черник Д. Г., Починок А. П., Мо-

Российских государственных деятелей в интересующем нас аспекте условно можно разделить на несколько генераций.

1. Предшественники, которые только закладывали основы осмысления проблем финансового права. Их жизнь и деятельность пришлась преимущественно на конец XVII–XVIII в., а их работы были либо неизвестны современникам, либо доступны ограниченному кругу лиц.

2. Чиновники, ставшие учеными. Они стали основателями и первыми теоретиками, заложили основы научного понимания финансово-правовой проблематики. В большинстве своем они не имели специального образования либо получили его за рубежом. К научным исследованиям их подвигла не только внутренняя мотивация, но прежде всего исполнение должностных обязанностей. Отсюда и название этой категории, т. к. чиновничье начало в их научной деятельности было первичным. Их жизнь и деятельность пришлась преимущественно на первую половину XIX в.

3. Ученые, ставшие чиновниками. К этой категории относятся государственные деятели, которые уже, как правило, получили юридическое образование в России. Реже встречаются случаи, когда это образование было другого профиля или получено за рубежом. Многие из них уже в первые годы государственной службы стали авторами важных научных исследований, которые могли быть как следствием служебных заданий, так и реализацией другой мотивации. На наш взгляд, в их деятельности уже преобладали научные начала, хотя многие из них более известны как государственные деятели.

4. На рубеже XIX–XX вв. наметился своеобразный *синтез научного и служебного мотивов в исследованиях российских государственных деятелей*. Некоторые из них начинали как преподаватели университетов, некоторые переходили на преподавательскую работу с государственной службы, иные совмещали преподавание и службу. В связи с этим можно говорить, что наметился путь к синтезу названных начал.

5. Специально выделены государственные деятели и ученые, пик карьеры которых пришелся на 1917 г. и *связан с работой во*

розов В. П. Основы налоговой системы. М., 1998; Черник Д. Г. Налоги в рыночной экономике. М., 1997 и др.

Временном правительстве. Это был не только особый период в политической истории России, но и своеобразный всплеск финансово-правовой мысли, когда управленческая элита в значительной степени объединилась с элитой научной.

6. Советский период оказался менее богатым государственными деятелями, занимавшимися проблемами финансового права. Этому были как объективные, так и субъективные причины. Однако и он представлен рядом ярких личностей, деятельность которых пришлась преимущественно на 20-е – начало 30-х гг. XX в.

Предложенная классификация основана в целом на хронологическом принципе в сочетании с типологией государственных деятелей, заявивших о себе и на научном поприще. Между тем данная классификация, как говорится, прежде всего является вопросом удобства, и не стоит придавать ей большего значения, чем она заслуживает.

Глава 1
Предшественники
(вторая половина XVII – конец XVIII в.)
(Ю. Крижанич, Г. К. Котошихин, И. Т. Посошков, В. Н. Татищев, Д. А. Голицын, А. Б. Куракин и др.)

Все начиналось с *предшественников*, деятельность которых приходилась на переломный для нашего государства период. Вторая половина XVII в. и XVIII в. были временем подлинного возвышения России. Сначала она долго и мучительно выходила из кризиса Смутного времени рубежа XVI–XVII вв., после чего начался период восстановления территориальных контуров и внутреннего единства страны. Со времени царствования Алексея Михайловича (период правления 1645–1676 гг.) наметилось укрепление режима абсолютизма, который в правление Петра I (1689–1725) принял свои крайние, порой уродливые формы. «Подняв Россию на дыбы», он устремил ее в погоню за Европой, упрочив, однако, крепостные устои во внутренней жизни страны. Эпоха «дворцовых переворотов» (1725–1762) сменилась «золотым веком» Екатерины II (1762–1796). В итоге по своему военному и экономическому потенциалу Россия стала одним из лидеров европейской и мировой политики, но попытки преобразовать ее внутреннюю жизнь на демократических и правовых началах неизменно сталкивались с непреодолимыми препятствиями. Одним из таких препятствий была несбалансированность финансов государства, жесткий налоговый гнет для большинства населения и архаичная система налогообложения. В ту эпоху и следует искать ручеек, давший начало реке отечественной финансовой мысли.

Отнесение к числу «предшественников» деятелей более отдаленных эпох, типа известного публициста И. Пересветова (середина XVI в.), представляется нам достаточно проблема-

тичным, хотя его важная роль в истории отечественной общественно-политической мысли очевидна[49].

Традиционно в отечественной литературе их перечень начинается с **Юрия Крижанича** (1618–1683). Это был хорватский дворянин, окончивший Загребскую католическую семинарию, а затем изучавший богословие и право в университетах Вены и Болоньи. Он стал доктором богословия (1642 г.), был ревностным католиком и одновременно сторонником всеславянского единства, центром которого он считал Россию. Ю. Крижанича можно признать европейски образованным ученым, получившим разностороннее религиозное и светское образование и в совершенстве владеющим немецким, итальянским и латинским языками.

В 1659 г. по своей инициативе Ю. Крижанич приезжает в Россию и поступает на службу в Приказ Большого дворца. В 1661 г. по неизвестной причине (вероятно, сказал что-то лишнее) его ссылают в Тобольск, однако ссылка была необременительной и позволяла ему работать над историческими, экономическими и философскими трудами. В Тобольске он завершил работу по славянской грамматике, начатую еще в Москве. Именно в ссылке подготовил и свое обширное политико-экономическое исследование, о котором речь пойдет ниже. В 1676 г., после смерти царя Алексея Михайловича, Ю. Крижанич возвращается из ссылки в Москву и назначается в Посольский приказ. В 1678 г. он навсегда покинул Россию. Ученый и миссионер погиб в битве с турками под Веной в 1683 г., будучи священником в армии польского короля Яна Собесского[50].

Ю. Крижанич выдвинул программу преобразования, направленную на укрепление «совершенного самодержавия» ради «бла-

---

[49] См. об этом: Зимин А. А. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958; Сабанти М. С. Финансы и финансовая мысль в России IX–XVI вв. // Финансы СССР. 1984. № 9 и др.

[50] См.: Вальденберг В. Е. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912; Дацюк Б. Д. Юрий Крижанич – поборник свободы и единства славянских народов. М., 1945; Маркевич А. И. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876; Пушкарев Л. Н. Ю. Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984 и др.

годенствия поданных и всеобщей справедливости»[51]. Он начинал с размышлений о богатстве и средствах к его увеличению, как и столетие спустя А. Смит. Ю. Крижанич был сторонником активной экономической политики государства, а главной задачей последнего видел заботу о благосостоянии населения, о просвещении и образовании. Раньше физиократов он пришел к мысли о том, что корень благосостояния в сельском хозяйстве. При этом уровень благосостояния он связывал не с природными ресурсами государства и количеством ценностей в нем, а с производственной деятельностью, которую надо всячески поощрять. Являясь сторонником развития промышленности и ее рационального территориального размещения, исследователь выступил за монополию внешней торговли. Совершенно в духе физиократов Ю. Крижанич предлагал вывозить преимущественно не сырье, а готовые изделия, что дает большие поступления в казну. Это сопровождалось призывом к разумному уменьшению импорта готовой продукции. Очевидна его приверженность к стабильному денежному обращению. В частности, он противился выпуску низкопробной монеты, уменьшению содержанию в ней драгоценных металлов. Твердую валюту, наряду с хорошим дорогами и развитием ярмарок, он считал основой успешного развития внутренней торговли.

Примечательно, что Ю. Крижанич одним из первых предложил учитывать передовой опыт стран Запада для реформирования финансовой системы России, хотя при этом предупреждал о пагубности слепого заимствования, бездумного копирования зарубежного опыта. Ученый считал, что такие важные вопросы, как введение новых налогов или увеличение ставки по старым, правительство должно решать совместно с подданными в виде заключения некоего договора, «принятого всем народом». Являясь сторонником абсолютного самодержавия, он не исключал предоставления местных экономических свобод для развития под-

[51] Опубликована в 1859–1860 гг. под названием «Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича». Эта работа также известна под названиями «Политические думы» или «Разговоры о владетельстве». Под названием «Политика» этот труд был переиздан в нашей стране в 1965 и 1997 гг.

властных монарху территорий. Это могло принимать форму территориальной налоговой и бюджетной дифференциации. мическое процветание и финансовое благополучие России он связывал с «благими законами» и вершением праведного суда. Соответственно, закон должен был не только определять перечень налогов и порядок их взимания, но и быть обсужден с народом. Естественно, речь не идет о согласовании с народными представителями. Скорее можно говорить о необходимости учета пожеланий и экономических возможностей налогоплательщиков. По мнению русского историка В. О. Ключевского[52], с трудами ученого был знаком крайне ограниченный круг лиц. Правда, в число этих лиц входили, вероятно, цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич, некоторые государственные деятели – приверженцы реформаторского курса в правительстве второй половины XVII в. Труд Ю. Крижанича даже пытались напечатать, но свет он в тот период так и не увидел. Это не помешало некоторым исследователям признать в нем предшественника И. Т. Посошкова[53], о котором будет сказано ниже.

Первым уроженцем России, изложившим свои взгляды на проблемы финансов, стал **Григорий Карпович Котошихин** (1630–1667). Однако обстоятельства изложения этих взглядов, как и весь жизненный путь автора, весьма своеобразны. Примерно в 1645 г. он поступил писцом в Посольский приказ, став в 1658 г. там же подьячим. Г. К. Котошихин участвовал в дипломатических миссиях за рубежом, в том числе в переговорах со Швецией (1661 г.), в 1663 г. он вступил в тайные отношения со шведскими дипломатами и за плату предоставлял информацию, в том числе секретную, касающуюся русско-шведских отношений. В 1664 г. он тайно бежал в Литву, ссылаясь на несправедливости к нему (наказание батогами за описку в царском титуле, конфискация имущества его и отца), но скорее всего опасаясь разоблачения предательства. Далее он поступил на службу и состоял при великом канцлере литовском Х. Паце. После улучшения русско-

[52] См.: Ключевский В. О. Русская история: в 3 кн. Кн. 2. М., 1993. С. 345–354.

[53] См.: Бадалич И. М. Ю. Крижанич – предшественник И. Т. Посошкова // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. 19.

польских отношений в 1665 г., во избежание возможной выдачи России, он просит покровительства у шведов, которые не выдали «государева изменника». В 1666 г. бывший подьячий поступает на службу в ведомство государственного архива Швеции. Проживал он в доме служащего государственного архива, переводчика с русского языка Д. Анастасиуса. При этом Г. К. Котошихин проявил явно излишнее внимание к жене хозяина и не уплатил своевременно долг. В итоге в пьяной драке он зарезал Д. Анастасиуса и шведским судом был приговорен к смертной казни. Примечательно, что его обезглавленное тело анатомировали и поместили в музей Упсальского университета.

Г. К. Котошихин обладал обширными знаниями о внутренней и внешней политике Российского государства. Однако за перо он взялся не в научных целях и не в силу внутренних побуждений, а по поручению шведского канцлера М. де ля Гарди. Интересующее нас сочинение является справочным пособием для шведских дипломатов и торговцев. Написано он было, вероятно, в 1666 г. Среди разнообразных сведений о России в этой книге есть информация о приказах и иных учреждениях, об административных делах, торговых людях и торговле. Также подробно повествуется о событиях Медного бунта 1662 г., приводится много сведений по политической и экономической жизни России, причем в достаточно критическом аспекте. Судьба данного сочинения необычна. Будучи переведенным на шведский язык, оно было недоступно русским читателям. Только в 30-е гг. XIX в. о нем узнал историк и писатель А. И. Тургенев. Опубликовано оно было в России в 1840 г. под названием «О России в царствование царя Алексея Михайловича». До 1917 г. оно переиздавалось четыре раза, публиковалось и в советский период[54]. Эти записки о России трудно назвать трактатом по финансовому праву, хотя их содержание отличается информационной насыщенностью и заостренной полемичностью. Так, автор выступил против «порчи» металлических денег посредством уменьшения содержания в них драгоценных металлов, что привело, по его мнению, к Медному бунту 1662 г. Он указывал на отрицательные последствия излиш-

[54] См.: Котошихин Г. К. О России в царствование царя Алексея Михайловича // Бунташный век. М., 1983 (по изданию 1913 г.) С. 407–544.

не тяжкого налогового бремени, которое не увеличивает доходы казны, а, наоборот, подрывает развитие хозяйства. В зачаточном виде выражена идея о плодотворности стимулирования ремесла и земледелия, как потенциальных источников благосостояния государства. Вполне современно звучит критика государственного аппарата и его деятельности, в частности по руководству финансовой системой.

По мнению современного публициста В. Р. Мединского, и Крижанич, и Котошихин, создали очень устойчивые PR-концепции противоположного характера[55]. Мысль интересная, однако такое понимание личностей европейца-славянофила и русского западника представляется слишком упрощенной и имеющей слабую связь с исторической действительностью.

Иван Тихонович Посошков (1652–1726) является автором труда «Книга о скудости и богатстве» (1724 г.). Известный экономист и финансист А. Н. Миклашевский (о нем далее) назвал его «первым русским экономистом», затронувшим и проблемы финансов, а «Книгу о скудости и богатстве» – целой программой переустройства государства, где «главным источником благосостояния является земля», но и без промышленности развитие России невозможно. С такой оценкой были согласны исследователи и последующих периодов[56].

И. Т. Посошков был выходцем из семьи ремесленника-ювелира. Сам он занимался различными ремеслами, затем стал купцом, предпринимателем, владельцем земли. Он был человеком, наделенным весьма разносторонними талантами: изобретатель (усовершенствовал огнестрельное оружие), предприниматель, конструктор и наладчик печатных станков, специалист по винокурению («водошных дел мастер»), иконописец, знаток богословия, замечательный публицист. Он, вероятно, не получил систематического образования, но хорошо знал духовную литературу и прошел хорошую школу практической деятельности. Есть ос-

[55] См.: Мединский В. Р. Особенности национального пиара. PRавдивая история Руси от Рюрика до Петра. М., 2010. С. 580–589.

[56] См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. 24. С. 691; Аникин А. В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990. С. 21 и далее.

нования считать, что И. Т. Посошков хорошо знал Соборное уложение 1649 г., а его настольной книгой был «Домострой», написанный одним из сподвижников молодого Ивана Грозного, священником Сильвестром (середина XVI в.).

«Книга о скудости и богатстве» представляла собой личное обращение к Петру I с целью объяснить, откуда берутся скудость и богатство, и предложить методы увеличения богатства. Это была своеобразная программа «исправления всех неисправ» России. И. Т. Посошкова отличала определенная свобода мысли, критическое отношение к окружавшей действительности. Так, еще в 1696 г. он входил в кружок лиц, группировавшихся вокруг строителя подмосковного Андреевского монастыря старца Авраамия, в келье которого они и собирались. Собеседники делились новостями и суждениями об увиденном и услышанном, тем более что самые свежие сведения они получали от участников кружка, приказных подьячих Бубнова и Кренева. Члены кружка, в том числе И. Т. Посошков с братом, порицали непорядки в правительственном механизме, непомерное разбухание штатов в приказах, взяточничество судей, неподъемное налоговое бремя на купечество, непорядок в «денежном деле». Старец Авраамий хотел донести до царя Петра причины такого недовольства, однако вместо аудиенции угодил вместе с другими членами кружка в застенок Преображенского приказа. Для большинства из них этот «идейный бунт» закончился ссылкой, а братья Посошковы смогли в тот раз оправдаться[57]. Возможно, Ивана Тихоновича спасло то, что он уже в то время был известен как денежный мастер, наладчик печатных станков и работал по заданию Монетного двора. Однако такая удача на долю правдивого и стремящегося к публичности деятеля выпадала не всегда.

Отметим, что первое его произведение – «Письмо о денежном деле» (1699–1700 гг., не сохранилось) – было подано в правительство и содержало предложение чеканить новую монету «мелкой дробью». Это предложение в связи с началом изготовления медных монет шло в русле финансовой реформы Петра Первого, когда были упразднены такие счетные единицы, как «деньга» (полкопейки) и «алтын» (три копейки), а на смену им пришла

[57] См.: Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 63–64.

десятичная система со стокопеечным рублем. Известно, что наш герой в 1699–1700 гг. занимался на Монетном дворе наладкой немецких печатных станков по изготовлению монет и продолжал там служить, по меньшей мере, до 1704 г. Затем он трудился на казенном питейном дворе в Москве (до 1708 г.). После написания «прожектов» по денежному делу он увлекся проблемами религии, написал сочинение против раскольников и лютеран «Зеркало, сиречь изъявление очевидное и известное на суемудрия раскольнича» (1709 г.), вступил в переписку с митрополитом, а затем местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским, митрополитом Дмитрием Ростовским. Затем И. Т. Посошков занимался предпринимательством в Новгороде и Петербурге, производил гербовую бумагу, построил аптеку, брал государственные подряды на поставку вина и на откуп таможенный сбор в одной из волостей Новгородского уезда. Это позволило первому русскому экономисту на практике изучить проблемы отечественных финансов. Он много путешествовал, бывал за рубежом (по меньшей мере, посетил Стокгольм).

Свой жизненный путь Иван Тихонович завершил в тюрьме Тайных розыскных дел канцелярии в феврале 1726 г. Большинство исследователей склоняются к тому, что причиной его ареста в 1725 г. была именно поданная им Петру Первому «Книга о скудости и богатстве». Император ее, по всей видимости, прочитать не успел, а кем-то из его приближенных она была признана слишком крамольной. Есть и другая, вполне в духе нашего времени, версия о «споре хозяйствующих субъектов». И. Т. Посошков был человеком не бедным (имел дома в Петербурге и Новгороде, в Кашинском уезде, в селе Марьино, винокуренный завод Новгороде и др.) и несколько раз в процессе своей коммерческой деятельности сталкивался с князем А. Д. Меншиковым и его людьми. Возможно, последние посредством ареста конкурента пытались совершить банальный рейдерский захват. Во всяком случае, вдова ученого и его малолетний сын не получили ничего, а все недвижимое имущество по решению суда еще за несколько недель до смерти ученого досталось второму мужу его старшей дочери, человеку «мутному» и, судя по всему, непорядочному.

Основной труд И. Т. Посошкова был опубликован только в 1842 г., во многом стараниями известного русского историка

М. П. Погодина (1800–1873). Н. С. Мордвинов, о котором будет сказано далее, так выразился в письме к историку: «Я вменяю себе в обязанность чувствительнейшее благодарить вас за доставление мне случая узнать великие и отличительные способности Русского крестьянина»[58]. Эта публикация имела большой научный резонанс, пик которого пришелся, однако, на вторую половину XIX – начало XX в. Подчеркнем, что первый русский экономист не был государственным деятелем в современном смысле слова (хотя некоторое время и был на государственной службе на казенных Монетном и Питейном дворах), но являлся «доносителем» и «прожектером», т. е. автором проектов политико-экономических преобразований, а также подрядчиком и откупщиком, активно взаимодействующим с казенными учреждениями. В этом аспекте его с известной долей условности можно отнести к государственным деятелям и без всякой условности – к общественным деятелям.

К заявленной теме теоретические построения И. Т. Посошкова имеют прямое отношение и позволяют рассмотреть отправную точку генезиса русской финансово-правовой мысли. Отметим, что некоторые обороты и стиль работы до сих пор вызывают дискуссии и различные толкования. Так, он в разных финансовых контекстах (в некоторых случаях как синонимы) и с разными прилагательными использует такие слова, как «богатство», «прибыток», «пожиток», «достаток» и даже «харч», значение которых не уточняется. Вряд ли может вызвать симпатии его нетерпимость к людям иных религиозных взглядов, вплоть до призыва сжигать раскольников. Отметим, что сам Иван Тихонович некоторое время был близок к раскольникам и с трудом преодолел этот соблазн. Явно излишними выглядят и его предубеждение против всего заграничного, замкнутый национализм, граничащий с ксенофобией. В части приверженности к мелочной государственной регламентации И. Т. Посошков превзошел самого Петра I, вплоть до предложения государственного «установления» цен на основные виды товаров в целях избежания вредной конкуренции.

[58] Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 6. М., 1892. С. 321.

Впрочем, это была некоторая неизбежная передержка крайнего меркантилизма в русской вариации.

Историк А. Г. Брикнер не без основания отмечал, что «в мыслях Посошкова было много невежества, простодушия и наивности», что в представленных им правительству проектах «было много детского». Этот историк считал, что по своим финансовым воззрениям Посошков стоял далеко ниже Петра I и ниже своего ученого современника в России Ю. Крижанича и что его труды не имеют никакого значения в истории науки не только всемирной, но и отечественной[59]. Однако это не отменяет оригинальности и известной многосторонности этого исследования И. Т. Посошкова, проникнутого патриотизмом и заботой о благе народа. С этим в целом согласны даже достаточно жесткие критики его научного наследия. Уже упомянутый А. Г. Брикнер отмечал: «…Нет сомнения, что Посошков был замечательным умственным явлением в России конца XVII и начала XVIII столетий как чистый умственный самородок, образовавший сам себя при своих прирожденных дарованиях, под косвенным воздействием западноевропейского просвещения, заносившегося к нам приезжими иностранцами»[60].

Написанное им за 50 лет до Адама Смита сочинение «О скудости и богатстве» провозглашает многие здравые экономические понятия без всяких авторских притязаний, а в виде бесхитростных, проникнутых любовью к богу, царю и отечеству заметок. В них мы находим толкование всех важных вопросов того времени. Этот труд состоит из 9 глав. Девятая глава, под названием «О царском интересе», всецело посвящена финансам; в ней автор выступает против разнообразных пошлин и советует ввести единый десятинный поземельный налог, т. е. становится на точку зрения известного французского ученого Ф. Кенэ, родоначальника школы физиократов. По мнению Посошкова, при множестве сборов управление и взимание обходится очень дорого; и «ныне, – писал автор, – многие вымышленники вымыслили хомутные, банные, с подводчиков десятые, отчего людям турба-

[59] См.: Брикнер А. Г. Иван Посошков. Ч.1. Посошков как экономист. СПб., 1876. С. 8–9.

[60] Там же. С. 8.

ция великая». Он также высказался против подушной подати и соляной монополии и советовал свободную торговлю солью с небольшим акцизом. Советовал сообразовывать каждый новый налог с видами народного благосостояния и интересом частных лиц, ибо «худой тот сбор, который казну царю собирает, а людей разоряет». Посошков не одобрял питейной монополии, высказывался против выпуска низкопробной монеты[61].

Его идеи созвучны идеям меркантилистов: опора на купечество (без которого, по его словам, «никаковое не токмо великое, но ни малое царство стояти не может») и свобода торговли. При этом он ратовал за развитие перерабатывающей промышленности и активное вмешательство государства во все экономические процессы. Как и Ю. Крижанич, он подчеркивал значение сельского хозяйства, и в этой части его идеи созвучны физиократам. И. Т. Посошков, независимо от французских физиократов, формулирует их излюбленную аксиому: бедные крестьяне – бедное государство, богатые крестьяне – богатое государство. Иван Тихонович не был категорическим противником крепостного права, но предлагал внести в отношения между помещиками и крестьянами гуманность и экономическую рациональность. Он предлагал ограничить законом размер крестьянских повинностей помещику (барщину, оброк), отделить крестьянские земли от помещичьих и отдать их крестьянам в вечное владение. От этих мер он ожидал резкого роста производительности труда в земледелии. Чтобы рационально использовать крестьянский труд, И. Т. Посошков предлагал расширить оброчную систему. Крестьянам, отпущенным на оброк, надо платить в ремесле или промышленности сдельно, чтобы они были заинтересованы в результатах своего труда. Аргументы ученого в пользу наемного труда и сдельной оплаты по сравнению с крепостным трудом и барщиной убедительны и прогрессивны для своего времени.

Его взгляды, еще раз подчеркнем это, во многом созвучны меркантилизму. Он всячески призывал государя защищать отечественный рынок от иностранной конкуренции. Закупать за границей предлагалось только те товары, которые не производятся в России, но необходимые для отечественного «домостроительст-

[61] См.: Львов Д. Курс Финансового права. Казань, 1887. С. 45.

ва». Напротив, на вывозимое из России сырье и продукты сельского хозяйства рекомендовалось установить высокие вывозные таможенные пошлины, причем эту «отпускную пошлину» предлагалось включать в цену товара и взимать непосредственно с российских купцов. По мнению И. Т. Посошкова, это не только пополнит казну, но и будет стимулировать отечественных предпринимателей к вывозу не сырья и полуфабрикатов, а готовой продукции, тариф на которую был существенно меньше или вовсе отсутствовал. Подчеркнем, что Таможенный тариф 1724 г. шел вразрез с предложениями ученого и предусматривал низкие вывозные пошлины на сырье и полуфабрикаты.

При этом меркантилизм русского самородка отличался от западноевропейского, представители которого главным источником богатства страны считали внешнюю торговлю. И. Т. Посошкова интересовали внутренние источники богатства. В своеобразной форме он выразил идею о том, что содержание любого лица не должно быть менее установленного уровня: «богатство-достаток» каждого «чина» не должно было становиться «напрасной скудностью»[62]. Некоторые советские исследователи склонялись к тому, что И. Т. Посошков уже считал труд главным источником богатства[63]. Но это совсем не очевидно, хотя целью труда он и называл «прибыток».

В его сочинении можно разглядеть проект новой финансовой системы (мнение о «собрании казны»), которая строилась на поземельном налоге, основанном на оценке земли,[64] и из обложения всего товарооборота родом всеобщего акциза. В связи с этим разрозненное и разорительное взимание целого ряда внутренних торговых пошлин он предлагал заменить взиманием ее один раз в

---

[62] См.: Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 8, 42, 89,114 и др.

[63] См.: История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1 / под ред. А. И. Пашкова. М., 1955. С. 329.

[64] А. Г. Брикнер впервые высказал мнение о том, что у И. Т. Посошкова зародилась идея земельного кадастра и подоходного налога с собственников обрабатываемых земель (см.: Брикнер А. Г. Иван Посошков. Ч. 1. Посошков как экономист. СПб., 1876. С. 258, 277 и др.). По мнению А. И. Буковецкого, И. Т. Посошков был очень близок к идее земельного кадастра (см.: Буковецкий А. И. Указ. соч. С. 218).

размере 10% от стоимости товара. Это не только могло бы обеспечить двух- и даже трехкратное увеличение собираемости, но и оптимизировать, как бы мы сейчас сказали, налоговое администрирование. И. Т. Посошков резонно подчеркивал, что многочисленность налогов порождает и большое число канцелярий и чиновников, которые «кормятся теми государственными сборными деньгами» и, кроме того, эти же деньги и крадут. Предложенная налоговая консолидация способствовала бы и уменьшению затрат на государственный аппарат, и сокращению масштабов воровства.

Государственные доходы он именовал «царским интересом» и ставил в центр своего исследования. Ученый предлагал взимать налоги со всех сословий, кроме духовенства, с учетом имущественного положения налогоплательщика. Владельцы обрабатываемой земли («по засеву») должны были платить подоходный налог. Он показал себя противником подушной подати и непомерного налогового бремени, ибо «крутое собрание не собрание, но разорение». В его книге подчеркивалось, что если «людей от разорения соблюдати, то оное собрание и споро и прочно будет». Советовал Иван Тихонович и предоставлять льготы «в царских поборах» в том случае, если человек «себе и детям своим построит палаты»[65]. Ученый явно указывал на непродуктивность системы внутренних торговых пошлин, которые затрудняли перемещение товаров внутри страны. Окончательно рублевая пошлина и все 17 таможенных сборов с внутренней торговли были отменены только в 1753 г. После этого таможенный тариф стал инструментом исключительно внешней торговли[66].

И. Т. Посошков предполагал значительное увеличение налоговых поступлений за счет включения в оборот пустошей и утаенных земель, изменения объекта налогообложения и расширения расписания тяглового населения, в том числе за счет обложения всех «чинов», включая дворян. Со временем и крестьяне должны были платить не только поземельный, но и подоходный налог. При этом налоговая система должна была стимулировать увеличение «прибытка», т. е. вновь произведенного продукта, определенная доля

[65] Посошков И. Т. Указ. соч. С. 78, 128, 200, 210.

[66] См.: Лушников А. М. Таможенное право. Ярославль, 2004. С. 12–15.

которого в виде налогов поступит в казну. В зачаточном виде ученый поставил вопрос о перекачке части средств из сельского хозяйства в промышленность посредством налогового инструментария, о кредитовании и субсидировании промышленности. По мнению ученого, «земляной сбор», т. е. поземельный и подоходный налоги должны стать основными налоговыми ресурсами государства. Одновременно он предложил отменить мелкие и плохо собираемые «канцелярские сборы», которые признавались просто неприличными для царского величия. Это касается почти 40 разновидностей таких сборов, существовавших на 1724 г. Наиболее экзотичными из них являлись постоялый, конский, водопойный, банный, мельничный, пчелиный («пчелный») и др.

В центре внимания автора исследования находились и проблемы денежного обращения. Этот сюжет отражен и в письме на имя Перта I «Доношение о новоначинающихся деньгах», написанном в 1718 г. Оно не сохранилось, однако его содержание отражено в «Книге о скудости и богатстве». Исследователь полагал, что цена денег внутри страны может быть номинальной, базироваться только на авторитете царской власти, независимо от реального обеспечения. Очевидно, что относительно денег ученый был сторонником номинализма (от лат. «имя, название»), основывал покупательную силу денег на юридическом акте, опирающемся на авторитет государства. Для него были важны не вес и даже не чистота металла в монете, а ее название, номинал, присвоенное государством. По мнению ученого, и «медную золотниковую (4,3 г. меди) цацу (монету)» можно выдать царским повелением за рубль и она должна при расчетах считаться рублем. И. Т. Посошков призывал из дешевой меди чеканить дорогие деньги, что, с одной стороны, даст казне доход, а с другой стороны, предоставит стране достаточное для развивающейся торговли количество денег. Он призывал делать легкие деньги из меди, серебро беречь, а золотые монеты печатать только в целях поддержания престижа государства за рубежом. Иван Тихонович предлагал сделать медные деньги не мелочью при серебряных и золотых монетах, а именно основой денежного обращения. Их покупательная способность основывалась на ограниченном размере эмиссии и «кредите» (доверии) центрального банка и государства. Его деньги были чем-то вроде современных бумажных денег. Очевидно, что он ничего не знал о шотландце Дж. Ло,

который в это же время и с этой же целью во Франции, где он был главным контролером (министром) финансов, создавал бумажно-денежную систему, вскоре потерпевшую крах[67]. При этом и у русского и у шотландца была одна цель – принести казне доход и дать государству изобилие денег. Примечательно, что после краха бумажноденежной системы Дж. Ло во Франции (1720 г.) он был приглашен в 1721 г. на русскую службу, но отказался он нее[68].

Однако наш соотечественник не был чистым номиналистом, хотя, вероятно, и склонялся к господствующей на Западе товарно-металлической теории денег. Так, во внешней торговле он признавал необходимость полноценных денег, ибо западные купцы «почитают серебро и медь». Для устойчивости денежного обращения и повышения престижа самодержавия серебряная монета должна чеканиться без всяких примесей и из металла самой высокой пробы. Эти же требования относились и к медной монете. При этом ученый осуждал выпуск низкопробной, «сумесной» (из смеси металлов) монеты, которая радует только фальшивомонетчиков и должна быть изъята из оборота. Все мелкие серебряные монеты предполагалось перечеканить в полтинники и рубли, однако использовать их преимущественно во внутренней торговле, а на внешнем рынке расплачиваться только червонцами. Изъятые из оборота мелкие серебряные и фальшивые монеты И. Т. Посошков считал нужным заменить легкой медной монетой, что дало бы казне огромный доход в 1840 тыс. рублей. В согласии с учением меркантилистов укрепление серебряного русского рубля связывалось с запретом вывоза драгоценных металлов за рубеж, а золотые монеты предлагалось чеканить в малых количествах для повышения престижа страны[69]. Петровские мероприятия в финансовой сфере подвергнуты И. Т. Посошковым острой критике. В частности, он отмечал недостатки двух основных финансовых монополий: соляной и винной.

Завершая обзор творчества И. Т. Посошкова, отметим, что ему посвятили содержательные исследования многие видные ученые-

---

[67] См.: Горн. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов.

[68] См.: Троицкий С. М. «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970. С. 90–120.

[69] Посошков И. Т. Указ. соч. С. 235–241.

финансисты, о которых мы будем писать в дальнейшем[70]. Например В. П. Безобразов считал, что идеи А. Т. Посошкова «не имели никакого значения в истории науки не только всемирной, но и отечественной», что в узко меркантильных понятиях его нет «особой высоты и гениальности», что меркантилизм русского ученого «не заключает в себе ничего полного и систематического, а перемешан со множеством других специальных мыслей»[71]. И. Т. Тарасов подчеркивал, что ученый «был абсолютистом и меркантилистом, воспитанным не наукою, а жизнью… Меркантилизм Посошкова вылился в менее рельефную форму, проникал не во все хозяйственные сферы, которых он касался, и переплетался с некоторыми воззрениями, характеризующими иное, позднейшее экономическое учение». И. Т. Тарасов считал, что как финансист наш герой «ступает твердою ногою в область нового, нарождающегося тогда, хотя и не известного ему учения физиократов, видевших в земле, в производительности природы единственный источник богатства и потому считавших ренту единственным податным объектом». С этим связано то, что идеи ученого появились «как бы на рубеже двух исторических периодов» развития финансово-правовой мысли[72]. Исследователи левой ориентации (Г. В. Плеханов, В. В. Святловский и др.) подчеркивали отсталость его финансово-экономических воззрений от аналогичных, сформировавшихся в то время в странах Запада[73]. В советский период личность и научное наследие первого русского экономиста также не были обделены вниманием исследователей[74]. Подчеркнем, что было бы наивным видеть в И. Т. Посошкове предшественника или единомышленника А. Смита, осно-

---

[70] См.: Безобразов В. П. Иван Посошков (как экономист). СПб., 1876; Тарасов И. Т. Иван Посошков (Историко-биографический очерк) // Юридический вестник. 1880. № 10. С. 179–209 и др.

[71] См.: Безобразов В. П. Рец. на кн.: Брикнер А. Г. Иван Посошков. Ч. 1. Посошков как экономист. СПб., 1876 // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1879. Т. 33. С. 761–763.

[72] Тарасов И. Т. Указ. соч. С. 198–200.

[73] См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 21. М., 1925. С. 106; Святловский В. В. Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России. Ч. 1. СПб., 1913. С. 173–176 и др.

[74] См.: Кафенгаузен Б. Б. И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1950; Платонов Д. Н. Иван Посошков. М., 1989 и др.

вателя классической политэкономии, хотя в советской литературе такие попытки и делались. Очевидно, что в силу отсутствия как объективных, так и субъективных предпосылок наш герой не мог создать ничего подобного. В его творчестве обостренное чувство нового сочеталось с крайним консерватизмом, меркантилизм с экономическим либерализмом, а номинализм с физиократией. Однако это не умаляет значения И. Т. Посошкова как первого русского экономиста, специалиста в сфере финансов, оригинального мыслителя и просто неординарной личности.

Перечень «предшественников» продолжает действительно крупный государственный деятель **Василий Никитович Татищев** (1686–1750). Это был выходец из знатной, но обедневшей дворянской семьи, выпускник Московской Инженерной и артиллерийской школы. В данном учебном заведении, одном из первых в России, он получил основательную техническую подготовку, ознакомился с гуманитарными науками. Эта школа, наряду со Школой математических и навигацких наук, стала кузницей кадров руководителей во всех сферах общественной жизни от военной до промышленной, финансовой и научной[75]. Сам В. Н. Татищев начал службу при царском дворе, с 1704 г. находился на военной службе. Участник знаменитой Полтавской битвы (1709 г.), где был замечен Петром I, впоследствии пользовался его покровительством. Царю он отвечал неизменной преданностью и верностью. Затем молодой дворянин находился на военно-дипломатической службе (резидент в Германии и Швеции), где приобщился к европейской учености, пристрастился к книгам по истории, экономике и философии. В 1724–1726 гг. в Швеции он изучал экономику и финансы. При всей верноподданности Василий Никитович был человеком самостоятельным, смелым в суждениях и поступках, что проявилось и на государственной службе. Современный историк Я. А. Гордин так охарактеризовал его: «Татищев, могучий самоучка, образовывался органически и творчески, изучая то, что требовала от него жизнь в каждый отдельный момент. Механик и математик, он стремился к системе, но система его интеллектуального существования была подвиж-

[75] См.: Лушников А. М. Армия, государство и общество. Ярославль, 1996. С. 14–27.

ной, ориентированной на динамику жизненных процессов, прагматически учитывающей меняющиеся жизненные потребности государства, страны, человека»[76]. В. П. Безобразов так написал о В. Н. Татищеве: «В нем поражает столь редкое везде и всегда, и столь счастливое в этом случае сочетание человека науки и человека дела… Он был вполне европеец по образованию, вместе с тем с ног до головы русский человек. Он считал Россию неразрывной частью общеевропейского мира, но знал ее особые исторические и национальные условия»[77]. По общепризнанному мнению, Василий Никитович был «одним из образованнейших и ученейших людей своего времени», обладал «четким и реалистическим умом».

В 1720–1722 гг. и 1734–1737 гг. он управлял казенными заводами на Урале и всем Уральским краем, возглавлял Монетную контору (1727–1733 гг.), занимавшуюся чеканкой золотой монеты, в 1737–1739 гг. возглавлял Оренбургскую экспедицию, в 1739–1741 гг. – Калмыцкую комиссию, а в 1741–1745 гг. был астраханским губернатором. С его именем связано основание Екатеринбурга, Оренбурга и Перми. Василий Никитович дослужился до чина тайного советника (светского генерал-лейтенанта), на всех государственных постах проявил себя как талантливый организатор, дельный администратор и широко мыслящий руководитель, однако он не смог ужиться с петербургскими властями, избежать обвинений в коррупции, отставки и ссылки (с 1745 г.), имевшей, однако, достаточно щадящий характер. С 1736 г. он находился под следствием, некоторое время провел в Петропавловской крепости. Несмотря на несомненную вороватость большинства «птенцов гнезда Петрова», начиная со светлейшего князя А. Д. Меншикова, Василий Никитович был, по всей видимости, человеком добросовестным и порядочным, а все обвинения против него были следствием довольно витиеватой и грязной интриги. В литературе обоснованно отмечается «его непрестанное стремление водворять законность и правомерность во всех окру-

[76] Гордин Я. Меж рабством и свободой. СПб., 1994. С. 189.

[77] Безобразов В. П. Василий Никитович Татищев. Очерк его деятельности по горной части. СПб., 1887. С. 34.

жающих его отношениях и подчинять точной норме закона всякий личный произвол»[78].

С этим суждением есть основание согласиться, тем более что в его публицистическом произведении «Разговор о пользе наук и училищ» в центр поставлено не подчинение монаршей воле, а «целительность разумных законов». Его упование на гласное принятие и умеренность законов (ибо «неумеренные казни разрушают тем закон»), их преемственность и учет традиций нашли отражение и в финансово-правовых взглядах ученого. В целом это был прагматик, не утративший романтичности, и реалист, видевший не только ближайшую, но и дальнюю перспективу. Жесткие реалии переломной эпохи не позволили в полном объеме реализоваться богатым интеллектуальным и организаторским способностям этого незаурядного политического деятеля и ученого.

Не сложилась и личная жизнь В. Н. Татищева: в 1728 г. он подал в Синод прошение о разводе с женой, с которой имел двоих детей, обвинив ее в измене, пьянстве и попытке отравить его. Дело это, по обычаю, заволокитили, но супруги с тех пор проживали раздельно. В январе – феврале 1730 г., в период междуцарствия Петра II и Анны Иоанновны, он поддержал идею ограничения монархии и стал, таким образом, одним из первых идеологов отечественного аристократического парламентаризма, вождем и душой партии «шляхетского конституционализма». При этом он был одним из самых молодых и наименее знатным (всего лишь статский советник, или полковник) из всех основных действующих лиц этой драмы. Напомним, что идеологами абсолютизма были архиепископ Феофан Прокопович и граф А. И. Остерман, а идеологами «вельможного конституционализма» – князья Д. М. Голицын и В. Л. Долгорукий. Подчеркнем, что конституционный проект В. Н. Татищева был наиболее компромиссным, совмещал в себе сохранение сильной самодержавной власти с представительным органом (от «общенародия», т. е. всех привилегированных сословий) и определенными правовыми ограничениями абсолютизма.

Впоследствии В. Н. Татищев отказался от этих идей, но высшей властью до конца так прощен и не был. Все это закончилось,

[78] Безобразов В. П. Василий Никитович Татищев... С. 35.

как упоминалось, его отставкой и ссылкой в 1745 г., в которой отставной сановник и провел последние пять лет жизни, с отлучкой на допросы и кратковременное заключение, в неустанных научных трудах. Среди его наиболее рьяных гонителей окажутся такие видные сановники, как сенатор Новосильцев, генерал Тараканов, граф М. Г. Головкин, князь Н. Н. Трубецкой. Все они по настоянию В. Н. Татищева подписали самый умеренный конституционный проект, чем поставили под удар свою будущую карьеру. Этого они ученому никогда не простили, став его наиболее ревностными преследователями. Судебные процессы против него длились непрерывно с 1736 по 1750 г., то есть до смерти ученого, и напоминали театр абсурда. Сначала его, мягко говоря, недобровольно, отправили в 1734 г. обустраивать восточные окраины империи, затем обвинили во взяточничестве и отдали под суд. Дело почти сразу развалилось, но немедленно было возбуждено новое – и так пятнадцать лет подряд. При этом подсудимый управлял Оренбургским краем и Астраханской губернией, решал сложные калмыцкие дела и определял политику в отношении Персии, писал первый настоящий научный труд по русской истории. В итоге в архиве скопилось 12 томов следственных дел, которые явно были «шиты белыми нитками». Вышеназванные «сильные персоны», да и сама царица таким изощренным образом показывали опальному мыслителю цену «верховенства закона». Умер ученый под караулом в своей деревне Болдино под Москвой.

Встречавшийся с ним в последние годы жизни английский купец Д. Хенвей так описывал внешность ученого: «Этот старик отличался внешность Сократа, поджарой фигурой, которую он сохранил благодаря большой умеренности, а также постоянной занятости ума. Если он не писал, не читал, не обсуждал деловые вопросы, он играл в кости сам с собой, перекидывая их из одной руки в другую»[79]. Неплохой способ тренировки памяти и кистей рук, добавим от себя.

Еще в период государственной службы он проявил себя как разносторонний ученый, прежде всего как историк, автор пятитомной «Истории Российской с самых древнейших времен», а также

[79] Цит. по: Аникин А. В. Указ. соч. С. 54–55.

как географ[80]. Свою «Историю …» он готовил около 20 лет и в 1739 г. представил в Академию наук. Василий Никитович одним из первых предложил периодизацию истории России и выделил три формы государственного строя: монархию, аристократию и демократию. Кроме того, ученый составил первый русский энциклопедический словарь – «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский», доведя его до буквы «К».

Не обошел он вниманием и проблемы финансовой науки, чему посвящены его «Рассуждения о ревизии поголовной и касающемся до оной» и глава XI «Краткой российской географии», а также «Представление о купечестве и ремеслах» (1748 г.) и «Краткие экономические до деревни следующие записки» (1742 г.)[81]. По печальной традиции при жизни ученого почти ничего из его многочисленных работ напечатано не было.

В его научной и политической деятельности сочетались холодность экономиста и математика, страстность историка и политического мыслителя, а также напористость драгунского офицера. Взгляды ученого на налоговую политику России в постсоветский период подверглись специальному рассмотрению[82]. Впрочем, в интересующем нас ключе изложение взглядов Василия Никитовича достаточно разрозненно и фрагментарно, что не может быть оценено в качестве более или менее целостной теории. Свои размышления, как и Ю. Крижанич, а позднее А. Смит, он начинал с богатства народов. Налоги, по его мнению, не должны отягощать народ. Это государственная необходимость, но размер налогов должен быть экономически обоснованным, позволять поддерживать удовлетворительное состояние крестьянского хозяйства. Как считал В. Н. Татищев, рост потребностей государства не обязательно должен увеличивать налоговое бремя, ибо дополнительные средства можно получить и путем более рационального и экономного использования ресурсов. Он выступал

---

[80] См.: Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861; Дейч Г. М. В. Н. Татищев. Свердловск, 1962; Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981 и др.

[81] См.: Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950; Его же. Избранные произведения. М., 1979.

[82] См.: Торопицын И. В. Взгляды Татищева на налоговую политику российского государства // Налоговый вестник. 2000. № 2. С. 169–171 и др.

категорическим противником «изобретения» новых налогов и сборов с населения, чем так увлеченно занимались так называемые «прибытчики» во времена Петра I. При этом не брались в расчет реальные возможности подданных и экономическая ситуация в стране, что еще больше ухудшало положение. Важное место Василий Никитович уделял экономному расходу финансов. С этой целью он предлагал уменьшить военные расходы и иметь на постоянной основе небольшую по численности, компактную, но боеспособную амию в оборонительных целях. С этой же целью он предлагал уменьшить срок службы для дворян, что не отвлекало бы их от хозяйственной деятельности и позволило бы экономить государственные средства.

В качестве единицы обложения крестьянского хозяйства ученый предлагал размер обрабатываемой земли, т. е. был сторонником введения поземельного налога. При этом он настаивал, чтобы крестьянство было «податьми сколько можно облегчено». Он осуждал практику передачи сбора налогов в руки армии, что было характерно для петровских времен и к чему вернулись в царствование Анны Иоанновны. Это означало, что солдаты и сержанты становятся бесконтрольными распорядителями имущества и даже жизней налогоплательщиков. Следствием этого стало повальное бегство крестьян и разорение купечества. Одним из первых ученый выступил за профессионализацию и специальную подготовку государственных чиновников финансовой системы, а одним из главных предметов обучения он называл законоучение.

Очевидно, что Василий Никитович одним из первых предлагал учитывать при организации налогообложения не только текущие запросы казны, но и экономические возможности налогоплательщиков, не только ближайшие, но и отдаленные последствия увеличения налогового бремени. Кроме того, он был сторонником более равномерного распределения налогового бремени на население, перевода взимания повинностей преимущественно в денежную форму. Конструктивным считал закрепление за крестьянами определенных земель и взимание фиксированного оброка. Барщина должна была применяться в ограниченном числе случаев. В перспективе ученый не исключал освобождение крестьян, хотя считал это пока несвоевременным.

В. Н. Татищев первым предложил для увеличения числа фабрик и развития торговли создать банк для купечества, используя деньги дворянства и духовенства. Здесь с очевидностью прослеживается идея кредитования купечества за счет средств дворянства и духовенства, которые аккумулировались бы в государственном банке. Отметим, что Государственный заемный банк, который состоял из Дворянского заемного банка и Купеческого банка, был создан Указом Елизаветы Петровны в 1754 г., уже после смерти ученого. Взгляды его на купечество были вполне меркантилистскими, а призывы уменьшить налоговое бремя на него и защитить высокими таможенными тарифами на ввозимые товары достаточно традиционными. Богатство нации он видел в развитой системе ремесел и торговли, хотя его эквивалентом считал все-таки приращение драгоценных металлов.

Из сподвижников Петра I проблемами финансов интересовался *Павел Иванович Ягужинский* (1683–1736). Отчасти это было связано с его служебным положением первого генерал-прокурора Сената, с 1722 г. ставшего «государевым оком». Именно он придал Сенату значение органа, в том числе, действенного финансового контроля. Сам генерал-прокурор стал грозой фискалов, а обер-фискал Нестеров во многом его усилиями был изобличен во взяточничестве и казнен. Однако его суждения о финансах фрагментарны и отрывочны.

Все названные ученые творили до появления исследований по классической экономии, прежде всего учения физиократов и основного труда А. Смита. Двое оставшихся ученых, отнесенных к категории предшественников, жили и работали по большей части уже в «послесмитовскую эпоху» и в той или иной мере испытывали влияние классиков политэкономической мысли. Отметим, что во второй половине XVIII в. о проблемах финансов высказывались такие известные государственные деятели, как *Петр Иванович Шувалов* (1710–1762) и *Александр Николаевич Радищев* (1749–1802). Первый из них, граф и генерал-фельдмаршал, фактически руководил правительством императрицы Елизаветы Петровны. С его именем связана отмена внутренних пошлин, создание Государственного заемного банка и проекты последующих финансовых преобразований. А. Н. Радищев известен не только своим «Путешествием из Петербурга в Москву», но и тем, что

был одним из руководителей Петербургской таможни, служащим Министерства юстиции, показал себя сторонником сбалансированного бюджета, уменьшения налогового бремени на податные сословия. Однако к числу видных специалистов в сфере финансов отнести их сложно.

Одним из самых интересных мыслителей в этой части был **Дмитрий Алексеевич Голицын** (1734–1803), представитель знатного княжеского рода и один из богатейших людей России. Большую часть своей карьеры он провел на дипломатической службе: полномочный министр в звании камер-юнкера в Париже (1760–1769), посланник в Гааге (1769–1782). Затем он был отправлен послом в Турин, в заштатное тогда Сардинское королевство. Причиной послужила его поддержка США, которые еще не были признаны Россией, но которым русский дипломат явно симпатизировал. В частности, он встречался с американским посланником в Нидерландах и будущим президентом США Д. Адамсом. Д. А. Голицын в Турин ехать отказался, вышел в отставку и до своей кончины прожил частным лицом в Голландии и Германии, посвящая свое время занятиям в основном естественными науками.

Он в совершенстве знал основные европейские языки и имел образование на уровне лучших европейских стандартов, успел стать членом Петербургской академии художеств (1767 г.) и почетным членом Петербургской академии наук (1778 г.), иностранным членом Брюссельской и Шведской академий наук, Лондонского королевского общества и др. В интересующем нас контексте отметим, что в Париже он был в близких отношениях с Вольтером, Ш. Л. Монтескье, Ж. Л. Д'Аламбером. Дмитрий Алексеевич в 1773 г. впервые издал книгу известного французского философа К. Гельвеция «О человеке, его умственных способностях и его воспитании». Князь сошелся также с французским экономистом, учеником идеолога физиократов Ф. Кенэ, П. П. Мерсье де ла Ривьером. Последний, по представлению Д. А. Голицына, даже был приглашен на русскую службу, однако вскоре вернулся. Русский дипломат участвовал в собраниях французских экономистов-физиократов у маркиза В. Р. Мирабо и в собраниях Французской академии. Свои экономические взгляды русский ученый излагал преимущественно в обширных пись-

мах-мемуарах, которые направлял в Петербург. Как истинный физиократ, он был сторонником освобождения крепостных с последующей продажей им земли. Земледелие виделось ему опорой экономики, а земельная рента – главным источником доходов.

В 1796 г. в Германии на французском языке он издал свой основной экономический труд «О духе экономистов, или Экономисты, оправданные от обвинения в том, что их принципы легли в основу Французской революции». На русском языке эта работа не публиковалась, а единственный экземпляр перевода хранится в Российской национальной библиотеке в Петербурге[83]. Это была попытка оправдать своих старых друзей-физиократов, многих из которых уже не было в живых. Ученый утверждал, что нельзя предотвратить революции без правильной экономической политики, опирающейся на экономическую теорию. По сути, он излагал доктрину физиократов, доказывая, что она была направлена не на слом, а на улучшение существующего порядка. Следование идеям и должно помочь европейским монархам преодолеть беспорядки и анархию. В применении к России это могло означать отмену крепостного права и передачу земли в собственность крестьянам, введение поземельного налогообложения с учетом размера доходов землевладельцев, развитие торговли и предпринимательства как основы расширения объекта налогообложения. Фиксированный размер налогов и сборов при возможности распоряжаться оставшимися средствами по своему усмотрению виделись ему основой экономического процветания предпринимателей. В этой части мнение князя Д. А. Голицына чудесным образом совпало с мнением крестьянина И. Т. Посошкова, с трудами которого он не был знаком. Однако что-то знакомое можно увидеть как в терминологии, так и в сути написанного князем: «Свобода распоряжения избытками, или, иначе, богатством, является действующей причиной плодородия полей, разработки недр, появления изобретений, открытий и всего того, что может сделать нацию цветущей»[84]. Под-

[83] См.: Бак И. С. Дмитрий Алексеевич Голицын. Философские, общественно-политические и экономические воззрения // Исторические записки. 1948. Т. 26.

[84] Цит. по: История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1 / под ред. А. И. Пашкова. М., 1955. С. 521.

черкнем, что Д. А. Голицын был интересным, но не оригинальным экономистом и финансистом. Главная его заслуга заключается в адаптации учения физиократов, которого он придерживался, к практической финансово-экономической политике современных ему государств, в том числе России.

Завершим мы галерею предшественников науки финансового права портретом **Алексея Борисовича Куракина** (1759–1829), являвшегося представителем древнего княжеского рода и активным деятелем трех царствований: от Екатерины II до Александра I. Он получил хорошее домашнее образование, в 1775–1776 гг. постигал юридические науки в Лейденском университете (Нидерланды), откуда вернулся не только с багажом знаний, но и с библиотекой в 500 научных изданий. Затем князь служил при дворе, в Сенатской канцелярии. С 1780 г. он служил в Экспедиции о государственных доходах, с 1795 г. – управляющим 3-й Экспедицией (ревизии государственных счетов). Его наставником в области финансов был известный финансист и государственный деятель, первый министр финансов России в 1802–1807 гг. *Алексей Иванович Васильев* (1742–1807). Начав службу в канцелярии Сената, А. И. Васильев участвовал в создании казенных палат и Экспедиции государственных доходов (1773 г.). С 1781 г. он служил в Экспедиции ревизии государственных счетов, исполнял обязанности Государственного казначея, с 1796 г. – Государственный казначей. Действительный тайный советник (1797 г.) и граф (1801 г.) А. И. Васильев вошел в историю как первый министр финансов империи и один из лучших российских финансистов рубежа XVIII–XIX вв.

Однако вернемся к судьбе князя А. Б. Куракина. В 1796 г. его назначают главным директором Государственного ассигнационного банка и сенатором, а затем генерал-прокурором Сената, он действительный тайный советник с 1797 г., ближайший соратник Павла I. Отметим, что в качестве генерал-прокурора он исполнял обязанности Государственного казначея по управлению казенной частью, а также министра департамента удельных имений. С 1797 г. – казначей Мальтийского ордена и других российских орденов. Вместе с А. А. Безбородко и А. И. Васильевым летом 1798 г. ему поручено обсуждение финансового положения казны. Князя можно назвать одним из наиболее сведущих спе-

циалистов в сфере финансов и их фактическим руководителем в первые два года царствования Павла I. По его инициативе в 1797 г. при Сенате была создана школа юнкеров из дворян для обучения их правоведению, а сам А. Б. Куракин в этом же году возглавил Комиссию по составлению нового Уложения и непосредственно занимался составлением из существующих узаконений трех книг: уголовных, гражданских и казенных дел. Последняя содержала узаконения, в том числе, по финансовому праву. Его печатные труды на ниве финансов сводились в основном к отчетам и запискам[85].

Натура князя была довольно противоречивой. При явной остроте ума и богатых природных задатках современники и историки отмечают его ограниченность в воззрениях. Ведя развратный образ жизни, отличаясь мотовством и суетностью в делах, имел он вместе с тем большую приверженностью всякому внешнему порядку и был в целом формалистом. Угодливость к вышестоящим лицам совмещалась у него с представительной и благородной наружностью[86].

А. Б. Куракин стал первым государственным деятелем, кто способствовал продвижению по службе М. М. Сперанского, о котором речь пойдет в следующей главе. Он первым разглядел способности скромного преподавателя столичной духовной семинарии, пригласил его сначала в качестве учителя к своему сыну, а затем принял на службу в канцелярию генерал-прокурора с чином титулярного советника по званию магистра. Там М. М. Сперанский прослужил до 1802 г., когда получил звание статс-секретаря и перешел в МВД. Сам князь после отставки в 1798 г. уехал в имение, по воцарении Александра Первого назначен сенатором, а в 1802 г. отправлен губернатором Малороссии (Полтавская и Черниговская губернии). Его деятельность на этом посту до 1807 г. была плодотворна, в том числе посредством

[85] См., например: Всеподданнейший доклад Всепресветлейшему, державнейшему, великому государю императору и самодержцу всероссийскому от генерал-прокурора и казначея ордена всероссийского по всем наименованиям князя Куракина. СПб., 1797.

[86] См.: Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. М., 1991. С. 44.

наведения порядка в финансовой сфере. У местного населения он заработал репутацию «и пана, и батьки». Как сенатор Алексей Борисович принимал участие в сенаторских ревизиях, в частности Курской губернии. С 1807 по 1810 г. он был министром внутренних дел России. В 1809 г. по ходатайству князя получено разрешение на выдачу ссуд и пособий купцам и мещанам для создания новых заводов и фабрик (около 3 млн рублей).

В 1810 г. он находился с дипломатической миссией в Париже, не принял реорганизации МВД с уменьшением его полномочий по проекту своего бывшего протеже М. М. Сперанского и в следующем году ушел в отставку с назначением членом Государственного совета. Наконец, в 1821 г. он вернулся к работе в сфере финансов, получив назначение председателя Департамента государственной экономии Государственного совета, и оставался на этом посту почти до конца своих дней. Здесь ему опять пришлось заниматься проблемами налогов, государственной росписи (бюджета), винных откупов и др.[87]

Трудно говорить об оригинальности финансовых взглядов А. Б. Куракина. Это был «екатерининский орел», как будто случайно «залетевший» в министерские чиновники Александровского царствования. Знатный вельможа и богатый человек, он четко выдерживал линию на государственное вмешательство во все сферы экономической жизни, касалось ли дело государственной монополии на винокурение, на экспорт отдельных товаров и др. При этом он не исключал государственного субсидирования и кредитования купцов и промышленников в целях развития производства и увеличения налогооблагаемой базы. Князь был сторонником строго соблюдения государственного бюджета и соответствия расходов доходам. Напомним, что он достоин благодарности уже только за то, что выделил и возвысил М. М. Сперанского. Однако с подбором кадров ему откровенно не везло. Выдвинутый им товарищ (заместитель) главы МВД *О. П. Козодавлев* (1754–1819) откровенно «подсидел» шефа и занял его место в 1810 г. М. М. Сперанский сначала отказался служить под нача-

[87] См.: Мнение князя А. Б. Куракина о поставке вина в откупное содержание (1828) // Чтение в Обществе истории и древностей российских. 1861. № 2.

лом своего благодетеля в 1807 г., а затем так урезал полномочия МВД, что оскорбленный князь отказался возглавить новое «полуведомство»[88]. Кстати, М. М. Сперанский был невысокого мнения о своем бывшем руководителе. В 1823 г. он высказался о князе коротко и ясно: «Все тот же квартальный надзиратель или следственный пристав».

Таким образом, представители первой российской генерации ученых-финансистов смогли обозначить ряд подходов к проблемам финансового права, хотя их труды были либо неизвестны современникам, либо известны ограниченному кругу лиц. В связи с этим трудно говорить об их влиянии на финансовую политику государства, за исключением, возможно, трудов В. Н. Татищева. В то же время научное наследие названных деятелей позволяет нам вести речь о генезисе финансовой науки уже на рубеже XVII–XVIII вв.

[88] См.: Нижник Н. С. и др. Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002). Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 20–28.

Глава 2
Чиновники, ставшие учеными
(первая половина XIX в.)

Замечательнейшие государственные люди, на высших государственных должностях, никогда не перестают изучать окружающие их условия государственной жизни, не перестают учиться.

Безобразов В. П. О значении науки
для образования должностных лиц
в государственном управлении. 1879.

Как в русской, так и мировой истории еще не было двух таких соседних, но непохожих друг на друга веков, как XVIII и XIX. «Галантный» век Просвещения сменял рациональный век «железа и крови». Если для первого были характерны лозунги «свобода, равенство и братство», «естественное право» и «общественный договор», то во втором получили распространение такие понятия, как «индивидуализм», «свободная конкуренция», «утилитаризм». На смену «романтикам» пришли прагматики, причем как на должности в государственных структурах, так и в звании «властителей дум». Кумирами были уже не столько Ж.-Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье, Д. Дидро, сколько И. Бентам, А. Смит, Д. Рикардо, Г. Спенсер. На смену патриархальному укладу аграрной цивилизации начала приходить жесткая и рационалистическая цивилизация индустриальная. В Европе активно воспринимался, а главное реализовывался лозунг либерального реформаторства: «Хочешь выжить – проводи реформы». Невиданными ранее темпами изобретались технические новшества, а их оперативное внедрение оказывало все большее влияние на роль в мировой политике того или иного государства. В этом отношении именно на рубеже веков феодально-крепостническая система исчерпала свои внутренние ресурсы и показала свою экономическую и социальную несостоятельность. Новый век для России начался с краткого правления и трагической смерти Павла I, продолжился широкими реформатор-

скими замыслами Александра I и их трагической неосуществленностью. Наконец, Николай I и его ближайшее окружение, осознававшие необходимость коренных реформ, в очередной раз не решились на их проведение. В результате первая половина XIX в. в истории России отмечена не только победой в Отечественной войне 1812 г., территориальной экспансией и укреплением тогдашней «вертикали власти», но прежде всего упущенными возможностями, сохранением, хотя и с некоторой трансформацией, архаичной политической и экономической системы[89]. При этом стоит согласиться с американским историком экономики Дж. Ф. Нормано, который отмечал: «В то время как в других районах неразвитого или слаборазвитого капитализма экономисты и публицисты часто писали и все еще пишут стихи…в России поэты, романисты и драматурги обсуждали экономические судьбы мира. Русская интеллигенция в течение почти всего XIX столетия обсуждала и решала судьбы капитализма, будущее Европы, упадок западной цивилизации…»[90]. Тем более в работу включились и российские государственные деятели, среди которых были и талантливые реформаторы, и консерваторы-государственники, и свободолюбивые декабристы.

2.1. На благо царя и Отечества (М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский, Е. Ф. Канкрин и др.)

Вторая генерация чиновников, связанных с финансово-правовой проблематикой, представлена именами преимущественно видных и высших государственных деятелей. Первое место среди них в политической и экономической истории страны занимает **Михаил Михайлович Сперанский** (1772–1839). Литература о нем обширна и разнообразна, в связи с чем напомним только о последних публикациях постсоветского периода[91]. В интересую-

[89] См.: Лушников А. М., Махров Н. И. Реформы и контрреформы в России (XIX – начало XX в.). Ярославль, 2000. С. 4–42.

[90] Normano J. F. The Spirit of Russian Economics. N.-Y., 1945. P. 3.

[91] См.: Сперанский С. И. Учение М. М. Сперанского о праве и государстве. М., 2004; Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991; Федоров В. А. М. М. Спе-

щем нас финансово-правовом аспекте достойны внимания труды В. Н. Твердохлебова, А. А. Ялбулганова и др.[92] Рассуждения М. М. Сперанского о проблемах финансов публиковались неоднократно как в досоветский, так в советский и постсоветский периоды[93].

Биография Михаила Михайловича достаточно известна, поэтому остановимся на ее основных вехах. Выходец из семьи приходского священника, он окончил Владимирскую семинарию с присвоением ему «прозвания» Сперанский (от лат. «надежда»). В конце 1788 г., как один из лучших учеников, он начал обучение в Петербургской (Александро-Невской) главной духовной семинарии (с 1797 г. – Духовная академия). По окончании обучения, с 1792 г., его определяют на должность учителя математики, а затем физики и риторики. В 1795 г. он назначен учителем философии и дополнительно префектом семинарии. Свои обширные знания он получил не столько в духовной семинарии, сколько самостоятельно. Он хорошо знал основные европейские языки, а французским, английским и латынью владел свободно. Его познания в сфере права, экономики, философии, в богословии соответствовали современным ему европейским стандартам, т. к. он

ранский и А. А. Аракчеев. М., 1997; Его же. М. М. Сперанский // Российские реформаторы XIX – начала XX в. М., 1995. С. 34–76; Чибиряев С. А. Великий российский реформатор. М., 1993 и др.

[92] См.: Дроздова Н. П. Проекты финансовых преобразований М. М. Сперанского и их реализация // История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге. Сб. ст. СПб., 1997. С. 43–50; Семенкова Т. Г. Финансовые реформы М. М. Сперанского // Финансы СССР. 1989. № 4; Твердохлебов В. Н. Сперанский и его деятельность в области финансов и денежного обращения // Советские финансы. 1945. № 12; Ялбулганов А. А. Михаил Михайлович Сперанский // У истоков финансового права. М., 1998. С. 19–34. Данный автор подготовил в том же издании содержательные очерки о жизненном пути и научном наследии Н. И. Тургенева (С. 109–120) и М. Ф. Орлова (С. 277–294), о которых речь пойдет далее.

[93] См.: Сперанский М. М. Мысли о новых билетах казначейства // Русская старина. Т. 8. СПб., 1873; Его же. План финансов // Сб. императорского русского исторического общества. Т. 45. СПб., 1885; Его же. Записки о монетном обращении с замечаниями Канкрина. СПб., 1895; Его же. Проекты и записки. Л., 1961; Его же. План финансов // У истоков финансового права. М., 1998. С. 35–98 и др.

изучил практически всю изданную по этой тематике литературу на языках оригиналов. В частности, он одним из первых начал переводить на русский язык труды британского юриста И. Бентама. Его любимым времяпрепровождением, без разделения досуга и работы, были чтение и подготовка записок и проектов, которые составляют сотни по различным проблемам и в полном объеме не изучены до настоящего времени. На его образ жизни наложила отпечаток и личная трагедия ученого. Его жена, англичанка (дочь гувернантки, приехавшей с Британских островов), умерла в ранней молодости при родах, и он остался один с новорожденной дочерью на руках. Повторно семьи он так и не создал, отдавая все свое время работе и воспитанию дочери.

Круто его судьбу изменило занятие должности секретаря князя А. Б. Куракина, о котором мы говорили выше. Когда последний стал генерал-прокурором в 1799 г., М. М. Сперанский поступает на службу в его канцелярию в чине титулярного советника (светского капитана). Действительным статским советником (светским генерал-майором) он стал уже в 1801 г. Забегая вперед, отметим, что до чина тайного советника (светского генерал-лейтенанта) он дослужился всего за десять лет и получил его в 1809 г. После создания министерств в 1802 г. он получает пост директора департамента МВД, а после его разделения на экспедиции возглавляет Экспедицию государственного благоустройства. Эта экспедиция как раз и занималась подготовкой проектов государственных преобразований. В 1803 г. М. М. Сперанский составил «Записку об устройстве служебных и правительственных учреждений в России», где последовательно проводится идея конституционной монархии и разделения властей. Наконец, с 1807 г. молодой чиновник становится статс-секретарем Александра Первого, в 1808 г. включается в комиссию по выработке Уложения законов, назначается одновременно товарищем (заместителем) министра юстиции. В конце 1808 г. Александр I поручил своему секретарю составление общего плана преобразований общественно-политического строя России. В октябре 1809 г. такой план был разработан и получил название «Введение к Уложению государственных законов». На 1808–1812 гг. приходится период его максимального карьерного возвышения, когда он стал одним из наиболее влиятельных чиновников империи, косвенно

влиявшим почти на все области внутренней и внешней политики. Вместе с высоким статусом в его жизнь вошла огромная законопроектная работа, занимавшая до 18 часов в сутки без выходных. В начале 1810 г. Комиссия по составлению уложения была преобразована в комиссию при Государственном совете, а ее директором стал М. М. Сперанский, одновременно являвшийся и первым секретарем Государственного совета. Он явил собой новый тип государственного деятеля из интеллигентов-разночинцев и всеми своими карьерными успехами был обязан знаниям и деловым качествам. Естественно, что его блестящая карьера никогда бы не состоялась, если бы к нему не благоволил Александр I.

Михаил Михайлович был не столько «кабинетным ученым», сколько замечательным исполнителем монаршей воли, способным совместить свое либеральное мировоззрение с точкой зрения царя. Современники и потомки заслуженно называли его «светилом русской администрации», «светилом русской бюрократии», «генеральным секретарем», «гениальным бюрократом». Потенциально это был самый выдающийся реформатор XIX в., но практически ни одно из его начинаний не было доведено до конца, а некоторые были воплощены в жизнь более столетия спустя. При этом М. М. Сперанский был человеком честолюбивым, порой самонадеянным и гордым, стремящимся всегда быть первым, но это не переходило у него в гордыню и не достигало стадии самолюбования. Современники отмечали, что ученый всегда тщательно следил за своей внешностью, был одет по последней моде. Его стремление быть основным докладчиком у императора и во всевозможных комитетах и комиссиях было общеизвестно. Как человек, вышедший из социальных низов, он ценил свое высокое положение в служебной иерархии.

В рамках подготовки бюджетной реформы в конце 1809 г. им разрабатывается «План финансов», утвержденный Александром I в феврале 1810 г. Надо отметить, что названный план был в какой-то степени результатом работы целого коллектива специалистов. Об этом будет еще будет сказано. Здесь же отметим, что в подготовке данного документа, на наш взгляд, кроме М. М. Сперанского, наиболее активное участие приняли М. А. Балугьянский и Н. С. Мордвинов.

С 1812 г. М. М. Сперанский оказывается в опале, отправляется в ссылку в Нижний Новгород и Пермь, однако это не помешало ему в 1816–1819 гг. являться пензенским губернатором, а в 1819–1821 гг. – сибирским генерал-губернатором. Примечательно, что одной из причин его опалы стала симпатия реформатора к французской законодательной системе, в том числе к Кодексу Наполеона (Гражданскому кодексу Франции) 1804 г., наиболее прогрессивному в то время. Дошло до того, что его обвинили в шпионаже в пользу Франции. Вероятно, уверовавший в свои возможности реформатор в частном разговоре с пренебрежение высказался об императоре, что «доброжелателями» немедленно было сообщено по инстанции.

В 1821 г. он был возвращен из ссылки в столицу, назначен членом Госсовета по Департаменту законов и занялся преимущественно вопросами систематизации российского законодательства. После воцарения Николая Первого эта работа ученого получила высочайшее одобрение, а результатом ее стало «Полное собрание законов Российской Империи» в 45 томах (1830 г.) и «Свод законов» в 15 томах (1832 г.). В 1826–1829 гг. он осуществлял общее руководство II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, специально учрежденным для составления и издания вышеназванных актов, хотя официального назначения он не получил. Начальником этого отделения с 1826 по 1847 г. был ближайший сподвижник реформатора *М. А. Балугьянский*, о котором будет сказано позднее. Работу на поприще систематизации законодательства венчал графский титул, полученный М. М. Сперанским в конце 1839 г.

Он заложил своеобразную отечественную традицию, когда государственная деятельность и научная работа до известной степени объединялись, а главными научными трудами становились планы и программы, объяснительные записки, рассуждения о различных сферах государственной деятельности и др. Так, «План финансов» напрямую касался преобразований в сфере бюджета, налогов, денежного обращения, управления государственным хозяйством посредством прежде всего изменений в законодательстве. По форме изложения План отличался лаконичностью, ясностью и конкретностью формулировок. Предлагаемые мероприятия по спасению финансов России были приведены в

стройную систему взаимосвязанных мер. При этом определялся порядок реализации этих мероприятий и сроки исполнения. «План финансов» имел две части: устройство финансов на 1810 г. (т. н. текущий план) и постоянное устройство их с 1810 г. на будущее время (т. н. перспективный план).

Появление «Плана финансов» было продиктовано тяжелым финансовым положением страны, огромным дефицитом ее бюджета, который покрывался неконтролируемым выпуском новых ассигнаций и займами. Россия оказалась на грани финансового краха. Для восстановления ее финансовой системы необходимо было решить две основные задачи: 1) устранить дефицит бюджета, уравняв доходы с расходами; 2) погасить государственный долг. Соответственно «План финансов» включал разделы: 1) о соразмерности доходов и расходов; 2) монетную и кредитную системы; 3) управление финансами[94]. По сути речь шла о кардинальных реформах в области бюджета, кредита, денежного обращения и управления финансами.

О бюджетной системе в «Плане финансов». Основным правилом бюджетной системы должно быть, по «Плану финансов», обеспечение соразмерности расходов с приходами, причем расходы должны учреждаться по приходам. Дефицит бюджета следует устранять сокращением расходов (издержек) и увеличением доходов. Все расходы, согласно Плану, подразделялись по категориям в зависимости от критериев классификации: 1) по управлению (по министерствам, по двору и проч.); 2) по степени нужды (необходимые, полезные, избыточные и излишние); 3) по пространству (государственные, окружные, волостные); 4) по характеру (обыкновенные и чрезвычайные); 5) по виду издержек (постоянные и переменные). Все статьи расходов распределялись в соответствии с указанными классами.

В доходной части бюджета доходы подразделялись в зависимости от источников на налоговые (подати и налоги) и неналоговые (доходы с казенных капиталов и доходы с казенной собственности).

---

[94] См.: Михаил Михайлович Сперанский. План финансов // У истоков финансового права. М., 1998. Т. 1. С. 35–99.

В «Плане финансов» были заложены также основы бюджетного процесса: 1) порядок разработки проекта бюджета (росписи) учрежденным при Министерстве финансов специальным комитетом, 2) внесение его на рассмотрение в Государственный совет, 3) Высочайшее утверждение бюджета (годовой росписи доходов и расходов), а равно 4) порядок его исполнения на основании смет министерств через Казначейство под контролем Министерства финансов, которое дает заключения по кредитным запросам министерств. Планом предусматривалось придание государственному бюджету (росписи) силы закона на финансовый год[95].

О налоговой системе в «Плане финансов». В «Плане финансов» в качестве сокращения дефицита бюджета рассматривались два пути: государственный кредит или увеличение налогов. М. М. Сперанский отдал предпочтение второму пути. В качестве задач реформы провозглашались достижение баланса доходов и расходов, увеличение наполняемости бюджета через введение новых обоснованных и не наносящих вред хозяйству внутренних акцизов и пошлин. Увеличение налогового бремени при этом не должно было быть произвольным. Реформатором предлагалось введение поземельной подати вместо подушной, отмена устаревших винных откупов и введение существующих в других государствах акцизов. Причем введение поземельной подати должно сопровождаться участием депутатов в губерниях, которые производят раскладку данной подати по по волостям и уездам.

О монетной (денежной) системе. В «Плане финансов» монетная система рассматривалась в единстве с кредитной системой, сопоставлялись металлические монеты и кредитные бумаги. Монеты характеризовались свойствами достоверности, удобства и обширности. Кредитные бумаги по «Плану финансов» «та же самая монета металлическая, но усовершенствованная в степени и пространстве обращения»[96]. В благоустроенной монетной системе устанавливались два рода монет: серебряная банковая и разменная (серебряная и медная). Медная монета должна иметь единственное предназначение – размен серебряной монеты.

---

[95] Михаил Михайлович Сперанский. План финансов. С. 48.
[96] Там же. С. 59.

О кредитной системе в «Плане финансов». Кредитные бумаги подразделялись на 4 класса: 1) кредитные бумаги, основанные на серебре; 2) бумаги на меди; 3) бумаги, основанные на товарах и недвижимых имуществах (векселя, закладные и заемные бумаги, т. е. облигации); 4) бумаги, которые основаны на предложениях капитала (ассигнации). Первые два класса мы бы отнесли к бумажным деньгам.

Кредитная система также призвана обеспечить уравнивание доходов с расходами. В «Плане финансов» предусматривалось прекращение нового выпуска ассигнаций, а все старые ассигнации предполагалось признать государственным долгом, обеспеченным богатством государства. Но государственный долг, как известно, необходимо возвращать (погашать). Финансовая практика других государств, как указывается в «Плане финансов», использует следующие способы погашения бумаг: 1) отказ платежей, или банкротство; 2) выкуп ассигнаций; 3) возвышение их кредита; 4) уменьшение количества бумаг, уравнивание их с металлической монетой; 5) уничтожение бумаг. В «Плане финансов» предусматривалось для погашения имеющихся в обороте ассигнаций открыть внутренний заем, который должен быть основан на серебре по курсу. Причем заем предлагался в разных видах, чтобы в случае неудачи одного вида заменить его другим. Реформа как монетной, так и кредитной системы предполагала учреждение банка, основанного на серебре.

Об управлении финансами. Реформа управления в сфере финансов предполагала соединение всех государственных доходов и расходов в одном управлении – Министерстве финансов. В нем за источники дохода должен отвечать министр финансов, за движение капиталов – государственный казначей, за общую проверку (ревизию) – государственный контролер.

Одной из целей Плана было повышение доверия общества к прочности государственных учреждений. Предполагалось установление более эффективного контроля над государственными издержками. Именно в соответствии с данным планом в 1811 г. учреждается Главное управление ревизии государственных счетов, во главе которого встал Государственный контролер. Первым эту должность получил сподвижник М. М. Сперанского *Балтазар Балтазарович Кампенгаузен*, занимавший её до 1823 г.

Забегая вперед, отметим, что среди видных специалистов в сфере финансового права можно назвать таких государственных контролеров (с 1836 г. Главное управление ревизии государственных счетов было преобразовано в Государственный контроль), как *В. А. Татаринов* (в должности с 1863 по 1871 г.), *П. Х. Шванебах* (в должности с 1906 по 1907 г.), *Н. Н. Покровский* (в должности 1916 г.), *Ф. Ф. Кокошкин* (в должности 1917 г.).

Чиновник Министерства финансов *И. С. Блиох* (о нем далее) по прошествии почти 70 лет со дня принятия «Плана финансов» в своем фундаментальном исследовании, посвященном истории русских финансов, отмечал, что этот план заложил «твердые начала в бюджетном деле», что являло собой «важный, но тяжелый подвиг М. М. Сперанского». М. М. Сперанского и его сподвижника Н. С. Мордвинова И. С. Блиох оценивал как «двух защитников строгого сбережения государственных доходов и восстановления нормального денежного курса»[97].

Ближайшим сподвижником М. М. Сперанского был еще один видный государственный деятель – **Михаил Андреевич Балугьянский** (1769–1847). Это был уроженец Венгрии, словак по национальности, подданный Австрийской империи Габсбургов. В венгерской транскрипции его фамилия читается как «Балудянский», под которой он и был известен в Европе. Он окончил в 1787 г. Королевскую академию правоведения в г. Кашау (ныне г. Кошице в Словакии) и юридический факультет Венского университета (1789 г.). Данный университет в то время был признанным центром изучения финансовой науки, где преподавал один из отцов-основателей данной науки И. Зонненфельс. Таким образом, воспитан М. А. Балугьянский был в духе классического австрийского консерватизма, во враждебности к несбыточным либеральным теориям. При этом характер он имел миролюбивый и общительный, склонялся к компромиссам и не любил лобовых столкновений. К тому же умел учиться, а его идейные воззрения были открыты для эволюции.

Сразу после завершения учебы М. А. Балугьянский начал вести занятия в Гражданской академии Гросс-Вардейн (г. Надьвард, ныне

[97] См. Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. СПб., 1882. Т. 1. С. 110, 132.

на территории Венгрии) по политической экономии, полицейскому, финансовому и торговому праву. С 1796 г. он уже доктор права и профессор Пештского университета, где руководил кафедрой истории, статистики, публичного и народного права, некоторое время исполнял должность декана. К тому времени это был ученый с европейским именем, специалист по политической экономии и финансовому праву. Он владел основными европейскими языками, рядом славянских языков. Уже в России он выучил русский, на котором достаточно много писал, однако наш язык дался ему с большим трудом, и он так и не избавился от сильного акцента, предпочитая в общении французский.

В начале 1804 г. он прибыл в Россию по официальному приглашению для преподавания в Учительской гимназии (с 1804 г. – Петербургский педагогический институт) по кафедре политической экономии. В том же году он был приглашен в только что созданную Комиссию составления законов (отдел государственного хозяйства и финансов). С названной комиссией ученый сотрудничал до ее упразднения в 1826 г. Его можно считать ближайшим помощником М. М. Сперанского в подготовке «Плана финансов». Его отношения с известным реформатором были хорошими и ровными, но в качестве человеческого типа М. М. Сперанский представлял полную противоположность М. А. Балугьянскому. Пожалуй, единственный упрек, который сделал Михаил Андреевич своему русскому коллеге, заключался в том, что тот не был глубоко знаком с немецкой культурой и наукой, т. к. не знал в совершенстве немецкий язык. Именно ориентация М. М. Сперанского на французский опыт государственного строительства, менее устойчивого, чем германский, способствовала, по его мнению, неудачам проводимых реформ[98].

С 1817 г. Михаил Андреевич возглавил Комиссию погашения государственных долгов Министерства финансов. Преуспел он и на педагогическом поприще, став в 1813 г. деканом философско-юридического факультета Петербургского педагогического института. Там в качестве профессора он читал курс «Право финан-

[98] См.: Баранов П. И. Михаил Андреевич Балугьянский, Статс-секретарь, Сенатор, Тайный советник (1769–1847). Биографический очерк. СПб., 1882. С. 41–43.

совое и коммерческое», причем без всякого вознаграждения. В 1819 г. он становится первым ректором Санкт-Петербургского университета, одновременно занимает кафедру энциклопедии права, политических наук и политической экономии. Кроме того, в 1813–1817 гг. он преподавал юридические науки великим князьям Николаю (будущий Николай Первый) и Михаилу. В 1821 г. в знак протеста против увольнения ряда университетских профессоров за «неблагонадежность» он оставляет пост ректора, а со следующего года назначается старшим членом Комиссии составления законов, занимается упорядочением административного и финансового законодательства, формирует ряд предложений по совершенствованию финансовой деятельности государства. Как уже указывалось выше, в 1826–1847 гг. он возглавлял II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, являлся ближайшим сотрудником М. М. Сперанского по систематизации российского законодательства. С 1826 г. он стал тайным советником[99].

После ухода с поста ректора столичного университета Михаил Андреевич полностью не оставил преподавания, хотя зачастую читал лекции «без содержания». Его по-прежнему интересовали проблемы просвещения. В частности, он выступил инициатором отправки студентов юридических факультетов российских университетов для обучения в Берлинский университет, а затем и в другие германские университеты. В целом эта практика сохранялась с 1829 по 1835 г. Михаил Андреевич постоянно поддерживал связь с европейским научным миром, переписывался с немецким ученым А. Гумбольдтом и министром внутренних дел Пруссии Л. Штайном.

Сам ученый к тому времени окончательно сроднился со своим новым отечеством, в 1837 г. был возведен в русское дворянство. По вероисповеданию униат, последнее причастие он принял по православному обряду. От своих венгерских привязанностей

[99] См.: Баранов П. И. Михаил Андреевич Балугьянский. СПб., 1882; Белозеров С. А., Дубянский А. Н. Михаил Андреевич Балугьянский // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 109–116; Фатеев А. Н. Академическая и государственная деятельности М. А. Балудянского в России. Ужгород, 1931.

он сохранил только пристрастие к токайскому вину. Современники свидетельствовали, что глубокая ученость сочеталась у него с детским добродушием, полным отсутствием рисовки. Жизнь он вел самую скромную, с небрежением относился к своей внешности, был неприхотлив в еде, а со второй половины 1820-х гг. большую часть времени работал в своем кабинете при квартире, облачившись в старый халат. С возрастом он приобрел типичную профессорскую рассеянность и мог прийти на прием, одевшись в два фрака. После приема он долго удивлялся тому, что забыл дома плащ, перепутав его со вторым фраком. Сетование Михаила Андреевича в частных разговорах на недостаток средств можно понять только с учетом его 10 детей, 7 из которых девочки. Естественно, достойное устройство их судьбы по меркам того времени требовало немалых средств.

Его финансово-правовые воззрения выражены как в уже упомянутых государственных проектах, так и в ряде статей, в которых он преимущественно разбирает экономическое учение А. Смита о природе и причине богатства народов[100]. Читаемый им курс политэкономии также был построен в основном в соответствии с идеями А. Смита. Напомним, что его практическая деятельность была связана в значительной части с финансовым законодательством. Изменения в нем он ставил в зависимость от изменений общего политического курса, с возможной отменой крепостного права. Михаил Андреевич придерживался прогрессивных идей придания государственному бюджету силы закона, введения поземельной подати, соответствия тяжести налогового бремени экономическим возможностям налогоплательщиков. Он разрабатывал теоретические основы создания кредитных учреждений, порядка определения системы государственных смет.

К сожалению, крупных печатных трудов на русском языке ученый не имел, а составленные им рукописные труды по большей части не известны. Так, в записке на имя министра финансов Д. А. Гурьева от 22 ноября 1816 г. он упоминает о составлении обширного труда в 8 томах на русском и французском языках «по

[100] См.: Балугьянский М. А. Национальное богатство // Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1–2; Его же. Статья теоретическая о разделении и обороте богатства // Там же. 1808. Т. 2. Ч. 2.

политической экономии и финансам». Там же он говорит о ряде проектов разных финансовых мероприятий, принятых в 1810 г. и проведенных постепенно в 1810–1812 гг. Вероятно, среди них есть и первичная записка о будущем «Плане финансов». Также ученый пишет о наличии трех обширных записок с изложением истории финансовой администрации России от Петра I до 1812 г. Им упоминается о разработанном финансовом плане, одобренном Александром I в 1814 г. Перечислены, среди прочего, поданные им проекты преобразований кредитных учреждений, банков, введения бумажных денег. Есть данные о написании им сочинения «Изображение различных хозяйственных систем»[101]. Насколько нам известно, ни один из этих актов и сочинений не был полностью опубликован, а о большинстве из них в литературе нет даже упоминаний.

М. А. Балугьянский заложил ряд новых для России традиций. Так, он был первым крупным ученым, который сначала совмещал преподавание в вузе с государственной деятельностью, а затем полностью перешел на государственную службу. Свои научные амбиции он смог реализовать, как нам представляется, именно на поприще государственной деятельности. М. М. Сперанский также начинал как преподаватель, но не преподавал финансовые дисциплины и практически сразу полностью переключился на госслужбу. Кроме того, М. А. Балугьянский смог подготовить учеников как в Петербургском педагогическом институте, так и из числа подчиненных чиновников. Так, одним из первых преподавателей финансовой науки в Санкт-Петербургском университете стал его ученик по педагогическому институту профессор *М. Г. Плисов* (1782–1853). Его влияние, как и влияние М. М. Сперанского, испытали многие будущие деятели российских финансов, в том числе *Ф. П. Вронченко* (1780–1854), *М. А. Корф* (1800–1876) и др. Это относится и к *Н. И. Тургеневу*, о котором речь пойдет далее.

Нельзя не отметить, что взгляды ученых на конкретный вклад авторов в подготовку «Плана финансов» разнятся. Так, некоторые исследователи отдают пальму первенства М. А. Балугьянскому или называют его «планом Балугьянского – Сперанско-

[101] См.: Баранов П. И. Указ. соч. С. 14, 38 и др.

го»[102]. Достаточно оригинальным выглядит приписывание авторства «Плана финансов» М. М. Сперанскому, Д. А. Гурьеву и Н. С. Мордвинову[103]. Очевидно, *Д. А. Гурьев* (1751–1825), бывший с 1802 г. товарищем министра, а в 1810–1823 гг. министром финансов России, в соавторы включен быть не может. Реформаторские способности этого чиновника его современники оценивали достаточно скромно, а предложенные им проекты, в том числе по освобождению крепостных крестьян (1819 г.), были крайне консервативны. Говоря современным языком, это был «крепкий хозяйственник», деятельность которого на посту министра финансов имела достаточно печальные последствия. Кроме того, его отношения с М. М. Сперанским были натянутыми, и Д. А. Гурьев имел прямое отношение к опале известного реформатора. Также очевидна важная роль М. А. Балугьянского, который был наиболее подготовлен именно к финансово-правовым аспектам преобразований. Более того, первоначально записка по этому предмету была представлена, вероятно, именно М. А. Балугьянским. Однако мы считаем правильным называть автором «Плана финансов» именно М. М. Сперанского, т. к. он был его главным идеологом, движущей силой создания, представлял проект Александру I и в Госсовете. Это роднит План с так называемыми «именными» законами, например в США, хотя в подготовке таких законов принимает участие целый круг политиков и специалистов. Первоначально его проект обсуждался в узком составе государственных деятелей, в который входили, помимо названных лиц, министр внутренних дел В. П. Кочубей, будущий Государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен, граф С. О. Потоцкий[104]. В Департаменте экономии Госсовета План представлял Н. С. Мордвинов.

---

[102] См.: Белозеров С. А., Дубянский А. Н. Указ. соч. С. 112; Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909. С. 81; Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948. С. 34 и др.

[103] См.: Коломиец А. Г. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра Освободителя. М., 2001. С. 245.

[104] См.: Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. 1. С. 94; Иконников В. С. Указ. соч. С. 77; Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993 (по изд. 1912 г.). С. 88–89 и др.

Кратко скажем о других деятельных участниках подготовки «Плана финансов». *Виктор Павлович Кочубей* (1768–1834), представитель известного малороссийского дворянского рода, впоследствии князь, образование получил в престижном пансионе де Вильнева в Петербурге. В молодости он долго жил за границей, изучил английскую государственную и финансовую систему, был знаком с государственным устройством Франции, во время дипломатической службы в Швеции посещал лекции в Упсальском университете. Примечательно, что этот урожденный малоросс и русский государственный деятель французский язык знал лучше русского, в случае затруднений в общении всегда переходил на него, да и писал преимущественно на языке Расина и Мольера. При этом князь был подлинным русским патриотом и государственником. В переписке с малороссийским генерал-губернатором Н. В. Репниным он подчеркивал: «Хотя я по рождению и хохол, но я более русский, чем кто другой и по моим принципам, и по моему состоянию, и по моим привычкам. Мое звание и занимаемый мною пост ставят меня выше всяких мелких соображений. Я смотрю на дела Ваших губерний с точки зрения интересов нашей страны. Микроскопические виды не мое дело»[105].

Он входил в ближний круг Александра Первого, именуемый Негласным комитетом, был личным другом царя. Действительный тайный советник (1797 г.), видный дипломат, сторонник умеренных преобразований, В. П. Кочубей стал первым министром внутренних дел (1802–1807, затем 1819–1823 гг.). Отметим, что его интерес к финансам был не случаен, ибо в ведении МВД находилась забота о промышленности, торговле, контроль за ценами на продовольствие, за благоустройством городов и др. Примечательно, что с 1803 г. М. М. Сперанский был директором департамента МВД и ближайшим помощником министра. В 1806–1807 гг. Виктор Павлович был членом Особого комитета по части финансов, с 1809 г. – членом Комитета по изысканию средств к восстановлению равновесия в бюджете, в Государственном совете с 1810 г. занимался проблемами экономики и законодательства. Опытный царедворец не стал защищать свои

[105] Цит. по: Николаенко П. Д. Князь В. П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 653–654.

принципы, и после опалы М. М. Сперанского в 1812 г. написал записку против осуществления «Плана финансов», хотя сам принимал участие в его составлении.

В 1813–1814 гг. он входил в Комитет для рассмотрения упадка питейных сборов и предложений по устройству винных откупов. С 1827 по 1834 г. занимал должности председателя Государственного совета и Комитета министров, возведен в княжеское достоинство (1831 г.). Современники отмечали его необыкновенный ум, умение улавливать сущность проблемы, талант находить контакт с людьми. Он был не только «утонченный министр и важный вельможа», но и компетентный специалист в сфере государственного управления и финансов, сторонник умеренного налогообложения и сбалансированного бюджета[106]. Среди его многочисленных наград и званий есть и такие: почетный член Императорской Академии наук (1818 г.), Вольного экономического общества (1821 г.), Петербургского (1828 г.) и Московского (1832 г.) университетов.

Балтазар Балтазарович Кампенгаузен (1772–1823) происходил из баронского рода прибалтийских немцев, вероятно с голландскими корнями. В 1789–1792 гг. слушал лекции в Лейпцигском, Виттенбергском, Геттингенском и Стокгольмском университетах, показал себя талантливым историком и правоведом. Избран членом в Прусское Королевское общество наук и корреспондентом в Королевский институт исторических знаний. С 1792 г. на русской службе, находился на дипломатической работе, был советником суда в Риге, затем входил в комиссию по составлению законов Российской империи. В 1792 г. на немецком языке он издал труд «Основания российского государственного права». С 1800 г. Б. Б. Кампенгаузен работал в Медицинской коллегии, с 1803 г. руководил Медицинской экспедицией МВД. Он много сделал для становления медицинской и фармацевтической системы на юге России, организации карантинной службы. Вхо-

[106] См.: Записки графа В. П. Кочубея о положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введении лучшего устройства в разные отрасли, производство составляющие // Сборник Русского исторического Императорского общества. 1894. Т. 90; Кочубей В. П. Мнение об управлении финансовой системы в 1819 г. // Сб. материалов по ведомству Министерства финансов. 1866. № 3 и др.

дил в круг ближайших советников М. М. Сперанского по финансовым вопросам, по инициативе последнего в 1810 г. был назначен Главным казначеем, а с 1811 г. стал первым главой Главного управления ревизии государственных счетов (с 1836 г. – Государственный контроль). Он был инициатором создания и автором Положения об организации этого органа в ранге министерства. Главной задачей ученый считал налаживание бюджетно-сметного порядка в стране. Современники высоко оценивали его личную порядочность и высокий интеллект, большое трудолюбие и неустанные попытки повысить образовательный уровень чиновников. Подчиненные за глаза звали его «наш ученый немец». Еще с 1800 г. он неоднократно принимал участие в ревизиях и комиссиях, вскрыл многочисленные случаи злоупотребления со стороны чиновников, включая высших. В 1823 г. одновременно ему было поручено управление МВД. Ответственное отношение к руководству двумя министерствами окончательно подорвало его здоровье. Это был достаточно сухой и даже холодный в общении человек, однако эти качества компенсировались его государственным умом, широтой кругозора и неизменной честностью. Практически все его труды были опубликованы на немецком языке, однако он прекрасно писал и говорил по-русски, хотя и с некоторым характерным акцентом.

Наконец, последним из шести наиболее активных деятелей, принимавших участие в обсуждении «Плана финансов», назовем *Северина Осиповича Потоцкого* (1762–1829). Это был представитель знатного польского дворянского рода, граф. Финансовую науку и право он постигал в университетах Женевы и Лозанны. Службу начинал при польском королевском дворе, а с 1793 г. продолжил ее в Петербурге. С 1801 г. назначен сенатором, трудился на ниве просвещения, принимал деятельное участие в учреждении Харьковского университета (1804 г.). С 1810 г. С. О. Потоцкий назначается членом Госсовета, принимает участие в разработке проектов финансовых преобразований. Это был широко и прогрессивно мыслящий государственный деятель, один из наиболее видных деятелей «польской партии» при русском императорском дворе.

Несколько иную роль в генезисе науки финансового права сыграл другой высший российский сановник – **Егор Францевич Канкрин** (1774–1845). Георг (впоследствии Егор) Канкрин ро-

дился в 1774 г. в г. Ганау (Гессен), обучался в университетах Гессена и Марбурга, доктор права (1794 г.). Его интересы уже в молодости были достаточно разнообразны. Он живо интересовался вопросами философии, архитектуры и археологии, прилично играл на скрипке, был любителем театра, написал немало рецензий и несколько рассказов.

Молодой специалист приехал в 1797 г. в Россию, где его отец, известный минералог, заведовал Старорусскими соляными заводами. Первоначально Петербург, да и вся Россия произвели на него не лучшее впечатление, а первые шесть лет в своем новом отечестве он провел в высоком чине надворного советника, но без определенного служебного положения и даже в нужде. Только в 1800 г. благодаря покровительству графа А. И. Остермана он получил должность помощника своего отца в Старой Руссе с чином коллежского советника, но это принципиально не изменило ситуации.

В 1803 г. он определен на службу в МВД советником при Экспедиции государственного хозяйства, с 1809 г. – инспектор иностранных колоний Петербургской губернии. Записка о военном искусстве «Fragmente uber die Kriegskunst», напечатанная Е. Ф. Канкриным в 1809 г. (анонимно, СПб., 1809; 2-е издание, Брауншвейг, 1815), и работа «О системе и средствах продовольствования больших армий» обратили на себя внимание немецких генералов при Александре I. В начале 1811 г. он назначен помощником генерал-провиантмейстера Военного министерства, в 1812 г. – генерал-интендантом I Западной армии, а в начале 1813 г. – генерал-интендантом всей действующей русской армии, с которой он совершил заграничный поход 1813–1814 гг. На Е. Ф. Канкрине лежала организация продовольствования войск и позднее – ликвидация расчетов с союзными государствами и Францией. В 1815 г. он представил отчет о своей деятельности генерал-интенданта, опубликованный позднее (в 1857 г.). Исследователями его организаторские способности на военно-тыловом поприще в целом оцениваются положительно, хотя встречаются и достаточно резкие замечания[107]. В 1816–1820 гг. он находился при Главной квартире в Могилевской губернии. В этот период

[107] См., например: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 2007. С. 160, 193, 399–340, 438.

Е. Ф. Канкрин вернулся к научным занятиям и написал ряд работ на немецком языке: «Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirtschaft» («Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство», анонимно, Мюнхен, 1821)[108], «Ueber die Militar-Oekonomie im Frieden und Kriege» («О военной экономике во время войны и мира») (анонимно, СПб, 1820–1823). В 1820 г. Егор Францевич назначен членом Военного совета, в 1821 г. – членом Государственного совета по Департаменту государственной экономии. Наконец, с 1823 по 1844 г. он был министром финансов России, в 1828 г. произведен в генералы от инфантерии, а в 1829 г. ему было пожаловано графское достоинство. Е. Ф. Канкрин являлся почетным членом Петербургской (с 1824 г.) и Парижской (с 1844 г.) академий наук.

Еще до назначения на пост министра финансов он изложил свое финансовое кредо в ряде публикаций, прежде всего в упомянутой работе «Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство». Егор Францевич считал это сочинение сугубо теоретическим, однако оно прошло мало замеченным и вызвало только отрицательные отзывы. Между тем это оказалась определенная программа его практической деятельности на посту министра финансов. Его перу принадлежит и записка об освобождении крепостных крестьян (1816 г., подана Александру I в 1818 г.). В этом проекте отражено его отрицательное отношение к крепостничеству и тяга к постепенности. Отмену крепостного права он предлагал начать в 1820 г., а завершить к 1850 г.

Как экономист Е. Ф. Канкрин причислялся германским экономистом В. Рошером к русско-немецкой школе и к противникам либеральной школы А. Смита. Финансово-правовые взгляды ученого и их реализация в деятельности на посту министра финансов исследованы достаточно подробно. Довольно высоко оценили их российский финансист, чиновник Министерства финансов И. С. Блиох (о нем будет сказано отдельно), известный специалист по финансовому праву В. А. Лебедев и историк

[108] В этой книге ученый уже высказал те соображения, которые затем проводил в жизнь, став министром финансов.

А. А. Корнилов[109]. Некоторые специалисты по финансовому праву досоветского и постсоветского периодов более сдержанны[110].

И. С. Блиох дал следующую емкую характеристику финансовой системе Е. Ф. Канкрина: «Е. Ф. Канкрин с беспощадным упорством ввел свою систему в дело управления финансами и применял ее во всех частях: частный кредит подпал под влияние государственного, частная промышленность ослаблена в пользу государственной, кредитные учреждения послужили лишь орудием для финансовых операций казны. Хотя нельзя отрицать, что граф Канкрин был ярым защитником покровительственной системы, в самом узком значении этого слова, и поборником запретительной системы, введенной в 1822 г., благоволил к устарелым идеям, считая либералов своими личными врагами, считал железные дороги опасными разрушителями народного благосостояния, ввел откупную систему в питейном деле вместо акцизной… Но все-таки он представляет собой одного из крупнейших государственных деятелей в истории русских финансов, оказавшего незабвенные услуги России и ее экономическому развитию… Его более чем двадцатилетняя деятельность отозвалась самым благоприятным образом на государственных финансах, торговле, промышленности»[111].

Действительно, его взгляды на проблемы финансов были достаточно консервативны, и тот же И. С. Блиох отмечал «инертность и враждебное отношение Е. Ф. Канкрина ко всем новшествам»[112]. Он был против развития системы частных банков, не поощрял государственное субсидирование строительства железных

---

[109] См.: Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. 1. СПб., 1882. С. 155–241; Лебедев В. А. Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 167–174. Впрочем, А. А. Корнилова известный финансист А. И. Буковецкий отнес к «невнимательным и ничего не знавшим читателям по части экономической истории» (Буковецкий А. И. Указ. соч.).

[110] См., например: Кауфман И. И. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909; Судейкин В. Т. Восстановление в России металлического обращения (1839–1843). М., 1891; Левичев И. Н. Реформа Канкрина // Деньги и кредит. 1993. № 4 и др.

[111] Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История – статистика.

[112] Там же. С. 202.

дорог и частных предприятий. Дело доходило до того, что, когда долгосрочные ссуды должны были выдаваться казенным банкам, это допускалось только с личного разрешения министра. Сам министр любил говорить, что главная заслуга его «не столько в том, что он сделал, сколько в том, чему помешал»[113]. При нем совершенно искусственно поддерживалась кустарная дворянская промышленность и недостаточно стимулировался рост крупного промышленного производства. В целом в экономической сфере решительные преобразования так и не были произведены, Е. Ф. Канкрин к ним и не стремился. Постоянный рост военных расходов, низкая исполнительская дисциплина, коррупция на всех этажах государственной власти сделали экономику того периода «экономикой застоя».

Как уже указывалось, Е. Ф. Канкрин был сторонником государственного протекционизма, хотя и с известной гибкостью. Об этом свидетельствует хотя бы то, что таможенный тариф пересматривался при нем 6 раз, причем постоянно в сторону увеличения. Он последовательно проводил жесткую экономию бюджетных средств, а введение новых податей и сборов считал только крайней мерой. Однако в условиях постоянных войн, которые вела Россия, это было сложно. При нем была восстановлена система винных откупов, введены акцизы на табак, инородцы были обложены подушной податью. Введение винных откупов вместо винной монополии в 1827 г. в первые годы дало некоторый финансовый эффект, но затем откупщики стали скрывать от казны доходы, а уровень взяточничества в этой сфере превысил все мыслимые масштабы. Министр считал винные откупа более эффективными с экономической точки зрения, чем государственная монополия на винокурение[114]. Он стремился засекретить реальное состояние отечественных финансов и государственный бюджет, даже не допускал гласности при обсуждении проекта. Широкое применение получило использование средств казенных

[113] Лебедев В. А. Указ. соч. С. 6.

[114] См.: Канкрин Е. Ф. Записка о разных способах взимания питейного дохода. 1826 г. // Сборник сведений и материалов по министерству финансов. 1866. Кн. 3.

учреждений и государственные займы, которые он считал злом, хотя и неизбежным.

Вследствие своей крайней бережливости, порой переходящей в жадность, министр финансов стал персонажем многих притч и анекдотов. Говорили, что он даже дома ходил только в генеральской шинели, курил только российский табак, а обстановка его кабинета была настолько аскетичной, что там не было даже стакана для воды. Подчеркнем и то, что практически все свои произведения Е. Ф. Канкрин публиковал анонимно, хотя последнее было скорее следствием не скромности, а писательского честолюбия, опасения последующей критики. П. О. Брок, бывший министром финансов в 1852–1858 гг., рассказывал следующую историю. Однажды на докладе у Николая I он получил от государя вопрос о возможности выделения денежных средств на определенные мероприятия. П. О. Брок ответил, что для выполнения воли Его Величества всегда средства найдутся. Николая I такой ответ очень обрадовал, и он сказал: «Очень рад, Брок, что я не встречаю в тебе того всегдашнего противоречия, которому меня научил Канкрин. Он, бывало, придет ко мне в туфлях (граф Канкрин страдал опухолью ног), станет у камина греть себе спину, и, что бы я ни говорил, у него всегда один ответ:"Нельзя, Ваше В еличество, никак нельзя..."» [115]. Впрочем, это не помешало ему 21 год занимать пост министра финансов. Этот своеобразный рекорд в нашей истории смог превзойти только А. Г. Зверев (1900–1969), бывший наркомом (с 1946 г. – министром финансов) СССР с 1938 по 1960 г., с небольшим перерывом в 1948 г., когда он был заместителем министра финансов СССР. К личности А. Г. Зверева мы обратимся позднее.

Несомненно одно. Е. Ф. Канкрин был достаточно незаурядным финансистом и видным государственным деятелем. Его чиновничье «долголетие» было связано с научными познаниями и такими человеческими качествами, как честность, скромность, бережливость. Его работоспособность в годы министерства была просто поразительной: он работал по 15 часов в день, не считая времени приема посетителей и просителей. Если в начале своего управления Министерством финансов он имел репутацию мизан-

[115] Цит. по: Блиох И. С. Указ. соч. С. 242.

тропа, нелюдимого ворчуна с резкими выходками и немца, безбожно коверкающего русский язык, то вскоре все изменилось. Он приобрел репутацию не только честного счетовода, которого трудно обмануть, но и знатока в сфере финансов и хорошего организатора. М. А. Корф, бывший подчиненный Е. Ф. Канкрина, так писал о нем: «С обширными, если не всегда глубокими знаниями по всем отраслям знаний человеческих, с изумительною деятельностью и быстротою в работе, с прозорливою дальновидностью, наконец, с умом необыкновенно практическим, в нем соединялся чрезвычайный дар находить простую и удобную развязку для самых сложных и прихотливых вопросов. В речах его, несмотря на странный немецкий их склад, и еще более странный выговор, всегда было что-то пластическое, осязательное для умов и понятий всех степеней…»[116]. Не стоит забывать, что при абсолютной монархии деятельность министра финансов могла осуществляться только при поддержке монарха. Николай I благоволил Е. Ф. Канкрину постоянно и неизменно.

Отметим, что большинство своих более поздних финансовых исследований Е. Ф. Канкрин подготовил в виде сообщений, обзоров, записок, докладов. В 1838 г. он читал лекции по финансовой науке великому князю Александру Николаевичу (будущему Александру II) (напечатаны в Петербурге в 1880 г. под заглавием «Краткое обозрение Российских финансов графа Е. Ф. Канкрина»). Перед оставлением министерства он представил государю «Обзор примечательнейших действий по финансовой части в течение 20 последних лет».

Многие взгляды ученого представляют значительный интерес, тем более что некоторые из них имели реальное воплощение. Принципы его финансово-правовой политики можно свести к следующим: 1) бережливость и экономия бюджета, отказ от всех непроизводственных расходов, в том числе от излишних военных. Его кредо в этой части выражено в словах: «Я скряга на всё, что не нужно». Результатом должен стать бездефицитный, сбалансированный бюджет; 2) осторожность в пользовании государственным кредитом, централизованный контроль за его выдачей.

[116] Цит. по: Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 199.

Совершенствование финансового контроля и отчетности, необходимость иметь финансовые резервы на случай чрезвычайной ситуации; 3) крайняя осторожность в установлении новых налогов, избежание увеличения прямого обложения, гибкое обложение косвенными налогами. Воздержание от введения новых налогов должно сопровождаться усовершенствованием взимания старых; 4) поднятие отечественной промышленности, в том числе посредством покровительственных таможенных тарифов (которые, впрочем, не должны быть запретительными) и ограниченного государственного кредитования; 5) упрочение денежной системы и проведение финансовой реформы с целью укрепления рубля и стабилизации денежного обращения; 6) при осуществлении названного руководство правилом «не ломать, а постепенно улучшать». Конечной целью своей финансовой политики он видел повышение благосостояния народа и отдельных сторон его быта. Поэтому вымогать доходы у беднейшей части населения он считал столь же неразумным, как и рубить плодоносящее дерево.

Практическая деятельность Е. Ф. Канкрина на посту министра финансов России была чрезвычайно разносторонней. С его именем связаны упорядочение русской денежной системы, усиление протекционизма и улучшение государственной отчетности и счетоводства. Денежная реформа 1839–1843 гг., проведенная по инициативе не столько даже Е. Ф. Канкрина, сколько императора Николая I, заключалась в следующем. Ассигнации, впервые выпущенные в России при Екатерине II в 1768 г., ввиду чрезмерных выпусков и устранения разменности падавшие в отдельные годы до 20% номинальной стоимости и вносившие чрезвычайную путаницу в обращение, были после отдельных неудачных попыток фиксированы в существовавшей с 1810 г. серебряной единице манифестом 1 июля 1839 г. (3 рубля 50 копеек ассигнациями = 1 рубль серебром). Этим самым была отвергнута мысль о восстановлении ценности ассигнаций и проведен принцип девальвации. Переходной ступенью было учреждение депозитной кассы (1840 г.), выпускавшей так называемые депозитные билеты, обеспеченные рубль за рубль металлом. Идея реформы была взята из проекта Джона Гранта, представленного последним Александру I в 1821 г. Из проектов реформ за основу были взяты проекты М. М. Сперанского и Е. Ф. Канкрина, разница между

которыми сводилась только к тому, что первый предлагал прибегнуть к зарубежным займам, а второй считал возможным обойтись без оных. Проект Н. С. Мордвинова по традиции был признан нереалистичным.

В силу Высочайшего Манифеста 1 июня 1843 г. ассигнации и иные бумажные знаки стали обмениваться на «государственные кредитные билеты», в свою очередь разменные на звонкую монету. Вся реформа была проведена с большой осторожностью и постепенностью. Теоретически Е. Ф. Канкрин считал бумажные деньги продуктом высокоразвитого хозяйственного строя и допускал их с рядом ограничений (разменный фонд, тщательный контроль со стороны государства, производительные цели выпусков и т. д.). Неразменные деньги – долг государства и, в случае злоупотреблений, самый несправедливый налог; отсюда явное предпочтение Е. Ф. Канкриным металлических денег.

В. Т. Судейкин (о нем речь пойдет в следующих главах) писал, что восстановление в России металлического обращения стало блестящим результатом служебной деятельности гр. Канкрина, которым он увековечил свое имя в экономической истории России, что было уделом весьма немногих наших государственных деятелей[117]. Вместе с тем В. Т. Судейкин отметил и «коренной недостаток – реформа не создала эластичности в области денежно-кредитного обращения и не знала выпуска кредитных рублей соответственно нуждам торговли и промышленности под обеспечение легко реализуемого коммерческого актива банка»[118]. При гр. Канкрине было восстановлено денежное обращение, но не было принято достаточных мер по его укреплению.

В таможенной политике он был сторонником не охранительных, но протекционистских и фискальных пошлин. В этом смысле, а также благодаря его симпатиям к государственному вмешательству в народно-хозяйственную жизнь, его частно-хозяйственному пониманию роли государства, наконец, его отношению к промышленности, Канкрина иногда называют «русским Кольбером». Относясь отрицательно к тарифу 1819 г., он в общем со-

[117] См.: Судейкин В. Т. Восстановление в России металлического обращения (1839–1843). Исторический очерк. М., 1891. С. 1.

[118] Там же. С. 64.

глашался с покровительственным тарифом 1822 г., хотя и находил отдельные ставки чрезмерными. Пересмотры тарифов при Е. Ф. Канкрине (1825, 1830, 1831, 1836, 1838, 1841 гг.) сопровождались повышением и понижением отдельных ставок, но в целом вели к их повышению; их результаты, в общем, в смысле роста таможенных доходов, русской промышленности и активности баланса, были благоприятны. В частности, тариф 1826 г. повлек рост русского сахарного производства. Во избежание роста контрабанды была увеличена таможенная стража и улучшена организация таможенного дела, хотя роста контрабанды и злоупотреблений на таможне избежать не удалось.

При этом улучшение финансовой системы связывалось им с развитием науки, технического прогресса и образования. Егор Францевич учредил мануфактурный совет, устраивал промышленные выставки в Санкт-Петербурге и Москве, давал специальные поручения агентам министерства за границей, основал Технологический институт в Санкт-Петербурге, по его инициативе создан ряд специальных изданий, в т. ч. «Коммерческая газета», «Журнал мануфактур и торговли» и др. Его усилиями были облегчены формальности при открытии промышленных учреждений. Он содействовал расширению овцеводства, горного дела (преобразование горного законодательства, казенной горной промышленности, горного управления, Корпуса горных инженеров, организация геологических изысканий); лесного дела (преобразование Лесного института, новые училища для подготовки лесничих, заграничные командировки, особые инструкции по лесному хозяйству); ввел уставы о векселях, торговой несостоятельности и о системе российских мер и весов. Финансовая система Е. Ф. Канкрина основывалась по-прежнему на подушной подати, но доходы возросли благодаря привлечению к подати инородцев и пересмотру торговых налогов. Министр финансов повысил гербовый сбор, ввел акциз на табак (единственный новый налог за годы его министерства) и вернулся, как уже указывалось, к оказавшейся выгодной в финансовом отношении откупной системе продажи алкоголя.

Приняв финансовое управление в годы крупных бюджетных дефицитов, Е. Ф. Канкрин, хотя и не был в состоянии их устранить, все же значительно, со свойственной ему бережливостью,

сократил. И это несмотря на экстренные расходы, связанные с турецкой и персидской войнами, восстанием в Польше, эпидемиями и т. п. Он ликвидировал финансовые последствия Отечественной войны 1812 г. и значительно упрочил русский государственный кредит. По официальным данным, военные действия в 1812–1815 гг. обошлись России в 400 млн руб. с остатком в 26 млн от сумм, ассигнованных на ее ведение. Требования союзников о выплате им 360 млн руб. на продовольствование наших войск за границей во многом его стараниями были снижены до 60 млн руб. Одним из первых он замахнулся «на святая святых» государственного бюджета, а именно попытался уменьшить военные расходы. Об этом он мог говорить буквально афоризмами: «что миллион – то батальон», «что я сберегаю, то все уйдет на казармы и крепости» и др. В этой части борьба за экономию бюджета шла с переменным успехом, а в период почти непрерывных войн министр ее явно проигрывал.

Меньше внимания он уделял местной финансовой администрации и сельскому хозяйству. Относясь отрицательно к государственным займам, особенно заключаемым с непроизводительными целями внутри страны и неконсолидированным, он под давлением обстоятельств, однако, прибегал к ним и ввел в обращение особые краткосрочные обязательства, так называемые билеты государственного казначейства, отказавшись, впрочем, окончательно от выпуска неразменных бумажных денег. В общем, повторимся еще раз, деятельность Е. Ф. Канкрина – и это отвечало его взглядам – была лишена радикально реформирующего характера. С одной стороны, это обеспечивало большую практичность и приспособленность к жизни его мероприятий, с другой стороны, это не могло устранить основной хозяйственной отсталости страны, сказавшейся позднее, в годы Крымской войны.

За свою долгую государственную деятельность министр финансов нажил немало тайных недоброжелателей и откровенных врагов, которые обвиняли его во всех смертных грехах. Обвинения во взяточничестве и коррупции сразу можно опустить, как необоснованные. Нередко Е. Ф. Канкрина упрекали в нелюбви к России и презрении к русским. Это тоже явное преувеличение, хотя бы потому, что в 1821 г. ему сделали очень выгодное предложение о переходе на австрийскую службу, но он отказался,

предпочитая российское подданство. Обвинения Егора Францевича в чрезвычайном самолюбии и презрении к чужому мнению имеют под собой основу, но это свойства многих известных личностей, в том числе и некоторых персонажей данной книги. Наиболее компетентным критиком его финансовой политики был адмирал Н. С. Мордвинов. Примечательно, что по многим вопросам они были и единомышленниками. Это касается необходимости сокращения военного бюджета, введения твердого серебряного рубля, частично вопросов таможенного тарифа. Однако адмирал критиковал министра за консерватизм и неподвижность его финансовой системы, за отрицание роли общественного кредита, за введение питейных откупов, за сохранение в неизменности налоговой системы, за тайный государственный бюджет и др.

Другой государственный деятель и экономист, тайный советник и член Госсовета *Людвиг Валерианович Тенгоборский* (1793–1857), являясь крайним фритредером, упрекал Е. Ф. Канкрина за его протекционизм, препятствование развитию свободного трансграничного перемещения товаров из-за слишком высоких пошлин. Этот ученый и государственный деятель начинал счетоводом и адъюнктом Казначейства в Великом герцогстве Варшавском, а затем был полномочным комиссаром в Вене. Европейскую известность ему принесло двухтомное сочинение «О финансах и государственном кредите Австрии» (1843 г.). С 1846 г. ученый занимался вопросами русской экономики, являлся автором таможенного тарифа, введенного в 1850 г., одновременно возглавив Тарифный комитет. Примечательно, что Л. В. Тенгоборский свои исследования публиковал не на русском и даже не на родном ему польском, а на французском языке. Поразительно, что основное исследование видного российского чиновника о российской экономической и финансовой системе[119], лучшее в научной литературе того периода, на русский язык перевел малоросс И. В. Вернадский, о котором мы скажем далее. В этой дискуссии, если учитывать историческую ситуацию, следует признать правоту скорее протекциониста Е. Ф. Канкрина.

[119] См.: Тенгоборский Л. В. О производственных силах России. Ч. 1–2. М., 1854–1858 (1-е изд. Париж, 1852–1855, на фр. языке).

Помимо этого, его часто упрекали за то, что его финансовые сочинения основаны на ложных посылках, что в финансовом деле он был простым эмпириком, а в таможенном – прямым протекционистом и врагом свободной торговли. В упрек ученому ставили и то, что он поклонник только казенных кредитных учреждений и противник акционерных обществ, что засекретил бюджет и крайне непоследовательно судил о бумажных деньгах, что вообще его воззрения «крайне враждебны науке» и др. Многие из этих обвинений так же необоснованны или спорны. Например, замена винных откупов казенной монополией привела к не меньшему валу критики правительства, о чем будет сказано в разделе, посвященном С. Ю. Витте. Скептическое отношение Егора Францевича к железным дорогам станет более понятным, если иметь в виду, что противников их развития в то время было немало и в Европе, в том числе британский фельдмаршал и премьер-министр А. Веллингтон (1769–1852) и известный французский политический деятель А. Тьер (1797–1877).

Е. Ф. Канкрин, как уже указывалось, был человеком консервативным, не склонным ускорять ход событий, но в перспективе он признавал важность железных дорог, свободы торговли, акционерного капитала, освобождения крепостных и др. Один из лучших русских специалистов по финансовому праву В. А. Лебедев считал, что Е. Ф. Канкрин «был в свое время едва ли не единственным из наших государственных деятелей, практическая деятельность которых имела научную прокладку». Далее он писал: «…нельзя судить о государственных и общественных деятелях, так сказать, вне пространства и времени, выхватывать их из той общественной, политической и моральной обстановки, в которой им приходилось жить и действовать… Необходимо перенестись в ту атмосферу, в тогдашние условия… При таком приеме суждений Канкрин останется навсегда замечательнейшей, выдающейся личностью в истории нашего экономического и финансового быта…»[120].

Стоит отметить еще одну заслугу ученого перед российской финансовой наукой. В 1824 г. по его инициативе был учрежден Ученый комитет Министерства финансов под руководством чле-

[120] Лебедев В. А. Указ. соч. С. 18–19.

на-секретаря. При комитете одновременно учреждается библиотека, которая по богатству финансовой и экономической литературы впоследствии стала одной из лучших в России. Ученый митет не только изучал проблемы науки финансового права в прикладном ключе, но проводил обучение специалистов в сфере обложения оборота алкоголя, переподготовку налоговых и таможенных инспекторов. Примечательно, что свидетельство специалиста по акцизным сборам на рубеже XIX–XX вв. выдавалось не только после сдачи экзамена, но и по представлению диссертации. Что касается библиотеки Ученого комитета, то к 1901 г. в ней была собрана основная выпущенная в тот период литература по финансовому праву и политической экономии на русском и основных европейских языках[121].

Уже в отставке, в Париже, Е. Ф. Канкрин написал в 1844 г. свой последний труд – «Экономия человеческого общества и финансовый строй» (на немецком языке). Судьба этого сочинения у нас в России не очень завидна. Как писал неизвестный переводчик этой работы в 1868 г., труду графа Канкрина «не было на русской общественной арене места», т. к. все «русское и старое без разбора клеймилось печатью отвержения и рутинности»[122]. Сочинение ученого, по словам переводчика, игнорировалось, а впоследствии стало «предметом насмешек по камертону заграничных агентов теории фритредерства». В предисловии к изданию переводчик сокрушался по поводу слепого пристрастия к западной науке, к западным теориям и писал, что сочинение графа «пора вынуть из-под спуда мрака и опалы и предложить для изучения русскому мыслящему обществу». При этом отмечалось, что данное сочинение содержит множество драгоценных практических заметок. Знакомство с этим трудом позволит читателю убедиться, что «весьма несправедливо принимают графа Канкрина за какого-то абсолютного врага теории фритредерства… Эта теория в отдаленном будущем должно и в России непреложно верная, но Канкрин был врагом только ее применения теперь, в

[121] См.: Систематический каталог библиотеки Ученого комитета Министерства финансов. Ч. 1–2. СПб., 1901.

[122] См.: Сочинение графа Канкрина «Экономия человеческих обществ и финансовое устройство»: в 3 ч. Ч. 1. СПб., 1868 (перевод с нем.). С. III.

данную минуту, к младенчествующему еще, в сравнении с его зрелыми уже конкурентами, русскому народу»[123]. Почему в заглавие работы вынесено «экономия человеческих обществ»? Автор это объясняет тем, что, по его убеждению, законы политэкономии должны обнимать вначале совокупность всех земель и народов и потом уже быть применимы к отдельным народам.

Сочинение Е. Ф. Канкрина включает три части. Первая часть – «О происхождении политической экономии» – краткий, но полный очерк всей политической экономии, предназначается для всех, как популярное сочинение. В этой части содержатся разделы: о богатстве; производстве, распределении, потреблении. Вторая часть повторяет то же самое, что изложено в первой части, но гораздо более подробно. Она предназначена уже для специалистов и лиц, которые особенно заинтересуются истинами политической экономии. В ней автор повествует о силе природы и поземельной ренте, о народонаселении, границах производства, недвижимых имуществах в части земельной собственности, горной промышленности, предпринимателях и ассоциациях, чистом доходе, капитале, деньгах и денежных ценностях, банковских учреждениях, конкуренции, торговле. Наконец, третья часть адресована лицам, изучающим финансовое устройство (быт). В ней он дает замечания о доходах государства (доменах, податях, государственных монополиях), о расходах, финансовом балансе, бюджете, финансовой администрации, внутренней организации кассовой системы и государственном контроле.

Сам автор, предваряя свое произведение, писал, что его книга не содержит ни исторического, ни критического, ни полемического изложения науки политической экономии. Пребывая в течение 21 года на посту министра финансов обширной империи, по словам автора, он имел возможность на практике много раз проверить положения науки политэкономии и познакомиться с практическими изъятиями из правил теории. Автор поставил своей целью воспроизвести из зеркала своей жизни то, что, по его

[123] Сочинение графа Канкрина «Экономия человеческих обществ и финансовое устройство». С. IV.

мнению, нужно ввести в область этой науки, чтобы привести ее в гармонию с действительной жизнью[124].

В заключение своего сочинения Канкрин в качестве «духовного завещания в пользу России» называет основные правила, которые должны лежать в основе всякого финансового управления и которыми должен руководствоваться министр финансов.

1. Первая обязанность министра финансов – это способствовать – сколько от него только зависит – поднятию уровня национального богатства.

2. Вторую обязанность министра финансов составляет умножение доходов путем, прежде всего, отсечения излишних расходов, отвращением злоупотреблений с введением лучшего контроля и потом только, когда это окажется совсем неизбежным, – путем повышения податей и учреждения новых налогов, которые всегда должны быть глубоко и зрело продуманы.

3. Неотъемлемую обязанность министра финансов составляет противодействие не необходимому приросту расходов.

4. Министр финансов должен поддерживать ход научных сведений, практических познаний и развития механической талантливости нации.

5. Министр финансов должен иметь строгое наблюдение за должностными лицами своего ведомства, образовывать (обучать) их, поднимать уровень нравственности подчиненного персонала, оплачивать достойно службу. Зарубежный опыт финансового управления необходимо сначала глубоко и основательно изучать, а затем национализировать.

6. В отношении к государственному кредиту министру финансов следует держать себя осмотрительно, всемерно заботясь о его охране, но не относясь к нему с чересчур излишней робостью[125].

Завершить краткий очерк о неоднозначной фигуре Е. Ф. Канкрина хочется оценкой этой личности, которую дал все тот же переводчик его сочинения, к сожалению не указавший своего имени: «…немец по происхождению, но ставший русским по ду-

---

[124] Сочинение графа Канкрина «Экономия человеческих обществ и финансовое устройство». С. 6.

[125] См.: Граф Канкрин и его очерки политической экономии и финансов. В 3 ч. СПб., 1894. С. 286–289.

ше (и тем самым давший собой живой пример, чем стать должен каждый русский подданный, из какой бы он ни был нации)»[126].

Таким образом, М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский и Е. Ф. Канкрин внесли весомый вклад в развитие отечественной финансовой науки и конкретно в развитие науки финансового права. Несмотря на различные подходы к проблемам финансов и даже мировоззренческие установки, их роднила общность подходов к необходимости сбалансированного бюджета, жесткой экономии бюджетных средств, стабильности денежной системы, умеренности налогообложения. К сожалению, по традиции современники и ближайшие потомки плохо были знакомы с их трудами в силу объективных и субъективных причин.

2.2. Оппозиция Его Величества
(Н. С. Мордвинов, Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов и др.)

Если персонажи предыдущего параграфа были, при всей их силе интеллекта и независимости мышления, правоверными монархистами и деятельными высшими чиновниками империи, то о героях этого параграфа стоит сказать иначе. Они были в различной степени оппозиционны к современной им экономической и, в меньшей степени, политической системам. Однако это была, как бы мы сейчас сказали, системная оппозиция, или оппозиция Его Величества (а не Его Величеству). Это относится и к находившемуся на политическом олимпе Н. С. Мордвинову, который всегда имел особую позицию. Не случайно он стал единственным членом Верховного уголовного суда, отказавшимся подписать смертный приговор декабристам, неизменно поддерживал Н. И. Тургенева. Тем более это применимо и к декабристам Н. И. Тургеневу и М. Ф. Орлову. Последние относились к умеренному крылу названного движения, не разделяли идей радикальной смены политического режима и являлись скорее реформаторами, а не революционерами. Остается только пожалеть, что нетерпение части декабристов и консерватизм самодержавных кругов не позволили реализоваться им в полном объеме ни как

[126] Сочинение графа Канкрина «Экономия человеческих обществ и финансовое устройство». С. V.

государственным деятелям, ни как ученым, для чего были все предпосылки.

Николай Семенович Мордвинов (1754–1845) был одним из ближайших сподвижником М. М. Сперанского, о чем уже упоминалось. Выходец из знатного мордовского рода (возможно, с татарскими корнями), он воспитывался с 1762 г. вместе с наследником престола Великим князем Павлом Петровичем, будущим Павлом I. В дальнейшем он избрал военную карьеру, два года провел преимущественно в морских походах («выслан в море») и в 1768 г. окончил Морской кадетский корпус в Петербурге. Курс он освоил всего за два года и в 14 лет получил первый офицерский чин мичмана. Это была не фиктивная запись на военную службу едва ли не с младенчества, что было не редким в екатерининские времена, а реальная служба сначала гардемарина, а затем морского офицера. Впрочем, его отец, известный адмирал С. И. Мордвинов, под началом которого некоторое время служил и сын, косвенно способствовал его быстрому продвижению по службе. Идеалом государственного деятеля для молодого моряка был Петр I, однако к некоторым финансовым мероприятиям его царствования он изначально относился критически.

Таким образом, свою государственную службу Николай Семенович начал на флоте, в 1774–1777 гг. находился в учебном плавании на английских судах у побережья Северной Америки. Тесное общение с англичанами привело к тому, что он проникся либеральными идеями, которые в то время были в ходу на туманном Альбионе. Его англофильство выразилось и в женитьбе на дочери английского консула в Ливорно (Италия) Г. Коблей. Брак оказался счастливым, а три дочери ученого были воспитаны как английские леди. Н. С. Мордвинов в совершенстве знал английский и итальянский языки, которые стали языками общения и в семье, где, помимо трех дочерей, был сын. Его жена, прожив большую часть жизни в России, плохо знала язык своего нового отечества.

Николай Семенович был последователем А. Смита в сфере экономики и И. Бентама в сфере права. С последним он многие годы переписывался. Он всецело воспринял смитовскую критику налоговой системы, а слова классика о том, что «казна не может быть богата, если беден народ», стали и лозунгом русского ре-

форматора. Отсюда уважительное отношение адмирала к частной собственности, которая для экономики есть «первый камень». Отметим, что с основным трудом А. Смита – «Исследованием о природе и причинах богатства народов» (Лондон, 1776 г.) – молодой моряк познакомился едва ли не первым из русских читателей.

Вообще, его ориентация на английскую науку на рубеже XVIII–XIX вв., когда умами всецело завладели французские энциклопедисты, была явлением для русского просвещенного общества уникальным. Русский ученый еще в 1806 г. определил «четырех гениев, которые делали и делают всего более для счастья человечества, – Бэкон, Ньютон, Смит и Бентам». Такую проанглийскую научную ориентацию он сохранил до конца своих дней. Трудно судить о влиянии на русского ученого трудов Д. Рикардо и Ж.-Б. Сэя, но с ними он был знаком.

Молодой контр-адмирал (с 1787 г.) хорошо проявил себя и на военном поприще, в частности в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг., однако из-за разногласий с князем Г. А. Потемкиным, а также в связи с обвинениями в воровстве и растрате казны он вскоре уволился с военной службы. Это было далеко не последнее приключение в его богатой событиями жизни. После возвращения на службу он дослужился до звания адмирала (1797 г.), однако в следующем году по ложному обвинению был арестован, но оправдан судом. Крутой и горячий нрав, независимое поведение государственного деятеля и ученого еще не раз отразились на его карьере. Он был страстным полемистом, говорил с живостью, иногда резко и «в жару прений не всегда соблюдал должное внимание к тому, с кем не соглашался»[127]. Пожалуй, именно в первой половине жизни в его деятельности проявлялись негативные черты, которые ему впоследствии ставились в упрек: излишняя эмоциональность, невнимание к оппонентам, иногда доходящее до грубости, увлеченность частностями в ущерб конечному результату и отсутствие в отдельных случаях реалистичности.

Далее морская служба привела Н. С. Мордвинова к должности вице-президента Адмиралтейств-коллегии (1799–1801 гг.).

[127] Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. Историческая монография. Составлена по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873. С. 81 и др.

Уже тогда его юношеская тяга к проблемам финансового права нашла отражение в проекте создания Трудопоощрительного банка и устава к нему. Адмирал представил их Александру I в 1801 г., и они рассматривались на Непременном совете, однако без практических последствий. Целью банка должно было стать поощрение трудолюбия и предприимчивости, а в его правление должны были входить не только финансисты, но и физики, химики, минералоги и другие специалисты.

Наконец, он становится первым морским министром России с 1802 г., правда, находился адмирал на ней всего три месяца. На государственной службе он сблизился с М. М. Сперанским, стал его ближайшим сотрудником при разработке плана улучшения финансового состояния России. Значительная часть его государственной деятельности была связана с финансами. С 1810 по 1812 г. и с 1816 по 1818 г. он был председателем Департамента государственной экономии Государственного совета, а с 1822 по 1838 г. председательствовал в Департаменте гражданских и духовных дел Госсовета[128]. Его можно считать в какой-то степени соавтором «Плана финансов», о котором уже говорилось. По своим взглядам на проблемы финансов М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов были достаточно близки. Даже после опалы М. М. Сперанского в 1812 г. Николай Семенович остался верен их дружбе и по-прежнему предлагал проведение преобразований. Более того, в 1812 г. он написал прошение об отставке с поста председателя Департамента государственной экономии Государственного совета в знак протеста против опалы своего товарища. Для царских сановников такой поступок в то время был до крайности необычен. Отметим, что и Михаил Михайлович всегда питал уважение к уму и личным достоинствам адмирала. Он считал его человеком обширного ума, который, однако, мог подавляться «забегами воображения»[129]. Здесь явный намек на увлеченность Николая Семеновича, с которой он брался за дело, тягой к проек-

[128] Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. Историческая монография. Составлена по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873. С. 3–159 и др.

[129] Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 194.

там, не всегда отличающимся реалистичностью. К этому сюжету мы еще вернемся.

С именами четырех председателей департаментов только что созданного в 1810 г. Государственного совета связана одна из самых известных басен И. А. Крылова. Как все помнят еще по школьной программе, его знаменитый «квартет» составили «мартышка, осёл, козёл да косолапый мишка». Так вот, под мартышкой подразумевался председатель Департамента государственной экономии Н. С. Мордвинов. В «мартышки» он был произведен за вспыльчивость, ум и подвижность. Под «ослом» подразумевался председатель Департамента законов П. В. Завадовский в связи с некоторым его тугодумством и медлительностью. Глава Департамента военных дел А. А. Аракчеев выведен «медведем» в связи с его неуклюжестью, но большим политическим весом и силой. Наконец, под «козлом» имелся в виду председатель Департамента гражданских и духовных дел П. В. Лопухин. Хочется заверить «продвинутую» в блатном жаргоне читающую публику, что это связано не с тем, о чем подумали некоторые. Данная басня стала отражением скептического отношения просвещенной петербургской публики к возможности сработаться в Госсовете столь разным людям, как главы четырех его департаментов[130].

С 1823 по 1840 г. Н. С. Мордвинов был президентом Вольного экономического общества, которое существовало с 1765 г. Адмирал его реформировал: был образован Совет общества, создано его новое отделение, а также специальные комиссии по направлениям деятельности. При обществе была открыта школа для крестьян в Петербурге. Как уже указывалось, Николай Семенович был известен своей независимостью и прямотой. В частности, он стал единственным членом Верховного уголовного суда, отказавшимся подписать смертный приговор декабристам. Однако это не мешало ему осуждать методы декабристов и средства достижения поставленных ими целей. В 1834 г. он получил графский титул. Этот бывший военный моряк, обладавший аналитическим складом ума, был одновременно нужен и неугоден монархам. Его проекты в финансовой сфере были достаточно прогрессивны, а критика бюджета заставляла Министерство фи-

[130] Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 118.

нансов идти на нестандартные меры. Но, даже будучи на высших государственных должностях, он оказался невостребованным, т. к. был готов служить, а не прислуживаться. Многие предложенные им проекты отклонялись как нереалистические, в частности проект денежной реформы. Граф заработал репутацию «человека энциклопедических сведений, с блестящим даром слова и вкусным пером», а его речи поражали современников сходством с речами мудрецов древности. Однако консерваторы, а таковых в правящих кругах России в то время было абсолютное большинство, видели в нем только «софиста» и «политического мечтателя». Ставили ему в укор и политическую непоследовательность, и даже дружбу одновременно с такими антиподами, как М. М. Сперанский и адмирал А. С. Шишков. Впрочем, с последним его связывала только прежняя морская служба и цеховая солидарность.

Примечательно, что за границей имя графа как экономиста пользовалось едва ли не большей заслуженной известностью, чем в России. Этому способствовало отсутствие крупных публикаций Н. С. Мордвинова с систематическим изложением его взглядов, рукописный характер большинства его работ, а также то, что яркая и трагическая судьба его друга и единомышленника М. М. Сперанского в просвещенных слоях русского общества затмила «стойкую и благородную фигуру» нашего героя. Однако многие исследователи считают его основоположником национальной системы политической экономии и теории протекционизма, «русским Фридрихом Листом», впрочем опередившим своего германского коллегу на четверть века[131].

В зрелые годы Н. С. Мордвинов вел уединенную, умеренную, домашнюю жизнь, постоянно занимался делами. При этом он не жалел средств на благотворительность. У себя он принимал преимущественно ученых, артистов и литераторов. Среди аристократов он слыл вольнодумцем и республиканцем, а общение со знатью сознательно свел до минимума. До последних дней жизни

[131] См.: Святловский В. В. Николай Тургенев и граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1905. С. 9–10; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. СПб., 2001. С. 432–433 и др.

его отличала «старческая красота и благодушная ленивость» в сочетании с реализмом и прагматизмом. Он не разделял модного в то время в высшем свете увлечения масонством, холодно относился к иллюминатам. Со старомодной настойчивостью адмирал напоминал о необходимости строгого соблюдения законов, ибо «жезл царствования есть жезл правости». С этим связана и его нелюбовь к доносам, особенно анонимкам, которым он не давал хода. Даже его внешний вид в старости имел некоторую «финансовую составляющую». Портрет Н. С. Мордвинова похож на портрет президента США Б. Франклина, причем именно на тот, который помещен на стодолларовой купюре. Такая вот связь времен и народов на почве денежного обращения.

В отличие от большинства своих российских современников, Николай Семенович большое внимание уделял методу исследования, в котором явно прослеживаются элементы комплексности и даже системности. На вопросы финансов он смотрел широко, связывая экономические успехи с развитием просвещения и науки: «…ум и наука есть орудие богатства». Свободу он считал непременным условием порождения народного богатства, а главными условиями в совокупности называл «свободу, просвещение, собственность и правосудие». Благосостояние государства он ставил в зависимость от благосостояния частных лиц, от гармонии общественных и частных интересов. Причиной всех бед в финансовой сфере адмирал считал несоответствие доходов и расходов государства, постоянный дефицит, порождающий внешние займы и выпуски необеспеченных ассигнаций. В своей записке «О вредных последствиях для казны и частных имуществ от ошибочных мер управления государственным казначейством» (1816 г.) он объявил ассигнации злом и «дурной монетой», а единственной достойной мерой считал их уничтожение. Для осуществления этой операции он не исключал продажи казенных земель.

Ученый настаивал на строгом согласовании расходов с доходами, а всякие излишние траты считал преступлением. При этом, подобно А. Смиту, он не выступал противником всех налогов, но сформулировал оригинальную позицию, основанную на умеренном налогообложении только доходов, но не имущества. Ученый был категорическим противником введения новых налогов. Архаичный уже в то время гильдейский сбор он предлагал сделать

«крайне умеренным» и считать его своеобразной платой купцов казне за предоставление дополнительных личных прав.

Вполне современны идеи ученого об обложении оборота алкоголя. Адмирал не приветствовал уничтожения в 1819 г. винных откупов, т. к., по его словам, «казна стала единственным откупщиком». По верному его замечанию, главная проблема винной государственной монополии – в возможных злоупотреблениях чиновников, слабости и коррумпированности государственного аппарата. Фактически им было предложено разрешить свободную продажу алкоголя, оборот которого должен быть обложен акцизом с изменяющейся в зависимости от объема продаж ставкой. Параллельно он предложил вовсе ликвидировать кабаки и принять все меры «для народной трезвости и нравственности». Примечательно, что само винокурение ученый не считал нужным напрямую ограничивать, а беспошлинный вывоз российского алкоголя предлагал всячески стимулировать. Отметим, что цикличность смен винной монополии и винных откупов является особенностью финансовой истории нашей страны, причем критики с равным жаром разносили в пух и прах как введение первой, так и возврат вторых.

Н. С. Мордвинов показал себя противником натуральных повинностей крестьян, прежде всего по починке дорог и долгосрочной военной службе. В 1811 г. он сформулировал революционное предложение о введении срочной солдатской службы, причем срок этот определил в 7–8 лет. Это способствовало бы сохранению рабочих рук в сельском хозяйстве и промышленности. С этим предложением адмирал опередил соответствующие преобразования более чем на полвека. Любые личные повинности относились им к особым налогам и подлежали отмене.

Примечательно, что свои взгляды, сформированные еще в молодые годы, он никогда не менял. К тому же его стиль изложения материала отличается четкостью и доступностью, практически все его мысли закончены и ясны. Этим ученый сильно отличается от характерной для того времени витиеватости и тяге к парадоксам. Н. С. Мордвинов был не только и даже не столько теоретиком, сколько практиком, все его работы написаны по конкретным поводам, исходя из нужд практики, содержат в себе перечень конкретных предложений и немало числовых выкладок. Однако тяга к практической направленности исследований ино-

гда играла с адмиралом злую шутку. Если в его проектах обычно понятно, что делать до или после преобразований, то переходные положения обычно отсутствуют, как и просчет альтернативных вариантов. В этих случаях он, как говорится, чего-то недоговаривает. В целом это не влияет на ясность и доступность изложения, но придает исследованиям некоторую линейность. Налицо и утилитарный подход ученого ко многим экономическим и социальным проблемам. Так, Николай Семенович предлагал вкладывать государственные средства прежде всего в развитие прикладной науки и технических учебных заведений, что дает практическую пользу. Это совмещалось с предложениями развития просвещения народных масс, расширения системы библиотек. Свою приверженность расширению просвещения адмирал показал и на практике, решительно выступив против гонений на профессуру Петербургского университета, развернутых в 1821 г.

Будучи последователем А. Смита, он не разделял идей фритредерства, крайностей экономического либерализма и свободы торговли. Его можно считать одним из первых отечественных идеологов государственного стимулирования развития промышленности посредством таможенного покровительства и государственного кредитования. В полемике между фритредерами и протекционистами он был наиболее ярким и последовательным представителем последних. В этой части Николай Семенович стал одним из первых в Европе выразителей подобной точки зрения и заслужил звание «первого сознательного русского протекциониста»[132].

По проблемам финансовой системы государства Н. С. Мордвинов написал целый ряд работ, которые представляли собой проекты преобразований, записки и рассуждения по разным поводам. Непосредственно после написания были изданы только «Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков» (СПб., 1813, переизданы в 1816 и 1829 гг.). Эта книга, ставшая своего рода центральным трудом исследователя, имела грандиозный успех и была переведена на итальянский язык. Русский реформатор отстаивал идею о том, что основное назначение банков – аккумулирование капиталов,

[132] Святловский В. В. Указ. соч. С. 13.

выдача ссуд, организация торгового и денежного оборота. Он показал себя последовательным противником налогов на имущество, т. к. они «ущербляют» частное хозяйство. В этой работе ученый изложил проект «выкупа налогов», согласно которому через 50–60 лет должны быть отменены все налоги на имущество, а оставлен один необременительный подоходный налог. Губернские банки должны быть инструментом выкупа налогов посредством помещения в них денежных средств, собранных из подоходных налогов, «сбора для составления общего сокровища»[133]. В этом исследовании предложено ввести прогрессивный подоходный налог. Отметим, что А. Смит о подоходном налоге не писал, хотя о нем упоминал Ж.-Б. Сэй. Однако У. Питт в 1798 г. впервые ввел подоходный налог в Англии, а с 1799 г. он взимался уже по прогрессивной шкале. Возможно, англоман Н. С. Мордвинов знал об этом, но первые теоретические работы о нем на Западе появились только в 40–50-х гг. XIX в. В этой части прозорливость адмирала не вызывает сомнений.

В целом же этот проект очевидно утопичен даже для своего времени и вызывает целый ряд вопросов. Остается непонятным, за счет чего будет финансироваться бюджет в течение 50–60 лет срока «выкупа налогов». Если старые налоги сохранятся, а новый подоходный налог будет взиматься сверх них, то это не стыкуется с общей идеей уменьшения налогового бремени. К тому же губернским банкам был, по сути, установлен план получать ежегодно не менее 10% прибыли, что в условиях рыночной экономики выглядит довольно странным. Не продумано и предложение Н. С. Мордвинова о резервировании капиталов на случай войны, ибо не указан источник их поступления. Если это просто новый налог, то его сбор в условиях и так непомерного налогового бремени только создал бы дополнительные трудности. Все эти проблемы адмирал обошел стороной, постоянно подчеркивая приверженность сокращению налогов, уменьшающих народное благосостояние.

Остальные его финансово-правовые работы были опубликованы преимущественно в сборниках «Архив графов Мордвиновых» (в 10 томах, СПб., 1901–1903). Это касается таких исследо-

[133] Мордвинов Н. С. Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков. СПб., 1816. С. 27–34.

ваний, как правило имевших характер проектов и записок («мнений»), как «Устав государственного трудопоощрительного банка» (1801 г.), «О внутреннем займе» (1809 г.), «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифах» (1815 г., переизд. 1816, 1833 гг., перевод на французский в 1816 г.), «Частные банки» (1818 г.), «О мерах улучшения государственных доходов» (1825 г.) и др. Эти «мнения» издавались мизерным тиражом, и сам автор любил их распространять среди знакомых.

Николай Семенович также настаивал на придании бюджету статуса закона, приданию банкам роли не «мешка для хранения денег», а инструмента для проведения активной финансовой политики (эмиссионной, кредитной, заемной и др.). Его можно признать одним из первых в России сторонников активного кредитования, в том числе государственного, с целью развития экономики, сторонником замены подушной подати поземельным налогом. Отметим, что его финансово-экономические взгляды не остались без внимания исследователей как в досоветский, так и в советский период[134].

Подлинно научное исследование проблем финансового права многие специалисты связывают с творчеством **Николая Ивановича Тургенева** (1789–1871). Это был выпускник Московского университетского благородного пансиона, затем вольнослушатель Московского университета (до 1808 г.). В дальнейшем молодой дворянин продолжил обучение в Геттингенском университете в Германии, получив основательные знания по политэкономии и финансовому праву. Там он слушал лекции профессора Г. Ф. Сарториуса. По мнению одного из исследователей творчества Н. И. Тургенева Е. Т. Тарасова, именно лекции названного профессора послужили руководящей нитью для будущего сочинения по теории налогов[135]. Однако, как писал А. И. Буковецкий,

---

[134] См.: Гневушев А. М. Политико-экономические взгляды графа Н. С. Мордвинова. Киев, 1904; Туманова Л. В. Экономические взгляды Н. С. Мордвинова // Научные записки Московского финансового института. Т. 2. М., 1952; История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 2. / под ред. А. И. Пашкова. М., 1958. С. 61–81 и др.

[135] См.: Тарасов Е. Т. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк по истории либерального движения. Самара, 1923. С. 234.

Тургенев последовательно приложил общие начала учения Адама Смита и Бентама к построению налогов. Но «нельзя даже сравнивать разбросанные и незаконченные замечания о налогах А. Смита или учителя Тургенева Сарториуса с этой системной работой» «Опыт теории налогов»[136].

После завершения учебы в 1812 г. Н. И. Тургенев поступает на службу в уже известную нам Комиссию составления законов. С 1813 по 1816 г. в качестве русского комиссара Центрального административного департамента союзных правительств он сопровождал российские войска в зарубежном походе и работал в оккупационной администрации. По возвращении в Россию в 1816 г. Тургенев назначается исполняющим дела статс-секретаря Госсовета, а с 1819 г. – еще и управляющим III Отделения канцелярии Министерства финансов. В основу своей научной и политической позиции он положил идею свободы, источником которой является наука, образование и просвещение.

В то время это был один из самых перспективных государственных чиновников, но одновременно он начал сотрудничать с тайными декабристскими обществами. Вероятно, в 1819 г. он вступает в «Союз благоденствия», а затем в «Северное общество». В 1824 г. Николай Иванович выехал на лечение за границу и 14 декабря 1825 г., в день восстания декабристов, находился в Париже. Его участие в тайных обществах было выявлено Верховным уголовным судом по делу декабристов, и он был заочно осужден к ссылке в каторжные работы навечно[137]. Оставшись за границей, ученый стал политическим эмигрантом, проживал сначала в Лондоне, затем в Париже. После смерти Николая I в 1855 г. бывший декабрист был восстановлен во всех правах, а в 1857, 1859 и 1864 гг. посещал Россию, принимал участие в обсуждении проектов отмены крепостного права, однако умер в 1871 г. под Парижем, на своей вилле. Дальний родственник, известный русский писатель И. С. Тургенев писал, что Николай

---

[136] См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 220.

[137] Н. И. Тургенев стал персонажем практически всех исследований о движении декабристов. См., например: Гордин Я. Мятеж реформаторов. Л., 1989; Декабристы и русская культура. Л., 1976; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988 и др.

Иванович скончался тихо, почти внезапно, без предварительной болезни. За два дня перед кончиной, несмотря на свои 82 года, он еще совершал прогулки верхом[138]. Похоронен был на парижском кладбище Пер-Лашез.

Его основная работа по финансово-правовой проблематике «Опыт теории налогов» была издана в Санкт-Петербурге в 1818 г. и выдержала переиздание в 1819 г. В СССР ее переиздали в 1937 г., памятуя декабристское прошлое автора, а последнее по дате издание приходится на 1998 г.[139] Н. И. Тургенева интересовало учение о налогах и крестьянский вопрос. Этим сочетанием он выходит на исходную точку адептов учения физиократов, но в действительности ученый был последователем А. Смита, сторонником экономического либерализма и свободы торговли. Критики писали, что сочинение Н. И. Тургенева о налоге написано под влиянием работы А. Смита «Исследования о природе и причине богатства народов»[140]. Отметим, что это проявляется не только в активном цитировании положений этой работы, но и в созвучии идей авторов. Так, «главные правила взимания налогов» у Тургенева являются по сути разъяснением принципов налогообложения А. Смита. Между тем автора нельзя считать подражателем А. Смита. А. И. Буковецкий отмечал, что, читая работу Тургенева, «легко видеть, как искусно он переработал воззрения французских энциклопедистов XVIII в., как интересно их мысли связываются у него с идеями Ж.-Б. Сэя и Дж. Стюарта»[141].

«Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева в российской литературе был оценен как первое истинно научное сочинение, где рассмотрены все проблемы, связанные с налогами, глубоко продуманный, оригинальный и даже самый выдающийся труд на уровне лучших западных образцов[142]. И. И. Янжул, профессор

---

[138] Тургенев И. С. Николай Иванович Тургенев // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 49–51.

[139] См.: Тургенев Н. И. Опыт теории налогов // У истоков финансового права. Т. 1. М., 1998. С. 107–268.

[140] См.: Тарасов Е. Т. Указ соч. С. 234.

[141] Буковецкий А. И. Указ. соч. С. 221.

[142] См.: Гневушев А. М. Политико-экономические взгляды графа Н. С. Мордвинова. С. 112–113; Святловский В. В. Николай Тургенев и граф Н. С. Мордвинов. С. 4–6 и др.

финансового права Московского университета, так писал о сочинении Н. И. Тургенева: «Если бы это сочинение было в свое время издано на языке более распространенном в Западной Европе, оно заняло бы видное место между лучшими в начале XIX в. трудами по теории налогов и осталось бы на них не без влияния… С обширными сведениями автор соединяет тонкий аналитический ум и дар прекрасного изложения… По условиям того времени и состоянию самой финансовой науки на Западе сочинение Тургенева долго оставалось у нас своего рода оазисом в пустыне»[143].

Книга написана на основе изученной автором экономической литературы Германии, Англии, Франции. В ней рассмотрены все вопросы о налогах, от их происхождения, источников, общих начал (правил) налогообложения до описания различных видов налогов и порядка их взимания. Автором этого исследования бумажные деньги (при чрезмерном, не обеспеченном металлической монетой выпуске) рассматриваются как особый вид налогов.

Н. И. Тургенев о происхождении, понятии налогов и главнейших правилах взимания (основных началах налогообложения). Ученый утверждал, что налоги служат признаком образованности. По способу назначения, распределения и собирания налогов можно судить о сведениях, распространенных в народе; по количеству собираемых налогов – о его богатстве: две главнейшие черты, означающие образованность и просвещение[144]. Автор особо подчеркивал, что во многих государствах введение налога делается с согласия народных представителей. Образ правления и «дух народный» определяют и успешность налогов, «готовность уплачивать налоги всего более видна в республиках, отвращение к налогам – в государствах деспотических». В отношении величины налогов Н. И. Тургенев отмечал, что правительство должно брать столько, сколько нужно для удовлетворения истинных потребностей государственных, а не столько, сколько народ дать в состоянии.

К главным правилам взимания налогов ученый относил следующие[145]. Во-первых, правило о равном распределении налогов,

---

[143] Янжул И. И. Русская финансовая наука // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 28. СПб., 1900. С. 855–856.

[144] Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. С. 127.

[145] См.: Там же. С. 134–141.

согласно которому налоги должны распределяться между всеми гражданами в одинаковой соразмерности; пожертвования каждого на общую пользу должны соответствовать его силам, т. е. доходу. Однако, как считает автор, не нарушая должного равенства в распределении налогов, правительство обязано отклонять тяжесть налога от простого народа. Во-вторых, правило об определенности налога означает, что количество налога, время и образ платежа должны быть определены, известны платящему и независимы от власти собирателей. Третье правило связано с собиранием налога в удобнейшее время. В-четвертых, собирание налога должно быть дешевым. И наконец, общим правилом Н. И. Тургенев признавал взимание налога с чистого дохода, а не с самого капитала, чтобы источники государственных доходов не истощались.

Н. И. Тургенев об источниках налогов, классификации налогов и порядке их собирания (взимания). Вслед за А. Смитом он относил к источникам общественного дохода землю, капитал, работу (труд). На этом основании автор проводил классификацию налогов: налоги с дохода от земли; налоги с дохода от капиталов; налоги с самих капиталов; налоги с дохода от заработной платы; налоги, падающие на все три названных источника доходов без различия. Затем каждый класс (разряд) налогов автор рассмотрел с позиции их соответствия упомянутым правилам собирания налогов. При этом Н. И. Тургенев привел обширный иллюстративный материал по рассмотренным видам налогов из практики европейских стран (Англии, Франции и др.), гораздо реже – России. Не случайно профессор Санкт-Петербургского университета В. А. Лебедев отмечал, что сочинение «Опыт теории налогов» составлено из иностранных источников, не содержит в себе почти никаких указаний относительно России[146]. Так, например, обращаясь к подушным (поголовным) налогам, автор признал их следами необразованности предшествовавших времен, не соответствующими принципу взимания налога с учетом доходов лица. Налоги с потребления (косвенные налоги) ученый подразделял на два вида в зависимости от объекта налогообложения: налогообложение предметов, необходимых для жизни, и налогообложение предметов роскоши. По словам Н. И. Тургенева, предметы, необ-

[146] См. Лебедев В. А. Финансовое право. Т. 1. СПб., 1889. С. 191.

ходимые для жизни, желательно освободить от налога, но такого ни в одном государстве не будет, т. к. эти налоги являются важным доходом любого государства. В то время как налоги с предметов роскоши такого дохода не приносят, т. к. предметы роскоши служат для потребления более ограниченному кругу лиц. Поскольку от таких налогов государство отказаться не может, постольку «необходимо стараться налагать подать с потребления сколь возможно ближе к тому, кто, наконец, должен нести оную»[147]. При характеристике пошлин на границах государства особенно ярко проявляются фритредерские взгляды автора, последователя А. Смита. Н. И. Тургенев выступал против запретительной и распорядительной системы таможенных и пограничных пошлин. В частности, он писал «совершенных запрещений ввоза и вывоза товаров никогда делать не должно, разве требует того безопасность государства и граждан»[148].

Рассматривая порядок взимания налога, ученый сопоставил две системы собирания налогов: откупщиками и чиновниками правительства. Предпочтение автор отдает последнему способу, поскольку он несет меньше притеснений налогоплательщикам и приносит доход не меньший, чем откуп. В отношении неисправных плательщиков налогов Н. И. Тургенев считал несправедливым применение к ним телесных наказаний и тюремного заключения, т. к. налоги берутся не с лица подданного, а с его имения (имущества, дохода). Лишение свободы за недоимку, по словам автора, совсем безрассудное средство.

Значительное место в сочинении Н. И. Тургенева отводится вопросам о бумажных деньгах. По суждениям автора, при нормальном состоянии денежного обращения, когда ассигнации равны в ценности чистым деньгам, бумажные деньги представляют собой не что иное, как средство обращения. В случае необоснованного увеличения выпуска бумажных денег, когда их ценность снижается по сравнению с ценностью чистых денег, бумажные деньги превращаются в налог, притом налог, весьма неравномерно разделенный между гражданами. Наилучшим, выгодным средством «поправления курса государственных ассигнаций»

[147] Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 184.
[148] Там же. С. 198.

Н. И. Тургенев считал «продажу за ассигнации недвижимых имений государственных», а получаемые за имения ассигнации следует немедленно уничтожать[149].

В. Т. Судейкин полагал, что в названном труде Н. И. Тургенев подверг критике денежно-кредитную реформу гр. Канкрина. Сделанные Тургеневым возражения были двоякого рода: одни касались способа восстановления металлического обращения, другие же были направлены против главных оснований реформы. Н. И. Тургенев считал возможным восстановить металлическое обращение, уничтожив ассигнации мелких достоинств, поскольку вред выпуска депозитных билетов мелких достоинств показал пример Франции[150].

При своем появлении труд Тургенева не встретил никаких цензурных затруднений, но спустя 7 лет в связи с осуждением его по делу декабристов книга тоже подверглась гонению: обнаруженные властями экземпляры были отобраны и уничтожены.

На обложке первого издания «Опыта теории налогов» автор поместил многозначительное изречение: «Сочинитель, принимая на себя все издержки печатания сей книги, предоставляет деньги, которые будут выручаться за продажу оной, в пользу содержащихся в тюрьме крестьян за недоимки в платежах налогов». Тургенев был в свое время в числе немногих, кто ратовал за отмену крепостного права. В 1819 г. он написал небольшое сочинение об отмене крепостного права, предназначавшееся для императора Александра I.

Труд Н. И. Тургенева, особенно после 1825 г., не вызвал широкой полемики, а затем даже замалчивался. Сочинение имело немало противников. Однако М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов, не соглашаясь с основными взглядами Тургенева, поддержали его, особенно Мордвинов, отдавая должное знаниям и таланту младшего современника.

Одним из немногих на сочинение Тургенева откликнулся *Николай Петрович Демидов* (?–1851). К сожалению, о нем известно крайне мало, хотя его причастность к государственной службе оче-

---

[149] Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 263.

[150] См.: Судейкин В. Т. Восстановление в России металлического обращения (1839–1843). М., 1891. С. 55.

видна в силу того, что он имел звание генерал-майора. В 1830 г. он публикует «Некоторые замечания на Опыт теории налогов, изданный г. Тургеневым». Кроме того, он опубликовал еще целый ряд работ по финансовому праву на русском языке[151], а также три работы на французском (1826, 1840, 1844 гг.). Н. П. Демидов явился одним из первых исследователей правовой природы бумажных денег и денежного обращения. Он полагал, что бумажные деньги представляют собой аналог заемных писем или векселей, которые до тех пор в цене, пока платят по ним исправно и испытывают к ним доверие. В этой части он не был последовательным номиналистом, связывающим достоинство бумажных денег с доверием правительству, а достоинство золотых и серебряных монет – со стоимостью содержащихся в них металлов. Необходимость бумажных денег им связывалась с потребностями в кредитах для торговли и промышленности. Недостатки бумажных денег он объяснял тем, что их ценность зависит от доверия к правительству, а также от их количества в обороте. При этом, по мнению генерала, очень трудно определить, сколько можно выпустить в обращение бумажных купюр и от чего оно зависит: от объема звонкой монеты, количества собранных налогов и др. Отсюда его скептическое отношение к поддержанию курса бумажных денег посредством продажи государственного имущества или крестьян, т. к. это меры одноразовые, настороженность вызывали у него и внешние займы, по которым придется платить большие проценты.

Возвращаясь к Н. И. Тургеневу, отметим, что в заключение своего исследования и анализа обращения бумажных денег он пришел к выводу, что «в нынешнем состоянии Европы все правительства должны устремить свое внимание на поддержание и сохранение кредита государственного…Век кредита наступает для всей Европы. Усовершенствование системы кредитной пойдет наряду с усовершенствованием политического законодательства, в особенности с усовершенствованием системы представительства народного»[152].

---

[151] См.: Демидов Н. П. О бумажных деньгах. СПб., 1829; Его же. Рассуждение о лаже. М., 1939; Его же. О государственной кредитной системе. М., 1842 и др.

[152] Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. С. 268.

Эта идея приобрела форму учения, научной теории о государственном кредите в трудах другого декабриста, **Михаила Федоровича Орлова** (1788–1842). Это был представитель знаменитого рода Орловых, давшего видных деятелей екатерининского царствования Григория Алексеевича и Алексея Алексеевича (являлись родными дядями нашего героя). Его образование началось с модного в то время Пансиона французского эмигранта аббата Николя, где он обучался с 1796 по 1801 г. Затем его определяют юнкером в Коллегию иностранных дел, но юношу больше прельщала военная карьера. В 1805 г. он поступает в Кавалергардский полк.

На его воинскую службу пришелся разгар Наполеоновских войн, а сам М. Ф. Орлов непосредственно участвовал в сражениях под Аустерлицем, при Фридланде, в Отечественной войне 1812 г. (оборона Смоленска, Бородино и др.) С получения первого офицерского звания корнета (1807 г.) до генерал-майора (1814 г.) минуло всего семь лет. Не зря поется в известной песне, что «кавалергарда век недолог», но Михаил Федорович прошел все испытания с честью и остался жив. В заграничных походах русской армии он успел поучаствовать в «битве народов» под Лейпцигом (1813 г.) и во взятии Парижа, акт капитуляции которого им был и подготовлен. Войну он окончил в зените военной славы, с орденами Святого Георгия четвертой степени и Святой Анны второй степени, целым рядом других боевых наград. После пребывания в составе оккупационной администрации во Франции и исполнения военно-дипломатических поручений он возвращается в Россию, где становится флигель-адъютантом Александра I.

Вершиной его военной карьеры стала должность командира 16-й пехотной дивизии со штабом в Кишиневе, куда он отправился в 1820 г. Пребывание за границей пробудило его интерес к общественной жизни, увлечение масонством, и в 1817 г. он инициирует создание тайного общества «Орден Русских Рыцарей». В том же году Михаил Федорович вступает в литературное общество «Арзамас», в которое входил Н. И. Тургенев. В дальнейшем он стал участником «Союза благоденствия» (1818–1821 гг.). В период пребывания в Кишиневе круг общения генерала составили А. С. Пушкин, П. С. Пущин и другие деятели русской культуры.

Руководство достаточно обширным хозяйством пехотной дивизии породило у будущего ученого чисто практический интерес к проблемам финансирования, но никаких научных изысканий на сей счет он, насколько известно, в тот период не вел. В начале 1823 г. М. Ф. Орлов отстранен от командования дивизией, поскольку попал под подозрение в неблагонадежности как участник тайных обществ. Это положило конец его блестящей военной карьере, однако дало ему больше времени для самостоятельных занятий политэкономией и историей. 14 декабря 1825 г. отставной генерал находился в Москве и участия в восстании декабристов не принял, но был арестован. Только благодаря заступничеству брата А. Ф. Орлова, в том период приближенного Николая I, Михаил Федорович смог избежать уголовной ответственности. Дело ограничилось отправкой в имение под надзор калужского генерал-губернатора. Затем ему разрешили проживать в Москве, где он тесно общался с А. И. Герценом, П. Я. Чаадаевым, другими общественными деятелями и деятелями культуры. Кипучая энергия привыкшего быть в центре общественной жизни генерала не находила выхода[153].

Таким своеобразным «выходом» для нее стала научная деятельность, плодом которой явился труд «О государственном кредите», оконченный в 1832 г. После цензурных придирок и последующих исправлений книга была опубликована анонимно в 1833 г.[154] Цензор заметил, что в работе рассматриваются не только финансовые, но и политические вопросы. Автору пришлось изъять из рукописи текста положения о связи государственного кредита с состоянием политических свобод, об общественном значении учения о государственном кредите. Без купюр цензора эта книга была издана в Лейпциге в 1840 г. под заглавием «О государственном кредите. Сочинение русского государственного деятеля».

Первоначально книга не вызвала значительного интереса общественности. Осталась она незамеченной, за редким исклю-

[153] См.: Павлова Л. Я. Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964.

[154] Первый ее полный текст был напечатан только в советский период (См.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 98–216). Последнее по срокам переиздание см.: У истоков финансового права. Т. 1. М., 1998. С. 295–424.

чением, и русскими учеными-финансистами, причем не только современниками автора, но и жившими на рубеже XIX–XX вв. Только в 1841 г. И. Горлов в своей книге «Теория финансов» отметил, что сочинение М. Ф. Орлова отличается «особенностью взгляда»[155], и впервые назвал имя автора анонимно вышедшей книги. Критически восприняли учение М. Ф. Орлова о кредите и его бывшие соратники-декабристы. Н. И. Тургенев писал: «Мне как будто всегда суждено противоречить ему, ибо я настолько же резко расхожусь с его финансовыми и мануфактурными теориями, насколько я расходился с его воинственными и завоевательными теориями»[156]. Другой декабрист, Н. А. Бестужев, считал, что М. Ф. Орлов преувеличивает значение кредита[157].

Напротив, в советский период труд М. Ф. Орлова, с учетом его принадлежности к декабристам, был «поднят на щит»[158]. Этому способствовало и то, что прогрессивность автора противопоставлялась взглядам тогдашнего министра финансов Е. Ф. Канкрина, который был, естественно, «реакционер». Подчеркивались приоритет русского ученого перед аналогичным исследованием немецкого ученого *К. Дитцеля* (1829–1884), рекомендация М. Ф. Орлова шире использовать государственный кредит, сочетая его с умеренным налогообложением. Но надо иметь в виду, что это писалось в основном сразу после завершения Великой Отечественной войны, когда была официальная установка на доказывание приоритета всего русского, особенно в отношении немецкого. Вопрос о приоритете нуждается в дальнейшем исследовании. Между тем книга К. Дитцеля «Система государственных займов, рассматриваемых в связи с народным хозяйством» вышла

---

[155] Горлов И. Теория финансов. Казань, 1841 (вводная часть без нумерации страниц).

[156] Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. 1. М., 1915. С. 167.

[157] Бестужев Н. А. Статьи и письма. М., 1933. С. 258.

[158] См.: Боголепов М. И. Первая русская книга о государственном кредите // Советские финансы. 1945. № 5. С. 35–39; Боровой С. Я. Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите» // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. VIII. 1951. № 1. С. 46–60; Морозов Ф. О книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите» // Вопросы экономики. 1954. № 10. С. 122–127 и др.

в Германии в 1855 г., в то время как труд М. Ф. Орлова на немецком языке был издан в 1840 г.

Советские критики русского ученого не преминули отметить его «буржуазную ограниченность» и даже «непонимание марксизма», хотя К. Маркс в период написания труда «О государственном кредите» еще ходил в гимназию. По нашему мнению, М. Ф. Орлов был готов к занятию высших государственных должностей в финансовой сфере, а реформаторский потенциал его был очень значительным. Более того, многие его идеи были созвучны идеям Александра I в первые годы царствования, а затем и замыслам М. М. Сперанского. Судьба М. Ф. Орлова, как и Н. И. Тургенева, в этом контексте сложилась трагически, а их замыслы стали не основой для финансовых реформ, а предметом дискуссий исследователей об упущенных шансах. Умер М. Ф. Орлов 19 марта 1842 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище.

М. Ф. Орлов заслуженно снискал себе славу не только героя Отечественной войны 1812 г., участника движения декабристов, но и основоположника теории государственного кредита. Его книга о государственном кредите вышла в свет в период финансовой реформы в России, целью которой было восстановление металлического денежного обращения путем девальвации. Проводилась она министром финансов Е. Ф. Канкриным.

В своем исследовании автор поставил цель «вникнуть в самую сущность кредита», «обратить внимание общества на чистое и ясное изложение кредитной системы». По мнению ученого, основания государственного кредита сводятся к следующим правилам: 1) употреблять умеренные налоги не иначе как на обыкновенные издержки; 2) удовлетворять чрезвычайные нужды посредством займов; 3) совершать займы с уплатой вечных процентов без возвращения капитала; 4) стараться давать векселям правительства вольное и удобное обращение; 5) учредить кассу погашения с достаточным капиталом для уплаты процентов, для постепенного выкупа части векселей и поддержания курса всей массы государственных обязательств[159].

[159] Орлов М. Ф. О государственном кредите // У истоков финансового права. Т. 1. М., 1998. С. 320.

М. Ф. Орлов писал, что государственный кредит есть наука, основанная не на одних отвлеченных умозаключениях, а на строгих правилах, испытанных судьбой правительств, доверявших или не доверявших ее началам. В подтверждение этого тезиса ученый показал государственный кредит в действии на конкретных примерах из истории финансов Франции и Англии. При этом Франция являла отрицательный пример предубеждения против кредитной системы, а Англия – наоборот, положительный пример. Именно употребление государственного кредита признается автором основанием величия Англии. При этом М. Ф. Орлов обращается к цифрам и фактам, которые он получил из трудов Л. Сэя, Т. Мальтуса, Д. Рикардо, В. Мирабо, Ж. Неккера и др., а также из официальных источников, периодических журналов, ведомостей. Все авторы, и с ними солидарен М. Ф. Орлов, единогласно утверждают, что большие политические перевороты начинаются расстройством финансов. К этой несомненной истине ученый добавляет, что «устройство финансов и, следовательно, благоразумное ведение государственного кредита есть настоящий способ закрыть навсегда эпоху политических переворотов и заменить ее эпохой полезных преобразований»[160].

Кроме книги «О государственном кредите», М. Ф. Орловым была написана еще одна работа на экономическую тему – «Мысли о современном состоянии кредитных установлений в России». Полного текста этой работы не сохранилось. Источником, рассказывающим о содержании этого труда, является конспект, составленный под руководством А. Х. Бенкендорфа и Л. В. Дубельта после смерти М. Ф. Орлова[161]. М. Ф. Орлов считал необходимым проведение кредитно-финансовой реформы. Он ратовал за ликвидацию существующих кредитных учреждений: Комиссии погашения долгов, Коммерческого банка, Ассигнационного банка, Опекунского совета, Государственного заемного банка, приказов общественного призрения. Взамен же ввести новую систему выпуска ассигнаций и учредить новый банк для их

[160] Орлов М. Ф. О государственном кредите. С. 344.

[161] См.: Орлов С. В. Экономические воззрения М. Ф. Орлова // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 9. М., 2003. С. 99–102.

погашения[162]. Поскольку М. Ф. Орлов был сторонником системы известного финансиста Франции Дж. Ло, постольку речь, вероятно, шла об учреждении крупного частного банка. Однако министр финансов Е. Ф. Канкрин был категорически против частной банковской деятельности. Именно это, возможно, и послужило причиной, что рассматриваемая работа так и не была вывыпущена в свет[163].

М. Ф. Орлов завершает галерею государственных деятелей, ставших учеными в первой половине XIX в.

В заключение отметим, что Н. С. Мордвинов стал автором наибольшего числа проектов преобразований в сфере финансов, банковского дела и денежного обращения. Его предложения о ликвидации натуральных повинностей, сокращении военного бюджета, стабилизации денежного обращения отличались реалистичностью и эффективностью. Н. И. Тургенев может быть отнесен к числу первых отечественных специалистов в сфере налогового права, а М. Ф. Орлов обоснованно причислен к авторам пионерских исследований по теории кредита.

[162] Из неизданного сочинения Михаила Федоровича Орлова // Русский архив. 1974. Кн. 1. № 6. С. 1578–1579.

[163] См.: Орлов С. В. Экономические воззрения М. Ф. Орлова. С. 102.

Глава 3
Ученые, ставшие чиновниками
(вторая половина XIXв.)

Наука должна быть самым возвышенным воплощением отечества, ибо из всех народов первым будет всегда тот, который опередит другие в области мысли и умственной деятельности.

Л. Пастер.

Вторая половина XIX в. стала во многом переломной в истории Западной цивилизации. Европейские революции 1848–1849 гг. в значительной степени подтолкнули реформаторские процессы, но еще большего прогресса смогли достичь страны, избежавшие социальных потрясений. Например, путем парламентских реформ 1832 г. и 1867 г. Англия фактически оформила представительную демократию. В вечно бурлящей Франции в 1855 г. был установлен режим Второй империи Наполеона III, создавший благоприятные условия для экономического развития страны. Гражданская война в США 1861–1865 гг. привела не только к сохранению единства страны и отмене рабства, но и открыла путь для дальнейших социальных и политических реформ. Завершение формального объединения Италии в 1870 г. позволило этой стране перейти от внутренних раздоров к государственному строительству. К 1871 г. формируется единая Германия под эгидой Пруссии. Ее канцлер, в прошлом суперконсерватор, О. Бисмарк также повел свою страну по пути реформ.

На этом фоне особенно наглядно проявилось своеобразие России, где осознание необходимости реформ приходило значительно позднее, чем созревали объективные предпосылки для их проведения. К концу 1850-х гг. Россия стала крупнейшим государством мира с площадью в 19,6 млн кв. км и населением около 68 млн человек. Абсолютные цифры экономического роста с начала XIX в. впечатляли: число мануфактур выросло в 75 раз, производитель-

ность труда в промышленности – в 3 раза. Одновременно число крепостных, работающих в обрабатывающей промышленности, снизилось с почти 59% до немногим более 18%. Объем вывоза товаров за это время увеличился почти в 4 раза, а ввоза – почти в 5 раз. Ежегодный вывоз хлеба вырос в 6 раз[164]. Но крепостное хозяйство полностью утратило свою динамичность, исчерпало ресурсы качественного роста. Оно еще могло существовать довольно долго, но лидирующее положение России в мировой системе могло бы тогда быть утрачено безвозвратно. Именно реформы 60–70-х гг. XIX в., начиная с отмены крепостного права в 1861 г., позволили придать экономическому развитию необходимую динамику. Произошло пробуждение общественной и научной мысли, в том числе финансовой.

Во многом благодаря этим условиям появилась новая генерация государственных деятелей в сфере финансов, которые нередко начинали свою карьеру с научных изысканий или активно занимались ими на протяжении всей государственной деятельности. В некоторой степени к этой категории уже относились М. А. Балугьянский и Е. Ф. Канкрин, которые начали заниматься научными исследованиями ранее поступления на государственную службу. Однако Е. Ф. Канкрин не работал в учебных учреждениях, а основные свои труды по финансовой тематике подготовил, уже будучи знатным сановником. М. А. Балугьянский был приглашен в Россию не только как ученый-педагог, но и как эксперт в сфере финансов, а его участие в государственных преобразованиях в решающей степени определило и направление научной деятельности.

Представители новой генерации, напротив, сначала показали себя перспективными исследователями, а порой стали и маститыми учеными, и только затем достигли определенного положения в служебной иерархии. Эти процессы могли происходить и параллельно. Не исключены случаи, когда служебные поручения направляли и научный поиск. При этом несомненно одно: новая генерация чиновников имела преимущественно университетское юридическое образование, готовила самостоятельные научные труды, получала ученые степени и звания. Этому способствовало

[164] См. подробнее: Лушников А. М., Махров Н. И. Указ. соч. С. 42–74.

и то, что система университетского образования, начавшая формироваться в первые годы XIX в., к середине этого века дала уже свои многочисленные плоды. В государственный аппарат пришли образованные чиновники, интересы которых выходили далеко за пределы утилитарных карьерных устремлений. Даже их чиновничья карьера порой напоминала карьеру молодых университетских преподавателей, в частности длительными научными зарубежными командировками, заканчивавшимися представлением письменных научных трудов, отчетов. Этим путем прошли многие персонажи данной главы, в том числе М. Х. Рейтерн, В. А. Татаринов, Е. И. Ламанский и др.

3.1. Творцы финансовых реформ 1860–1880-х гг.

(Ю. А. Гагемейстер, А. П. Заблоцкий-Десятовский, М. Х. Рейтерн, В. А. Татаринов, Ф. Г. Тернер, И. В. Вернадский, Н. Х. Бунге, Е. И. Ламанский, В. П. Безобразов, Ю. Г. Жуковский, А. Н. Куломзин и др.)

Финансовые реформы 60-х гг. XIX в. стали одними из самых сложных и продолжительных в череде преобразований того периода. Началось все с учреждения Государственного банка (1860 г.) и образования при Министерстве финансов Главного выкупного учреждения для проведения выкупных операций (1862 г.). 22 мая 1862 г. введены «Правила о составлении, рассмотрении и выполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений», и с этого же года государственная роспись стала публиковаться. В 1864–1868 гг. все государственные доходы были сосредоточены в кассах Государственного казначейства Министерства финансов. Был реорганизован Государственных контроль, значение которого существенно возросло, а в 1865 г. созданы местные органы госконтроля – государственные палаты. К 1863 г. винные откупа были заменены акцизными сборами на производство спиртных напитков, а с 1866 г. – и на табак. Для взимания акциза были созданы губернские и окружные акцизные управления. При этом Департамент разных податей и сборов Министерства финансов был разделен в 1863 г. на Департамент неокладных сборов (занимался

косвенными налогами) и Департамент окладных сборов (занимался прямыми налогами).

Все эти гигантские преобразования связаны в значительной степени с именем министра финансов в 1862–1878 гг. М. Х. Рейтерна и государственного контролера в 1863–1871 гг. В. А. Татаринова, однако все персонажи данного параграфа в разной степени были к ним причастны.

Вторая волна финансовых реформ пришлась на начало 1880-х гг., причем проходили они в условиях стагнации в политической сфере, до недавних пор именуемых «эпохой контрреформ». Тем ценнее государственная деятельность министра финансов в 1881–1886 гг. Н. Х. Бунге, связанная с заменой оброчной подати с государственных крестьян выкупными платежами (с 1881 г.), с созданием Крестьянского поземельного банка (1882 г.), отменой подушной подати (к 1886 г.), отменой соляного налога. Среди его соратников были как деятели предшествующего периода, так и новая генерация ученых – государственных деятелей, таких как Ю. Г. Жуковский и А. В. Куломзин.

Наше повествование мы начнем с биографии **Юлия Андреевича Гагемейстера** (1806–1878). Этот выходец из дворян Лифляндской губернии в 1828 г. окончил юридический факультет Дерптского университета со степенью кандидата права. Свою карьеру он начал в Министерстве финансов, был членом Русского географического общества. Последнее являлось своеобразным дискуссионным клубом, где формировались взгляды будущих реформаторов 1860-х гг. Председателем этого общества был младший брат Александра II великий князь Константин Николаевич, а его активными деятелями являлись К. К. Грот (будущий первый директор Департамента неокладных сборов Министерства финансов), А. П. Заблоцкий-Десятовский, М. Х. Рейтерн, Е. И. Ламанский (о них далее) и др. Все они в той или иной мере имели отношение к финансовым реформам и науке финансового права. С 1858 по 1862 г. Юлий Андреевич был директором Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов, имел ранг тайного советника (светский генерал-лейтенант), статс-секретаря (с 1860 г.). Он принимал активное участие в реформах 1860-х гг., входил в Комиссию по реформе банков, стал ближайшим сподвижником министра финансов М. Х. Рейтерна, был из-

бран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Юлий Александрович выступал поборником устранения препятствий в развитии внутренней и внешней торговли России[165]. Предметом его исследований стали вопросы охранительных таможенных пошлин, государственной росписи и кредитов[166]. Ю. А. Гагемейстеру принадлежит первое в России исследование по истории финансов[167]. Позднее он стал автором пионерских исследований по денежному обращению[168], русским железным дорогам[169] и теории налогов[170]. Впоследствии ученый был назначен сенатором, неизменно поддерживал проведение в жизнь реформ 1860–1870-х гг.

Особый интерес специалистов вызывала его работа «О теории налогов, примененной к государственному хозяйству». В ней был дан догматический и сравнительно-правовой анализ податей (налогов и сборов) в европейских государствах (Англии, Франции, германских государств) и России с позиций теории налогообложения. Все подати (налоги и сборы) автор классифицировал на 7 категорий: 1) подати личные (подоходный налог, разрядная подать, сбор с торгующих и с промышленников, подушная подать); 2) подати имущественные (земельная подать, подать с домов, сборы с недвижимых имуществ), сборы за потребление предметов роскоши, сборы с предметов потребления (сахар, табак, крепкие напитки, соль), пошлины с привозных товаров; 3) сбор с капиталов; 4) сборы за особые оказываемые правитель-

---

[165] См.: Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 2. СПб., 1902. С. 651 и далее.

[166] См.: Гагемейстер Ю. А. О кредите. СПб., 1858; Его же. Государственная роспись на 1866 г. СПб., 1866; Его же. Мысли о значении охранительных пошлин по поводу пересмотра русского таможенного тарифа. СПб., 1868.

[167] См.: Гагемейстер Ю. А. Разыскания о финансах Древней России. СПб., 1833.

[168] См.: Гагемейстер Ю. А. Значение денежных знаков в России. М., 1864; Его же. О значении денег в народном хозяйстве и о вывозе их за границу. СПб., 1848.

[169] См.: Гагемейстер Ю. А. Русские железные дороги. СПб., 1870.

[170] См.: Гагемейстер Ю. А. О теории налогов, применяемой к государственному хозяйству. СПб., 1852.

ством услуги; 5) неопределенные сборы; 6) подать с сибирских золотопромышленников; 7) мирские и земские сборы. Ю. А. Гагемейстер приходит к выводу, что нет ни одного вида податей (за исключением налога на денежные капиталы, вверенные правительству), которые соединяли бы в себе все условия теории, а именно обеспечение необходимого согласования интересов казны (неизменное и безнедоимочное поступление предположенного оклада и дешевизна его взимания) и интересов плательщиков (уравнительность и желание наименьшего стеснения в занятиях). По каждому виду налогов ученый выявил недостатки и преимущества, особенности взимания, их роль (долю) в налогообложении в различных странах в зависимости от социально-экономических условий. Например, в отношении подоходного налога он называл последний правильнейшей из личных податей, основанных на точной ежегодной оценке имущества каждого гражданина. Однако этот налог исполним только там, где «гражданственность развита в высшей степени, всего лучше в небольших общинах, в городах, где сосед надзирает за соседом и всякое укрывательство невозможно и считается постыдным»[171].

Сборы с недвижимых имуществ, по словам автора, из существующих налогов более других обеспечивают казну, но по неизменности своей тягостны для плательщиков, как доказано опытом многих европейских государств. Поземельная подать требует точнейшей оценки земли, обходящейся обыкновенно столь дорого, что может быть предпринята только там, где стоимость земли высока и налагаемая в соразмерности с ней подать покрывает эти расходы[172]. В отношении косвенных налогов (пошлин с предметов потребления) автор полагал, что в системе налогов и сборов им следует отдать предпочтение. Но при этом, по его мнению, необходимо следовать примеру Великобритании и не облагать пошлинами товары, составляющие предметы потребления неимущих людей. И завершил он свою работу провозглашением принципа стабильности налоговой системы: «Не вполне удовлетворительный, но старый налог, к которому привык народ, часто

[171] См.: Гагемейстер Ю. А. О теории налогов, применяемой к государственному хозяйству. С. 108.

[172] Там же. С. 106.

предпочтителен новому, правильнейшему, потому что плательщики уже внесли его в свою частную смету и что рабочая плата и цена товара установилась в соразмерности с ним. При введении новой подати… непременно происходит колебание в ценах и перевес всегда на стороне продавцов… цены возвысятся от нового сбора прежде, чем вследствие отмены старого успеют понизиться цены товаров, на которые он упадет»[173].

Гораздо более известен действительный тайный советник (1877 г.) (полный светский генерал) и член-корреспондент Петербургской академии наук (1856 г.) **Андрей Парфентьевич (Парфенович) Заблоцкий-Десятовский** (1807–1881). Это был представитель малороссского дворянского рода с польскими корнями. Он являлся выпускником физико-математического факультета Московского университета (окончил с золотой медалью в 1827 г.), магистром математики (1832 г.). Однако в дальнейшем молодой ученый избирает службу в МВД, в 1838 г. переходит в Министерство государственных имуществ, редактирует «Журнал Министерства государственных имуществ», входит в Ученый комитет этого министерства (с 1859 г. его председатель). Там он становится ближайшим соратником П. Д. Киселева в проведении реформ управления государственными крестьянами. Его четырехтомный труд «Граф П. Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II» (СПб., 1882) дает достаточно развернутую картину, в том числе финансово-экономического, развития России. А. П. Заблоцкий-Десятовский был сторонником освобождения крепостных крестьян, с 1840-х гг. активно работал в Русском географическом обществе. В 1846 г. А. П. Заблоцкий-Десятовский был командирован за границу для изучения льноперерабатывающей промышленности. Еще с конца 1830-х гг. он входил в кружок либеральных чиновников вместе с Н. А. Милютиным, Ю. Ф. Самариным (о нем ниже) и др.

В 1859 г. он переведен на должность статс-секретаря Департамента экономики Госсовета, участвовал в подготовке и проведении отмены крепостного права в 1861 г. Наряду с К. К. Гротом

[173] Гагемейстер Ю. А. О теории налогов, применяемой к государственному хозяйству. С. 118.

(о нем ниже) ученый являлся наиболее последовательным сторонником замены винных откупов системой акцизов. В этот же период началась его деятельность на ниве финансов, и он возглавляет Особую комиссию при Министерстве финансов для составления проекта Положения о питейных сборах (с 1860 г.). Итогом работы комиссии стала отмена питейных откупов и замена их акцизным сбором. В 1867 г. он назначен членом Комитета финансов, а в 1875 г. – членом Департамента экономии Государственного совета. Одновременно ученый активно изучал зарубежный опыт управления финансами, следствием чего стал ряд публикаций[174]. Его исследование «Финансовое управление и финансы Пруссии». (Т. 1–2. СПб., 1871) российский ученый А. И. Буковецкий назвал очень интересным и для своего времени блестяще выполненным[175].

Занимался он и проблемами государственных доходов России[176]. В частности, он показал, что в России вся тяжесть отчислений в государственный бюджет лежит преимущественно на крестьянах, которые являются основными плательщиками как прямых, так и косвенных налогов. Его современник В. П. Безобразов оценил данный труд неоднозначно. С одной стороны, он отметил, что А. П. Заблоцкий-Десятовский дал классификацию государственных доходов, но не вполне научную, «даже в самих основаниях мало отличается от официальной классификации, и все вычисления А. П. Заблоцкого-Десятовского основаны единственно на бюджетных цифрах и притом одного 1868 г., а не на действительном поступлении доходов, значительно разнящемся с

[174] См.: Заблоцкий-Десятовский А. П. Несколько замечаний о финансах Австрии. СПб., 1865; Его же. Финансовое управление и финансы Пруссии. Т. 1–2. СПб., 1871 (Труды Комиссии… для пересмотра системы податей и сборов).

[175] См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 224.

[176] См.: Заблоцкий-Десятовский А. П. Обозрение государственных доходов России (Комиссия для пересмотра податей и сборов). СПб., 1868; Его же. Обозрение государственных доходов России по смете 1868 г. СПб., 1870 и др.

этими цифрами»[177]. С другой стороны, по мнению того же В. П. Безобразова, рассматриваемая книга имеет значительные достоинства для своего времени, в ней впервые сделан сколь-нибудь систематический перечень доходов, содержащихся в российском бюджете, и собрано много интересных фактических, исторических и статистических сведений.

Ученый известен также как один из первых практиков городских финансов. Он неоднократно избирался гласным Петербургской городской думы с 1853 по 1881 г., был членом, затем председателем финансовой комиссии Петербургской городской управы, рассматривавшей городскую смету и общее денежное положение. Андрей Парфентьевич разрабатывал принципы формирования городского бюджета[178]. На этих постах он показал себя «защитником городского самоуправления и городской казны», стал инициатором издания «Известий Санкт-Петербургской городской думы» (с 1863 г.), на страницах которой публиковал статьи по проблемам городского бюджета и местных сборов. При этом А. П. Заблоцкий-Десятовский заработал репутацию человека «неспокойного». Это повлияло на его фактическое отстранение в 1867 г. от активной политической жизни. Современники отмечали его обширный ум, высокую нравственность и лидерские качества, причем его лидерство часто было неформальным[179]. Хорошо знавший его Ф. Г. Тернер так писал о нем: «Заблоцкий-Десятовский принадлежал к числу выдающихся деятелей того времени. Человек очень образованный, типа либерала-доктринера сороковых годов, с добрым, благожелательным и благородным характером, хотя и с небольшой примесью малороссийско-хохляцкого эгоизма, он оставил у знавших его людей воспоминание хорошего человека и замечательного и симпатичного государственного деятеля»[180].

---

[177] Безобразов В. П. Государственные доходы. Теоретические и практические исследования. Т. 2. СПб., 1872. С. 12.

[178] См.: Приветствия А. П. Заблоцкому-Десятовскому. СПб., 1879.

[179] См.: Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский. СПб., 1882 (оттиск из журнала «Русская старина»). С. 23–30.

[180] Воспоминания о жизни Ф. Г. Тернера: в 2 кн. Кн. 1. СПб., 1910. С. 74.

Руководящую роль в проведении финансовых реформ 60-х гг. XIX в. сыграл **Михаил Христофорович Рейтерн** (1820–1890). Это был потомок обрусевших выходцев из Германии, имевших, однако, голландские корни. Его отец, ветеран почти всех войн России с 1799 г., стал генерал-лейтенантом русской армии, командиром кавалерийской дивизии. При этом семья жила не богато, с учетом того, что у будущего ученого и государственного деятеля было еще 12 родных сестер и брат. Двоюродная сестра М. Х. Рейтерна была замужем за известным поэтом В. А. Жуковским, общение с которым благотворно сказалось на формировании впечатлительного юноши. После обучения в частном пансионе он поступил в Царскосельский лицей, бывший в то время своеобразной «кузницей кадров» высших управленцев. Его учителем в сфере финансов был профессор политэкономии И. А. Ивановский. В 1839 г. по окончании лицея с серебряной медалью М. Х. Рейтерн поступает на службу в Министерство финансов, а затем переходит в Министерство юстиции чиновником для особых поручений. В отличие от некоторых своих предшественников с европейскими корнями, он почти в одинаковой мере владел русским, немецким, французским и английским языками, но родным для него уже был русский.

Его избрание в 1847 г. членом Русского географического общества имело далеко идущие последствия. Здесь он начал работу под руководством великого князя Константина Николаевича, был им замечен и переведен на службу в Морское министерство, которое возглавлял его покровитель. Этому предшествовала публикация ученого о морских бюджетах Англии и Франции[181], которая понравилась великому князю. Кружок сподвижников Константина Николаевича, сложившийся вокруг него в Морском министерстве, как мы уже упоминали, стал своеобразным штабом грядущих реформ, а его участники получили наименование «константиновцев» и даже «константиновских орлов». Одним из самых ярких «орлов» был М. Х. Рейтерн, являвшийся негласным консультантом патрона по экономическим и правовым вопросам.

[181] См.: Рейтерн М. Х. Опыт краткого сравнительного исследования морских бюджетов Английского и Французского // Морской сборник. 1854. № 1.

В тот период уже вполне сформировались его качества потенциального лидера: ровный и сдержанный характер, спокойствие, твердость убеждений в сочетании со способностью к компромиссам. Однако его знание России пока ограничивалось коридорами канцелярий трех министерств (финансов, юстиции и морского) да продолжительной командировкой по центральной России в первой половине 1855 г. Не имея богатырской стати и здоровья, этот рано полысевший человек со «шкиперской» бородкой имел дар убеждения и способность выбирать себе как достойных покровителей, так и деятельных помощников.

В конце 1855 г. он почти на три года был командирован за границу для изучения «финансового строя» государств Запада. Молодой ученый посетил Пруссию, США, Францию и Англию. Особенно вдохновил его опыт США, вследствие чего он стал американофилом, а в кругу друзей даже прозывался «янки». По возвращении в Россию в 1858 г. он подготовил подробный отчет о командировке. Его материалы легли в основу ряда публикаций в журнале «Морской сборник», в которых были намечены контуры будущих финансовых преобразований[182]. Несколько позднее свое финансовое кредо он выразил в записке на имя Александра II, статс-секретарем которого был назначен в том же 1858 г. Первоначально М. Х. Рейтерн был сторонником либеральной фритредерской концепции, доминировавшей в то время в западной финансовой науке. Тормозом в развитии России ученый считал всевластие государства и подавление «личной экономической инициативы трудящихся», крепостное право, архаичное сословное деление, что особенно важно, средневековую подушную подать и неравномерное разложений налогового бремени. Рецепт «излечения» он видел в рациональном законодательстве и соответствующем «гражданском устройстве». При этом Михаил Христофорович предлагал жестко ограничить расходы казны на содержание государственного аппарата, сократить армию и флот, т. е. всемерно сократить сметные расходы, ликвидировать питей-

[182] См.: Рейтерн М. Х. Денежное счетоводство французского морского ведомства // Морской сборник. 1859. № 1; Его же. Счетоводство прусского морского ведомства // Там же. 1859. № 3; Его же. Влияние экономического характера народа на образование капитала // Там же. 1860. № 5. С. 55–72.

ные откупа и начать преобразование податной системы на принципах подоходности. Далее он предлагал ввести налог на земли помещиков и недвижимость в городах, обеспечить более справедливую раскладку гильдейских сборов за право торгово-промышленной деятельности, обложить гербовой пошлиной те коммерческие сделки, которые ранее от нее были освобождены. Для покрытия дефицита государственного бюджета он советовал использовать такое средство, как продажа государственного имущества. Единственным спасением от инфляции и средством восстановления стабильности денежного обращения он считал устранение неразменных бумажных денег и возврат размена бумажных денег на звонкую монету. Для этого предполагалось восстановить металлический фонд Госбанка и свободное металлическое обращение. В отличие от Е. Ф. Канкрина, он считал необходимым развертывание активного железнодорожного строительства, причем не только за счет казны, но и через привлечение частных акционерных и иностранных капиталов. Ученый резонно полагал, что развитие экономики является залогом «здоровой» финансовой системы. Главным пунктом в его программе было достижение сбалансированного бюджета, который должен стать открытым и гласным, жесткий контроль за его расходованием, умеренное налоговое бремя в соответствии с уровнем доходов, стабильное денежное обращение. Ориентиром служил опыт стран Запада[183].

В 1859 г. Михаил Христофорович возвращается в Министерство финансов, где входит в узкий круг идеологов преобразований наряду с Ю. Г. Гагемейстером, Н. Х. Бунге, В. А. Татариновым, Е. И. Ламанским, В. П. Безобразовым. С 1859 г. он участвовал в так называемых «экономических обедах» в ресторане Донона, которые играли роль своеобразного дискуссионного политического клуба. Помимо названных лиц, в «экономических обедах» участвовали Великий князь Александр Александрович (будущий Александр III),

[183] См.: Семевский М. И. Михаил Христофорович Рейтерн. К его портрету. СПб., 1889; Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г. Михаил Христофорович Рейтерн. Биографический очерк. С приложением из посмертных записок М. Х. Рейтерна. СПб., 1910; Степанов В. Л. Михаил Христофорович Рейтерн // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 146–182 и др.

еще ряд великих князей, будущие министры финансов С. А. Грейг и И. А. Вышнеградский и др. Поскольку легальные организации в то время были запрещены, «экономические обеды» стали интеллектуальной площадкой по выработке проектов финансовых реформ. С 1861 г. он принимал участие в частном кружке российских экономистов, в который входили также И. В. Вернадский, Е. И. Ламанский, А. И. Бутовский и др.

Работал М. Х. Рейтерн и в Редакционной комиссии, готовившей отмену крепостного права, в комиссиях по пересмотру системы податей и сборов[184], земских банков, преобразования коммерческих банков. С 1860 г. Михаил Христофорович заведует делами Комитета финансов, который являлся органом выработки законоположений, связанных с проблемами финансов. Наконец, в 1862 г., в возрасте 42 лет, М. Х. Рейтерн возглавил Министерство финансов. Во многом стараниями нового министра с 1862 г. начали публиковать государственную роспись доходов и расходов (т. е. бюджет впервые стал гласным, с него была снята традиционная секретность), а с 1866 г. – отчеты Государственного контролера. Вместе с В. А. Татариновым он разработал правила разработки и утверждения ежегодной государственной сметы и государственной росписи. Была создана система частных банков, которых на начало его министерства в России просто не было. Активно развивалось государственное и частное кредитование посредством сети банков, взаимно-кредитных обществ, ссудо-сберегательных товариществ. Резко активизировалось железнодорожное строительство. Михаил Христофорович активно привлекал к работе в министерстве лучших специалистов в области финансов. Помимо названных, к их числу можно отнести и *Павла Ивановича Шамшина*. Сначала он стал директором Особой канцелярии по кредитной части Минфина (с 1863 по 1874 г.), а затем, по 1879 г., он являлся товарищем (заместителем) министра финансов. Это был крупный специалист в области государственного счетоводства[185]. Нельзя не сказать и о *Константине Карло-*

---

[184] См.: О размере акциза с вина. Мнение членов комиссии А. А. Абаза и М. Х. Рейтерна. СПб., 1861 и др.

[185] См.: Шамшин П. И. О теории счетоводства. СПб., 1865; Его же. О счетоводстве в применении к государственным управлениям. СПб., 1866.

виче Гроте (1815–1897), также выпускнике Царскосельского лицея (1837 г.), под непосредственным руководством которого ные откупа были заменены акцизным управлением. Характерно, что с должности саратовского губернатора его специально перевели в 1861 г. на должность директора Департамента разных датей и сборов Министерства финансов для организации отмены системы откупов и введения акцизной системы. Его усилиями в 1861 г. Уставом о питейном сборе начала вводиться чисто акцизная система в сочетании с патентным сбором с фабрик и торговых помещений, производящих алкоголь и торгующих им. В 1863–1869 гг. К. К. Грот руководил этим процессом в качестве директора Департамента неокладных сборов Министерства финансов. По этой части трудился великий русский писатель *М. Е. Салтыков-Щедрин*, будучи в ряде губерний управляющим казенными палатами.

Еще одной заслугой Н. Х. Рейтерна было его пристальное внимание к проблемам финансовой статистики. Во многом по инициативе нового министра начали издавать «Ежегодник Министерства финансов» (1869–1916 гг.), который первоначально именовался «Сборником сведений и материалов по ведомству Министерства финансов» (1866–1868 гг.). Показательно, что в качестве приложения к этому изданию в 1866–1867 гг. публикуется работа немецкого ученого Г. Рау «Основные начала финансовой науки». Вскоре «Ежегодник» стал авторитетным изданием, где статистические данные публиковались по следующим разделам: население и территория, государственное хозяйство, городское и земское хозяйство, кредиты и банки, биржи, акционерное дело, пути и средства сообщения, промышленность, торговля. Материалы данного журнала стали не только результатом обобщения всех официальных данных, имеющих отношение к финансам, но и хорошим подспорьем для деятельности государственных органов и научных исследований финансово-правового характера. В 1876–1894 гг. статистикой в Министерстве финансов заведовал *Дмитрий Аркадьевич Тимирязев* (1837–1903), брат известного естествоиспытателя и ботаника К. А. Тимирязева. Дмитрий Аркадьевич также был редактором «Ежегодника Министерства финансов» и «Вестника финансов, промышленности и торговли», был автором тру-

дов по промышленной статистике[186]. Без статистических материалов данных изданий не обходилось практически ни одно во-правовое исследование того периода.

Усилиями М. Х. Рейтерна и его сподвижников в стране была введена общая система бюджетного учета и отчетности, провозглашен принцип бюджетного и кассового единства. С 1870 г. из росписей и отчетов наконец-то исчезли дефициты. В нашу задачу не входит всестороннее рассмотрение финансовых реформ того времени, но их научная проработка и глубина замысла очевидны. Также очевидно, что не все задуманное удалось: не состоялась денежная реформа, вне государственного контроля остались казенные и субсидируемые бюджетом частные железные дороги. Сверхсметные ассигнования продолжали опустошать бюджет, архаичная подушная подать так и не была отменена, хотя и несколько уменьшилась. Крах ряда банков и акционерных обществ вкупе с возросшим масштабом банковского мошенничества шокировали отечественного обывателя. Увлечение чисто бюджетно-налоговой составляющей реформы привело к игнорированию ряда социальных вопросов, в том числе рабочего и крестьянского вопросов. Концессионная система строительства железных дорог была слишком затратной для бюджета, а концессионеры получали необоснованно большие прибыли. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. подорвала хрупкое финансовое равновесие, и М. Х. Рейтерн подал в отставку. Однако в 1881 г. его снова призвали на пост председателя Комитета министров, несмотря на то, что он был слаб здоровьем и практически ослеп. На этом посту он проявил себя мастером компромисса и окончательно ушел в отставку только в 1886 г., хотя формально сохранил членство в Госсовете и председательство в Комитете финансов. В начале 1890 г. престарелый ученый был возведен в графское достоинство. Его человеческие качества и научные способности заслуживают самой высокой оценки. Русский историк финансов Е. Н. Фену так писал о нем: «Отличаясь необычайным трудолю-

[186] Тимирязев Д. А. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России. 3 вып. СПб., 1869, 1870, 1873; Историко-статистический обзор промышленности России / под ред. Д. А. Тимирязева. В 2 т. СПб., 1883–1886 и др.

бием и обширными познаниями в финансовом деле, граф М. Х. Рейтерн был человеком твердых убеждений, беспристрастным и всегда равным в общении. При сдержанном и спокойном характере, он имел мягкую, отзывчивую душу…»[187]. Это был человек высокой личной порядочности, для которого работа была смыслом жизни. Он так и не создал собственной семьи, а весь досуг посвящал научным изысканиям и чтению книг. Впрочем, времени на подготовку публикаций в последний период его жизни было крайне мало, поэтому они в основном ограничиваются текстами официальных выступлений[188].

На примере М. Х. Рейтерна можно проследить, как научно проработанные и широкие реформаторские замыслы съеживались из-за недостатка настойчивости и даже некоторой слабости характера их автора. Этот русский ученый с немецкими корнями не был бойцом, а его способность к компромиссу иногда шла в ущерб осуществлению намеченного. Если ученый М. Х. Рейтерн был на высоте и стал интеллектуальным победителем, то государственный деятель М. Х. Рейтерн не смог в полном объеме реализовать свою программу. Впрочем, в условиях абсолютной монархии и всевластия бюрократии это было скорее закономерным.

Одним из наиболее последовательных соратников М. Х. Рейтерна и полноправным соавтором финансовых реформ стал **Валериан Александрович Татаринов** (1816–1871) – выходец из дворян Владимирской губернии, сын майора русской армии, окончил Московский университетский благородный пансион, где обучался в одно время с будущим реформатором вооруженных сил Д. А. Милютиным. В 1835 г. он поступил на службу в канцелярию Государственного контроля, в 1840 г. стал помощником обер-контролера при Департаменте кораблестроения Морского министерства. Там он активно включился в проведение ревизий и законопроектную работу. Его усердие не осталось незамеченным, и в 1852 г. он назначается генерал-контролером Департамента государственных отчетов. В 1855–1858 гг., практически параллель-

[187] Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. С. 396.

[188] См., например: Рейтерн М. Х. Речь министра финансов, произнесенная 16 октября 1875 г. в заседании Совета кредитных установлений. СПб., 1875.

но с М. Х. Рейтерном, его командируют за границу для изучения постановки государственной контрольной деятельности. В. А. Татаринов посетил Францию, Бельгию, Пруссию и Австрию. Своеобразным отчетом о командировке стал целый цикл его научных работ о финансовом контроле в Пруссии, Франции и Бельгии[189]. Второе издание этих работ в трех томах было дополнено И. Кауфманом[190]. П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» охарактеризовал это издание как «выдающееся и лучшее не только в русской, но и иностранной литературе, а дополнения Кауфмана превосходно восполняют пробелы и устарелости этого знаменитого отчета Татаринова»[191].

Отметим, что параллельно с этой же целью за границу был командирован и *Александр Иванович Бутовский* (1817–1890), подготовивший аналогичную публикацию[192]. Впоследствии он был агентом Министерства финансов в Лондоне, затем директором департамента в том же министерстве, а позднее – сенатором. Он занимался проблемами экономики и финансового права[193].

По возвращении в Россию В. А. Татаринов назначен статс-секретарем и членом Совета Государственного контроля. Разработанный им проект реформы бюджетного, кассового и контрольного дела был в целом принят в 1859 г., а он стал тайным советником (1860 г.). В 1861 г. его назначают членом Комиссии

---

[189] См.: Татаринов В. А. Государственная отчетность в Пруссии. СПб., 1858; Его же. Государственная отчетность во Франции. СПб., 1858; Его же. Отчетность Морского ведомства во Франции. СПб.,1858; Государственная отчетность в Бельгии. СПб., 1858.

[190] См.: Татаринов В. А. Государственная отчетность в Бельгии (т. 1), в Пруссии (т. 2) и во Франции (т. 3). Т. 1–3. СПб., 1881–1884 (2-е изд.).

[191] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе // Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. Ярославль, 1907. № 4. С. 71.

[192] См.: Бутовский А. И. О государственной отчетности во Франции. М., 1858.

[193] См.: Бутовский А. И. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. В 3 т. СПб., 1847; Его же. О запретительной системе и о новом тарифе. СПб., 1857 и др.

об улучшении системы податей и сборов, а также членом Ученого комитета Министерства финансов.

В 1862–1868 гг. под его руководством проводится реформа государственного контроля, а с 1863 по 1871 г. он являлся Государственным контролером, главой единого государственного контрольного органа России. На этом посту он последовательно проводил идеи независимости и единства государственного контроля, а сам этот контрольный орган был наделен правом документальной ревизии всех государственных учреждений в центре и на местах.

Общепризнанными являются заслуги В. А. Татаринова в проведении реформы Государственного контроля в 60-х гг. XIX в. Это признавали и его современники[194], и нынешние исследователи. Так, А. А. Ялбулганов пишет, что на плечи В. А. Татаринова легла главная тяжесть практической реализации реформы Государственного контроля. Он, развивая идеи М. М. Сперанского о независимости контроля, стремился создать полноправный и авторитетный Государственный контроль[195]. Изучив и обобщив зарубежный опыт государственного контроля, В. А. Татаринов в 1858 г. представил государю Александру II проект организации бюджетного, кассового и контрольного дела в России. В организации бюджета он отстаивал составление единообразных для всех ведомств смет, которые включают все государственные доходы и расходы. Эти сметы должны рассматриваться и утверждаться одновременно с рассмотрением последнего отчета об исполнении государственного бюджета. Преобразование кассового дела в России предполагало введение единства кассы, когда все денежные средства должны быть переданы в ведение Министерства финансов. По мнению В. А. Татаринова, единство кассы диктовало введение предварительного контроля. Предложения В. А. Татаринова встретили противодействие со стороны ряда министров, особенно это касалось введения документальной ревизии и предварительного контроля. В этой части преобразова-

[194] Алышевский Н. Я. В память В. А. Татаринова. О прошлом и нынешнем устройстве Государственного контроля. СПб., 1881.

[195] См.: Ялбулганов А. А. Финансовый контроль в Российской армии. XIX – начало XX в. Организационно-правовые реформы. СПб., 1999. С. 25.

ния так и не были проведены в полном объеме, задуманном реформатором. Между тем 18 февраля 1859 г. Александр II дил проект. В мае 1862 г. были приняты «Правила составления, утверждения и исполнения государственной росписи и вых смет министерств и главных управлений». Для реализации единства кассы комиссия под председательством В. А. Татаринова составила правила о поступлении государственных доходов и производстве государственных расходов, известные под кратким наименованием «Кассовые правила». В реформировании государственного контроля особым достижением было внедрение документальной ревизии. Вместо прежней системы рассмотрения общих министерских отчетов органы Государственного контроля получили доступ к подлинным документам, вводилась и ревизия материальных ценностей. Реализация реформы контроля также была связана и с созданием местных органов Государственного контроля – контрольных палат в губерниях. Это исправило «существовавшее большое зло, крайнюю централизацию Государственного контроля», предоставило местным контрольным учреждениям значительную долю независимости в ревизионных действиях и решениях по отношению как к распорядителям, так и к исполнителям[196]. Как отмечается в литературе, «хотя реформа Государственного контроля на деле получилась неполной, половинчатой, она все же сыграла положительную роль, во многом благодаря усилиям В. А. Татаринова»[197].

Возглавляя Государственный контроль, В. А. Татаринов в своих приказах и инструкциях разъяснял служащим контроля задачи, принципы и методы новой ревизионной системы. Так, он особо подчеркивал значение документальной ревизии, считая, что документ должен быть «прямым и исключительным орудием ревизии». При этом ревизор должен обращать внимание на хозяйственную целесообразность и выгодность операций в ревизуемых учреждениях. В. А. Татаринов полагал, что Государственный контроль должен не только и не сколько преследовать нарушения, сколько предупреждать неправильные действия, а

[196] См.: Бессон Э. Бюджетный контроль во Франции и за границей. Пер. с фр. С. Л. Халютина. СПб., 1901. С. 14.

[197] Ялбулганов А. А. Указ. соч. С. 28.

поэтому результаты ревизии должны выражаться не в количестве сделанных замечаний и налагаемых начетов, а в предупреждении неправильных действий[198].

Высокий профессионализм государственного деятеля и интеллектуальный уровень ученого он совмещал с неизменной порядочностью[199]. Современники отмечали его богатые способности, усердие и горячую преданность делу, относя его к наиболее близким сподвижникам М. Х. Рейтерна в деятельности, направленной к упорядочению смет и государственной росписи[200]. Главный контролер Николаевской железной дороги С. Л. Халютин, прослуживший в Государственном контроле более 35 лет, отмечал его политику в отношении выбора личного состава местных контрольных учреждений «из обыкновенной среды, зараженной прежними обычаями и преданиями», но нравственная сила примера В. А. Татаринова и «искренность убеждения в необходимости обновления» контроля, «а также и феноменальное трудолюбие были таковы, что увлекли его сподвижников и сразу переродили их в людей, жаждавших правды и новых веяний»[201]. Он писал о Татаринове как талантливом государственном человеке, который «на своих плечах вынес тяжкую борьбу с мраком и отсталостью, не желавшими примириться с новыми влияниями и потребностями и отстаивавшими прежний, отживший порядок. Эта борьба стоила ему даже жизни, так как он скончался внезапно в самый расцвет своих умственных сил и организаторских способностей, доказав, что добрые начала и интересы отечества одинаково дороги для каждого, как при парламентском правлении, так и при монархическом»[202].

---

[198] См.: Сакович В. А. Государственный контроль в России, его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы, кассового порядка и устройства государственной отчетности. Ч. 1. СПб., 1896. С. 141–148.

[199] См.: Алышевский Н. В память В. А. Татаринова. О прошлом и настоящем устройстве Государственного контроля в России. СПб., 1881; Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 393 и др.

[200] См.: Семевский М. И. Михаил Христофорович Рейтерн. К его портрету. СПб., 1889. С. 10.

[201] Бессон Э. Бюджетный контроль во Франции и за границей. С. 21.

[202] Там же. С. 6.

С. Л. Халютин перевел на русский язык и дал введение переводчика к работе другого государственного служащего – Управляющего Главной Дирекцией Актовых пошлин во Франции Э. Бессона – «Бюджетный контроль во Франции и за границей. Историческое и критическое исследование финансового контроля первостепенных государств Европы». Э. Бессон в названном труде дал оценку русскому Государственному контролю. Введение переводчика представляет собой объемное и развернутое исследование. В нем С. Л. Халютин излагает свои взгляды на российскую ревизионную систему, отмечая ее преимущества и недостатки по сравнению с контрольными системами Франции, Англии, Италии. В ряде случаев он не соглашается с характеристиками государственного финансового контроля в России, которые даны Э. Бессоном. В Государственном финансовом контроле в России после реформы 60-х гг. XIX в., по мнению С. Л. Халютина, «торжествует признанная наукой и финансовой практикой идея разделения властей, способствующая более стройному ходу государственной администрации»[203]. Автор рассказывает об истории становления Государственного контроля в России, рассматривает эффективность деятельности Государственного контроля на основе ежегодных Всеподданнейших Отчетов Государственного контролера, дел из Архивов Государственного контроля. А самое главное, исследование завершается программой мероприятий «для придания русскому Государственному контролю большей силы и значения», причем многие из предлагаемых мер – это те проекты преобразований Государственного контроля, которые предлагал В. А. Татаринов, но которые так и не были в полной мере проведены в жизнь. Среди этих мероприятий – расширение деятельности и прав Государственного контроля в ревизионном отношении, в том числе права предварительной ревизии всех государственных операций и предприятий, принятие нового ревизионного устава, материалы для которого начал собирать еще В. А. Татаринов, соединение отделений Госбанка с казначействами и др. Кстати, П. П. Гензель счет перевод С. Л. Халютина неудовлетворительным, а саму книгу Бессонна

[203] Бессон Э. Бюджетный контроль во Франции и за границей. С. 31.

второстепенной после сочинений Штурма и Татаринова о бюджетном контроле[204].

Примечательно, что и в советской литературе о В. А. Татаринове писали преимущественно в благожелательных тонах, подчеркивали его участие в «подготовке и проведении (1862–1866) буржуазных реформ государственного финансового контроля в России»[205]. Данная оценка характерна и для современных исследований[206].

К числу известных ученых-финансистов, выдвинувшихся при М. Х. Рейтерне, может быть отнесен и **Федор Густавович Тернер** (1828–1906). Сын обрусевшего чиновника с немецкими корнями, доктора медицины и врача Мариинской больницы, а также внук священника, он продолжил в своей жизни деяния предков. Ф. Г. Тернер окончил камеральный факультет Петербургского университета в 1850 г. и поступил на службу первоначально в Министерство иностранных дел, где с 1856 г. заведовал Особой канцелярией. Этому способствовало его почти одинаково свободное владение русским, немецким и французским языками. В 1857 г. его приняли в Русское географическое общество. Уже в то время Ф. Г. Тернера интересовали проблемы зарубежного финансового права и его привлекали в комиссию для пересмотра системы податей и сборов[207]. Молодой чиновник вошел в либеральный кружок главного идеолога отмены крепостного права Н. А. Милютина и даже, по его просьбе, подготовил на французском языке брошюру о выкупном вопросе для его популяризации.

С 1862 г. вся его служебная деятельность прошла в Министерстве финансов, куда он был приглашен на должность чиновника для особых поручений новым министром М. Х. Рейтерном. Первоначально в его обязанности входило ознакомление министра с

---

[204] См.: Гензель П. П. Указ. соч. С. 71–72.

[205] Большая советская энциклопедия. Т. 42. М., 1956. С. 641.

[206] См.: Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. СПб., 2001. С. 640–642; Ялбулганов А. А. Финансовый контроль в Русской армии. XIX – начало XX в. Организационно-правовые реформы. С. 25–31.

[207] См.: Тернер Ф. Г. Сведения о поземельном налоге в иностранных государствах // Труды комиссии для пересмотра системы податей и сборов. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1860; Его же. Изложение кредитной системы Ло // Библиотека для чтения. 1860. № 3, 4.

экономическими и финансовыми статьями в периодической печати и разъяснение в той же печати хода финансовых преобразований. Затем он готовил уже более обширные труды[208]. В дальнейшем свое министерство Ф. Г. Тернер представлял практически во всех комиссиях по преобразованиям в финансовой сфере и по рабочему вопросу в 60–80-х гг. XIX в. Так, например, Ф. Г. Тернер проводил аналитические обобщения сведений о поземельном налоге в иностранных государствах для Комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. Труд включал обзор сводов постановлений, относящихся к устройству поземельного налога в Пруссии, Австрии, Франции, Великобритании и отчасти Америки, а также изложение главнейших результатов, достигнутых земско-податными системами этих стран. При этом Ф. Г. Тернер приводит критические взгляды известных ученых-финансистов по рассматриваемым вопросам. Сам автор весьма скромно пишет, что его труд не следует рассматривать как теоретико-критическое сочинение, автор отказался и от высказывания собственных суждений, оценок, т. к. этот труд – материалы для обсуждения податной Комиссии[209]. От себя добавим, что это не просто материалы, а приведенная в систему, обобщенная характеристика четырех основных видов поземельного налогообложения и довольно объемный содержательный труд.

В 1863 г. Федор Густавович был командирован в Германию для изучения постановки таможенного дела. Результатом этой командировки стал «Краткий обзор главных оснований прусского таможенного устройства с некоторыми соображениями о том, какие из них могут быть применены у нас» (1863 г.). Он занимал должности директора Департамента таможенных сборов (с 1870 г.), члена совета Министра финансов (1872–1880 гг.), а затем директора Департамента Государственного казначейства (1880–1887 гг.).

---

[208] См.: Тернер Ф. Г. Краткое руководство к изучению политической экономии. СПб., 1862.

[209] Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 2. Прямые налоги. СПб., 1863. Материалы. Сведения о поземельном налоге в иностранных государствах / сост. Ф. Г. Тернер. СПб., 1860. С. 1–252.

Кстати, он был представителем русского правительства на Международной монетной конференции в Париже в 1881 г.[210]

Вершиной карьеры Ф. Г. Тернера стала должность товарища (заместителя) министра финансов при министре А. В. Вышнеградском в 1887–1892 гг., причем в периоды долговременного отсутствия министра по болезни он выполнял его обязанности. Когда встал вопрос о назначении нового министра финансов, Федор Густавович был одним из вероятных кандидатов, но ему предпочли С. Ю. Витте. Последний оставил о своем вероятном конкуренте весьма парадоксальные суждения: «Тернер был такой человек, которого нельзя было не уважать; это был человек высоких принципов, человек образованный… Вообще, он был крайне богомолен, даже был ханжой. Тернер очень много читал, но был человеком крайне ограниченным. И именно не по моральным своим свойствам, а по свойствам своей ограниченности он несколько менял свои убеждения, если его непосредственный начальник, которому он доверял, держался других взглядов, нежели те, которых придерживался Тернер… Тернер любил много писать, но все, что он писал, было бесцветно. Тем не менее, как я уже говорил, это был редкий человек, это был человек замечательно порядочный, честный и благородный; все относились к Тернеру с большим уважением. Но в наследство он получил тупой немецкий ум»[211].

Впоследствии Ф. Г. Тернер был членом Госсовета, сенатором, занимался проблемами земледелия[212], с 1902 г. стал членом Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, где показал себя сторонником мелкого крестьянского кредита[213]. В 1898 г. он стал действительным тайным советником. На всех постах ученый оставался противником излишних трат. В частности, в Государственном совете в 1902 г. он выступал против

---

[210] См.: Тернер Ф. Г. Доклад г-ну управляющему Министерством финансов представителя русского правительства на Международной монетной конференции в Париже. СПб., 1881.

[211] Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 188.

[212] См.: Тернер Ф. Г. Государство и земледелие. Ч. 1–2. СПб., 1896–1901.

[213] См.: Государственные деятели России XIX – начала XX в. Биографический справочник. М., 1995. С. 181; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. СПб., 2001. С. 644–647 и др.

финансовой помощи дворянству, т. к. эта помощь породит иждивенчество и послужит к еще большему разорению благородного сословия.

В 1870-х гг. он обратился к проблемам религии, на что повлияло его знакомство с известным священником Иоанном Кронштадтским. Ф. Г. Тернер, крещенный, вероятно, лютеранином, стал знатоком православной проблематики, написал ряд трудов, наиболее известный из которых «Наука и религия в конце XIX в.» (СПб., 1876). В целом он показал себя интересным и своеобразным религиозным писателем. Возможно, этому способствовали печальные обстоятельства личной жизни Федора Густавовича. Его брак с С. А. Фольборт завершился через два года смертью жены, а повторно он уже не женился.

В круг научных интересов ученого входил широкий спектр проблем, в том числе российское и зарубежное законодательство о социальном страховании. Уже в 1861 г. он писал: «Вопрос о рабочем классе может считаться главною социальною задачей XIX века»[214]. Ученый правомерно связывал обострение рабочего вопроса с развитием промышленности и появлением нового вида социального риска, ибо для рабочего потеря работы – «потеря всего». Эта идея напрямую выводила ее автора на проблему социального страхования лиц наемного труда, т. к. «нельзя наказывать людей, не по своей воле потерявших работу». Для борьбы с социальными рисками предлагались меры «регламентированной предусмотрительности», которые имели целью «некоторое обеспечение рабочего класса путем законодательным». Этот путь предусматривал обязательные меры, как то: разные сборы с рабочего населения для целей социального обеспечения (на устройство госпиталей, приютов, запасных капиталов и др.). При этом государство должно было на себя брать полное финансирование только системы образования[215]. По сути Ф. Г. Тернер предлагал ввести систему обязательного страхования рабочих за счет средств самих рабочих. Однако правовая регламентация такого страхования должна была осуществляться государством и под его контролем.

---

[214] Тернер Г. Ф. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. СПб., 1861. С. 1.

[215] Там же. С. 24–25.

Тернер заложил своеобразную научную традицию, когда при исследовании проблем социального страхования в России анализировалось и соответствующее законодательство стран Запада. Практически во всех его работах этому уделено существенное место. Он подверг критике цеховую организацию производства, но выступил за ассоциации рабочих «на новых началах». Меры, в которых рабочий класс «сам принимает действительную инициативу», виделись ему в двух направлениях:

1. Ассоциации, деятельность которых должна иметь строго экономический характер (потребительские общества, кассы взаимопомощи, ссудо-сберегательные товарищества, артели и др.) Одна из их целей – создание и реализация «солидарности интересов». Очевидно, что эти меры содержали существенную финансово-правовую составляющую.

2. Сбережения, прежде всего взаимный кредит и вспомоществование. При этом благотворительность не приветствовалась, т. к. она не исцеляла, а только усиливала зло. В данном случае можно говорить о прямом выходе на проблемы финансового права (кредитование, создание касс взаимопомощи и др.).

Ф. Г. Тернер отмечал, что с начала XIX в. широкое развитие получили рабочие товарищества самопомощи и взаимопомощи. Частично они выполняли потребительские цели, прежде всего обеспечение рабочих жильем и снабжение продуктами. Но начали появляться и страховые кассы (на случай болезни, инвалидности), которые строились на гражданско-правовых началах[216]. Это частнокапиталистическое коммерческое страхование. Оно построено на «лечении язв строя» путем взаимопомощи, но в соответствии со взносами, развивая в каждой личности стремление к самообеспечению, когда каждый заботится о себе и откладывает средства на «черный день». Практически все страны начали с системы добровольного социального страхования.

Таким образом, на плечи наемных работников предполагалось переложить всю тяжесть страхования в связи с утратой заработка и работы на началах обязательного и добровольного страхования. Отметим, что на таких началах строились все суще-

[216] См.: Тернер Г. Ф. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. С. 152–179 и др.

ствовавшие в то время страховые системы стран Запада. Но для осуществления этих мер предполагалось «капитальное содействие высших классов». При этом административное вмешательство должно было иметь свои пределы и не должно мешать инициативе самих рабочих. Здесь в очень мягкой форме выражена идея о необходимости легализации рабочих ассоциаций, хотя и с очень ограниченными правами.

В своей научной и практической деятельности Тернер проводил идею о необходимости социальных реформ. Впрочем, они виделись ему крайне умеренными. К тому же служебное положение и многолетняя чиновничья выучка выводили на первый план в его научных работах и практической деятельности государственные интересы. Так, представляя Министерство финансов в комиссии по рабочему вопросу под председательством П. А. Валуева, в 1875 г. он высказал особое мнение. Оно сводилось к тому, что для детей в возрасте от 12 до 14 лет можно сразу не ограничивать предельную продолжительность рабочего дня 6 часами, а установить на четыре года переходный период с 8-часовым рабочим днем. В то же время он считал это крайней уступкой, а ограничение эксплуатации детского труда признавал необходимым. В отношении взрослых рабочих Тернер предлагал сократить обсуждаемый 13-часовой рабочий день до 12 часов. Основным аргументом служило то, что такое сокращение будет иметь экономическую выгоду[217].

Как уже указывалось, Ф. Г. Тернер значительное внимание уделил исследованию зарубежного опыта, а фабричному законодательству Германии он посвятил отдельную книгу[218]. Это было одно из первых российских исследований, специально посвященных зарубежному фабричному законодательству. Его теоретические воззрения не расходились с практической деятельностью на посту товарища министра финансов. Во многом благодаря его стараниям в 1887 г. были приняты Общие условия страхования.

[217] Особое мнение Ф. Г. Тернера приведено в книге: Федоров А. Фабричное законодательство цивилизованных государств. Работа малолетних и женщин на фабриках. СПб., 1884. С. 378–399.

[218] См.: Тернер Ф. Г. Фабричное законодательство Германии. СПб., 1874.

Ф. Г. Тернера можно считать одним из первых российских исследователей проблем социального страхования.

Он открыл целую галерею исследователей проблем социального страхования и иных способов решения «рабочего вопроса», в том числе с помощью финансово-правового инструментария. Напомним, что обязательное социальное страхование (государственное или с участием государства) в значительной части относится к предмету финансового права.

Первым из героев нашей книги свою карьеру с преподавания в гимназии и университете начал **Иван Васильевич Вернадский** (1821–1884). Этот ученый был скорее не государственным, а общественным деятелем, однако судьба вытолкнула его на государственную стезю, на которой он достиг чина действительного статского советника (светского генерал-майора). И. В. Вернадский был выходцем из малороссийских дворян Черниговской губернии, вероятно с литовскими корнями. По окончании философского факультета Киевского университета со степенью кандидата (1841 г.) преподавал русскую словесность в ряде гимназий, однако в 1842 г. он становится адъюнктом по кафедре политической экономии в родном университете. Отметим, что он с юности имел склонности к языкам, впоследствии знал основные европейские языки, а французским и итальянским владел свободно. После научной работы за границей (преимущественно в Берлинском университете) в 1847 г. он защитил магистерскую диссертацию по книге «Очерк теории потребностей» (Киев, 1847 г.), а затем и докторскую диссертацию «Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX в.» (М., 1849 г.). После этого И. В. Вернадский был избран экстраординарным профессором по кафедре политэкономии и статистики Киевского университета, а в 1851–1856 гг. являлся профессором Московского университета.

В Российское географическое общество он вступил еще в 1847 г. Его статьи часто публиковались в периодической печати, особенно в «Московских ведомостях». В данный период он отстаивал экономическую эффективность железных дорог («Экономия чугунки» (М., 1851)), был горячим сторонником отмены крепостного права и развития России по западному пути. Частная собственность рассматривалась им как основа любого рациональ-

ного хозяйства. При этом ученый выступал противником протекционизма и был апологетом свободы торговли, ратовал за использование ресурсов сельского хозяйства в целях развития промышленности посредством кредитования предприятий. В 1854–1858 гг. он перевел на русский язык и издал книгу Л. В. Тенгоборского «О производственных силах России» (Париж, 1852–1855), который доказывал аграрное будущее России. И. В. Вернадский придерживался противоположного мнения о приоритете развития крупной промышленности и концентрации капитала в производственной сфере. Его идеалом было всесословное и справедливое налогообложение при минимизации вмешательства государства в экономическую сферу. И. В. Вернадский был одним из первых пропагандистов трудов Д. Рикардо в России. При этом стоит отметить, что стремление И. В. Вернадского к краткости изложения нередко шло в ущерб его ясности, а порой просто порождало путаницу и двусмысленность. Страсть ко всякого рода классификациям порой расходилась у него с эмпирическим материалом и фактологической базой. Однако это не ставит под сомнение оригинальность и убедительность для русской читающей публики его взглядов в финансово-правовой сфере.

После смерти Николая I и первых либеральных дуновений Иван Васильевич перебирается из провинциальной в то время Москвы в центр политических страстей – Петербург. Там с 1856 г. он служил в Центральном статистическом комитете МВД, числился чиновником для особых поручений Министерства внутренних дел, одновременно в 1857–1859 гг. преподавал в Главном педагогическом институте, а в 1861–1868 гг. – в Александровском лицее. С 1857 по 1861 г. он издавал журнал «Экономический указатель» и его приложение «Экономист» (1858–1865 гг.), где вел финансовое обозрение и обозрение новых политико-экономических сочинений. В этих изданиях на финансовые темы высказывались многие известные личности, с которыми мы встречаемся на страницах этой книги, в частности Н. Х. Бунге, В. П. Безобразов, Е. И. Ламанский, А. Н. Куломзин и др. Многие из них входили и в частный кружок экономистов, созданный в 1861 г. при активном участии И. В. Вернадского. Признание его заслуг коллегами выразилось в избрании председателем политико-экономического комитета Вольного экономического общест-

ва, а с 1859 г. он член Статистического общества в Лондоне и Центрального статистического бюро в Брюсселе.

В качестве чиновника для особых поручений он исследовал экономическое положение различных слоев населения. Его выступления против сохранения крестьянской общины имели финансовые обоснования: это подавляло хозяйственную инициативу, препятствовало накоплению капиталов, обезличивало налогообложение, не обеспечивало реального равенства общинников. Почти по аналогичным причинам ученый был противником и помещичьего землевладения, стесняющего капитализм. В своих трудах он подчеркивал важную роль кредита и денежного обращения, причем почти в современной терминологии: «Высшее экономическое развитие предполагает принятие за деньги идеальной единицы кредита»[219]. Главным трудом ученого можно признать «Очерк истории политической экономии» (СПб., 1858), где рассмотрено, среди прочего, развитие финансово-правовых идей.

После резкого ухудшения здоровья в 1868 г. у И. В. Вернадского, блестящего лектора и полемиста, возникли проблемы с речью и он перешел на должность управляющего Харьковской конторой Госбанка, которую возглавлял в 1868–1876 гг. После отставки он вернулся в Петербург, где занимался преимущественно издательской деятельностью.

Стоит сказать и о двух обстоятельствах личной жизни Ивана Васильевича, которые имеют важное значение для истории русской науки. Во-первых, его первая жена *Мария Николаевна Вернадская* (в девичестве Шигаева) (1831–1860), автор «Опыта популярного изложения основных начал политической экономии» (СПб., 1860), считается первой отечественной женщиной-политэкономом. Во-вторых, его сын от второго брака *Владимир Иванович Вернадский* (1863–1945) стал выдающимся естествоиспытателем и философом, а внук – *Георгий Владимирович Вернадский* (1887–1973) – видным историком русского зарубежья. Воистину здесь природа на протяжении трех поколений не знала отдыха. С этим связана достаточно странная ситуация: значительную часть

[219] Вернадский И. В. Проспект политической экономии. СПб., 1858. С. 41.

материала о В. И. Вернадском можно почерпнуть в работах, посвященных его сыну[220].

К числу типичных ученых, ставших чиновниками, казалось бы, можно отнести **Николая Христиановича Бунге** (1823–1895). Однако его жизненный путь уникален, т. к. он стал первым россиянином, ставшим одновременно и одним из ведущих представителей академической финансовой науки, и высшим государственным чиновником. Н. Х. Бунге родился в Киеве в дворянской семье врача немецкого происхождения. Однако он был из тех немцев, о которых князь А. Д. Оболенский сказал, что их нельзя называть просто немцами, а надо говорить «русские немцы». Будучи лютеранином, Н. Х. Бунге в своем завещании просил, чтобы над его гробом была совершена русская панихида. В. В. Шульгин, известный политический деятель и остроумный человек, подметил, что своеобразным доказательством «русскости» Н. Х. Бунге было то, что он крестил по православному обряду сына своего университетского коллеги. Крестником как раз и стал сам В. В. Шульгин[221].

В 1845 г. Н. Х. Бунге окончил юридический факультет Киевского университета со степенью кандидата законоведения. Затем он назначен преподавателем законов казенного управления в Нежинский лицей князя Безбородко. В 1847 г. молодой преподаватель защищает магистерскую диссертацию по государственному праву на тему: «Исследование начал торгового законодательства Петра I». Во время торжественного акта лицея в 1849 г. он выступил с лекцией «Речь о кредите». Все пять лет лицейского преподавания молодой ученый вел курс финансового права. В 1850 г. Н. Х. Бунге перешел в Киевский университет на должность адъюнкта кафедры политической экономии и статистики. С 1859 по 1880 г. он трижды был избран на должность ректора университета. Ученый был также длительное время и деканом юридического факультета. В 1852 г. он становится доктором политических наук (тема диссертации – «Теория кредита» (опублико-

[220] См., например: Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993. С. 16–36 и др.

[221] См.: Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 109.

вана в виде монографии в Киеве в 1852 г.)), с 1854 г. – ординарный профессор по кафедре политической экономии и статистики, с 1877 г. – заслуженный ординарный профессор, с 1890 г. – академик Петербургской академии наук. Широта научных интересов ученого внушает уважение: он являлся крупным специалистом в области политической экономии, полицейского (административного) и финансового права[222]. В 1860-х гг. он читал университетский курс финансового права. Как университетский преподаватель он заслужил уважение коллег и почитание студентов. Не обладая сильным голосом, он читал лекции плавно, живо, с неизменной улыбкой. Николай Христианович тщательно готовил каждую лекцию, но они производили впечатление экспромта. Он никогда не перегружал свою речь цитатами и красивостями, излагал мысли ясно и сжато. Его умение держать внимание аудитории без всяких внешних эффектов было замечательным. На занятиях он практиковал, что было необычно в то время, подготовку и публичное обсуждение студенческих докладов и рефератов. Его замечания наиболее «зарапортовавшимся» студентам выражались только в легкой иронии, которая ставила студентов на место эффективнее любого окрика.

Как финансист он сформировался под влиянием классической школы А. Смита и немецкой исторической школы. Первоначально он выступил сторонником частной собственности, предпринимательства, конкуренции, либерализации политической и экономической жизни. Однако постепенно Н. Х. Бунге перешел с позиции фритредерства к умеренному протекционизму и необходимости вмешательства государства в экономические отношения. Научную работу он совмещал с практической деятельностью на ниве финансов. В 1859–1860 гг. входил в состав Редакционной комиссии, занимающейся проблемами отмены крепостного права[223], участвовал в разработке выкупных операций, а затем в подготовке прогрессивного университетского устава

[222] См.: Бунге Н. Х. Гармония хозяйственных отношений. СПб., 1860; Его же. Полицейское право. Т. 1–2. Киев, 1873–1877 (неоднократно переиздавалось); Его же. Основы политической экономии. Киев, 1870 и др.

[223] В эту комиссию он был приглашен именно как специалист в области финансов, автор работ по данной проблеме (См.: Бунге Н. Х. Кредит и крепостное право // Русский вестник. 1858. № 2; 1859. № 2, 4).

1863 г. В Петербурге в различных комиссиях он работал порой до полутора лет, но неизменно возвращался к преподавательской работе в Киевском университете. Однако и там он совмещал ее в 1862–1866 гг. со службой управляющим Киевской конторой Госбанка, что не мешало ему впоследствии выступить инициатором создания коммерческих кредитных учреждений. Проблемы банковского законодательства и их роли в финансовой системе неоднократно исследовались Николаем Христиановичем[224]. После избрания в органы городского самоуправления он возглавлял комиссию по составлению городской сметы. Примечательно, что в 1863–1864 гг. и 1888–1889 гг. он преподавал финансовое право наследникам престола. В основу этих лекций он положил переведенное им исследование немецкого ученого К. Гока «Государственное хозяйство. Налоги и государственные долги»[225]. Ученый не искал славы автора блестящих гипотез и броских теорий. Писал он преимущественно на наиболее злободневные финансовые темы: о денежной системе и восстановлении металлического обращения, о банковских законах и банковской политике, о кредитах, о финансовом праве стран Запада и др.

Его преданность науке была всепоглощающей. При сочетании высокого интеллекта и редких душевных качеств он был и внешне привлекателен, высок ростом, худощав и до преклонных лет сохранил физическую форму. Даже будучи министром финансов, каждое утро в дворницкой он в виде зарядки рубил дрова. Однако семьи он так и не создал, оставаясь всю жизнь холостяком. Все свое время он отдавал научным исследованиям и профессиональной деятельности. При этом был книголюбом и театралом. Образ жизни вел крайне скромный, а значительную часть своих немалых средств завещал на пособия, стипендии и регулярные выдачи нуждающимся студентам. Своим карьерным взлетом ученый был обязан прежде всего деловым и человеческим качествам. О его научной прозорливости говорит хотя бы

[224] См.: Бунге Н. Х. Банковые законы и банковая политика // Сборник государственных знаний. СПб., 1874. Т. 1; Его же. Возможны ли частные оборотные банки в России? СПб., 1864 и др.

[225] См.: Гок К. Государственное хозяйство. Налоги и государственные долги. Киев, 1865.

то, что он одним из первых заговорил о необходимости выкупа государством частных железных дорог, которое позднее стало осуществляться в огромных масштабах. Показательно, что при избрании Н. Х. Бунге в Петербургскую академию наук в 1890 г. он согласился войти в нее только при условии, что ему по этому званию не будет назначено никакого жалования. Что и говорить, случай беспрецедентный в истории Академии[226].

Наконец, в 1880–1881 гг. Н. Х. Бунге назначен товарищем министра финансов, причем его программа преобразований в сфере денежной системы была изложена в предшествовавших научных публикациях[227]. Это назначение было осуществлено вопреки воле тогдашнего министра финансов С. А. Грейга, что привело к натянутости в их отношениях. Примечательно, что новое назначение киевского профессора было позитивно встречено не только в либеральных кругах, но и в некоторых великосветских салонах, причем почти сразу ему начали прочить пост министра финансов[228].

Отметим, что проблемы денежного обращения и в дальнейшем представляли для Н. Х. Бунге научный и практический интерес. Н. Х. Бунге сопроводил предисловием перевод работы А. Горна «Джон Ло. Исследование по истории финансов». Актуальность этого перевода, по его мнению, очевидна, т. к. «толкам о чудодейственной силе бумажных денег» не суждено умереть. Мысль о создании богатства «при помощи неограниченного выпуска ничего не стоящих лоскутков бумаги очень заманчива и всегда будет находить сторонников»[229]. Н. Х. Бунге, рассматривая «систему Джона Ло», пишет о коренном заблуждении Ло: «для того, чтобы бумажные орудия обращения имели ценность того металла, который на них обозначен (слова: рубль, франк, фунт стерлинг – означают из-

[226] См.: Речь академика К. С. Веселовского (памяти Н. Х. Бунге). СПб., 1895. С. 1–5.

[227] См.: Бунге Н. Х. Заметки о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению // Сборник государственных знаний. СПб., 1880. Т. 8; Его же. О восстановлении металлического обращения в России. Киев, 1877; Его же. О восстановлении постоянной денежной единицы в России. Киев, 1878 и др.

[228] См.: Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 48, 71.

[229] Горн. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. С. III.

вестное количество чистого золота и серебра), необходимо, чтобы за них можно было получить упомянутое в них количество золота и серебра, или же равноценность последних (эквивалент) в других товарах. Ничего подобного не могло быть при неограниченном выпуске бумажных денег, не обеспеченных монетой и не разменивающихся свободно на последнюю»[230].

Н. Х. Бунге также сделал перевод сочинения А. Вагнера «Русские бумажные деньги». А. Вагнер в предисловии к своей книге отмечал, что он нашел в России подтверждение всех главных пунктов своей теории о бумажных деньгах и обосновал ряд практических предложений к операции по отверждению 600 млн рублей, т. е. половины текущего долга России с целью восстановления «благоустроенной денежной системы». Н. Х. Бунге не ограничился переводом данной работы, а дополнил каждую главу книги своими комментариями, в ряде случаев не соглашаясь с позицией А. Вагнера, например в отношении оценки юридического положения российских ассигнаций и др. В целом комментарии и дополнения переводчика оказались почти в два раза больше по объему, чем само сочинение А. Вагнера. Оценивая проект Вагнера о восстановлении металлического обращения в России, Н. Х. Бунге останавливается на «слабых звеньях» этого проекта, высказывает сомнения в отношении возможности реализации предлагаемых Вагнером мер. Он обосновывает свои подходы к решению проблемы восстановления и упрочения металлического обращения, например: «сделать Государственный банк для свободной банковой системы центральным учреждением по выпуску билетов, по воспособлению операциям частных банков, по переводу сумм и т. п.»[231].

Кратковременное министерство А. А. Абазы закончилось отставкой последнего после воцарения Александра III. Не страдающий излишней застенчивостью С. Ю. Витте утверждал, что именно благодаря ему Н. Х. Бунге получил пост товарища министра финансов, т. к. именно он указал на данную кандидатуру тогдашнему всесильному сановнику М. Т. Лорис-Меликову. О сво-

---

[230] Горн. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. С. XVII.

[231] Русские бумажные деньги. Исследование народно-экономическое и финансовое. С приложением проекта восстановления металлического обращения. Сочинение Адольфа Вагнера. Перевод Н. Бунге. Киев, 1871. С. 392.

ем предшественнике на посту министра финансов он отзывался так: «Н. Х. Бунге был одним из лучших в России профессоров по финансовому праву; человек он был вообще в высокой степени образованный и почтенный; от других министров финансов он отличался тем, что он занимался законами денежного обращения»[232]. Однако С. Ю. Витте не удержался и от своей традиционной шпильки: «Нужно сказать, что Бунге был более профессором и ученым, нежели министром финансов, так как, собственно говоря, экономическую и финансовую жизнь он знал мало»[233].

В 1881–1886 гг. Н. Х. Бунге являлся министром финансов и членом Госсовета. Склонность к компромиссу при сохранении в неизменном виде основных своих идей помогла ему долго держаться на столичном политическом олимпе. Ученый и политик был сторонником всесословности в податной политике, выступал за отмену круговой поруки в деревне, за единый паспорт для всех сословий. В перспективе ему виделся отход от общинного к подворному землевладению с соответствующим изменением налогообложения. Капитализм в городе и деревне, по его мнению, должен был развиваться равномерно, а для эффективного руководства экономикой было необходимо объединенное руководство.

Во многом благодаря его настойчивости и аргументированной позиции были проведены некоторые преобразования в финансовой системе России. Это касается создания Крестьянского поземельного банка (1882 г.), отмены подушной подати (к 1886 г.), замены оброчной подати с государственных крестьян выкупными платежами (с 1881 г.), отмены соляного налога и др. Это отвечало его основной идее более справедливого распределения налогового бремени. Одновременно был увеличен сбор с гильдейских свидетельств и приказчичьих билетов, повышен поземельный налог, обложен сбором доход с процентных бумаг.

Известный ученый-финансист *В. Г. Яроцкий* (1855–1917) оценил вышеназванные преобразования в качестве принципиальных улучшений податной системы. Он писал, что то время, когда министром финансов был Н. Х. Бунге, – почти единственное время в истории нашей финансовой системы, когда вводился ряд от-

[232] Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 111.
[233] Там же. С. 181.

дельных подоходных налогов более справедливых, а следовательно, и более легких, как, например, налог на доход с денежных ссудных капиталов, с доходов промышленных предприятий, особенно акционерных, наследственные пошлины, преобразовалась в выкупные платежи оброчная подать и т. п. Плоды творчества Бунге пожинали и его преемники, в том числе и И. А. Вышнеградский, приостановивший преобразование нашей налоговой системы в этом направлении и обнаруживший свое творчество лишь в усилении прежних косвенных налогов и в изобретении новых, или таких мелочных, как на спички и дрожжи, или таких несправедливых, как страховые пошлины[234].

В 1887–1895 гг. Н. Х. Бунге был председателем Комитета министров. Последние его прижизненные работы также были связаны с проблемами финансов[235]. Его неосуществленной мечтой осталось издание первого в России политико-экономического словаря, который он готовил вместе с академиками Б. К. Веселовским и И. И. Янжулом и на публикацию которого министром финансов С. Ю. Витте уже были обещаны средства. Кончина ученого, бывшего душой этого предприятия, не позволила опубликовать словарь и в дальнейшем.

Н. Х. Бунге привлек к сотрудничеству целый ряд известных ученых – экономистов и финансистов, – часть из которых получила высокие назначения в Министерстве финансов. В частности, это Ю. Г. Жуковский, А. В. Куломзин, о которых будет сказано отдельно, а также профессор политэкономии Киевского университета Д. И. Пихно. Он поддерживал дружеские отношения с профессором И. И. Янжулом, которого пригласил на должность фабричного инспектора, а затем инициировал его избрание в Петербургскую академию наук. И. И. Янжул так вспоминал о первой встрече с министром: «Он принял меня крайне любезно и не

---

[234] См.: Известия общества финансовых реформ. 1911. № 2 (февраль). С. 37.

[235] Бунге Н. Х. Государственное счетоводство и финансовая отчетность в Англии. СПб., 1890; Его же. Исследование по вопросу восстановления налога на соль. СПб., 1893; Его же. Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895; Его же. Предисловие // Горн. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. С. V–XXV.

как министр, а как профессор профессора, как старший товарищ младшего: мило, добро и участливо расспросил меня о последней моей работе по финансам и о будущих предположениях в смысле научных занятий»[236].

Реформы Н. Х. Бунге были предметом исследований уже его современников и сподвижников, в т. ч. соратников по Министерству финансов Е. Э. Картавцова (первый управляющий Крестьянским поземельным банком, ученик профессора по Киевскому университету), В. Т. Судейкина (в дальнейшем профессор Петербургского университета), Е. Н. Фену[237]. В частности, В. Т. Судейкин горячо одобрял финансовую политику Н. Х. Бунге, оценивал ее как первый серьезный шаг к введению большей равномерности в российскую систему налогообложения и к поднятию экономического уровня низших слоев населения. П. Л. Кованько посвятил этой проблеме свою магистерскую диссертацию, опубликованную в виде книги[238]. Интерес к этой личности в позднесоветский и постсоветский период активизировался[239].

П. Л. Кованько в критическом разборе реформ Н. Х. Бунге выделил 4 крупных раздела. Первый был посвящен преобразованиям в области прямых налогов. В частности, речь шла о критике подушной подати как личного налога и ее поэтапной отмене. К прямым налогам относилась и оброчная подать с государственных крестьян, которая по проекту Н. Х. Бунге должна преобразовываться (переводиться) в выкупные платежи. В этом же разделе

---

[236] Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном. Вып. 2. СПб., 1911. С. 173.

[237] См.: Картавцов Е. Э. Николай Христианович Бунге. Биографический очерк // Вестник Европы. 1897. № 5; Судейкин В. Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского). СПб., 1885; Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 2. СПб., 1902. С. 3–8 и др.

[238] См.: Кованько П. Л. Главнейшие реформы, проведенные Н. Х. Бунге в финансовой системе России. Опыт критической оценки деятельности Н. Х. Бунге как министра финансов (1881–1887). Киев, 1901.

[239] См. о нем: Степанов В. Л. Рабочий вопрос в социально-экономических воззрениях Н. Х. Бунге // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1987, № 3. С. 17–26; Его же. Николай Христианович Бунге // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.) М., 1995. С. 183–220; Его же. Н. Х. Бунге. Судьба российского реформатора. М., 1998 и др.

рассматривалась реформа обложения недвижимостей. В отношении поземельного налога рассматривалась раскладочная система обложения по проекту Н. Х. Бунге, отмечалось стремление реформатора к «согласованию размера налога с данными о ценности земель в различных частях России». Установление налога на городские недвижимости анализировалось в ключе «стремлений Н. Х. Бунге к большей равномерности распределения налога по отдельным городам». В этом же разделе был дан анализ принятых законов об обложении торговли и промыслов, проекты Бунге о подоходном обложении торговли и промыслов и о дополнительном обложении торговли и промыслов. Завершался данный раздел характеристикой нового налога на доходы от денежных капиталов.

Второй раздел исследования П. Л. Кованько посвящен реформам Н. Х. Бунге в области косвенных налогов: отмена соляного налога, увеличение акциза на спирт и улучшение надзора за выкуркой вина на заводах; усовершенствование налога (акциза) на табак. Реформа акцизных сборов с сахара путем перехода от системы обложения сахара по работоспособности аппаратов к системе обложения готового сахара сопровождалась усилением покровительства русской сахарной промышленности. В этом же разделе исследователь охарактеризовал таможенную политику Н. Х. Бунге: таможенное покровительство отдельным отраслям промышленности, обложение иностранного производства.

В третьем разделе П. Л. Кованько проанализировал преобразования в области пошлин и налогов на обращение имуществ (гербовый сбор и налог с наследств). В четвертом разделе рассмотрены преобразования податного управления, проекты Н. Х. Бунге об объединении податного управления, об окружных судах и мировых судьях в роли сборщиков податей. Приведена позиция Н. Х. Бунге по борьбе с пьянством, дана характеристика учрежденных особых присутствий по питейным делам.

Завершил свое исследование главнейших реформ, проведенных Н. Х. Бунге в финансовой системе России, П. Л. Кованько выводами о неосновательности возводимых на министра финансов обвинений в непоследовательности и доктринерстве, об истинных заслугах его перед обществом и государством, а равно недостатках в деятельности.

Для нас немаловажно и то, что Н. Х. Бунге долгие годы был на высших государственных должностях, где его финансовые и административно-правовые воззрения отчасти нашли практическое применение. Например, отмена налога на соль вызывала немало возражений со стороны противников этой реформы. На эти возражения Н. Х. Бунге откликается небольшим по объему, но очень содержательным исследованием о налоге на соль[240]. В этой работе он дал обзор мнений западных ученых о налоге на соль (К. Рау, Л. Штейн, А. Леруа-Болье, В. Рошер, А. Шеффле, А. Вагнер, К. Гок и др.), историческую справку о соляном налоге в России и его отмене, представил анализ общественного мнения по поводу отмены акциза с соли на основе источников массовой информации (газет «Московские ведомости» и др.). Также он привел сравнительные таблицы продажной цены соли в России в местах добычи, добычи и потребления соли в разных странах Европы, в Англии в 1801–1844 гг. Автор отметил, что все выдающиеся экономисты, и притом разных направлений, высказались против налога на соль. Различия во мнениях заключались лишь в большей или меньшей настойчивости в отмене этого налога и способах отмены. В ряде стран в XIX в. (в Англии в 1823 г., в Норвегии в 1844 г., в Португалии в 1846 г., в России в 1881 г. и др.) налог на соль был отменен, а те государства, которые сохранили его, взимали в гораздо меньшем размере, чем прежде (Австрия, Германия, Франция и др.). Соответственно Н. Х. Бунге ставит вопросы. Во-первых, какие причины остановили замену этого налога, вредного для народного благосостояния, для промышленности и для финансов, другими, более правильными источниками государственных доходов? Во-вторых, действительно ли отмена соляного налога там, где она имела место, осталась без заметных последствий? В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что в России отсутствуют причины, которые содействовали сохранению налога на соль в ряде европейских стран. В указанных странах при высоком уровне общего благосостояния умеренный налог на соль не являлся особо обременительным для населения. Кроме того, огромное влияние на

[240] Бунге Н. Х. Исследование о восстановлении налога на соль. СПб., 1893.

сохранение соляного налога имела фискальная сторона, т. е. легкость и удобство взимания. В России эти два обстоятельства отсутствуют. С учетом российских масштабов (просторов) солончаков отсутствует возможность установить строгий фискальный контроль в местах ее добычи. Н. Х. Бунге привел статистические таблицы, подтверждающие положительные последствия отмены налога на соль в России: увеличение производства соли, отпуска ее за границу, потребления соли, удешевление соли в размере, превышающем сложенный акциз, развитие промышленности. Общий вывод, который делает автор, – это отсутствие необходимости в восстановлении налога на соль: «восстановление налога на соль едва ли не окажется мерой наполовину бесполезной, потому что параллельно с поступлением соляного налога будут накапливаться недоимки в выкупных платежах»[241].

Обратим внимание на то, что Николай Христианович был одним из первых ученых и, пожалуй, первым государственным деятелем, кто рассматривал проблемы финансового права в широком контексте других социальных проблем. К ним относится решение «рабочего вопроса», государственное призрение неимущих, более справедливое обложение крестьян, увеличение финансирования науки и образования, прекращение явно убыточного для государства кредитования дворянства и др. На Западе такое решение социального вопроса связывалось с течением катедер-социализма, идеологом которого был немецкий ученый А. Вагнер. Н. Х. Бунге не был последовательным сторонником такого «государственного социализма», но и он предлагал целую систему государственных реформ, которую изложил в предназначенных для Николая II (которому он когда-то преподавал финансовое право) неофициальных «Загробных заметках»[242].

Так, его интерес к фабричному законодательству носил вполне прикладной характер. О «рабочем вопросе» он высказался в том смысле, что это «важный государственный вопрос, правильная постановка которого необходима… Само собой, мы не можем сделать сразу много для рабочих, надо действовать осто-

[241] Бунге Н. Х. Исследование о восстановлении налога на соль. С. 16.

[242] Бунге Н. Х. Загробные заметки // Родина (Прилож.). 1993. № 0. С. 28–40.

рожно, чтобы не раздражать заинтересованные предубежденные круги, но я убежден, что постепенно возможно будет ввести надлежащий порядок в этом вопросе и сделать все, что можно, для его изменений к лучшему»[243]. Не случайно именно по его инициативе были приняты первые фабричные законы 1882, 1884 и 1885 гг. В них он видел один из инструментов достижения внутренней стабильности и экономического процветания. Для этого он предлагал ввести и государственное страхование рабочих от несчастных случаев на производстве.

И. Х. Бунге был сторонником полицейского права в широком смысле. В содержание полицейского права он традиционно включал постановления, относящиеся к благосостоянию (законы благоустройства, в т. ч. связанные с финансами), и постановления, касающиеся безопасности (законы благочиния). При этом благоустройство рассматривалось как прикладная часть политэкономии и включало меры, касающиеся различных аспектов хозяйственной жизни (промышленности, торговли, кредитных учреждений и др.). Ученый традиционно через политэкономию переходил к проблемам финансов и финансового права. Благочиние признавалось частью государственного права, которое относится к сохранению порядка и безопасности как общества, так и отдельных лиц. Законы благочиния включают уставы о народном продовольствии, о народном образовании, об общественном призрении и благотворительности, врачебные, о предупреждении и пресечении преступлений, о цензуре и содержании под стражей. Законы благочиния и составляют предмет полицейского права в узком смысле[244]. В сфере действия полицейского права оказывались общественное призрение и благотворительность (осуществляемые с участием государства (зачатки социального обеспечения)), а также фабричное законодательство.

Как уже упоминалось, к числу видных государственных деятелей-реформаторов 1860-х гг. относится **Евгений Иванович Ламанский** (1825–1902). Вероятно, это первый потомственный финансист, с которым мы встречаемся на страницах данной кни-

[243] Цит. по: Янжул И. И. Указ. соч. С. 173–174.

[244] См.: Бунге Н. Х.. Полицейское право. Киев, 1869. С. 2–5; 259–267; 153–260.

ги. Его отец, потомственный дворянин И. И. Ламанский, был директором Кредитной канцелярии Министерства финансов, позднее сенатором. Семейное воспитание способствовало тому, что и его младший брат стал известным ученым, историком и филологом, академиком Петербургской академии наук. Е. И. Ламанский окончил в 1845 г. Александровский лицей, после чего поступил на службу в Государственную канцелярию, а с 1853 г. назначен чиновником по особым поручениям Министерства финансов. Из-за разногласий с руководством министерства в начале 1857 г. молодой чиновник уходит в отставку. Еще ранее он стал членом Русского географического общества, редактировал его «Вестник», занимался сбором статистических сведений о русских финансах. В «Сборнике статистических сведений о России, издаваемых Статистическим отделением Русского географического общества» (кн. 2., СПб., 1854) он опубликовал свои работы «Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 г. по 1817 г.» и «Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени». Используя материалы и архивы государственных учреждений, ученый проследил особенности деятельности Государственной комиссии погашения долгов, Государственного ассигнационного банка, Государственного заемного банка, Государственного коммерческого банка, Опекунских советов и Приказов общественного призрения. Его вывод заключался в том, что финансовую систему нужно укрепить путем слияния многочисленных банковских учреждений в единый Государственный банк. За эти исследования он был удостоен премии Русского географического общества. По поручению этого общества в конце 1857 г. он выехал в научную зарубежную командировку, изучал деятельность банковских учреждений в Берлине, Брюсселе и Гамбурге. В Париже в 1857–1858 гг. он непосредственно работал на различных должностях в Банке Франции, изучал все практические банковские операции. Во время пребывания в Лондоне он ознакомился с деятельностью Банка Англии. При этом он придерживался достаточно либеральных взглядов, а в Лондоне встречался с А. И. Герценом.

По возвращении в Россию в конце 1858 г. он снова поступает на государственную службу в Министерство государственных имуществ, публикует статьи по вопросам финансов в журналах

«Экономист» и «Русский вестник». В конце 1850-х гг. его включают в состав ряда комиссий: по подготовке отмены крепостного права, устройству банков и денежной системы, по банковским билетам. Это нашло отражение и в публикациях ученого[245]. Затем он становится старшим директором Государственного коммерческого банка, работает над проектом устава Государственного банка, в основу которого были положены принципы деятельности Банка Франции. С момента утверждения этого устава в 1860 г. и основания Государственного банка Е. И. Ламанский состоит товарищем (заместителем) его управляющего, а в 1867–1881 гг. является управляющим Государственного банка. Вершиной его карьеры стало присвоение чина тайного советника. По его инициативе был внедрен учет векселей, чековое обращение, впервые введена система единой кассы в банке. Е. И. Ламанский подготовил все инструкции по банковским операциям и делопроизводству, завел счетоводство и книги по образцу Банка Франции. За время его управления Государственным банком удалось ликвидировать 205 млн рублей государственного долга, оставшихся от упраздненных государственных кредитных учреждений, и привлечь вкладов до 2 млрд рублей. При этом число филиалов Госбанка увеличилось с 7 до 55, а сумма основных капиталов – с 16 до 28 млрд рублей. По мнению сотрудника банка Ф. А. Юргенса, «Ламанский создал Государственный банк и до последних дней, уже будучи в отставке, ″болел″ за его судьбу»[246].

Евгений Иванович добивался полной законодательной гарантии независимости и самостоятельности Государственного (эмиссионного) банка, в том числе от Министерства финансов. Это он считал аксиомой финансовой науки и практики. Его деятельность должна регламентироваться исключительно уставом, который бы и определял объем выпуска кредитных билетов и все связанные с этим вопросы. К основным задачам этого банка ученый относил способствование сбережению золотого фонда и поддержание правильного денежного обращения. Твердым ори-

[245] См.: Ламанский Е. Государственные четырехпроцентные, непрерывно-доходные билеты. СПб., 1859.

[246] Юргенс Ф. А. Воспоминания о Евгении Ивановиче Ламанском в связи с деятельностью Государственного банка. СПб., 1903. С. 8.

ентиром деятельности Госбанка он считал опыт аналогичных банков Англии, Франции и Германии.

Он был автором проекта размена кредитных билетов на звонкую монету в 1862–1863 гг., который окончился неудачей, в том числе из-за спекуляций на вывозе золота и серебра за границу[247]. К тому же Польское восстание 1863 г. привело к большим непредвиденным расходам, а вмешательство французского правительства сорвало выделение кредита банкирским домом Ротшильдов. Евгений Иванович считал, что для продуктивного развития промышленности и торговли в первую очередь необходим кредит, главное назначение которого заключается в «сближении капитала с трудом». Однако он не изменил своим либеральным убеждениям, способствовал образованию первых частных кредитных учреждений, в том числе Петербургского общества взаимного кредита, где он состоял председателем правления и добился активизации его деятельности в 1864–1870 гг. В 1871–1874 гг. он был председателем правления Русского для внешней торговли банка. Входил он и в правление ряда железнодорожных компаний, причем не всегда легально. Такая активность вызывала у некоторых его современников подозрения в злоупотреблении служебным положением. Так, А. Н. Куломзин (о нем далее) отмечал: «Очевидно, что у Ламанского денег нет и в особенности миллионов, потребных на железную дорогу. Зачем же его приглашают во все компании? Очевидно, по положению его…»[248]. Впрочем, никакого подтверждения этому предположению у нас нет.

После выхода в отставку в 1882 г. ученый состоял гласным Петербургской городской думы, Петергофского уездного земства, входил в правление ряда коммерческих банков[249]. Уже будучи в отставке, он обращал внимание на то, что денежная реформа 1895–1897 гг. страдает отсутствием определенности и ясности. Е. И. Ламанский предлагал Указы 1897 и 1900 гг. дополнить изменениями в Уставе Госбанка для строгого предела выпуска кредитных билетов, гарантировать полнейшую независимость этого

[247] См.: Ламанский Е. И. Сделки на золотую валюту как средство к улучшению бумажного денежного обращения. СПб., 1895.

[248] Цит. по: Константинов А. Коррумпированная Россия. М., 2006. С. 68.

[249] См.: Памяти Е. И. Ламанского // Народное хозяйство. 1902. Кн. 2.

банка в рамках Устава и подчинить его надзору Высшего Правительства[250].

Его научная деятельность протекала в тесной связи со служебной. Евгений Иванович состоял членом Ученого комитета Министерства финансов (1861 г.), Русского географического общества (1850 г.), Вольного экономического общества (1859 г.), членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1859 г.). Его научные исследования в той или иной мере были связаны с вопросами банков и кредита[251]. Среди большинства чиновников того времени он выделялся широтой и глубиной мышления, был талантливым администратором, знатоком денежного обращения и банковских операций на Западе. Работу Госбанка он организовал на действительно научных основаниях.

Еще одним соратником М. Х. Рейтерна, а затем и Н. Х. Бунге был **Владимир Павлович Безобразов** (1828–1889), видный экономист, публицист, педагог, общественный деятель, академик Петербургской академии наук (1867 г.). Он родился в дворянской семье в г. Владимире, окончил в 1847 г. Александровский лицей, где впоследствии преподавал политическую экономию и финансовое право (1868–1878 гг.), совмещая преподавание с деятельностью в Министерстве финансов. В 1847–1849 г. служил в Государственной канцелярии. Дважды был приглашен читать лекции по политической экономии и государственным финансам великим князьям (в 1870 г. – Алексею Александровичу и Николаю Константиновичу, в 1876 г. – Сергею Александровичу и Константину Константиновичу). Его общение с яркими учеными того времени, несомненно, оказывало влияние на научную и практическую деятельность в ранге государственного чиновника. Так, в своем дневнике он писал: «Я был у И. И. Янжула (профессор Московского университета – *авт.*), застал там М. М. Ковалевского

---

[250] См.: Юргенс Ф. А. Указ. соч. С. 68 и др.

[251] См.: Ламанский Е. И. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 года до настоящего времени. СПб., 1854; Его же. Причины расстройства денежной кредитной системы и средства к ее восстановлению. СПб., 1861; Его же. Общество взаимного кредита. СПб., 1863; Его же. Откуда взять капиталы для постройки железных дорог России? СПб., 1866; Его же. О важнейших экономических явлениях последнего времени. СПб., 1890 и др.

(известный ученый-социолог – *авт.*) и провел с ними целый день… Как приятно быть с людьми истинно просвещенными: понимают с полуслова и беседе нет конца. Мне приятно, что я внушаю доверие этим людям (и, кажется, симпатию)»[252]. На страницах того же дневника В. П. Безобразов вспоминал, что Н. Х. Бунге выражал ему особую признательность за то, что тот протежировал ему, давал рекомендации на первых шагах его карьеры при прибытии из Киева в Петербург (1854 г.)[253]. Н. Х. Бунге был наиболее близким по духу В. П. Безобразову. Оба являлись представителями либеральной экономической школы, одновременно сотрудничали с журналом «Русский вестник», обсуждали общий круг вопросов, нередко ссылаясь друг на друга.

В. П. Безобразов являлся последовательным сторонником свободы предпринимательства и отмены крепостного права. Вместе с К. Д. Кавелиным, Д. А. и Н. А. Милютиными он создал литературный кружок, получивший название «Партии петербургского прогресса». По политическим взглядам В. П. Безобразов не относил себя ни к либеральной (чиновничьей), ни к консервативной (аристократической) партиям. Он подчеркивал, что никогда не имел серьезной поддержки ни той ни другой партии и принадлежит «великой либеральной партии, с глубочайшим чувством русского патриотизма»[254]. Однако в Русском географическом обществе, где он некоторое время был секретарем, Владимир Павлович общался преимущественно с «константиновцами». В вопросах финансовой политики он оставался на либеральных позициях ограниченного вмешательства государства в указанной области. Он выступил против финансовой системы Е. Ф. Канкрина (министра финансов в 1823–1844 гг.), которую называл средневековой, ратовал за создание частных банков, свободную торговлю, отмену налога на соль и табак и т. д., т. е. за реализацию в финансовой политике принципа ограниченного вмешательства государственной власти в экономические отношения.

В. П. Безобразов поступил на службу в Министерство финансов в 1849 г. секретарем, затем стал начальником канцелярии Де-

[252] Из дневника В. П. Безобразова // Былое. 1907. № 9. С. 10.
[253] Там же. С. 25.
[254] Там же. С. 17.

партамента разных податей и сборов. Это повлияло и на его семейную жизнь, т. к. в 1852 г. он женился на дочери директора этого департамента Д. Н. Маслова. С 1854 по 1859 г. Владимир Павлович служил в Министерстве государственных имуществ, с 1859 г. был членом Комиссии по устройству земских банков Министерства финансов. На этих должностях В. П. Безобразов преимущественно занимался разработкой финансовых проблем. По линии Министерства государственных имуществ им были подготовлены и первые публикации по проблемам финансов[255]. Уже в тот период молодой ученый отстаивал центральную роль кредита в развитии предпринимательства, был противником протекционизма. В. П. Безобразов писал о том, что организация кредита в России должна обусловливаться местными потребностями и характером российских государственных и общественных отношений. Однако в основание этого кредита должны быть заложены «те же всемирные условия кредита, которые обнаружились в подобных же учреждениях других государств»[256]. Впоследствии В. П. Безобразов возглавил Комиссию для устройства земских банков и результаты ее работы представил в виде отчета министру финансов[257].

С 1860 г. почти ежегодно в летние месяцы В. П. Безобразов совершал поездки за границу для изучения работы иностранных банков, постановки преподавания в местных университетах или посещал разные российские губернии. В 1862 г. он перевел на русский язык и издал с комментариями книгу Ж. Г. Курсель-Сенеля «Банки, их устройство, операции и управление». В том же

---

[255] См.: Безобразов В. П. Движимый кредит // Журнал Министерства государственных имуществ. 1856. № 6. С. 85–100; Его же. Отчет Общества движимого кредита во Франции за 1855 г. // Там же. 1856. № 6. С. 323–332; Его же. Поземельный кредит (Рец. на кн.: Чайковский А. О земском кредитном обществе Царства Польского). СПб., 1856) // Там же. 1856. № 7, № 9 и др.

[256] См.: Безобразов В. П. Поземельный кредит и его современная организация в Европе (с приложением уставов ипотечных кредитных учреждений в Германии, Царстве Польском и Остзейском крае) СПб., 1860. С. 4.

[257] См.: Комиссия для устройства земских банков. Отчет управляющего делами Комиссии, высочайше утвержденной для устройства земских банков В. П. Безобразова, представленный г. министру финансов 13 сентября 1860 г. СПб, 1860.

1862 г. новый министр финансов М. Х. Рейтерн предложил сотруднику «Московских ведомостей» В. П. Безобразову сотрудничество и подготовку разъяснительных статей о сути финансовой реформы для публикации в данном издании. Однако В. П. Безобразов прямо заявил, что сначала желает узнать общий замысел преобразований министра и предложил предварительно согласовать с ним в общем финансовый план. Естественно, что М. Х. Рейтерн не захотел ставить свои планы в зависимость от санкции начинающего ученого и публициста и свернул разговор. Это внесло в отношения нового министра и В. П. Безобразова некоторое отчуждение. Конечно, отдельные поручения от министра он получал, но собственно к активному участию в делах управления никогда не привлекался[258].

В 1864–1885 г. ученый являлся членом Совета министра финансов, получил чин тайного советника (1874 г.). Будучи практиком, он не раз сожалел о низком общем уровне развития экономической науки в России, ратовал за распространение экономических знаний в обществе. В качестве примера приводил финансовые реформы английских государственных деятелей У. Гладстона и его продолжателя Р. Пиля, которые «показали, в какую сторону должна обращаться государственная деятельность нашего времени»[259]. Отметим, что к государственному курсу после 1881 г. он относился отрицательно, осуждал некомпетентное вмешательство М. Н. Каткова в вопросы экономики. В 1885 г. В. П. Безобразов отказался принять пост товарища министра путей сообщения и был назначен сенатором.

В течение государственной службы перед ним ставили различные финансовые задачи, такие как определение возможности создания частного банковского сектора, изменение податных сборов, определение структуры государственных доходов[260],

---

[258] Воспоминания о жизни Ф. Г. Тернера. Кн. 1. С. 202–203.

[259] Безобразов В. П. О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе. СПб., 1867. С. 20.

[260] См.: Безобразов В. П. Государственные доходы. Теоретическое и практическое исследование. Т. 1–2. СПб., 1868–1872; Его же. Государственные доходы, их классификация, нынешнее состояние и движение (1866–1872). СПб., 1872 и др.

приватизация казенных заводов и др. Разработку таких вопросов В. П. Безобразов доводил до уровня самостоятельных научных трудов. По его мнению, для подъема народного хозяйства необходимо совершенствовать кредитную и банковскую системы, упорядочить налоги и финансы как на общегосударственном, так и на местных уровнях[261]. Рассмотрим финансово-экономические взгляды В. П. Безобразова.

О государственных доходах и податной системе. Наибольший интерес в этом плане представляет фундаментальная работа «Государственные доходы, их классификация, нынешнее состояние и движение (1866–1872), где он впервые свел и проанализировал все источники государственных доходов России. В то время публиковались лишь ежегодные «Государственные росписи доходов и расходов» по отдельным министерствам и ведомствам, не позволяющие представить общую картину по всему народному хозяйству России. В. П. Безобразов предлагал поручить сведение всех ведомственных доходов и расходов Государственному совету. Этот труд вошел в состав «Статистического Временника Министерства Внутренних Дел» и был издан также на французском языке в мемуарах Императорской Академии Наук.

Рассматриваемый труд, по мнению автора, призван разрешить одну задачу: представить в строгой научной системе все действующие источники государственных доходов России, указав каждому виду свое место, определив финансовую важность каждого вида в общей совокупности финансовых сил государства. При этом подчеркивалось и значение правильной классификации доходов: «зная однородность нескольких источников, нам гораздо легче в законодательстве и администрации применять к каждому из них общие правила действия, извлеченные из общих их свойств»[262]. В обосновании предлагаемой классификации государственных доходов автор в значительной части опирался на сочинения «германских финансистов, которым наша наука пре-

[261] См. подробнее: Безобразов В. П. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Ч. 1. Пг., 1915. С. 433–440; Покидченко М. Г. Владимир Безобразов – ученый и человек // Безобразов В. П. Избранные труды. М., 2001. С. 3–14.

[262] Безобразов В. П. Государственные доходы, их классификация, нынешнее состояние и движение (1866–1872). С. 16.

имущественно обязана своей системой и всем своим движением». Все государственные доходы В. П. Безобразов разбил на три категории в зависимости от финансовой силы как источника государственной казны. Первую категорию составляют налоги (подати и пошлины), источником которых являются финансовые силы населения. Вторая категория доходов – государственные промышленные доходы (регалии и промышленные доходы от продажи государственных имуществ, от использования государственного и казенного имущества и др.), где источником выступают финансовые силы государства. Третья категория государственных доходов обозначена как вспомогательные финансовые источники, не находящиеся в прямом распоряжении Государственного казначейства (добровольные пожертвования, случайные поступления и др.).

В этой же работе Безобразов, рассматривая податную систему, сопоставлял налоговые поступления в России с финансовыми системами различных западноевропейских стран.

Здесь следует отметить, что В. П. Безобразов был лично знаком и находился в переписке с известными представителями исторической школы политэкономии немцами Л. Штейном, А. Вагнером и Б. Гильдебрантом. Сочинение последнего (Гильдебранта) «Историческое обозрение политико-экономических систем» (СПб., 1861) было переведено В. П. Безобразовым. Исследователи творчества Безобразова считают, что в этом переводе впервые в России появилось изложение экономических взглядов Ф. Энгельса на русском языке[263].

В. П. Безобразов о государственном хозяйстве и приватизации государственных предприятий. Уделяя по долгу службы особое внимание развитию промышленности, ученый провел исследование «Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов» (СПб., 1869). Оно было итогом деятельности Комиссии, учрежденной императором для пересмотра системы податей и сборов и занимавшейся обсуждением проекта нового горного устава и составлением проекта условий передачи казенных горных заводов в частные руки. В результате инспек-

[263] См.: Мондэй К. В. П. Безобразов и русский либерализм // Безобразов В. П. Избранные труды. М., 2001. С. 23.

ции казенных заводов и приисков в ряде губерний, на базе анализа богатейшего фактического материала он пришел к выводу о крайней убыточности казенных заводов, требующих ежегодных государственных субсидий и кредитов и тем не менее отстающих в техническом отношении от частных предприятий. Деятельность казенных заводов он характеризует как функционирование «системы, противной всяким здравым понятиям о государственном и народном хозяйстве»[264], которая приносит государству только убытки. Он предлагал продать казенные предприятия с публичных торгов, причем подчеркивал, что каждый завод надо продавать отдельно для стимулирования конкуренции.

В. П. Безобразов о банковской, кредитной системе. Ученый был убежден, что без кредита и его главных орудий – банков – немыслимы промышленность и торговля[265]. Он видел главное препятствие для развития российской промышленности в неразвитости банковской системы. Считается, что в 60-е годы XIX в. В. П. Безобразов был лидером и вдохновителем направления сторонников развития частных банков и частного кредита в России (И. К. Бабст, Н. Х. Бунге, Ю. А. Гагемейстер, Е. А. Ламанский). К этому делу он привлек своего друга, управляющего Госбанком Е. А. Ламанского. Они устроили публичную дискуссию, популяризировали «банковские идеи» А. Сен-Симона и образовали Политико-экономическое отделение Императорского Русского географического общества. Эта организация оказала огромное влияние на государственную политику в эпоху Великих реформ. Под его редакцией и с дополнениями в России было переиздано сочинение известного французского специалиста Ж. Г. Курсель-Сенеля «Банки, их устройство, операции и управление». К этой книге Безобразов не только написал предисловие и построчные комментарии, но и сделал приложения, относящиеся к России. Он отмечал своевременность и практическую значимость для России популярного в Европе издания, т. к. в России назрела не-

[264] Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 341.

[265] См.: Безобразов В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом: в 3 т. СПб., 1863–1864.

обходимость для промышленности и торговли «в могущественных пособиях кредита и банков». Характеризуя предлагаемое сочинение, Безобразов пишет, что оно отличается «счастливым единением теории и практики», заключает в себе изложение всех политико-экономических и отчасти юридических и административных вопросов, относящихся к кредиту и банкам, может жить достаточно полным руководством для всякого практического человека – купца, банкира, администратора. Именно поэтому к переводу ученым были сделаны русские дополнения. Излагается русское вексельное право и его недостатки[266], дан краткий очерк развития и современного ему положения банков в России. Положение о городских общественных банках сопровождается комментариями автора о правах, обязанностях и круге операций, приведены указы Сената, доклады министра финансов по банковым установлениям.

Для подъема крестьянского хозяйства В. П. Безобразов считал необходимым развивать дешевый поземельный кредит. Ученый полагал, что полезно ознакомиться с кредитными учреждениями других государств, рассмотреть их достоинства и недостатки и почерпнуть полезные указания для организации поземельного кредита в России к выкупу крестьянских земель от крепостных повинностей. Относительно устройства в России ипотечных кредитных учреждений в форме казенных или частных банков В. П. Безобразов однозначно настаивал на организации частных банков, однако правительство может оказать им содействие открытием ссуд на первоначальное обзаведение. В деле выкупа крестьянских повинностей предпочтительнее, по мнению ученого-практика, соединение правительственных гарантий с частным учреждением. Для поземельного кредита лучшей формой следует признать земские банки, что подтверждает и европейский опыт[267].

Мы уже упоминали о том, что Н. Х. Бунге на посту министра финансов привлек к работе целый ряд видных финансистов. К их

---

[266] См.: Курсель-Сенель Ж. Банки, их устройство, операции и управление. Под ред., с предисл. и дополнениями, относящимися к России, В. П. Безобразова. СПб., 1862. С. 452–459.

[267] См.: Безобразов В. П. Поземельный кредит и его современная организация в Европе. С. 198–212.

числу относятся Ю. Г. Жуковский и А. В. Куломзин. Биография **Юрия Галактионовича Жуковского** (1833–1907) достаточно необычна. После окончания училища правоведения в 1853 г. он более 10 лет прослужил в Министерстве юстиции и Государственной канцелярии. Однако подлинной его страстью стала публицистика. С конца 1850-х гг. он сотрудничал в журнале «Современник», где публиковал рецензии, затем статьи по вопросам права, крестьянской реформы. После ареста Н. Г. Чернышевского он стал одним из ведущих сотрудников этого журнала, связался с народническим революционным подпольем.

В конце 1864 г. Юрий Галактионович оставляет государственную службу и занимается исключительно литературной деятельностью, активно печатает экономические статьи в «Современнике»[268], «Вестнике Европы»[269], руководит газетой «Народная летопись». За свою журналистскую деятельность он неоднократно привлекался к ответственности, в частности к штрафу и заключению на гауптвахту, заработал репутацию «крайнего нигилиста». В истории культуры имя Ю. Г. Жуковского стоит в одном ряду, хотя и с разными оценками, с именами Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова.

Казалось бы, при чем здесь наука финансового права и Министерство финансов, тем более для ранее судимого нигилиста? Но судьба рассудила иначе. Лишенный возможности жить литературным трудом, Ю. Г. Жуковский в 1876 г., спустя 12 лет после отставки, снова поступает на госслужбу, на этот раз в Министерство финансов. При этом он не прекратил печататься в журналах по вопросам финансов, промышленности, поземельного кредита и др. Его статья о «Капитале» К. Маркса вызвала жаркую научную полемику. Так, он доказывал, что К. Маркс является верным учеником «Гегелевой философии» и пытается искусственно сформулировать диалектический корень, природу и происхождение противоречий, представляя процесс производства как игру диалек-

[268] Жуковский Ю. Г. Политические и общественные теории XVI века // Современник. 1861. № 7; Его же. Экономическая теория Маклеода // Там же. 1864. № 4; Его же. Смитовское направление и позитивизм в экономической науке // Там же. 1964. № 9; 10; 12 и др.

[269] Жуковский Ю. Г. Прямые налоги в России // Вестник Европы. 1881. № 2 и др.

тических противоречий[270]. К. Маркс ответил на эту критику резким письмом в редакцию журнала «Отечественные записки»[271]. Не менее резкую отповедь дали и первые русские марксисты, в частности Н. И. Зибер[272]. В. И. Ленин с присущей ему резкостью назвал Ю. Г. Жуковского «пошло-буржуазным экономистом».

Увлечение публицистикой и репутация неблагонадежного не помешали Юлию Галактионовичу сделать быструю карьеру, его служебный рост был связан с приходом в министерство Н. Х. Бунге, который знал Ю. Г. Жуковского по его финансово-экономическим публикациям. Ю. Г. Жуковский был назначен управляющим финансов Царства Польского, затем был командирован в Германию изучать постановку тамошнего поземельного кредита. Наконец, в 1889–1894 гг. он был управляющим Госбанка. Его главной заботой стало укрепление курса рубля. Он считал нужным накапливать золото для восстановления металлического обращения, в чем его поддерживали министры финансов Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградский. Но с приходом министра финансов С. Ю. Витте Ю. Г. Жуковский вынужден был оставить свой пост управляющего Госбанком, т. к. Витте потребовал в целях развития промышленности прекратить непроизводительное накопление золота в банке.

Его новый шеф по Министерству финансов С. Ю. Витте написал о нем без сантиментов: «…Жуковский как управляющий банком был посредственный и ничего особого собой не представлял»[273]. Затем он был сенатором в чине тайного советника, присутствующим в Департаменте геральдии. В новом качестве он принимал участие в комиссии, вскрывшей в 1897 г. факты массового взяточничества в Департаменте мануфактур Министерства финансов. В целом он заслуженно пользовался репутацией порядочного и принципиального человека.

---

[270] См.: Жуковский Ю. Г. Карл Маркс и его книга о «Капитале» //Вестник Европы. 1877. № 9.

[271] См.: Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. Т. 19. С. 116–121.

[272] См.: Зибер Н. Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о "Капитале"» // Избранные экономические произведения. Т. 1. М., 1959.

[273] Витте С. Ю. Указ. соч. С. 229.

В свое время он поддерживал отношения, от дружеских до достаточно враждебных, с Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, М. А. Антоновичем. Последний, *Максим Алексеевич Антонович* (1835–1918), известный публицист и литературный критик, по его протекции в 1883 г. был принят на службу в Министерство финансов и дослужился до чина действительного статского советника.

Обратимся к научному наследию Ю. Г. Жуковского. Помимо десятков статей в периодических изданиях по проблемам финансов[274], он подготовил ряд более обширных исследований, впрочем с существенной публицистической составляющей[275]. Первоначально он имел намерение написать историю нравственной и экономической культуры XIX в., т. е. исследовать экономические вопросы России в связи с экономической и нравственной культурой других главных государств Европы. Но затем его замысел вылился в отдельные исследования в 4 книгах: «Деньги и банки», «Народонаселение и земледелие», – которые вышли при жизни автора, а 2 последние – «XIX век и его нравственная культура» и «Промышленность» – после смерти автора. В работе «Деньги и банки» он вначале дал общую характеристику природы денег, видов и количества денежных знаков, бумажных денег, банков в форме, приближенной к учебному изложению. В этой части работа представляет собой доступное изложение основ теории денег и денежного обращения, иллюстрированное материалами из практики Англии, Австрии, Германии, России. Деньги по своей природе, писал автор, остаются все-таки знаками, представляющими известное количество труда, а прямая задача банков заключается прежде всего в регулировании денежного обращения.

Для нашего читателя представляет интерес оценка Н. Ю. Жуковским политики уже известных нам министров финансов России XIX в. Так, он писал, что «просвещенное министерство Н. Х. Бунге предпочитало мириться с бюджетными дефицитами и покрывать их займами, для того, чтобы не отягощать народ лишними плате-

---

[274] См., например: Жуковский Ю. Г. Прямые налоги в России. Опыт устройства их на подоходном основании // Вестник Европы. 1881. № 2 и др.

[275] См.: Жуковский Ю. Г. Деньги и банки. СПб., 1906; Его же. Промышленность. СПб., 1910 и др.

жами». Иначе действовали последующие министры. Министр финансов Вышнеградский обременил страну новыми налогами, чтобы исправить бюджет. При Бунге было легче народу, но была бедна казна, а при новом министре казна разбогатела, но обеднел народ. При Витте, как отмечал автор, продолжалась та же система, с той лишь разницей, что он действовал гораздо смелее[276].

Ю. Г. Жуковский был разносторонним ученым. После него остались целые кипы тетрадей, испещренных математическими формулами, заметками по физике, электричеству, химии. Он увлекался живописью, писал масляными красками, акварелью, рисовал пастелью и углем, изредка принимался и за скульптуру, играл на виолончели.

Анатолий Николаевич Куломзин (1838–1923) был представителем старинного дворянского рода с мордовскими корнями. Он окончил юридический факультет Московского университета в 1858 г. со степенью кандидата права. Его любимыми преподавателями были историки С. М. Соловьев и Т. Н. Грановский. Сверх программы пытливый студент изучил восточные языки: арабский, персидский и санскрит. Продолжил образование А. Н. Куломзин в Гельдейбергском, Лейпцигском и Оксфордском университетах, изучал финансовую систему и банковское дело в Бельгии, Великобритании, Германии и Франции. В Лондоне он встречался с А. И. Герценом и даже однажды способствовал тайной доставке «Колокола» в Россию. Налоговая система Англии произвела на него большое впечатление, и к ее опыту он обращался впоследствии неоднократно. Более того, он решил посвятить себя науке финансового права, а в качестве темы магистерской диссертации выбрал устройство финансовых учреждений Англии и Франции. В 1861 г., по возвращении в Россию, им публикуется исследование о поземельной подати в Англии, ставшее своеобразным отчетом о зарубежной командировке[277]. Финансам иностранных государств Анатолий Николаевич посвятил еще це-

[276] См.: Жуковский Ю. Г. Деньги и банки. С. 169–170.
[277] См.: Куломзин А. Н. Поземельная подать в Англии. СПб., 1861.

лый ряд статей[278]. В 1860 и 1863 гг. он принимал участие в Международных статистических конгрессах.

Его планы меняет реформа 1861 г., после начала которой он стал мировым посредником. С 1862 г. ученый причисляется к МВД, принимает участие в проведении судебной реформы, выступает в качестве эксперта по организации мировых судов. В 1864 г. он назначен секретарем председателя Департамента государственной экономии Госсовета *К. В. Чевкина*, который был активным сторонником преобразований и ближайшим сподвижником Н. Х. Бунге. По заданию К. В. Чевкина А. Н. Куломзин готовит справку о постройке железных дорог в Европе, доказывает преимущество их строительства с привлечением частной инициативы[279]. В 1868–1880 гг. Анатолий Николаевич служил в Государственной канцелярии, затем возглавлял одно из отделений канцелярии Комитета министров, в 1880–1883 гг. был товарищем министра государственных имуществ. В этот период он параллельно активно работает в архивах Министерства финансов и Сената, впервые обнаруживает и вводит в научный оборот большое число документов по истории финансов России[280].

По мнению самого ученого, его изыскания оказали прямое воздействие на некоторые финансовые преобразования. Так, поздравляя нового министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова, Анатолий Николаевич вручил ему «Сборник Русского исторического общества» со статьей о финансах времен Екатерины II. Закладка была сделана на странице, где говорилось «об уменьшении

---

[278] Куломзин А. Н. Очерк налогов на спиртные напитки в некоторых государствах Западной Европы // Русский вестник. 1861. № III–IV; Его же. Финансовое положение Англии и политика министра Гладстона // Там же. 1866. № VI; Его же. Финансы Австрии в эпоху министерства фон Шмерлинга // Там же. № V, VI; Его же. Местные административно-хозяйственные учреждения и местные налоги в Англии // Там же. 1868. № IV, IX и др.

[279] Куломзин А. Н. Постройка железных дорог в России и на Западе // Русский вестник. 1865. Т. 60.

[280] См.: Куломзин А. Н. Ассигнации в царствование Екатерины II // Русский Вестник. 1869. № 5; Его же. Государственные доходы и расходы в России XVIII столетия // Вестник Европы. 1869. № 5; Его же. Финансовое управление в царствование Екатерины II // Юридический вестник. 1869. № 2–3; Его же. Российские доходы и расходы в царствование императрицы Екатерины II // Сборник Русского исторического общества. 1870–1871. Т. 5–6 и др.

бремени, падающего на народ, сложением части акциза на соль». Эта публикация, как считал А. Н. Куломзин, послужила толчком к отмене соляного налога в 1880 г. Интерес к истории он пронес через всю жизнь, став в 1871 г. членом, а с 1906 г. – помощником председателя Русского исторического общества, почетным членом Археологического института в Петербурге. В этом качестве он внес большой вклад в создание местных архивов.

Возвышению молодого чиновника способствовала и его женитьба на дочери министра юстиции Д. Н. Замятнина, хотя прямой служебной протекцией своего влиятельного тестя он не пользовался. Как специалист в области финансового права, в 1870 г. он состоял членом Комиссии по пересмотру системы податей и сборов. Его чиновничья карьера пошла в гору после воцарения Александра III и увенчалась должностями управляющего делами Комитета министров с 1883 г., а затем заведующего делами Комитета министров и Департамента государственной экономии Госсовета (с 1891 по 1893 г.). С 1883 по 1902 г. он руководил канцелярией Комитета министров. В этом качестве А. Н. Куломзин готовил проекты царских манифестов и принимал участие в иной законотворческой деятельности, заработал репутацию бюрократа, но «в самом лучшем значении этого слова»[281]. Большое влияние на него оказал Н. Х. Бунге, с которым А. Н. Куломзина связывали не только деловые, но и дружественные отношения. Под его началом работали в канцелярии И. П. Шипов и Н. Н. Покровский, о которых будет сказано далее. Анатолий Николаевич получил высший чин действительного тайного советника, но продолжал научные изыскания и публикации в сфере финансовой политики[282]. В дальнейшем ученый занимался вопросами строительства железных дорог, переселенческой политикой, проблемами землепользования, реформой образования. Его перу принадлежит свыше 50 научных работ.

---

[281] Исторический архив. 2002. № 2. С. 182.

[282] См.: Куломзин А. Н. Финансовые документы царствования Екатерины II // Сборник Русского исторического общества. 1880. Т. 28; Его же. Финансовые документы царствования императора Александра I // Там же. 1885. Т. 45.

Со временем менялись и политические взгляды А. Н. Куломзина. Из умеренно правого политика он стал приверженцем реформаторского курса, сторонником продолжения Великих реформ, а консервативный курс министра внутренних дел Д. А. Толстого и его преемника И. Н. Дурново аттестовался им как «вопиющее зло». В 1902 г. он назначен членом Государственного совета, где примкнул к группе правого центра и имел репутацию «умеренного либерала». Отношения сановника с С. Ю. Витте не сложились, и он в частных беседах даже именовал нового министра финансов «самодуром»[283]. Однако в целом он придерживался достаточно либерального направления, а после Манифеста 17 октября 1905 г. и вовсе относил себя к числу конституционалистов и сторонников постепенных политических реформ, оставаясь последовательным монархистом и русским националистом. Личную неприязнь к С. Ю. Витте он преодолел и никогда не присоединялся к его политическим противникам.

При этом Анатолий Николаевич был опытным царедворцем, склонным к компромиссам, и противником скоропалительных решений. Он пользовался неизменным авторитетом в салоне царицы Марии Федоровны, а его личная честность не ставилась под сомнение. В 1910 г. вместе с В. Г. Рейтерном-Нолькеном он составил и издал биографию министра финансов М. Х. Рейтерна, о чем уже упоминалось. С 1915 по 1917 г. А. Н. Куломзин был председателем Госсовета, одним из высших чиновников империи, однако его реальный политический вес был уже невелик. После Февральской революции 1917 г. он ушел в отставку, переехал в Киев, затем Крым, а в 1919 г. эмигрировал в Афины. Через год он перебрался во Францию, где и умер. Интерес к личности А. Н. Куломзина в отечественной науке активизировался только в начале XXI в.[284] Воспоминания «Пережитое», которые он писал в основном в 1900–1918 гг., до сих пор не изданы.

Таким образом, исследования проблем финансового права, осуществляемые государственными чиновниками во второй по-

---

[283] См.: Богданович А. В. Указ. соч. С. 177.

[284] См.: Ремнев А. В. Анатолий Николаевич Куломзин // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 26–45; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. СПб., 2001. С. 340–345.

ловине XIX в., имели уже довольно массовый характер. При этом финансовые реформы 1860–1880-х гг. в значительной степени были подготовлены и проработаны в научных исследованиях, посвященных зарубежному опыту и теории финансов.

3.2. Между либерализмом и консерватизмом (А. И. Васильчиков, П. А. Валуев, Д. А. Толстой, И. С. Блиох, В. А. Гольцев и др.)

У персонажей этого параграфа немного общего. Однако их роднит то, они занимали особую, оригинальную позицию как в государственной, так и в научной деятельности. Примечательно и то, что они представляют все социальные слои (от князей до безродных мещан) и весь политический спектр от крайних либералов до крайних консерваторов.

Александр Илларионович Васильчиков (1818–1881) – представитель княжеского рода, видный общественный деятель. Князь окончил юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата права (1839 г.); он известен прежде всего как секундант на последней дуэли М. Ю. Лермонтова в 1841 г.[285] На Кавказе А. И. Васильчиков оказался в 1841 г. в качестве члена комиссии барона П. В. Гана по введению новых административных порядков. За секундирование М. Ю. Лермонтову он был предан военному суду, но освобожден благодаря заступничеству отца, И. В. Васильчикова, героя Отечественной войны 1812 г., бывшего в то время фаворитом Николая I. Это был единственный случай, когда он воспользовался протекцией отца, с которым у него сложились непростые отношения. Миссия П. В. Гана не удалась, и в 1841 г. молодой чиновник был уволен в отставку. В 1845 г. князь вернулся на службу во II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, но в 1848 г. перешел уездным, затем губернским предводителем дворянства в Новгородскую губернию. Канцелярской службы, по его собственному признанию, А. И. Васильчиков не

[285] См.: Лермонтовская энциклопедия / под ред. В. А. Мануйлова. М., 1999. С. 80.

любил, он жаждал живой работы и человеческого общения. В период Крымской войны (1853–1856 гг.) он участвовал в народном ополчении. Впоследствии Александр Илларионович принимал участие в проведении отмены крепостного права в Новгородской губернии. С 1872 по 1881 г. он председательствовал в Петербургском отделении Комитета о ссудных товариществах, участвовал в комиссии при Министерстве государственных имуществ по сельскому хозяйству, летом 1881 г. был приглашен в комиссию по обсуждению понижения выкупных платежей.

Личность А. И. Васильчикова была своеобразной и спорной. Начнем с того, что внешним видом, гордостью, даже надменностью, чопорностью и холодностью он до последних дней оставался типичным барином. Однако внешность была противоположна внутренним качествам личности, а девизом его жизни можно признать общественную пользу. В его трудах выражена не только научная точка зрения, но и нравственная позиция автора. Еще более разноречивыми были оценки его теоретического наследия: от признания интеллектуального лидерства до отнесения его к заурядным писателям. Нередко его причисляли к лицам с обширным образованием, глубокими знаниями финансов, с практическим опытом и передовыми взглядами на русскую жизнь. Некоторые рецензенты его теоретические положения признавали не только бесполезными, но и вредными. В числе наиболее рьяных критиков оказался видный юрист и философ Б. Н. Чичерин. Парадоксальным образом Александр Илларионович давал основание и для той и для другой точки зрения. В любом случае моральные побуждения князя и попытка внести в проблемы финансов нравственные начала достойны уважения.

Среди его многочисленных публикаций значительная часть в той или иной степени посвящена проблемам финансового права, причем они были тесно связаны с его практической деятельностью[286]. Князь обоснованно считал, что «узел вопроса об улучше-

[286] См.: Васильчиков А. И. Земская повинность в России. Исторический очерк // Вестник Европы. 1871. Т. 1. № 2; Его же. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. 1876 (2-е изд. 1881 г.); Его же. Мелкий земельный кредит в России. СПб., 1878 (совместно с А. В. Яковлевым) и др.

нии сельского хозяйства заключается в податной реформе». Решение крестьянского вопроса виделось ему через использование гообразного финансового инструментария: мелкого, «народного» (общественного) кредита через устойчивую деятельность креных товариществ, уменьшение, а затем отмену выкупных плажей, финансирования переселения из аграрного центра на рию России и наделения крестьян государственной землей. А. В. Васильчиков предлагал ввести обязательное страхование от огня и падежа скота, установить подоходный налог и обеспечить крестьянским детям бесплатное школьное образование.

Его защита общинного ведения хозяйства была не в последнюю очередь связана с проблемами устойчивости крестьянского земледелия и гарантией выплаты земельных налогов. При этом ученый апеллирует к устоям и традициям русского народа. Однако он не предполагал существование крестьянской общины в будущем, считая, что она разрушится со временем естественным путем. Его позиция далеко не у всех современников вызывала поддержку. Так, один из критиков довольно нелестно, на наш взгляд, необоснованно высказался об исследовании А. Васильчикова «Землевладение и земледелие», отметив, что «изложение автора отличает в нем как незнакомство с формами общинного землевладения у других народов, с данными, добытыми сравнительно-историческим изучением этого учреждения, так и незнакомство с русским общинным бытом»[287].

Тем не менее современники совершенно справедливо относили кн. Васильчикова к числу немногих действительно государственных людей, которых и с «портфелем» в России немного, а князь работал «без портфеля», по одному нравственному сознанию[288].

В исследовании о местном самоуправлении особое внимание он уделил проблемам местных финансов[289]. Князь дал срав-

---

[287] Русанов Н. Новейшая литература по общинному землевладению в России. Критический очерк. М., 1879. С. 43.

[288] См.: Голубев А. Князь Александр Илларионович Васильчиков. Биографический очерк. СПб., 1882. С. I–V, 152–155 и др.; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 1993 (по изд. 1903). С. 620–621 и др.

[289] Васильчиков А. И. О самоуправлении. СПб., 1872. Т. 2. (1-е изд. 1869–1871 гг.)

нительный обзор русских и иностранных земских учреждений, что позволило ему обосновать необходимость углубления земской реформы, включая ее финансовую составляющую. Подлинное самоуправление он связывал с тем, что налоги и повинности, установленные центральной властью, распределяются на местах местными органами, а денежные средства, полученные от земских сборов, расходуются по усмотрению местных органов. Кроме того, ученый считал, что местные органы могут осуществлять контрольные функции над раскладкой и расходованием сборов, а также судебные функции. П. П. Гензель в известной «Библиографии финансовой науки» отмечал, что книга А. Васильчикова «О самоуправлении» является выдающейся для своего времени работой[290].

Некоторую противоположность А. И. Васильчикову являл собой **Петр Александрович Валуев** (1815–1890). Он был представителем старинного боярского рода, хотя мать его была немкой и воспитывался он в доме отчима – обрусевшего немца барона Фалькерзама. Пожалуй, последним из персонажей этой книги он получил домашнее образование, хотя, надо признать, самого высокого качества. Он хорошо знал основные европейские языки, владел латынью. Уже в 1831 г. он был причислен к МВД, в следующем году выдержал экзамены на первый чин при Московском университете. Затем Петр Александрович служил в Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где с 1836 по 1839 г. под руководством М. М. Сперанского участвовал в работах по систематизации российского законодательства.

В тот период был знаком с А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым, в 1839 г. посетил Германию и Италию. Надо отметить, что он был в приятельских отношениях с рядом деятелей русской культуры, в частности многие годы переписывался с писателем И. А. Гончаровым. Его первой женой была дочь известного поэта и государственного деятеля П. А. Вяземского. Возможно, в образе П. Гринева А. С. Пушкин в повести «Капитанская дочка» отразил некоторые черты молодого П. А. Валуева. Петр Александрович был любителем театра, особенно итальянской оперы. Даже на еженедельных воскресных раутах,

[290] См.: Гензель П. П. Указ. соч. С. 93.

которые он устраивал впоследствии в качестве главы МВД, художников, литераторов и ученых было не намного меньше, чем чиновников и титулованной знати.

После Собственной Его Императорского Величества канцелярии П. А. Валуев некоторое время служил в Сенате, с 1848 г. чиновником для особых поручений при Рижском военном губернаторе. В 1849 г. он снова перешел в МВД, а с 1853 по 1858 г. являлся Курляндским гражданским губернатором. В это время выходят его первые публикации, затрагивающие проблемы финансов[291]. По своей инициативе Петр Александрович перевел на русский язык исследование француза *Эжена Фуркада* (1820–1869) «Французский национальный банк» (Отечественные записки. 1856. № 7; в том же году вышел отдельный оттиск). Его обращению к проблемам финансов способствовало вступление в Русское географическое общество в 1846 г. Молодой чиновник был натурой щедро одаренной, деятельной, а научная деятельность была важным каналом реализации его кипучей энергии.

В тот период, под влиянием поражения России в Крымской войне, П. А. Валуев крайне критично относился к администрации Николая I, обличал «всеобщую официальную ложь», неисполнение законов, безмерную централизацию и одновременно разобщенность государственного управления. Его характеристика николаевского царствования звучала как приговор: «сверху блеск, внизу гниль». В 1858 г. перспективный чиновник переходит в Министерство государственных имуществ, а в 1859 г. возглавляет Ученый комитет этого министерства, назначается статс-секретарем. Уже в то время у него формируется идея «прекращения податной свободы помещичьих земель», следствием чего, по опыту развитых европейских государств, могло стать требование контроля за состоянием государственной казны со стороны дворянства. Это прямо вело к всесословному налогообложению в совокупности с представительным правлением. Отметим, что эти мысли он доверял тогда только дневнику,

[291] Валуев П. А. О торговле железом в Риге // Вестник Императорского Русского географического общества. 1852. Ч. 6; Его же. Рижские городские кредитные кассы, торговая и учетная // Отечественные записки. 1856. № 9.

но проводимая связь между финансовой реформой и реформой государственного управления очевидна.

После ряда важных, но кратковременных назначений в 1861 г. Петр Александрович становится министром внутренних дел России, оставаясь в этой должности до 1868 г., и получает высший чин действительного тайного советника (1866 г.), избирается в почетные члены Петербургской академии наук (1867 г.). В то время он имел репутацию знатока финансов и даже рассматривался в качестве кандидата на должность министра финансов. Его поведение на этом посту было достаточно самостоятельным, новый глава МВД успешно лавировал между придворными группировками либералов и консерваторов. За это от современников он получил прозвище «Виляев». Его называли «министром на европейский лад», а многие из проведенных им мероприятий и поданных проектов явно соответствовали духу времени. Он проводил земскую и полицейскую реформы (1864 г.), отмену телесных наказаний (1863 г.), подготовил записку о введении в России народного представительства и реформе Госсовета (1863 г.), записку о необходимости введения всеобщей воинской повинности (1870 г.), был приверженцем веротерпимости и предоставления культурной автономии Польше и Финляндии. В качестве публициста министр выступал с многочисленными статьями в правительственных изданиях, значительная часть которых была посвящена проблемам финансов. Только в еженедельной газете «Отголоски» таких статей набралось более 200.

При этом в части просвещенного общества и в левых кругах он имел репутацию консерватора, последовательного сторонника, наравне с Д. А. Толстым, сословного высшего образования и приоритетной роли древних языков, усиления цензуры, повышения общественной роли полиции. Не лучшим образом на его репутации сказался временный альянс с шефом жандармов П. А. Шуваловым, которого он иронично называл «Петром IV» и «ближним боярином» за возросшее влияние в верхах. Однако попытка П. А. Валуева создать правительство по европейскому типу через всесильного, как тогда казалось, но крайне одиозного шефа жандармов провалилась. Петру Александровичу так и не суждено было стать ни «русским Штейном», ни «русским Биконсфилдом». Даже его внешняя холодность и сдержанность

раздражала либералов. По некоторым данным, образ Каренина в «Анне Карениной» Л. Н. Толстой писал именного с него. Действительно, длинные бакенбарды и отсутствующий взгляд, некоторая старомодность манер и приверженность официальным церемониалам создавали ему репутацию бездушного чиновника с казенным штемпелем на лице, «ходячего параграфа», хотя это было явным преувеличением. Его человеческая трагедия заключалась в том, что он проводил реформы, в разработке которых не принимал участия, а практически все его проекты отвергались одновременными усилиями как матерых консерваторов (по его терминологии, «политических старообрядцев»), так и нетерпеливых либералов. П. А. Валуев был «информированным реалистом», т. е. пессимистом, что отложило отпечаток на всю его деятельность.

После отставки в 1868 г. П. А. Валуев был членом Госсовета, в 1870 г. занимал место председателя правления Санкт-Петербургского Учетно-ссудного банка и Общества взаимного поземельного кредита, члена правления Главного общества российских железных дорог. После ряда других назначений, в том числе министром государственных имуществ (1872–1879 гг.), Петр Александрович становится председателем Комитета министров (1879–1881 гг.), в 1881 г. занимает должность председателя Комитета финансов, высшего совещательного органа по вопросам финансовой политики, бюджета и кредита. На этих постах он публикует свои основные исследования по проблемам финансов[292]. Анализируя состояние денежного обращения, П. А. Валуев приходит к выводу, что в России преобладает и должно преобладать обращение бумажных денег. Всякое искусственное сокращение денежного обращения «стесняет производительность, а следовательно, ведет к результатам, прямо противоположным тем, которые имелись в виду»[293]. В 1870-х гг. он руководил двумя государственными комиссиями, получившими наименование «валуевских» (о сельском хозяйстве и о наемном

[292] См.: Валуев П. А. Заметки по вопросу о денежном обращении. СПб., 1881.

[293] Валуев П. А. (под псевдонимом Б. М. (бывший министр)). Экономические и финансовые заметки. СПб., 1881. С. 171.

труде). Признанием его заслуг перед государством было возведение в графское достоинство (1880 г.). В своих «Экономических и финансовых заметках» П. А. Валуев выстраивал выводы на основе цифровых сведений, статей доходов и расходов государственной сметы, т. к., по его мнению, «финансовые выводы и заключения без цифр всегда имеют проблематичное значение». Так, он высказал свою озабоченность тем, что в нашей финансовой системе питейный доход в три раза больше суммы всех прямых налогов, что в конечном итоге неизбежно становится существенным препятствием в развитии производительных сил страны[294]. В целом финансовая система страны, как писал автор, должна согласовываться с ее особенностями и ее государственным строем.

После октября 1881 г. граф отошел от государственных дел, проживал в уединении в скромной обстановке, но продолжал свои литературные труды, печатаясь под псевдонимами «Русский», «Александров», «М.» (министр), «Б. М.» (бывший министр). Из-под его пера вышел роман о великосветской жизни «Лорин» (в 2 т., 1882 г.), роман «Княжна Татьяна», повесть «Черный бор» и ряд других литературных произведений. Высказывался он и по самым актуальным проблемам тогдашней общественной жизни[295]. Его дневник отмечен явным литературным даром[296]. П. А. Валуев собрал библиотеку из более чем 3300 томов, часть которой была приобретена Министерством народного просвещения для Томского университета. Литература о министре и ученом относительно немногочисленна, но разброс взглядов на его личность достаточно велик[297].

---

[294] Валуев П. А. (под псевдонимом Б. М. (бывший министр)). Экономические и финансовые заметки. С. 15–16.

[295] См.: Валуев П. А. Современные задачи. Вып. 1. Религия и наука. Вып. 2. Воспитание и образование. М., 1886–1887.

[296] См.: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. 1861–1876. В 2 т. М., 1961.

[297] См.: Иванова Г. П. Государственная деятельность и политические взгляды П. А. Валуева (40–60-е годы XIX в.): дис. … канд. ист. наук, 1995; Секиринский С. С. Петр Александрович Валуев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 137–188. Нижник Н. С. и др. Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002). СПб., 2002. С. 125–141 и др.

Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), представитель старого дворянского рода, долгие годы входил в высшую управленческую элиту России, был обер-прокурором Синода в 1865–1880 гг., одновременно – Министром народного просвещения в 1866–1880 гг., а затем и Министром внутренних дел в 1882–1889 гг. Действительный тайный советник (1872 г.). Его единодушно признают одним из наиболее последовательных русских консерваторов. Такое единодушие, но с расстановкой разных акцентов, характерно и для дореволюционных, и для советских, и постсоветских исследователей[298]. Он был человеком умным, но безнравственным, прошел сложный путь от умеренного либерала, сотрудника великого князя Константина Николаевича в 1854–1860 гг., до неумеренного реакционера. Отмену крепостного права граф не принял, обобрав своих бывших крепостных на «прирезках» более чем на 440 десятин. Став в 1865 г. обер-прокурором Синода, Д. А. Толстой повел себя как заправский канцелярист. Его руководство Министерством народного просвещения было сплошной борьбой против реформ, против реальных гимназий, сословного равенства учащихся, широкой автономии университетов и др. Призыв графа на пост главы МВД в 1882 г. был знаковым событием торжества консервативного крыла. Вместе с новым обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым он стал подлинным символом крайнего консерватизма и даже реакции. Именно о тех временах поэт А. Блок написал свои хрестоматийные строки: «В те годы дальние, глухие, / В сердцах царили сон и мгла: / Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла».

Однако начало его карьеры не предвещало наличия у него впоследствии столь неоднозначной репутации. Дмитрий Андреевич Толстой получил воспитание в пансионе при Московском университете, а в 1842 г. окончил Царскосельский лицей с золотой медалью. Его первым наставником в сфере финансов стал профессор И. А. Ивановский. После этого началась госу-

[298] См.: Граф Дмитрий Андреевич Толстой. СПб., 1889; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 60 и далее; Степанов В. Л. Дмитрий Андреевич Толстой // Российские консерваторы. М., 1997. С. 234–286; Нижник Н. С. и др. Указ. соч. С. 190–205 и др.

дарственная служба, первоначально связанная с курированием благотворительных учреждений и женских учебных заведений. На этом поприще он добился покровительства тогдашнего министра народного просвещения С. С. Уварова, известного консерватора и автора триады «православие, самодержавие и народность». Одновременно молодой чиновник начал самостоятельно изучать историю финансовых учреждений времен Екатерины II. Эта императрица была его настоящим кумиром, он долгое время собирал все сочинения о ее царствовании, коллекционировал ее портреты. Однако научное исследование об истории финансовых учреждений[299] было инициировано не только чистой любовью к науке. Д. А. Толстой также хотел обратить на себя внимание властей предержащих, показать свою интеллектуальную состоятельность как будущего государственного деятеля. Это удалось ему в полной мере. Николай I пожаловал молодому исследователю бриллиантовый перстень и придворное звание камер-юнкера, а Академия наук присвоила ему Демидовскую премию. При этом не обошлось и без неприятностей. Помимо чисто карьерных побуждений к научной работе, известный юрист и философ Б. Н. Чичерин обвинил Дмитрия Андреевича в том, что тот воспользовался материалами своего приятеля С. С. Джунковского, уехавшего на несколько лет за границу и оставившего ему все бумаги[300]. Отметим, что сам *Борис Николаевич Чичерин* (1828–1904) не был чужд финансово-правовой проблематики. В своем фундаментальном исследовании «Курс государственной науки» он рассмотрел функции государственных органов, осуществляющих управление финансами, исследовал структуру государственной росписи, проанализировал виды финансового контроля[301].

В биографии нашего героя есть еще немало неприглядных страниц. С детства он рос без отца в семье небольшого достатка,

---

[299] См. Толстой Д. А. История финансовых учреждений России со времен основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848.

[300] См.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М., 1929. С. 193–194.

[301] См.: Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право. М., 1894. С. 434–452.

в связи с чем с годами у него появилась тяга к стяжательству. Возможно, карьерные соображения толкнули его к женитьбе на дочери министра внутренних дел, статс-даме С. Д. Бибиковой, женщине тихой и непривлекательной, которую он впоследствии буквально тиранил. С годами П. А. Толстой становился все более замкнутым, чопорным и холодным. На своей загородной даче, по воспоминаниям современников, он «жил, как в тюрьме», отгородившись от мира высоким забором.

Однако на роль «опереточного злодея» П. А. Толстой вряд ли подходит. В наличии ума и таланта ему не отказывал ни один даже самый яростный критик, как и в умении поставить работу подчиненного ему государственного аппарата. Сюда стоит добавит его эрудицию и трудоспособность, знание иностранных языков. Так, в 1848 г. он получил задание составить историю иностранных исповеданий в России. Итогом этого стал труд на французском языке об истории католичества в России, опубликованный в 1864 г. За него Лейпцигским университетом автору была присвоена ученая степень доктора философии. Петр Андреевич в 1866 г. стал одним из создателей Русского исторического общества, в 1870 г. при его активном участии начал действовать преобразованный Демидовский юридический лицей в Ярославле, ставший одним из лучших специализированных юридических вузов в России[302]. На посту президента Санкт-Петербургской академии наук с 1882 г. (почетным академиком которой он числился с 1866 г.) Петр Андреевич немало сделал для увеличения ее финансирования. Наконец, не без его участия в 1883 г. принимается закон о порядке учреждения сельских банков и ссудо-сберегательных касс. Ему были чужды крайности в отношении преследования евреев или поляков, а равно вообще инородцев. Лично не знакомый с ним С. Ю. Витте так выразил о нем мнение в высших политических кругах: «…вообще это был человек незаурядный, человек с волей и образованием, человек в известном смысле честный; во всяком случае, это бы-

[302] См.: Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушникова, Н. Н. Тарусиной. Ярославль, 2009. С. 61–62.

ла крупная личность»[303]. Однако исполнитель и карьерист всегда брали в нем верх над ученым и аналитиком.

П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» назвал исследование Д. А. Толстого «История финансовых учреждений России со времен основания государства до кончины императрицы Екатерины II» выдающимся, но для своего времени. После появления известных работ П. Милюкова и А. Лаппо-Данилевского, посвященных истории государственного хозяйства России, часть проведенного автором исследования устарела. Представляет интерес, по утверждению П. П. Гензеля, констатация ученым полного сходства финансовых учреждений России и западноевропейских стран (Франции, Англии, Германии, Италии). Однако суждения автора, общий взгляд на развитие финансовых учреждений России, по мнению критика, выглядят «наивными» и изложены «в школярско-декламаторском духе»[304].

Бурный рост экономики и раскрепощение предпринимательской инициативы в последней четверти XIX в. породили новый тип чиновников-ученых, карьера которых начиналась с бизнеса. Одним из первых представителей такого типа стал **Иван Станиславович Блиох** (1836–1901), который был одновременно и коммерции советник, а впоследствии и действительный статский советник. Этот уроженец Варшавы окончил Берлинский университет, перешел из иудаизма в христианство и поступил на службу в банковскую контору в Варшаве. После этого он активно занялся предпринимательской деятельностью, достиг должности председателя правления Юго-Западных железных дорог, где вице-президентом был будущий министр финансов И. А. Вышнеградский. Иван Станиславович выступил организатором Варшавского коммерческого банка, стал владельцем банкирского дома, директором целого ряда товариществ и коммерческих обществ. В то время его считали одним из самых богатых людей на Западе России, владельцем многомиллионного состояния. Всю эту бурную предпринимательскую деятельность он смог совместить с научными исследованиями, что, в свою очередь, привело его с 1877 г. в члены Ученого комитета Министерства финансов.

---

[303] Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 195.

[304] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 22.

Однако в петербургском обществе к нему относились с предубеждением, ходили слухи о том, что он брал под проценты суммы из благотворительных капиталов для их нецелевого использования и др.[305] С. Ю. Витте, тесно соприкасавшийся с И. С. Блиохом еще во время совместной работы в правлении Юго-Западных железных дорог, так писал о нем: «Блиох был человек по природе неглупый, в высшей степени образованный и талантливый, но с недостатком, так сильно присущим большинству евреев, а именно со способностью зазнаваться и с большой долей нахальства… Он уже совсем зазнался и гораздо больше занимался другими делами… политикой и научными трудами. Все его труды писались не им, а писались различными писателями-специалистами за деньги, которые он им платил. Сам же Блиох только составлял, и то с помощью своих сотрудников, программу тех трудов, которые он предлагал издать». С. Ю. Витте прямо заявил, что «История русских железных дорог» была написана не Блиохом, и привел в подтверждение анекдотический случай. Когда С. В. Кербедз, известный инженер, знавший Блиоха с юности, получил от него в подарок экземпляр «Истории русских железных дорог», то спросил: «А скажи, пожалуйста, Иван Станиславович, ты сам прочел эти книги?»[306]. Блиох данным вопросом был очень обижен. Представляется, что в этих словах изрядная доля преувеличения. Идеологом и автором замысла всех его трудов, их редактором был именно И. С. Блиох. Но так же очевидно, что эти многотомные труды при занятости бизнесом только он написать не мог. Напомним, что тогда не только не было Интернета, но и не публиковались в открытой печати основные материалы для анализа. Подготовка таких трудов требовала предварительной многомесячной работы в архивах, в которые было трудно попасть, а еще труднее найти и получить нужный материал. Вероятно, у него были помощники, которых в советский период не очень корректно именовали «литературными неграми». В любом случае отрадно, что крупный предприниматель тянулся к проблемам большой науки, и не зря. Как бизнесмена его знает только узкий

[305] См.: Богданович А. В. Указ. соч. С. 168.
[306] Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 89.

круг специалистов, зато изданные им труды известны практически всем специалистам по социально-экономической истории России второй половины XIX в.

В 1878 г. И. С. Блиох издает в пяти томах исследование «Влияние железных дорог на экономическое состояние России», где рассматривались, в том числе, вопросы железнодорожного тарифа. Отметим, что ранее он уже опубликовал «Исследование по вопросу о взимании русскими железными дорогами провозных плат в металлической валюте» (СПб., 1877), где прямо затронул проблемы денежного обращения.

И. С. Блиох исследовал историю русских финансов, работал в архиве Министерства финансов, результатом чего стало фундаментальное исследование о финансах России XIX в. и ряд других публикаций[307]. В предисловии к четырехтомному изданию «Финансы России XIX столетия» автор особо отметил значение гласности в деле государственных финансов и ратовал за необходимость народно-общественного контроля в ведении государственного хозяйства. Ученый являлся сторонником не только государственного, но и общественного контроля за государственными финансами. Он писал, что «обнародование государственных росписей и извлечений из отчетов государственного контроля, впервые предпринятые по просвещенному почину М. Х. Рейтерна и В. А. Татаринова, продолжаются и при их преемниках»[308]. Автор определил и цель своего исследования, указав, что «история финансов не только представляет интерес для науки, но и дает практические указания относительно будущности русского финансового хозяйства»[309].

Первый том исследования охватывает период до Крымской войны, причем вкратце затронута эпоха, предшествовавшая XIX в. Во втором томе повествование доведено до 1882 г. Это было небеспристрастное, по словам автора, исследование, «не взгляд постороннего», а попытка выяснить: «В чем заключаются

[307] См.: Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. Т. 1–4. СПб., 1882; Его же. Финансы Царства Польского с 1 июня 1815 г. по 31 декабря 1866 г. СПб,. 1897; Его же. Устройство финансового управления и контроля в России в историческом их развитии. СПб., 1881 и др.

[308] Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. Т. 1. СПб., 1882. С. 2.

[309] Там же. С. 3.

причины подобной беспочвенности прежних финансовых преобразований? Почему предпринимавшиеся правительством реформы финансового хозяйства не приносили тех плодов, каких оно ожидать было вправе? Вследствие каких обстоятельств вводившиеся с целью улучшения экономического положения государства мероприятия не сопровождались благоприятными результатами?»[310]. Строго хронологическое изложение материала не носит характер справочника, т. к. постоянно прослеживается личное отношение, авторская оценка финансовых реформ и их творцов. Так, рассматривая «План финансов» М. М. Сперанского и его практическую реализацию в манифестах от 25 июля 1810 г., 25 июня 1811 г. и иных мерах, он писал о громадном их значении для истории финансов. Ученый подчеркивал, что только с этого времени начинается более-менее правильное счетоводство и «представляется возможность следить за финансовыми оборотами и их последствиями, а также издаваемыми по части государственного хозяйства узаконениями»[311]. Иначе оценивалась финансовая политика министра финансов Д. А. Гурьева. И. С. Блиох писал, что этот министр вводил государство в заблуждение своим «все обстоит благополучно», в то время как казна была в двух шагах от полного банкротства.

Третий том рассматриваемого исследования был посвящен системному изложению истории отдельных налогов: прямых и косвенных. Причем более подробно рассмотрены косвенные налоги, история табачного, соляного и питейного доходов, преимущественно со статистической и догматической точек зрения. В конце третьего тома приложены две графические таблицы, иллюстрирующие государственные доходы России в 1866–1881 гг. и положение государственного долга в 1802–1877 гг. Четвертый том посвящен истории государственных расходов России, к нему также приложен ряд таблиц. Как отмечал сам автор, третий и четвертый том исследования содержат подробное историко-статистическое обозрение государственных доходов и расходов, поэтому эти два тома предназначены «уже не для цельного чтения, а для справок». Изложение истории финансов сопровожда-

[310] Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. Т. 1. С. 4.
[311] Там же. С. 109.

ется статистическими таблицами неслучайно, так как, по словам И. С. Блиоха, «в финансовой истории доказательней и красноречивее всего говорят все-таки сами цифры»[312].

По заданию правительства он занялся проблемами кредитования сельского хозяйства[313]. В данном случае И. С. Блиох показал себя сторонником увеличения вложения государственных средств в сельское хозяйство, финансовой поддержки коллективных форм ведения хозяйства, прежде всего сельскохозяйственных артелей. Кроме того, он являлся автором многочисленных публикаций по финансовому праву в периодических изданиях.

В последние годы жизни он увлекся идеей всеобщего мира и разоружения, писал об этом в своих книгах и статьях. Так И. С. Блиох оставил свой след и в военной теории, т. к. в своем шеститомном труде «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях» (СПб., 1898–1899) ученый во многом предугадал характер Первой мировой войны. В западной литературе его традиционно именуют «военным теоретиком»[314]. Отметим, что названная книга И. С. Блиоха была переведена на французский, немецкий и английский языки и вызвала широкий общественный резонанс. С. Ю. Витте подчеркивал, что к таким изысканиям Блиоха подтолкнуло желание прославиться, а эти труды он «писал или, вернее, ему писали, а он под своей фамилией издавал»[315]. Однако устремления финансиста и исследователя были более бескорыстными. Ему удалось даже привлечь к идее всеобщего мира внимание царя Николая II и царицы Александры Федоровны. При этом И. С. Блиох посещал все конференции о мире и предлагал устроить в Швейцарии соответствующий музей. Однако этим его благородным замыслам не суждено было сбыться.

Несомненно, крупным ученым был и *Иван Алексеевич Вышнеградский* (1831–1895), министр финансов в 1888–1892 гг. Но

---

[312] Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. С. 8.

[313] См.: Блиох И. С. Мелиорационный кредит и состояние сельского хозяйства в России и иностранных государствах. СПб., 1890 (2-е изд. 1896 г.).

[314] См.: Киган Д., Уиткрофт Э. Кто есть кто в военной истории. М., 2000. С. 48.

[315] Витте С. Ю. Указ. соч. С. 223.

его научной стезей была математика и механика, успехам в которой он был обязан докторством и профессорством, а также членством в Петербургской академии наук (1888 г.). В 1875–1878 гг. ученый был директором Петербургского технологического института. С 1870-х гг. он занялся предпринимательством, вошел в правление, а затем стал вице-президентом Юго-Западных железных дорог, где трудился под началом И. С. Блиоха. В Министерстве финансов они как бы поменялись местами. Уважаемый ученый нажил многомиллионное богатство, которое за годы министерства удвоил, причем долго ходили слухи, вероятно необоснованные, о присвоении им казенных средств. Впрочем, для дворянской верхушки он так и остался сомнительным персонажем с репутацией «бывшего гешефтмахера»[316].

При этом специальных работ по финансовому праву он не имел, а годы его министерства для финансов были не самыми успешными. Вот как о нем написал работавший долгие годы в Министерстве финансов В. Т. Судейкин: «Человек умный, но лишенный знаний метался из стороны в сторону, применял опыты, а стране приходилось расплачиваться за его смелость и незнание»[317]. Специальное исследование деятельности министерства И. А. Вышнеградского провел П. П. Мигулин (о нем в следующей главе). «В политике Вышнеградского, – писал П. П. Мигулин, – мы не встречаем решительно ничего оригинального, во всем мы видим рабское следование политике Н. Х. Бунге»[318]. Это утверждение сопровождается анализом законодательных актов, принятых в тот период, цифровыми вычислениями (с точки зрения фиска) тех многочисленных займов и конверсий, движения русского государственного долга, которые были произведены в названное министерство. Подробно изложены все детали сооружения на казенные средства и выкупа отдельных железных дорог. При этом П. П. Мигулин отмечал ни на чем не основанную «предупредительность», которую оказывало русское прави-

[316] См.: Богданович А. В. Указ. соч. С. 119.

[317] Судейкин В. Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов. СПб., 1895. С. 9.

[318] Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Т. 2. Министерство И. А. Вышнеградского. Харьков, 1900. С. 568.

тельство строителям железных дорог, на каждом шагу беззастенчиво и открыто действовавшим в ущерб казне и русскому обществу. П. П. Мигулин подчеркивал и необоснованный контраст в организации ипотечного кредита для крестьян и для дворян, последним устанавливалась более низкая процентная ставка займа в Дворянском банке.

Сын Вышнеградского *Александр Иванович Вышнеградский* (1867 – после 1920), выпускник юридического факультета Петербургского университета, дослужился в Министерстве финансов до должности вице-директора Особой канцелярии по кредитной части (1897–1905 гг.). Он был знатоком западноевропейской финансовой системы, хорошим переговорщиком с зарубежными банкирами[319], пользовался уважением С. Ю. Витте. В дальнейшем он входил в правления целого ряда коммерческих банков, стал одним из богатейших предпринимателей России, после 1917 г. эмигрировал.

Несколько особняком в рассматриваемом ряду наших персонажей стоит **Виктор Александрович Гольцев** (1850–1906), который был скорее общественным деятелем, участником земского движения, служил в органах местного самоуправления. Свои знания финансиста и писательский дар он поставил на службу общественным интересам, каковыми он их представлял. Это позволяет нам отнести его к числу популяризаторов финансовых знаний, публицистов, занимавшихся также и финансово-правовой проблематикой. Обучаясь на юридическом факультете Московского университета, он представил профессору финансового права О. Б. Мильгаузену свое сочинение об экономическом законодательстве Петра I. Тот высоко оценил опыт студента и предложил его оставить по завершении учебы (1872 г.) в университете для подготовки к магистерскому экзамену. Как это было принято, молодого соискателя университет направил в заграничную научную командировку. Вначале в Париже он собрал материал для своей магистерской диссертации, а затем переехал в Гейдельберг, где слушал лекции специалиста по теории права, цивилистике, международному праву швейцарца И. Блюнчли,

[319] См.: Вышнеградский А. И. Международный расчетный баланс России. СПб., 1896.

экономиста А. Книса. В 1876–1877 гг. в Вене В. А. Гольцев усердно занимался у немецкого административиста и финансиста Л. Штейна, слушал лекции по политэкономии профессора В. Рошера в Лейпциге. Но наиболее сильное влияние на его воззрения оказал Л. Штейн. В предисловии к своей магистерской диссертации он прямо называл себя учеником Л. Штейна и А. Вагнера. В Л. Штейне ученый ценил теоретика социального государства как имеющего целью восстановление социальной справедливости по отношению к слабым и бедным. Не менее отвечали настроениям В. А. Гольцева и социально-правовые воззрения А. Вагнера на государственный социализм. До возвращения в Россию на В. А. Гольцева был направлен донос в Санкт-Петербург, в Министерство просвещения, о том, что он ведет революционную пропаганду. Поводом послужило письмо, которое он подписал «русский конституционалист» и направил в 1875 г. П. Л. Лаврову, одному из идеологов народничества[320]. В письме он призывал революционных народников вместе с либералами добиваться конституции для России. Впоследствии ученый сам себя называл «немножко маньяком» конституционализма, но принятие конституции и падение самодержавия стали для него действительно всепоглощающими идеями.

В 1878 г. молодой ученый защитил магистерскую диссертацию по финансовому праву на тему «Государственное хозяйство во Франции XVII века. Исторический очерк», которая была издана в том же году. Эта работа включает две части: в одной излагаются важнейшие факты из финансовой истории Франции XVII в., а во второй параллельно описывается хозяйство Московского государства в том же XVII в. П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» отмечал, что этот сравнительно-правовой анализ не идет далее констатации сходных чисто внешним образом фактов (например, одинаковых стремлений правительств государств XVII в. сосредоточить в своих руках подавляющую силу и добиться преобладания над соседями). По мнению этого критика, в работе В. А. Гольцева отсутствует «сколь-нибудь глубокий анализ эконо-

[320] См.: Памяти Виктора Александровича Гольцева. Статьи, воспоминания, письма / под ред. А. А. Кизеветтера. М., 1910. С. 9–10; Наше Отечество. Ч. 1 / Кулешов С. В. и др. М., 1991. С. 157–161.

мических и социальных явлений этих двух стран», а воззрения автора «не отличаются большой самостоятельностью»[321]. Видимо, П. П. Гензель имел в виду влияние на автора идей А. Вагнера. В своем исследовании В. А. Гольцев доказывал, что рост государственного могущества и усиление центральной верховной власти во Франции, как и в России, достигается за счет непомерного налогового бремени и обнищания народа.

В 1878 г. новоиспеченный магистр был избран доцентом Московского университета, но не был утвержден из-за доноса и тайного циркуляра министра народного просвещения Д. А. Толстого. Виктор Александрович не оставил попыток заняться педагогической деятельностью и в следующем году стал доцентом Новороссийского университета, но в том же году подал в отставку. Затем он предпринял попытку, также безуспешную, занять кафедру в Демидовском юридическом лицее (г. Ярославль). В эти годы он принял активное участие в земском либеральном движении, публиковал статьи в периодической печати, в том числе по финансовым проблемам. В 1879 г. В. А. Гольцев выступил одним из организаторов нелегального съезда земской оппозиции в Москве, в 1880–1884 г. был уездным, затем губернским гласным. При этом он не прекращал заниматься конституционной пропагандой и публицистической деятельностью.

Еще одна попытка стать доцентом Московского университета снова завершилась вынужденной отставкой в 1882 г. Он прочитал единственный курс, посвященный учению об управлении, который был в 1882 г. издан двумя студентами. В тот период вокруг него сложился кружок московских конституционалистов, в который входили, в частности, А. И. Чупров, М. М. Ковалевский, И. И. Янжул, впоследствии ставшие крупными специалистами в сфере финансов. В. А. Гольцев инициировал проведение нелегальных акций, вошел в контакт как с народниками, так и с лидерами придворной «конституционной» партии, ратовавшей за умеренные реформы. За свои действия общественный деятель неоднократно подвергался аресту и постоянно находился под негласным надзором полиции. С 1885 г. он возглавил

[321] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 15.

журнал «Русская мысль», который стал главным содержанием его жизни. Отметим также, что В. А. Гольцев состоял в дружеской переписке с А. П. Чеховым, В. Г. Короленко, Л. Н. Толстым, Н. Г. Чернышевским, К. Д. Кавелиным, В. С. Соловьевым, И. И. Левитаном и др. Только перечисление этих имен уже дает общее представление о незаурядной личности В. А. Гольцева. Кроме того, он был и достаточно авторитетным ученым, председателем Московского юридического общества и секретарем Общества любителей русской словесности.

Однако в правых кругах его откровенно не любили. Издатель и журналист А. С. Суворин писал о нем прямо-таки с ненавистью: «…этот Гольцев, эта научная дрянь, бездарная, неумелая, весь из хитрости, из обходов, обобрав любовницу свою Воронцову, не брезгал дружбой с мошенниками, льстил перед Данилевским, печатал ему панегирики в статье Сокольского только потому, что Данилевский был членом Главного управления по делам печати и редактором "Правительственного Вестника"»[322].

В 1905 г. он вступил в партию кадетов, а весной 1906 г. в очередной раз избран приват-доцентом Московского университета. Отметим, что педагогическая деятельность ученого нигде не продолжалась более года, а его публикации как по общим вопросам правоведения, так и по финансовому праву имели в значительной части публицистический и даже просветительский характер[323]. Так, очерк «Основные понятия о правоведении» автор называет опытом доступного и краткого изложения основных начал правоведения и адресует его преимущественно народным учителям, которые должны содействовать распространению в народе разумного правосознания. На формирование правовой культуры в сфере финансов были ориентированы и изданные автором небольшие брошюры, разъясняющие, что такое подати и каково их значение, понятие казенных денег и казны[324]. Критики отнесли, например, брошюру В. А. Гольцева «Финан-

[322] Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 30.

[323] См., например: Гольцев В. А. Современное учение о бюджете // Юридический вестник. 1878. № 1.

[324] Гольцев В. А. Что такое подати и для чего они собираются. М., 1903; Его же. Что такое казна и казенные деньги. М., 1903.

совое право»[325] к разряду «народно-популярной литературы о русских финансах, которая служит яркой иллюстрацией того, насколько назрела в русском обществе потребность в радикальной финансовой реформе»[326].

В. А. Гольцев был далеко не первым ученым, кого подвиг на изучение проблем финансового права не только научный интерес или дела службы, но и мотив общественного служения. Для иллюстрации данного тезиса можно привести исследование видного деятеля славянофильского движения *Александра Ивановича Кошелева* (1806–1883). В молодости он показал себя как многообещающий дипломат и государственный деятель, дружил с В. Ф. Одоевским, К. Ф. Рылеевым, М. А. Фонвизиным. Однако славянофильские убеждения не помешали ему активно заниматься предпринимательством. Так, в 1838–1848 гг. он держал винные откупа, что приносило ему огромную по тем временам сумму доходов – не менее 100 тыс. рублей серебром в год. Участвовал он и в других рискованных операциях, в том числе предпринял попытку покупки первой в России Николаевской железной дороги. Ради справедливости отметим, что он в 1859–1860 гг. был членом Комиссии по проекту нормативного устава поземельных банков и ипотечного положения, а в 1860 г. – председателем Винокуренной подкомиссии, разработавшей проект свободной виноторговли с установлением акцизного сбора. С 1864 по 1866 г. он управлял финансами в Царстве Польском. Однако его финансово-правовые исследования были обусловлены в значительной степени его общественной позицией[327].

Скажем несколько слов еще об одном видном славянофиле. *Юрий Федорович Самарин* (1819–1876) был магистром русской истории, однако значительную часть жизни посвятил государственной службе в МВД, главным образом в Прибалтике. Здесь он заинтересовался историей отмены крепостного права в Пруссии, а затем этот интерес переключился на финансовую и правовую

[325] Гольцев В. А. Финансовое право. Элементарный очерк. М., 1902.

[326] См.: Гензель П. П. Указ. соч. С. 29.

[327] См.: Кошелев А. И. О подушной подати // Беседа. 1871. № 1; Его же. О государственном земском сборе // Там же. № 2; Его же. О мерах к восстановлению ценности рубля. СПб., 1878 и др.

систему этой страны. Юрий Федорович активно участвовал в подготовке и проведении отмены крепостного права, был членом Редакционной комиссии. Он также занимался исследованиями финансовой системы Пруссии, которые были опубликованы посмертно[328].

Весьма интересный тип исследователя проблем финансов представляет *Владимир Николаевич Охотников* (1847–1919). После окончания в 1866 г. Александровского лицея он был членом Дворянского собрания Пензенской губернии, добровольцем принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. И хотя его карьерный рост ограничился званием прапорщика, воевал В. Н. Охотников храбро, стал кавалером ордена Св. Георгия 4-й степени. В 1881 г. его причисляют к МВД, и в качестве чиновника этого ведомства он публикует в 1885–1886 гг. на страницах «Гражданина» свои «Финансовые беседы» (вышли отдельным изданием в 1887 г.). Это было, скорее, не научное исследование, а научно-популярный очерк по проблемам финансов и финансовому праву. В частности, автор ратовал за восстановление соляного налога, введение винной монополии, отмену подушной подати. Вместо нее он предлагал установление налога на трудоспособных (мужчин, женщин от 18 до 65 лет) без различия званий и состояний всех подданных[329]. Однако его интерес к данной проблематике не остался без внимания, и в 1892 г. он был назначен членом Совета министра финансов. В 1902 г. В. Н. Охотников становится сенатором, а с 1915 по 1917 г. входит в Государственный совет, действительный тайный советник (1916 г.).

В качестве вывода подчеркнем, что государственные и общественные деятели обращались к проблемам финансового права по самым разным причинам, от карьерных соображений до мотива общественного служения. Но для большинства из них это было продолжением или даже составной частью их служебной деятельности. Их публикации имели уже существенно больший резонанс, чем в предшествующие периоды, однако и их влияние на реальную финансовую политику не стоит преувеличивать.

---

[328] См.: Самарин Ю. Ф. Финансовые реформы в Пруссии в начале нынешнего столетия // Сборник государственных знаний. Т. VI. СПб., 1878.

[329] См.: Охотников В. Финансовые беседы. СПб., 1887. С. 70–71.

Глава 4

На пути к синтезу: государственные служащие, совмещавшие служебную и научную деятельность (рубеж XIX–XX вв.)

Наука обязана указывать правительству те меры, которые могут способствовать наиболее правильному отправлению финансовой деятельности, она должна напоминать финансовым деятелям, что они существуют для общества, а не общество для них.

Лебедев В. А. Финансовое право. Т. 1. 1882.

На рубеже XIX–XX вв. мир вступил в новую стадию экономического и политического развития. Это было связано не только с развитием монополистического капитализма и завершением политического раздела мира. Милитаризация и империалистические войны, периодические и углубляющиеся экономические кризисы, вопиющая социальная несправедливость и неравенство граждан одной страны – все это позволяет говорить о кризисе всей Западной цивилизации и ее традиционных ценностей. К числу последних обычно относились свобода предпринимательства, неограниченная конкуренция, крайний индивидуализм, минимизация вмешательства государства в экономические отношения. В качестве ответной реакции идеологию буржуазного либерализма все более вытесняла идеология буржуазного реформизма с переориентацией преобразований в сторону большей социальной защищенности основной массы населения.

К сожалению, в России этот процесс запаздывал. Великий русский историк В. О. Ключевский в качестве одной из констант русской истории определил то, что «нужды реформ назревают раньше, чем народ созревает для реформ». Рубеж веков не стал в этом смысле исключением. Внешне спокойное и стабильное царствование Александра III и первые годы правления его наследника Николая II давали шанс эволюционным изменениям в эконо-

мической и политической системе. Однако он в очередной раз не был использован в надежде на самобытность русского пути, патриархальные начала, соборность, незыблемость самодержавия. Как показали дальнейшие события, отсутствие глубинных преобразований самым пагубным образом сказалось на судьбе Российской империи.

4.1. С. Ю. Витте и его соратники

(Д. И. Менделеев, М. П. Кашкаров, А. Я. Антонович, Н. К. Бржеский, А. Н. Гурьев, И. П. Шипов)

Самой яркой фигурой не только среди российских министров, но и во всей отечественной управленческой элите на рубеже XIX–XX вв. был министр финансов в 1892–1903 гг. Сергей Юльевич Витте (1849–1915). Он единственный во второй половине XIX в., чьим именем были названы экономические реформы – «реформы Витте». Отметим, что они носили преимущественно финансовый характер. За более чем десять лет, в течение которых он возглавлял Министерство финансов, среди его сотрудников побывал почти весь цвет российской финансово-правовой мысли. Однако не все его сотрудники стали его соратниками и единомышленниками. В этом единственном «именном» параграфе речь пойдет о последнем министре финансов России XIX в., а также о его выдвиженцах, ставших и его единомышленниками.

Литература о С. Ю. Витте достаточно обширна, что освобождает нас от необходимости подробно останавливаться на этапах его жизненного пути[330]. С. Ю. Витте смог оптимально согласовать консервативный политический курс с реформированием фи-

[330] См.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; Боханов А. Н. Сергей Юльевич Витте // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 221–258; Водовозов В. В. Граф С. Ю. Витте и император Николай II. Пг., 1922; Игнатьев А. В. С. Ю. Витте – дипломат. М., 1989; Клейнов Г. М. Граф С. Ю. Витте. Жизнь и деятельность. СПб., 1907; Кони А. Ф. Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания. М., 1925; Корелин А. П., Степанов В. Л. С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998; Лутохин Д. А. Граф С. Ю. Витте как министр финансов. Пг., 1915; Струве П. Б. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики. М.; СПб., 1915 и др.

нансовой системы страны, используя порой для ускорения преобразований совсем не капиталистические методы.

Его личность, как и его политика, всеми исследователями оценивается как противоречивая. С. Ю. Витте был потомком выходца из Голландии, но по материнской линии связан с побочной веткой Рюриковичей (Долгоруких). Выпускник физико-математического факультета Новороссийского университета (1870 г.) со степенью кандидата математических наук мог продолжить академическую карьеру, но предпочел деловую стезю. Темой его кандидатского исследования («Выяснение понятий о пределах») была одна из проблем бесконечно малых величин, однако в дальнейшем он имел дело преимущественно с очень большими денежными суммами. Начав чиновничью карьеру в канцелярии одесского генерал-губернатора, молодой специалист сделал головокружительную карьеру, став сначала заведующим эксплуатационным отделением дороги (с 1879 г.), затем управляющим дорогами одной из крупнейших железнодорожных компаний России – Общества Юго-западных железных дорог (с 1886 г.). Здесь он познакомился с известным ученым и предпринимателем И. А. Вышнеградским (будущим министром финансов), в то время председателем правления Общества, который обратил внимание на способного служащего и впоследствии содействовал его продвижению.

С. Ю. Витте считался крупным специалистом в области железнодорожного тарифа, стал автором многих технических изобретений. Он ввел практику выдачи ссуд под хлебные грузы (1880 г.), инициировал комиссионно-ссудные операции на железной дороге. Свои взгляды на тарифную политику он изложил в специальном исследовании[331]. Целая серия его статей по данной проблематике была помещена в газетах «Московские ведомости», «Киевское слово», журнале «Инженер». Сергей Юльевич отстаивал прогрессивную позицию, заключавшуюся в том, что железнодорожные тарифы должны устанавливаться не произвольно, а на основе экономического закона спроса и предложения. Эти труды принесли ему широкую известность и авторитет

[331] См.: Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. Киев, 1883 (переизд. СПб., 1894 и 1901).

российского «тарифмейстера». Не в последнюю очередь благодаря научным знаниям и практической подготовке произошло его быстрое восхождение по всем ступеням чиновничьей карьерной лестницы. Он считал, что переход частных дорог в собственность государства неизбежен, хотя пока казенное хозяйство везде и всюду показывает плачевные результаты. Тем не менее полное огосударствление всей сети железных дорог молодой «менеджер» считал делом времени. В ранний период деятельности, осмысляя индустриализацию, он вообще отводил железным дорогам роль кровеносной системы народного хозяйства.

Однако первоначально его государственная служба развивалась не очень успешно. Так, еще в 1874 г. он был причислен к Департаменту общих дел Министерства путей сообщения, но в 1878 г. из-за конфликта с министром получил отставку, имея скромный чин титулярного советника (светского капитана). При этом уже в 1879 г. С. Ю. Витте впервые привлекают к участию в государственной железнодорожной комиссии графа Э. Т. Баранова, как одного из авторитетных специалистов в данной сфере.

В юности он симпатизировал славянофилам, а в зрелые годы испытывал некоторое тяготение к западничеству, оставаясь державником и монархистом. В связи с этим можно отметить, что система его взглядов была неоднозначной. Но в «принципиальной беспринципности», подобно некоторым современникам, его обвинить нельзя. В 1888 г., после катастрофы царского поезда в местечке Борки под Харьковом, о возможности которой он предупреждал царя, молодого чиновника заметили. Министр финансов А. И. Вышнеградский попросил своего бывшего сослуживца по Обществу Юго-западных железных дорог представить свои соображения о ликвидации дефицитности казенных железных дорог. С. Ю. Витте в своем заключении отметил, что корень зла заключается в хаосе, царящем в области тарифов. Он предложил разработать специальный закон, который все тарифное дело в стране поставил бы под контроль правительства, и создать соответствующий департамент в Министерстве финансов.

Его предложение было принято, и в 1889 г. он стал директором нового Департамента железных дорог Министерства финансов и председателем Тарифного комитета при этом министерстве, принял участие в разработке таможенного тарифа 1891 г., а с

1892 г. около полугода занимал должность министра путей сообщения. Минуя все ступени чиновничьей иерархии, он был произведен из титулярного советника прямо в действительные статские советники (т. е. из капитана в генерал-майоры), что является абсолютным отечественным рекордом в гражданском чиновном производстве всех времен. Наконец, в августе 1892 г. С. Ю. Витте возглавил Министерство финансов. В сановную бюрократическую среду он внес манеры биржевого маклера, ведущего игру на грани фола. Даже внешне, по мнению современников, он был похож не на русского сановника, а на английского государственного деятеля. Имея высокий рост и хорошее сложение, он многим напоминал образованного купца, а не государственного чиновника. Не случайно В. И. Ленин называл С. Ю. Витте «министр-маклер» и даже «агент биржи».

С. Ю. Витте имел сильный ум, твердую волю и был, вероятно, первым дельцом западного типа в среде высшей петербургской чиновной аристократии. Он мог быстро выделить главное направление в работе и организовать деятельность подчиненных. Некоторые исследователи отмечают в его деятельности даже педагогический элемент: «Российская Обломовка нашла в нем своего Штольца»[332]. Отличаясь личной честностью, в интересах дела С. Ю. Витте мог совершать довольно сомнительные с моральной точки зрения поступки. Например, его траты на благоприятную прессу (аналог современного пиара) были чрезмерными, а расходование казенных средств, мягко говоря, не всегда было экономным и даже «целевым». Сергей Юльевич показал себя тонким мастером придворной интриги, используя такие не джентльменские способы, как подкуп, распускание слухов и сплетен, заказные статьи в прессе и др. Примечательно, что его предшественники на посту министров путей сообщения и финансов (А. Я. Гюббенет и И. А. Вышнеградский) были отправлены в отставку при активном и деятельном участии их преемника. С. Ю. Витте приложил руку и к смещению с поста главы Департамента экономии Государственного совета А. А. Абазы и замене его более сговорчивым Д. М. Сольским. При этом он зачастую

[332] Лутохин Д. А. Указ. соч. С. 21.

действовал не только резко, но и просто нагло, обезоруживая этим поднаторевших в чинопочитании сановных конкурентов.

Даже доброжелательно относившиеся к нему современники отмечали у нового министра, наряду с несомненными достоинствами, недостаток гуманитарного образования, плохое знание литературы и истории (эти недостатки он частично смог преодолеть), слабое владение французским языком (с малорусским акцентом), отсутствие нравственных правил. Не блистал он и манерами, а неправильное произношение и неуклюжесть сразу выдавали в нем провинциала. Коллеги часто упрекали С. Ю. Витте за игнорирование чиновничьего этикета. Это выражалось, в частности, в выходе за пределы своих полномочий, апеллирование к Государственному совету, минуя установленный порядок, в открытом давлении на других министров.

Весьма необычны были и обстоятельства его семейной жизни. Сергей Юльевич был дважды женат, и оба раза на разведенных женщинах с детьми, причем он прилагал немалые усилия для развода своих будущих жен с их мужьями. Его первая жена Н. А. Спиридович (урожденная Иваненко) умерла в 1890 г. Второй брак с Матильдой Ивановной Лисанович (урожденной Хотимской) имел прямо скандальный характер, так как, по слухам, ее бывшему мужу были заплачены большие отступные и С. Ю. Витте даже прибегнул к угрозам. К тому же его вторая жена происходила из еврейской семьи, а ее брат был замечен в не очень прозрачных махинациях. Это пошатнуло положение министра, но поддержка Александра III стабилизировала ситуацию. Второй брак оказался удачным, однако его жена так и не была принята ни при дворе, ни в высшем свете, что крайне раздражало С. Ю. Витте всю его жизнь.

Тем не менее он смог добиться максимального для того времени экономического эффекта, не затрагивая основ политического режима. Этому способствовал и мировой экономический подъем 1893–1900 гг. С. Ю. Витте окружил себя опытными и талантливыми помощниками, ставшими впоследствии крупными государственными и банковскими деятелями. Это прежде всего П. Л. Барк, В. И. Ковалевский, В. Н. Коковцов, Э. Д. Плеске, А. И. Путилов, С. И. Тимашев, В. И. Тимирязев. В числе его подчиненных по министерству числились И. С. Блиох, Н. К. Брже-

ский, В. Е. Варзар, А. Н. Гурьев, М. П. Кашкаров, В. Т. Судейкин, Н. Н. Покровский, П. Х. Шванебах и др. По финансовому ведомству трудился и выдающийся русский ученый Д. И. Менделеев. Сергей Юльевич смог создать непринужденную атмосферу в министерских кабинетах, где группа единомышленников делала общее дело. Чиновники министерства получили право вместо мундиров носить сюртуки, а место казенной переписки заняло живое общение начальников и подчиненных. Министр финансов был невоздержан на язык, мог вспылить и наговорить грубостей, но, если подчиненные высказывали ценную мысль, он забывал о субординации и увлеченно обсуждал все детали предложенного плана. Немаловажно и то, что С. Ю. Витте имел твердую поддержку императора Александра III, в годы правления которого и были проведены все основные реформы. Свою позицию на этот счет Александр III выразил министру при личной встрече: «Мне говорят про вас черт знает что. Не обращайте на это внимание и помните одно: у вас за спиной царь!»[333].

Основными направлениями финансово-экономических преобразований являлись следующие.

1. Таможенный протекционизм и последовательное поддержание активного внешнеторгового баланса. Это позволило с помощью финансового инструментария стимулировать развитие отечественной промышленности, оставляя возможность иностранным производителям конкурировать с отечественными. Заботами о развитии промышленности С. Ю. Витте заслужил репутацию «русского Кольбера». Однако некоторые исследователи – современники событий – считали, что принципом таможенной политики тогда был фискализм, а не протекционизм[334]. Он рассматривал систему коммерческих учебных заведений, находившихся в ведении Министерства финансов, как рассадник будущих предпринимателей и руководителей экономики. Во многом стараниями самого министра в 1902 г. был открыт Петербургский политехнический институт с экономическим отделением, где впервые в России давали специальное экономическое образование. Коллектив

[333] Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. С.110.

[334] См.: Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911. С. IV, 842.

преподавателей отделения составили, в том числе, лица, лишенные за политические взгляды права преподавать в университетах. Были открыты и еще два политехнических института.

2. Реформирование податной (налоговой системы). Рост за 1890-е гг. косвенных налогов (акцизов) на 42,7%. Основное бремя этих налогов несли неимущие слои населения. Прямое обложение при этом увеличилось не значительно, а дополнительно был установлен только квартирный налог (1894 г.). Одновременно реформируется торгово-промышленное налогообложение (1898 г.). Вместо архаичного гильдейского налога был введен промысловый налог. Это стимулировало развитие промышленности и создание новых предприятий. Однако некоторые современники ставили ему в упрек то, что «он повел политику весьма узкую и одностороннюю». Его усиленное внимание к горной и обрабатывающей промышленности в сугубо аграрной стране отечественный финансист П. П. Мигулин считал в принципе обоснованным. Однако, по его мнению, оживление промышленности должно было бы идти более рациональным и осторожным способом, без грюндерских увлечений и злоупотреблений, без привлечения к делу сомнительных участников и без чрезмерного расточения казенных средств. П. П. Мигулин сделал печальный вывод о том, что С. Ю. Витте: «не оправдал и десятой доли тех надежд, которые на него возлагало общество…Замысел исполнению не соответствовал, и все грандиозные затеи оказались мыльным пузырем»[335]. Это явное преувеличение, тем более что несколько лет спустя в некрологе С. Ю. Витте тот же П. П. Мигулин воздал покойному должное за создание крупной металлургической промышленности, наравне с введением золотой валюты, казенным железнодорожным строительством и др.[336].

3. Введение с 1894 г. винной монополии, охватившей к началу XX в. 75 губерний, которая стала одной из основных доходных статей бюджета. Она давала 1 млн руб. ежедневно, а в 1913 г. составила 75 млн в год, или более 22% бюджетных доходов. Ка-

[335] Мигулин П. П. Настоящее и будущее русских финансов. Харьков, 1907. С. 17.

[336] См.: Мигулин П. П. Памяти графа С. Ю. Витте // Новый экономист. 1915. № 10. С. 5.

зенные лавки – «монопольки» – торговали спиртным в будни с 7 утра до 10 вечера. Эта мера вызвала массу критических замечаний, а наиболее непримиримые противники монополии прямо утверждали, что казна спаивает народ. Даже бывший подчиненный С. Ю. Витте по Министерству финансов П. Х. Шванебах указывал на опасность реформы, ставящей бюджет в зависимость от питейных доходов (1/4–1/3 бюджета)[337].

4. Ускорение роста казенного строительства железных дорог, ставших «точкой роста» для всей экономики. С 1893 по 1902 г. ежегодно строилось в среднем 3 тыс. км железных дорог. Для сравнения – Байкало-Амурская магистраль протяженностью в 4300 км в СССР строилась с 1974 по 1984 г. Вступая на пост министра, С. Ю. Витте принял 29157 верст железных дорог, а ушел, оставив 54217 верст. При этом государственная собственность в этой сфере увеличилась до 35,5 тыс. верст железных дорог. Это позволило осваивать новые рынки и создавать новые промышленные центры. Заказы на рельсы, шпалы, паровозы стимулировали практически всю экономику.

5. Денежная реформа, в результате которой к 1897 г. рубль стал твердой валютой со стабильным золотым содержанием[338]. Еще в 1895 г. был установлен фиксированный курс кредитного и золотого рубля, а банкам был разрешен прием золотой монеты на текущий счет. В результате увеличения добычи золота, собираемости налогов и внешних займов золотая наличность в стране почти сравнялась с суммой обращающихся кредитных билетов. Это позволило принять закон 1897 г. «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет». При этом часть помещиков – экспортеров зерна – вполне устраивал низкий курс рубля, и С. Ю. Витте пришлось преодолеть их изрядное сопротивление. Значительный золотой запас и положительный торговый баланс смогли обеспечить стабильность рубля вплоть до 1914 г. В ученом мире про-

[337] См. Шванебах П. Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 85.

[338] См.: Гурьев А. Реформа денежного обращения в России. Ч. 2. СПб., 1896; Власенко В. Е. Денежная реформа в России 1895–1898. Киев, 1949; Лоевецкий Д. А. Денежная реформа Витте // Финансовая газета. 1924. 8 и 9 февраля; Материалы по денежной реформе 1895–1897 г. Вып. 1. Пг.; М., 1922; Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901 и др.

тивников денежной реформы было не много, но они были (например, профессор Петербургского университета Л. В. Ходский считал, что свободно обменивающееся золото быстро уйдет из оборота и будет вывезено из России).

6. Увеличение объема иностранных капиталовложений в российскую экономику за 1890-е гг. с 200 до 900 млн руб. В 1893 г. 1/3 вложений в промышленность пришлась на иностранные капиталы, благодаря дешевой рабочей силе, обширным природным ресурсам, стабильной политической ситуации, надежной российской валюте и правительственным гарантиям. За годы министерства С. Ю. Витте внешний долг вырос на 1 млрд руб., только по процентам ежегодно приходилось платить до 150 млн руб. Но вложенные деньги и помогли заработать экономике. При этом в относительном исчислении платежи по внешним займам даже сократились, а приток иностранной валюты помог сформировать более или менее упорядоченный бюджет.

Надо отметить, что социальная составляющая в проводимых преобразованиях традиционно была невелика. Заработная плата рабочих в России была более чем в 2 раза ниже, чем в Англии, и в 4 раза ниже, чем в США. Женщины получали в среднем в 2 раза меньше мужчин, существовала жесткая система штрафов. Стадия первоначального накопления капитала, через которую развитые страны прошли за полвека до этого, вела к росту имущественного неравенства и относительному обнищанию значительной части населения. Социальное законодательство, принятое в 1882 и 1886 гг., только заложило основу действия фабричных инспекций, ограничения эксплуатации женского и детского труда, системы социального страхования. С увольнением Н. Х. Бунге с поста министра финансов преобразования в данной сфере практически прекратились. Только в 1897 г. рабочий день был ограничен 11,5 часами, что зачастую игнорировалось работодателями[339].

С. Ю. Витте показал себя поборником ускоренной индустриализации. Деревне в его финансово-экономических преобразованиях отводилась в основном роль поставщика сырья и оборотных средств. В целом «деревенская» политика строилась на

[339] См. подробнее: Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права. Т. 1. М., 2009. С. 91–105.

консервативных началах, а в 1893 г. изданы законы, укрепляющие общинное земледелие и соответствующее обложение. В 17 губерниях продолжали практиковать отработочную систему, когда крестьяне трудились на арендованной ими помещичьей земле со своим инвентарем. Это очень напоминало барщину. К такому ведению хозяйства их толкало безземелие, так как в среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 7 десятин земли, а на помещичье – 2000 десятин.

Созданное в 1902 г. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности разработало почти все положения будущей столыпинской аграрной реформы. Совещание образовало 600 местных комитетов, привлекло более 12 тыс. участников, издавало многотомное собрание трудов. Однако правительство под давлением Министерства внутренних дел и придворных кругов не пошло на отмену сословной обособленности крестьянства, неприкосновенности общины и неотчуждаемости наделов. Свое мнение по данному вопросу С. Ю. Витте изложил в «Записке по крестьянскому делу» (1904 г., переизд. 1905 г.). Само совещание продолжало бесплодную работу вплоть до своего роспуска в 1905 г. Единственными позитивными мерами стали отмена круговой поруки в общине (1903 г.) и некоторое облегчение паспортного режима для крестьян. Впрочем, программа аграрных реформ, начатых с 1906 г. под названием «столыпинских», как уже указывалось, была разработана во многом названным Особым совещанием. Самолюбивый С. Ю. Витте впоследствии утверждал, что П. А. Столыпин «украл» у него эти реформы, что было все-таки некоторым преувеличением. Отметим, что в разработке финансовых проблем аграрного сектора активное участие принял чиновник Министерства финансов Н. К. Бржеский, о котором будет сказано далее. Однако радикальные критики считали финансовую политику бывшего министра едва ли не главной причиной обнищания крестьян[340].

Кстати, известный нам Ю. Г. Жуковский, который, как мы писали выше, оставил пост главы Госбанка в связи с несогласием с политикой Витте, дал нелицеприятную оценку результатов дея-

[340] См.: Ключарев С. В. Крестьянская нищета и финансово-экономическая система Витте. Киев, 1906.

тельности Витте. Он отмечал, что последний пришел в министерство «с широчайшими планами, которые ему казались тем легче исполнимыми, что он не обладал ни подготовкой, ни познаниями своих предшественников, а следовательно, и их сомнениями. Новое министерство должно было сделать Россию промышленной… Нужно было насаждать фабрики, заводы и строить железные дороги. Для этого нужны были средства, и Госбанк ″наводнил″ страну ″бумажками″… были увеличены налоги, вырос государственный долг». Но, к сожалению, констатирует Ю. Г. Жуковский, это министерство во главе с Витте никакой серьезной промышленности не создало. «Строя вагоны, железные дороги и целые города на Востоке, Россия продолжала выписывать серпы и косы из-за границы. Немцы, захватив ранее хлебную торговлю, захватывали в свои руки графит, платину, лучшие прииски на Сахалине, в довершение всего, с окончанием Сибирской дороги, завладели нашей торговлей со Средней Азией»[341].

В результате политических противоречий в верхах в августе 1903 г. С. Ю. Витте оказался в отставке, затем назначен на второстепенный в то время пост председателя Комитета министров. Его отношения с Николаем II явно не сложились, а поддержка царя для проведения реформ в самодержавной стране была необходима. Однако бурные события революции 1905–1907 гг. снова вывели кипучую натуру государственного деятеля на первый план. Сергей Юльевич руководил подготовкой знаменитого Манифеста 17 октября (Октябрьского манифеста) 1905 г. об ограничении самодержавия. В 1905–1906 гг. он был первым председателем реформированного Совета министров, ставшего первым российским правительством как высшим исполнительным органом. Уже на этом посту он добился снижения наполовину выкупных платежей в 1906 г. и их полной отмены в 1907 г. Его карьеру увенчали графский титул за успешные переговоры и заключение Портсмутского мирного договора с Японией в 1905 г. и чин действительного тайного советника (1899 г.). Последние годы жизни он провел в отставке. Возможно, самый светлый чиновничий ум империи последней четверти века оказался ею так в полной мере и не востребованным. Кроме работы в Государственном совете

[341] Жуковский Ю. Г. Деньги и банки. СПб., 1906. С. 170–171.

С. Ю. Витте возглавлял Финансовый комитет, однако это была деятельность уже не того масштаба. Он опубликовал ряд работ, в том числе и конспект лекций о государственном хозяйстве, читанных великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг.[342]. Этот конспект лекций представлял собой классический учебник, который включал все темы финансового права, причем по каждой теме был дан сравнительно-правовой анализ финансового законодательства европейских стран. Чтобы иметь общее представление о данной работе, перечислим лишь названия тем лекций: наука о государственном хозяйстве; организация государственного контроля и устройство финансовых касс; бюджет и бюджетный баланс; налоги: прямые, косвенные, пошлины; регалии; государственные имущества; государственный кредит; государственный долг; местные финансы.

По поводу авторства этого труда уже у современников возникли некоторые сомнения, и выводом стало то, что ему «помогали А. Н. Гурьев, Н. К. Бржеский и И. И. Иванюков»[343]. А. Н. Гурьев, бывший спичрайтером и помощником С. Ю. Витте, вообще имел негласное прозвище «перо министра», о чем еще будет сказано.

Программа проводимых финансовых реформ была компромиссом между западноевропейскими и национальными идеями. Не случайно С. Ю. Витте многое взял у немецкого экономиста Ф. Листа, чью теорию «национальной экономии» всегда разделял. Взгляды Ф. Листа на роль национального хозяйства и его государственное регулирование, которым российский министр посвятил специальное исследование[344], составили основу его программы. Политику импонировало то, что Ф. Лист не придерживался космополитической классической политэкономии, а выводил на первый план национальные особенности страны, что немецкий ученый связывал национальный прогресс с пере-

---

[342]См.: По поводу непреложности законов государственной жизни и «самодержавие и земство»: Записка б. министра финансов, статс-секретаря гр. С. Ю. Витте. СПб., 1908; Витте С. Ю. Конспект лекций о государственном хозяйстве. 3- е изд. СПб., 1914.

[343] См.: Лутохин Д. А. Указ соч. С. 36 (прим.).

[344] См.: Витте С. Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист. Киев, 1889 (переизд. в 1912 г. под названием «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист»).

ходом от аграрной к индустриальной стадии экономической эволюции. Поскольку каждая страна находится на своем уровне развития, то и для развития собственной промышленности отставшим странам необходимы меры искусственного ограничения проникновения чужеземных товаров на внутренний рынок, т. е. разумный протекционизм. В связи с этим национально-территориальное единство и таможенная система являются важнейшими условиями экономического подъема и развития производительных сил. С. Ю. Витте предполагал неизбежный акцент на развитие промышленности, что будет связано с перетеканием в промышленный сектор материальных ресурсов из сельского хозяйства посредством финансового инструментария (прямые бюджетные вливания, корректировка налогообложения, рост косвенных налогов и др.). При этом российский ученый подчеркивал, что таможенные пошлины не представляют непосредственного вмешательства в экономическую частную деятельность, однако охраняют и обеспечивают такую деятельность. По своим научным воззрениям Сергей Юльевич отнесен некоторыми исследователями к исторической школе[345].

Мемуары С. Ю. Витте, которые мы неоднократно использовали и еще будем использовать, представляют большой интерес, написаны ярко и образно. Однако они очень пристрастны, порой язвительны и всегда очень субъективны. Относительно хорошо характеризуется только Александр III[346]. Еще в первые годы петербургской карьеры С. Ю. Витте внимательные наблюдатели отметили, что он умный, но холодный и бездушный человек, у которого страшное самолюбие и которому хочется показать, что и раньше его слово было весомо[347]. Текст мемуаров эти замечания всецело подтверждает.

Одним из наиболее деятельных сотрудников С. Ю. Витте в реформировании финансовой системы России был выдающийся

---

[345] См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 226.

[346] См.: Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. Отметим, что наиболее полно его воспоминания были изданы в 3-х томах в 1960 г.

[347] См.: Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 117.

русский химик, педагог и экономист **Дмитрий Иванович Менделеев** (1834–1907). Он окончил физико-математический факультет Главного педагогического института в Петербурге с золотой медалью в 1855 г. Наиболее продолжительный период его педагогической и научной деятельности был связан с Петербургским университетом, в который он был приглашен на должность приват-доцента в 1857 г., с 1865 г. занимал должность профессора. Являлся членом-корреспондентом Петербургской академии наук (с 1876 г.), действительным членом Петербургской академии художеств (1894 г.), действительным статским советником. В 1859–1861 гг. находился в научной командировке в Германии, преимущественно в Гейдельберге. В дальнейшем неоднократно выезжал с научными целями за рубеж.

Дмитрий Иванович вел преподавательскую деятельность, помимо столичного университета, во 2-м Кадетском корпусе, Николаевском инженерном училище, в Институте корпуса инженеров путей сообщения. Будучи сторонником равноправия женщин в области образования, он стал лектором на вновь открытых Высших женских курсах. Дмитрий Иванович был замечательный педагог, которого ученики не только уважали, но и любили. Косвенно это повлияло на уход ученого из университета, когда в 1890 г., во время студенческих волнений, учащиеся передали через любимого профессора петицию правительству с требованием реформы образования. Дмитрий Иванович пытался передать петицию Министру народного просвещения И. Д. Делянову, однако уважаемому профессору указали на недопустимость таких действий. Так была завершена более чем сорокалетняя педагогическая деятельность Д. И. Менделеева. В дальнейшем, с 1892 г., он служил в Депо гирь и весов, преобразованном по его инициативе в Главную палату мер и весов. На новом поприще ученый модернизировал основные метрические устройства, создал точную теорию весов, предложил наиболее оптимальные приемы взвешивания.

Он известен прежде всего как автор периодической таблицы («Опыт системы элементов, основанной на их атомном весе и химическом сходстве»), которая зачастую именуется таблицей Менделеева. Это был ученый-энциклопедист, оставивший свой след в различных сферах науки. В нашей стране его знают и в связи с его докторской диссертацией, защищенной в 1865 г. на

тему «О соединении спирта с водой», которая, как считают некоторые, положила начало 40-градусному стандарту водки. Разработанные им приемы агротехники позволили существенно увеличивать урожайность земель. Его сотрудничество с Военным министерством привело к ряду открытий в сфере упругости газов, а затем и к изобретению бездымного пороха, что повлекло за собой коренные изменения в конструктивных возможностях артиллерийских орудий. Кроме того, ученого можно считать одним из пионеров воздухоплавания в России, вокруг которого группировались новаторы и изобретатели в данной сфере, такие как А. Ф. Можайский, С. К. Джевецкий и др. Он сам неоднократно поднимался в воздух на воздушных шарах, спроектировал аэростат с двигателем. Но и это еще не все. Совместно с адмиралом С. О. Макаровым Дмитрий Иванович участвовал в проектировании первых отечественных ледоколов, при его непосредственном участии были выработаны технические условия для первого в мире ледокола «Ермак».

Несколько меньше Дмитрий Иванович известен как видный экономист и финансист, хотя и эта сфера его деятельности затронута в ряде исследований[348]. Он активно занимался проблемами развития нефтяной, угольной и металлургической промышленности, предложил принцип непрерывной дробной перегонки нефти, высказывал идеи о создании нефтеналивного флота и системы нефтепроводов. Дмитрий Иванович лично участвовал в разработке технологий для первого в России завода по производству машинных масел, который был построен в поселке Константиново Ярославской губернии. Это он считал первым шагом к созданию нефтеперерабатывающих заводов на Волге, дабы «осветить и смазать всю Россию». В 1876 г. по поручению правительства он посетил американский штат Пенсильвания, где знакомился с добычей и переработкой нефти, опубликовал результаты сравни-

[348] См.: Гиндин И. Ф. Д. И. Менделеев и развитие промышленности в России // Вопросы истории. 1976. № 9; Гурвич Г. Ц. Экономические взгляды Д. И. Менделеева. Минск, 1951; Дмитрий Менделеев // Наша история. 100 великих имен. 2010. № 3; Иониди П. П. Мировоззрение Д. И. Менделеева. М., 1959; Пархоменко В. Е. Д. И. Менделеев и русское нефтяное дело. М., 1957 и др.

тельного анализа состояния нефтяной промышленности[349]. Но его интересовали не только технологические проблемы переработки нефти, но и финансовые[350]. По поручению министра финансов М. Х. Рейтерна он также собрал сведения об отмене в США акцизного обложения нефти. Результатом этой командировки также стали «Записки» об акцизе на нефть, представленные министру финансов Н. Х. Бунге[351]. В них он доказывал неуместность акциза на нефть в предстоящую эпоху развития отечественной нефтяной промышленности. Д. И. Менделеев писал, что «интересы страны заставляют, облагая нефть акцизом, при выходе ее за границу – слагать налог», и здесь необходимо мерило для установки правильного возврата акциза. Весьма актуально звучит и утверждение автора о том, что «находчивость экспортеров принуждает правительство возвращать более, чем следует, а через то страдают интересы не только фиска, но и общей справедливости»[352]. Более того, как предсказывал ученый, в Америке уже давно, а у нас в ближайшем будущем вывоз нефтепродуктов должен превосходить внутреннее их потребление.

Он выступал против обложения акцизом готовых товаров нефтепереработки и предлагал оставить один вид акцизного обложения, допускающий как возможность фиска, так и некоторую свободу промысла, – это обложение сырой нефти на местах и по количеству добычи без возврата налога при вывозе, хотя и с отсрочкой уплаты под залог. Если правительство, по мнению ученого, встанет на страже интересов развития отечественной нефтяной промышленности, то оно должно отказаться пока от всякой мысли о налоге как средстве фиска. В противном случае, при фискальном значительном размере налога на нефть, «или американцы победят, т. е. не пустят нашу нефть на рынки Западной Европы, или правительству придется возвращать более получаемо-

[349] См.: Менделеев Д. И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвании и на Кавказе. СПб., 1877.

[350] См.: Менделеев Д. Токовый тариф или исследование о развитии промышленности в России в связи с ее общим таможенным тарифом. СПб, 1891.

[351] См.: Менделеев Д. И. Сочинения. Т. Х. Нефть. М.; Л., 1949. С. 719–723.

[352] Там же. С. 719.

го»[353]. Восполнить доходную часть бюджета, как писал автор, можно за счет установления налога на электрическое, газовое и стеариновое освещение, а также за счет налога на фосфорные спички.

Дмитрий Иванович, как и большинство неординарных личностей, был натурой сложной и противоречивой, но при этом чрезвычайно цельной. Он был человеком увлекающимся как в личной жизни (дважды женат, причем с первой женой развелся, что было в то время редкостью), так и в науке, что видно по разбросу его научных интересов. Отношения с коллегами по научному цеху у Дмитрия Ивановича также были далеко не безоблачными: он не с первого раза стал членом-корреспондентом Петербургской академии наук, а в действительные члены его так и не избрали. По политическим взглядам он всегда был патриотичным и умеренным государственником, сторонником постепенных реформ. При этом он резко отрицательно относился к революционному переустройству общества, тем более насильственным путем. Его русский патриотизм был деятельным и не крикливым, но на склоне лет он вступил в «Союз русского народа», который имел репутацию организации черносотенного толка.

В 1889–1892 гг. он состоял членом Совета торговли и мануфактур и был привлечен министром финансов И. А. Вышнеградским во все совещания и комиссии по пересмотру таможенного тарифа. По инициативе С. Ю. Витте в 1893 г. ученый был назначен управляющим Палаты мер и весов, которая находилась в ведении Министерства финансов. Отметим, что Д. И. Менделеев был сторонником протекционистской политики в отношении отечественной промышленности, крупным специалистом в области таможенного тарифа, автором фундаментального исследования по данной проблематике[354]. В этой работе он обобщил значительный статистический и экономический материал, накопленный в течение двух лет, о производстве, потреблении, торговле важнейшими видами сельскохозяйственной продукции и про-

[353] Менделеев Д. И. Сочинения. Т. X. Нефть. С. 723.

[354] См.: Менделеев Д. И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности в связи с общим таможенным тарифом 1891 года. Ч. 1–2. СПб., 1892.

мышленными товарами. Ученого можно считать полноправным соавтором таможенного тарифа 1891 г. По просьбе С. Ю. Витте он написал три письма Николаю II в поддержку принципа протекционизма. Первое из них в 1897 г. было посвящено таможенному тарифу, второе в 1898 г. – беспрепятственному импорту капиталов в Россию, третье в 1898 г. было написано в защиту пропротекционистской системы. Однако в начале XX в. Дмитрий Иванович разочаровался в проводимой правительством политике протекционизма, критиковал ее за неэффективность, за предоставление выгод только отдельным лицам. Можно утверждать, что Д. И. Менделеев был своеобразным советником министра финансов С. Ю. Витте по проблемам таможенной политики и финансов. В свою очередь, Сергей Юльевич очень ценил Дмитрия Ивановича и отзывался о нем сугубо положительно[355]. Экономические и финансовые изыскания ученого венчало его исследование «К познанию России», вышедшее в 1906 г. и выдержавшее к 1912 г. еще шесть изданий. Среди других экономических трудов ученого оно было переиздано в 1960 г.[356] По своим научным воззрениям он может быть отнесен к исторической школе финансистов.

В числе выдвиженцев С. Ю. Витте был и один из наиболее компетентных специалистов в сфере денежного обращения и бюджетного законодательства – **Михаил Павлович Кашкаров** (1857–1906)[357]. К сожалению, о нем нам известно относительно немного, хотя, судя по фамилии, он принадлежал к достаточно старому дворянскому роду с татарскими корнями. Он долгие годы служил в Министерстве финансов, где был чиновником для особых поручений и членом Ученого комитета этого министерства, получил чин действительного статского советника. В начале XX в. М. П. Кашкаров был гласным Петербургского губернского дворянского собрания, где занимал правые позиции.

---

[355] См.: Витте С. Ю. Указ. соч. С. 96–97, 237 и др.

[356] См.: Менделеев Д. И. Избранные экономические произведения. М., 1960.

[357] См.: Кашкаров М. П. Главнейшие результаты государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885–1894). СПб., 1895; Его же. Денежное обращение в России. Т. 1–2. СПб., 1898; Его же. Финансовые итоги последнего десятилетия (1892–1901). Т. 1–2. СПб., 1903 и др.

Его перу принадлежат довольно объемные историко-статистические исследования по финансовому праву. М. П. Кашкаров также провел обзор бюджетного законодательства России за 1862–1890 гг., рассмотрел российский государственный бюджет[358]. В этот обзор включены материалы по истории преобразования государственной отчетности и всех позднейших законов, изменивших сметные правила 22 мая 1862 г. Материалы были взяты, главным образом, из дел Государственного совета и министерств.

Он провел исторический обзор законодательных работ по общему устройству земских повинностей, который завершился принятием Правил о земских повинностях (1851 г.). Автором дан развернутый анализ позиций Комитета для разработки вопроса об уравнении земских повинностей, министров финансов, внутренних дел, государственных имуществ, порядок обсуждения законопроекта в Государственном совете[359].

Предметом исследования М. П. Кашкарова также стали и вопросы денежного обращения в России. В двухтомном труде «Денежное обращение в России» (СПб., 1898) он представил законодательный и статистический материал, в том числе обзор законодательных мер по упорядочению денежного обращения. В первом томе рассмотрены история и статистика денежных знаков (ассигнаций, кредитных билетов, звонкой монеты). Во втором томе – вопросы, относящиеся непосредственно к операциям Госбанка, оборотам сберегательных касс, внешней торговли.

Нельзя не упомянуть еще одно статистическое исследование автора – «Главнейшие результаты государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885–1894)»[360]. В этой работе представлены основные результаты государственного денежного хозяйства, т. е. движение государственных доходов и расходов, государственных долгов и недоимок Государственному

---

[358] Кашкаров М. П. Обзор бюджетного законодательства России за 1862–1890 годы. СПб., 1891; Его же. О рассмотрении нашего государственного бюджета. СПб., 1901.

[359] Кашкаров М. П. Исторический обзор законодательных работ по общему устройству земских повинностей. СПб., 1894.

[360] См.: Кашкаров М. П. Главнейшие результаты государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885–1894).

казначейству. Автор поставил целью указать на важнейшие причины, которыми эти финансовые результаты обусловлены: причины недобора или перебора по доходным росписям (подати, выкупные платежи, доходы питейный, таможен и др.); причины, обусловившие возрастание государственных долгов и т. д. Источниками таблиц, составленных автором, послужили отчеты Государственного контроля по исполнению росписей, материалы из дел Госсовета, Минфина и др. Эти публикации представляли собой научные исследования, сопровождаемые статистическими обобщениями. В работе «Финансовые итоги последнего десятилетия (1892–1901 гг.)»[361] автором, как писал П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки», тщательно обработан и систематизирован весь важнейший статистический и законодательный материал финансов России. Поэтому «труд М. П. Кашкарова представляет собой прекрасный и незаменимый сборник для справок по финансовой истории России в конце 19 столетия. Все статьи приходно-расходного бюджета России проанализированы до мельчайших подробностей и с большим знанием дела»[362].

Однако далеко не всегда кадровая политика С. Ю. Витте может быть признана успешной. Так, с кандидатурой **Афиногена Яковлевича Антоновича** (1848 – после 1917) вышел откровенный промах. После окончания Киевской духовной семинарии он избрал светскую карьеру и окончил в 1873 г. юридический факультет Киевского университета со степенью кандидата юридических наук. Преподавательскую деятельность молодой ученый начал приват-доцентом в Институте сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии, защитил в 1877 г. магистерскую диссертацию по политэкономии «Теория ценности. Критико-экономическое исследование». В ней автор разбирает важнейшие теории ценности, причем их критический анализ служит ему материалом для построения собственной теории. А. Антонович писал, что экономическая жизнь слагается из трех органически связанных частей: производство, распределение и потребление. Разнообразие теорий ценности имеет место, как отмечал автор,

[361] Кашкаров М. Финансовые итоги последнего десятилетия (1892–1901 гг.). Статистическое исследование.

[362] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 27.

вследствие того, что экономисты рассматривали ценность с точки зрения или производства (Рикардо, Маркс), или распределения (Мальтус, Маклеод), или потребления (Шторх). Краеугольным камнем теории ценности Антоновича является «производственная ценность» как овеществленное общественно необходимое время действия производительных сил природы, труда и капитала. Рецензент Д. И. Пихно отмечал, что основание своего учения Антонович заимствовал у Риккардо и Маркса. Рецензент счел теорию ценностей, предложенную Антоновичем, неправильной. Однако подчеркнул, что критический элемент (критика разных теорий ценностей) «в большинстве случаев остроумна и ведется мастерски…вообще критический элемент – лучшая сторона работы Антоновича»[363]. Общим выводом рецензента стало заключение о возможности допуска рассматриваемого труда к защите в качестве магистерской диссертации.

В 1879 г. А. Я. Антонович издал свои лекции под названием «Основания политической экономии». В 1882 г. он переходит приват-доцентом на кафедру полицейского права Киевского университета, публикует ряд работ по данной проблематике[364]. Его докторская диссертация по политэкономии «Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты» была защищена в 1883 г. и опубликована в виде книги. Среди ее читателей оказался и С. Ю. Витте, который привлек киевского ординарного профессора (с 1883 г.) к реформе Госбанка, проводимой с 1892 г. Первое впечатление оказалось хорошим, и в 1893 г. А. Я. Антонович, как крупный знаток денежного обращения, назначается товарищем (заместителем) министра финансов, коим являлся С. Ю. Витте. В своих мемуарах Сергей Юльевич честно признался в своей кадровой ошибке. Его прельщала приверженность киевского ученого металлическому обращению, обширность знаний, однако министр, как он сам признавал, не принял в расчет неустойчивого, грубого и некультурного харак-

[363] Пихно Д. Разбор соч. А. Антоновича «Теория ценности. Критико-экономическое исследование». Киев, б. г. С. 14.

[364] См.: Антонович А. Я. Конспект лекций по полицейскому праву. Житомир, 1887; Его же. Курс государственного благоустройства (полицейского права). Ч. 1–2. Киев, 1889–1890 и др.

тера своего заместителя. Этим А. Я. Антонович восстановил против себя как подчиненных, так и руководителей правительства. Оказалось, что он гораздо больше думает о своей личной пользе, нежели о денежной реформе. Встретившись с мощной оппозицией преобразованиям, виттевский выдвиженец сам стал высказываться против этой реформы. Сергей Юльевич так писал о своем товарище: «…человек он был, в сущности говоря, добрый, недурного сердца, но обращался с подчиненными так, что не мог внушить к себе (с их стороны) никакого уважения. Вообще он был типичный хохол-провинциал и к тому же с большой хитрецой. Все это вынудило меня с ним расстаться». Далее он отмечал: «Антонович был недурным человеком, порядочный русский профессор, но замечательно хитрый хохол; очень маленький по своему характеру и мировоззрению. В деталях, конечно, он меня сбивал». Эти «сбивания» касались содержания Устава Госбанка (в том числе закрепления его права на совершение долгосрочных и недостаточно обеспеченных операций), инфляционного решения финансовых проблем и др. Ради справедливости стоит отметить, что и С. Ю. Витте не имел твердой точки зрения на ряд составляющих финансовой реформы, а некоторые взгляды впоследствии скорректировал. А. Я. Антонович оказался для него настоящим «козлом отпущения», на которого он попытался списать все свои ошибки и заблуждения[365].

После увольнения в 1895 г. из Министерства финансов Афиноген Яковлевич был назначен членом Совета министра народного просвещения и больше не играл важной роли ни в научной, ни в политической жизни страны. А. Я. Антонович был человеком умеренно консервативных взглядов, уходил от рассмотрения проблем финансов в широком социальном контексте и концентрировался почти исключительно на техническом аспекте денежного обращения.

Мы уже говорили, что некоторые из государственных деятелей либо начинали с педагогической стези, либо совмещали государственную деятельность с преподаванием. Но наиболее рельефно связь чиновничьей и академической карьеры прослеживается в судьбе **Николая Корниловича Бржеского** (1860–1910).

[365] См.: Витте С. Ю. Указ. соч. С. 113–114 (прим.), 355–356.

Это был выходец из белорусских дворян, вероятно с польскими корнями. Еще студентом юридического факультета Петербургского университета он подготовил сочинение «Государственные долги России. Историко-статистическое исследование», которое было удостоено премии Топчибашиева и напечатано в 1884 г. за счет университета. Н. К. Бржеский посвятил этот труд профессору Санкт-Петербургского университета В. А. Лебедеву. В сокращенном варианте оно было переведено на немецкий и французский языки. В данной работе впервые были собраны воедино и обобщены сведения о возникновении, развитии, составе и формах государственного долга России. Автор писал, что история государственного долга России – это история его нарастания. Начавшись ничтожной суммой 2 млн гульденов, занятых Екатериной II на расходы первой турецкой войны, он за сто с лишним лет вырос до 5 и 1/3 млрд руб. Легкость, с которой Россия получала за границей и у себя дома займы, как считал автор, объясняется в большей мере доверием к ее будущности, широкому развитию со временем ее экономической жизни, для чего имеются все данные благодаря громадным естественным богатствам. Однако в последнее время, отмечает Н. К. Бржеский, наблюдается упадок нашего кредита. И причину надо искать не столько в величине долга, сколько в нестройности финансового хозяйства, постоянных дефицитах, а главное, тревожной внутренней жизни России. Он приветствовал появление Указа от 1 января 1881 г. по упорядочению денежной единицы, сокращению количества кредитных билетов. Но при этом отмечал недостаточность этих мер, полагая, что для поднятия государственного кредита важное значение имеет гласность и ясность в кредитных операциях государства, усовершенствование системы наших налогов в виде более равномерного распределения податной тягости между всеми классами общества[366]. П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» писал, что это исследование заслуживает внимания, имеет существенное значение ввиду отсутствия на тот момент специальных монографий по русскому государственному долгу. Однако суровый критик отмечал неравномерность в расположении материала:

[366] См.: Бржеский Н. К. Государственные долги России. СПб., 1884. С. 262–265.

если займы московских государей в связи с общим финансовым строем той эпохи и консолидированным займам XVIII в. охарактеризованы довольно полно, то история нарастания государственного долга в XIX веке – менее удачно и не так полно[367].

Публикация такой работы была прекрасным началом академической карьеры, и после окончания университета в 1883 г. Н. К. Бржеский был оставлен на кафедре финансового права для подготовки к профессорскому званию. Три года молодой ученый провел за границей, собирая материал для магистерской диссертации на тему «Податная реформа. Французская теория XVIII столетия». Она была представлена и защищена в Петербургском университете в 1888 г. (опубликована в виде книги в том же году). Как заявил автор, значение этой работы состоит не в ее практической значимости или осуществимости, а в тех идеях, которые продолжают сохранять свое значение и для истории, и для науки. Такого рода исследования полезны, потому что позволяют проследить постепенное развитие и решение вопроса о принципах правильного податного обложения[368]. В этом исследовании автор разъяснил, как и почему появились проекты и теории податной реформы во Франции, под влиянием каких условий и в каких обстоятельствах они развивались, каким целям они служили, во имя каких идей они были предложены и в каком отношении они находились к социально-политическим условиям жизни народа в данную эпоху. Ученый рассмотрел происхождение французских податных теорий XVIII в. с точки зрения политических, экономических и социальных условий старого порядка. П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» отмечал, что Бржеский дал детальный обзор финансовой системы старого порядка, удачна характеристика «гуманитарных проектов» податной реформы (Вобан, Форбонне и др.), а также теории физиократов (Кене, Тюрго и др.); значительно слабее разработаны «философские» податные теории (Монтескье, Мирабо, Руссо), и особенно податная теория в «социальных системах» (Лавиконтери, Кондорсе и др.). Благодаря хорошему изложению, продолжа-

[367] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 79.

[368] См.: Бржеский Н. К. Податная реформа. Французские теории XVIII столетия. СПб., 1888. С. III.

ет П. П. Гензель, книга Бржеского заслуживает внимания, хотя многие выводы вызывают возражения, к тому же объяснение происхождения различных теорий часто представляется искусственным и недостаточно глубоким[369].

Н. К. Бржеский был избран на должность хранителя статистического кабинета юридического факультета Петербургского университета, ведет практические занятия по статистике внешней торговли, публикует труды по финансовому праву[370]. Вероятно, такая ситуация не устраивала честолюбивого и талантливого юношу. В 1889 г. он резко меняет наметившуюся траекторию движения от приват-доцента к ординарному университетскому профессору и переходит на службу в Министерство финансов. Там он состоит сначала при Департаменте окладных сборов, с 1891 г. исполняет должность делопроизводителя Государственной канцелярии. В качестве приват-доцента (по совместительству) с 1890 по 1892 г. он читал курс финансового права в родном университете. Насколько нам известно, после этого он преподавательской деятельностью уже не занимался. Затем его служебная карьера пошла в рост: вице-директор Департамента окладных сборов, член тарифного комитета Министерства финансов, а с 1902 г. – управляющий делами Финляндской Его Императорского Величества канцелярии[371].

Согласно известному высказыванию выдающегося педагога и юриста К. Д. Ушинского, «производство в генералы погубило у нас не одного хорошего профессора». Пример Н. К. Бржевского говорит об обратном, т. к. свои основные работы, включая докторскую диссертацию, он подготовил, будучи высокопоставленным чиновником. К тому же ученый активно публиковал статьи

---

[369] См.: Гензель П. П.Указ соч. С. 15–16.

[370] См.: Бржеский Н. К. Современные бюджеты и состояние государственного долга. СПб., 1884; Его же. Финансовое положение главнейших государств Западной Европы. СПб., 1885 и др.

[371] См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть его существования. 1869–1894. Т. 1. СПб., 1896. С. 91–92; Воронова Н. С. Николай Корнилович Бржеский // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 121–129; Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. VI–VIII.

по финансовому праву в периодических изданиях, а с 1887 по 1893 г. вел иностранное финансовое обозрение в «Вестнике финансов, промышленности и торговли». В 1897 г. в Казанском университете он защитил докторскую диссертацию по финансовому праву на тему «Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Историко-критический обзор действующего законодательства в связи с практикой крестьянского податного дела» (опубликована в том же году в виде монографии). Монографию он посвятил С. Ю. Витте; материалы для данного исследования собирал во время поездки, совершенной по поручению министра С. Ю. Витте, в недоимочные губернии для ознакомления с деятельностью податных инспекторов по наблюдению за поступлением в казну окладных сборов с крестьян. Целью исследования являлось определение вопроса, в какой мере развитие и современное положение недоимочности сельских обществ обусловливается именно несовершенством узаконений о взимании с крестьян окладных сборов и взысканий недоимок. Вначале автор выясняет исторические условия возникновения и введения в наше податное законодательство начал круговой поруки крестьян за недоимки, начиная с XVI в. В результате исследования он приходит к выводу, что общей причиной роста податной задолженности сельских обществ следует признать несовершенство законов, которые регулируют и постановку податного дела в сельских обществах, и условия, порядок взыскания недоимок, введенные положениями от 19 февраля 1861 г. Решающей действительной причиной появления и развития крестьянской податной задолженности, по мнению Н. К. Бржеского, является круговая порука, созданная положениями 19 февраля 1861 г.[372] Круговая порука в том виде, как она у нас существует, пишет автор, не соответствует требованиям правильной податной политики. Во-первых, субъект подати не обособлен, субъектом по закону является сельское общество. Преобразование крестьянской податной системы с установлением личной ответственности, по мнению ученого, представляется делом крайне необходимым. Во-вторых, объектом подати признается земля, однако во многих случаях чистого

[372] См.: Бржеский Н. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб., 1897. С. 397.

дохода с земли не получается. В-третьих, основное требование всякой благоустроенной податной системы заключается в точном определении в самом законе суммы налога, оснований раскладки, времени взимания, ответственности за несвоевременный платеж и способов обжалования. Как раз в крестьянском податном деле, по словам автора, все эти элементы являются неопределенными[373]. Таким образом, автор указывает основные направления реформы в крестьянском податном деле.

С проблемой обложения крестьян были связаны и другие его исследования[374]. Так, рассматривая натуральные повинности крестьян (подводная, по тушению лесных пожаров, дорожная повинность и др.), автор приходит к выводу, что они являются по сути налогом неравномерным и несправедливым, это подтверждается расчетами и приведенными статистическими данными. Н. К. Бржеский считал, что натуральные повинности служат удовлетворению общегосударственных и общесословных потребностей, поэтому несправедливо к их отбыванию привлекать лишь одно крестьянское сословие[375]. Аналогичная ситуация складывается и в отношении мирских сборов (на содержание сельского и волостного управления, на пожарное дело, на народное образование и др.). Автор писал, что «если крестьянство, как особое сословие, привлекается к несению таких повинностей в пользу государства, от которых освобождены все другие сословия, то создается элемент неравенства, вредно отражающийся на всем складе народной жизни»[376], и ратовал за преобразование мирских повинностей в тесной связи с пересмотром действующего законодательства о крестьянах. Обязанности крестьян должны

---

[373] Бржеский Н. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. С. 410–413.

[374] См.: Бржеский Н. К. Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян (по поводу пересмотра крестьянских положений). СПб., 1899; Его же. Крестьянские семейные разделы и Закон 18 марта 1886 г. СПб., 1900; Его же. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902; Его же. По поводу предстоящего пересмотра Устава о земских повинностях. СПб., 1902; Его же. Очерки аграрного быта крестьян. Вып. 1. СПб., 1908 и др.

[375] См.: Бржеский Н. Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. СПб., 1906. С. 91–92.

[376] Там же. С. 218.

быть подведены под общие нормы, установленные для всех других граждан, к каким бы сословиям они ни принадлежали. На смену мирским повинностям должны прийти земские – главным источником дохода земских единиц должно выступать обложение земли и недвижимых имуществ, согласованное с доходностью. А с течением времени, по прогнозу Н. К. Бржеского, по мере усовершенствования нашей податной системы расходы земств на надобности общегосударственного управления переходили бы на казну, и тогда местные средства уже полностью обращались бы на удовлетворение местных потребностей[377].

Николай Корнилович осуществлял общее редактирование юбилейного труда «Министерство финансов. 1802–1902» (в 2 ч. СПб., 1902), о котором уже говорилось, и был автором разделов, посвященных прямым налогам. Вероятно, он был одним из самых плодовитых публикаторов научных исследований среди чиновников Министерства финансов.

Еще одним из самых публикуемых исследователей в сфере финансового права был ближайший советник и спичрайтер С. Ю. Витте **Александр Николаевич Гурьев** (1864 – после 1917). Его отец, известный педагог и публицист Моисей Гурвич (?–1870), преподавал русский язык в еврейских училищах в Вильно (современный Вильнюс, Литва). Он был автором «Русской грамматики» (Вильно, 1866), которая выдержала несколько изданий. После крещения его отец принял имя Николая Петровича Гурьева, и вскоре вся семья переехала в Петербург. Александр Николаевич в 1888 г. окончил юридический факультет Петербургского университета и был оставлен на кафедре финансового права для подготовки к профессорскому званию.

По некоторым данным, он в 1891 г. защитил магистерскую диссертацию по финансовому праву[378], хотя в справочной литературе он не числится ни среди магистров финансового права, ни среди магистров политэкономии[379]. Нет и крупной публика-

---

[377] Бржеский Н. Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. С. 219.

[378] См.: Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 469 (прим.).

[379] См.: Кричевский Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Биографический указатель. Ставрополь, 1998. С. 198–199.

ции исследователя 1890 или 1891 г., которую можно было бы считать магистерской диссертацией. Возможно, речь идет о сдаче магистерского экзамена по финансовому праву. Почти одновременно с С. Ю. Витте он пришел в Министерство финансов, где был чиновником для особых поручений, членом Ученого комитета (1889–1903 гг.). В этом качестве А. Н. Гурьев участвовал в подготовке и проведении денежной реформы 1895–1897 гг. Его перу принадлежат первые статьи в периодической печати и брошюры, разъясняющие сущность Указа о чеканке золотых империала и полуимпериала (достоинством соответственно 15 руб. и 7 руб. 50 коп.)[380]. Позднее он опубликовал исторические очерки о денежном обращении в России в XIX в. и о развитии государственного долга России[381].

К 1901 г. он занимал должность члена-секретаря Ученого комитета Министерства финансов, т. е. был официальным руководителем этого комитета, стал действительным статским советником. Будучи членом Ученого комитета, он пишет немало брошюр по вопросам, которые представляли особую актуальность и значимость в деятельности Министерства финансов. Речь идет о питейной монополии, о прямых и косвенных налогах, о реформе Государственного банка, развитии кредитных учреждений[382]. Так, рассматривая вопрос о прямых и косвенных налогах, он в научно-популярной форме дает лаконичную, но емкую сравнительную характеристику прямых и косвенных налогов, выстраивая аргументы «за» и «против». В результате проведенного срав-

---

[380] См.: Гурьев А. Н. Реформа денежного обращения в России: в 2 ч. СПб., 1896; Его же. Материалы для библиографии русской экономической литературы по денежному вопросу. СПб., 1896.

[381] См.: Гурьев А. Н. Реформа денежного обращения. СПб., 1896; Его же. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб., 1903; Его же. Очерк развития государственного долга России. СПб., 1903.

[382] Гурьев А. Н. Питейная монополия. СПб., 1893; Его же. Прямые и косвенные налоги. Pro и contra. СПб., 1893; Его же. К реформе Государственного банка. СПб., 1893; Его же. К реформе Крестьянского банка. СПб., 1894; Его же. Записка о промышленных банках. СПб., 1900; Его же. Природа, население, капитал – три фактора народного производства. Популярный очерк. СПб., 1903; Его же. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904 и др.

нения этих налогов он приходит к выводу, что при существующем положении вещей нельзя идеализировать ни прямую, ни косвенную систему обложения, а нужно пользоваться и той и другой в тех пределах и для тех целей, для каких оба эти ту пригодны. По мнению автора, нужно придерживаться золотой середины. И здесь А. Н. Гурьев приводит высказывание «великого государственного деятеля»: «премьер-министр Англии Гладстон в одной из своих парламентских речей сказал: ″Спор о мых и косвенных налогах подобен спору о том, какие женщины лучше: блондинки или брюнетки. Не знаю, как прочим, но мне – нравятся и те, и другие″»[383]. А. Н. Гурьев был согласен с таким подходом к налоговой системе.

В связи с разработкой в Минфине проекта о введении казенной винной монополии А. Н. Гурьев анализирует позиции ее сторонников и противников. Сам он настаивал на необходимости введения винной монополии, отмечая ее финансовое, экономическое и общественное значение. Финансовое значение винной монополии связывалось, в частности, с ее «громадной фискальной выгодой в отношении возможности в случае надобности возвысить размер налога простым поднятием цен». Экономическое значение питейной монополии состояло, по его мнению, в благоприятном влиянии на многие области экономической жизни (развитие винокуренной отрасли, поддержка сельского хозяйства). В отношении общественной значимости питейной монополии автор писал, что она может в значительной степени ослабить гибельные последствия народного пьянства путем снабжения населения исключительно очищенным вином и уничтожения особых «коммерческих» оснований раздробленной продажи по кабакам[384]. Далее А. Н. Гурьев разобрал подробнейшим образом возражения против питейной монополии. Так, противники ее введения писали, что ни в одном западноевропейском государстве (кроме Швейцарии) она не введена, да и попытки ее введения в России в 1819 г. оказались несостоятельными, и в 1827 г. взамен была введена откупная система. На что автор отвечал, что в России, в отличие от Запада, питейная монополия есть и еще долгое время

[383] Гурьев А. Н. Прямые и косвенные налоги. Pro и contra. С. 120.
[384] Гурьев А. Н. Питейная монополия. С. 51.

будет фундаментом всего бюджета. Он писал, что «ни одно из возражений не имеет такой силы, чтобы отклонить попытку введения монополии. Ведь треть государственного бюджета – это не какая-нибудь пустошь, которую не стоит обрабатывать… Мы далеки от мысли считать питейную монополию совершенно лишенной недостатков… Но позволительно спросить: разве акцизная система не имеет своих недостатков, да еще каких? Да и вообще, какой налог идеальный?»[385]. Не случайно свою работу, посвященную обоснованию необходимости перехода от системы взимания акциза при производстве спирта и патентного сбора с заведений, торгующих вином, к системе монополизации в руках казны самого торга вином, автор начинает с высказывания известного нам Р. Пиля: «В деле финансов – нужна смелость».

Следует также отметить, что А. Н. Гурьев перевел с немецкого и выступил редактором трудов таких известных финансистов, как Р. фон Кауфман, К. Менгер, М. Грунвальд, Гертцка, Б. Фельдеш и др.[386]

В 1903 г. вместе с С. Ю. Витте он уволился из Министерства финансов, затем редактировал правительственное издание «Русское государство» (приложение к «Правительственному вестнику»), в 1906 г. был сотрудником официозной газеты «Россия», активно печатался в «Новом времени», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Слове». В 1913–1914 гг. он издал пять книг юмористических рассказов.

В публицистических кругах он имел говорящее прозвище «перо министра», советника С. Ю. Витте по «литературно-финансовым делам», поскольку, по меньшей мере, помогал послед-

---

[385] Гурьев А. Н. Питейная монополия. С. 80–81.

[386] См.: Кауфман Р. Государственные и местные расходы главнейших европейских стран по их назначениям; перевод с нем. А. Гурьева. СПб., 1895; Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политэкономии в особенности; пер. с нем. и ред. А. Гурьева. СПб., 1895; Гертцка. Вексельный курс и лаж. По вопросу о восстановлении металлического обращения; пер. с нем. и ред. А. Гурьева. СПб., 1895; Грунвальд М. Принудительный курс и восстановление валюты в Италии; перевод с нем. и ред. А. Гурьева. СПб., 1896; Фельдеш Б. Охрана металлических запасов. К вопросу о восстановлении металлического обращения; пер. с нем. и ред. А. Гурьева. СПб., 1896 и др.

нему в подготовке его работ по проблемам финансов. Александра Николаевича постоянно именовали то протеже, то клевретом министра финансов. Сотрудничали они и после ухода Сергея Юльевича из большой экономической политики, когда А. Н. Гурьев стал одним из главных сотрудников его литературного штаба. Даже известный случай раскрытия покушения черносотенцев на отставного премьера связан с именем А. Н. Гурьева. Бомба на втором этаже дома С. Ю. Витте была подброшена через дымоход в печку, а обнаружена после попытки эту печку растопить. Такая нужда в большом доме бывшего главы правительства возникла в связи с тем, что к нему пришел А. Н. Гурьев для работы над некоторыми документами, предоставленными ему из архива хозяина дома[387]. Следы А. Н. Гурьева теряются в революционном Петрограде[388], и можно только гадать о том, как сложилась его дальнейшая судьба. Его доклад о денежном обращении был опубликован уже в советский период[389].

Еще одним из сподвижников С. Ю. Витте и его преемником во главе Министерства финансов был **Иван Павлович Шипов** (1865–1919). Он окончил Александровский лицей (1884 г.), после чего прослушал курсы политэкономии и финансового права на юридическом факультете Петербургского университета. Начинал он свою карьеру в Министерстве финансов с канцелярии Департамента окладных сборов, затем служил податным инспектором, вице-директором Особой канцелярии по кредитной части, а с 1897 г. возглавил Общую канцелярию Минфина. В этом качестве он входил в ряд государственных комиссий по финансовому вопросу. По прямому назначению шефа он в 1902 г. возглавил Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и в том же году стал директором Государственного казначейства, тайным советником (1904 г.). Вместе с С. Ю. Витте он участвует в переговорах с Японией, а в его кабинете в 1905–1906 гг. возглавляет Министерство финансов.

---

[387] См. об этой истории подробнее: Витте С. Ю. Указ. соч. С. 624–630.

[388] Последняя известная нам публикация А. Н. Гурьева датируется 1915 г. (см.: О проекте выпуска новых билетов Государственного казначейства).

[389] См.: Вопросы денежного обращения. Доклады М. В. Бернацкого, А. Н. Гурьева, А. Н. Зака и др. Пг., 1918.

Коллеги вспоминали об И. П. Шипове как о человеке очень воспитанном, мягком в общении, приветливом, хотя и достаточно скрытном. В министерстве он прошел все ступени карьерного роста и стал хорошим специалистом с прекрасной чиновничьей выучкой. В. Н. Коковцов характеризовал своего предшественника на посту министра финансов как человека скромного, чрезвычайно вежливого и даже угодливого перед Думой, в связи с чем он не может служить мишенью для чьего бы то ни было неудовольствия, что особенно важно для переходного времени[390].

После отставки Иван Павлович входит в совет Госбанка, а в 1908–1909 гг. опять становится министром, только торговли и промышленности. После членства в Госсовете с 1914 по 1917 г. И. П. Шипов возглавляет правление Госбанка, сохранив эту должность и после Февральской революции. Уволен он был только в декабре 1917 г., уехал на Кавказ, где и умер.

С. Ю. Витте о своем бывшем подчиненном и преемнике отзывался своеобразно: «Это очень способный, даже талантливый чиновник; чиновник, не только умеющий много работать, но и читать соответствующие книги; чиновник чрезвычайно добросовестный, умеющий разбираться во всех материалах; он может всякое дело разобрать, не сделав никакой ошибки; но Шипов представляет из себя человека, не имеющего крупных государственных взглядов, а могу даже сказать, вообще не имеющего государственных взглядов… Как человек вообще он безусловно честный и добросовестный, но он принадлежит к числу таких лиц, которые, как говорят французы, любят есть в двух стойлах. Шипов всегда поклоняется своему начальству, умеет ему кадить фимиам, но затем, когда это начальство несколько теряет свою силу, то он умеет от него постепенно отходить»[391].

Он являлся автором большого числа статей в периодической печати по вопросам финансовой политики, в том числе на иностранных языках[392]. Известность ему принес перевод на русский

---

[390] См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. В 2 кн. Кн. 1. С. 153.

[391] Витте С. Ю. Указ. соч. С. 243–244.

[392] См.: Шипов И. П. Монетная система и денежное обращение // Россия в конце XIX в. Париж, 1900 (на фр. языке) и др.

язык сочинения А. Горна «Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов» (СПб., 1895), вышедшего по инициативе и с предисловием Н. Х. Бунге, который высоко оценил качество перевода и сопроводительного материала. Примечательно, что Бунге задумал данный перевод в качестве напоминания своим преемникам о губительности неконтролируемого выпуска необеспеченных бумажных денег. Во многом благодаря этой книге И. П. Шипов смог обратить на себя внимание руководства, в частности министра финансов С. Ю. Витте. Из его крупных работ известны «Соображения по отчету Государственного Банка за 1908 г.» (СПб., 1910). В этом отчете содержатся высказывания о территориальном распространении учреждений Госбанка, необходимости развития его филиалов, анализируются затраты Госбанка по учетно-ссудным операциям.

В заключение отметим, что в итоге масштабных преобразований конца XIX в., связанных с именем С. Ю. Витте, в России был завершен промышленный переворот, удельный вес продукции тяжелой промышленности в общем объеме промышленного производства удвоился. Все это уже могло именоваться индустриализацией. Если первый акционерный коммерческий банк был создан только в 1864 г., то к 1900 г. их было в стране 43. Удельный вес акционерного капитала в промышленности с 48% в 1885 г. вырос до 73% в 1913 г. Даже то, что мировые финансовые кризисы 1873 и 1882 гг. отражались на нашей стране, говорит о ее включенности в мировой финансовый рынок. В конце XIX в. отечественная промышленность удовлетворяла три четверти спроса внутреннего рынка. Страна вышла на 5 место в мире по объему промышленного производства[393].

В то же время по национальному доходу и производству промышленной продукции на душу населения Россия многократно уступала ведущей группе государств. По сравнению с Великобританией национальный доход на одного человека в европейской России был в 4 раза ниже, выплавка чугуна на душу населения – в 15 раз ниже. В народном хозяйстве страны имелись огромные диспропорции. Рыночные отношения еще не охватили всю территорию страны, не сложился единый хозяйственный

[393] См.: Лушников А. М., Махров Н. И. Указ. соч. С. 69–74.

комплекс. Наряду с современными заводами и фабриками существовали тысячи предприятий, находившихся на мануфактурной стадии. Аграрный сектор оставался ведущим, но капиталистические отношения в деревне развивались медленно из-за многочисленных феодальных пережитков. Правительство по-прежнему занимало двойственную позицию по отношению к капиталистическому развитию хозяйства. Перехватившая у дворян экономическое господство буржуазия так и не получила достаточного влияния на политическую власть.

Мощные экономические процессы поступательного характера не были подкреплены соответствующими политическими и социальными реформами. Архаическое самодержавие, Госсовет, состоявший из отставных чиновников, сформированный по аналогичному принципу Сенат и разобщенные и подчиненные только царю министры не могли обеспечить эффективного управления страной. Отсутствие представительного органа, гарантий гражданских прав населения, самостоятельных и сильных местных органов самоуправления не способствовало формированию гражданского общества, воспитанию ответственных подданных. Четыре Государственные думы и Совет министров, созданные после Октябрьского манифеста 1905 г., не стали высшими законодательным и исполнительным органами, а государственная система России так и осталась устаревшей.

Столь противоречивым, как и экономика, было развитие финансово-правовой мысли. С одной стороны, научная основа способствовала успеху денежной реформы 1895–1897 гг. и ряду других финансовых преобразований. С другой стороны, масштаб финансовых исследований сдерживался отсутствием подлинной свободы слова, зачаточным народным представительством и рядом идеологических запретов. Но даже в этих условиях были подготовлены исследования по финансовому праву, некоторые из них – на уровне лучших западных аналогов.

4.2. От умеренных народников до политических авантюристов

(В. Е. Варзар, Л. Б. Скаржинский, Н. Е. Гиацинтов, К. Я. Загорский, Н. Н. Покровский, В. Т. Судейкин, И. П. Манус)

Среди российских специалистов в сфере финансового права были ученые, придерживавшиеся самых разных политических взглядов. Большинство из них были достаточно умеренными консерваторами, а некоторые еще более умеренными либералами. На крайних флангах находились В. Е. Варзар, который в юности примыкал к народническому движению, а также И. П. Манус, которого можно считать политическим авантюристом без всякой идейной ориентации. Среди персонажей этого параграфа были и бывшие сотрудники С. Ю. Витте, однако они занимали свои посты в Министерстве финансов как до прихода туда С. Ю. Витте, так и после его ухода в отставку. В целом их нельзя назвать креатурой всесильного министра финансов, хотя некоторое влияние на них он, несомненно, оказывал.

Видное место среди ученых-чиновников занимает **Василий Егорович Варзар** (1851–1940). Он был одним из первых русских земских статистиков, основоположником промышленной статистики в России, экономистом. Сын подполковника русской армии, выходца из молдавских дворян, осевших в Черниговской губернии, окончил Петербургский Технологический институт в 1874 г., слушал лекции Н. Х. Бунге в Киевском университете. В 1873 г. от Технологического института В. Е. Варзар послан на Венскую всемирную выставку, посетил Париж и Швейцарию. В Цюрихе он познакомился с одним из идеологов народничества П. Л. Лавровым, примкнул к народническому движению, а по возвращении в Россию принял участие в «хождении в народ». Его перу принадлежит брошюра «Хитрая механика» о налоговой политике правительства, которая имела успех в левых кругах. Впервые она была издана в Лондоне в 1874 г., а затем неоднократно переиздавалась, причем при переизданиях переделывалась и дополнялась различными издателями, по словам автора, «приправлялась по вкусу издателей революционной солью и перцем». В. Е. Варзар писал в воспоминаниях, что в одном из позднейших

изданий он с трудом узнавал взятые из его текста страницы, добавления к тексту почти удвоили объем издания, приводились уже соображения по поводу винной монополии (1894 г.) или Японской войны (1904 г.)[394]. Издание «Хитрой механики» 1906 г. вышло под названием «О налогах» и сопровождалось революционным эпиграфом: «В борьбе обретешь ты право свое».

В рассматриваемой брошюре тогда еще студент В. Е. Варзар, по его собственным словам, без подделки под «народный язык», но и без теоретических изысков попытался изложить теорию прямых и косвенных налогов как формы эксплуатации правящего класса[395]. По форме «Хитрая механика» – это диалог и рассуждения умудренного опытом крестьянина Степана. Так, в отношении косвенных налогов (гербовый сбор, сбор за право торговли, таможенные пошлины, горная подать) Степан пояснял собеседнику, что «вся механика так подведена, что фабрикант ли, кабатчик ли, купец ли подать заплатит, а все она в конце-то концов из мужицкого кармана вынется… Эта подать тяжелее подушной подати»[396]. О выкупных платежах за землю мудрый крестьянин высказался без обиняков: «Коли посчитать, то крестьяне раза в три больше выплатили, чем земля стоит… Эта подать называется прямою, значит грабят тебя не косвенно, а прямо, без подвохов… прямой грабеж, то бишь прямой налог»[397]. В качестве выводов звучат суждения Степана о том, что «это везде и всегда было и будет, что кто богатее, тот от податей всегда будет льготен, а всю ту тяжесть на бедных возложат». А на вопрос собеседника: «Что делать?» – ответ Степана: «Надо добиться, чтобы без воли народной никто не смел писать законов, накладывать податей или налогов. Законы должны быть для всех равные…»[398].

---

[394] См.: Варзар В. Е. Воспоминания старого статистика. Ростов н/Д, 1924. С. 7.

[395] См.: Там же.

[396] Кто и как дешево добывает деньги. Рассказ бывалого человека. СПб., 1876. С. 8 (анонимное нелегальное издание брошюры Варзара «Хитрая механика». Правдивый рассказ, откуда и куда идут деньги). Цензурная пометка: указание типографии и места издания вымышлены.

[397] Кто и как дешево добывает деньги. Рассказ бывалого человека. С. 14–15.

[398] Там же. С. 22.

В 1875–1878 гг. он занимал должность статистика Черниговской земской управы и находился на других должностях, был председателем Черниговского отдела Общества взаимного кредита. Сам В. Е. Варзар писал, что с 1878 по 1892 г. «был рабочей земской лошадью, участвовал во всех собраниях, комиссиях и работах местных общественных учреждений и журналах этих учреждений… Повседневная текущая работа: земское школьное дело, земская медицина, улучшение дорог, земельная мелиорация, устройство водопровода и т. п. – все это втягивало в мелочную, но полезную деятельность»[399].

Особенно его интересовал земельный и кустарный крестьянский кредит. С проблемами кредитования были связаны и его научные изыскания[400]. После подачи на имя министра финансов Н. Х. Бунге записки о необходимости учреждения Государственного земельного банка в 1882 г. молодой ученый встретился с министром и даже получил приглашение на должность помощника управляющего только что учрежденного Крестьянского поземельного банка. Однако этому назначению воспротивилась полиция, т. к. он относился «к явно неблагонадежным лицам». После этого он продолжил трудиться гласным уездного и губернского земских собраний и Черниговской городской думы. В 1890 г. В. Е. Варзар по поручению В. И. Ковалевского, директора Департамента торговли и мануфактур, сподвижника С. Ю. Витте, разрабатывал вопрос об основаниях для правильного налогообложения промышленных заведений. Этот вопрос был первоочередным и для Министерства финансов. Старая система гильдейского сбора устарела, и для реформы промыслового налога исследователь предложил как основание патентного промыслового налога внешние признаки мощности промышленных заведений: определенные орудия производства и число рабочих. Записка В. Е. Варзара была напечатана, одобрена министром и должна была лечь в основание предстоящей податной реформы, а ее автору предоставлялись широкие полномочия по разработке зако-

[399] Варзар В. Воспоминания старого статистика. С. 9.

[400] См.: Варзар В. Е. Быть или не быть Обществу взаимного поземельного кредита. СПб., 1882; Его же. Какой кредит нам нужен. Чернигов, 1891 и др.

нопроекта. Но Департамент государственной полиции опять не согласился на назначение В. Е. Варзара по причине его политической неблагонадежности. Подозрения в неблагонадежности по его прошению с провинциального служащего снял в 1892 г. лично глава МВД И. Н. Дурново, знавший его по Черниговскому уезду, где у министра было поместье.

В 1892–1916 гг. Василий Егорович – фабричный инспектор в Риге, затем старший фабричный инспектор в Ревеле (современный Таллинн), работник центрального аппарата Министерства финансов, одновременно, в 1905–1913 гг., читал лекции на статистических курсах МВД. В должности фабричного инспектора при Министерстве финансов, а затем при Министерстве торговли и промышленности он пробыл почти 24 года, занявшись главным образом работой по промышленной статистике России[401].

Стоит отметить, что практически одновременно с принятием первых социально-страховых законов он начал проводить статистические исследования, позволяющие определить эффективность их применения. В этой части его приоритет очевиден. Ученый обобщал статистические сведения о результатах социального страхования работников по закону 1903 г. и в частных страховых обществах[402]. В 1917 г. Василий Егорович был управляющим отдела промышленности Министерства труда Временного правительства, членом комиссии, образованной при этом отделе[403]. В. Е. Варзар принимал участие, начиная с середины 90-х годов XIX в., в работе практически всех государственных комиссий по разработке актов социально-страхового законодательства.

---

[401] См.: Списки фабрик и заводов Российской Империи за 1900 и 1908 гг. Под ред. В. Е. Варзара. В 2 т. СПб., 1903, 1910; Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности России за 1908 год. Под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1910 и др.

[402] См.: Варзар В. Е. Статистические сведения о результатах применения закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев на фабриках и заводах, подчиненных надзору фабричной инспекции за трехлетие 1904–1906 гг. СПб., 1908; Его же. О некоторых недостатках условий страхования рабочих в частных страховых обществах // Труды Высочайше разрешенного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Т. III. Вып. V. СПб., 1897.

[403] РГИА. Ф. 1600. Оп. 1. Д. 3. Л. 46 (об).

Под его руководством с 1892 г. разрабатывали систему налогообложения предпринимателей, заменившую в 1898 г. архаичную гильдейскую систему. Основанием патентного промыслового налога признавались внешние признаки или критерии для оценки мощности промышленного предприятия: орудия производства и число рабочих. В 1900 и 1908 гг. под его руководством проведены два первых статистических обследования промышленных предприятий. Подготовленные им статистические сведения использовались в целях увеличения эффективности налоговой системы и проводились по инициативе Министерства финансов[404]. Василий Егорович был одним из первых исследователей статистики забастовок в России. Его труды по этой тематике можно считать классическими[405]. Они заслужили высокую оценку как представителей царской администрации, так и В. И. Ленина. Ряд работ В. Е. Варзар опубликовал под псевдонимами: Иванов, Андрей, Васильев С., Тарпыгин Ф. У., Бывалый человек.

В советский период он работал в Петрограде, Киеве, Ростове-на-Дону. С 1925 г. – в органах ВСНХ и Центрального статистического управления[406]. Впоследствии занимался преподавательской работой. Его профессиональные качества и научная порядочность оказались востребованными при любой власти в России.

Нельзя не вспомнить и об ученом и чиновнике для особых поручений Министерства финансов, члене Общества для содействия русской промышленности и торговле **Людовике Борисовиче Скаржинском** (1852 – не ранее 1910). Он профессионально занимался вопросами социального страхования рабочих[407], представлял интересы предпринимателей в ряде государственных комиссий. В целом он занимал весьма умеренную проправительственную позицию, хотя и не отрицал возможности участия госу-

---

[404] См.: Варзар В. Е. Статистические сведения по фабрикам и заводам по производствам, не обложенным акцизом за 1900 г. СПб., 1903 и др.

[405] См.: Варзар В. Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах. 1894–1904; 1904–1906; 1905; 1906–1908. Т. 1–4. СПб., 1905–1910 и др.

[406] См.: Варзар В. Е. Очерки основ промышленной статистики. Ч. 1–2. М.; Л., 1925–1927.

[407] См.: Скаржинский Л. Б. К законопроекту страхования в России на случай инвалидности и на старость. СПб., 1903; Его же. К вопросу об обязательном страховании на случай инвалидности. СПб., 1902 и др.

дарства в страховании рабочих по инвалидности и старости. Он состоял членом Постоянного бюро Международных конгрессов страхования несчастных случаев и социального страхования[408].

Особым поручением Министерства финансов также являлось и изучение вопроса о постановке питейного дела и борьбе с алкоголизмом. С этой целью Л. Б. Скаржинский был командирован в США[409], участвовал в Международных конгрессах по борьбе с алкоголизмом[410]. Он выступил инициатором создания Международного комитета по алкогольному делу в составе государственных деятелей, ученых, для того чтобы объективно исследовать причины злоупотребления алкоголем и разработать меры, способные дать действенные результаты. Такие отделы Международного комитета при активном участии Л. Б. Скаржинского также были организованы в Австрии, Италии, Германии, Бельгии, Франции, Швейцарии. Он настаивал на необходимости глубокого исследования причин злоупотребления алкоголем. Только зная причины, возможно эффективно решить проблему. Он рассмотрел в сравнительно-правовом ключе три главные системы законодательства, преследующие цель народного отрезвления. Но ни одна из них, по мнению автора, не является действенной. Первая система, получившая распространение в Америке и Новой Зеландии, предусматривает полный запрет производства и торговли спиртными напитками. Однако на практике статистика свидетельствует о возрастании потребления этих напитков, о распространении винокурения, в то время как административные и судебные меры преследования не приносят должного эффекта. Вторая система – Геттенбургская, введенная в Швеции и Норвегии, – построена таким образом, чтобы лица, занимающиеся оптовой и розничной торговлей, не были

---

[408] См., например: Седьмой Международный конгресс о страховании рабочих. Отчет командированных Министерством финансов на Конгресс А. А. Штофа и Л. Б. Скаржинского. СПб., 1907.

[409] Конспект отчета чиновника особых поручений Министерства финансов Л. Б. Скаржинского по командировке в Северо-Американские Соединенные Штаты для изучения вопроса о постановке питейного дела. СПб., 1909.

[410] Скаржинский Л. Б. Бременский конгресс и современные течения в антиалкогольном движении на Западе. Доклад комиссии по вопросу об алкоголизме. СПб., 1904.

заинтересованы в росте потребления крепких напитков. Хотя эта система и была сопряжена с пропагандой полного воздержания, но осязательного успеха в понижении потребления алкоголя, как писал исследователь, не имела. Третьей законодательной системой является казенная винная монополия, которая вводилась и в России, и в Швейцарии, и в Румынии. Казенная винная монополия в России не дает общей картины: в некоторых губерниях потребление вина снизилось, но в других оно выросло. Автор делает вывод о несостоятельности практикуемых способов борьбы со злоупотреблением крепкими напитками и необходимости найти новые научные основы для разрешения этого наболевшего вопроса[411].

О его жизни после 1910 г. данные отсутствуют.

Два следующих персонажа нашей книги связаны общностью научных интересов к железнодорожным тарифам и причастностью к службе в Министерстве финансов. **Николай Егорович Гиацинтов** (1857–1941 (по другим данным – 1940)) окончил юридический факультет Московского университета, в 1888 г. защитил магистерскую диссертацию по политэкономии в Петербургском университете по монографии «Основы организации тарифного дела на железных дорогах» (М., 1887). Некоторое время он служил в Государственном контроле, был членом Тарифного комитета от этого ведомства. Затем С. Ю. Витте пригласил его в Министерство финансов, где он был чиновником для особых поручений, затем вице-директором (с 1902 г.) и директором (1909–1916 гг.) Департамента железных дорог Министерства финансов и председателем Тарифного комитета, получил чин тайного советника (1913 г.). Он подготовил ряд заметок по конкретным финансовым проблемам, связанным с эксплуатацией железных дорог[412], а также несколько рецензий на исследования по аналогичным проблемам, в т. ч. принадлежащее перу К. Я. Загорского[413], о котором будет сказано ниже. Он был сторонником

[411] См.: Скаржинский Л. Б. Международный комитет по алкогольному делу и причины его возникновения. СПб., 1912. С. 10–12.

[412] См.: Гиацинтов Н. Е. Ссуды, складочные и комиссионные операции железных дорог. СПб., 1889; Его же. Дифференциальные тарифы железных дорог. СПб., 1900 и др.

[413] Гиацинтов Н. Е. Финансовое положение русских железных дорог (По поводу статьи профессора П. И. Георгиевского «Капиталы, затраченные

государственного управления железнодорожными тарифами. Установление тарифов считал произведением искусства: в тарифах должны сочетаться потребности как железных дорог, так и всего общества, удовлетворяться различные нужды населения.

При этом Н. Е. Гиацинтов особенно не интересовался политикой, оставаясь вполне умеренным монархистом. У него сложились хорошие рабочие отношения с главой правительства и министром финансов В. Н. Коковцовым, об уходе которого он искренне сожалел[414]. Николай Егорович отличался личной порядочностью и принципиальностью. По должности ему был положен для командировок специальный вагон, но, если с ним ехали члены семьи, он обязательно приобретал для них из своих личных средств билеты. Революционных событий 1917 г. монархист Н. Е. Гиацинтов не принял, эмигрировал сначала в Болгарию, а затем перебрался в Югославию. Его сын, подполковник русской армии Э. Н. Гиацинтов, был активным участником Белого движения, а внук стал профессором Колумбийского университета.

Константин Яковлевич Загорский (1859 – после 1930) был выходцем из дворянской семьи, уроженцем Киева. Он окончил юридический факультет Петербургского университета, в юности участвовал в народническом движении. Впоследствии он отошел от политической деятельности, занимался научными исследованиями, в 1902 г. защитил магистерскую диссертацию по политэкономии в Петербургском университете по монографии «Теория железнодорожных тарифов. Задачи управления, принципы построения и применения, формы и виды тарифов» (СПб., 1901). Как уже указывалось, развернутую рецензию на нее подготовил Н. Е. Гиацинтов, бывший его начальником в Департаменте железных дорог Министерства финансов. Рецензент отмечал, что труд К. Я. Загорского отличается большой полнотой и разносто-

---

правительством и частными учреждениями на постройку и эксплуатацию железных дорог в России»). СПб., 1901; Его же. Основной принцип железнодорожных тарифов и тарифный эклектизм (по поводу книги К. Я. Загорского «Теория железнодорожных тарифов»). СПб., 1902; Его же. Заметка по поводу брошюры г. Астрова «О досрочном выкупе Киевской городской железной дороги». Киев, 1915 и др.

[414] См.: Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 250.

ронностью[415]. П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» назвал эту работу обстоятельной и строго теоретической[416].

В Департаменте железных дорог К. Я. Загорский служил до 1905 г., стал действительным статским советником. В исследовании Загорский поставил целью системное изучение тарифного дела на железной дороге. Теорию этого дела он представил в виде следующих трех составных элементов: 1) задач и целей управления тарифами; 2) принципов построения тарифов; 3) их формы и условий применения. Применительно к целям и задачам железнодорожной тарификации автор последовательно разбирает вопрос о применимости принципа свободы промышленности к железнодорожному делу и основаниях государственного вмешательства в это дело с целью ограждения интересов населения, промышленности и казны. Он приходит к выводу, что тарифы должны обеспечивать достижение не только чистой прибыли дорог, но также и целей общей экономической политики государства. При этом в эксплуатации железных дорог вполне допустим отказ в некоторых случаях от неуклонного преследования максимальной чистой доходности, возможны ограничения в связи с установлением специальных и льготных тарифов (на перевозку хлеба, закупаемого земствами и правительственными органами для населения районов, где были неурожаи зерна; льготные тарифы для переселенцев, учащихся и т. д.).

Автор рассматривает три принципа построения тарифов. Согласно первому принципу – принципу государственных пошлин и т. н. «натуральной системе тарифов» – тарифы устанавливаются не по ценности железнодорожных услуг, а по некоторым однообразным средним нормам на основании собственных издержек железных дорог по различным категориям перевозок. Второй принцип построения тарифов заключается в установлении их по платежной способности перевозимых грузов, т. е. по рыночной ценности железнодорожных услуг. Третий принцип состоит в построении тарифов в соответствии с условиями и издержками

[415] Гиацинтов Н. Основной принцип железнодорожных тарифов и тарифный эклектизм (по поводу книги К. Я. Загорского «Теория железнодорожных тарифов»). СПб., 1902.

[416] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 36.

производства в различных отраслях промышленности, в различных районах и центрах. Каждый из этих принципов был подвергнут автором оценке по их пригодности для достижения целей и задач, которые поставлены в данное время в данной стране при эксплуатации железных дорог. К. Я. Загорский был уверен, что нет абсолютных тарифных принципов, которые были бы правильны и годны для всякой системы железнодорожного хозяйства, независимо от того, какие цели ставит государство в своей тарифной политике. В зависимости от поставленных целей и принятых принципов тарификации определяются и наиболее подходящие системы и виды самих тарифов.

Правила применения тарифов К. Я. Загорский свел к следующим: публичность, простота, устойчивость, уравнительность. В работе также проводится классификация тарифов по видам: а) по внутреннему строю тарифы бывают однообразные пудоверстные и дифференцированные; б) по внешней форме выражения – формульные (схемные) и табличные и т. д.

Под влиянием революции 1905–1907 гг. он проникся республиканскими убеждениями, вспомнил идеалы своей народнической юности. На этой почве резко разошелся со своим начальником Н. Е. Гиацинтовым, с которым до этого состоял в хороших отношениях, они даже дружили семьями. Сын Константина Яковлевича вступил в партию эсеров. В 1905–1907 гг. К. Я. Загорский был приват-доцентом Петербургского университета, а с 1907 г. – приват-доцентом, затем экстраординарным профессором экономического отделения Петербургского политехнического института, где читал курс лекций «Железнодорожная политика и тарифы», который был издан в 1915 г. При этом К. Я. Загорский остался чиновником для особых поручений Министерства финансов, продолжал состоять членом Тарифного комитета при Министерстве финансов и Комиссии о новых железных дорогах. Большинство его работ того периода представляют собой материалы к пересмотру внешнеторговых договоров или изменению тарифов[417]. На 1914 г. ученый числился членом Петербургской городской думы.

---

[417] См.: Загорский К. Я. Наша железнодорожная тарифная политика. СПб., 1910; Его же. Обзор железнодорожных тарифов Франции, Германии и Австро-Венгрии сравнительно с тарифами русских железных дорог.

После событий 1917 г. К. Я. Загорский остался в России, был профессором 1-го МГУ и Института народного хозяйства, активно сотрудничал с Народным комиссариатом путей сообщения, входил в создаваемые под его эгидой комитеты и комиссии. В 1919–1922 гг. Константин Яковлевич состоял членом Финансово-экономического совета Комитета государственных сооружений, председательствовал в секции согласования планов, трудился в транспортной секции Института экономических исследований Народного комиссариата финансов (НКФ) РСФСР. В феврале 1924 г. на этой секции К. Я. Загорский выступил с докладом на тему: «Импортные и экспортные железнодорожные тарифы и главные основания их установления». Он доказывал, что политика железнодорожных тарифов должна находиться в соответствии с политикой таможенной, при этом содействовать развитию транспорта, но может выступать только в качестве вспомогательного средства[418]. В 1922 г. ученый числился экономистом Экономического управления ВСНХ, готовил экспертные заключения по финансовым вопросам[419]. При этом тематика его исследований изменилась незначительно[420]. О дальнейшей судьбе ученого данных у нас нет.

Несомненно, яркой личностью был **Николай Николаевич Покровский** (1865–1930). Он обучался на юридических факультетах Московского и Петербургского университетов, окончив курс последнего со степенью кандидата права (1888 г.). С 1889 г. он поступил на службу в Министерство финансов, совмещая ее с

СПб., 1910; Его же. Частное железнодорожное строительство и гарантии железнодорожных акций. СПб., 1912; Его же. Железнодорожные тарифы в России и Германии в связи с экономической политикой этих стран. СПб., 1914 и др.

[418] См.: Финансовая газета. 1924. 13 февр.

[419] Загорский К. Я. К итогам из области наших финансов. Об эмиссии // Финансы и экономика. 1922. № 1 и др.

[420] Загорский К. Я. Теория железнодорожных тарифов. Задачи управления, принципы построения и применения, формы и виды тарифов. Пг., 1923 (2-е изд.); Его же. Экономика транспорта. М.; Пг., 1923 (2-е изд. 1930); Его же. Коммерческий принцип в железнодорожном хозяйстве // Финансовая газета. 1924. 24 окт.; Его же. Система железнодорожных и водных тарифов. М.; Л., 1925 и др.

научной работой. В 1902 г. он стал вице-директором, а с 1904 г. директором Департамента окладных сборов Министерства финансов. Наконец, в 1906 г. он становится товарищем министра финансов, занимается преимущественно делами окладных сборов, получает чин тайного советника (1913 г.). Под его руководством был выработан ряд законопроектов по финансовой проблематике. Н. Н. Покровский был одним из соавторов фундаментального исследования «Министерство финансов. 1802–1902» (в 2 ч. СПб., 1902), о котором уже говорилось.

В Министерстве финансов он работал до 1914 г., а затем назначен членом Госсовета (1914–1916 гг.). С января по ноябрь 1916 г. он являлся Государственным контролером. При этом он не оставлял занятий наукой финансового права в прикладном ключе, публиковал результаты своих исследований[421]. Одним из таких исследований стала работа «О подоходном налоге» (Пг., 1915). Это был сборник статей о подоходном налоге, опубликованных автором в журнале «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли» в течение 1915 г., к ним был приложен очерк развития форм русского прямого обложения, включая реформы Петра Великого, императора Александра II, податной реформы 1880 г. Цель этой книги, по мнению автора, – послужить справкой при предстоящем рассмотрении вопроса о реформе прямого обложения, в частности о введении в России подоходного налога. В связи с этим в книге дается сравнительно-правовой анализ подоходного налогообложения в Англии, Германской империи, Соединенных Штатах и Франции. Автор разбирает все возражения, которые звучат против подоходного налога (низкий культурный уровень населения; отсутствие у плательщиков правильного счетоводства, возможный произвол фискальных органов, вторгающихся в частную хозяйственную жизнь плательщиков и др.), но приходит к выводу, что в России сложились необходимые условия для введения подоходного налога. Так, он писал: «Наше отечество не столь интенсивно, конечно, как другие страны, но все же очень решительно стало на путь капиталистического хозяйства, дающего достаточные основания рассчитывать, что для подо-

[421] Покровский Н. Н. О подоходном налоге. Пг., 1915; Его же. Доклад об условиях развития нашего экспорта. Пг., 1915 и др.

ходного обложения в России уже подготовлена весьма серьезная почва»[422]. По мнению Н. Н. Покровского, именно подоходный налог является наименее обременительным из всех прямых налогов, он учитывает действительно полученный доход, а следовательно, не может обложить по убытку. Кроме того, подоходный налог должен сослужить службу общему податному преобразованию, и прежде всего, как пишет автор, одновременно с введением подоходного налога надлежит преобразовать и наследственный налог[423].

В ноябре 1916 г. в карьере Н. Н. Покровского происходит резкий поворот – он назначен министром иностранных дел России. Внутри страны и за рубежом это назначение встретили как неожиданное, но позитивное. Оно стало нарушением вековой традиции, согласно которой МИД возглавляли только карьерные дипломаты. К тому же он не был ставленником двора или какой-либо придворной группировки. Николай Николаевич был известен только как опытный и неподкупный дипломат и сильный финансист, что должно было успокоить думские и общественные круги.

Французский посол М. Палеолог дал на сей счет следующий комментарий: «Выбор неожиданный. Покровскому шестьдесят лет, он всю жизнь занят был вопросами, касающимися финансов и государственного контроля; у него нет никакого представления о делах внешних и дипломатии; но с этой оговоркой, очень важной в настоящий момент, я ничего не имею против этого назначения. Во-первых, это – человек осторожный, умный и трудолюбивый, вполне преданный Аллиансу (альянсу, т. е. Антанте – авт.). Затем в личных отношениях это – человек редких качеств, душевный и серьезный, с небольшой долей насмешливого лукавства. Без состояния, обремененный семьей, он ведет жизнь самую простую, самую приличную. За 35 лет, с тех пор как он служит в государственном контроле, его никогда не коснулась даже тень подозрения»[424]. Его бывший начальник по Министерству финансов В. Н. Коковцов отмечал у своего товарища, помимо прочих положительных качеств,

---

[422] Покровский Н. Н. О подоходном налоге. С. 167.

[423] Там же. С. 177.

[424] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991 (по изд. 1923). С. 252.

величайшее терпение и природное отвращение от всякой резкости[425]. В МИДе это назначение приняли как «труднообъяснимое», однако вскоре оценили его «важные преимущества» по сравнению с предшественниками – обширные экономические знания, что сказалось на работе Парижской экономической конференции и Петроградской конференции союзников[426].

Н. Н. Покровский к тому времени зарекомендовал себя как порядочный человек, хороший переговорщик и мастер компромисса. На этой должности он пробыл всего три месяца, причем за это время четыре раза подавал в отставку из-за несогласия с политикой, проводимой министром внутренних дел А. Д. Протопоповым, которого, в свою очередь, считали креатурой Г. Е. Распутина. Николай Николаевич показал себя сторонником более тесного союза с Великобританией, Францией и особенно с США, настаивал на направлении в США финансово-экономической миссии.

В широких общественных кругах он имел репутацию человека разумного и честного, наиболее приемлемого для «думских сфер». Из-за обремененности большой семьей и спокойного характера он ценил свой статус и чурался политических авантюр. Не случайно именно он представлял царское правительство в негласных переговорах с думской оппозицией 26 февраля 1917 г. Впрочем, эти переговоры не увенчались успехом[427]. В марте 1917 г. Николай Николаевич был уволен в отставку и избран председателем правления Сибирского банка. Октябрьскую революцию он не принял и эмигрировал в Литву. Н. Н. Покровский преподавал политэкономию и финансовое право в Ковенском (Каунасском) университете, где занимал кафедру финансового права. Подготовил и опубликовал «Основы финансовой науки» (Каунас, 1925).

Так же в эмиграции завершил свой жизненный путь ученый и чиновник Министерства финансов **Власий Тимофеевич Судейкин** (1857 – после 1928). Он окончил юридический факультет Московского университета в 1879 г. Большое влияние на него

---

[425] См.: Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 224.

[426] См.: Михайловский Г. Н. Записки. Из истории русского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Т. 1. М., 1993. С. 213–214.

[427] См.: Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. С. 432.

оказал его университетский профессор И. И. Янжул, которого он считал своим учителем[428]. В. Т. Судейкин продолжил образование за границей в университетах Берлина, Фрайбурга, Лондона. Зимой 1880–1881 гг. в Лондоне он работал в библиотеке Британского музея вместе с И. И. Янжулом, который достаточно сдержанно написал о нем: «…В. Т. Судейкин, впоследствии магистр политэкономии, писатель-экономист»[429].

По возвращении в Москву он сдал магистерский экзамен по политэкономии и статистике, но педагогической деятельности так и не начал. Его прельстила государственная служба, и в 1883 г. В. Т. Судейкин поступает в Министерство финансов – сначала в Особую канцелярию по кредитной части, а с 1885 г. назначается на должность податного инспектора Петербурга. При этом честолюбивый чиновник не прекращал научных занятий и в 1892 г. в Московском университете защитил магистерскую диссертацию по политической экономии «Государственный банк. Исследование его устройства, экономического и финансового значения» (по монографии, опубликованной годом ранее)[430]. В целом она была высоко оценена современниками. В диссертационном исследовании автор обращал особое внимание на ту опасность, которую заключает в себе связь государственного банка с финансовым управлением страны[431]. Отмечалось, что как прежние казенные учреждения, так и современный автору Государственный банк одинаково страдают от этой связи и занимаются выполнением преимущественно финансовых задач в ущерб народно-экономическим. При этом В. Т. Судейкин приводил иной опыт, иное устройство центральных банков: английского, французского, имперского германского и австро-венгерского. Автор доказывал необходимость капитальной реформы и предлагал ряд изменений в устав Государственного банка 1860 г.

---

[428] См.: Судейкин В. Т. Академик-профессор И. И. Янжул (Некролог). Пг., 1915.

[429] Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып. 1. СПб., 1910. С. 157.

[430] Судейкин В. Т. Государственный банк. Его экономическое и финансовое значение. М., 1891.

[431] См.: Там же. С. 48, 263, 482 и др.

Примечательно, что основные свои научные труды он напечатал в период с 1883 по 1892 г., когда находился на государственной службе[432]. Так, в исследовании, посвященном прямым налогам во Франции, автор поставил своей задачей познакомить читателей с их историческим развитием и современным состоянием. Вся система прямых налогов была сведена к 4 группам: поземельный налог, с окон и дверей, личный и поквартирный и патентный. Первые три построены на раскладочном основании, и только последний – окладной. Он подчеркивал достоинства французской системы обложения по внешним признакам: отсутствие инквизиторского характера, всеобщность обложения, прекрасную постановку податного управления, участие населения в распределении налогов, дешевизну взимания. Но при этом отмечал и крупный недостаток французской налоговой системы – непропорциональность обложения. Относительно поземельного кредита В. Т. Судейкин предлагал учитывать опыт стран Запада и обоснованно утверждал, что для решения этой проблемы нет единого способа. На первое место, по мнению ученого, здесь должны выходить экономические и бытовые условия страны. Среди общих условий финансового обустройства крестьян ученый выделил разумное отношение населения к сбережениям, развитие сети кредитных учреждений, устройство сберегательных касс всех видов, ограничение размеров выдаваемых ссуд. С учетом опыта развитых стран он пришел к выводу, что стремление кредитных учреждений к полному удовлетворению потребностей земельных собственников ведет к увеличению задолженности заемщиков, причем сельхозпроизводители более нуждаются не в долгосрочном, а в краткосрочном кредите. Из этого следовало, что российская система кредитных учреждений должна и ориентироваться на общие условия кредитования, и учитывать особые

[432] См.: Судейкин В. Т. Наши общественные городские банки и их экономическое значение. СПб., 1884; Его же. Расчетные палаты и их устройство. СПб., 1886; Его же. Прямые налоги и их организация во Франции. СПб., 1887; Его же. Операции Государственного банка. СПб., 1888; Его же. Очерк организации поземельного кредита в Англии, Германии, Австро-Венгрии и Франции. СПб., 1888; Его же. Восстановление металлического обращения в России (1839–1843). СПб., 1891; Его же. Биржи и биржевые операции. СПб., 1892 и др.

черты российской экономики и юридического быта. П. П. Гензель в своей «Библиографии» оценил эту книгу как «обстоятельную брошюру, которая знакомит вкратце с историей французских прямых налогов и их современной организацией»[433]. Другой российский ученый, профессор Демидовского юридического лицея А. А. Исаев, не соглашаясь с некоторыми выводами и положениями Судейкина, тем не менее «охотно признал его труд очень полезным вкладом в нашу экономическую литературу»[434].

Часть своих работ В. Т. Судейкин опубликовал под псевдонимом «Старый профессор», причем взял его, будучи совсем не старым и даже еще не профессором. Опубликованные в литературе данные о нем достаточно фрагментарны[435].

В период работы в Министерстве финансов Власий Тимофеевич не утратил тяги к педагогическому труду и со второй половины 1880-х гг. начал преподавать в столичном Коммерческом училище курс таможенного законодательства[436]. Наконец, с 1892 г. он начинает читать лекции в Санкт-Петербургском университете сначала по истории финансов, а затем и по финансовому праву. При этом он продолжил до середины 1890-х гг. преподавание в Коммерческом училище, причем к таможенному праву добавилось торговое право[437]. В начале XX в. приват-доцент В. Т. Судейкин, помимо параллельного курса финансового права, вел спецкурсы «Финансовая политика России в XIX в.» и «Экономическая и финансовая политика России с 1861 по 1912 г.».

Совмещение работы в Минфине с преподаванием отнимало слишком много сил и времени, и за период после 1892 г. он подготовил всего несколько относительно крупных публикаций[438]. Од-

---

[433] См. Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 16.

[434] См.: Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. 1887. № 6. С. 10.

[435] См.: Чебоненко Е. Н. Власий Тимофеевич Судейкин // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 370–387.

[436] См.: Судейкин В. Т. Курс таможенного законодательства. СПб., 1889.

[437] Судейкин В. Т. Курс торгового права. СПб., 1893.

[438] См.: Судейкин В. Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н. Х. Бунге и

ной из них являлось исследование «Замечательная эпоха в истории русских финансов». Как отмечал П. П. Гензель, это был тересный, написанный прекрасным языком очерк экономической и финансовой политики Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского»[439]. В. Т. Судейкин горячо одобрял финансовую политику Н. Х. Бунге, оценивал ее как первый серьезный шаг к введению большей равномерности в российскую систему налогообложения и к поднятию экономического уровня низших слоев населения. Политика И. А. Вышнеградского, по мнению ученого, была лишена этих просвещенных целей и выразилась, главным образом, в мом сведении росписей без дефицитов, не имела перспективы и влекла за собой лишь мимолетные финансовые эффекты.

После революционных событий 1917 г. он эмигрировал во Францию, а последняя известная нам работа ученого – «Император Николай II и его царствование» – вышла в Ницце в 1928 г.[440] Носит она ярко выраженный промонархический характер. В этой работе автор ставит целый ряд вопросов. Виновен ли император Николай II в революции? Была ли революция необходима и неизбежна? По мнению Судейкина, Россия при Николае II быстро и неизменно прогрессировала во всех отношениях, он приводит факты и цифры роста промышленности, торговли и т. д. Отречение царя он считал величайшей ошибкой и несчастием для России. А виноват в этой ошибке не император Николай II , а его окружение и Государственная дума.

В начале XX в. Россия пережила не только драму революции 1905–1907 гг., но и сменивший ее период относительного политического спокойствия и экономических преобразований, связанных с личностью нового главы правительства П. А. Столыпина. Мы не будем касаться экономической составляющей аграрной реформы, получившей его имя. Однако устаревшая политическая система империи так и не претерпела принципиальных преобразований, а диспропорции в экономическом и финансовом разви-

---

И. А. Вышнеградского). СПб., 1895; Его же. Война и наши финансы. Пг., 1915 и др.

[439] См.: Гензель П. П. Указ. соч. С. 24.

[440] См.: Император Николай II и его царствование (1894–1917). По материалам, собранным Старым профессором. Ницца, 1928.

тии так и не были устранены. Начавшаяся Первая мировая война обострила все существовавшие в государстве и обществе противоречия до предела. Внутренняя смута постепенно переросла в две революции, последовавшие одна за другой, свержение и гибель царской династии, Гражданскую войну и большевистскую диктатуру. В этот период проблемы финансов имели уже не только научный и прикладной интерес, а стали центром притяжения для проектов «спасения Отечества», «защиты Родины и Свободы» и др. К исследованиям в сфере финансов тянулись не только законопослушные университетские профессора, государственные чиновники и общественные деятели, но и личности, с трудом поддающиеся какой-либо классификации. Наиболее примечательным в этом аспекте можно признать биржевого деятеля и авантюриста И. П. Мануса.

Игнатий Порфирьевич Манус (даты жизни достоверно не известны) стал своеобразным графом Калиостро начала XX в. Мало что известно о его детстве и юности, а в 1917 г. он исчез неведомо куда. Свое образование он завершил гимназией, а затем около 15 лет занимался финансовыми делами в системе российских железных дорог. Его талант биржевого деятеля раскрылся в середине 90-х гг. XIX в. на Петербургской бирже, где он активно занимался спекуляцией ценными бумагами. Никаких официальных должностей на бирже он не занимал, но играл там важную роль, воздействуя на биржевые курсы. Игра на бирже позволила ему скопить крупный капитал и войти в правления ряда коммерческих обществ и банков. К началу Первой мировой войны он был членом совета Сибирского торгового банка, председателем правления Российского транспортного и страхового общества, владельцем крупного пакета акций Петербургского международного банка. И. П. Манус пользовался репутацией энергичного и предприимчивого бизнесмена, но абсолютно беспринципного в выборе средств достижения своих целей. Скандальности в его репутацию добавляла близость к таким одиозным личностям, как князь В. П. Мещерский и Г. Е. Распутин. Некоторое время его вообще считали тайным финансистом Г. Е. Распутина, благодаря которому, по слухам, в 1915 г. он был возведен в действительные статские советники (светский генерал-майор). Прославился И. П. Манус и организацией знаменитых «обедов по средам», где

присутствовал Г. Е. Распутин, видные царские сановники и иные «нужные люди» и где зачастую решались важные политические и хозяйственные вопросы. Данные о его сотрудничестве с Германией наличествуют, но был ли он германским шпионом, достоверно не известно.

Однако влияние И. П. Мануса на внутреннюю политику страны было велико, причем настолько, что он был прямо причастен к отставке главы правительства В. Н. Коковцова в 1914 г. По воспоминаниям последнего, началось все с того, что он не утвердил в 1912 г. представленную Фондовым советом Петербургской биржи кандидатуру И. П. Мануса на должность фондового маклера. Избран он был на эту должность ничтожным большинством голосов. Причиной неутверждения послужила его репутация спекулянта низшей пробы, не свободного от приемов шантажиста и дельца самого темного разбора. Игнатий Порфирьевич затаил злобу и развернул против своего «гонителя» целую кампанию, особенно на страницах «Гражданина» князя В. П. Мещерского, с использованием своих придворных связей. Эти интриги в конце концов, по мнению самого В. Н. Коковцова в совокупности с рядом других факторов, и увенчались успехом[441].

Французский посол в России М. Палеолог, человек достаточно спокойный, в своем дневнике в отношении И. П. Мануса переходит почти на ненормативную лексику. Он пишет: «Кучка еврейских финансистов и грязных спекулянтов, Рубинштейн, Манус и др., заключили с ним (Распутиным) союз и щедро его вознаграждали за содействие им… Не думаю, что среди тайных агентов, которых Германия держит в Русском обществе, она имеет более активных, более ловких, более влиятельных, чем банкир Манус. Добившись обычным путем разрешения жить в Петрограде, он приобрел в последние годы значительное состояние маклерством и спекуляцией. Деловое чутье внушило ему мысль о близости с самыми махровыми защитниками трона и алтаря. Так, он рабски пресмыкается перед старым князем Мещерским, знаменитым редактором «Гражданина», неустрашимым поборником православия и самодержавия. В то же время его скромная и находчивая щедрость снискала ему мало-помалу расположение всей шайки Распу-

[441] См.: Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 262–264.

тина… К нему очень прислушиваются в мире финансов, у него есть связи с большинством газет. Я сильно подозреваю, что он является главным распорядителем германских субсидий»[442]. Именно Мануса М. Палеолог выделял в качестве основного лица, внушающего царице и ее партии пагубную политику, за которую они будут нести ответственность перед историей[443].

Писатель В. С. Пикуль так характеризовал И. П. Мануса: «…Игнатий Порфирьевич Манус, хотя у него русское имя и отчество, на самом деле германский еврей, натурализовавшийся в России, да столь крепко, что от русских акций теперь не оторвать. В правлении Путиловского завода это персона важная, он же директор товарищества Вагоностроительных заводов, член совета Сибирского банка. Манус имеет очень большие деньги от общества Юго-восточных железных дорог…». Дано и его описание: «Манус – грузный мужчина ярко выраженного семитского типа, в пенсне с дужкой, зубы в золотых коронках, голос ласковый»[444]. Конечно, В. С. Пикуль – писатель, а не историк, но значительная доля истины в его словах есть.

Кроме известности в кругах финансистов-практиков, этот человек жаждал известности как финансовый аналитик. И. П. Манус публиковал многочисленные статьи на экономические темы в журналах и газетах правого направления. Под псевдонимом «Зеленый» он вел финансовый отдел в журнале В. П. Мещерского «Гражданин». Его статьи регулярно появлялись в газете «Биржевые ведомости» и журнале «Экономист России». Отметим, что эта сторона его деятельности вызывала немало насмешек со стороны современников. Вершиной экономических изысканий И. П. Мануса стала его книга «Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени» (СПб., 1905). Она представляла собой сборник из 69 небольших статей, опубликованных ранее автором в средствах массовой информации «на злобу дня». Одни названия статей уже говорят о многом: «Как горел керосин г. Манташева: с акцизом или без акциза?», «О подоходном налоге и бесталанности бюрократии», «Что лучше для финансов страны:

[442] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 136, 221–222.
[443] Там же. С. 251.
[444] Пикуль В. С. Нечистая сила. Воронеж, 1989. С. 198–199.

дефицит в финансах народонаселения или излишки по бюджету?», «Нужно ли столько комиссий, содержимых городом за счет жителей?» и др. Это были не научные, а публицистические «изыски» автора. Однако на научность он и не претендовал, а к «кабинетным ученым» относился с пренебрежением. В предисловии к рассматриваемой книге он утверждал: «Писатель по финансовым и экономическим вопросам, не принимавший личного практического участия в делах финансовых, не заработавший личным трудом или посредством финансовых комбинаций ни одной копейки, пишет по этим вопросам теоретически: он подобен врачу, взявшемуся лечить за глаза больного, которого он никогда не видел»[445]. Очевидно, И. Манус причислял себя к великим практикам, которые способны вести полемику по политическим, экономическим и финансовым вопросам.

В заключение подчеркнем, что на историческом переломе развития России отечественные исследователи пытались осмыслить финансово-экономические процессы, происходившие в стране, и подготовить свой «рецепт оздоровления» хозяйства. Несмотря на разнородный характер авторов и их научных и политических взглядов, большинство из них сходились в том, что необходим более справедливый расклад податных платежей, сбалансированный бюджет, устойчивая национальная валюта, учет зарубежного опыта и российской специфики.

4.3. В условиях зарождающегося парламентаризма

(П. Х. Шванебах, М. М. Алексеенко, П. П. Мигулин, Д. И. Пихно, Н. Н. Кутлер, А. Н. Миклашевский, М. Я. Герценштейн)

Конец XIX и начало XX в. связаны с таким сложным процессом, как становление российской партийной системы и зарождение отечественного парламентаризма. В этих неоднозначных и незавершенных в дореволюционный период процессах самое ак-

[445] Манус И. Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени. СПб., 1905. С. II.

тивное участие приняли некоторые отечественные ученые-финансисты. Их можно увидеть в числе лидеров политических партий, депутатами Государственной думы и членами Государственного совета. При этом их деятельность не ограничивалась законотворческой работой и участием в дискуссиях по проблемам налогов и бюджета. Среди них были блестящие ораторы, настоящие «властители дум», имена которых были известны не только в высшем свете, но и практически всей России. По своим взглядам они представляли весь политический спектр, от социал-демократов и левых кадетов до последовательных монархистов и консерваторов.

Как уже указывалось, в период руководства Министерством финансов С. Ю. Витте выделился целый ряд чиновников – авторов полноценных научных исследований. Это, в частности, **Петр Христианович Шванебах** (1848–1908). Его нельзя считать ни выдвиженцем С. Ю. Витте, ни его единомышленником. В Министерство финансов он пришел раньше С. Ю. Витте, в некоторых случаях его кандидатура считалась альтернативной на пост министра, а по своим научным и политическим взглядам он выступал чаще как оппонент С. Ю. Витте.

П. Ф. Шванебах – выходец из австрийских дворян, внук полковника русской армии. Он окончил курс в Училище правоведения (1867 г.), после чего два года слушал лекции в Лейпцигском и Парижском университетах, специализировался на финансовом праве и политэкономии. Свою службу в Министерстве финансов он начал с 1869 г. и последовательно занимал должности вице-директора Особой канцелярии по кредитной части, товарища управляющего Государственным банком (с 1891 г.), с 1893 г. состоял членом Совета министра финансов, участвовал в составлении новых кредитных уставов, имел чин тайного советника (1896 г.). Впоследствии он был товарищем (заместителем) и главноуправляющим землеустройства и земледелия (министр земледелия) (1903–1905 гг.), а в 1906–1907 гг. занимал должность Государственного контролера, затем стал членом Государственного совета. С 1904 г. он входил в Комитет финансов. В придворных кругах рассматривался как возможная замена С. Ю. Витте на посту министра финансов. Наиболее известные его работы были

посвящены налоговой системе и денежному обращению[446], немало статей по финансовой проблематике опубликовано им в журнале «Вестник Европы».

Ученый ставил вопрос о необходимости реформирования российской финансовой системы с учетом западного опыта, прежде всего Англии, Франции и Германии. Он полагал, что развитие фискального дела определяется не столько национальными особенностями, сколько общими для экономически развитых государств тенденциями. В работе «Наше податное дело» он рассмотрел податную политику и податное законодательство в 1880–1901 гг. Работа сопровождается авторскими расчетами, цифрами и сводными таблицами, характеризующими прямое и косвенное налогообложении в России, приводятся выдержки из докладов по росписи с авторскими комментариями. Автор отмечал, что преобладающее значение в нашем бюджете составляют косвенные налоги. При этом он не соглашался с суждениями, содержащимися во «Всеподданейших докладах о росписи» на 1896, 1897, 1899 гг., о том, что эти косвенные налоги по своей сути не носят принудительного характера и не падают на предметы первой необходимости (хлеб и соль). В связи с этим автор спрашивает: «Применимы ли эти соображения к нашим русским условиям, и в частности, к крестьянским плательщикам? Добровольна ли выплата налогов на водку, сахар, керосин, чай и хлопок?». Отвечает на этот вопрос отрицательно и отмечает, что «для косвенного обложения есть граница, которую преступать безнаказанно нельзя, но найти эту границу не так легко, как в прямом обложении»[447].

Направлениями податной реформы П. Ф. Шванебах считал понижение норм косвенных налогов на предметы потребления, так как в России уже фактически достигнут предел косвенного обложения. Он отмечал закономерность, которая проявилась на Западе: расширение косвенного налогообложения освобождает от прямых налогов низшие классы и уменьшает податные оклады малоимущих плательщиков, – и предлагал освободить низ-

[446] См.: Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901; Его же. Наше податное дело. СПб., 1903.

[447] Шванебах П. Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 46–47.

шие, неимущие классы от прямых налогов, а более значительную часть средств направлять на нужды местного самоуправления, что соответствовало современным тенденциям в странах Запада. Автор призывал следовать примеру Пруссии, где ежегодно принимался закон об отпуске из государственной казны 10 миллионов марок в помощь провинциям и общинам на расходы по дорожной части и по общественному призрению. П. Х. Шванебах писал: «Финансовая статистика показывает, что степень культурности страны определяется количеством не общегосударственных, а местных расходов»[448]. По вопросу о местных налогах ученый проектирует передать земствам, по примеру Пруссии, государственный поземельный налог и пониженные наполовину выкупные платежи.

Установление винной монополии П. Х. Шванебах оценил положительно, отмечая ее фискальные выгоды. Кроме того, автор указывал и на благотворное ее влияние на народное здравие. Он писал: «Алкоголя русский народ потребляет, правда, столько же, сколько и раньше, но опасность отравления вредными и ядовитыми примесями, при казенной продаже питей, сведена, можно сказать, до минимума»[449]. В то же время он указывал и на опасность реформы, ставящей бюджет в зависимость от питейных доходов. Бюджет тогда признается удачно построенным, по его мнению, когда казенный резервуар наполняется несколькими доходными каналами, – так при случайном оскудении одного из них убыль может быть пополнена другими[450].

Нельзя не отметить, что рассматриваемый труд у современников вызывал неоднозначные оценки. Так, П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки», на наш взгляд необъективно, возможно руководствуясь личными мотивами, охарактеризовал исследование П. Х. Шванебаха как «довольно слабую работу о нашей системе обложения, отличающуюся к тому же большим оптимизмом и крайней умеренностью критики… П. Х. Шванебах разбирает в отдельности все податные источники нашего госу-

[448] Шванебах П. Х. Наше податное дело. С. 201.
[449] Там же. С. 81.
[450] См.: Там же. С. 85 и др.

дарственного бюджета, но это сделано…в назидательном, а не в научном тоне»[451].

При этом государственный деятель зачастую придерживался весьма правых, консервативных политических убеждений, причем это было скорее следствием личного выбора и не всегда совпадало с настроением верхов. Это делало его мишенью для критики последовательных либералов. Так, П. Б. Струве, судя по контексту его высказываний о П. Х. Шванебахе, использовал его в качестве нарицательного обозначения неконструктивной государственной политики и беспредметной критики либерального лагеря[452]. С. Ю. Витте откликнулся на назначение П. Х. Шванебаха государственным контролером утверждением, что это «ничем оправдаться не могло, так как Шванебах точно так же мог быть назначен и митрополитом, как он был назначен Государственным контролером. Вся его заслуга заключалась в том, что он угодил черногорским принцессам»[453]. В 1906 г. в личном письме П. А. Столыпину Сергей Юльевич раскритиковал Государственного контролера и даже написал про «длинные уши Шванебаха»[454]. Кстати, когда речь шла о Государственном контроле, то вспоминали об «исторической» пометке П. Х. Шванебаха на бумагах этого ведомства: «спрятать и не показывать»[455].

П. А. Столыпина Петр Христианович уважал, отзывался о нем как о «рыцаре», как о «человеке безукоризненном и мужественном». Впрочем, он не сработался и с П. А. Столыпиным, разойдясь с ним во взглядах на внутреннюю политику. По мнению П. Х. Шванебаха, русская конституция – это «соната, написанная для скрипки Страдивариуса, положенная на балалайку»[456]. Вообще, современники отмечали у П. Ф. Шванебаха шутливую манеру общения как своеобразную защитную реакцию, развитое чувство юмора, впрочем, с переходом в сарказм.

---

[451] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 26.

[452] См.: Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 111, 210.

[453] Витте С. Ю. Указ. соч. С. 609.

[454] См.: Богданович А. В. Указ. соч. С. 405.

[455] См.: Известия Общества финансовых реформ. 1911. № 3. С. 43.

[456] Цит. по: Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 426–427.

Критиковали П. Х. Шванебаха и публицисты правого направления, в частности, С. Ф. Шарапов в своей скандальной брошюре «Иванов XVI» заявил, что он никуда не годится и что пора ему уйти. По слухам, царь ознакомился с этой брошюрой, а рядом с пассажем о Государственном контролере написал: «И я того же мнения»[457]. Правый издатель и журналист А. С. Суворин, хорошо знавший управленческую элиту России, так писал о нем: «Умный немец, но не особенно находчивый. Может быть, и интриган, как о нем говорят, но интриган не сильный, если он не может ужиться. Он держится за Горемыкина»[458]. Он же передает объяснения П. Ф. Шванебахом отставки в 1907 г.: «Я вышел в отставку, потому что государь и Столыпин не только октябристы, но и кадеты». Шутку в том смысле, что П. Н. Милюков может вскоре заменить П. А. Столыпина, П. Х. Шванебах парировал: «Кто знает? Мы живем в темном царстве»[459]. Большой скепсис у него вызывал «уровень понимания средней массы народного представительства», который оценивался им как крайне низкий.

Вероятно, Россия для него так и не стала родной. Может быть, это и случайно, но символично: умер П. Х. Шванебах в Магдебурге, где и был похоронен.

Своеобразную малороссскую колонию в столичных государственных органах в начале XX в. возглавил **Михаил Мартынович Алексеенко** (1847 (1848)–1917). Этот выходец из купеческой семьи окончил юридический факультет Харьковского университета (1869 г.), где затем прошел путь от доцента (1870–1879 гг.) до ординарного профессора (с 1880 г.), заслуженного ординарного профессора кафедры финансового права, декана юридического факультета (1886–1891 гг.) и ректора (1890–1899 гг.). Уже первые публикации начинающего исследователя были связаны с проблемами финансового права[460]. Объектом исследования стала прежде

---

[457] Суворин А. С. Дневник. С. 448.

[458] Там же. С. 419.

[459] Там же. С. 422.

[460] См.: Алексеенко М. М. Организация государственного хозяйничания. Харьков, 1870; Его же. О подушной подати в России. Харьков, 1870; Его же. Взгляды на развитие учения о налогах у экономистов А. Смита, Ж.-Б. Сэя, Д. Риккардо, Ж. Сисмонди, Д. С. Милля. Харьков, 1870; Его же. Общая теория переложения налогов. Харьков, 1870 и др.

всего организация государственного хозяйства, т. е. определение потребностей государства и способов их обеспечения, которые должны находиться в равновесии. М. М. Алексеенко выделил три ступени в организации государственного хозяйства: 1) учение о бюджете; 2) учение о кассовой части; 3) учение об отчетности и контроле. Построение финансового плана (бюджета) должно основываться на базовом принципе государственного хозяйства – законе равновесия доходов и расходов. Меры, направленные на исполнение бюджета, по словам М. М. Алексеенко, связаны с деятельностью касс, на которые возложены функции приема и выдачи сумм, рационального счета прихода – расхода. А самой главной задачей контроля должно быть наблюдение за возможно точным исполнением финансового закона, устранение произвола в налогах, расточительности в расходах. Под финансовой системой государства автор понимал «совокупность положительных юридических норм, по которым государство, установивши свои задачи, в видах выполнения их определяет способы пользования источниками народного дохода»[461]. В своем исследовании М. М. Алексеенко писал, что он также имел в виду и необходимость в организации государственного хозяйства «привести к единству функции различных государственных органов, направленные на достижение хозяйственного равновесия между государственными надобностями и государственными средствами»[462].

Другая работа автора, того же года издания, – «Взгляды на развитие учения о налоге у экономистов А. Смита, Ж.-Б. Сэя, Д. Рикардо, Ж. Сисмонди и Д. С. Милля» (Харьков, 1870), – по оценке П. П. Гензеля, носит в значительной степени компилятивный характер, не представляет существенного интереса: автор передает содержание воззрений перечисленных ученых на сущность налога и финансовое хозяйство; чтение книги сильно затруднено обилием иностранных цитат, обычно даже не переданных в переводе[463].

Магистерская и докторская диссертации М. М. Алексеенко по финансовому праву были защищены им соответственно в

[461] Алексеенко М. Организация государственного хозяйничанья. С. 11.
[462] Там же. С. 81.
[463] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 48.

1872 и 1879 гг. и изданы в виде книг[464]. Его магистерская диссертация «Государственный кредит. Очерк нарастания государственного долга в Англии и Франции», по мнению П. П. Гензеля, также носит компилятивный характер, но представляет все-таки несомненный интерес как одно из наиболее полных в русской литературе сочинений по истории государственных финансов Англии и Франции с древнейших времен до 1815 г.[465] В магистерской диссертации автор поставил целью рассмотреть влияние государственных долгов на экономическое и политическое состояние народов. В качестве выводов прозвучали, в частности, положения о финансовом значении «Великой хартии» как документа, ограничивающего фискальные пути королевской власти. М. М. Алексеенко утверждал, что парламентаризм предпочитал прямому обложению, которое не вязалось с интересами господствующих общественных сил, займы, т. е. пользование долгим рядом будущих поступлений от косвенных налогов на потребление. Отсутствие действительного финансового контроля со стороны народного представительства вело во Франции к финансовому банкротству[466].

Его докторская диссертация «Действующее законодательство о прямых налогах» носила догматический характер. В ней автор излагал содержание действующих в то время законов о подушной подати, налоге на городские недвижимости, об обложении торговли и промыслов, о повинностях и оброчной подати. Главным источником этого сочинения послужили «Труды комиссии по пересмотру податей и сборов», учрежденной в 1859 г., соответствующие законодательные акты и некоторые другие материалы. Автор, как он пишет сам, дает объективную научную критику действующего законодательства о прямых налогах с двух точек зрения: экономической и юридической. В первом случае он разбирает соответствие признаков, по которым берется налог, платежной способности или ее внешним проявлениям, рассматрива-

[464] Алексеенко М. М. Государственный кредит. Очерк нарастания государственного долга в Англии и Франции. Харьков, 1872; Его же. Действующее законодательство о прямых налогах. СПб., 1879.

[465] Гензель П. П. Указ. соч. С. 78.

[466] Алексеенко М. М. Государственный кредит. Очерк нарастания государственного долга в Англии и Франции. С. III–IV.

ет экономическое влияние приемов установления и взимания налога. Во втором случае исследуется определенность законодательной формулировки признаков, по которым констатируется наличность податной обязанности и устанавливаются ее размеры. Ученый отмечал разрозненность и обособленность прямых налогов, разнородность и несоизмеримость налогообложения различных предметов. Так, налоги с торговли и промыслов оказываются далеко не налогами, как тягостями известных лиц, а лишь затруднениями торговой и промышленной деятельности, составными частями издержек производства, которые восстанавливаются в цене товаров и продуктов. Автор приходит к выводу, что в интересах поднятия уровня народного благосостояния в рамках реформы следует снизить размер налоговых обременений крестьянства, установить всеобщее привлечение так называемых неподатных сословий. Назрели, по мнению автора, и реформы налогообложения торговли и промыслов, также необходимо пополнить систему прямых налогов за счет включения в объект налогообложения пропущенных объектов (капиталы, профессии, должности и службы) и недостаточно затронутых (крупная промышленность, личная и коллективная)[467]. М. М. Алексеенко, рассматривая налоги с юридической точки зрения, настаивал и на принципе определенности налоговой обязанности. Он подчеркивал, что «неопределенность признаков податной обязанности оказывается роковой для плательщиков в столкновениях с финансовой администрацией, особенно при таком положении дел, когда у исполнителей закона, при довольно широкой области применения "собственного усмотрения", недостаточно развито чувство долга»[468].

В 1874–1876 гг. в зарубежной командировке он изучал налоговые системы Великобритании, Германии и Франции. Первоначально М. М. Алексеенко испытывал влияние исторической школы, и главным образом немца Л. Штейна, однако учитывал и критику социалистами существующего строя. Впоследствии, по мнению Л. И. Буковецкого, ученый был ближе к старозаветному

[467] Алексеенко М. М. Действующее законодательство о прямых налогах. С. VI–VII.

[468] Там же. С. V.

манчестерству[469]. Нам такое отнесение представляется несколько условным, т. к. М. М. Алексеенко в целом остался на позициях исторической школы и не был чужд социологическому подходу к проблемам финансового права. Так, отвечая на вопрос, вводить или не вводить в России подоходный налог, М. М. Алексеенко писал, что «надо прежде всего убедиться, имеются ли налицо условия, при которых эти меры сохраняют свое существо». В связи с этим он рассмотрел условия, которые придают подоходному налогу тот или иной характер. С одной стороны, как отмечает ученый, подоходный налог может быть самым совершенным выражением податной обязанности – обязанности подданного давать на содержание близкого ему, родного государства долю, соразмерную его платежной способности. Подоходный налог может приближаться к идеалу – к добровольной складчине, может быть основан на согласном сочетании правдивых собственных показаний и беспристрастных комиссионных проверок. С другой стороны, подоходный налог может быть опорочен упорным сопротивлением или «ехидным увиливанием» плательщиков, против которых закон может применять кары. Подоходный налог может выродиться в незаслуженную конфискацию, в вымогательство со стороны агентов фиска. Отсюда ответ на вопрос о целесообразности введения в России подоходного налога зависит «от характера отношений массы плательщиков к государству, от культурного возраста населения и от достоинства агентов власти»[470].

Параллельно с преподаванием ученый был гласным губернского и уездного земства, городской думы, занимался местными финансами, активно публиковался по финансовым вопросам в периодической печати, издавал учебную и научную литературу[471]. В 1899–1901 гг. М. М. Алексеенко был попечителем Казанского, затем, в 1901–1906 гг., – Харьковского учебных округов, стал тайным советником (1899 г.). После отставки его жизнь круто повернул зарождающийся российский парламентаризм. Он

---

[469] См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 226.

[470] Алексеенко М. М. Подоходный налог и условия его применения. Харьков, 1885. С. 34–35.

[471] См.: Алексеенко М. М. Конспект финансового права. Харьков, 1894 и др.

выставляет свою кандидатуру на выборы в I и II Государственные думы и в 1906 г. – в Госсовет, однако неудачно. Наконец он избирается депутатом III и IV Госдум от Екатеринославской губернии.

В Думе его талант и знания специалиста по финансовому праву оказались востребованы. Там он пользовался большим авторитетом ученого-финансиста, возглавил бюджетную комиссию, имел репутацию крупнейшего думского специалиста в области бюджета и финансового аспекта аграрного вопроса[472].

Ученый горячо защищал расширение бюджетных прав Думы. М. М. Алексеенко последовательно выступал против сверхсметных и условных кредитов, зато поддерживал увеличение ассигнований в производственный сектор и на образование, продолжение политики выкупа частных железных дорог казной. Он был сторонником сохранения имеющихся государственных монополий, хотя и выступал против введения новых, поддерживал ограничение эмиссионных прав Госбанка. Проблемы налогообложения он ставил в тесную связь с проблемами материального положения того или иного сословия. В связи с этим обложение крестьян в силу их низкого жизненного уровня ученый не считал нужным ставить в центр внимания. Напротив, он предлагал совершенствовать систему прямых налогов, т. к. отсутствовало единое основание налогообложения различных слоев населения, а прямые налоги с торговли и промышленности выступали в форме издержек производства и неизбежно восстанавливались в ценах произведенных товаров и оказанных услуг. Для совершенствования прямого обложения им обосновывалось перераспределение обложения торговли и промыслов, расширение предметов обложения за счет капитала, профессии и службы и увеличение обложения крупной промышленности. Кроме того, ученый полагал необходимым включить в число плательщиков налогов так называемые неподатные сословия.

М. М. Алексеенко считается основоположником т. н. «делового парламентаризма», целью которого была не эскалация политической борьбы и конфронтации с царской администрацией, а

[472] См.: Алексеенко М. М. Пятилетие бюджета в III Государственной думе. СПб., 1912; Его же. Аграрный вопрос. Екатеринослав, 1907 и др.

конструктивное участие в решении важных государственных вопросов. Его стараниями бюджетная комиссия стала одной из самых авторитетных в III Госдуме. В IV Госдуме он входил в ту же комиссию, представлял ее в Комитете финансов в 1914–1917 гг. Так, в Докладе III Всероссийскому съезду «Союза 17 октября» он поставил и рассмотрел вопрос о правилах государственной росписи от 8 марта 1906 г. и 1862 г., которые ограничивают деятельность Государственной думы в деле бюджета. Он буквально по статьям дал развернутый комментарий названных правил, а также правил о финансовом контроле, отмечая довольно существенную роль административного усмотрения в расходовании средств государства, отсутствие самостоятельного контрольного учреждения (бюджетного контроля), неполной ответственности Государственной думы за результаты рассмотрения бюджета. Он делает совершенно справедливый вывод: «Правильный строй государственного хозяйства составляет одну из основ политического могущества государства»[473].

Со слов П. П. Мигулина, о котором речь пойдет далее, один из высокопоставленных чиновников заявил, что Государственная дума – это «М. М. Алексеенко, многолетний председатель Бюджетной комиссии, пользовавшийся среди депутатов непререкаемым авторитетом»[474]. Депутат от фракции октябристов А. В. Еропкин впоследствии вспоминал, что «профессор Алексеенко был идеальным председателем Бюджетной комиссии и вынес… колоссальную работу на своих плечах», и даже утверждал, что «без профессора Алексеенко Государственная Дума ни в коем случае не справилась бы с бюджетом». Он выступал редко; обычно раз в год при обсуждении бюджета, и произносил речь, продолжавшуюся несколько часов. «Дума при этом всегда была переполнена и слушала оратора с величайшим вниманием… встречала и провожала профессора Алексеенко громом аплодисментов»[475]. По воспоминаниям современников, Бюджетная ко-

[473] Алексеенко М. М. Русское бюджетное законодательство. М., 1909. С. 23.

[474] См.: Мигулин П. П. Большой человек // Новый экономист. 1917. № 8–9. С. 6.

[475] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 56, 58–60.

миссия, в сущности, держала в своих руках все нити думской работы, ибо почти все законопроекты передавались на заключение Бюджетной комиссии по вопросу об ассигновании средств из казны. Министры не позволяли себе игнорировать работу этого учреждения. В. Н. Коковцов, будучи министром финансов и председателем Совета министров, почти всегда лично давал объяснения в Бюджетной комиссии, нередко весь день присутствовал на ее заседаниях. Между Коковцовым и Алексеенко установились прочные деловые отношения, основанные на общности позиций и даже сходстве характеров. «В психике обоих было нечто общее – большая осторожность, расчетливость, любовь к законности, – вспоминал Н. В. Савич. – Мне казалось, что они недолюбливали друг друга, но очень ценили корректность установившихся между ними отношений. Министр финансов находил в председателе Бюджетной комиссии деятельного сотрудника в проведении той линии финансовой политики, которую он считал единственно правильной»[476]. Многие министры являлись на заседание Бюджетной комиссии как на экзамен или суд. «Надо было видеть и полюбоваться, как искусно и с каким достоинством профессор Алексеенко вел заседания с приглашенными министрами: он был в высшей степени корректен и любезен. Но стоило какому-либо министру…поверхностно отнестись к делу или к задаче Государственной Думы, как он моментально его осаживал». Так он «осадил министра торговли Шипова, который думал отвертеться на пустяках или с кондачка: профессор Алексеенко произвел ему…экзамен, и министр отвечал так неудовлетворительно, что всем стало неловко»[477].

В 1913 г. Михаил Мартынович выступил одним из создателей журнала «Новый экономист», был автором ряда его передовых статей. По своим политическим взглядам он примыкал к партии октябристов, хотя сохранял известную политическую независимость[478]. Не с лучшей стороны, однако, характеризует его открытое протежирование своему зятю П. П. Мигулину.

---

[476] Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 36.
[477] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 57.
[478] См.: Мигулин П. П. Большой человек. С. 6–9.

Петр Петрович Мигулин (1870–1948) не довольствовался вторыми ролями и принимал непосредственное участие в выработке основных направлений финансовой политики. При всей неоднозначности его личности и научного наследия стоит подчеркнуть, что он более десятка лет входил в число видных государственных деятелей, имевших отношение к сфере финансов. Интерес к этой противоречивой фигуре наметился только в последнее десятилетие[479].

П. П. Мигулин был выходцем из семьи священника, выпускником юридического факультета Харьковского университета (1893 г.), учеником, а затем и зятем М. М. Алексеенко. В 1893–1894 гг. он посетил Францию, Великобританию, Швейцарию и Австро-Венгрию. После недлительного пребывания присяжным поверенным он был принят в 1895 г. стипендиатом кафедры финансового права Харьковского университета для подготовки к профессорскому званию, в 1895–1896 гг. в зарубежной научной командировке изучал финансовую политику европейских стран, работал в архивах и национальных банках Турции, Болгарии, Сербии, Италии, Испании, Португалии и Нидерландов. В 1895 г. молодой ученый входил в состав российской делегации на Парижской и Амстердамской промышленных выставках. Его первая крупная работа, как и ряд последующих, была посвящена денежному обращению и банковской системе[480]. В 1897 г. в качестве приват-доцента П. П. Мигулин начинает вести занятия по торговому, а с 1899 г. – по финансовому праву. В 1898 г. он получил доступ к архивам Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов (причем с некоторых секретных документов он смог снять копии), а также к личному архиву Н. Х. Бунге, хранящемуся в Киевском университете. Это было бы невозможно без поддержки его тестя, М. М. Алексеенко. В основном на базе

[479] См.: Балахонова Е. В. Экономические взгляды П. П. Мигулина: дис. … канд. экон. наук, СПб., 2001; Дмитриев А. Л. Петр Петрович Мигулин // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 287–297 и др.

[480] См.: Мигулин П. П. Регулирование бумажной валюты в России. Харьков, 1896; Его же. Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893–1902). Харьков, 1902; Его же. Наша банковая политика (1729–1903). Харьков, 1904 и др.

архивных материалов молодой ученый опубликовал исследование «Русский государственный кредит (1769–1886). Опыт историко-критического обзора» (т. 1, Харьков, 1899), которое было защищено им в качестве магистерской диссертации по финансовому праву в Казанском университете в 1900 г. Продолжение этих исследований увенчалось изданием монографии «Русский государственный кредит (1887–1892). Министерство финансов И. А. Вышнеградского» (т. 2, Харьков, 1900) и защитой докторской диссертации по финансовому праву в Киевском университете в 1901 г. Защита двух диссертаций в течение двух лет подряд – непревзойденный и по сей день «рекорд» отечественной науки финансового права. Затем был издан том 3 «Русский государственный кредит (1893–1899). Министерство С. Ю. Витте и задачи будущего», включающий 5 тематических выпусков (Харьков, 1901–1907). Этот объемный фундаментальный труд получил весьма лестную оценку у современников, за ним признавали «серьезное и выдающееся значение, как наиполнейшее в русской литературе исследование о русском государственном кредите, как содержащий в себе богатейший и интересный материал, собранный с глубоким знанием дела, как открывающий широкое поле для размышлений»[481].

В исследовании автор придерживается строго хронологического порядка изложения вопроса, которое сопровождается обширным фактическим и цифровым материалом. В первом томе особое место отводится государственному железнодорожному кредиту, выкупной операции и государственному ипотечному кредиту. П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» отмечал, что научный анализ проведен автором в отрыве от окружающих общественных и экономических условий. При этом П. П. Мигулин «глубоко верит во всемогущество министров финансов», подробно исследует даже психологию министров (например, особенно Е. Ф. Канкрина)… Чрезвычайно интересные описания политики железнодорожного кредита, в связи с прекрасными иллюстрациями многочисленных хищений и злоупотреблений в этой области, теряют подчас в цене из-за отсутствия попытки углубить свой анализ и выяснить корень и причины

[481] Гензель П. П. Указ. соч. С. 80–81.

«нецелесообразной железнодорожной политики. То же приходится сказать и о полных интереса подробностях выкупной операции и Государственного кредита»[482]. Вместе с тем в рассматриваемом сочинении П. П. Мигулина читатель встретит многочисленные отступления, не относящиеся к делу, или, как пишет П. П. Гензель, в фельетонном духе. Например, это рассуждения автора о превосходстве кофе в русских ресторанах сравнительно с немецкими или о необходимости ограничить «ненормальные явления – как завещание И. С. Тургеневым своего крупного состояния П. Виардо».

Второй том сочинения П. П. Мигулина посвящен анализу финансовой политики И. А. Вышнеградского. Автор признал ее неудовлетворительной и в заключительной главе указал на те «недостатки» русской финансовой политики, которые предстояло исправить преемнику И. А. Вышнеградского: передать местным самоуправлениям государственный поземельный и подомовой налоги, ввести общеподоходный налог, произвести ряд реформ в косвенном налогообложении, усилить налоги на предметы роскоши, выкупить защитные леса, передать в руки Госбанка «огромное большинство всех коммерческих операций в стране» и др.[483] Напомним, что именно этот второй том и был представлен как докторская диссертация. Профессор Киевского университета Н. П. Яснопольский в отзыве о сочинении П. П. Мигулина «Русский кредит (1799–1899). Т. 2. Министерство И. А. Вышнеградского» назвал его «очень ценным вкладом в русскую финансовую науку и по живому интересу для современности его темы, и по огромному количеству затраченного автором труда, и по научности его приемов, и по самостоятельности». Автор подвергает критике, по словам рецензента, мероприятия в области русского государственного кредита с позиций вполне определенных теоретических воззрений. П. П. Мигулин приложил много усилий для выяснения причин успешности или неуспешности, выгодности или же убыточности рассмотренных им кредитных операций. Он «не только сравни-

[482] Гензель П. П. Указ. соч. С. 80.

[483] См.: Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1887–1892). Т. 2. Министерство И. А. Вышнеградского. Харьков, 1900. С. 570 и сл.

вает состояние русского государственного кредита с аналогичными явлениями в главнейших государствах Западной Европы и Северо-Американских Соединенных штатах, но счел для себя возможным высказаться по чисто практическому вопросу в области финансовой политики: как следовало бы поступить в тех или иных условиях… произвел множество вычислений». По мнению Н. П. Яснопольского, автор дал «объективную и научно беспристрастную оценку финансовой деятельности И. А. Вышнеградского»[484].

В третьем томе монографии «Русский государственный кредит (1893–1902). Министерство С. Ю. Витте и задачи будущего» (вып. 1–5, Харьков, 1901–1907) ученый вначале дал краткий обзор политики С. Ю. Витте и основное внимание уделил рассмотрению особенностей конверсионных операций 1893–1901 гг., а также проблемам банковской политики, денежного обращения, ипотечного кредита и железнодорожных займов и железнодорожной политики (1893–1902 гг.). В целом третий том охватывает период с 1893 по 1902 г., т. е. период министерства С. Ю. Витте, а исследование отдельных проблем доведено до 1906 г. Интереснейшей частью обширного исследования П. П. Мигулина его современники называли разработку огромного материала по денежному обращению и денежной реформе. Автор подробно рассмотрел проекты и материалы обсуждения денежной реформы в законодательных сферах, в ученых обществах и прессе, знакомил читателей с содержанием многочисленных работ о нашей денежной системе М. П. Кашкарова, П. Х. Шванебаха, П. И. Георгиевского, П. А. Никольского и др. П. П. Мигулин дал общую оценку реформы, отметив ее достоинства и недостатки. К достоинствам денежной реформы автор относил переход к золотому монометаллизму, удачный курс фиксации и техники девальвации; удачный выбор момента и осторожность проведения реформы. Недостатки реформы: чрезмерный выпуск серебряной моне-

[484] Отзыв о сочинении П. П. Мигулина «Русский государственный кредит (1799–1899) Т. 2. Министерство И. А. Вышнеградского», представленном в юридический факультет Киевского университета св. Владимира для приобретения степени доктора финансовых наук (подготовлен Н. Яснопольским. 1901 г., 20 ноября). Киев, 1902. С. 45–46.

ты, дороговизна реформы, чрезмерное расточение золотого фонда, необеспеченность расчетного баланса.

П. П. Мигулин также изложил историю старых кредитных установлений и их ликвидации, «банковую политику в пореформенную эпоху, до С. Ю. Витте», где немало места отвел деятельности государственных Крестьянского и Дворянского земельных банков. Автор ратовал в пользу объединения этих банков и создания одного государственного бессословного ипотечного банка, берущего в свои руки земельный кредит всей страны. В эпоху министерства С. Ю. Витте дана обстоятельная характеристика деятельности Государственного банка в связи с вопросом о денежной реформе и эмиссионной операции.

Не меньший интерес в исследовании П. П. Мигулина представляют вопросы железнодорожной политики. Он проанализировал практику министерства С. Ю. Витте по поощрению частного железнодорожного строительства, порой, как считал автор, в ущерб казенным интересам. Положительно оценена политика выкупа частных железных дорог в казну, однако, по его расчетам, правительство, вследствие различных, часто безусловно неосновательных поблажек, переплатило за выкуп до 49 млн рублей. Исследуя казенное железнодорожное хозяйство, П. П. Мигулин с помощью цифровых выкладок доказал, что дохода от казенный сети дорог казначейство не получает. Все доходы идут на покрытие расходов эксплуатации, оплату железнодорожных наймов и др. В заключение автор рассмотрел реформу железнодорожных тарифов и сделал попытку исчислить доходность железных дорог. П. П. Мигулин считал, что железнодорожное хозяйство настоятельно нуждается в серьезных улучшениях.

В 1900–1903 гг. Петр Петрович во время зарубежных научных командировок изучал изменения в финансовой политике стран Европы, а в 1910 и 1911 гг. был командирован в Лондон с научными целями. С 1901 г. он стал и. д. экстраординарного профессора, а с 1902 по 1911 г. являлся ординарным профессором кафедры финансового права Харьковского университета, в 1903 г. получил чин действительного статского советника. Примечательно, что несколько лет подряд он не только читал основной курс финансового права, но и вел занятия по торговому праву и даже гражданскому процессу. Характерно, что учебника по финансовому праву

или своего курса лекций он так и не опубликовал. Тогдашний попечитель Харьковского учебного округа М. М. Алексеенко не стал ждать даже окончания традиционного годичного срока пребывания своего зятя в должности и. д. экстраординарного профессора и сразу провел его на должность ординарного профессора. Однако при выборах профессорского суда в университете П. П. Мигулин был полностью забаллотирован. Подчеркнем, что щепетильная к родственным связям профессура с предубеждением встретила случай столь явного протежирования.

Однако молодого честолюбивого профессора прельщала большая политика, тем более что его тесть М. М. Алексеенко вскоре стал одним из главных авторитетов Государственной думы в сфере финансов и мог ему покровительствовать. В своих научных работах он подверг критике денежную реформу С. Ю. Витте, Устав Госбанка 1894 г., выступил против идеи долгосрочных операций, промышленных ссуд и др. В 1902 г. Петр Петрович участвовал в съезде Международного союза промышленников в Петербурге. Так постепенно от научных дискуссий он перешел к политической деятельности.

П. П. Мигулин в 1905 г. вступил в партию октябристов, стал соавтором ее аграрной программы и на первом ее съезде выступил с докладом «К вопросу о земельном устройстве крестьян» (опубликован в 1906 г.). Как авторитетного специалиста по аграрному вопросу[485], его включают в 1907 г. в Совет главноуправляющего землеустройством и земледелием (министра земледелия), где он становится фактически заместителем руководителя по правовым вопросам (1907–1908 гг.). Вследствие такого карьерного поворота фактически все его публикации с начала XX в. имели практическую направленность. Они представляли собой сборники аналитических записок, докладов, комментариев, статей с оценкой текущей финансовой политики[486].

---

[485] См.: Мигулин П. П. Русский сельскохозяйственный банк. К вопросу о нуждах нашей сельскохозяйственной промышленности. Харьков, 1902; Его же. Выкупные платежи. К вопросу о их понижении. Харьков, 1904; Его же. Аграрный вопрос в России. Харьков, 1906 и др.

[486] Мигулин П. П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы. Харьков, 1903; Его же. Записки о финансовой го-

В записке о финансовой составляющей аграрной реформы он изложил перечень мероприятий, которые впоследствии в некоторой части нашли отражение в т. н. «столыпинской аграрной реформе». Это касается уничтожения малоземелья путем выкупа земли у частных владельцев и создания на этих землях хуторских и отрубных хозяйств, расширения кустарных промыслов, поощрения сельскохозяйственной промышленности. Он также ратовал за распространение среди землевладельцев аграрных знаний, унификацию договоров аренды земель сельскохозяйственного назначения, создание специального сельскохозяйственного банка для комиссионной продажи хлеба в России и за границу, выдачу дешевых ссуд под зерно на элеваторах и частных складах и др. При этом ученый был против конфискации помещичьих земель и национализации земли, а аграрный кризис связывал с ростом народонаселения.

В 1908 г. Петр Петрович представил в финансовую комиссию III Госдумы т. н. финансовый план ликвидации дефицита российского бюджета. Этот план включал в себя отказ от двойного налогообложения, привлечение иностранных капиталов и др. Также он развивал ранее высказанную прогрессивную идею[487] о создании Русского автономного центрального эмиссионного государственного банка, независимого от Министерства финансов. В 1909–1912 гг. при участии П. П. Мигулина издавался журнал «Экономист России», к работе в котором были привлечены почти все известные отечественные финансисты.

Анализируя современное состояние российских финансов, ученый пришел к отрицанию как всеобщего казенного управления экономикой, так и финансового буржуазного либерализма, вытесняющего государство из экономики, лишающего его даже прав ближайшего контроля и высшего надзора. Господство казенщины ведет к экономическому застою и подавлению частной

товности России к войне. Харьков, 1904; Его же. Война и наши финансы. Харьков, 1905; Его же. Настоящее и будущее русских финансов. Харьков, 1907; Его же. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. Харьков, 1910; Его же. Русская внешняя торговля и наш торговый флот. СПб., 1911 и др.

[487] Мигулин П. П. Русский автономный центральный эмиссионный государственный банк. Харьков, 1906.

инициативы. Буржуазный либерализм, по мнению ученого, напротив, ведет к безудержному росту монополий, подчинению сильным слабых, к свободе для рабочих, означающей «свободу умереть с голоду». Альтернативой им П. П. Мигулину виделся государственный социализм, осуществление более справедливого распределения богатства через прогрессивную систему налогообложения, конфискация незаслуженной ренты, прибыли, увеличение расходов на народное образование и подъем благосостояния всего населения. Под его пером финансовая наука превращается из специальной и узкотехнической в социальную науку, изучающую потребности населения и государства и способы их удовлетворения. При этом податное обложение служит направляющей силой хозяйственной жизни населения, поощряет определенные производства и стесняет другие, через казенные заказы привлекает средства в нужные государству отрасли, позволяет присваивать монополизированные производства (почта, телеграф и др.)[488]. Такие размышления русского исследователя были в духе германского катедер-социализма и суждений А. Вагнера о роли финансов.

В 1910 г. ученый назначен членом Особой высшей комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела в России под председательством члена Госсовета инженер-генерала Н. П. Петрова, что нашло отражение в его исследованиях[489]. Он предлагал железные дороги в центральной России строить за счет казны, а в Сибири – за счет средств частных предпринимателей. В 1911 г. он переводится ординарным профессором кафедры финансового права Петербургского университета, тем более что вследствие своей государственной деятельности он и так проводил в столице больше времени, чем в Харькове. В университете он преподавал основные курсы финансового права и теорию финансов. Столичная часть его педагогической карьеры началась с конфуза, когда из-за студенческих волнений в январе – феврале 1912 г. его лекции были сорваны акциями протеста, а некото-

[488] Мигулин П. П. Настоящее и будущее русских финансов. Харьков, 1907. С. 2–4.

[489] См.: Мигулин П. П. К вопросу о частном железнодорожном строительстве. СПб., 1910.

рые полностью бойкотированы студентами. Более того, студенты потребовали отставки нового профессора и даже «суда чести». Дело с большим трудом удалось замять посредством переноса курса финансового права со 2-го на 3-й год обучения студентов. При этом объяснения профессора были признаны «не вполне убедительными», а сам П. П. Мигулин был согласен подать прошение об отставке, если бы лекции не возобновились в 1913 г. К счастью для профессора, студенческие волнения прекратились, и он смог приступить к чтению лекций.

Его коллега по университету приват-доцент А. И. Буковецкий дал ему довольно пристрастную и нелицеприятную характеристику: «Мигулин являлся прямой противоположностью своих предшественников. Лебедев, Ходский, Озеров были людьми широкой европейской культуры… В отличие от них Мигулин почти не знал Запада, но зато лучше, чем они, изучил бюрократический аппарат царской России. Он овладел исключительным знанием бюрократических ″кулис″ и вел постоянные поиски путей к директорским креслам в ведущих петербургских банках»[490]. Приват-доцент прямо обвинил своего коллегу-профессора в связях «с группой проходимцев и спекулянтов Г. Е. Распутина». Ценность его монографии «Русский государственный кредит (1887–1892). Министерство финансов А. И. Вышнеградского» (т. 2, Харьков, 1900) А. И. Буковецкий видел преимущественно в том, что в ней приведены документы Кредитной канцелярии о переговорах царского правительства с западноевропейскими банкирами[491]. Весьма критично о П. П. Мигулине отозвался и С. Ю. Витте: «У Мигулина есть много написанных им книг, но нет ни одной, которая могла бы иметь серьезную претензию на ученость. Это ловкий компилятор, памфлетист <...> везде руководящий мотив: ″я во что бы то ни стало хочу выплыть наверх″». Далее Сергей Юльевич с присущим ему тактом подчеркнул, что «его ученость имеет комическое значение между людьми, действительно не чуждыми

[490] Буковецкий А. И. Краткое обозрение преподавания финансовой науки в Петербургском (Петроградском) университете XIX – первой четверти XX века // История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге. СПб., 1997. С. 26–27.

[491] Там же. С. 26.

науке», и что он имеет некоторый престиж «в буржуазной мелкой среде и между провинциальными львицами». Не забыл бывший министр назвать его «профессором-фельетонистом» и «человеком крайне расплывчатой нравственности и убеждений». Сила его заключалась, по мнению С. Ю. Витте, в том, что он был женат на дочери М. М. Алексеенко. Мемуарист прямо обвинил П. П. Мигулина и правого журналиста Г. П. Сазонова в крупной финансовой афере, в результате которой они получили 250 тыс. рублей, причем часть из них досталась М. М. Алексеенко[492].

Данные суждения отчасти согласуются и с мнением известного профессора-финансиста И. Х. Озерова, подтвердившего, что за большие суммы денег П. П. Мигулин в межведомственных комиссиях лоббировал интересы отдельных компаний по выдаче им концессий на постройку железных дорог. Сам И. Х. Озеров от таких прибыльных, но сомнительных деяний отказывался.

В 1914 г. П. П. Мигулина назначают членом Совета министра финансов с оставлением в должности профессора, он работает в комиссии статс-секретаря П. А. Харитонова по обсуждению росписи государственных доходов и расходов. Петр Петрович стал ближайшим советником министра финансов П. Л. Барка, поддержал его действия по сокращению доходов от казенной винной монополии и замене их поступлениями от прямых налогов. В начале 1917 г. П. П. Мигулин входил в состав финансовой комиссии на Петроградской конференции союзников. Одновременно он выступил вместе с М. М. Алексеенко издателем журнала «Новый экономист» (1913–1917 гг.), который продолжил линию «Экономиста России». К участию в нем привлекались многие ведущие юристы и экономисты страны. Сам ученый входил в Петербургский клуб общественных деятелей, часто публиковался в периодической печати по проблемам финансов, сотрудничал в «Банковой энциклопедии» (т. 1–2, Киев, 1914–1916), опубликовал ряд историко-правовых и аналитических исследований[493].

---

[492] См.: Витте С. Ю. Указ. соч. С. 645–646.

[493] См.: Мигулин П. П. Внешняя торговля России и ее торговый флот. К вопросу о субсидировании казною русских пароходных линий. СПб., 1911; Его же. Экономический рост Русского государства за 300 лет (1613–1913). М., 1913 и др.

Февральскую революции 1917 г. он встретил как неизбежное следствие кризиса самодержавия и шаг к справедливому переустройству экономики и финансов. После октябрьских событий 1917 г., которые он не принял, Петр Петрович эмигрировал во Францию, жил в Ницце, возглавлял отделение научно-исследовательского кружка «К познанию России», правление Общества помощи русским учащимся, состоял директором русской гимназии. Проблемы экономического и финансового развития России не перестали волновать его[494]. Погиб ученый в результате несчастного случая в возрасте 78 лет в Ницце.

Дмитрий Иванович Пихно (1853–1913) не так успешно, как ему, вероятно, хотелось, совмещал академическую карьеру с государственной службой. Он родился в Чигиринском уезде Киевской губернии в бедной многодетной семье, отец его происходил из крестьян-хуторян. Лишь благодаря своим дарованиям и настойчивости он окончил гимназию, юридический факультет Киевского университета (1874 г.) со степенью кандидата права и был оставлен там же в качестве профессорского стипендиата. Он был сначала учеником Н. Х. Бунге по университету, а затем сотрудником по Министерству финансов. «Финансовую» составляющую имеет и то, что он с юности был знаком с С. Ю. Витте. В своих печатных трудах он писал о государственном банке, о реформе денежного обращения, о железнодорожных тарифах, о свободе торговли и протекционизме, о сельскохозяйственной политике и крестьянском вопросе[495].

В 1876 г. в Киеве вышло его сочинение «Коммерческие операции Государственного банка. Выпуск первый», которое

---

[494] См.: Русская аграрная проблема и сельскохозяйственная катастрофа в Советской России // Труды кружка «К познанию России». Сб. Вып. 1. (1929–1934). Париж, 1934. В некоторых справочных изданиях (см.: Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 1. М., 2009. С. 447) ошибочно указывается, что после Октябрьской революции он остался в России, а в 1902–1924 гг. был библиотекарем Петербургского технологического института.

[495] См. подробнее: Цытович Н. М. Воззрения Д. И. Пихно в области экономической политики // Труды Киевского юридического общества, состоящего при Императорском университете св. Владимира. За 1911–1914 гг. Киев, 1915. С. XV–XXXI.

было защищено в Киевском университете в качестве магистерской диссертации по полицейскому праву. Н. Х Бунге, представляя его, подчеркнул, что это замечательное сочинение в ряду не только русских, но и иностранных. В этой магистерской диссертации сказывалась общность научных интересов ученика и учителя. Н. Х. Бунге посвятил теории кредита докторскую диссертацию, его ученик магистерскую диссертацию посвящает анализу деятельности главного кредитного учреждения России. Эта диссертация была первой работой, в которой анализировались операции Государственного банка. После краткой характеристики дореформенных кредитных учреждений и описания причин, вызвавших реформу, автор дал детальный анализ операций банка со времени его основания (1860 г.) по 1875 г. Он писал о двойственной природе Государственного банка, которая была продиктована возложением на него задач: 1) оживления торговых оборотов; 2) упрочения денежной кредитной системы. Из этих двух задач вытекали две категории операций банка: финансовые операции и коммерческие операции. В книге Д. И. Пихно показывает, как финансовые операции отвлекают основные средства банка. Отсюда слабость развития коммерческих операций. «Условия, – писал Д. И. Пихно, – среди которых банку пришлось начать свою деятельность, парализовали на довольно долгое время развитие его коммерческих операций и лишили его самостоятельности»[496]. Далее в работе автор проанализировал средства Государственного банка и географическое распределение его операций. Здесь он отметил крайнюю централизацию деятельности банка и выступил решительным противником такой системы. «Непреодолимое стремление, – отмечал он, – к централизации, причем столицы, как мистический минотавр, пожирают русские капиталы, не подлежит сомнению… Если вообразим себе громадный малокровный организм, страдающий приливами к сердцу и мозгу, то этот образ даст довольно точное понятие об экономическом состоянии нашего отечества. Россия очень бедна капиталами…но в то же время очень обширна… Тогда как громадные естественные бо-

[496] Пихно Д. И. Коммерческие операции Государственного банка. Киев, 1876. С. 44.

гатства страны остаются нетронутыми и промышленность находится под гнетом высоких процентов, от которых пришли бы в ужас западноевропейские коммерсанты, в Петрограде и Москве банковые кассы переполнены вкладами, и правления банков часто жалуются, что они несут потери от наплыва денег, для которых трудно подыскать выгодное помещение»[497]. В Государственном банке Д. И. Пихно видел мощный рычаг, направление деятельности которого в сфере коммерческих операций могло бы многое изменить к лучшему[498].

Неожиданно острой, хотя и не публичной, критике магистерскую диссертацию Д. И. Пихно подверг видный криминалист А. Ф. Кистяковский (1833–1885). В своем дневнике этот профессор писал о нем: «Сочинение ничего из себя не представляет. Дюжинная, рядовая, казенная работа. Таково мое мнение. Конечно, я должен относиться осторожно и к своему мнению. Я чувствую антипатию к молодому дельцу…»[499]. Однако это не помешало поступательному развитию академической карьеры «молодого дельца»: в 1877 г. его избирают приват-доцентом, а в 1885 г. – экстраординарным профессором Киевского университета.

В 1885 г. по инициативе Н. Х. Бунге Д. И. Пихно приглашают на работу в Министерство финансов чиновником для особых поручений, где он занимался подготовкой заключений о выкупе частных железных дорог в казну и представлял Министерство финансов в Совете по железнодорожным делам. Однако его чиновничья служба продлилась недолго, хотя он и успел получить чин действительного статского советника (светского генерал-майора) и сделался «его превосходительством». В этот период ученый продолжал придерживаться достаточно либеральных взглядов, был сторонником сокращения вмешательства государства в экономическую жизнь.

---

[497] Пихно Д. И. Коммерческие операции Государственного банка. С. 112–113.

[498] См. подробнее: Билимович А. Д. Памяти Д. И. Пихно // Труды Киевского юридического общества, состоящего при Императорском университете св. Владимира. За 1911–1914 гг. С. I–XIV.

[499] Цит. по: Гриценко И. С., Короткий В. А. Юридический факультет Университета Святого Владимира. 1834–1920. Киев, 2009. С. 136 (на укр. языке).

После отставки Н. Х. Бунге у него возникли разногласия с новым министром финансов, и в 1887 г. Д. И. Пихно вернулся в Киевский университет, продолжил научные исследования, связанные с финансовой проблематикой[500], редактировал газету «Киевлянин» (редактор в 1879–1907 гг.). При этом он числился чиновником для особых поручений Министерства финансов до 1907 г., входил в состав Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности[501]. В этот период он защищает в Киевском университете (1988 г.) докторскую диссертацию по полицейскому праву – «Железнодорожные тарифы. Опыт исследования цены железнодорожных перевозок» (опубликована в виде книги в 1888 г.). Ее можно рассматривать как результат не только теоретического, но и практического знакомства автора с вопросами железнодорожной политики. В ней автор предлагает теорию железнодорожного дела, осуществляя анализ условий спроса и предложения железнодорожных услуг. П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» отмечает, что в результате исследования резюмируются основные положения современной теории железнодорожных тарифов, дается подробная классификация и определения. Однако историческую перспективу автор игнорирует[502]. В рассматриваемой работе он поставил задачей определение экономических условий, влияющих на установление цены железнодорожных перевозок и, сообразуясь с этими условиями, установление правил для тарифной политики государства. Автор писал, что интерес народного хозяйства требует, чтобы железнодорожные тарифы обладали следующими качествами: публичностью, равенством для всех пользующихся железнодорожными услугами, простотою, устойчивостью и дешевизной. Ни одному из этих требований не отвечает система тарифов, устанавливаемых железными дорогами единственно под влиянием коммерче-

[500] См.: Пихно Д. И. Коммерческие операции Государственного Банка. Вып. 1. Киев, 1876; Его же. Закон спроса и предложения (К теории ценности). Киев, 1886; и др.

[501] Пихно Д. И. Главнейшие нужды русского сельского хозяйства. 1902; Его же. Пересмотр законоположений о крестьянах. 1904; и др. (статьи в журнале «Киевлянин»).

[502] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 36.

ского интереса, извлечения наибольшей прибыли. По мнению ученого, коммерческая система тарифов с точки зрения интересов народного хозяйства должна быть признана вредной и опасной[503]. Д. И. Пихно приходит к выводу, что железнодорожные тарифы должны быть подчинены государственной власти, которой надлежит взять на себя задачу согласовать их с общественным и государственным интересом. Простой контроль над тарифами частных железных дорог не разрешает задачи – только государственная система тарифов. В основе государственной системы тарифов, по мнению автора, должен лежать принцип платежной способности грузов и издержки провоза. Причем полное осуществление государственной системы тарифов предполагает государственное владение железнодорожной сетью.

Примечательно, что его друг юности С. Ю. Витте начал свою научную работу в сфере финансов с той же тематики, но несколько ранее. По этой проблематике они стали скорее оппонентами, вели постоянную полемику на страницах периодических изданий по вопросам финансирования железных дорог, причем Д. И. Пихно занимал более либеральную позицию. Однако и он не был категорическим противником государственной эксплуатации железных дорог, хотя и не поддерживал излишнего государственного вмешательства в дела частных обществ. По словам С. Ю. Витте, именно эта полемика подвигла его к написанию книги «Принципы железнодорожных тарифов»[504]. В свою очередь, данная полемика дала Д. И. Пихно материал для написания докторской диссертации. С. Ю. Витте по этому поводу подчеркнул: «Таким образом, благодаря полемике, которую я вел с Пихно, он сделался доктором финансового права и ординарным профессором в университете»[505].

Д. И. Пихно исследовал и вопросы денежного обращения в теоретическом и прикладном ключе. Он анализировал конкретные мероприятия по устранению опасностей в связи с выпуском

---

[503] См.: Пихно Д. И. Железнодорожные тарифы. Опыт исследования цены железнодорожных перевозок. Киев, 1888. С. 228.

[504] См.: Витте С. Ю. Указ. соч. С. 112.

[505] Там же. С. 113.

необеспеченных кредитных билетов во время войны[506]. Он поддержал законопроект Министерства финансов, предусматривающий размен бумажных денег на золотую и серебряную монету по существовавшему тогда курсу, т. е. восстановление металлического обращения. Он отмечал, что неразменные бумажные деньги – язвы для России – влекут неисчислимые потери для народного хозяйства, государственного хозяйства и кредита. Одновре- Одновременно он остановился на тех особенностях законопроекта (буквально постатейно), которые нуждались, по его мнению, в дополнениях и улучшениях. Например, он считал необходимым восполнить правовой пробел, установив в законе правила регулирования выпуска кредитных билетов[507].

Д. И. Пихно написал рецензию на сочинение И. И. Кауфмана «Неразменные бумажные деньги в Англии», опубликованное в связи с защитой докторской диссертации. Вывод рецензента однозначно отрицательный. К автору исследования Д. И. Пихно обратился с рядом нелицеприятных вопросов: думает ли почтенный автор «Неразменных бумажных денег в Англии», что в докторских диссертациях позволительно искажать историю или выдавать за историю чуть ли не собрание анекдотов? Предполагает ли он, что под видом ученых академических трудов можно подносить груды сырья, хотя бы и выписанного из «не общедоступных» и «мало известных даже в кругу специалистов» источников? Считает ли Кауфман признаком солидности работы утверждение в одной части сочинения прямо противоположного тому, что в другой? И в заключение рецензии Д. И. Пихно пишет: «Мы искренне готовы пожелать, чтобы издание таких трудов, как ″Неразменные бумажные деньги в Англии″, оставалось единичным»[508].

Д. И. Пихно определил свою позицию и по спорному вопросу экономической политики – вопросу о свободе международной торговли и протекционизме. Он указывал на опасности чрезмер-

---

[506] См.: Пихно Д. Денежное обращение и задачи наших кредитных учреждений. Киев, 1878.

[507] См.: Пихно Д. О реформе денежного обращения. Киев, 1896.

[508] Пихно Д. По поводу соч. И. И. Кауфмана «Неразменные бумажные деньги в Англии» (Оттиск из «Университетских известий». 1877). С. 21.

ного и одностороннего увлечения протекционизмом: «Протекционизм столь же заразителен, как и милитаризм. В настоящее время Европа переживает эпоху общего милитаризма и быстро идет по пути к общему протекционизму, который также разъединяет народы, налагает на них тяжелое бремя и вызывает огромную трату народных сил… Задачи науки и просвещенной государственной политики заключаются в том, чтобы выяснить опасопасность этих явлений и стремиться к устранению их общими усилиями»[509]. Однако все это, по словам ученого, не дает еще основания требовать, чтобы государственная власть отказалась от покровительства промышленности. Покровительство должно оказываться с большой осторожностью, и для него должна быть избрана надлежащая сфера и способ действия. Автор высказал пожелание, чтобы правительство в таможенной политике руководствовалось не покровительственными, а фискальными целями, сообразуясь с общей системой налогов и пошлин.

Под влиянием революционных событий 1905 г. политические взгляды Дмитрия Ивановича резко сдвинулись «вправо». Он стал симпатизировать черносотенному «Союзу русского народа», возглавил его киевское отделение и прямо перешел в лагерь националистически настроенных консерваторов и монархистов. На страницах «Киевлянина» он подверг в 1906 г. резкой критике аграрный проект Н. Н. Кутлера (о нем ниже), чем способствовал тому, что проект был отвергнут, а его автор вышел в отставку. Его авторитет в тот период был достаточно высоким, и даже опальный С. Ю. Витте в негласной беседе предлагал его кандидатуру на должность министра народного просвещения[510].

Настоящее возвращение Д. И. Пихно в чиновный Петербург состоялось в 1907 г. – в качестве члена Государственного совета, каковым он и оставался до 1912 г. Получил чин тайного советника (1913 г). На этот раз он примкнул к фракции крайне правых и как бы поменялся местами с С. Ю. Витте, который в Госсовете оказался по своей позиции левее его. В частности, Дмитрий Иванович поддерживал финансовые меры государства, направленные

[509] Пихно Д. И. О свободе международной торговли и протекционизме. Киев, 1889. С. 16.

[510] См.: Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 406.

на улучшение экономического положения дворянства, был противником расширения земского самоуправления. С. Ю. Витте в своей манере писал о нем: «Этот Дмитрий Иванович Пихно, в сущности говоря, человек не дурной, мало образованный в заграничном смысле: за границей мало бывал, совсем не знает языков, не знает заграничную науку, совсем не знает культуру заграничную, но по природе он человек умный… вообще он представляет собою человека, довольно выдающегося в общественной деятельности России. Конечно, когда Д. И. Пихно умрет, то о нем через несколько месяцев забудут, но во время своей жизни он играет некоторую роль»[511]. Еще более интересно сравнение Д. И. Пихно и А. Я. Антоновича в интерпретации С. Ю. Витте. «Я думаю, что Антонович как профессор был почти одинакового калибра с Пихно, может быть, даже выше его; книги Антоновича также, как мне кажется, более талантливы, чем книги Пихно, но по природе Пихно, несомненно, человек более умный, определительный и более характерный»[512].

Очень теплые воспоминания об ученом оставил его пасынок, известный впоследствии политический деятель В. В. Шульгин[513].

В отличие от представленных ранее деятелей **Николай Николаевич Кутлер** (1859–1924) сразу выбрал государственную службу, которая стала делом его жизни. Этот выходец из дворян Тульской губернии и выпускник юридического факультета Московского университета (1882 г.) после трех лет работы помощником присяжного поверенного в 1885 г. поступил на службу в Министерство финансов, где сделал прекрасную карьеру, получил чин тайного советника. Первая его публикация по интересующим нас проблемам появилась еще до перехода на госслужбу[514]. Начинал он со скромной должности податного инспектора Московской губернии, затем был ревизором, управлял Симбирской ка-

[511] Витте С. Ю. Указ. соч. С. 109.

[512] Там же. С. 114 (прим.).

[513] См.: Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. С. 108–114 и др. В этих воспоминаниях есть целый ряд неточностей. Так, Пихно и Витте не учились в одном университете, первый из них в 1877 г. стал приват-доцентом, а не профессором и др.

[514] См.: Кутлер Н. Н. Краткий исторический очерк и обзор современного законодательства о земских повинностях. СПб., 1884.

зенной палатой, наконец, стал вице-директором (1892–1899 гг.) и директором (1899–1904 гг.) Департамента окладных сборов. При этом он активно изучал земское и городское хозяйство, непосредственно участвовал в осуществлении финансовой реформы 1895–1897 гг., в изменении порядка взимания окладных сборов, уменьшении земского обложения и отмене круговой поруки с общины при уплате налогов.

В 1904–1905 гг. в кабинете П. Д. Святополк-Мирского он был товарищем министра внутренних дел, в 1905 г. в кабинете С. Ю. Витте – товарищем министра финансов и управляющим Дворянским и Крестьянским банками. Наконец, в 1905–1906 гг. Николай Николаевич был главноуправляющим землеустройства и земледелия (министр земледелия), подготовил проект решения аграрного вопроса за счет частичного отчуждения крупных и средних помещичьих имений в пользу малоземельных крестьян, развития хуторского и отрубного хозяйства. Этот проект не только не был принят, но и вызвал бурное негодование двора и правых кругов. По воспоминаниям В. Н. Коковцова, инициатором подготовки этого проекта был С. Ю. Витте, однако, когда проект был высочайше отвергнут, все свалили на министра земледелия[515].

Для Н. Н. Кутлера это закончилось отставкой в 1906 г. и вступлением в партию кадетов. Затем он вошел в ее ЦК, стал масоном. Как шутили его недоброжелатели, он от обиды «ушел в кадеты». В партии ученый считался крупнейшим специалистом по финансовым и экономическим вопросам, одним из авторов ее аграрной программы. Впоследствии он участвовал в деятельности кадетской фракции I Госдумы, избирался в ее 2-й и 3-й составы. Его полемика в Госдуме с бывшим коллегой и тогдашним министром финансов В. Н. Коковцовым по проблемам бюджета вызывала интерес не только в великосветских[516], общественных и научных кругах, но и у простых обывателей. Сам В. Н. Коковцов писал, что большинство современников пальму первенства в этой дискуссии отдавали министру финансов[517].

---

[515] См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. В 2 кн. Кн. 1. М., 1992. С. 121.

[516] См.: Богданович А. В. Указ. соч. С. 422 и др.

[517] См.: Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 219–222 и др.

Взгляды на вопросы финансов ученый и государственный деятель выражал в своих многочисленных выступлениях на заседаниях Государственной думы о финансовой составляющей аграрной реформы, о введении подоходного налога, о бюджете, а также в докладах, проектах, объяснительных записках[518]. Все они носят прикладной характер и связаны с тем, что Николай Николаевич был основным консультантом партии по финансовым вопросам. Так, в рамках аграрной реформы он разработал финансовуюсоставляющую: какие должны быть проведены государством финансовые операции, сколько денег нужно государству для осуществления этой реформы и как их достать. Его программа содержала ответы на эти вопросы в виде системы мероприятий. Н. Н. Кутлер предлагал принудительное отчуждение частновладельческих земель за справедливое вознаграждение владельцам. Он считал, что эту финансовую операцию должно осуществить государство (казна). За отведенные наделы общества и лица, в свою очередь, должны возместить казне плату в виде оброчных платежей, размер которых зависит от нормальной доходности отведенных им земель и платежных сил этих лиц и обществ[519].

Будучи членом Государственной думы, Н. Н. Кутлер по поручению Финансовой комиссии Государственной думы сделал доклад о проекте Закона о подоходном налоге. Он настаивал на необходимости введения в России подоходного налога, т. к. он «внесет элемент справедливости и тем облагородит нашу податную систему. Введение подоходного налога…укажет новые средства, которые необходимы государству, отныне будут изыскиваться не там, где их искали до сих пор, не в тощих кошельках народной массы… а там, где действительно имеется избыток дохода» [520]. В пре-

[518] См.: Кутлер Н. Н. Аграрные законы 1906 г. и их судьба в будущем. О финансовой стороне аграрной реформы. Нормы дополнительного наделения. СПб., 1907; Его же. К вопросу о введении в России подоходного налога. Доклад члена Государственной Думы Н. Н. Кутлера. СПб., 1911; Его же. Главные черты бюджета на 1913 г. // Русская мысль. 1912. № 2 и др.

[519] Кутлер Н. Н. Аграрные законы 1906 г. и их судьба в будущем. С. 50–51.

[520] Доклад Члена Государственной Думы Н. Н. Кутлера «К вопросу о введении в России подоходного налога» // Известия Общества финансовых реформ. 1911. № 2. С. 44.

ниях по предложенному законопроекту он высказался в защиту высокого уровня необлагаемого минимума, сохранения банковской тайны, т. е. не согласился с предложениями о расширении полномочий податной администрации и обязывании банков доставлять сведения о процентных бумагах плательщиков и др.

Н. Н. Кутлер принимал участие и в заседаниях Вольного экономического общества, а в 1912–1913 гг. был его президентом. Так, в прениях по докладу А. И. Шингарева (о нем далее) «Бюджетные права законодательных установлений и их работа в области бюджета» он высказал целый ряд обоснованных предложений и суждений. В частности, он отмечал, что наш Государствен-Государственный контроль, когда он вошел в состав Кабинета министров, утратил самостоятельность. В то время как «наблюдение за правильным исполнением бюджета нужно возлагать не на законодательные учреждения, а на разумно организованный государственный контроль»[521]. Нельзя не согласиться и с его замечанием о том, что «состав Госдумы более всего зависит от действующего избирательного закона. Поэтому вопрос, как применяется бюджетное право, зависит от избирательного закона». В другом публичном выступлении Н. Н. Кутлер отмечал, что многие разногласия, возникающие между палатами, т. е. Государственной думой и Госсоветом, нельзя разрешить в рамках действующего законодательства. Иными словами, бюджетные правила «совершенно не предусматривают разногласия между законодательными учреждениями относительно доходов»[522].

Одновременно Н. Н. Кутлер активно занялся предпринимательством, вошел в правление Петербургского учетного банка и ряда акционерных обществ. В 1915–1918 гг. он входил в Центральный военно-промышленный комитет, а в 1917 г. председательствовал в торгово-промышленной фракции Предпарламента. Николай Николаевич призывал сократить государственные расходы, не увеличивать налоги, ограничить вмешательство госу-

[521] Бюджетные права законодательных установлений и их работа в области бюджета. Доклад А. И. Шингарева (Стенографический отчет). СПб., 1910. С. 20.

[522] Кутлер Н. Н. Один из вопросов бюджетной техники // Речь. 1908. 14 мая.

дарства в дела бизнеса. Октябрьский переворот первоначально он не принял, был подвергнут, как активный кадет, краткосрочному аресту, затем участвовал в организации помощи бастующим банковским чиновникам. В июне 1918 г. он был арестован повторно, но помилован. Однако затем ученый пошел на сотрудничество с новой властью, стал членом Института экономических исследований Наркомата финансов РСФСР, председателем Секции промышленности и товарообмена и Финансового совета по делам промышленности и торговли, затем членом правления Госбанка РСФСР. В 1921 г. он участвовал в организации помощи голодающим Поволжья, сыграл важную роль в организации и проведении финансовой реформы 1922–1924 гг. Публиковался Николай Николаевич в советский период относительно нечасто, однако его статьи имели концептуальный характер[523]. Так, ученый отмечал большое значение кредитной кооперации в кредитовании сельского хозяйства, отводил решающую роль среднесрочным кредитам и подчеркивал важное значение иностранного капитала для удовлетворения кредитных потребностей[524].

Его смерть 10 мая 1924 г. вызвала сочувственный отклик у коллег по государственной службе и финансовой науке[525]. При этом нет сомнения в том, что, проживи Н. Н. Кутлер еще несколько лет, на него были бы навешаны все характерные для той эпохи ярлыки, начиная от «царского министра» и «капиталиста» до «буржуазного ученого», не понимающего марксизма.

Его сын пошел по стопам отца в части интереса к проблемам финансов. *Константин Николаевич Кутлер* (1888 – после 1941) в 1940 г. подготовил учебник «Государственные доходы СССР (Техника взимания)», тезисы к которому в 1941 г. были представлены для защиты на соискание ученой степени кандидата экономических наук в Ленинградский финансово-экономический институт.

---

[523] Кутлер Н. Н. О банковых билетах // Экономическая жизнь. 1922. 16 нояб.; Его же. Эмиссионное право и кредитная политика Госбанка // Там же. 1922. 20 дек. и др.

[524] Кутлер Н. Н. Сельскохозяйственный кредит // Основные вопросы финансовой политики. Сб. 2. М., 1922. С. 160–165 и др.

[525] См.: Финансовая газета. 1924. 11 мая.

Более радикальную позицию занимал **Александр Николаевич Миклашевский** (1864–1911), политический деятель, экономист, публицист, выходец из дворян Черниговской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета в 1888 г. со степенью кандидата права, ученик видного специалиста по финансовому праву профессора Московского университета И. И. Янжула. За сочинение «История ассигнационного обращения в России» удостоен золотой медали университета и оставоставлен для подготовки к профессорскому званию. Затем был направлен в зарубежную научную командировку (Великобритания, Германия, Италия). С 1894 г. он начал читать лекции, с 1895 г. – приват-доцент Московского университета, в том же году защитил магистерскую диссертацию по политической экономии на тему: «Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса»[526]. В диссертации им рассмотрены основные положения классической школы в отношении денег, а также различные теории денежного обращения. Автор пришел к выводу, что правильное построение денежной теории возможно только на почве единой и последовательно проведенной теории ценности, разработанной классической школой. В своем исследовании А. Н. Миклашевский воспользовался подлинными трактатами важнейших представителей классической школы и богатейшими по содержанию английскими парламентскими отчетами по денежному делу. Но будучи, по его словам, ревностным поклонником историко-этического направления, он старался соединить теорию с политикой[527]. Значительное место в своем исследовании автор отвел истории происхождения монеты, истории производства благородных металлов с древнейших времен до XIX в. в Западной Европе и в России. Автор также остановился на самом важном вопросе денежного хозяйства – на вопросе ценности товаров и денег. Теория ценности денег была рассмотрена в ее историческом раз-

[526] Миклашевский А. Н. Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел юридический. Вып. 9. М., 1895.

[527] Там же. С. III.

витии. Предметом исследования стали и вопросы организации денежного обращения: организация металлического обращения, кредит и кредитное обращение, бумажные деньги, их покупательная сила и влияние на народное хозяйство.

После защиты магистерской диссертации около года молодой ученый служил в Министерстве финансов, участвовал в подготовке денежной реформы 1895–1897 гг. В этот период он опубликовал сборник своих статей «Денежный вопрос в литературе и явлениях действительной жизни» (СПб., 1896). В данном сборнике автор поставил задачу рассмотреть ввиду обесценения серебра вновь поднятый спор о золоте и серебре, о монетной системе, о связи последней с кредитным обращением, а также попытаться разъяснить вопрос о деньгах, как он ставится самой жизнью и разрешается в теоретических исследованиях.

Его государственная служба не была долгой, но стала своеобразной квинтэссенцией научного творчества А. Н. Миклашевского. Впоследствии он выступал в роли независимого эксперта ряда государственных проектов, но непосредственно к работе в государственных органах не привлекался.

Еще в молодости исследователь отличался независимостью суждений и интересом к социальной проблематике[528]. Отсюда широта выдвигаемых им проблем и критическое отношение к российской действительности. С 1896 г. А. Н. Миклашевский – профессор Юрьевского университета, в 1897 г. изучал постановку денежного дела в США. Результатом этого стала целая серия специальных публикаций о денежном деле и о кодификации монетного законодательства в США, об организации расчетных палат[529]. В 1900–1901 гг. в ходе научной командировки в Велико-

[528] См.: Миклашевский А. Н. Повышение и регулирование заработной платы. СПб., 1893; Его же. Рабочий вопрос и социальное страхование Германии // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 3. СПб., 1894. С. 65–124; Его же. Рабочий вопрос и социальное законодательство в Германии. СПб., 1896 и др.

[529] Миклашевский А. Н. Денежное дело в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1897–1898; Его же. Расчетные палаты и их организация в главнейших государствах Европы и Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1898; Его же. Республиканская кодификация монет-

британию ученый занимался проблемами финансовой истории этой страны, в 1904 г. защитил докторскую диссертацию по политэкономии «Обмен и экономическая политика» (опубликована в том же году). В этой работе рассмотрены теоретические основы торговой политики, в том числе ее финансовые аспекты.

В период революции 1905–1907 гг. Александр Николаевич занялся социальной тематикой. Он полагал, что для разрешения любого социального конфликта мирным путем необходимо учитывать интересы сторон социальных отношений, а превалирование мнения только одной из них неизбежно ведет к насилию. Экономическую рациональность он предлагал положить в основу всего комплекса социальных реформ. По его мнению, участие рабочих в управлении производством должно быть существенно расширено. «Старый владельческий класс» через правовые механизмы должен мирно уступить место «нарождающейся рабочей демократии». Построение рациональной социальной политики он не видел без учета этических начал и принципа справедливости. В связи с этим предлагалось в корне изменить налоговую политику, которая должна строиться на принципе прогрессивной подоходности. А. Н. Миклашевский последовательно рассмотрел все возможные в то время способы «защиты интересов труда» как на Западе, так и в России. При этом основное внимание обратил не столько на локауты и стачки, необходимость которых не отрицал, сколько на государственное посредничество в промышленных (трудовых) спорах. Он был сторонником расширения государственного вмешательства в отношения работников и работодателей[530]. Главными направлениями такого вмешательства должны были стать, помимо прочего, увеличение бюджетного финансирования на контроль и надзор за соблюдением трудового и социального законодательства, финансирование мероприятий по охране труда и медицинскому обслуживанию и др.

ного законодательства в Соединенных Штатах перед президентскими борами. СПб., 1900 и др.

[530] См.: Миклашевский А. Н. Арбитраж и соглашение в промышленных спорах. Юрьев, 1907. С. 56–118; Его же. Политика труда и идеалы распределительной справедливости. СПб., 1905 (2-е изд. 1907); Его же. Стачки и социальный вопрос. СПб., 1905.

Основное внимание в работах А. Н. Миклашевского концентрируется на экономической составляющей трудовых отношений. Он справедливо полагал, что производство не может быть рассмотрено в отрыве от проблемы распределения, а фактор заработной платы является во многом определяющим для достижения высоких производственных показателей[531]. Он писал: «Рабочий – всякое лицо, которое совершает те или иные действия или услуги для получения дохода, не превышающего определенного, приблизительно указанного законом, размера в данной отрасли применения труда, причем предполагается доказанным, что этот нормальный доход получается именно благодаря затратам труда. Таким образом, понятие рабочего дохода должно совпадать с понятием трудового дохода»[532]. Ученый отмечал, что «заработная плата, получаемая каждым средним рабочим в виде денег, должна быть достаточна для того, чтобы он, покупая на нее средства существования, прожил известное число лет и дал себе на смену нового работника – своего сына»[533].

Таким образом, речь шла о минимальной заработной плате, которая не должна быть ниже прожиточного минимума работника и должна устанавливаться государством. Он считал участие рабочих в прибылях производства одним из способов выдачи заработной платы, который встречается в России крайне редко, и называл в качестве прибавки к заработку вклады некоторых предприятий в разные кассы фабричной филантропии[534]. В целом ученый призывал не конфисковать, отнимать и делить, а посредством перераспределения финансовых потоков обеспечить более справедливое и разумное устройство общества. Инструментом такого общественного переустройства должен был стать не булыжник, а новое бюджетное и налоговое законодательство, устойчивое денежное обращение. При этом построение рациональ-

[531] См.: Миклашевский А. Н. Повышение и регулирование заработной платы. СПб., 1893.

[532] Миклашевский А. Н. Арбитраж и соглашение в промышленных спорах. С. 69.

[533] Миклашевский А. Н. Анализ понятия заработной платы. Оттиск из «Экономического журнала». 1891. № 6/7. СПб., 1891. С. 4.

[534] Там же. С. 18.

ной денежной политики А. Н. Миклашевский связывал с определенным пониманием философских и этических начал экономической теории[535].

Стоит отметить, что писал А. Н. Миклашевский легко и даже красиво, однако некоторые из высказываемых им положений не совсем реалистичны и даже наивны. Но общий пафос его произведений, построенных на сочетании экономической рациональности и этической оправданности, стоит только приветствовать. Экономическая наука должна быть благодарна ученому и за то, что он перевел на русский язык труды А. Тюрго, Ф. Кенэ, Дж. С. Милля, Д. Ингрэма, подготовил труд «Жизнь и произведения Ф. Кенэ» (СПб., 1896). Брат Александра Николаевича *И. Н. Миклашевский* (1858–1901) также занимался проблемами финансов.

Традицию совмещения научной и общественной деятельности продолжил **Михаил Яковлевич Герценштейн** (1859–1906). Он окончил юридический факультет Новороссийского университета в 1881 г., ученик видного экономиста А. С. Посникова (о нем далее), под руководством которого начал писать научную работу об известном германском экономисте К. Ротбертусе. Затем Михаил Яковлевич продолжил образование в Берлине, Гейдельберге, Париже и Лондоне. По возвращении в Россию сдал магистерский экзамен в Московском университете, однако к преподаванию не был допущен из-за иудейского вероисповедования, а также вследствие того, что за ним со студенческих лет закрепилась репутация «политически неблагонадежного»[536]. С 1886 г. М. Я. Герценштейн служил в Москве в Земском банке, активно занимался научной работой, публиковался в либеральных журналах и газетах. Михаил Яковлевич получил известность как специалист в сфере финансов и кредита[537], изучал реформу ипотеч-

---

[535] См.: Миклашевский А. Н. История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX в. Юрьев, 1908 (2-е изд. 1909); Его же. Народное хозяйство и цены в 1900–1908 гг. СПб., 1910; Его же. О роскоши, или кем лучше быть: стоиком или эпикурейцем. Б. м., Б. г.

[536] См.: Герценштейн М. Я. Биография. Речи. Статьи. СПб., 1906. С. 5–7.

[537] См.: Герценштейн М. Я. О выдаче ссуд земствам, городам, обществам и общественным учреждениям земельными банками. М., 1892 и др.

ного кредита в Германии, перевел закон 1899 г. об ипотечных банках и правах облигационеров[538].

Его исследования носили в значительной части прикладной характер. Автор искал ответы на вопросы, поставленные практикой на повестку дня. Такими вопросами были проблемы кредитов для земств и городов[539], мелких кредитов для решения нужд сельскохозяйственной промышленности[540]. В работе «Кредит для земств и городов» автор описывает кредитные учреждения на Западе, обеспечивающие коммунальный кредит, и подчеркивает их важное значение для местного самоуправления: «Наши города и земства только тогда в состоянии будут выполнять возложенные на них функции, когда получат доступ к организованному дешевому кредиту»[541].

Рассматривая вопрос об учреждении мелкого кредита для нужд сельскохозяйственной промышленности, автор вначале провел социологический анализ позиций и суждений и практики местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по вопросу о том, в чьем ведении должны находиться эти учреждения мелкого кредита. Большинство комитетов к таковым органам отнесли земства и считали наиболее подходящей для учреждения мелкого кредита формой кредитные товарищества. Обобщения российской практики, проведенные М. Я. Герценштейном, сопровождались юридико-догматическим комментарием «Положения об учреждениях мелкого кредита» от 7 июня 1904 г. Особое место в исследовании было отведено положительному опыту деятельности сберегательных касс, правительственного содействия мелкому кредиту в Германии и Австрии, развитию кооперации в Германии. Автор признавал этот опыт полезным для России. Таким образом, его научные исследования отличает единство социологического и сравнительно-правового подходов к анализу правовых проблем, в

---

[538]См.: Герценштейн М. Я. Реформа ипотечного кредита в Германии. СПб., 1900.

[539] См.: Герценштейн М. Я. Кредит для земств и городов. М., 1892.

[540] См.: Герценштейн М. Я. Мелкий кредит в трудах комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Сберегательные кассы. М., 1904.

[541] См.: Герценштейн М. Я. Кредит для земств и городов.

нашем случае в отношении учреждения мелкого кредита, разработки уставов кредитных учреждений.

После принятия православия М. Я. Герценштейн получил возможность преподавания и с 1903 г. избран приват-доцентом Московского университета. В следующем году по книге «Новейшие течения в учении о поземельном кредите в Германии» он защитил магистерскую диссертацию по политэкономии в Московском университете.

При этом Михаил Яковлевич активно участвовал в земском движении, стал одним из идеологов и создателей партии кадетов в 1905 г., был избран гласным Московской городской думы, а также гласным Московского губернского собрания. В следующем году он избран депутатом I Государственной думы, однако вскоре был убит черносотенцами[542]. Его публикации по интересующей нас проблематике отражали его политическую программу в аграрном вопросе, связаны преимущественно с кредитованием и регулированием банковской деятельности[543]. В Государственной думе М. Я. Герценштейн был одним из наиболее видных деятелей в аграрном вопросе, причем он ратовал за передачу всей земли трудящимся на ней[544]. Он показал себя эрудированным экспертом в сфере финансов, ярким парламентским трибуном, обладавшим смелым, язвительным и ярким словом. Его полемические приемы не всегда встречали понимание у высшей бюрократии. Так, министр финансов В. Н. Коковцов был задет тем, что М. Я. Герценштейн на заседание Бюджетной комиссии Госдумы задал ему ряд вопросов, но ответов дожидаться не стал и покинул зал заседаний[545].

Достаточно высок был его авторитет в качестве специалиста по финансам. Современник писал о нем: «Не без основания называли его имя в числе членов парламентского министерства. Тонкий знаток не только аграрного вопроса, но и всего экономиче-

---

[542] См.: Флер М. Г. Михаил Яковлевич Герценштейн. СПб., 1906.

[543] См.: Герценштейн М. Я. Мелкий кредит в трудах комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Сберегательные кассы; Его же. Аграрный вопрос. Национализация земли. Крестьянский банк. Выкупные операции. СПб., 1906 и др.

[544] См.: Нужна ли крестьянам земля? Речи депутата М. Я. Герценштейна в Государственной Думе. М., 1906.

[545] См.: Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 169.

ского и финансового уклада русского государства, он мог бы твердо и последовательно провести финансовую реформу на началах справедливого распределения податных тягот»[546]. П. Б. Струве подчеркнул его принадлежность к душевному типу мудрецов и назвал «ученым-гражданином»[547]. В разгар Первой русской революции в поданной на имя царя записке от партии кадетов кандидатура М. Я. Герценштейна предлагалась на пост министра финансов.

В заключение отметим, что в начале XX в. проблемы финансовых преобразований и их правовое опосредование впервые начали обсуждаться в общероссийском представительном органе. Это привлекло к парламентской и экспертной деятельности большую группу видных ученых-финансистов, а возможность обсуждения проблем бюджета и финансов активизировала соответствующие научные дискуссии. Остается только сожалеть, что этот опыт был прерван революционными событиями октября 1917 г.

[546] Герценштейн М. Я. Биография. Речи. Статьи. С. 12.

[547] Струве П. Б. Памяти М. Я. Герценштейна // Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 21–22.

Глава 5
Члены Временного правительства и развитие финансовой науки (1917 год, и не только)
(П. Н. Милюков М. И. Терещенко, А. И. Шингарев, Н. В. Некрасов, М. И. Бернацкий, Ф. Ф. Кокошкин, А. А. Мануйлов, С. Н. Прокопович, М. И. Фридман, А. С. Посников, П. Б. Струве)

Финансовая наука пользуется одной печальной привилегией: она привлекает общественное внимание преимущественно в моменты испытаний, во время войн или непосредственно вслед за ними

Твердохлебов В. Н. Финансовые очерки. 1916.

Наличие определенного числа чиновников – видных специалистов в сфере финансов – во властных структурах сохранилось и в период Временного правительства. Отметим, что состав этого правительства в целом отличался высоким интеллектуальным уровнем, а количество докторов наук и профессоров было весьма внушительным. В то же время там оказывались фигуры сугубо политические, представляющие преимущественно «левый фланг» политического спектра. Однако не они определяли финансовую составляющую политики Временного правительства, а представители интеллектуальной элиты, обладавшие способностями государственных деятелей и ученых. Информация о министрах Временного правительства, в том числе министрах финансов, помимо справочной литературы, неплохо представлена и в мемуарах, причем преимущественно членов этого правительства и близких к ним деятелей[548]. Именно литература мемуарного или

[548] См.: Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999; Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1990; Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск, 2002; Его же. Вос-

полумемуарного характера позволяет более объективно оценить управленческие и интеллектуальные качества министров и иных чиновников Временного правительства, среди которых было немало специалистов в сфере финансов.

Список таких специалистов с полным основанием должен открыть **Павел Николаевич Милюков** (1859–1943), бывший министром иностранных дел в первом составе Временного правительства. Еще в гимназические годы он принимал участие в общественной жизни. Летом 1877 г. в качестве добровольца участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., был казначеем войскового хозяйства, уполномоченным московского санитарного отряда в Закавказье. С 1877 г. он обучался на историко-филологическом факультете Московского университета, занимался под руководством историков В. О. Ключевского и Ф. Ф. Фортунатова, историков и юристов П. Г. Виноградова и М. М. Ковалевского. В 1881 г. за участие в студенческом движении был арестован и исключен из университета, однако в следующем году окончил университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Одновременно из-за недостатка средств Павел Николаевич учительствовал в женской гимназии и земледельческой школе.

С 1886 г. он избран приват-доцентом Московского университета, вел спецкурс по историографии, ряд других спецкурсов, преподавал также на Высших женских курсах. В этот период он сблизился с В. А. Гольцевым, М. М. Ковалевским, которого можно считать его учителем по истории финансов, известными специалистами в сфере финансов А. И. Чупровым и И. И. Янжулом. Их влияние сказалось и на научных исследованиях молодого ученого, который был сторонником государственного направления русской историографии и «экономического материализма», считал себя позитивистом, особое внимание уделял истории финансов России. В этом ключе надо оценить его монографию «Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII столетия и реформа Петра Великого», которую он защитил в качестве магистерской диссертации в Московском университете в 1892 г.

поминания. М., 1990; Набоков В. Д. Временное правительство. М., 1991; Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. и др.

Он прямо указал на то, что историческая наука «ставит на очередь изучение материальной стороны исторического процесса, изучение истории экономической и финансовой, истории социальной, истории учреждений»[549].

Эта работа была удостоена премии им. С. М. Соловьева, и только из-за противодействия С. О. Ключевского Павел Николаевич не получил докторской степени. Ученый впервые исследовал Петровские реформы в данном ракурсе и показал связь финансов России с государственными реформами Петра Первого. Это выдвинуло его в число не только ведущих историков России, но и видных специалистов по истории отечественных финансов. Автор подробно исследовал эволюцию податной системы, главным образом прямого обложения, введение подушной подати, меры удержания равновесия в бюджете. Как отмечал П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки», серьезный интерес вызывает блестящая и вполне оригинальная характеристика деятельности Петра Великого в связи с политическими, историческими и социальными условиями того времени[550].

Подобным образом можно оценить его исследование «Очерки по истории русской культуры» (ч. 1–3. М., 1896–1903, неоднократно переиздавались). Значительная их часть была посвящена генезису российской финансовой системы. Эти «Очерки…» носят научно-популярный характер. П. П. Гензель писал, что читатель не только выносит обстоятельные, хотя и краткие сведения по истории финансовой системы русского государства, но и получает яркое освещение экономических, политических и социальных условий роста этой системы. Интересна также авторская разработка вопроса о влиянии финансовой системы России на различные области ее хозяйственного и политического быта[551].

Его научная деятельность тесно переплеталась с общественной. В частности, несколько раз ему запрещали вести преподавание в российских университетах, и он был вынужден выезжать для продолжения преподавательской деятельности в Болгарию и

---

[549] Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII столетия и реформа Петра Великого. М., 1892. С. 3.

[550] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 21.

[551] См.: Там же.

Македонию. После возвращения в Россию в 1899 г. он несколько раз подвергался аресту, после чего вновь выехал за рубеж и читал лекции в Великобритании, Франции, США, а также на Балканах. Поездки для чтения лекций за рубеж при запрете преподавания в России вскоре стали для него практически регулярными. Политическая активность стоила Павлу Николаевичу академической карьеры. В последние годы жизни он с грустью шутил, что в эмиграции только он один остался приват-доцентом, а все остальные – профессора. Профессорскую степень он получил в Высшем училище в Софии (будущий Софийский университет, Болгария), но не на своей родине. Это не мешало его всероссийской известности и напряженной духовной жизни. В частности, в юности он пытался переписываться с Ф. М. Достоевским, затем дискутировал с Л. Н. Толстым, что выявило их крайне различные точки зрения на актуальные проблемы современности. За границей он встречался с идеологом анархизма П. А. Кропоткиным, известным народником Н. В. Чайковским, начинающим социал-демократом В. И. Лениным, лидером британских лейбористов и будущим премьер-министром Великобритании Р. Макдональдом и др. Некоторые публикации русского историка были сделаны на английском и французском языках. Впоследствии авторитетные иностранные университеты, в частности Кембриджский, присвоили ему звание почетного доктора.

Однако в его творчестве политик и доктринер часто брал верх над ученым, что сказалось и на его историко-финансовых исследованиях. Его соратница по партии кадетов А. Тыркова-Вильямс так писала о нем: «Едва ли не самым большим его недостатком, мешавшим ему стать государственным деятелем, было то, что верность партийной программе заслоняла у него текущие государственные нужды, потребности сегодняшнего дня. У него не было перспективы, он не понимал значения постепенного осуществления определенной политической идеологии. В этом умеренном, сдержанном, рассудочном русском радикале сидел максимализм, так много сыгравший злых шуток с русской интеллигенцией»[552]. От себя заметим, что это сказывалось и на его научных исследованиях, попытках экстраполировать потребности

[552] Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Лондон, 1990. С. 413.

современных ему событий на анализ процессов прошлого. Л. Д. Троцкий был к своему политическому противнику безжалостен, но подметил, в сущности, тот же недостаток, но с обратной стороны: «Просвещенная ограниченность и обывательское лукавство, поднявшееся на высоту политической ″мудрости″, – эти черты как нельзя более к лицу лидеру кадетской партии… мудрость Милюкова… состоит в органическом презрении к ″утопии″. Он живет сегодняшним днем и еще немножко – завтрашним днем. Утопия же – это все то, что относится к послезавтрашнему или еще более далекому дню»[553].

В 1905 г. он выступил одним из организаторов партии кадетов, фактически был ее первым руководителем (председатель ЦК с 1907 г.) и идеологом до 1917 г., избирался в III и IV Государственную думу, где слыл ведущим специалистом по международным отношениям и образованию. Известный ученый стал докладчиком от оппозиции при первом обсуждении государственного бюджета в III Государственной думе, а затем его в этой роли сменил товарищ по партии А. И. Шингарев (о нем ниже). В 1915 г. Павел Николаевич стал инициатором создания в Думе и лидером оппозиционного царизму Прогрессивного блока. 1 ноября 1916 г. он выступил в Государственной думе с резкой критикой правительства, завершая каждый пункт обвинения вопросом: «Что это – глупость или измена?». Речь произвела большой общественный резонанс. Вероятно, П. Н. Милюков многое в политике правительства считал глупостью, но большинство слушателей поняли это как обвинение в измене. Февральскую революцию ученый и государственный деятель воспринял как неизбежность, был избран во Временный комитет членов Государственной думы, наделенный неограниченными полномочиями. Затем Павел Николаевич вошел в первый состав Временного правительства в качестве министра иностранных дел. Его последовательная позиция по выполнению союзнических обязательств и продолжению войны до победного конца вызвала первый кризис Временного правительства и его уход в отставку в начале мая 1917 г. После этого он остался одним из лидеров партии кадетов, выступал за

[553] Троцкий Л. Д. Милюков // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 235–236.

наведение порядка в стране, был непримиримым оппонентом и критиком главы Временного правительства А. Ф. Керенского. Надо сказать, что А. Ф. Керенский платил ему той же монетой, упоминая его имя даже в мемуарах либо нейтрально вскользь, либо в негативном ключе[554].

Павел Николаевич был одним из самых ярких политиков России в начале XX в., а его аналитические способности и ораторское мастерство общепризнанны. В политику он привнес свои манеры педагога-лектора и ученого. Говорил он всегда просто и спокойно, без излишнего пафоса, почти не прибегал к жестикуляции. Единственный характерный для него жест – выставленная вперед правая рука, как будто он что-то выкладывает перед слушателями на кафедре. Афористичность многих его высказываний сохранила их до настоящего времени. Чего стоит только его изречение о роли оппозиции «Мы не оппозиция Его Величеству, мы – оппозиция Его Величества» или уже упомянутое «Что это – глупость или измена?». Известный юрист и политический деятель, бывший управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков (отец писателя В. В. Набокова) так писал о нем: «Милюков вообще был несоизмерим с прочими своими товарищами по кабинету как умственная сила, как человек огромных, почти неисчерпаемых знаний и широкого ума… В Милюкове не было никогда ни тени мелочности, тщеславия, – вообще, личные его чувства и отношения в ничтожной степени отражались на его политическом поведении; оно ими никогда не определялось»[555].

Октябрьскую революцию П. Н. Милюков не принял, участвовал в организации сопротивления большевикам в Москве и на Дону, стал автором Декларации о создании Добровольческой армии. В ноябре 1918 г. выехал в Западную Европу с целью организации поддержки антибольшевистской политики. Затем жил в Великобритании и Франции, преподавал во Франко-русском институте, редактировал выходящую в Париже газету на русском языке «Последние новости» (1921–1940 гг.). В 1922 г. во время выступления в Берлине на Павла Николаевича совершили поку-

[554] См.: Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 182, 249 и др.

[555] Набоков В. Д. Временное правительство // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 391–392.

шение русские монархисты, но пуля попала в бросившегося защищать его В. Д. Набокова. С началом Великой Отечественной войны выступил в поддержку СССР. Умер ученый во Франции. Его посмертные оценки на Родине варьировались от «ярого врага Советской власти» и «ограниченного буржуазного историка» в советский период до «выдающегося политика» и «великого историка» в период постсоветский[556].

Отметим, что во Временном правительстве практически все министры финансов были не только личностями яркими и незаурядными, но и известными специалистами в сфере финансовой науки, либо известными финансистами-практиками. Первый министр финансов Временного правительства **Михаил Иванович Терещенко** (1886–1956), является в этом смысле определенным исключением. Он обучался на юридическом факультете Киевского университета в 1905–1908 гг., затем изучал экономику в Лейпцигском университете. По возвращении в Россию экстерном сдал экзамены по юридическому факультету Московского университета (1909 г.). После этого преподавал на кафедре римского и гражданского права Московского университета, покинул его в 1911 г. вместе с рядом других либеральных преподавателей в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо. В 1911–1912 гг. Михаил Иванович был чиновником для особых поручений при Дирекции Императорских театров, произведен в камер-юнкеры. М. И. Терещенко в этот период вел вполне богемный образ жизни, поддерживал отношения со многими поэтами «Серебряного века», был известным балетоманом, совладельцем частного издательства «Сирин», входил в масонскую ложу (после 1910 г.). Вместе с А. И. Коноваловым, А. Ф. Керенским, Н. В. Некрасовым и И. Н. Ефимовым он составил знаменитую «масонскую пятерку», которой было суждено сыграть видную роль в истории России в 1917 г. Он был депутатом IV Государственной думы, однако остался беспартийным.

---

[556] См.: Бирман М. А. К истории изучения жизненного и творческого пути П. Н. Милюкова // Отечественная история. 1997. № 1; Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова. Ч. 1. М., 1993; Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Милюков против Советской России. М., 1989 и др.

Одновременно он активно занимался бизнесом, был членом правления Всероссийского общества сахарозаводчиков, членом совета Волжско-Камского банка и Ученого комитета Киевского отделения Азовско-Донского банка. Этому способствовало и то, что его отец, выходец из казаков, был крупным торговцем, владельцем сахаро-рафинадных заводов. Сын не только увеличил семейный капитал, но и стал одним из крупнейших землевладельцев и промышленников Юга России.

В годы Первой мировой войны он входил в состав Главного комитета Союза городов, затем был уполномоченным Главного комитета Земского союза. Михаил Иванович занимался организацией санитарного обслуживания действующей армии. В 1915–1917 гг. – председатель Киевского военно-промышленного комитета, товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета, который возглавлял еще один будущий министр Временного правительства А. И. Гучков. М. И. Терещенко участвовал в заговоре против царя Николая II, завязал дружеские отношения с генерал-лейтенантом А. М. Крымовым, который сыграл столь трагическую роль в период корниловского мятежа.

В первом составе Временного правительства М. И. Терещенко возглавил Министерство финансов, а затем был министром иностранных дел. Это назначение стало сюрпризом практически для всех специалистов и политиков. В условиях нарастающей финансовой разрухи на посту министра финансов он не успел провести существенных преобразований. В правительстве политик совместно с А. Ф. Керенским и Н. В. Некрасовым придерживался линии на сотрудничество с социалистами. В июле – августе они составили известный триумвират, направлявший всю политику Временного правительства. Изначально М. И. Терещенко был непримиримым критиком политики министра иностранных дел П. Н. Милюкова, на которого нападал достаточно резко[557]. Союзники считали М. И. Терещенко более сильной фигурой, чем П. И. Милюков, и не без их влияния он пересел в кресло министра иностранных дел. В. Д. Набоков отмечал: «Как министр финансов он – за два месяца пребывания в этой должности, – кажет-

[557] «А. И. Гучков рассказывает…» // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 192–193.

ся, не оставил сколько-нибудь заметного следа. Занят он был главным образом выпуском знаменитого займа свободы… По существу я не берусь судить о его качествах как министра финансов»[558].

Михаил Иванович был самым молодым (тридцати лет) в составе Временного правительства. Его попадание туда А. Ф. Керенский объяснил тем, он «был ведущей фигурой в промышленном мире Юга России, а во время войны вместе с А. И. Коновалов занимал пост заместителя председателя Центрального военно-промышленного комитета, возглавляемого А. И. Гучковым. Кроме того, у него были хорошие связи в военных кругах и петроградском обществе»[559]. О личных и деловых качествах политика А. Ф. Керенский по традиции умолчал. Мы же отметим, что Михаил Иванович был хорошим организатором и просто умным человеком, хотя и склонным к интригам. Однако в критических ситуациях, а таковая характерна для всего 1917 г., он мог впадать в «повышенно-нервное возбужденное состояние», иногда близкое к истерике. В целом в качестве финансиста он проявил себя несколько лучше, чем в качестве политика. Крупных печатных работ по проблемам финансов он не оставил, однако публиковался в периодической печати и оставил ряд записок как министр финансов.

В октябре 1917 г. вместе с другими министрами Временного правительства М. И. Терещенко был арестован в Зимнем Дворце. Если до ареста он был излишне возбужден, то затем проявил выдержку и хладнокровие. Когда арестованных министров вели из Зимнего Дворца в Петропавловскую крепость, началась случайная перестрелка. Вся охрана и арестованные залегли, а стоять под пулями остались только трое, в том числе М. И. Терещенко. Весной 1918 г. его освободили, и он эмигрировал. Впоследствии проживал в Финляндии, Норвегии, затем во Франции и Англии. М. И. Терещенко поддерживал Белое движение, с 1921 г. был членом Торгово-промышленного и финансового комитета. Все свое состояние в России он потерял, но успешно занимался бизнесом за границей, стал совладельцем нескольких финансовых

[558] Набоков В. Д. Указ. соч. С. 404.
[559] Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 206.

компаний и банков во Франции и на Мадагаскаре. При этом он активно занимался благотворительностью, создавал приюты для украинских эмигрантов и помогал в их обустройстве[560]. Умер он в Монако.

Следующим министром финансов во Временном правительстве был **Андрей Иванович Шингарев** (1869–1918). Он окончил физико-математический (1891 г.) и медицинский факультеты (1894 г.) Московского университета, затем долгие годы занимался врачебной практикой, а также санитарно-экономическими исследованиями в Воронежской губернии[561], получил опыт работы в органах местного самоуправления. Судьбой ему была уготована роль местного интеллигентного вождя, честного земского труженика, но бурные события начала XX в. опрокинули этот сценарий. Он вышел на всероссийскую арену, стал одним из видных деятелей партии кадетов, членом ее ЦК, депутатом II, III, IV Государственной думы. А. И. Шингарев был одним из первых специалистов – депутатов Государственной думы, которые активно занимались проблемами государственного бюджета[562]. Андрей Иванович считался главным оратором кадетов в Думе III, IV созыва по финансовым вопросам, активно поддерживал позицию П. Н. Милюкова, был его единомышленником. Его постоянный оппонент по думской трибуне, бывший глава правительства и министр финансов В. Н. Коковцов отзывался об А. И. Шингареве с уважением, вспоминая его пламенные речи в пользу охранения народа от гнета и злоупотреблений власти. Вспомнил министр и о том, как народный трибун часто отравлял его существование «обычными его приемами бороться со своими противниками своеобразными аргументами, далекими от существа предмета и рассчитанными на сочувствие толпы, падкой на обличение вла-

[560] См.: Политические деятели России 1917: Биографический словарь / под ред. В. В. Волобуева. М., 1993. С. 313–314.

[561] См.: Шингарев А. И. Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Саратов, 1901 и др.

[562] См.: Шингарев А. И. Бюджетное право законодательных установлений и их работа в области бюджета. СПб., 1910; Его же. Вопросы государственного хозяйства и бюджета в III Государственной Думе // Русская мысль. 1908. № 8–10 и др.

сти, хотя бы и лишенное справедливости»[563]. Депутат Б. И. Карамзин вспоминал, что В. Н. Коковцову не составляло большого труда отвечать на критику депутатов: «Сейчас Шингарев лезет на Коковцова. Эрудиция у Коковцова большая, и как-никак впечатление такое, что думцы слабее. Шингаревские же вопросы наивны, так как их разделывает Коковцов легко и спокойно»[564].

Его образование, мировоззрение и карьера врача мало способствовали его финансовым изысканиям. Однако природные задатки вкупе с предварительной подготовкой вопросов ведущими думскими экспертами (Н. Н. Кутлер, Ф. Ф. Кокошкин и др.) и хорошая школа кадетских партийных собраний сделали свое дело. К тому же его предыдущая деятельность, открытость и доброжелательность снискали ему большой авторитет как в низовом кадетском активе, так и среди широких слоев населения. Этому способствовала и его простота, внешность типичного земского врача, которым он в душе и остался. К тому же еще в Воронежской губернии он активно занимался сметами на медицину, был хорошим полемистом, едким и настойчивым в проведении своих взглядов, решительным и убежденным в правоте избранной линии. При этом все отмечали его личное бескорыстие и идейную цельность. Его постоянной идеей было расширение бюджетных полномочий Думы в пересмотре смет и государственной росписи и обязательное вотирование всех новых налогов парламентом.

Будучи членом III Государственной думы, он выступал на заседании Вольного экономического общества в декабре 1909 г. с докладом «Бюджетные права законодательных установлений и их работа в области бюджета». В нем он дал практически постатейный критический разбор «Правил о порядке рассмотрения государственной росписи» (1862 г.) и Указа от 8 марта 1906 г., проиллюстрировал это яркими примерами из практики Государственной думы. Автор сделал вывод, что эти законодательные положения и «практика текущей государственной жизни установили очень крупные принципиальные и материальные ограничения бюджетных прав. Причем эти ограничения такого рода, какие не имеются ни в одной конституционной стране… Неясность,

[563] Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. С. 257.
[564] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 516.

пробелы и крайняя спутанность – вот краткая характеристика нашего бюджетного законодательства»[565]. А. И. Шингарев считал, что игнорирование бюджетного вопроса представляет серьезную опасность для государства, ибо бюджетный вопрос охватывает все государственные функции. В связи с этим он призывал в ближайшее время принять необходимые изменения и дополнения в законодательные положения. Однако не верил в возможность реализации этих предложений, которые встретят, по его мнению, сопротивление со стороны ведомств. Свой доклад он завершил весьма пессимистичной фразой о том, что «в этом непонимании насущных требований, в этом упорном непонимании, заключается трагизм русской государственности»[566]. Доклад вызвал широкую дискуссию, в которой приняли участие уже известный нам Н. Н. Кутлер, М. И. Фридман (о нем речь пойдет далее) и др. Так, М. И. Фридман в целом согласился с докладчиком, но обратил внимание на другую сторону проблемы, а именно на то, что существующие и действующие права недостаточно используются в Госдуме. Кроме того, по словам М. И. Фридмана, широкая бюджетная реформа возможна только тогда, когда общество, пресса и общественное мнение внимательно следят за этим, когда они кровно заинтересованы в бюджете[567]. А. И. Шингареву принадлежит фраза, которая в значительной степени выражала его финансово-правовое кредо: «Скажите, какое у Вас бюджетное законодательство, и я скажу Вам, какая у Вас Конституция»[568].

Другой не менее яркий и содержательный доклад был сделан А. И. Шингаревым на тему «Об улучшении финансов местных органов самоуправления» (12 февраля 1911 г.). Цифрами и фактами он доказывал, что «главный недуг современной русской государственной жизни» – слабое развитие культурно-хозяйственной деятельности на местах, финансовый кризис городов и

[565] Бюджетные права законодательных установлений и их работа в области бюджета. Доклад А. И. Шингарева. (В заседании III Отделения И. В. Э. О. 8 декабря 1909 г.) Стенографический отчет. СПб., 1910. С. 9–10.

[566] Там же. С. 14.

[567] Там же. С. 17.

[568] Русские ведомости. 1909. 27 окт.

земств. Он предложил развернутую программу расширения местных финансов. Эта программа включала целый ряд мероприятий. Среди них называлась передача местным органам самоуправления (земствам и городам) государственных реальных налогов (поземельные налоги, городской налог на недвижимые имущества) и основного промыслового налога. Предлагалось установить субсидии со стороны Государственного казначейства местным органам самоуправления по опыту Англии, Бельгии, Пруссии. Подчеркивалось, что там государство не только дает субсидии, но и устанавливает тот предмет, на который оно их предоставляет[569]. И этот доклад вызвал оживленные дебаты, в которых приняли участие ведущие ученые-финансисты Н. Н. Кутлер, М. И. Фридман, В. Н. Твердохлебов, И. М. Кулишер и др. Так, М. И. Фридман, поддержав идею о передаче поземельного и подомового налогов местным союзам, высказался категорически против передачи им промыслового налога, который, по его мнению, необходимо отменить. Вызвало у него сомнение и предложение в отношении субсидий органам местного самоуправления из-за слабой проработки этого вопроса[570]. Н. Н. Кутлер также высказал свои сомнения в отношении субсидий и критериев их распределения[571].

А. И. Шингарев сам активно участвовал в прениях по докладам на финансово-правовую тематику. Например, по докладу сенатора С. В. Иванова «Государственный контроль и законодательные учреждения» (1911 г.) он отмечал полную хаотичность, неполноту и несовершенство российского законодательства о государственном контроле, что негативно сказывается как в отношении обсуждения бюджета, так и в отношении исполнения уже законно принятой росписи[572]. А. И. Шингарев писал о неприемлемости ситуации, когда Государственный контролер является

---

[569] См.: Доклад Члена Государственной Думы А. И. Шингарева «Об улучшении финансов местных органов самоуправления» // Известия Общества финансовых реформ. 1911. № 4. С. 1–12.

[570] Там же. С. 24–27.

[571] Там же. С. 52–53.

[572] См.: Прения по докладу сенатора С. В. Иванова «Государственный контроль и законодательные учреждения» // Известия Общества финансовых реформ. 1911. № 3 (апр.). С. 41.

чиновником Совета министров. Этот чиновник не заинтересован предоставлять необходимую для бюджетного контроля информацию Государственной думе, более того, без разрешения свыше он не может предоставить такую информацию. А. И. Шингарев делает неутешительный вывод о том, что «в России контроля не существует, ни законодательных палат, ни ведомственного контроля, ни государственного…»[573].

Андрей Иванович входил в состав Временного комитета членов Государственной думы, был наиболее очевидным кандидатом на пост министра либо земледелия, либо финансов. В составе первого Временного правительства он занимал пост министра земледелия (успел провести конфискацию кабинетных и удельных земель, ввести хлебную монополию), а в мае 1917 г. стал предпоследним министром финансов в этом правительстве. На этом посту он активно пропагандировал так называемый «Займ Свободы», который был направлен на аккумулирование денежных средств для продолжения участия России в Первой мировой войне. Проведенные им налоговые законы от 12 июня 1917 г. предусматривали резкое увеличение прогрессивного подоходного налога, обложение прибылей, что встретило отпор промышленников и играло на руку социалистам. Напомним, что подоходный налог в июне 1917 г. был увеличен в 2 раза, и на высоких ступенях дохода ставки налога были доведены до 30% дохода. Был установлен и единовременный подоходный налог для доходов свыше 10 000 руб., увеличен налог на прирост прибыли в торгово-промышленных предприятиях, на личные промысловые занятия. В отдельных случаях предполагалось изъятие практически 100% прибыли. Однако все это привело к тому, что предприниматели лишались стимула к работе, были недовольны Временным правительством. В отношении косвенных налогов были увеличены ставки акциза на табак, проведена сахарная монополия, были намечены монополии на чай, спички, махорку. Но косвенные налоги сначала боялись вводить по политическим соображениям, как непопулярные, когда их решили ввести, было уже поздно, т. к. наступил октябрь 1917 г. В результате финансовые

[573] Прения по докладу сенатора С. В. Иванова «Государственный контроль и законодательные учреждения». С. 43.

потребности государства удовлетворял в основном печатный станок, что еще более разгоняло маховик инфляции. Подчеркнем, что состояние наших финансов в то время министр оценивал крайне пессимистично[574].

А. И. Шингарев считал необходимым расширить права земских учреждений в сфере обложения земскими сборами таких имуществ и доходов, которые пока не облагались. Он писал, что в отличие от благоустроенных государств (Англия, Франция, Германия) «в России местные сборы и местные расходы на народные нужды очень малы, и поэтому у нас так плохо поставлено просвещение, так много болеет народ, так скверны дороги и так мало доходно наше сельское хозяйство». Он полагал: «Для того, чтобы и Россия стала государством просвещенным, сильным и богатым, помимо лучшего устройства государственной власти и государственного порядка, необходимо как можно лучше устроить и местные дела, упорядочить и местные финансы, повысить местные сборы и дать земствам новые источники доходов, чтобы они могли справиться со своим делом»[575]. Временным правительством был издан закон, по которому земствам губернским и уездным предоставлялись права устанавливать новые сборы с грузов, привозимых в губернию или уезд и вывозимых из них, а также права во введению особых специальных сборов с недвижимых имуществ, право устанавливать добавки к государственному подоходному налогу. По мнению автора, такие специальные сборы целесообразно вводить на осушение болот или, наоборот, на орошение земель. Тем не менее А. И. Шингарев не ограничивал источники доходов земств только налогами, он ратовал за оказание помощи земствам за счет государственных средств, за счет казны на дела народного образования, на медицину, на дорожное строительство и прочее.

2 июля 1917 г. он добровольно вышел из состава Временного правительства, но продолжил активное участие в политической и общественной жизни. Работа по 15–18 часов в день и личная тра-

[574] Шингарев А. И. Финансы России во время войны. Пг., 1917.

[575] См.: Шингарев А. И. Земские финансы (доходы и расходы земских учреждений). М., 1917. С. 24–25.

гедия (смерть жены) надломили его, и после отставки он стал раздражительным, желчным и даже озлобленным.

По воспоминаниям видного меньшевика Н. Н. Суханова, «Шингарев был превосходным деловым министром – со знанием, с огромной энергией, с твердостью и авторитетом…был яростным врагом советской демократии»[576]. В. Д. Набоков так вспоминал о нем: «Шингарев всю свою жизнь оставался, по существу, тем, чем он должен был остаться при более нормальных условиях: русским провинциальным интеллигентом, представителем третьего элемента, очень способным, очень трудолюбивым, с горячим сердцем и высоким строем души, с кристально чистыми побуждениями, чрезвычайно обаятельным и симпатичным, как человек, но, в конце концов, ″рассчитанным″ не на государственный, а на губернский или уездный масштаб. Совершенно случайно он сделался финансистом. Благодаря своему таланту и трудолюбию, он в этой области настолько освоился, что мог удачно выступать на думской трибуне в оппозиционном направлении и одерживать победы. Но настоящим знатокам – теоретикам и практикам – он совершенно не мог импонировать. Слишком очевиден был его дилетантизм, слабая подготовка, ограниченный кругозор… Но он говорил легко и свободно, ход его мыслей всегда был очень ясен и доступен, нередко его полемика была находчивой и остроумной, манера и голос очень подкупали. Если его можно было без всякого сожаления перестать слушать, то почти никогда не приходилось чувствовать, что его и не стоит слушать…»[577].

Андрей Иванович представляет редкий тип политика, о котором как его сторонники (в частности, товарищ министра финансов А. Г. Хрущев), так и политические противники (меньшевик Н. Н. Суханов и др.) отзывались, по меньшей мере, уважительно. Его высокие деловые качества и личная порядочность сомнений не вызывают.

Октябрьскую революцию в силу своих либеральных убеждений А. И. Шингарев не принял, стал активным участником кампании по созыву Учредительного собрания. В ноябре 1917 г. был

[576] Суханов Н. Н. Воспоминания. В 3 т. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1991. С. 305.
[577] Набоков В. Д. Указ. соч. С. 410.

арестован и доставлен в Петропавловскую крепость[578]. Убит матросами и красногвардейцами 7 января 1918 г. вместе с Ф. Ф. Кокошкиным, о котором речь пойдет далее.

А. И. Шингарева на посту министра финансов сменил **Николай Виссарионович Некрасов** (1879–1940). По своему образованию и началу карьеры он был технократом. После окончания Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения (1902 г.) он в течение двух лет находился на стажировке в Германии, изучал преподавание строительного дела в тамошних вузах, а также осматривал крупнейшие строительные предприятия, объекты и сооружения. Одновременно он работал над магистерской диссертацией, которую защитил в 1907 г. В 1902 г. был принят штатным преподавателем математики, механики и черчения в Томский технологический институт, с 1906 г. стал там экстраординарным профессором, совмещал преподавание и руководство проектированием мостов и других инженерных сооружений. Научная работа не мешала его участию в общественной жизни, в масонском движении (входил в знаменитую «масонскую пятерку», о которой уже говорилось), членству в ЦК партии кадетов – он стал лидером ее левого крыла.

Он избирался в III и IV Государственную думу (с 1916 г. – товарищ ее председателя), где входил в финансовые комиссии. С думской трибуны он обличал недостатки русской общественной жизни, неоднократно критиковал попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьева. Правые круги не остались в долгу, и сам сибирский депутат стал объектом нападок в печати. Его «знаменитая диссертация» была названа «ничтожнейшей книжкой», констатировалось, что на должность профессора он был «протащен», что в институте читал всего 18 часов лекций в год, отдавая все остальное время политике, и вообще, что «он неудачник в профессии». К нему приклеили кличку «сибирский Милюков», одновременно вменили то, что он отбил жену у товарища по институту, присвоил в 1905–1906 гг. казенные

[578] См.: Два народолюбца. А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин. М., 1918; Тюков Н. А. Андрей Иванович Шингарев // Вопросы истории. 1995. № 5/6. С. 131–135; Хрущев А. А. И. Шингарев. Его жизнь и деятельность. М., 1918 и др.

деньги за проведение занятий, которые из-за массовых волнений не проводились (1823 рубля 88 копеек). Вывод его критика был таков: Н. В. Некрасов представляет собой «ах-профессорский тип», попал в профессорскую среду по недоразумению, у него слабая подготовка к общественной деятельности с недостатком развития моральных чувств[579]. Большинство этих обвинений явно преувеличены или надуманы, но вот в отношени «недостатка развития моральных чувств» подмечено, в общем, верно.

В годы Первой мировой войны Н. В. Некрасов входил в состав Особого совещания по обороне государства, возглавлял один из санитарных отрядов. Николай Виссарионович выступал последовательным сторонником сотрудничества с социалистическими партиями и национальными группами, создания «широкого демократического фронта». При всей внешней открытости современники отмечали его «жадность к почету», гипертрофированное честолюбие и неразборчивость в средствах. На этой почве его отношения с лидером партии П. Н. Милюковым сначала были натянутыми, а затем перешли во враждебные.

Он принимал участие в свержении Николая II, редактировал акт отречения от престола великого князя Михаила Александровича, был членом Временного комитета Государственной думы, в составе первого Временного правительства занял должность министра путей сообщения. Широко распространенное мнение о его деятельности на этом посту следующее: «Это был Некрасов, сыгравший в начале переворота в марте 1917 г. видную роль в качестве первого комиссара по ведомству путей сообщения, и ему именно принадлежит заслуга внесения в железнодорожную среду первых проявлений величайшей демагогии и разложения, которые определили всю деятельность этого ведомства в первый период революции до большевистского переворота»[580].

В июле 1917 г. он занял пост заместителя министра-председателя и министра финансов, пытался проводить умеренную политику. 12 августа 1917 г. выступил на Государственном совещании с докладом о финансовом положении страны. В сен-

[579] См.: Рын-Песковский А. Сибирский депутат Н. В. Некрасов. Томск, 1914. С. 3–4, 8–15, 19–20, 34 и др.

[580] Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 264–265.

тябре 1917 г. был назначен генерал-губернатором Финляндии. В. Д. Набоков писал, что это «…один из немногих крупных людей, выдвинутых на политическую арену за последние годы. У него огромные деловые способности, умение ориентироваться, широкий кругозор, практическая сметка. Человек умный, хитрый, красноречивый, он умеет казаться искренним и простодушным, когда это нужно. Но, очевидно, этические его свойства не находятся на высоте его интеллектуальных качеств…Некрасов оставил именно ощущение двуличности, – маски, скрывающей подлинное лицо, и это особенно чувствуется потому, что все его внешние приемы подкупают своим видимым добродушием…»[581].

К Октябрьской революции отнесся терпимо, стал управляющим Московской конторы «Синкредсоюза», работал статистиком в Наркомпроде РСФСР. В этот период он был вынужден сменить фамилию на «Голгофский», опасаясь репрессий со стороны большевиков за участие во Временном правительстве. Впоследствии Николай Виссарионович работал в системе кооперации, но в марте 1921 г. его арестовали. После личной встречи с В. И. Лениным был освобожден и продолжил работу на хозяйственных должностях. В 1921–1930 гг. он стал членом правления Центросоюза РСФСР и СССР, преподавал в 1-м Московском государственном университете и Институте потребительской кооперации. Г. Я. Сокольниковым, наркомом финансов, Н. В. Некрасов был привлечен к подготовке денежной реформы 1922–1924 гг., о которой мы еще будем писать. В своих многочисленных публикациях 1920-х гг. Николай Виссарионович затрагивал некоторые проблемы налогообложения, внешней торговли, оптимизации расходов и др.[582]

В конце 1930 г. он был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Будучи заключенным, Н. В. Некрасов участвовал в проектировании и строительстве Беломоро-Балтийского

---

[581] Набоков В. Д. Указ. соч. С. 409.

[582] См.: Некрасов Н. В. Капиталы потребительских кооперативов. М., 1925; Его же. Средства потребительских кооперативов и их рациональное использование. М., 1925; Его же. Кооперативная торговля. Ч. 1–3. М., 1926–1928; Его же. Снижение цен в кооперации. М., 1927; Его же. Пути сокращения транспортных и складских расходов. М., 1929; Его же. Финансовая практика торговых предприятий. М., 1929 и др.

канала. В 1933 г. он был досрочно освобожден, после чего работал на строительстве канала «Москва-Волга» на руководящих должностях. В 1938 г. его наградили орденом Трудового Красного Знамени за досрочный пуск канала. Однако это не спасло его от ареста в 1939 г. за «вредительство» при строительстве каналов и последующего расстрела в мае 1940 г. Реабилитирован только в 1990 г.[583]

Последним министром финансов Временного правительства был **Михаил Владимирович Бернацкий** (1876–1943). Это был выпускник юридического факультета Киевского университета, слушал лекции в Берлинском университете. Первоначально его карьера была вполне академической, а венчала ее ученая степень магистра политической экономии (1912 г.). Он получил ее в Томском университете (монография «Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка» издана в 1911 г.)[584]. Подчеркнем, что обзор позиций основоположников теории государственного социализма Р. Мейера, А. Вагнера, А. Шеффле, Ф. Гитце, Л. Штейна, Ф. Лассаля и др. проведен ученым по первоисточникам и отличается большой тщательностью. Автор разбил рассматриваемую работу на две части. Первую посвятил теоретической эволюции немецкого социализма, а вторую – ознакомлению с внутренней мотивацией социальной политики О. Бисмарка, что позволило уяснить различия «государственно-социалистической» теории и практики.

М. В. Бернацкий положительно оценивает расширение государственного вмешательства в экономику, но отмечает сложность его осуществления и противоречивость последствий. Залог успешного функционирования государственного социализма ученый видел в сочетании прогрессивного развития экономики и демократии в обществе. Ориентация немецких государственных социалистов на авторитарность и консерватизм О. Бисмарка виделась исследователю ошибочной. Автор делает вывод, что никакой «системы государственного социализма» у Бисмарка не бы-

[583] См.: Политические деятели России 1917: Биографический словарь. С. 231–232.

[584] См.: Бернацкий М. В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911.

ло, но, руководимый политическими соображениями – укрепления Германской империи, – Бисмарк осуществил часть программы государственного социализма. А в целом, по словам тора, немецкий государственный социализм, как явно утопическая система, покоящаяся на принципах, не соответствующих сосовременным условиям, не мог достигнуть тех целей, которые им преследуются… Что касается здорового «государственного социализма, присутствие которого в общественно-экономической жизни в настоящее время приходится констатировать на каждом шагу, то условием его роста и залогом успеха является демократичность и прогрессивность в противовес авторитарности и консерватизму немецких социальных политиков»[585].

Михаил Владимирович был профессором политэкономии Политехнического и Технологического институтов в Петербурге. Первоначально он стоял на позиции легального марксизма, публиковался в марксистских изданиях, однако в 1906 г. издал книгу «К аграрному вопросу», в которой выступил против национализации земли и безвозмездной экспроприации частных земель. Это означало определенный отход от распространенной в марксизме точки зрения. М. В. Бернацкий показал себя сторонником выкупа частновладельческих земель по рыночной цене посредством государственных займов и введения общего прогрессивного подоходного налога. В своей магистерской диссертации он встал на позиции, уже не согласующиеся с марксизмом. Ученого можно отчасти признать последователем учения германских катедер-социалистов, прежде всего А. Вагнера, в части перераспределения национального богатства от имущих классов к неимущим посредством справедливого налогообложения и государственного социального страхования.

Михаил Владимирович утверждал, что именно социальный капитализм способен обеспечить наибольшую степень личной свободы, а введение мировой золотой валюты может привести к братскому сотрудничеству народов. Занимался он также проблемами банков и денежного обращения[586]. Так, в работе, посвящен-

[585] Бернацкий М. В. Указ соч. С. 487–488.

[586] См.: Бернацкий М. В. Русский Государственный Банк как учреждение эмиссионное. СПб., 1913; Его же. Германские законодательные новел-

ной русскому Государственному банку, он подверг анализу его деятельность с точки зрения денежного обращения как кредитного учреждения, выпускающего за свой счет банковые билеты, именуемые государственными кредитными билетами. Он разграничил два вида деятельности Государственного банка – эмиссионную и коммерческую. При этом, по его мнению, эмиссионное право возлагает на Госбанк обязанности, отличающие его от других кредитных учреждений. Все коммерческие операции Госбанка должны рассматриваться под углом соответствия или несоответствия их эмиссионному институту, с точки зрения интересов денежного обращения страны[587]. В работе рассматриваются эмиссионные операции русского Госбанка с общетеоретическим выяснением их сущности и задач. Автор обращается к сравнительно-правовому анализу эмиссионного законодательства Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатов Северной Америки, а также к оценке этого законодательства учеными А. Вагнером, Д. Рикардо и др.

Автор исследовал правовое положение Госбанка на основе его Устава и внесенных в него изменений, обрисовал с цифрами состояние денежной системы, отметив, что с момента своего основания Госбанк не был эмиссионным банком и последние изменения в Уставе (1894 г.) сохранили прежнюю ситуацию, в Уставе отсутствовали статьи об эмиссионных операциях Госбанка. Остановился М. В. Бернацкий и на характеристике денежной политики министров финансов Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте, И. А. Вышнеградского. Таким образом, автор дал теоретико-прикладной срез современного ему состояния денежной системы России и роли Госбанка, его операций.

Февральскую революцию он принял, в составе Временного правительства работал в Министерстве торговли и промышленности, был товарищем министра. В сентябре 1917 г. стал министром финансов в последнем составе Временного правительства. На этом посту он выступил сторонником всеобщего прогрессив-

---

лы по денежному обращению // Известия Санкт-Петербургского Политехнического института. 1908.

[587] Бернацкий М. В. Русский Государственный Банк как учреждение эмиссионное. С. 2.

ного подоходного налога, повышения налога на наследство, налогообложения военных сверхприбылей. М. В. Бернацкий пытался бороться с инфляцией с помощью увеличения косвенных логов и введения государственной монополии на чай, сахар и спички. В условиях нарастания финансового кризиса предложил прекратить вывоз ценностей за границу. Его последний доклад о денежном обращении был опубликован уже в 1918 г.[588]

25 октября 1917 г. он был арестован в Зимнем Дворце вместе с другими министрами. После освобождения ученый уехал в Ростов-на-Дону, где примкнул к Белому движению. В 1918–1920 гг. В. М. Бернацкий возглавлял Управление финансов Вооруженных сил Юга России, был членом Особого совещания при главнокомандующем генерале А. И. Деникине. На этих должностях он руководил выпуском казначейских кредитных билетов, аннулировал хождение на территории, подконтрольной белым, советских денежных знаков. После эвакуации Белой армии в Крым весной 1920 г. возглавил последнее правительство А. И. Деникина. В новом правительстве барона П. Н. Врангеля снова занял пост министра финансов. В Крыму он ввел государственную монополию на вывоз зерна, разработал новый бюджет, сделав акцент на косвенное обложение при его формировании. В этом проявились его традиционные пристрастия к косвенным налогам, тем более что прямые налоги в условиях войны было собрать крайне сложно. Он также выезжал в Париж на переговоры по вопросу предоставления союзниками внешних займов. Осенью 1920 г. П. Н. Врангель и премьер-министр его правительства А. В. Кривошеин пришли к выводу о необходимости отставки министра финансов как «теоретика» и замены его на «человека дела и практики». Однако в условиях наметившегося краха Белого движения такой замены найти не удалось, М. В. Бернацкий продолжил свою деятельность в правительстве. Примечательно, что даже такой волевой человек, как В. В. Шульгин, оставил о нем вполне благожелательный отзыв[589]. М. В. Бернацкий руководил закупкой угля для кораблей, на которых осуществлялась эвакуация из

[588] См.: Вопросы денежного обращения / Доклады М. В. Бернацкого, А. Н. Гурьева, А. Н. Зака и др. Пг., 1918.

[589] См.: Шульгин В. В. Указ. соч. С. 739.

Крыма остатков белых частей и гражданского населения. При этом за весь период своего министерства он сохранил репутацию честного человека, что для того смутного времени было крайне редким явлением.

В эмиграции он занимался обустройством беженцев, затем стал председателем Финансового совета при Совете послов в Париже, в распоряжение которого были переданы заграничные фонды русского правительства. Он ведал достаточно крупными суммами денег, но при этом вел скромный образ жизни. Когда у него опасно заболел сын и потребовалась срочная госпитализация, он не попросил даже пособия. Ему помогли только родственники и друзья.

Одновременно в эмиграции он продолжил заниматься научной работой. В 1922 г. издал подготовленную совместно с французским ученым А. Рафаловичем (1853–1921) книгу на французском языке «Финансы России». В 1924 г. М. В. Бернацкий совместно с австрийским экономистом Амоном пишет на немецком языке книгу о валютных реформах в Чехословакии и СССР. Наконец, в 1928 г. ученый издает на английском языке в Йельском университете объемную работу о русских государственных финансах в период Первой мировой войны. Он так и остался сторонником социальных реформ, не препятствующих частной инициативе, и введения золотой валюты. С 1924 г. Михаил Владимирович принимал участие в работе экономического отдела Русского института права и экономики, основанного при Парижском университете. Он умер и был похоронен в Париже[590].

Подчеркнем, что в эмиграции некоторые российские финансисты смогли начать дело практически с нуля и достигнуть известных высот в финансовом мире. О М. И. Терещенко мы уже упоминали выше. Последний царский министр финансов (1914–1917 гг.) *Петр Львович Барк* (1869–1937) эмигрировал в 1918 г. в Великобританию, где привлекался правительством в качестве финансового консультанта. Кроме того, он был директором Англо-континентального и ряда других коммерческих банков. В 1935 г. он принял английское подданство, возведен в рыцарское

[590] См.: Политические деятели России 1917: Биографический словарь. С. 31–32.

достоинство и получил титул баронета за заслуги перед короной. Известный политический деятель, присяжный поверенный и товарищ председателя ЦК партии кадетов Николай Васильевич Тесленко (1870–?) в 1920 г. эмигрировал во Францию, где стал членом правления одного из крупных парижских банков и юрисконсультом ряда доходных предприятий.

Федор Федорович Кокошкин (1871–1918) занимал должность Государственного контролера в третьем составе Временного правительства (июль – август 1917 г.). Он был выходцем из дворян, внуком директора Императорских театров, в 1892 г. окончил юридический факультет Московского университета, был кандидатом на судебную должность в Московском окружном суде, в 1893 г. оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре государственного права. С 1897 по 1900 г. молодой ученый находился в научной командировке за границей, слушал лекции в университетах Гейдельберга и Парижа. В 1901 г. Ф. Ф. Кокошкин защитил магистерскую диссертацию по государственному праву и был избран приват-доцентом Московского университета.

Одновременно он принимал участие в земском движении, в 1900 г. избран гласным Московского губернского земского собрания, в 1903 г. – членом Московской губернской управы, в которой заведовал экономическим отделом. В 1905 г. выступил одним из основателей партии кадетов, стал членом ее ЦК, избирался депутатом I Государственной думы, был ее секретарем. В этот период он активно занимался проблемами бюджетного права[591], им посвятил специальное исследование[592], в котором можно выделить две части. В первой он дал обзор положительного законодательства о бюджете Англии, Франции, Северо-Американских Соединенных Штатов, Бельгии, отметив, что Франция и Северо-Американские Соединенные штаты заимствовали основы английского бюджетного права. Однако бюджетное право Франции в национальной обработке послужило образцом

[591] См.: Кокошкин Ф. Ф. Бюджетный вопрос в конституционном государстве // Новый путь. 1904. № 11 и др.

[592] См.: Кокошкин Ф. Ф. Бюджетный вопрос в государстве с представительным образом правления. Ростов н/Д, 1905.

для других западноевропейских государств. Иными словами, речь шла о правовой рецепции. Вторая часть работы посвящена теории бюджетного права. Во главу угла в этом случае автор ставит вопрос о том, в каком отношении стоит бюджет (как закон, установленный план государственного хозяйства на определенный период) ко всем другим законам, регулирующим, прямо или косвенно, финансовое управление. Именно в этом, по мнению Ф. Ф. Кокошкина, заключается бюджетный вопрос с юридической точки зрения. Ответ на этот вопрос позволяет уяснить юридическую сущность бюджета, поскольку включает в себя три главных пункта: 1) о юридическом характере акта установления бюджета; 2) о юридическом действии бюджета; 3) о юридических последствиях, которые влечет за собой отсутствие законного бюджета. Третий из названных пунктов признавался наиболее важным и спорным. По этому пункту, как пишет автор, сложились две теории. Согласно франко-бельгийской теории вотирование бюджета рассматривается как политическое оружие пролетариата. Против этой теории дружно выступили представители немецкой науки государственного права (Р. Гнейст, Г. Еллинек, Р. Моль и др.).

Ф. Ф. Кокошкин полагал, что в конфликтах на почве бюджета последним решающим фактором является не право, а фактическое соотношение политических сил. Однако обязанностью законодателя является принятие всех мер к тому, чтобы фактор этот выступал не ранее, чем будут исчерпаны все юридические средства к разрешению спора. В числе таких средств первенствующее место занимает Верховный государственный суд, отсутствующий в огромном большинстве европейских конституций. По словам автора, Верховный государственный суд для разрешения конституционных конфликтов есть высшее торжество идеи права во внутренней государственной жизни, подобно тому как во внешних отношениях государств таким торжеством является международный суд[593].

Ученый выступил за проведение финансовой реформы с целью изменения налоговой системы в пользу обездоленной массы

[593] Кокошкин Ф. Ф. Бюджетный вопрос в государстве с представительным образом правления. С. 39.

населения страны. Государственный порядок, по его мнению, должен был обеспечивать каждому гражданину «достойное существование»[594]. После роспуска I Госдумы в конце 1907 г. ученый был приговорен к трехмесячному теремному заключению за участие в подготовке «Выборгского воззвания».

В 1907–1916 гг. Федор Федорович занимался преподавательской деятельностью в Московском университете, на Высших женских курсах и в Народном университете им. А. Л. Шанявского, публиковался, в том числе по проблемам финансов, в периодических изданиях. Он был одним из лучших думских ораторов, замечательным полемистом. По утверждению П. Н. Милюкова, «гибкость его мысли равнялась только твердости его основных убеждений. Он понимал значение политического компромисса, но знал и его границы»[595].

В марте 1917 г. он занял должность председателя учрежденного Временным правительством Юридического совещания, которое должно было рассматривать вопросы публичного права, возникающие в связи с установлением нового государственного порядка. По сути, этот орган должен был готовить нормативную базу государственного переустройства России на новых началах. Федор Федорович вышел из состава совещания в августе 1917 г. и потребовал наведения элементарного порядка в стране.

На должности Государственного контролера он не успел проявить себя, т. к. был занят преимущественно политическими вопросами: готовил по поручению правительства проект «Положения о выборах в Учредительное собрание», занимался национальным вопросом и законопроектной работой. В ноябре 1917 г. он был арестован как активный деятель кадетской партии. Вместе с А. И. Шингаревым был убит группой матросов и красногвардейцев.

Александр Аполлонович Мануйлов (Мануилова) (1861–1929) окончил юридический факультет Новороссийского университета в 1883 г., был учеником известного экономиста А. С. Посникова. В 1883 г. переехал в Москву, сдал магистерский экзамен

---

[594] См.: Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912; Его же. Областная автономия и единство России. М., 1906 и др.

[595] Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. С. 186.

по политэкономии в Московском университете (1886 г.). Дважды направлялся в научные командировки в Ирландию и Великобританию. На основании собранных материалов в 1895 г. в Московском университете защитил магистерскую диссертацию «Аренда земли в Ирландии» (опубликована в том же году). Он отдавал предпочтение системе землепользования, при которой право собственности на землю принадлежит государству, а отдельные лица по договору аренды лишь получают право пользования. После защиты диссертации он избирается приват-доцентом Московского университета. В этот период в газете «Русские ведомости» он занимает должность помощника редактора и является автором передовиц по экономическим и финансовым проблемам.

В 1901 г. А. А. Мануйлов защищает докторскую диссертацию «Понятие ценности по учению экономистов классической школы (Смит, Рикардо и их ближайшие последователи). Критическое исследование по истории основных положений теоретической экономии» (опубликована в виде монографии в том же году). По его мнению, учение о ценности является основным в политэкономии, из него вытекают все иные вопросы: о распределении доходов, о земельной ренте, о заработной плате и др. Но в теории этот вопрос решается неоднозначно. А. А. Мануйлов дал аналитический разбор основных учений: учения австрийской школы о предельной полезности, учений А. Смита, Т. Мальтуса и их последователей о значении труда в теории ценности, учения о ценности Д. Рикардо и его последователей (Дж. С. Милль и др.), учения об относительной ценности (А. Торренс и др.). В результате проведенного исследования автор пришел к выводу о перспективности классической теории, учения классической школы о ценности, основанной на стоимости производства, и в частности на трудовом начале. Автор делает вывод, что это учение Смита, Рикардо и их ближайших последователей «может содействовать правильной постановке этого важного вопроса в экономической теории»[596].

[596] Мануйлов А. Понятие ценности по учению экономистов классической школы (Смит, Риккардо и их ближайшие последователи). М., 1901. С. 220.

В следующем году он пишет вступительную статью к переведенным сочинениям Г. Шмоллера, профессора Страсбургского и Берлинского университетов. Данная статья носит аналитический характер, в ней разбираются воззрения названного автора как последователя исторической школы в политэкономии, главы так называемого этического направления, который, по мнению А. А. Мануйлова, отрицательно относился к абстрактной экономии Смита и Рикардо[597].

После этого он становится ординарным профессором кафедры политической экономии и статистики Московского университета. В этом качестве он был привлечен к сотрудничеству с Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности, созданным по инициативе министра финансов С. Ю. Витте, о чем мы уже писали ранее. По поручению этого совещания ученый подготовил «Очерк ирландского и английского законодательства об аренде» (СПб., 1903). В год опубликования этой работы он получил чин статского советника. Рассматривая законодательство об аренде земли в Ирландии, А. А. Мануйлов исследовал вопрос о целесообразности государственного владения землей и о системах арендного пользования[598]. Под редакцией А. А. Мануйлова в 1904–1905 гг. был издан сборник статей «Очерки по крестьянскому вопросу» (вып. 1–2). Одновременно он принимал активное участие в политической жизни, стал членом партии кадетов и вошел в ее аграрную комиссию. Примечательно, что он предлагал включить в аграрную программу партии требование о признании казенных и удельных земель государственным фондом для сдачи их в аренду крестьянам. Также он считал необходимым выкуп в собственность государства части владельческих земель в целях дополнительного наделения на началах пользования малоземельных и безземельных крестьян, а также широкое внедрение земельной аренды[599].

---

[597] См.: Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. М., 1902. С. I–XII.

[598] Мануйлов А. А. Аренда земли в Ирландии. М., 1895.

[599] См.: Мануйлов А. А. Поземельный вопрос в России. Малоземелье, дополнительный надел и аренда. М., 1905.

В 1905 г. он становится сначала проректором, а потом ректором Московского университета и остается в этой должности до 1911 г. Одновременно, в 1907–1911 г., А. А. Мануйлов был членом Государственного совета от Академии наук и университетов, последовательно отстаивал принцип университетской автономии. Он оставил пост ректора в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо. После этого он продолжил преподавание в Московском коммерческом институте, Народном университете им. А. Л. Шанявского, на Московских Высших женских курсах.

В этот период он изучал проблемы денежного обращения[600], отношения права и хозяйства, трактуя их как отношение между содержанием законодательных норм и хозяйственной деятельностью[601]. В 1914 г. он стал председателем Экономического совета Всероссийского Союза городов, вместе с В. Я. Железновым (о нем далее) редактировал серию «История экономической мысли». В 1915 г. ученый возглавил Комиссию по изучению современной дороговизны, образованную на совещании Общества им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете. Товарищем председателя стал С. Н. Прокопович, а активное участие в ее работе приняли А. А. Соколов, Н. Н. Шапошников и др., с которыми мы еще встретимся на страницах этой книги. Одной из целей Комиссии было изучение факторов, стимулирующих рост дороговизны, и подготовка рекомендаций для правительства в целях ее сдерживания. Данная комиссия издавала свои «Труды», из которых нам известны три выпуска.

Вершиной его служебной карьеры стал пост министра народного просвещения Временного правительства, который он занимал с марта по июль 1917 г.[602] А. Ф. Керенский так обосновал этот выбор: «Бывший ректор Московского университета, член редколлегии ведущей либеральной газеты "Русские ведомости"

[600] См.: Мануйлов А. А. Учение о деньгах. Лекции по политической экономии. М., 1910 (выдержало 5 изданий до 1918 г.).

[601] См.: Мануйлов А. А. Хозяйство и право. М., 1912.

[602] См.: Матанкин А. Александр Аполлонович Мануилов. М., 1917.

Мануйлов был экспертом в области просвещения»[603]. На посту министра народного просвещения он проявил себя и как финансист. Так, он поддержал проект государственного страхования учащихся вузов, но не смог довести эту работу до конца. Кроме того, он принимал участие в разработке бюджетных и налоговых вопросов, считался в партии кадетов ведущим специалистом в области финансов. Например, на IX съезде партии кадетов именно он сформулировал задачи, стоящие перед партией в экономической сфере[604]. Однако видный ученый оказался не лучшим государственным деятелем, быстро проникся политическим пессимизмом, постоянно подавал прошения об отставке, не принимал реальных мер для выхода из действительно сложной ситуации и постоянно оказывался в тени. В огромном здании Министерства народного просвещения, построенном по проекту К. Росси и расположенном прямо за Александринским театром, А. А. Мануйлов оказался явно чужим.

После Октябрьского переворота он выехал на юг России, где был профессором Екатеринославского университета, затем преподавал в Тифлисе и Ростове-на-Дону. Участия в Белом движении он не принимал. В начале 1920-х гг. ученый вернулся в Москву и возобновил преподавание в Московском университете. Наркомфином РСФСР он привлекался в качестве консультанта при проведении денежной реформы 1922–1924 гг. Наконец, с 1924 г. он стал членом правления Госбанка СССР. Публиковался ученый в советский период достаточно редко, причем это были преимущественно экспертные оценки денежного обращения[605].

Еще одним министром временного правительства, который оставил след в финансовой науке, был **Сергей Николаевич Прокопович** (1871–1955). Он окончил Брюссельский университет в 1899 г., еще в студенческие годы примыкал к социал-демократам, в связи с чем был вынужден завершать образование

---

[603] Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 206.

[604] См.: Речь. 1917. 27 июля.

[605] См.: Мануилов А. Вопросы денежного обращения и кредит // Кооперативное дело. 1922. 24 февр.; Его же. Обращение банкнот // Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1923. № 4; Его же. Бумажные деньги в освещении номиналистической теории денег // Право и Жизнь. 1925. № 1 и др.

за рубежом. Как и многие радикально настроенные юноши того периода, он был из благополучной семьи: его отец был офицером, генерал-майором, а мать владела большим поместьем. Впоследствии он стал доктором философии Бернского университета (1913 г.). На рубеже XIX–XX вв. Сергей Николаевич был активным участником социал-демократического движения, одним из идеологов «экономизма». В своих трудах он анализировал экономическую теорию К. Маркса и финансовые аспекты аграрных преобразований[606]. Затем перешел на либеральные позиции, в 1905 г. вступил в партию кадетов и вошел в ее ЦК, но вскоре вышел из нее, считая себя «нефракционным социалистом». Сергей Николаевич был человеком независимых взглядов, масоном, что нашло отражение и в его научном творчестве. Первоначально он занимался вопросами истории и теории рабочего движения, рабочего законодательства[607]. Однако большинство из этих работ носит пропагандистский и даже агитационный характер, написаны «на злобу дня».

При этом ему нельзя отказать в знании зарубежного и отечественного законодательства и основных научных течений. Сергей Николаевич являлся сторонником широкой программы реформ, в том числе через правовое регулирование отношений рабочих и предпринимателей, государственное посредничество при разрешении трудовых споров, расширение практики заключения коллективных договоров. Как специалист в сфере финансов, он видел решение рабочего вопроса через справедливое перераспределение налогового бремени, государственное социальное страхование рабочих, увеличение бюджетных затрат на нужды «неимущих классов». Ученый вступил в Вольное экономическое общество, участвовал в кооперативном движении, служил в Мос-

---

[606] См.: Прокопович С. Н. К критике К. Маркса. СПб., 1901; Его же. К вопросу об отмене выкупных платежей. СПб., 1904; Его же. Аграрный кризис и мероприятия правительства. СПб., 1912 и др.

[607] См.: Прокопович С. Н. Бюджет петербургских рабочих. СПб., 1909; Его же. Длина рабочего дня по русскому законодательству. Ростов н/Д, 1905; Его же. К рабочему вопросу в России. М., 1905; Его же. Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Т. 1. Германия, Бельгия. СПб., 1899; Его же. Что дает рабочему страхование на случай болезни. М., 1913 и др.

ковском областном Военно-промышленном комитете (1914–1917 гг.). В это же время он начал преподавательскую деятельность в Народном университете им. А. Л. Шанявского.

С мая 1917 г. С. Н. Прокопович становится председателем Главного экономического комитета и заместителем председателя Экономического совета Временного правительства. С июля 1917 г. он был министром торговли и промышленности, с сентября по октябрь – министром продовольствия Временного правительства, сторонником наведения порядка и твердой власти. В этот период он занялся финансовыми и экономическими проблемами развития России[608]. Особый интерес представляет его аналитическая работа «Война и народное хозяйство» (М., 1918), в которой показано влияние войны на внешнюю торговлю и курс рубля, на производство и народный доход, на транспорт, кредит и торговлю, на экономическое положение трудящихся. В цифрах показан уровень падения производительности сельского хозяйства, промышленности и народного дохода. Автор пишет, что война разорила наше народное хозяйство, а государственное хозяйство привела в состояние, граничащее с банкротством.

Интересны, но небесспорны и выводы о влиянии войны на экономическое положение трудящихся. Он приводит диаграмму резкого роста заработной платы в 1917 г. и пишет, что усилия пролетариата повысить материальный уровень своей жизни, не считаясь со степенью развития производительных сил страны и размерами народного хозяйства, дали три результата: во-первых, колоссальный рост выпуска бумажных денег и соответствующее обесценение рубля; во-вторых, разрушение снабжения армии и разложение военного хозяйства; в-третьих, экономический кризис весной и летом 1918 г., чрезвычайное развитие безработицы и последующее катастрофическое падение уровня заработной платы[609].

25 октября 1917 г. вместе с другими министрами Сергей Николаевич был арестован, но после допроса освобожден. В дальнейшем он участвовал в антибольшевистском движении, некото-

---

[608] Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1918 (1-е изд. 1917); Его же. Народное хозяйство в дни революции. М., 1918 и др.

[609] См.: Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. С. 264.

рое время возглавлял подпольное Временное правительство. В 1918 г. он пошел на сотрудничество с новой властью и начал с преподавать на юридическом факультете 1-го МГУ, где вскоре стал деканом факультета. В этот период он активно разрабатывал проблемы кредитования[610]. Его последняя работа о кредитной кооперации вышла в 1923 г.[611]

Однако в 1922 г. ученый был выслан из РСФСР, жил в Берлине, Праге, Женеве, с 1939 г. – в США, где продолжал публиковать свои исследования, касающиеся финансово-экономического положения России[612]. Некоторое время в эмиграции он руководил журналами «Экономический сборник» и «Русский экономический сборник» (Прага), а часть его трудов была издана посмертно[613].

В последней опубликованной в России работе («Кредитная кооперация в России» (М., 1923)) автор дал сравнительный анализ состояния кредитования в России крестьян по областям и по годам с 1870 г. до 1916 г. Предметом исследования стали хозяйства членов кредитных коопераций, средства кредитных кооперативов, ссуды, товарные операции, управление кооперативным хозяйством, кредитные союзы. Автор выступает за дальнейшее развитие кооперативной организации кредита в крестьянских хозяйствах.

Михаил Исидорович Фридман (1875–1921) в межреволюционный период 1917 г. оказался на высших должностях в Министерстве финансов России, сначала начальником Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, а затем товарищем министра. Назначение на эти должности состоялось, по всей видимости, не без участия его коллеги по экономическому отделению Петроградского политехнического института, а затем последнего министра финансов Временного правительства М. И. Бернацкого.

---

[610] См.: Прокопович С. Н. Кооперативная организация мелкого кредита. М., 1919; и др.

[611] См.: Прокопович С. Н. Кредитная кооперация в России. М., 1923.

[612] См.: Прокопович С. Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923; Его же. Идея планирования и итоги пятилетки. Париж, 1934 и др.

[613] Прокопович С. Н. Сборник статей. Париж, 1956.

М. И. Фридман родился 10 августа 1875 г. в Томске, где обучался в гимназии до седьмого класса, а затем был исключен из нее за участие в кружке самообразования. После этого он давал уроки и занимался корректурой в газетах «Сибирский вестник» и «Восточное обозрение». Сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, он поступил на юридический факультет Петербургского университета, а затем перевелся на одноименный факультет Московского университета.

После окончания юридического факультета Московского университета в 1901 г. с дипломом первой степени М. И. Фридман занялся научной работой в сфере финансового права. Курс политической экономии ему читал видный экономист А. И. Чупров (1842–1908), а финансового права – И. И. Янжул (1846–1914). С их уходом ведение занятий продолжили А. А. Мануйлов и И. Х. Озеров (1864–1942). Последний считал молодого ученого своим учеником и всячески протежировал ему. Благоволил к нему и академик И. И. Янжул, доверивший начинающему исследователю доработку 4-го издания своего классического учебника финансового права. По решению юридического факультета он был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре финансового права, однако попечитель Московского учебного округа не утвердил постановления факультета. После этого И. Х. Озеров и А. А. Мануйлов рекомендовали его для занятия кафедры финансового права в Томском университете, которая была вакантна после смерти проф. П. С. Климентова (1873–1902). На замещение кафедры были выдвинуты две кандидатуры: М. И. Фридман и приват-доцент Казанского университета Г. А. Вацуро (1874 – после 1918). После длительных обсуждений комиссия юридического факультета отдала предпочтение Фридману. Однако, поскольку магистерская диссертация еще не была защищена, ему было предложено читать лекции по финансовому праву лишь в качестве приват-доцента с вознаграждением в 2000 руб. в год. В марте 1905 г. ученый сообщил, что преподавать в Томском университете на предложенных ему условиях он не считает для себя возможным. К тому же ему уже было предложено место в Петербургском политехническом институте. После этого М. И. Фридман был командирован за границу для подготовки к преподавательской деятельности по кафедре финан-

сового права (с марта 1903 по сентябрь 1904 г.), работал преимущественно в Берлинском университете. С сентября 1904 г. в Политехническом институте приват-доцент М. И. Фридман читал курс лекций по науке о финансах, изданный впоследствии литографированным способом студенческой кассой взаимопомощи при институте[614]. Там его коллегами стали такие известные ученые, как В. М. Гессен, В. Н. Твердохлебов, А. А. Чупров, М. И. Туган-Барановский, М. В. Бернадский, П. Б. Струве и директор института А. С. Посников. Вместе с тремя последними он в дальнейшем работал и в составе Временного правительства.

Изначально он показал себя последователем социологической школы[615], наиболее ярким представителем и лидером которой был его учитель И. Х. Озеров. Вместе с группой молодых ученых (М. И. Боголепов (1879–1945), В. Н. Твердохлебов (1876–1954), М. А. Курчинский (1876–1939) и др.) он заявил об отказе следовать по стопам господствовавшей в те годы в финансовой науке немецкой исторической школы. На позицию сторонников социологической школы большое влияние оказало учение К. Маркса[616]. Однако это не было слепым увлечением марксизмом: была взята лишь социологическая теория борьбы классов для объяснения финансовых явлений. Ученый настаивал на том, что предпосылками финансового благополучия России являются внутренний и внешний мир, перераспределение части доходов в пользу низших классов, развитие сельского хозяйства и внедрение мелкого кредита. В ранних работах М. И. Фридмана чувствуется и влияние марксистской методологии, хотя сам он подчеркивал, что не является последовате-

---

[614] См.: Конспект лекций по науке о финансах, читанных профессором М. И. Фридманом в 1909/1910 г. СПб., 1911. Вып. 1–3.

[615] См.: Фридман М. И. Наша финансовая система. Опыт характеристики. СПб., 1905; Его же. Доходы и расходы русского государства. М., 1906; Его же. О финансовом бойкоте. СПб., 1906; Его же. Наше законодательство о бюджете // Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. Сб. СПб., 1907 и др.

[616] См.: Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансовой науки и финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой половине XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1993. Сер. 5. Вып. 1. С. 108.

лем учения К. Маркса. Совсем не случайно и первые работы М. И. Фридмана, опубликованные в начале 1900-х гг., были посвящены вопросам страхования рабочих[617].

При этом он отмечал архаичность финансовой системы России, необходимость ее реформирования. В 1905–1906 гг. он публикует целую серию популярных брошюр: «Доходы и расходы русского государства» (М., 1906), «Наша финансовая система. Опыт характеристики» (СПб., 1905) и др. П. П. Гензель в «Библиографии финансовой науки» в отношении последней отмечал, что эта брошюра знакомит в несколько сухом, пестрящем цифрами очерке о доходах и расходах России, о неравномерном распределении податного бремени, о государственном контроле и бюджете[618].

М. И. Фридман приветствовал формирование Государственной думы как органа народного представительства и считал, что она должна иметь важное значение в финансовой сфере (утверждение новых налогов и бюджета, парламентский контроль за его осуществлением и др.). По своим политическим убеждениям он примыкал к кадетам и критиковал правительство за нежелание расширять бюджетные полномочия Госдумы, о чем мы уже вели речь. В. Н. Коковцов по этому поводу саркастически заметил: «…оппозиция не скупилась, конечно, на резкие обличительные статьи в своей прессе, в которой приняли участие и некоторые научные кадетские силы того времени, вероятно не раз пожалевшие потом о высказанных ими взглядах, когда много лет спустя им пришлось самим очутиться на стороне правительства, правда, на короткое время. Я имею в виду хотя бы профессора Фридмана»[619].

В 1908 г. в Московском университете М. И. Фридман защищает магистерскую диссертацию по финансовому праву, изданную в виде книги в том же году, на тему: «Современные косвенные налоги на предметы потребления. Т. 1. Обложение спирта,

---

[617] См.: Фридман М. И. Страхование рабочих в России // Известия Московской городской думы. 1902. Март. С. 84–102; Его же. Страхование рабочих в Германии // Там же. Апрель. С. 83–118; Его же. Нужно ли страхование рабочих? // Промышленность и здоровье. 1903. № 5. С. 43–64.

[618] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 28.

[619] Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 263.

сахара, пива и табака в Германской империи (1871–1907)». Вначале автор дает краткий общий очерк финансовой политики Германской империи в 1870-е годы, а затем подробно излагает парламентские прения и законодательство об обложении табака, сахара, водки, пива. П. П. Гензель дал довольно критическую оценку исследованию М. И. Фридмана. Он указал на описательный, исторический характер работы, отсутствие в ней определенных выводов. Теории косвенного обложения и теории переложения автор совершенно не исследовал, ограничившись тщательным и интересным изложением дебатов в Рейхстаге и отзывов заинтересованных групп. Существенным недостатком сочинения, по мнению П. П. Гензеля, является постановка вопроса: исследование некоторых косвенных налогов в Германии без всякого изучения тех же вопросов в соседних странах. Далее, автор оформляет цитаты слишком суммарно, крайне затрудняя проверку представленного материала, даже статистические данные нередко приведены без указания источника. Однако П. П. Гензель признает, что все же работа Фридмана представляет «серьезный вклад в нашу убогую литературу, в которой новейшая история косвенного обложения в Германии почти совершенно не разработана»[620]. В более жестком критическом тоне была дана оценка рассматриваемой работы М. И. Фридмана его учителем, профессором Московского университета И. Х. Озеровым (1869–1942). Он рассматривал этот труд как «собрание материала, подготовку для работы». «Несмотря на кропотливость и массу затраченного труда, – писал И. Х. Озеров, – автор пока ничего не внес нового в пересмотр теории косвенного обложения, т. е. того, чего не было бы известно до него»[621]. Тем не менее, по словам рецензента, автор много поработал, его работа рисует также происхождение и развитие финансовых институтов в связи с условиями общественной жизни и этот научный прием надо расширять и углублять, автор показал, чьи интересы затронули законы о косвенном налогообложении.

---

[620] См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 54.

[621] Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. 1908. № 2. С. 94.

В 1908 г. М. И. Фридман назначен на должность экстраординарного профессора экономического отделения Петербургского политехнического института, продолжал читать курс науки о финансах, занимался научной работой[622]. Не чурался он публицистической и общественной деятельности. Так, в 1905–1907 гг. Михаил Исидорович принимал деятельное участие в издании кадетской газеты «Речь», а с 1908 г. начал сотрудничать в «Русских ведомостях», помещая там статьи по финансовым вопросам. Начиная с 1909 г. в каждом номере от 1 января ученый выступал с большими аналитическими статьями о современном положении российских финансов. В 1910 г. он выступил с докладом «Об организации кредита для городов» на Первом Всероссийском съезде деятелей и специалистов по городскому благоустройству в Одессе, а в 1913 г. – с докладом «Кредит для городов и земств» в Обществе финансовых реформ[623]. Дважды на четырехлетний срок М. И. Фридман избирался секретарем экономического отделения Политехнического института.

В 1916 г. в Петроградском университете он защищает докторскую диссертацию по финансовому праву на тему: «Винная монополия. Т. 1. Винная монополия в иностранных государствах. Т. 2. Винная монополия в России» (т. 1 издан в виде книги в 1914 г., а т. 2 – в 1916 г.). В первой части исследования рассматриваются вопросы организации налогообложения винных питей в крупнейших станах Европы: Германии, Франции, Бельгии, Швеции, Норвегии, Финляндии. Автором были выбраны те страны, опыт которых, по его мнению, мог дать значительные и ценные результаты для суждений о важнейших чертах монопольной системы обложения спирта. Сбор материала производился автором на местах при посещении названных стран. Вторая же часть исследования посвящена вопросам обложения спиртных напитков в России, последствиям введения винной монополии и реформированию системы винных сборов. Рассмотрена история вопроса:

---

[622] См.: Фридман М. И. Бюджетное право Государственной Думы и Государственного Совета. СПб., 1911 и др.

[623] Фридман М. И. Об организации кредита для городов. Одесса, 1910; Его же. Кредит для городов и земств. Доклад Фридмана [и прения по докладу] // Известия общества финансовых реформ. 1913. № 7. С. 31–63.

питейные сборы, акцизная система обложения спиртных напитков, винная монополия. Автор отметил, что, «кроме весьма ценных и известных изданий Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, любезно предоставленных в мое распоряжение, я имел возможность пользования и официальными записками»[624]. По результатам проведенного исследования автор пришел к общему выводу, что винная монополия дает государству гораздо более сильные и действенные средства для регулирования производства и торговли вином, нежели акциз. Винную монополию также следует считать более совершенным орудием достижения фискальных, народно-хозяйственных и социально-гигиенических задач. По словам ученого, винная монополия – это одна из форм обложения спиртных напитков, обыкновенно осуществляемая с помощью передачи права на питейную торговлю органам публично-правовой власти – государству или общине.

В 1916 г. ученый избирается ординарным профессором по кафедре науки о финансах Политехнического института. Не изменились и его политические взгляды. В 1916 г. М. И. Фридман писал: «И в иностранной и в русской печати идет спор о том, каков будет хозяйственный строй после войны: останется ли попрежнему господство за индивидуализмом, свободной конкуренцией и частным почином, или же государственный социализм начнет свое триумфальное шествие»[625]. Он пришел к заключению, что капиталистический строй не вечен, как и другие прежние политические системы. Этот строй меняет свой характер на глазах у всех. Однако крушение его, неоднократно уже намечавшееся, если и произойдет, то, по мнению Михаила Исидоровича, очень и очень не скоро.

Так думали многие, но с февраля 1917 г. ситуация в стране резко изменилась. М. И. Фридман из эксперта и прогнозиста перешел в стан реальной политики. Указом Временного правительства Правительствующему Сенату от 13 марта 1917 г. он был назначен начальником Главного управления неокладных сборов и

[624] Фридман М. И. Винная монополия: в 2-х т. Т. 1. Винная монополия в иностранных государствах. СПб., 1914. С. VI.

[625] Фридман М. И. К вопросу о монополиях // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 16. С. 120.

казенной продажи питей с оставлением в должности профессора Политехнического института. Указом Временного правительства от 27 июля 1917 г. он был назначен и товарищем министра финансов. Это был уже разгар экономического и политического кризиса, и многого он, как и всё правительство, сделать в финансовой сфере просто не успел.

После Октябрьского переворота 1917 г. М. И. Фридман остался в России, продолжая научную и преподавательскую работу[626]. Первоначально в ноябре 1917 г. он покидает Петроград, но с осени 1918 г. возобновляет чтение в Политехническом институте курса «Наука о финансах». Вскоре он опять прекратил преподавание, и о роде его деятельности данные отсутствуют. Умер ученый 21 июля 1921 г. в Москве.

М. И. Фридман, в традициях русской профессуры, уделял особое внимание переводу трудов иностранных авторов. Так, под его редакцией и с его предисловием был сделан перевод его студентами трудов известного американского профессора Э. Селигмана и французского ученого Р. Стурма (Штурма) по теории налогообложения[627]. В предисловии к изданию М. И. Фридман указал, что он не во всех пунктах разделяет мнение названных ученых, однако делать какие-либо оговорки и примечания счел излишним.

Иной подход он избрал в отношении перевода книги профессора Р. Штурма «Бюджет». М. И. Фридман сделал приложение-статью «Наше законодательство о бюджете» [628]. В этой статье он дал краткий экскурс в историю государственного бюджета России, охарактеризовал современное состояние российского законодательства о бюджете и определил перспективы его развития, совершенствование, т. е. будущее бюджетного законодательства. В частности, он констатировал, что до реформ 1860-х гг. царил беспорядок в этой сфере: отсутствие точных данных о совокупности доходов и расходов даже у высшей администрации, при-

[626] См.: Фридман М. И. Денежное обращение // Свободная Россия. 1918. 13 июня; Его же. Государственное хозяйство и денежное обращение в России (1913–1919). М., 1919.

[627] См.: Селигман Э., Стурм Р. Этюды по теории обложения. СПб., 1908.

[628] См.: Штурм Р. Бюджет; пер. А. С. Изгоева. СПб., 1907. С. 565–598.

знание финансов величайшей государственной тайной, расцвет злоупотреблений и хищений. Упомянутые реформы ознаменовали улучшения в порядке составления, рассмотрения и исполнения росписи, а также в организации государственного контроля. Однако это упорядочение, по мнению ученого, оказалось лишь внешним и формальным. Не было главных основ ведения государственного хозяйства: отсутствовало определение доходов и расходов самими плательщиками в лице их представителей, не было контроля народных представителей за соблюдением законности и экономии в расходовании средств, не было независимой и свободной печати, которая бы зорко следила за нарушениями закона. Эти проблемы встали на повестку дня в России. Без формирования конституционного строя, как утверждал автор, не могло быть места правильной постановке бюджетного права. Далее он остановился на недостатках действующего бюджетного права и обосновал, «какие изменения следовало бы внести, чтобы поставить законодательство на должную высоту». При этом частичных изменений недостаточно, необходимо дополнение основных законов, и для пересмотра следует воспользоваться моделями западноевропейского бюджетного права.

Он считал, что из бельгийской конституции надлежит заимствовать целый ряд принципиальных положений: 1) никакой налог и никакой сбор в пользу государства не может быть установлен иначе как законом; 2) налоги в пользу государства вотируются ежегодно, законы, их установившие и вторично возобновленные, имеют силу только один год; 3) не может быть установлено никаких налоговых привилегий. Никакое освобождение от налога или уменьшение его не может быть установлено иначе как в силу закона; 4) никакая пенсия, никакая награда из средств государственного казначейства не могут быть пожалованы иначе как в силу закона и др.

Крайне необходимой автор считал реформу государственного контроля, в основу которой следовало бы положить такие начала: 1) полная независимость контроля и предоставление ему возможности действительного осуществления его прав; 2) подчинение ведению контроля всех доходов и расходов государства; 3) предоставление высшего надзора за ведением всех без исключения отраслей государственного хозяйства народному предста-

вительству, Государственной думе; 4) правильная постановка предварительного и фактического контроля. И далее М. И. Фридман делает прогноз: «Когда эти начала лягут в основание русского бюджетного права, оно сделается могучим средством охранения народной свободы… демократическое бюджетное право должно придти на смену современному бюджетному бесправию»[629].

В 1919 г. Советом Всероссийских кооперативных съездов была издана работа М. И. Фридмана «Государственное хозяйство и денежное обращение в России», ставшая его последней относительно крупной публикацией и своеобразным итогом его исследований. В ней автор дает анализ четырех периодов: перед началом Первой мировой войны; в период войны с 1914 по 1917 г.; в год революции (1917 г.); и в период существования Коммунистической республики. М. И. Фридман так оценил финансовую политику Временного правительства: «Временное правительство хорошо осознало необходимость сократить расходы, поднять поступления и введением бюджетного равновесия улучшить падающий кредит. Оно ясно видело гибельные результаты неумеренного выпуска бумажных денег. Для упорядочения дела намечены были планы налоговых реформ, причем началось в духе требования времени с усиленного повышения обложения состоятельных классов»[630].

Для повышения курса рубля, по мнению М. И. Фридмана, необходимо было изменить общую и финансово-экономическую политику. В числе первоочередных мероприятий он называл: 1) прекращение междоусобной войны, 2) производство новых благ в объеме не меньшем, чем расходуется, 3) сокращение совершенно непосильного объема государственного хозяйства, замена его частной, общественной и кооперативной работой, с допущением личной инициативы в широких размерах, 4) оздоровление кредитного и банковского хозяйств, восстановление промышленности. Главное, по мнению ученого, заключается в том, «чтобы признать невозможность перестройки всего народного

[629] Штурм Р. Бюджет. С. 598.

[630] Фридман М. И. Государственное хозяйство и денежное обращение в России (1913–1919). М., 1919. С. 17.

хозяйства – да еще в короткий срок – на началах, исключающих личную заинтересованность хозяйствующего субъекта...»[631].

Спасение от разрухи в области финансов, по мнению М. И. Фридмана, лежало в поднятии производительных сил страны. При этом он видел, что «при нынешних методах хозяйства, когда никто не заинтересован лично, кровно в результатах работы, – добиться благоприятных результатов, по-видимому, невозможно»[632]. Если же правительство и дальше будет идти по пути выпуска новых бумажных денег, предупреждал ученый, это лишь приведет к растрате накопленного в стране богатства, разорению и нищете для работающих в народном хозяйстве. По мнению М. И. Фридмана, рабочие и служащие от падения курса рубля терпят намного больше бедствия, чем крестьяне: они не производят сельскохозяйственных продуктов и вынуждены их приобретать по быстро растущим ценам.

Следует сказать еще о двух ученых, сотрудничавших с Временным правительством. Если все предыдущие персонажи были министрами или их товарищами, более известны именно как политики, то А. С. Посников и П. Б. Струве министрами не были, зато более известны именно как ученые и публицисты.

Александр Сергеевич Посников (1846–1922) был выходцем из смоленского дворянства. В 1869 г. он окончил юридический факультет Московского университета и был направлен в зарубежную научную командировку. Изначально его интересовала аграрная проблема и возможность ее решения посредством кредитования[633]. Он отстаивал либерально-народническую идею о необходимости предоставления крестьянским хозяйствам дешевого кредита. После сдачи магистерского экзамена по политэкономии и статистике он был приглашен в Демидовский юридический лицей в Ярославль, где служил сначала приват-доцентом, а затем экстраординарным профессором (1873–1876 гг.). Во время зарубежной научной поездки молодой ученый принял участие в

[631] Фридман М. И. Государственное хозяйство и денежное обращение в России (1913–1919). С. 38.

[632] Там же. С. 35.

[633] См.: Посников А. С. Начала поземельного кредита. М., 1871.

съезде либеральных экономистов, организованном А. И. Чупровым, Н. И. Зибером и др.

В Демидовском юридическом лицее он готовит свой основной труд «Общинное землевладение» (вып. 1–2, Ярославль, 1875–1877, 2-е изд. 1878), первая часть которого была защищена как магистерская (1875 г.), а вторая – как докторская диссертация по политэкономии (1878 г.). Последняя вызвала большой общественный резонанс, а информация о докторском диспуте была опубликована сразу в шести периодических изданиях[634]. Выраженные в этих исследованиях идеи об эффективности общинных форм землевладения, о развитии на базе общины кооперативов и товариществ, о предоставлении крестьянским хозяйствам дешевого кредита и более справедливом обложении оказались константой для всего творчества ученого. Такая позиция критиковалась учеными либерального направления, однако ее поддерживали многие известные ученые-финансисты, в том числе академик И. И. Янжул. Он был не только другом А. С. Посникова, но и сторонником его аграрных воззрений, высоко отзывался о его исследованиях по общинному земледелию[635]. Д. И. Пихно признавал труд А. Посникова достойным серьезного внимания, но отмечал, что А. Посников, увлекшись мыслью о преимуществах общинного владения, не доказал своего утверждения о том, что общинное владение может дать такие же результаты, как частная собственность[636]. Другой критик отмечал, что А. Постников не доказал экономической состоятельности общины[637]. Н. М. Цытович, профессор Киевского университета, дал исключительно отрицательный отзыв на исследование А. С. Посникова, отметив, автор не понимает смысла вопроса об общинном землевладении и не знает его истории, автор не вложил «туда никакой мысли,

---

[634] См., например: Докторский диспут г. Посникова // Северный вестник. 1878. № 30.

[635] См.: Судейкин В. Т. Академик-профессор И. И. Янжул (Некролог). Пг., 1915. С. 8; Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып. 1. СПб., 1910. С. 57 и др.

[636] См.: Пихно Д. Рецензия. А. Посников. Общинное землевладение. Киев, 1975. С. 6.

[637] См.: Русанов Н. Новейшая литература по общинному землевладению в России. Критический очерк. М., 1879.

никакого серьезного содержания. И при всем том он сумел придать своему произведению такой внешний вид, что оно может вводить в заблуждение даже таких серьезных людей, как, напр., профессор Кавелин или князь Васильчиков»[638].

В 1876–1882 гг. ученый служил профессором в Новороссийском университете, где среди его учеников были М. Я. Герценштейн и А. А. Мануйлов. Отметим, что Александра Сергеевича признавали своим учителем многие видные специалисты в сфере финансов. Не случайно в 1902 г. он возглавил экономическое отделение Петербургского политехнического института, с которым был связан до самой смерти. Петербургский политехнический институт представлял в те годы уникальное высшее учебное заведение, инициатором создания которого был С. Ю. Витте. В нем впервые в России было открыто экономическое отделение[639]. Первым возглавил отделение, как уже указывалось, А. С. Посников, который сформировал прекрасный коллектив профессоров и преподавателей, часть из которых в силу своих оппозиционных воззрений не могла преподавать в университетах. На экономическом отделении в дореволюционные годы преподавали профессора М. В. Бернацкий, П. Б. Струве, М. И. Фридман. Среди преподавателей института были такие известные финансисты, как И. И. Иванюков (1844–1912), В. Э. Ден (1867–1933), В. Н. Твердохлебов (1876–1954), А. А. Чупров (1874–1926), а также М. И. Туган-Барановский (1865–1919), впоследствии министр финансов в Украинской Центральной Раде, и др.

Затем А. С. Посников стал и директором этого института. Его выдвижение было осуществлено по прямому указанию С. Ю. Витте, который был знаком с ним еще в то время, когда тот профессорствовал в Новороссийском университете. Сергей Юльевич отзывался о нем как об очень даровитом и достойном чело-

---

[638] Цытович Н. Новые приемы защиты общинного землевладения. По поводу соч. «Общинное землевладение» А. Посникова. Одесса, 1878. С. 48–49.

[639] См. подробнее: Петров Е. Н. Очерк истории экономического факультета Политехнического института за 25 лет // Известия экономического факультета [Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина]. 1928. Вып. 1 (XXV). С. 26–71.

веке, строгом экзаменаторе, талантливом профессоре. Министра финансов не смущало даже то, что профессор испытывал явные симпатии к общине и «несколько, хотя очень мало, охрип социалистическими воззрениями»[640]. Признанием его авторитета стала должность президента Вольного экономического общества в 1909–1911 гг.

Даже по внешнему виду он представлял собой классический тип учителя: рано поседевший, с окладистой бородой и пышными усами, всегда внешне невозмутимый и неизменно доброжелательный. Его портрет в преклонных годах имеет некоторое сходство с портретом С. Н. Рериха, также, кстати, юриста по образованию. Практически все бывшие студенты А. С. Посникова отзывались о своем профессоре очень доброжелательно и с гордостью считали его своим учителем. С 1882 по 1902 г. ученый занимался преимущественно общественной и политической деятельностью: работал в земских органах Смоленской губернии, некоторое время был уездным предводителем дворянства, редактировал в 1886–1896 гг. газету «Русские ведомости» и др. В дальнейшем он продолжал активно публиковаться в периодических изданиях, особенно в «Вестнике Европы».

Недовольство насильственной ломкой общины в ходе столыпинской реформы привело А. С. Посникова в политику, и он был избран депутатом IV Государственной думы, где примкнул к прогрессистам. Подчеркнем, что в экспертной и законотворческой парламентской деятельности ученый принимал участие и ранее[641]. С началом Первой мировой войны он активизировал свою научно-публицистическую деятельность в сфере финансов, откликался на наиболее острые проблемы правового регулирования налогов и бюджета[642]. Наконец, после Февральской революции он был назначен сначала управляющим Государственного

---

[640] Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 508.

[641] См.: Аграрный вопрос в Третьей Думе // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 233–248; 1910. № 1. С. 287–297 и др.

[642] См.: Посников А. С. Увеличение податного бремени // Вестник Европы. 1914. № 10. С. 299–311; Его же. Подоходный налог и военный сбор // Там же. 1914. № 11. С. 374–383; Его же. Проект государственной росписи // Там же. 1915. № 1. С. 372–381; Его же. «Землеустройство» и крестьянский банк // Там же. 1916. № 2. С. 325–333 и др.

банка, затем председателем Главного земельного комитета при Временном правительстве[643]. Однако даже его авторитета, опыта и знаний, склонности к компромиссу не хватило для преодоления межпартийного и межфракционного раскола в решении аграрного вопроса. После Октябрьского переворота А. С. Посников вернулся к преподаванию в Петроградском политехническом институте. Умер ученый 22 августа 1922 г.

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) родился в семье Пермского губернатора. Его дедом был известный астроном В. Я. Струве, эмигрировавший в Россию и ставший основателем Пулковской обсерватории и русской школы астрономии. П. Б. Струве со студенческих лет увлекся марксизмом, познакомился с участниками первых марксистских кружков (в т. ч. с В. И. Лениным в 1894 г.), вел социал-демократическую пропаганду среди рабочих. Однако это не помешало ему в 1895 г. окончить экстерном (как и В. И. Ленину) юридический факультет Петербургского университета. В 1891–1892 гг. Петр Бернгардович слушал лекции теоретика права и социолога Л. Гумпловича в университете Граца (Австрия). Этот идеолог известной со студенческой скамьи всем юристам «теории насилия» в возникновении государства оказал на русского студента большое воздействие. Тогда же он заинтересовался проблемами австрийской валютной реформы, изучал труды А. Вагнера и К. Крамаржа по проблемам финансов.

Уже в первых своих работах он стоял на позициях «легального марксизма», отмечал отсталость отечественной финансовой системы и предлагал: «Признаем же нашу некультурность и пойдем на выучку к капиталистам»[644]. После 1-го съезда РСДРП в Минске в 1898 г., в котором он участвовал, по предложению группы социал-демократов написал «Манифест РСДРП». В том же году под его редакцией вышел 1-й том «Капитала» К. Маркса. Вскоре молодой ученый перешел на позиции либерализма, не сумев согласовать социальные и экономические формулы марксиз-

[643] См.: Посников А. С. Задачи Главного земельного комитета (три речи) // Вестник Европы. 1917. № 4–6. С. 637–659.

[644] Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 164–165.

ма и отвергнув призыв к свержению капитализма. За это он получил от В. И. Ленина клеймо «великого мастера ренегатства». лее резкий «демон революции» Л. Д. Троцкий так очертил эволюцию нашего героя: «…сперва марксист, затем либерал-идеалист, а после того славянофил-антисемит и великорусский империалист … из гольштинских выходцев»[645].

В 1901 г. П. Б. Струве эмигрировал в Германию, где издавал еженедельник «Освобождение» (1902–1905 гг.), ставший центром притяжения для либеральных кругов. С началом Первой русской революции он вернулся в Россию, вступил в партию кадетов и вошел в ее ЦК, избирался во II Государственную думу. После этого он переходит на правый край либерального движения (либеральный консерватизм), сотрудничает с П. А. Столыпиным, редактирует с 1906 г. журнал «Русская мысль». В этот период появляются и его специальные работы по проблемам финансов[646].

В 1909 г. Петр Бернгардович участвует в издании сборника «Вехи»[647]. Опального ученого привлекли к преподаванию только на экономическом отделении Петербургского политехнического института (1906–1917 гг.) и на Бестужевских женских курсах с 1910 г. Относительно поздно, в 1913 г., в Петербургском университете он защитил магистерскую, а в 1917 г. в Киевском университете – докторскую диссертации по политэкономии. Защиты состоялись по двум частям монографии: «Хозяйство и цены. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни» (опубликованы соответственно в 1913 и 1916 гг.). В 1916 г. его избирают почетным доктором права Кембриджского университета, а в 1917 г. – почетным членом Российской академии наук.

В годы Первой мировой войны П. Б. Струве пропагандировал идеи защиты Отечества. Февральскую революцию ученый приветствовал, занял откровенно оборонческую и антисоциалистическую позицию, стал идеологом либерального консерватизма.

---

[645] Троцкий Л. Д. Господин Петр Струве. Попытка объяснения // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. С. 226.

[646] Струве П. Б. К вопросу о нашем бюджетном праве // Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. Сб. СПб., 1907; Его же. Политическая экономия и бухгалтерия // Русская мысль. 1913. № 11 и др.

[647] См.: Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 150–166.

Первый раз ученый поступает на государственную службу именно во Временное правительство и становится директором Экономического департамента Министерства иностранных дел. В этот период он входил в Предпарламент, выступал за ужесточение внутренней политики.

Октябрьские события 1917 г. вызвали его полное неприятие, что выразилось в инициированном им сборнике «Из глубины» (1918 г.)[648]. В дальнейшем П. Б. Струве активно участвовал в антибольшевистском движении, входил в «Особое совещание» при генерале А. И. Деникине и в правительство генерала П. Н. Врангеля. После эмиграции в 1920 г. – сначала в Прагу, затем Белград и Париж – продолжил издательскую и исследовательскую работу (с 1918 г. председатель Отделения общественных наук Русского научного института в Белграде), до конца своих дней остался непримиримым противником большевизма.

Если касаться позиции ученого по проблемам финансов, то она, как и все творчество П. Б. Струве, очерчена фрагментарно, представлена отдельными статьями и очерками, несет на себе печать глубоких противоречий и сомнений автора[649]. Очевидно, что проблемы финансов ученый рассматривал в тесной взаимосвязи с вопросами политики. Экономия бюджета признавалась актуальной, но в центр проблемы он ставил поднятие экономики страны. Это предполагало, по меньшей мере, не увеличение налогового бремени на предпринимателей и государственные инвестиции в экономику. Он ратовал за полное финансирование, прежде всего, образования и обращал внимание на «финансирование народного труда» (мелких хозяйств). Ученый видел нормализацию финансовой ситуации через «хозяйственное воспитание» крестьянства, т. е. развитие кооперации, экономное расходование внутренних средств, справедливую налоговую систему. Кроме этого, мог ис-

---

[648] См.: Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. С. 459–477.

[649] См. статьи Струве П. Б.: Экономические программы и «неестественный режим»; Политика внутренняя и политика внешняя; Интеллигенция и народное хозяйство; Оздоровление власти и др. // Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 94–97, 156–163, 202–205, 390–398 и др.

пользоваться только внешний заем, что также возможно. Однако финансовый механизм может работать эффективно только при утверждении «конституционного правопорядка». Одним из условий устойчивой финансовой системы называлось наличие подотчетного народному представительству правительства. Его отсутствие, по мнению исследователя, привело к фиаско экономически продуманные мероприятия С. Ю. Витте. Налоговая и кредитная политика, по мнению П. Б. Струве, не может быть построена на «окрике», а предполагает развитую нормативную базу.

У читателя может возникнуть вопрос, почему при столь компетентном составе министров Временное правительство не смогло вывести страну из кризиса и предотвратить Октябрьский переворот 1917 г. Вероятно, в тот период, когда продолжалась Первая мировая война, а финансовый кризис углублялся под влиянием радикалов всех мастей, нужны были решительные меры с отступлением от общепринятых моральных принципов и неизбежными многочисленными жертвами. Члены Временного правительства были к этому выбору не готовы и в силу своего образования и воспитания, и по волевым качествам. Конец Временного правительства был предрешен множеством неразрешимых и взаимоисключающих теорем: невозможность прекратить участие России в войне из-за союзнического долга и невозможность финансовых преобразований в условиях войны; невозможность проведения каких-либо преобразований в условиях отсутствия твердой власти и невозможность установления твердой власти без политических репрессий в отношении противников новой власти; необходимость концентрации финансов для решения жизненно важных задач и невозможность такой концентрации в условиях гиперинфляции и ухудшения положения населения и др. Правительство сделало, что могло, а могло оно не так уж много. Катастрофические события, последовавшие после октября 1917 г., смели его с арены истории, но мы должны быть благодарны его деятелям хотя бы за попытку согласовать финансовые и политические решения с принципами морали и общественного долга.

Глава 6
Государственные деятели и финансовая наука
(советский опыт в свете марксистско-ленинской теории)

Возможна ли вообще «научная» политика, финансовая, экономическая, социальная?

Твердохлебов В. Н. Финансовые очерки. 1916.

В советский период круг государственных деятелей, оставивших свой след в финансовой науке, существенно сузился, причем активность большинства из них приходится на 1920-е гг. Образование они получили либо в дореволюционный период, либо за границей. Собственно «советским» в смысле образования и карьерного пути деятелем можно назвать только наркома, затем министра финансов СССР, доктора экономических наук А. Г. Зверева, о котором будет сказано ниже, а также некоторых менее значимых в государственной иерархии служащих. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что советские государственные деятели, особенно с конца 1930-х гг., занимались преимущественно проблемами политэкономии и конкретной экономики. Проблемы финансового права в их работах затрагивались только фрагментарно. Это происходило в силу идеологических установок и общего понижения значения правового опосредования проблем финансов в условиях командно-бюрократической системы.

Примечательно, что министр внутренних дел СССР в 1966–1982 гг. *Н. А. Щелоков* (1910–1984), металлург по образованию, в 1962 и 1970 гг. защитил кандидатскую и докторскую диссертации по экономике на темы: «Промышленность Молдавской ССР (состояние и перспективы)» (Киев, 1962) и «Индустриальное развитие Молдавской ССР» (М., 1970 – по докладу). Памятный своей денежной реформой начала 90-х гг. XX в. министр финансов

СССР В. С. Павлов также был доктором экономических наук. Однако даже в советский период никто не относил их к видным представителям финансовой науки, и они, как ученые, были «широко известны в узких кругах». Дело здесь не в том, что число талантливых людей на государственной службе уменьшилось. Напротив, революционные события до известной степени раскрепостили народные силы, и в госструктуры пришло немало самородков, дошедших до всего своим умом, не благодаря образованию и обстоятельствам, а, скорее, вопреки им. Но вот школа финансового права, как, впрочем, вся финансовая и юридическая наука, а также соответствующее образование, в советский период переживали перманентный кризис.

Этот сюжет требует отдельного рассмотрения, но то, что финансовое право «растворялось» то в государственном, то в административном праве, очевидно. С 1931 по 1939 г. финансового права официально просто не существовало ни в качестве учебной дисциплины, ни в качестве науки, а до начала 1950-х гг. велась своеобразная «борьба за выживание». При этом явно прослеживалась тенденция не разграничивать финансовое право с административным и государственным правом, причем даже после официального признания за первым из них «права на существование»[650]. Не случайно специалистов в области финансов перестали готовить на юридических и экономических факультетах университетов, и в массовом порядке создавались финансово-экономические институты (Ленинградский, Московский, Казанский, Всесоюзный заочный и др.). Эти институты напрямую подчинялись Наркомату финансов СССР, а образование в них давалось узкоспециальное, и даже утилитарное. Финансовое право при этом в 1930-х гг. отдельно не преподавалось, а в дальнейшем занимало, мягко говоря, не самое видное место.

Осознание важности финансового права произошло уже в постсоветский период. К тому же бурная революционная эпоха явно не способствовала склонности государственных деятелей к научным изысканиям. Постоянные войны, политические дискус-

[650] См.: Вопросы советского административного и финансового права. Сб. М., 1952; Вопросы советского финансового и государственного права. Сб. М., 1960 и др.

сии, идеологическая травля, перерастающая в репрессии, сформировали новый тип советского государственного деятеля. Новые чиновники отличались огромной работоспособностью, хорошими организаторскими качествами, на лету схватывали суть проблемы и определяли пути ее решения. При этом отличались и почти полной неразборчивостью в достижении целей, если их ставили «партия и правительство». Добротная научная подготовка и аналитическое мышление в условиях господства партийно-номенклатурного подбора кадров ценились едва ли не в последнюю очередь. Сказалась и явная недооценка идеологами большевизма значения финансовой составляющей в государственном строительстве, особенно в первые послереволюционные годы и с 1930-х до начала 1950-х гг. Вместо «тонкой настройки» финансовой системы партийное руководство требовало «бури и натиска» в добывании финансовых средств любым путем. Это выливалось в такие сомнительные финансовые мероприятия, как псевдодобровольные внутренние займы у населения, откровенно насильственные реквизиции и национализация имущества «бывших эксплуататорских классов», затем личного имущества крестьян под лозунгом «коллективизации», налоговое «удушение» крестьянских подворий и др.

Многолетний нарком и министр финансов СССР А. Г. Зверев так определил основные качества советского финансиста: «Финансист обязан быть непреклонным, когда речь идет об общественных средствах. Партийная линия и государственные законы не должны нарушаться, хоть гром греми! Финансовая дисциплина – святое дело. Уступчивость в данном вопросе граничит с преступлением… Должен признать, что в излишней мягкости меня обвинить трудно»[651]. Особо примечательны последовательность «партийной линии и государственных законов» и определение «излишней мягкости» в главные недостатки.

Марксистская идеология оказала существенное влияние на процесс развития отрасли и науки советского финансового права. Было бы явным преувеличением, как это делалось в советский период, связывать формирование «подлинной, истинно научной» науки финансового права именно с марксизмом-ленинизмом.

[651] Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973. С. 126.

Другой крайностью было бы полное отрицание или односторонне негативная оценка влияния данной идеологии на изучение финансово-правовой проблематики. На наш взгляд, в настоящее время необходим объективный, по возможности, «деидеологизированный» взгляд на научные проблемы финансового права, хотя полностью избежать идеологического аспекта в силу известной идеологизированности самого финансового права невозможно.

6.1. Идеологические основы советской науки финансового права и финансовой политики советского государства

(К. Маркс, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, И. В. Сталин и др.)

Высшим авторитетом для финансистов марксистской школы был, разумеется, Карл Маркс (1818–1883). В ряде исследований, в том числе в своем основном труде «Капитал»[652], он рассмотрел отдельные вопросы, имеющие прямое отношение к разрабатываемой проблематике. Однако налоги при капитализме он рассматривал строго в рамках учения о классовой борьбе и считал, что совокупный трудящийся платит налог совокупному капиталисту, а налоги с последних, в конечном счете, перекладываются на плечи трудящихся. Новое учение о государстве и праве не позволяло ему определить государство в качестве публичного союза, который осуществляет определенные функции в пользу всего населения, уплачивающего налоги, т. к. это не может осуществлять «орудие экономически господствующего класса», хотя оно и вынуждено делать некоторые «общие дела, вытекающие из природы всякого общества».

Подоходный налог, в том числе прогрессивный, виделся ему только завуалированной формой классового господства, а перераспределение материальных средств через справедливую налоговую систему при капитализме К. Маркс считал утопией и обманом трудящихся. При переходе к социализму налоги представлялись ему как средство экспроприации буржуазии, а в социалистическом обществе при переходе к коммунизму они, по всей

[652] См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 5–900.

видимости, должны были отмереть. Бюджет капиталистического государства также относился им к способу перераспределения национальных богатств от эксплуатируемых к эксплуататорам. Затрагивал немецкий ученый и некоторые частные проблемы финансов, но при этом на первый план всегда выводил вопросы прибавочной стоимости и структуры заработной платы[653]. Выход из сложившейся ситуации К. Маркс видел не в усовершенствовании законодательства, в том числе финансового, и не в реформе государственного аппарата, а в сломе «машины классового господства» через пролетарскую революцию.

Воззрения Маркса на вопросы финансов неоднократно подвергались критике уже его современниками. Это касалось прежде всего абсолютизации классовой борьбы, акцента на непримиримости интересов рабочих и капиталистов, переноса центра внимания на политическую и экономическую составляющую решения финансовых проблем. Последовательными его оппонентами выступали Ф. А. Ланге и Л. Брентано[654]. Дискуссию с последним, в свою очередь, анализировал Ф. Энгельс[655]. Некоторый интерес к экономическому учению К. Маркса с различной долей критичности проявляли отечественные ученые с 90-х гг. XIX в.[656].

Примечательно, что советские ученые из-за скудости и разнородности высказываний К. Маркса о финансах и почти полного игнорирования им проблем финансового права смогли создать учебники, отвечающие догмам марксизма, только во второй по-

---

[653] См.: Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 428–459; Его же. Рабочий парламент // Там же. Т. 10. С. 124–128; Его же. Заработная плата, цена и прибыль // Там же. Т. 16. С. 101–155; Его же. Критика Готской программы // Там же. Т. 19 и др.

[654] См.: Брентано Л. Об отношении заработной платы и рабочего времени к производительности труда. СПб., 1895. С. 30 и далее; Ланге Ф. А. Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем. СПб., 1895. С. 148–184.

[655] См.: Энгельс Ф. Брентано contra Маркс. По поводу мнимой фальсификации цитаты. История вопроса и документы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 97–139.

[656] См.: Загорский С. О. Карл Маркс, классики и кризис исторической школы в Германии. М., 1909; Миклашевский А. Н. Анализ понятия заработной платы. СПб., 1891 и др.

ловине 1920-х гг. Первым стал учебник большевика с дореволюционным стажем и бывшего преподавателя Московского университета и Московского коммерческого института Д. П. Боголепова «Краткий курс финансовой науки», о чем будет сказано далее. Сборник цитат «Карл Маркс о финансах» (М.; Л., 1934) появился и вовсе спустя семнадцать лет после большевистского переворота, а его составителями были некому не известные мастера цитатничества (Д. А. Марголис, Г. В. Пальчик, М. М. Рыбаков, Ю. Е. Менгер).

Догматики от советской науки, свято уверовавшие в марксизм, просто не знали, что делать с явлениями, не названными в его работах. Вот одно из типичных суждений на сей счет: «Теория финансов до самого последнего времени сохраняла известную обособленность, противостояла экономической науке в виде самостоятельной "финансовой науки". Марксизм очень мало проник в эту область. До сих пор в марксистско-ленинской литературе не только не разрешен, но и не поставлен вопрос о возможности существования "финансовой науки", как самостоятельной науки. Не разрешен вопрос о самом понятии финансов и их месте в системе учения Маркса – Энгельса – Ленина»[657]. Общим местом считалось, что «финансовая наука» (всегда в кавычках) попала в руки буржуазных идеологов и ее надо едва ли не выкорчевывать и создавать новую. Главной бедой считалось, что К. Маркс, а также и В. И. Ленин про финансовую науку ничего не писали. Руководствуясь этим, можно прийти к выводу, что финансового права тем более нет вообще, т. к. классики про него даже не упоминали (кроме критики буржуазных законов). А формировать его незачем, т. к. есть великая марксистско-ленинская политэкономия, которая и так все объясняет. Пределом дерзновения было предложение строить теорию налогов на базе политической экономии и в связи с ней.

Марксистское определение налога в капиталистическом обществе давалось как «отношение эксплуатации между господствующим и организованным в государство классом с одной стороны и угнетенным классом – с другой». Комментарий к это-

[657] Бутков Д. За марксистско-ленинскую теорию финансов // Финансовые проблемы. 1931. № 3–4. С. 65.

му определению ставил крест на финансовом праве: «Во всяком случае, мы должны решительно вытравить всякие попытки формально-юридического (и по сути дела явно эклектичного) толкования правовой природы налога, чем глубоко насыщена была теоретическая мысль буржуазных профессоров финансовой науки»[658].

На наш взгляд, наиболее губительное воздействие марксизма на финансовое право как раз и связано с его «экономизацией». Негативное отношение К. Маркса к финансовому праву и выведение на первый план проблем определения экономической сущности любых общественных отношений вкупе с классовой борьбой сыграло с советскими догматическими последователями марксизма злую шутку. Беглое замечание К. Маркса о том, что налоги, наряду с государственными долгами, должны входить в предмет политэкономии, было воспринято как истина в последней инстанции. В таком ракурсе был утрачен интерес к правовому опосредованию налоговых и бюджетных отношений, денежного обращения, государственного долга и др. Большинство советских исследователей, как им казалось в соответствии с марксизмом, в принципе иначе ставили вопрос, что усугублялось еще более усилившимся пренебрежительным отношением к праву вообще. В системе финансов обращали внимание на то, какова экономическая сущность налогов и бюджета (безотносительно к их правовому режиму), чьи классовые интересы они выражают, насколько денежное обращение помогает выполнить партийные директивы, насколько доходы и расходы укладываются в плановые показатели и др. Незыблемым правилом стало марксистское утверждение о том, что «финансы – область классовой борьбы». Отсюда недалеко и до ставшей в 1930-х гг. хрестоматийной мысли: «Налоги, бюджет, денежное обращение – орудия в руках пролетариата».

Традиционные проблемы финансового права просто не интересовали большинство исследователей марксистского лагеря. Финансовое право объявлялось только внешней стороной явления, до которого настоящему марксисту просто дела нет. Поэто-

[658] Вольпян Е., Либер Ю. К критике буржуазных представлений о теории налога // Финансовые проблемы. 1931. № 3–4. С. 81.

му вне внимания исследователей оказались такие важнейшие проблемы, как определение понятия и виды налогов, налоговые ставки, облагаемая база и объекты обложения. Для настоящего марксиста малоинтересными стали уровни взимания налогов и формирования бюджетов и их оптимальное разграничение, закрепление правовой процедуры формирования, контроля и расходования бюджетов, их правовое опосредование, разделение функций и компетенции государственных органов в сфере финансов. Проблемы денежной эмиссии и денежного обращения в контексте законодательных ограничений и с учетом полномочий банков (начиная с Государственного) также практически выпали из внимания. В целом, общая часть финансового права в такой ситуации просто теряла актуальность.

Данная ситуация начала исправляться отчасти с конца 50-х гг. прошлого века, а осмысление разграничения финансовой науки и финансового права продолжается до сих пор. Примечательно, что среди диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата экономических наук в конце 1930-х – начале 1950-х гг. многие имели существенную финансово-правовую составляющую, но защищались именно по экономике. Это касается докторских диссертаций Э. Я. Брегеля «Капиталистический кредит» (М, 1939), А. И. Буковецкого «Финансовые взаимоотношения Турции и России» (Л., 1940), Н. Н. Ровинского «Государственный бюджет СССР» (Л., 1940), Н. Н. Любимова «Современные проблемы международного государственного кредита» (М., 1943), Ф. В. Коньшина «Государственное страхование в СССР» (М., 1954), кандидатской диссертации М. Р. Азарха «Налог с оборота» (М., 1948) и др.

Надо отметить, что марксистская теория адекватно отражала правовые, экономические и финансовые реалии своего времени, т. е. эпохи промышленного капитализма. Но К. Маркс ошибся в своем предвидении перспектив развития капитализма, условно говоря, приняв крик «младенца», коим тогда являлся капитализм, за предсмертный «хрип» старика. После создания социальной теории Дж. М. Кейнса и проведения «нового курса» Ф. Д. Рузвельта капитализм стал существенно меняться, и в настоящее время он имеет крайне мало общего с той его моделью, современником и исследователем которой являлся К. Маркс. Путь ре-

форм оказался более эффективным, чем революционный и насильственный слом прежней экономической и политической системы. Вместе с тем концепция К. Маркса оказала существенное влияние не только на советскую, но и на российскую дореволюционную концепцию финансового права.

Так, ученые, придерживавшиеся социологического направления, выделившегося в отечественной финансовой науке на рубеже XIX–XX вв., находились в методологическом отношении под влиянием К. Маркса. Отметим, что к социологическому направлению в то время примыкали такие известные ученые, как И. Х. Озеров, М. И. Боголепов, П. П. Гензель, П. С. Клементов, М. А. Курчинский, В. Н. Твердохлебов, М. И. Фридман и др. Они уделяли повышенное внимание методологии и однозначно разделяли финансовую науку и финансовое право. Им было свойственно стремление освободить финансовую науку от финансовой политики. Они с оговорками восприняли марксистскую идею классовой борьбы, хотя и отмечали некоторую ее устарелость, а само понятие классов заменяли более мягким и расплывчатым понятием «социальных групп». Такой ракурс позволил им получить в своих исследованиях интересные результаты.

Первый русский теоретик марксизма **Георгий Валентинович Плеханов** (1856–1918) не уделял проблемам финансов большого внимания, но некоторые его суждения представляют определенную ценность. Интерес к его личности характерен для первого десятилетия советской власти, периода хрущевской «оттепели» и для периода перестройки[659]. Его произведения различной степени выборочности давно не переиздавались[660]. Однако основными сюжетами исследований о Г. В. Плеханове было то, каким «хорошим» марксистом он был до 1903 г. (до раскола социал-демократов на большевиков и меньшевиков) и с какого мо-

[659] См.: Иовчук И. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1977; Митин М. Б. Историческая роль Г. В. Плеханова в русском и международном рабочем движении. М., 1957; Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М., 1957; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 233–280; Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973 и др.

[660] Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 1–24. М.; Л., 1923–1927; Его же. Избранные философские произведения. Т. 1–5. М., 1956–1958 и др.

мента он перестал быть марксистом (с 1903 г. или с началом Первой мировой войны).

Между тем последовательным марксистом Георгий Валентинович остался до конца своих дней. Отметим, что он окончил Воронежскую военную гимназию, 4 месяца учился в Константиновском артиллерийском училище и около полутора лет в Горном институте (где его сокурсником некоторое время был известный специалист по финансовому праву *В. Г. Яроцкий* (1855–1917)) в Петербурге. Юриспруденцией он никогда не занимался, но благодаря самообразованию был одним из наиболее эрудированных политических деятелей своего времени.

В статьях «Всероссийское разорение», «Политическое социально-революционное обозрение» и ряде других он косвенно затрагивает проблемы финансов. В предисловии к «Речи о свободной торговле» К. Маркса он прямо обращается к финансово-правовой проблематике. Однако его размышления проникнуты классовым подходом, а таможенная политика и проблема тарифов его интересуют только как инструмент в руках прогрессивных классов против реакционных классов. В целом это своеобразный показатель отсутствия интереса у первых русских марксистов к проблеме финансов. Однако практическая сторона финансовой жизни у марксистов вызывала определенное понимание. В связи с этим можно вспомнить кредо, сформулированное Г. В. Плехановым еще в начале политической карьеры: «Добродетель надо не проповедовать, а подготовлять разумным устройством общественных отношений»[661].

Особый интерес представляет оценка теоретического наследия **Владимира Ильича Ленина** (1870–1924) в контексте развития науки советского финансового права. Разброс мнений по данному вопросу особенно велик и находится в диапазоне от признания В. И. Ленина едва ли не первым советским ученым-финансистом до полного умолчания. Нам представляется, что это – крайности, связанные с давлением официальной идеологии или личной политической позицией авторов. Характерно, что в

[661] Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 514.

20-е гг. XX в. подчеркивалось внимание В. И. Ленина к финансовому законодательству, его отрицательное отношение как к левому экстремизму в виде «военно-коммунистического забегания вперед», так и к «буржуазным пережиткам». Вполне можно согласиться с тем, что В. И. Ленин проявил выдержку и понимание проблемы там, где многие его товарищи по партии ударились в крайности. Это касается его позитивной роли в проведении денежной реформы 1922–1924 гг., указаний на решающую роль стабилизации рубля, оптимизации налогообложения буржуазии. Обращалось внимание на то, что он постоянно призывал ликвидировать бюджетный дефицит, лучше использовать источники дохода, учитывать иностранный опыт, а также проявлял внимание к подбору руководящих кадров Народного комиссариата финансов (НКФ)[662]. Большинство его современников писали о В. И. Ленине именно как о государственном деятеле, а не как об ученом. Действительно, роль О. Бисмарка и Ф. Д. Рузвельта в принятии прогрессивного социального и налогового законодательства также достаточно велика, но ни одному исследователю не пришло в голову назвать их специалистами по данной проблеме. Д. Лукач, один из наиболее творчески мыслящих марксистов, резонно писал о том, что «в строгом смысле слова Ленин не является ни теоретиком, ни практиком, а глубоким мыслителем практики, страстным поборником претворения теории в практику»[663].

В литературе 1920-х гг. вполне резонно отмечалось, что у В. И. Ленина нет какой-либо систематической работы, посвященной финансам, но все вместе взятое социологическое и экономическое учение В. И. Ленина, революционизируя экономические и политические отношения, революционизирует и финансовые институты[664]. Начиная с 30-х гг. XX в., когда возвеличивание В. И. Ленина стало «подставкой» для утверждения личной власти И. В. Сталина, ситуация принципиально изменилась. Ссылки на

---

[662] См.: Владимиров М. Будем верны финансовым заветам т. Ленина // Финансовая газета. 1924. 25 янв. и др.

[663] Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М., 1990. С. 32.

[664] См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 332–333.

труды основателя советского государства делались к месту и не к месту, а их относительное разнообразие позволяло приводить нужную цитату на злобу дня. Однако финансовую «лениниану» создать не удалось, и мы не смогли найти ни одного сборника типа «Ленин о финансовом праве», «Ленин о налогах» или «Ленин о бюджете» и др. Это стало следствием того, что у него не было специальных работ по проблемам финансов, а замечания по отдельным проблемам носили частный характер.

При этом многие исследователи «под ленинскую тематику» вполне плодотворно развивали свои научные концепции, а многообразие ленинского наследия позволяло найти нужную цитату практически на все случаи жизни. В то же время В. И. Ленин в определенной степени повлиял на развитие науки советского финансового права, в частности через критическое осмысление дореволюционного финансового законодательства. Но в целом он показал себя как последовательный марксист, применяющий основные положения этого учения к современной ему ситуации.

Определенная новизна ленинского подхода к изучению проблем правового регулирования финансовых отношений нам видится в следующем.

Во-первых, это тщательный, но небеспристрастный анализ основных актов российского дореволюционного законодательства[665]. В. И. Ленин высказался о бюджете, о сберегательных кассах, налогах и расходах царского правительства на китайскую войну и о финансовом кризисе 1901–1902 гг. Сберегательные кассы были подвергнуты критике за классовое использование их наличности. Острой критике был подвергнут и царский бюджет, причем его расходная часть была интересна автору более, чем доходная. Профицитный бюджет царской России вождь величал не иначе как «блефом» и «фокусничеством».

При этом В. И. Ленин видел разрешение противоречий между трудом и капиталом вполне в Марксовом духе: через победу

[665] См.: Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 15–60; Его же. Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев // Там же. Т. 7. С. 326–334; Его же. К дебатам о расширении бюджетных прав Думы // Там же. Т. 16 и др.

труда и ликвидацию эксплуатации человека человеком посредством диктатуры пролетариата, а возможность экспроприации посредством налогов в условиях капиталистического государства отвергалась им, как нереалистичная.

Во-вторых, В. И. Ленин мог менять свою точку зрения на проблемы финансов в соответствии с конкретной ситуацией в стране. На VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912 г.) партия большевиков приняла программу, которая вошла в историю под названием «ленинская страховая рабочая программа». В. И. Ленин писал о государственном страховании, построенном на следующих принципах: 1) оно должно обеспечивать рабочих во всех случаях утраты ими трудоспособности или в случае потери заработка из-за безработицы; 2) страхование должно охватывать всех лиц наемного труда и их семейства; 3) все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения полного заработка, причем все расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство; 4) всеми видами страхования должны ведать единые страховые организации, построенные по территориальному типу и на началах полного самоуправления застрахованных[666].

Эта программа была достаточно утопичной в применении к социально-политическим реалиям России и требовала огромных бюджетных затрат. Она в советский период не была, да и не могла быть выполнена. В соответствии с этим с начала 1920-х гг. стало возрождаться подлинное социальное страхование за счет средств работодателей и государства.

Еще один пример. В. И. Ленин был одним из авторов Программы РКП (б), принятой на VIII съезде в марте 1919 г., которая предполагала, среди прочего, переход от контрибуции с капиталов к прогрессивному подоходному и поимущественному налогу. Поскольку широкая экспроприация имущих классов не могла дать существенную собираемость этих налогов, то покрытие государственных расходов должно было покоиться на непосредственном обращении части доходов от различных государственных монополий в доход государства. При этом В. И. Ленин был сторонником перехода от денег к безденежному продуктообмену,

[666] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 146.

причем не в перспективе, а в ближайшем будущем. Останавливало его только нежелание крестьян отдавать свои продукты «за идею» в силу их «классовой отсталости». Денежное обращение для него было только средством классовой борьбы, причем наиболее важным была девальвация с частичной конфискацией денежных капиталов, а денежная эмиссия признавалась одним из важнейших революционных средств. Таким образом, все финансовые эксперименты новой власти либо задумывались ее руководителем, либо осуществлялись с его одобрения (национализация банков, девальвация и безграничная эмиссия денежных средств, попытка перехода на прямой товарообмен, экспроприация бывших эксплуататорских классов и др.). В этой части В. И. Ленин показал себя подлинным марксистским доктринером[667].

Однако он же одним из первых увидел «тупик военного коммунизма» и в своей знаменитой брошюре «О продналоге» (1921 г.), ставшей манифестом НЭПа, предложил в срочном порядке восстановить налоговую систему, а также оплату коммунальных и государственных услуг населением. Восстановление налоговой системы руководитель советского правительства призывал вести под девизом «скоро, дешево и сердито». Естественно, что в налоговую систему должен был быть внесен «максимальный классовый момент и взимание этих налогов с минимальной затратой средств». Конечно, можно считать «гениальным» ленинское предложение заменить продразверстку (т. е. насильственное изъятие всех «излишков» урожая у крестьян, что делало бессмысленным увеличение сельхозпроизводства) на продналог, доводимый до крестьян заранее и взимаемый как единый натуральный налог в стандартной весовой мере, а затем его частичная или полная замена деньгами. Этот налог был скорее «регрессивным» (освобождение от налога 30% беднейших крестьянских дворов и даже снабжение самых бедных хлебом), с максимальной нагрузкой на крепкие хозяйства («кулаков»). Ве-

[667] См.: Ленин В. И. Речь по финансовому вопросу на заседании ВЦИК 18 апреля 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 226–227; Его же. Тезисы банковой политики // Там же. Т. 36. С. 219–221; Его же. Всероссийский съезд финансовых работников // Там же. Т. 45. С. 228; Его же. Доклад о новой экономической политике 29 октября 1921 г. // Там же. Т. 44. С. 193–220 и др.

роятно, даже гимназист понимал, что, отнимая все, государство лишает производителя стимула, а более или менее мирное изъятие части благотворнее, чем отъем всего в результате военной операции. Другой вопрос, что многие ожидавшие с сегодня на завтра мировой революции большевики посчитали это едва ли не капитуляцией перед «мелкобуржуазной стихией» и даже массово начали выходить из партии. Так что в данном случае заслуга В. И. Ленина заключается не в «гениальном финансовом плане», а в элементарном возвращении к здравому смыслу.

На первый план его стараниями были выведены такие проблемы, как стабилизация рубля и денежного обращения, экономия бюджетных средств, ликвидация бюджетного дефицита и подготовка равновесного бюджета, удешевление и повышение эффективности деятельности фискального аппарата, улучшение использования источников бюджетных доходов, внутренние и внешние займы, проблемы внутренней и внешней торговли, тарифы и др. В связи с этим с конца 1921 г. ученые получили возможность обсуждать данные проблемы, не опасаясь получить клеймо «агентов буржуазии».

В-третьих, в отличие от большинства радикально настроенных большевистских идеологов, В. И. Ленин предлагал учитывать опыт зарубежных стран, хотя узкоклассовый подход изначально ограничивал такую возможность.

Подчеркнем, что финансовые преобразования, а тем более их правовой аспект, не очень сильно волновали большевистских идеологов. Программы РСДРП в этой части были крайне краткими. Первая их них (1903 г.) ограничивалась требованием отмены выкупных платежей и вознаграждения крестьян за уплаченные выкупные платежи, возвращения крестьянам излишне уплаченных в казну денег, а также полного равенства в податях и налогах с крестьянских и помещичьих земель. Впоследствии она была дополнена требованием отмены косвенных налогов и установлением прогрессивного налога на доходы и наследство.

Практические мероприятия для осуществления диктатуры пролетариата, кроме идеологического обеспечения, не прорабатывались и представляются довольно идеалистическими. Они сводились к национализации банков (с предварительным установлением контроля над ними), синдикатов (трестов), всеобщей

трудовой повинности, равенству прав трудящихся и ограничению в правах эксплуататоров, подавлению сопротивления последних. Предусматривалась также контрибуция с капиталов, аннулирование части государственных займов и военных долгов, ограничение фискального использования государственных монополий и отмена косвенных налогов. Отсутствие законодательной составляющей строительства новых финансовых отношений было наиболее слабой стороной большевистской программы преобразований.

Даже правоверный марксист и внимательный исследователь В. П. Дьяченко всю финансовую программу партии большевиков свел к пяти пунктам: 1) рабочий контроль (что предполагает полную отмену коммерческой тайны); 2) национализация банков; 3) прекращение выпуска бумажных денег с целью борьбы с инфляцией; 4) отказ от уплаты внутренних и внешних долгов; 5) усиление обложения буржуазии и помещиков[668]. Маловато для такой важнейшей проблемы, тем более что практически все мероприятия должны были носить негативный характер. Впрочем, правовому регулированию финансовых отношений, как «отмирающему виду», не уделялось много внимания, по всей видимости сознательно. Уже упомянутый Д. Лукач очень точно отметил: «Большевизм базируется на метафизическом допущении, что из плохого может проистечь хорошее, что возможно, как об этом говорит в ″Преступлении и наказании″ Разумихин, провраться до истины»[669].

Иосифа Виссарионовича Сталина (1879–1953) к специалистам по финансовому праву нельзя отнести даже условно, хотя этому вопросу посвящены десятки публикаций в 1930-х – начале 1950-х гг. Впрочем, традиционно его взгляды не отделялись от ленинских[670]. К тому же его отношение к праву было абсолютно утилитарным и базировалось исключительно на целесообразности.

---

[668] См.: Дьяченко В. П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. Ч. 1. 1917–1925. М., 1947. С. 43–44.

[669] Лукач Д. Указ. соч. С. 12.

[670] См., например: Венедиктов А. В., Догадов В. М. Ленинско-сталинское учение о социалистической организации труда // Вестник ЛГУ. 1950. № 4. С. 31–50; Евстафьев Г. Ленин и Сталин о социалистическом соревновании и воспитании коммунистической дисциплины труда // Большевик.

Самым цитируемым высказыванием И. В. Сталина в юридической литературе стали его слова о том, что в глазах советских людей труд превратился «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства»[671]. Какие уж тут материальные стимулы, налоговые льготы или бюджетные преференции? Теоретические проблемы в сфере финансов с конца 1920-х гг. решались им очень просто. Яркий тому пример относится к распространенной тогда теории «равновесия» секторов народного хозяйства. Новоявленный вождь разбивает эту теорию в два счета следующим «научными» аргументами. Во-первых, идет ожесточенная классовая борьба, «борьба на жизнь и смерть, борьба по принципу ″кто кого″». Во-вторых, теория «равновесия» «вооружает кулацкие элементы″новым″ теоретическим оружием в их борьбе с колхозами». В-третьих, есть только два пути – капиталистический и социалистический, а теория «равновесия» ведет назад, к капитализму. И наконец, убойный аргумент без всяких пояснений: «Антимарксистская сущность этой теории не подлежит никакому сомнению»[672]. Финансовое право И. В. Сталина не интересовало вообще, а проблемы финансов – только в части получения государством искомых бюджетных средств, причем независимо от финансовых возможностей граждан и организаций. С легкой руки генерального секретаря ЦК ВКП (б) закрепилось выражение «налоги как орудие нападения на капиталистическую собственность», которое перекочевало в названия глав и разделов многих современных ему, да и позднейших советских исследованиях. Самой цитируемой его фразой в финансово-правовых исследованиях была следующая: «…только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма». Лучше и не скажешь, а

1952. № 2. С. 19–32; Ляпин А. Ленин и Сталин о социалистической организации труда // Московский пропагандист. 1952. № 2. С. 21–29; др.

[671] Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1935. (изд. 10-е) С. 393. По мнению вождя, для капиталистов главное – иметь ренту, жить на проценты. Для советского же человека главное – «быть героем труда, возможность быть героем ударничества…» (с. 394).

[672] Там же. К вопросам аграрной политики в СССР. С. 301–303.

поиск истины вообще теряет всякое значение. Так дискуссия о советских финансах была разрешена на Всесоюзном совещании заведующих финансовыми кафедрами в 1931 г., после чего вооруженные «директивами партии» преподаватели практически перестали интересоваться финансовым правом.

Вождю также принадлежит сакраментальная фраза: «Нет таких крепостей, которые не могут взять большевики». Она открывала пути для решения всех финансовых вопросов через обнищание деревни и уничтожение крестьянства, через неограниченное насилие и принудительный труд, через «изъятие излишков» независимо от их наличия и др. При этом не надо было учитывать экономические возможности страны и иные объективные показатели, «ибо нет таких крепостей…». Советский экономист С. Г. Струмилин, о котором речь пойдет ниже, так обыграл эти сталинские лозунги: «Наша задача не изучать экономику, а менять ее. Мы не связаны никакими законами. Нет таких крепостей, которые не могут взять большевики. Вопрос темпов – дело решения людей»[673]. Короче, творим, что хотим, а кто против – тот «буржуазный капитулянт», не верящий в «созидательную силу диктатуры пролетариата».

В связи с этим вдохновляет развернувшаяся в настоящее время дискуссия о том, насколько эффективным менеджером был И. В. Сталин. С точки зрения финансовой составляющей он был менеджером никаким, так как нарушил все основные постулаты финансовой науки. Он сознательно сужал налогооблагаемую базу, уничтожал, в том числе физически, финансовую основу государства, да и самих налогоплательщиков. С его подачи не соотносилось бремя обложения с возможностью плательщиков, экономика лишалась финансовых стимулов развития, вместо научных дискуссий насаждалось мертвящее единомыслие и др. Так что он был только выдающимся «менеджером по кадрам» с бессмертным лозунгом «Кадры решают все». Правда, как решилась судьба многих его «кадров», сейчас уже хорошо известно.

Равнодушное, если не сказать хуже, отношение к праву, в том числе к финансовому, было свойственно практически всем революционным вождям. Не случайно их публикации по данной

[673] Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 58.

проблеме практически не содержат никакой правовой составляющей[674]. Речь идет даже не о конкретике, а хотя бы об общем видении контуров финансового права. Все дружно писали об освобождении от «оков капитализма» и национализации банков, бестоварном производстве и безденежном хозяйстве, чем, собственно, и ограничивалась позитивная программа. Это касается даже тех политиков, которые непосредственно занимались проблемами финансов. Типичным представляется высказывание известного партийного функционера, с 1921 г. председателя финансового комитета ЦК ВКП (б) и СНК РСФСР, с 1924 по 1927 г. – зам. председателя Главного концессионного комитета и члена бюро НКФ СССР *Евгения Алексеевича Преображенского* (1886–1937) о роли печатного денежного станка «в борьбе за дело революции». Он писал: «В архиве великой пролетарской революции, наряду с пушками, винтовками и пулеметами нашей эпохи, разившими врагов пролетариата, на почетном месте будет стоять станок того пулемета Наркомфина, который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима и в источник финансирования революции»[675]. Этот недоучившийся студент юридического факультета Московского университета искренне считал, что денежное обращение и взимание налогов, формирование бюджета могут быть сведены только к орудиям классовой политики, что форсированные темпы развития можно определять без учета экономических возможностей государства, а промышленность развивать за счет разорения крестьянства. В его работах абсолютно доминируют партийная публицистика и политическая целесообразность[676]. Будучи единомышленником Л. Д. Троцкого, Евгений Алексеевич имел репу-

---

[674] См.: Каменев Л. Б. О денежной реформе. Ростов н/Д, 1924; Ольминский М. Дела денежные и финансовые // Правда. 1918. 22 янв. и др.

[675] Преображенский Е. Б. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920. С. 4.

[676] Преображенский Е. Б. Причины падения курса нашего рубля. М., 1922; Его же. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. Харьков, 1922 (2-е изд.); Его же. Бумажные деньги и разверстка // Правда. 1920. 31 мая; Его же. Состояние денежного обращения // Правда. 1923. 14 и 16 июня и др.

тацию одного из ведущих советских экономистов и финансистов 1920-х гг. Политическое поражение троцкистов привело к его исключению из партии в 1927 г., а после длительных мытарств – и к политической расправе со стороны победивших сталинистов.

Однокашником Е. А. Преображенского по орловской гимназии и юридическому факультету Московского университета был профессор *Дмитрий Васильевич Кузовков* (1885 – после 1930), сделавший в советский период академическую карьеру и ставший одним из создателей и руководителей Коммунистической академии. Одновременно он был консультантом СНК и НКФ, автором большого числа исследований по проблемам финансов. Еще в 1917 г. он опубликовал ряд критических работ по налоговой политике Временного правительства, наметил желательные изменения в этой части[677]. В советский период профессор неоднократно обращался к проблемам финансовой политики[678]. Его дальнейшую судьбу установить не удалось.

Активный теоретик и практик советских финансов *Юрий Ларин* (Михаил Залманович Лурье) (1882–1932) с 1917 г. был членом президиума ВСНХ РСФСР, одним из инициаторов создания Госплана. Он имел непосредственное отношение ко всем финансовым мероприятиям «военного коммунизма» (введение сметного порядка содержания промышленности, правил о составлении государственного бюджета, затем бесплатности государственных и коммунальных услуг с отменой денежных налогов и др.). По сути, Ю. Ларин был талантливым самоучкой, а все его публикации шли в духе догматически понятого марксизма (бестоварное производство, натуральный обмен и отмена денег и др.)[679]. Его поддержка НЭПа была достаточно условной, но от политических

---

[677] См.: Кузовков Д. В. Какие налоги должно установить Временное правительство? М., 1917; Его же. Чрезвычайный подоходно-имущественный налог. М., 1917.

[678] Кузовков Д. В. Финансы городов. М., 1918; Его же. Финансовая система в период первоначального социалистического накопления. Пг.; М., 1923; Его же. Азбука финансовой политики. М.; Л., 1923 (2-е изд. 1924); Его же. Налоговый фронт и денежная реформа. М., 1925; Его же. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925;

[679] См.: Ларин Ю. Сто дней денежных знаков // Правда. 1918. 13 мая; Его же. Секрет денежного потока // Правда. 1920. 21 янв. и др.

репрессий его спасла ранняя смерть. Дочь нашего героя Анна Михайловна была третьей (и последней) женой Н. И. Бухарина.

Еще один советский функционер, *Аркадий Осипович Альский* (литературный псевдоним М. Альский) (1892 – после 1928), член коллегии НКФ, занимался скорее идеологическим и пропагандистским обеспечением финансовых мероприятий новой власти[680]. Дальнейшая судьба его нам также достоверно не известна.

Даже *Николай Иванович Бухарин* (1888–1938), претендовавший на место большевистского теоретика, ограничивался защитой экономических постулатов марксизма и критикой оппонентов этого учения[681]. Проблеме финансов при этом практически не уделялось внимания. На базе его трудов позднейшие исследователи соорудили «бухаринскую альтернативу» сталинизму, вероятно не существующую[682]. Прославился он и своим лозунгом «Обогащайтесь!», обращенным к крестьянам. Его можно интерпретировать как призыв увеличивать налогооблагаемую базу, и только. Да иначе и быть не могло. По меткому замечанию американского ученого С. Коэна, «ранние годы″бессистемного″ об учения и чтения″положительно всего″ составляют существенную часть образования Бухарина. Многие большевистские руководители принадлежали к интеллигенции, но немногие были действительно интеллектуалами, искателями в мире идей. Большинство начинало революционную деятельность в раннем возрасте, недоучками, и даже поступившие в университеты вскоре были вовлечены в студенческое движение, что обычно наносило ущерб уче-

---

[680] См.: Альский М. Денежные налоги и финансово-налоговая политика. М., 1922; Его же. Задачи и методы финансового контроля. М., 1925; Его же. Наша политика государственного кредита. М., 1925; Его же. Наши финансы за время гражданской войны и нэпа. Сб. ст. М., 1925 (2-е изд. 1928) и др.

[681] См.: Бухарин Н. И. Карл Маркс и современная политическая экономия буржуазии // Просвещение. 1913. № 7–8. С. 29–43; Его же. Мировое хозяйство и империализм. Экономический очерк. М., 1918; Его же. Программа коммунистов (большевиков). М., 1918; Его же. Политическая экономия рантье. М., 1919.

[682] См.: Бухарин: человек, политик, ученый / под ред. В. В. Журавлева. М., 1990; Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. М., 1989 и др.

бе (как в случае с Бухариным). В результате, усвоив политическую риторику и идеологическую софистику, они не были способны расширить свой горизонт и интересы за пределы господствующей социалистической доктрины»[683].

Тем, кто сохранил умение самостоятельно мыслить, пришлось еще труднее. Если в юриспруденции в 1930-е гг. была пробита огромная брешь, то старая финансовая наука была практически уничтожена. Были расстреляны или находились в заключении такие яркие ученые как Г. Я. Сокольников, Л. Н. Юровский, С. А. Котляревский, И. Х. Озеров, А. И. Буковецкий, Д. А. Лоевецкий, Э. Э. Понтович, М. А. Ваксберг, Н. Д. Кондратьев, П. Л. Кованько, Л. Н. Литошенко, Н. Д. Силин, А. Ю. Финн-Енотаевский, П. В. Микеладзе и др. Часть ученых просто выпала из научной и общественной жизни, пропала без следа, как, например, М. Н. Соболев, Н. Н. Шапошников, Г. И. Тиктин, А. А. Соколов, К. Ф. Шмелев, С. А. Фалькнер (есть большая вероятность того, что многие из них были репрессированы). Это в их «честь» были запущены такие заполонившие литературу 1930–1950-х гг. «термины», как «юровщина», «кондратьевщина», «озеровщина», «Финненотаевщина», «соколовщина».

Некоторые исследователи на длительный срок были лишена возможности заниматься научной и педагогической работой, публиковать свои труды. Это Г. И. Болдырев, Д. М. Загряцков, В. Н. Твердохлебов и др. Другие смогли эмигрировать или были высланы из страны (М. В. Бернацкий, П. П. Гензель, Б. Д. Бруцкус и др.). А. Р. Гюнтер, профессор-юрист, много лет проведший в сталинских лагерях, следующим образом высказался об этом: «Арестовывают, бросают в тюрьмы, пытают, мучают, убивают тех, кто позволяет себе думать иначе, чем того требуют власть имущие… А может быть, и расстреливают за то, что″как ты см еешь быть лучше и чище, чем я?»[684]. Отметим, что и Наркомфин СССР подвергся особенно свирепой кадровой «чистке», а четыре его первых руководителя были репрессированы (Г. Я. Соколь-

[683] Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1992. С. 33–34.

[684] Гюнтер А. Р. Записки правоведа, адвоката, бывшего меньшевика (1890–1984). М., 2004. С. 367.

ников (о нем ниже), Н. П. Брюханов, Г. Ф. Гринько, В. Я. Чубарь). Не повезло и более «правоверным» сотрудникам Госплана СССР, три руководителя которого (В. И. Межлаук, Г. И. Смирнов, Н. А. Вознесенский) также были казнены. По некоторым данным, уже к 1932 г. было расстреляно 48 служащих Госплана СССР.

Идейные противники или даже просто сомневающиеся в правоте вождя деятели арестовывались и в большинстве уничтожались. Что уж говорить про период политической борьбы в 1920–1930-е гг., если даже в ноябре 1951 г. начальник отдела Госплана СССР, «красный профессор» Л. Д. Ярошенко за попытку критики официального учебника по политэкономии оказался в заключении без всякого суда и следствия. «Научная» составляющая ответа вождя на робкие возражения оппонента звучала так: «…Такой несусветной тарабарщины не разводил еще ни один свихнувшийся ″марксист″»[685]. А принадлежность к «не марксистам» уже сама по себе была почти приговором. Примечательно, что сборников в духе «Сталин о финансовом праве» так и не появилось, а попытки «творчески использовать» сталинизм в области финансов получались искусственными и казенными[686].

Целью исследований открыто провозглашался не поиск истины, не научно обоснованное прогнозирование и планирование, а «борьба за выполнение планов партии», «разоблачение фальсификаторов и соглашателей», «преодоление пережитков буржуазности» и др. Мнение оппонентов опровергалось посредством таких «научных» определений, как «собачий лай», «волчий вой», «соглашательский визг пособников империализма», «научные подкулачники», «агенты Антанты на финансовом фронте» и др. Подлинная наука финансового права оказалась очередной «продажной девкой империализма». В свою очередь, советская наука стала «служанкой партии», выполняющей идеологический заказ.

---

[685] См. подробнее: Никитин А. Г. Упрямый оппонент Сталина, или штрихи к истории странной дискуссии // Они не молчали. Сб. М., 1991. С. 409–423.

[686] См., например: Ровинский Н. Н. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и задачи науки о советских финансах // Научные записки Московского финансового института. М., 1951 и др.

Между тем экономист и философ *Владимир Александрович Базаров* (1874–1939) еще в середине 1920-х гг. отметил: «В науке нельзя создать ничего путного, сознательно руководствуясь положением, что наука есть чья-то служанка. Можно сказать с полной уверенностью, что ученый, поставивший перед собой такую гносеологическую максиму, пороху не выдумает и большой пользы тем же директивам, о которых он так заботился, не принесет»[687]. Что ж, советские финансисты «пороха» действительно не изобрели, а партийные директивы исполнялись и без их обоснования. Только со второй половины прошлого века отечественная наука финансового права начала преодолевать это страшное наследие. Кстати, вышеупомянутый марксист В. А. Базаров, бывший студент Московского университета и выпускник Берлинского университета, в 1920-е гг. разработал методологию изучения денежной эмиссии и хозяйственного баланса страны. Его нежелание превращать науку в служанку политического режима стоили ему неоднократных арестов, а затем и жизни в ходе массовых репрессий.

Нам сложно судить, почему многие исследователи, в том числе достаточно известные, в конце 1920-х – начале 1950-х гг. вместо научных исследований писали агитки-однодневки, где преобладающее место занимали различного рода разоблачения и критика назначенных партийными органами «научных отщепенцев». Возможно, некоторые молодые исследователи с затуманенным идеологией сознанием, чей уровень знаний сводился в основном к догматическому усвоению трудов классиков марксизма – ленинизма – сталинизма, были в своих высказываниях искренни. Очевидно, что значительный пласт составили обыкновенные карьеристы, которых много во все времена, но чей карьеризм в данном случае получил такое уродливое выражение. В конце концов, не только деньги, но и научные степени и должности, а также места в служебной и академической иерархии не пахнут. Для некоторых критика носила ритуальный характер, как ссылка на классиков в последние годы существования СССР. Рискнем предположить, что большинство ученых-финансистов про-

[687] О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. М., 1928. С. 77–78.

сто смирилось с таким сужением научных горизонтов. Обратной стороной этого процесса стали поиски истоков учения о налогах, денежном обращении и кредитах не в трудах каких-то «западных буржуазных деятелей», а в наследии отечественных революционеров-демократов[688].

Характерны в этой части воспоминания экономиста, «красного профессора» (выпускника Института красной профессуры 1934 г.) *Александра Григорьевича Соловьева* (1897–1980). Он совмещал работу в наркоматах с научной и преподавательской деятельностью (в Коммунистическом университете, МВТУ, Московском институте народного хозяйства и др.)[689]. Наш герой изначально не сомневается в необходимости партийных чисток, безжалостен к любым уклонистам, верит в коллективный разум партии. Однако он понимает, что при нынешней системе образования вузы выпускают невежд, а бригадно-лабораторный метод называет «бригадно-коридорным», учебный процесс – рутиной. Он знает о голоде 1933 г. и расправах над крестьянами, но считает, что это «временно» и «неизбежно». Его возмущают огромные приписки урожая, его насильственное изъятие, репрессии против местных руководителей, но это возмущение беспредметное. Начинающий чиновник и преподаватель указывает на заносчивость новой номенклатуры, в т. ч. Н. И. Бухарина, а попытки искусственного возвеличивания И. В. Сталина им явно осуждаются, с добавлением сомнения «а может, так нужно?». Он также знает об арестах преподавателей и их зверских допросах в НКВД, о давлении на руководство вузов, но уклоняется от комментария. Ему кажется, что все можно изменить и эти изменения должны наступить. Массовые аресты 1937 г. воспринимаются им как «что-то неладное», он не верит во вздорные обвинения против большинства арестованных, многих из которых он знает лично. Но даже это осуждение про себя, в дневник, заканчивается примечатель-

[688] См., например: Брегель Э. Я. Н. Г. Чернышевский о налогах и налоговой политике // Советские финансы. 1949. № 5. С. 29–38; Его же. Великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский о деньгах и кредитах // Деньги и кредит. 1949. № 11. С. 29–36.

[689] См.: Соловьев А. Г. Тетради красного профессора // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. М., 1993. С. 14–230.

ной фразой в 1939 г.: «Все равно мы не знаем точных причин и сделать ничего не можем. Будем надеяться, ЦК в точности разберется». Это переломное «сделать ничего не можем» и превращало многих понимающих все интеллектуалов в послушных комментаторов «линии партии».

Для большинства дискуссий по вопросам финансов с участием советских политиков и ученых в конце 1920–1930-х гг. характерна примитивность, бесконечные ссылки на труды К. Маркса и В. И. Ленина, а затем преимущественно И. В. Сталина. При этом в публикациях практически отсутствуют ссылки на зарубежные издания и дореволюционную литературу, а аргументация настолько схоластична, что порой невозможно понять сути сказанного. Затем, с начала 1930-х гг. к аргументам добавилась еще и площадная брань в отношении оппонентов, что должно было символизировать «большевистскую непримиримость к идейным врагам пролетариата». Научный поиск заменялся известными выводами и безапелляционной уверенностью в своей правоте на основании «единственно верного учения» марксизма-ленинизма. Эту уверенность хорошо отражают стихи, приписываемые М. Светлову:

Дисциплиной сжав материки,
По земле идут большевики.
Земля спросить у них боится:
В ту ли сторону она вертится?

До начала НЭПа шел преимущественно процесс разрушения старой финансовой системы, на месте которой до 1921 г. практически так ничего и не было создано. Захваченным в ходе Октябрьского вооруженного восстания Госбанком первоначально распоряжались революционные матросы. Первый официальный нарком финансов РСФСР *Иван Иванович Скворцов-Степанов* (1870–1928), выпускник Московского учительского института (1890 г.), в прошлом преподавал в начальном училище, затем был партийным журналистом и публицистом. Только за 1917 г. Иван Иванович опубликовал свыше 100 статей. По сути, это был самоучка, из симпатии к марксизму освоивший немецкий язык. Однако уже в январе 1918 г. он ушел в отставку по политическим мо-

тивам, так и не приступив к исполнению своих обязанностей по Народному комиссариату финансов (НКФ). Впоследствии И. И. Скворцов-Степанов продолжил работу в партийной печати, был заместителем председателя Всесоюзного совета рабочей кооперации, перевел на русский язык «Капитал» и «Собрание исторических работ» К. Маркса. Перевел он и «Финансовый капитал» Р. Гельфердинга. Его воззрения на финансы были достаточно упрощенными и в целом укладывались в необходимость жесткого централизованного распределения и тотального государственного контроля. Затем И. И. Скворцов-Степанов выступил активным сторонником возвышения И. В. Сталина, яростно критиковал в печати его политических противников, с 1926 г. возглавил Институт В. И. Ленина. Его заслуги были отмечены введением в ЦК ВКП (б) и торжественным погребением в Кремлевской стене на Красной площади[690].

Его сменщиком на посту наркома финансов стал *Вячеслав Рудольфович Менжинский* (1874–1934). Он был выпускником юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1898 г.), но со студенческих лет увлекся политикой, и его связь с юридической практикой и педагогикой ограничилась преподаванием в вечерней рабочей школе, а также работой в качестве присяжного поверенного. После долгих лет эмиграции в 1917 г. он вернулся в Россию, а в октябре 1917 г. был назначен комиссаром при Госбанке в Петрограде. Далее он стал заместителем, а в первые три месяца 1918 г. – наркомом финансов РСФСР. Используя свой опыт, он назначил комиссаров во все отделения Госбанка и начал проводить национализацию частных банков, часто в форме вооруженных захватов. При этом были аннулированы все царские государственные займы, включая внешние. Начал функционировать Народный банк РСФСР, учрежденный еще в декабре 1917 г. на базе Госбанка и его филиалов на местах. Впоследствии В. Р. Менжинский занимал руководящие должности в системе ВЧК, с 1923 г. стал первым заместителем Председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского, а после смерти последнего с 1926 по 1934 гг.

---

[690] См.: Качурина А. В. Народный комиссар финансов И. И. Скворцов-Степанов // Первое Советское правительство. Окт. 1917 – июль 1918. М., 1991. С. 197–204.

был главой ОГПУ. Именно в тот период были начаты первые крупные политические процессы с осуждением «вредителей» и «врагов народа».

С апреля по август 1918 г. в финансовом ведомстве главным был *Исидор Эммануилович Гуковский* (1871–1921), оставивший после себя «большую загадку» – как человек с опытом аптекарского помощника и работы в низовых партийных организациях мог быть назначен на такой высокий пост. Отметится он успел только тем, что не смог выдвинуть никакой программы действий и постоянно колебался в процессе принятия важных решений. К тому же он отрицал необходимость проведения денежной реформы, считая ее бессмысленной и, по выражению В. И. Ленина, «упирался» в ее проведении[691]. Не приветствовал он и неконтролируемой эмиссии с последующей девальвацией рубля[692]. Кроме того, он опирался на местах на централизованные органы НКФ, что вызывало трения с местными советами и даже прямые конфликты с ними. Последней каплей, переполнившей терпение его коллег, стало то, что новоявленный нарком выступил против контрибуций, за старые формы налогообложения и централизацию финансового хозяйства, что прямо шло вразрез с «линией партии».

Наконец, с августа 1918 по октябрь 1922 г. наркомом финансов РСФСР был *Николай Николаевич Крестинский* (1883–1938), выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1907 г.), имевший опыт присяжного поверенного и работы в большевистской фракции Государственной думы. С декабря 1917 г. он стал членом коллегии Наркомфина РСФСР, заместителем Главного комиссара Народного банка, а затем его председателем. В период его комиссарства финансовое хозяйство страны было окончательно разбалансировано. В декабре 1918 г. принято решение о ликвидации иностранных банков в России, и страна лишилась возможности использовать свои вклады за рубежом. В противовес линии И. Э. Гуковского, новый глава НКФ начал первоначально откровенно заигрывать с местными совета-

[691] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 124.

[692] См.: К слухам о девальвации. Беседа с тов. Гуковским // Известия ВЦИК. 1918. 23 мая.

ми. Дело дошло до того, что главы финотделов губернских и уездных комитетов советов и их заместители по Декрету СНК от 31 октября 1918 г. избирались этими же советами, а после назначения на остальные важнейшие должности в финансовые органы на местах НКФ только уведомлялся об этом. При этом началось принудительное объединение всех кредитных учреждений в единый Народный банк с отделениями на местах.

Практически единственным источником доходной части бюджета стала эмиссия, а невиданные темпы инфляции привели к разрушению денежного обращения и замене его натуральным обменом. Финансовый аппарат занимался, главным образом, сбором чрезвычайных революционных налогов и контрибуции с буржуазии, что сильно походило на рэкет, а также печатанием без всякой меры и отгрузкой предприятиям почти без всякой системы денежных знаков. Губительным для устойчивости денежной системы стало решение НКФ в сентябре 1918 г. разрешить выпуск временных кредитных билетов местным отделениям Народного банка в отрезанных от центра регионах. Это касается Туркестанской советской республики и Терской области. Л. Н. Юровский (о нем далее) совершенно обоснованно распад денежного обращения России связал не только с тем, что захирела ее основная денежная система, но и с тем, что наряду с ней появилось множество других. Затем и другие местные «правительства» стали эмитировать свои рубли. Они по отношению к рублям Москвы являлись, как экономически, так и политически, иностранными деньгами[693]. Подчеркнем, что Н. Н. Крестинский первым из глав советского финансового ведомства действовал по достаточно обдуманному плану, целью осуществления которого, однако, была не финансовая стабилизация, а введение безденежного коммунистического хозяйства[694].

К концу 1920 г. взимание денежных налогов вообще приостановилось, а главным источником поступлений стала продразверстка. В 1920 г. были отменены денежные расчеты внутри страны за топливо, сырье, готовые промышленные изделия, гру-

[693] См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 159–160.

[694] См.: Крестинский Н. Наша финансовая политика. М., 1921.

зовые перевозки, услуги связи. Соответственно отпала и потребность в банковских операциях. В январе 1920 г. Народный банк РСФСР был ликвидирован, а при Наркомфине создается Центральное бюджетно-расчетное управление. Финансовые органы по факту превратились в счетно-учетный аппарат по распределению ресурсов, в некое подобие Госбанка, пренебрегая всеми остальными функциями. При этом местный аппарат слился с центральным, а распределение ресурсов стало носить строго централизованный характер. При этом сами финансовые органы непрерывно реорганизовывались до конца 1921 г.

Очевидно, что данные финансовые мероприятия были во многом вызваны Гражданской войной и наступившей разрухой. Но они совпали со многими доктринальными положениями упрощенной трактовки марксизма, которые разделял и Н. Н. Крестинский: отмена денег, бестоварность производства, централизованное распределение «по потребностям», отмена налогов и др. Более того, доктринальные цели порой заслоняли задачи текущего момента. Даже для части советских политических и хозяйственных деятелей сложная марксистская конструкция «экспроприация экспроприаторов» превратилась в лозунг «грабь награбленное».

В такой обстановке начался постепенный переход к НЭПу. В финансовой сфере первой ласточкой оказалось создание в октябре 1921 г. Государственного банка РСФСР, который в следующем году был дополнен рядом отраслевых банков, созданных на акционерных началах: Промбанк, Электробанк, 45 коммунальных банков и др. Одним из основных акционеров в них выступил Госбанк. Н. Н. Крестинский не был горячим сторонником таких преобразований и предлагал на возможно больший срок сохранить военизированное управление страной и ее финансами. В этой ситуации он, вероятно, с большим облегчением, как ранее И. Э. Гуковский и В. Р. Менжинский, отбыл на дипломатическую работу. В дальнейшем судьба Н. Н. Крестинского сложилась трагически. Из бывшего заместителя наркома иностранных дел СССР и заместителя наркома юстиции СССР в мае 1937 г. он превратился в политзаключенного, а в марте 1938 г. был расстрелян.

Примечательно, что именно в первые послереволюционные годы действовал Отдел экономических исследований ВСНХ, который в 1918–1919 гг. возглавляла *Мария Натановна Смит-Фолькнер* (1878 – после 1956), бывшая в 1926–1930 гг. членом ЦСУ СССР. Она известна также участием в качестве советского эксперта в международных переговорах по проблеме финансов и рядом статей по финансовой проблематике. Впоследствии она была профессором в МГУ и Институте народного хозяйства, стала членом-корреспондентом Академии наук СССР (с 1939 г.). Однако вернемся к личностям руководителей Наркомата финансов.

Мирон Константинович Владимиров (Шейнфинкель) (1879–1925) руководил Наркоматом финансов всего один месяц, однако впоследствии он был заместителем наркома финансов РСФСР и СССР до конца 1924 г. Это был выпускник Херсонского сельскохозяйственного училища (1898 г.), с молодых лет занимавшийся партийной работой. В 1911 г. он читал лекции по национальному вопросу в знаменитой партийной школе в Лонжюмо. В декабре 1917 г. стал членом коллегии Наркомата продовольствия РСФСР, с 1921 г. – наркомом продовольствия Украины. Он получил известность в связи с широкой практикой насильственной реквизиции хлеба у крестьян и применения воинских частей для подавления крестьянских восстаний. Отметим, что он был первым, кто удостоился погребения в Кремлевской стене, что положило начало самому престижному колумбарию в СССР.

В заключение отметим, что марксизм, сначала в ленинской, а затем в сталинской интерпретации, оказал деформирующие воздействие на развитие советской науки финансового права. Наиболее негативные последствия имело подкрепленное авторитетом К. Маркса понижение внимания, а затем и полное игнорирование «формальной» стороны проблем финансов, т. е. собственно финансово-правовой проблематики. Произошла своеобразная «экономизация» финансового права, а главной проблемой стало не правовое опосредование финансов, а определение классовой сущности налогов, бюджета и др. Не случайно с начала 1930-х до конца 1940-х гг. науки финансового права как бы вообще не существовало, а отдельные ее проблемы рассматривались в рамках государственного и административного права. Достаточно уто-

пические финансово-правовые установки большевиков способствовали проведению в первые годы Советской власти в целом беспорядочной налоговой и бюджетной политики, хаотичности денежного обращения. Среди первых практиков советских финансов отсутствуют видные специалисты в сфере финансовой науки в целом и финансового права в частности.

6.2. Первый советский опыт синтеза науки и практики: между научной порядочностью и партийными директивами

(Г. Я. Сокольников, Л. Н. Юровский и др.)

В октябре 1922 г. Наркомат финансов РСФСР возглавил **Григорий Яковлевич Сокольников** (настоящая фамилия – Бриллиант) (1888–1939), ставший в 1923 г. и первым наркомом финансов СССР. Он родился в г. Ромны Полтавской губернии в семье доктора медицины, который вскоре перебрался в Москву. После окончания классической гимназии в Москве Григорий Яковлевич поступил на юридический факультет Московского университета, но рано увлекся марксизмом и в 1905 г. вступил в партию большевиков. Вместе с другом юности Н. И. Бухариным начинающий подпольщик руководил социал-демократической организацией учащихся средних учебных заведений Москвы. По сведениям С. Коэна, в 1907 г. они созвали всероссийский съезд социал-демократических студенческих организаций[695]. Как это могли сделать двое юношей без всяких финансовых средств и организационных ресурсов, нам не понятно. Скорее всего, это было просто собрание наличествующих в Москве студенческих радикалов либо форум организовали «старшие товарищи» по партии.

Его псевдоним связан с тем, что пропагандистскую работу он вел и среди ткачей в Сокольниках. Г. Я. Сокольников принял непосредственное участие в Первой русской революции, был арестован в 1907 г. и приговорен к ссылке на вечное поселение. Однако в 1909 г. бежал за границу, жил в Париже. Там в 1914 г. он окончил юридический факультет Сорбонны, а затем курс докторанта экономических наук. Начинающий ученый свободно вла-

[695] См.: Коэн С. Указ. соч. С. 37.

дел французским и немецким языками, знал английский и итальянский языки. После Февральской революции 1917 г. в знаменитом «пломбированном вагоне» вместе с другими видными большевиками Г. Я. Сокольников прибыл в Россию. В тот период он был идейным большевиком, достаточно образованным и политически грамотным, но порядком оторвавшимся от российской действительности.

Мы не будем касаться его деятельности на всех должностях, которые Григорий Яковлевич занимал в системе новой власти после Октябрьского переворота 1917 г., одним из руководителей которого он был, но многие из них были прямо связаны со сферой финансов. Будучи членом ЦК партии большевиков и редактором газеты «Правда», он одновременно утверждается членом Совета Госбанка и принимает участие в его реорганизации, затем становится комиссаром Госбанка на правах товарища управляющего. Именно он готовил проект Декрета ВЦИК РСФСР о национализации частных банков и введении государственной монополии на банковское дело, который был принят 14 декабря 1917 г. Затем Г. Я. Сокольников руководил существовавшим короткое время Комиссариатом (Управлением) бывших частных банков, входил в коллегию Наркомфина РСФСР и бюро ВСНХ первых составов. Он был докладчиком при вынесении решений о реорганизации Совета Госбанка, о конфискации акционерных капиталов бывших частных банков. В этот период в печати выходят его многочисленные статьи по финансовой проблематике: «К вопросу о национализации банков», «Принудительный заем», «Денежный кризис» и др. Однако при всей верности делу революции он уже тогда выдвинул ряд положений, не согласовывавшихся с крайностями генеральной линии партии. Так, Г. Я. Сокольников был противником внешней изоляции страны и экономической автаркии, выступил против катастрофического обесценивания денег и полной натурализации обмена. Его оппонентами в этой части были не только старые большевики и питерские рабочие с начальным образованием, но и вполне юридически подкованные, но догматичные большевики. Так, бывший студент экономического отделения Петербургского политехнического института *Г. Л. Пятаков* (1890–1937), в то время видный советский эконо-

мический деятель, требовал последовательной натурализации хозяйства и полной централизации распределения.

Затем Г. Я. Сокольников был командирован на фронт, являлся членом Реввоенсоветов нескольких армий и Южного фронта, участвовал в боях с А. И. Деникиным в 1919 г. и был награжден орденом Красного Знамени. Осенью 1920 г. его перебросили в Среднюю Азию на должность председателя Туркбюро ЦК РКП (б), а также главы советов и правительства Туркестана. Там он выступил инициатором замены в крае продразверстки на продналог, впервые в стране провел деноминацию местных денег «туркбон», произведя их обмен на общероссийские денежные знаки по курсу 10 к одному. Этот опыт пригодился при проведении общероссийской денежной реформы. В декабре 1920 г. его возвращают на должность члена коллегии Наркомфина РСФСР и Финансовой комиссии ЦК РКП (б) и Совнаркома РСФСР, а с октября 1922 г., как уже указывалось, он возглавил Наркомфин.

Григория Яковлевича можно считать наиболее активным проводником НЭПа в сфере финансов, «большевистским финансистом». Он же обеспечивал идейное обоснование и пропагандистское обеспечение этой политики. При этом основными работами государственного деятеля были, как правило, небольшие статьи, очерки в периодической печати, тексты докладов, объяснительные записки и др. До известной степени ему было даже труднее, чем российским чиновникам-исследователям более века назад. Он начинал не просто с нуля, а, скорее, с отрицательных величин, поскольку многие «красные финансисты», «большевистские крепкие хозяйственники» и прочие политические и хозяйственные руководители были последовательными сторонниками военно-коммунистической «кавалерийской атаки» на капитализм. Эта «кавалерия» уже почти затоптала отечественную финансовую систему, и надо было заново объяснять достаточно простые и очевидные вещи. Подчеркнем, что Г. Я. Сокольников приспосабливал уже имеющиеся наработки в сфере финансово-правовой мысли к советской действительности, шел в фарватере ленинской концепции НЭПа. Казалось бы, ученый не формулировал ничего принципиально нового, но главная его заслуга состоит именно в адаптации достижений финансово-правовой мысли к уникальным советским реалиям.

В 1921–1922 гг. в «Правде» он публикует целый ряд статей разъяснительного характера: «Денежное хозяйство», «О Государственном банке», «Конфискация и налог (старые и новые методы)» и др. Концептуально его идеи нашли отражение в сборнике статей «Государственный капитализм и новая финансовая политика» (М., 1922), который не без основания считали продолжением знаменитой ленинской брошюры «О продналоге», давшей толчок к введению НЭПа[696]. В подготовленных к XI съезду РКП (б) (март–апрель 1922 г.) тезисах «Основные положения финансовой программы» Г. Я. Сокольников наметил следующее: 1) увеличение товарооборота, прежде всего через развитие торговли; 2) уменьшение, а затем ликвидацию бюджетного дефицита путем жесточайшего сокращения государственных расходов, перенесение части расходов на менее дефицитные местные бюджеты; 3) всемерное увеличение поступлений государственных доходов, развитие налоговой системы; 4) ориентацию на восстановление золотого обеспечения денег, сокращение, а затем и прекращение бумажной эмиссии[697]. Однако не все шло гладко. Многие хозяйственники требовали неограниченной эмиссии денег на восстановление промышленности, выступали против «диктатуры Наркомфина» и его антиэмиссионных мер. В ответ Г. Я. Сокольников запустил крылатую фразу: «Эмиссия – опиум для народного хозяйства»[698]. Он доказывал, что государственный кредит также должен иметь рыночный характер и быть возвратным[699].

Большая заслуга Г. Я. Сокольникова заключается в том, что он привлек к сотрудничеству с Наркомфином лучшие силы финансовой науки, которые остались в России. По его инициативе в 1921 г. создается Финансово-экономическое бюро Наркомфина РСФСР, в рамках которого функционировал Институт экономических исследований со специальной финансовой секцией. Институт стал органом разработки финансово-экономических во-

---

[696] См.: Вестник финансов. 1922. № 9. С. 44.

[697] См.: Одиннадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 675–680.

[698] Там же. С. 360–361.

[699] См.: Сокольников Г. Я. Государственный кредит в Советской России. М., 1923.

просов, где подвергались предварительному обсуждению основные проблемы финансового хозяйства страны, а также законопроекты по этой части. Впоследствии было создано и Лесное отделение института. Именно в этот период возобновилась публикации зарубежных исследователей, вернулся интерес к истории российских финансов[700].

С Институтом экономических исследований сотрудничали такие авторитетные специалисты старой финансовой школы, как М. И. Боголепов, А. И. Буковецкий, П. П. Гензель, В. Я. Железнов, К. Я. Загорский, М. Д. Загряцков, З. С. Каценеленбаум, Н. Д. Кондратьев, С. А. Котляревский, И. М. Кулишер, А. А. Мануйлов, Н. Н. Любимов, И. Х. Озеров, А. А. Раевский, М. А. Сиринов, М. Н. Соболев, А. А. Соколов, А. Ю. Финн-Енотаевский, А. В. Чаянов, Н. Н. Шапошников, Л. Н. Яснопольский и др. Забегая вперед, отметим, что с уходом Г. Я. Сокольникова в 1926 г. с поста наркома финансов СССР окончилась и история Института, закрытого в 1927 г.

Примечательно, что перед Генуэзской конференцией 1922 г. сотрудники Института принимали участие в подготовке материалов к ней. Всю работу по этой части координировал экономический эксперт нашей делегации Н. Н. Любимов. В ней приняли участие Н. Н. Шапошников, А. А. Соколов, о которых будет сказано далее, П. П. Гензель и др.[701]

Своеобразным венцом практической деятельности Григория Яковлевича, а в какой-то степени и реализацией его научных замыслов, стала денежная реформа 1922–1924 гг., давшая Советской России золотой червонец. Примечательно, что основными его сотрудниками на данном поприще были член правления Госбанка Н. Н. Кутлер (о нем говорилось ранее), Л. Н. Юровский, бывший председатель правления Императорского Госбанка А. Л. Шейнман и уже известный нам М. К. Владимиров, бывший

---

[700] См.: Кейнс Дж.М. О русской валюте // Известия ВЦИК. 1922. 20 мая; Шульце Э. Распад современных валют. М., 1924; Материалы по денежной реформе 1893–1895 гг. / под ред. А. И. Буковецкого. Вып. 1. Пг.; М., 1922 и др.

[701] См.: Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М., 1963. С. 20–21.

в то время заместителем наркома финансов СССР[702]. В Совет по эмиссионным делам Госбанка, который занимался непосредственно денежной реформой, входили также З. Г. Зингвиль, бывший министр финансов Временного правительства Н. В. Некрасов, бывший товарищ министра финансов названного Правительства А. Г. Хрущев, профессор *Захарий Соломонович Каценеленбаум* (1885 – после 1959). Последний еще до революционных событий 1917 г. был профессором Московского коммерческого института и приват-доцентом Московского университета, после 1917 г. профессорствовал там же, но при этом постоянно привлекался для работы в органах Госбанка и НКФ[703]. Саму идею золотого червонца выдвинул банкир с большим дореволюционным стажем В. В. Тарновский. Консультантами Наркомфина при проведении данной реформы были многие из названных сотрудников Института экономических исследований.

Г. Я. Сокольников продолжал разъяснять свою позицию по вопросам бюджета, налогов, кредитов и денежного обращения[704]. Отметим, что большинство работ были сборниками его публикаций в периодической печати, в том числе в созданной во многом по его инициативе «Финансовой газете». Так, три статьи ученого «От дензнака к твердой валюте», опубликованные в «Финансовой

---

[702] См.: Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 224.

[703] См.: Каценеленбаум З. С. Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М., 1912; Его же. Война и социально-экономическое положение России. М., 1917; Его же. Заем свободы. М., 1917; Его же. Обесценение рубля и перспективы денежного обращения. М., 1918; Его же. Учение о деньгах и кредите: в 2 т. М., 1921–1922 (до 1928 выдержало 4-е изд.); Его же. Денежное обращение в России. 1914–1924 гг. М.; Л., 1924; Его же. Некоторые вопросы теории кредита. М., 1926; Его же. Индустриальное хозяйство и задачи кредита в СССР. М., 1928 и др. Обзор его работ был осуществлен ИНИОН в 1995 г. (Деньги и банковое дело в России 1914–1924 гг.).

[704] См.: Сокольников Г. Я. Проблемы финансового строительства. М., 1923; Его же. Бюджет и валюта. М., 1924; Его же. Денежная реформа и пути ее закрепления. М., 1924; Его же. От дензнака к твердой валюте. М., 1924; Его же. Денежная реформа. М., 1925; Его же. Пройденный путь и новые задачи. М., 1925; Его же. Советская финансовая система и задачи советского строительства. М., 1925 и др.

газете» 7–9 января 1924 г., были изданы в том же году отдельной брошюрой. Кстати, «твердость» стала для него своеобразным девизом финансовых преобразований, и это слово было одним из наиболее часто употребляемых[705].

При проведении денежной реформы он исходил из того, что товарно-денежные отношения существуют не только на внешнем, но и на внутреннем рынке, а денежное обращение как раз и связывает внутренний и внешний рынки. При этом внешняя торговля требует устойчивого соотношение между деньгами внутреннего оборота и деньгами мирового рынка. Однако деньгами последнего является золото, что требует устойчивости внутренней валюты по отношению к нему. Обмениваемость червонца на золото требовала, по его мнению, накопления валютных резервов, способных компенсировать колебания в поступлении доходов от экспорта и добычи драгоценных металлов[706]. Отсюда следовала необходимость введения червонца, обеспеченного золотом, как альтернативной валюты, а затем его свободный обмен на советские денежные знаки (совзнаки) по установленному курсу. В итоге без иностранной помощи страна получила полноценную устойчивую валюту, единую для всей территории СССР. С 1925 г. советский червонец котировался на многих валютных биржах мира, а операции с ним проводились в большинстве экономически развитых стран, в том числе Великобритании, США, Германии. Между тем это не прекратило обвинений в адрес руководителя реформ в игнорировании нужд производства, недофинансировании промышленности за счет якобы слишком облегченного налогового бремени для крестьян и излишних расходов на социально-культурные нужды[707]. В этот период обострились отношения Григория Яковлевича с работниками Госплана СССР, которые требовали увеличения темпов развития любой ценой. Однако на середину 1920-х гг. приходится пик его государственной и научной карьеры.

---

[705] См.: Сокольников Г. Я. Твердые цены, твердая плата, твердые деньги // Финансовая газета. 1924. 7 марта.

[706] См.: Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции: в 3 т. М., 1925–1928. Т. 2. С. 76–77; Т. 3. С. 294 и др.

[707] См. об этом: Сокольников Г. Я. Денежная реформа. М., 1925. С. 54–55 и др.

В этот период ученый ведет вполне светский образ жизни, увлекается классической музыкой, становится ценителем живописи и театра, дружит с политиком Н. И. Бухариным, приятельствует с видными военными М. Н. Тухачевским и М. В. Фрунзе, поддерживает отношения с гимназическим приятелем – писателем Л. Б. Пастернаком, – знакомится с начинающим композитором Д. Д. Шостаковичем. Для него в то время были еще доступны иностранные газеты и научная литература. Но уже в 1926 г. «печатный станок» денежных знаков заработал в полную силу, поставив под угрозу конвертируемость червонца, а сторонники увеличения инфляции из Госплана СССР оказались в фаворе у политического руководства страны. К тому же Г. Я. Сокольников неудачно включился в политическую борьбу против крепнущего единовластия И. В. Сталина на стороне так называемой «новой оппозиции». В итоге в конце 1926 г. конвертируемый червонец практически прекратил существование, а его вдохновитель был снят с должности наркома финансов. Его прощальным трудом государственного деятеля-финансиста стала уже названная публикация журнальных и газетных статей, докладов и речей с 1918 по 1927 гг.[708] В интересующем нас ракурсе последней печатной работой ученого стал курс лекций, прочитанный им в Институте народного хозяйства и в 1-м МГУ в 1928–1929 гг.[709]. Кроме этого, вышли два сборника его статей – «Проблемы мирового денежного обращения» (М., 1927) и «Основы финансовой политики СССР» (М., 1930).

Отметим, что его учебник «Финансовая наука» стал предметом критики Н. Н. Любимова. Последний писал «об ошибках тов. Сокольникова в вопросах финансов капитализма». К таковым относились отсутствие развернутой критики существующих оппортунистических, буржуазных и прочих направлений по финансам капиталистических государств, то, что «не вскрывается роль капиталистического государства при перераспределении финансовых изъятий между классами и в связи с этим не

[708] См.: Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции: в 3 т.

[709] Сокольников Г. Я. Финансовая наука: в 2 кн. М., 1930 (до 1931 г. выдержала еще три издания).

показывается классовая борьба, которая происходит на этой почве»[710].

Новое назначение Г. Я. Сокольникова заместителем Председателя Госплана СССР имело подтекст, т. к. в этом ведомстве работали его наиболее последовательные оппоненты по проблемам развития государственных финансов. В 1927 г. он отошел от «новой оппозиции», но поддержал своего друга Н. И. Бухарина в противостоянии «чрезвычайным мерам против крестьян». Таким образом, из «левого» оппозиционера он превратился в «правого»[711]. Далее последовали назначения на менее значимые посты, наиболее важными из которых была должность председателя правления Нефтесиндиката и полпреда СССР в Великобритании с 1929 г. Возможно, этому способствовали его европейская известность, знание иностранных языков и дипломатический опыт. Напомним, что Григорий Яковлевич участвовал еще в заключении Брестского мира в 1918 г., в Гаагской международной конференции по экономическим и финансовым вопросам (1922 г.), в Международной экономической конференции в Женеве (1927 г.). В Лондоне советский дипломат знакомится с государственными деятелями У. Черчиллем и Д. Ллойд-Джорджем, с социалистами Б. Вебб и С. Веббом, писателями Б. Шоу и Г. Уэллсом, экономистом Дж. М. Кейнсом, философом Б. Расселом. Он успел принять участие в работе Лиги наций, а в эмигрантской литературе того периода его величали не иначе как «советский Витте» и даже печатали статьи под броским названием «Сталин или Сокольников?». В Англии его не только узнали как грамотного переговорщика и крупного специалиста в сфере финансов, но и прониклись уважением к его чисто человеческим качествам.

В 1932 г. его отозвали в СССР, назначили сначала членом коллегии Народного комиссариата иностранных дел, а затем и заместителем наркома. Последнее его назначение заместителем наркома лесной промышленности (1935 г.) было уже явной насмешкой над видным теоретиком и практиком финансов. В июле 1936 г. Г. Я. Сокольников был арестован, а в январе следующего года осужден на 10 лет лишения свободы по делу мифического

[710] Финансы капиталистических государств. М., 1934. С. 26.
[711] См. подробнее: Коэн С. Указ. соч. С. 351 и далее.

«Параллельного антисоветского троцкистского центра». Уже морально и физически сломанного политика И. В. Сталин вовлек в сложную игру, устроив ему очную ставку с его другом Н. И. Бухариным.

Арест Г. Я. Сокольникова вызвал известный резонанс в Европе, где его знали и уважали. Дело дошло до того, что этот вопрос специально обсуждался на заседании комитета по иностранным делам английского кабинета под председательством лорда-президента Д. Р. Макдональда. Примечательно, что в его обсуждении приняли участие министр финансов А. Н. Чемберлен, министр иностранных дел Э. Идеен и другие ведущие министры. На заседании звучали предложения напрямую обратиться к советскому правительству в том смысле, что высшая мера для бывшего советского посла в Великобритании может ухудшить отношение между странами. В итоге обращение направлено не было, но сам факт обсуждения такого предложения говорит о многом[712]. Мы не знаем, повлияло ли это на «мягкость» приговора, но в политическом руководстве страны о такой реакции англичан знали.

Однако дело шло к печальному эпилогу. В мае 1939 г. Г. Я. Сокольников был убит в Верхне-Уральском политизоляторе подсаженными к нему в камеру уголовниками по распоряжению тюремной администрации. И после гибели И. Я. Сокольникова в учебниках по финансовому праву 1940-х гг. писали: «Враг народа Сокольников считал, что "в любом государстве бюджет является планом ведения государственного хозяйства" и что "бюджет я вляется плановым островком капиталистической стихии". Для С окольникова такое определение не было случайным. Оно вытекало из всей его вредительской концепции отрицания социалистического характера советских финансов, денег, банков и товарооборота. Товарищ Сталин на XIV съезде ВКП(б) на голову разбил эту "теорию"…»[713].

Пострадала от репрессий и семья И. Я. Сокольникова, а жена, Г. И. Серебрякова (в прошлом жена известного большевика

[712] См.: Ваксберг А. И. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 112.

[713] Финансовое право. Учебник для юридических высших учебных заведений / под общ. ред. М. А. Гурвич. М., 1940. С. 43.

Л. П. Серебрякова), впоследствии популярный писатель, на многие годы оказалась в сталинских лагерях.

Имя известного государственного деятеля и ученого было надолго вычеркнуто из истории страны. Только в 1988 г. он был посмертно реабилитирован, а число публикаций о нем росло до начала 1990-х гг.[714] Были переизданы и некоторые его работы из сборника «Финансовая политика революции» (В 3 т. М., 1925–1928)[715]. Затем волна интереса к личности ученого несколько отхлынула, хотя Г. Я. Сокольников достоин остаться в истории отечественной финансово-правовой мысли.

Основные публикации Г. Я. Сокольникова в виде докладов, выступлений на сессиях ВЦИК и ЦИК СССР, на съездах Советов рабочих и крестьянских депутатов, партийных форумах, статья в газетах, небольшие брошюры, как уже указывалось, были собраны в трехтомном издании «Финансовая политика революции» (М., 1928). Том 1 был посвящен разработке основных направлений новой финансовой политики в 1922–1923 гг. Если в период «военного коммунизма» по сути до основания была разрушена прежняя финансовая система государства, то теперь предстояло строить новую финансовую систему в условиях НЭПа (государственного социализма). Г. Я. Сокольников писал, что фундаментом этой новой финансовой политики должно стать пролетарское хозяйство переходного периода, которое имеет в своей основе собственность на средства производства в руках Советского государства, а часть – в руках капиталистических предпринимателей. Задача состоит в том, чтобы экономическими методами, через банк, биржу и т. п., организовать пролетарский контроль над капиталистическими элементами. Государственный капитализм –

---

[714] См.: Анфертьев И. Неизвестный Сокольников // Возвращенные имена. Т. 2. М., 1989; Генис В. Л. «Упрямый нарком с Ильинки» // Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1991. С. 4–38; Никитин М. И. Г. Я.Сокольников // Истоки. Вып. 2. М., 1990. С. 310–313; Сокольников Г. Я. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989 (по изд. 1925–1926 гг.). С. 681–688 и др.

[715] См.: Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1991. С. 39–336; Его же. Финансовая политика революции. Т. 1–2. М., 2006.

это товарное хозяйство, требующее развитого денежного хозяйства. Именно базисные экономические закономерности товарно-денежного хозяйства были положены в основу строительства новой финансовой политики. При этом основные направления новой финансовой политики, по убеждению Г. Я. Сокольникова и его соавторов, должны охватывать в комплексе, единстве и взаимодействии все элементы финансовой системы государства: бюджет, налоги, банки, кредиты, денежное обращение.

Начнем с *характеристики взглядов Г. Я. Сокольникова в отношении бюджетной и налоговой систем.* Перестройка бюджетной системы связывалась с ликвидацией бюджетного дефицита, с сокращением в исчислении натуральной части бюджета и возрастанием ее денежной части, с правильной организацией доходов и расходов бюджета. Так, например, для сокращения расходов государственного бюджета предлагалось перенести некоторые его расходные части на местные бюджеты, которые были более устойчивыми. Речь шла о расходах, которые наиболее близки населению (здравоохранение, просвещение, социальное обеспечение и др.). Но при этом обосновывалась необходимость передачи некоторых налогов, как источников доходной части бюджета, с государственного уровня на местный, тем более что местные власти, приближенные к налогоплательщику, в состоянии гораздо эффективнее собирать налоги[716]. Эти положения звучат актуально и сегодня, когда речь идет о современном бюджетном законодательстве, принципах построения бюджетной системы российского государства.

В рамках новой финансовой системы отводилась особая роль налогам, построению налоговой системы советского государства как источника доходов бюджета. Г. Я. Сокольников постоянно отмечал, что пополнение бюджета, его доходной части должно идти не за счет эмиссии денежных знаков, «печатного станка»: «выпуск новых денег не дает новых ресурсов»[717], а за счет налогов, поступающих благодаря развитию промышленности, сель-

[716] См.: Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика на пути к твердой валюте (печ. по изд.: Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. М., 1925. Т. 1). М., 1991. С. 79–80.

[717] Там же. С. 113.

ского хозяйства, транспорта, торговли. Писал и о необходимости замены натуральных налогов денежными и т. д.

В отношении банковской и кредитной систем Г. Я. Сокольников также имел свою позицию. Одним из источников пополнения доходной части бюджета Г. Я. Сокольников называл государственный кредит. В связи с этим программным требованием новой финансовой политики должно стать восстановление Государственного банка, который аккумулировал бы свободные денежные средства и использовал их для развития промышленности, кредитования производства и сельского хозяйства. Не менее важным являлось, по мнению Г. Я. Сокольникова, и создание подсобных кредитных институтов, контролируемых Госбанком.

О денежной системе он писал, что бюджет, налоги, государственные кредиты должны иметь в своей основе твердую валюту и устойчивое денежное обращение. Г. Я. Сокольников убеждал в необходимости сокращения, а затем и уничтожения бумажной эмиссии, установления золотого курса бумажных денег.

Все эти направления новой финансовой политики прозвучали в тезисах к XI съезду РКП (б) (1922 г.) в виде «Основных положений финансовой программы»[718]. В. И. Ленин охарактеризовал их следующим образом: «Не дурны, но теоретичны»[719]. Однако история все расставила по своим местам. Воплощенные в практику названные направления привели к восстановлению денежной системы Советского государства. К сожалению, достигнутые результаты были перечеркнуты последующей политикой партийного администрирования экономики страны.

Во втором томе «Финансовой политики революции» излагалась программа финансового оздоровления и проведения денежной реформы (1923–1924 г.). Проведение денежной реформы проходило в атмосфере жарких споров, острых столкновений различных позиций. Так, Г. Я. Сокольников дискутировал с *Е. А. Преображенским* (1886–1937), крупным партийным функционером и хозяйственным деятелем, по вопросу выбора между «товарным» и «золотым» рублем, с *С. Г. Струмилиным* (1877–

[718] Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика на пути к твердой валюте. С. 123–128.

[719] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 283.

1974), сотрудником Госплана, который отрицал связь между золотом и бумажными деньгами, рассматривая последние как счетные деньги, как квитанции на продукцию, товары. План денежной реформы Г. Я. Сокольникова и его сподвижников был разработан в деталях и включал перечень конкретных мероприятий. В их число входили полное замещение советских денежных знаков, определение объемов выпуска в обращение устойчивой валюты в крупных купюрах (червонцы, отчасти платежные обязательства НКФ), мелких купюр в золотом исчислении и серебра в качестве денег, разменных по отношению к червонцу[720]. В результате реализации этой программы Советская Россия в условиях финансовой блокады создала полноценную твердую и конвертируемую валюту. Американская пресса по этому поводу писала: «Великан пробуждается… Русская валюта – одна из немногих, которая котируется несколько выше курса доллара…Ничто более не сможет задержать окончательного восстановления СССР»[721].

Том третий «Финансовой политики революции» содержал оценку пройденного пути и перспективы хозяйственного развития СССР (1925–1927 гг.). Анализ итогов сопровождался конкретными цифрами, показателями в области бюджета, денежного обращения, кредита за прошедшие годы, включая анализ показателей пятилетнего плана народного хозяйства, доложенного С. Г. Струмилиным, экономических итогов 1925–1926 гг., названных в докладе В. Громана. Намечены были также очередные задачи финансовой политики, касающиеся мер по перестройке сельхозналога, поддержки устойчивой денежной системы и др.

Заслуживает внимания и курс лекций Г. Я. Сокольникова по финансовой науке, который был прочитан в 1928–1929 гг. в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова и 1-м МГУ[722]. Этот курс лекций не мог быть «беспристрастным» изложением материала, он носил уже политизированную окраску, т. е. автор курса постоянно подчеркивал преимущества социалистического хозяйства по сравнению с капиталистическим, «клеймил», но не называя имен, буржуазных финансистов. Данный курс включал

[720] См.: Сокольников Г. Я. Денежная реформа. С. 179–183.
[721] Цит. по: Финансовая газета. 1924. 30 марта.
[722] Сокольников Г. Я. Финансовая наука. М., 1931. (2-е изд.).

два выпуска. Выпуск 1 был посвящен государственному бюджету. В этой части отсутствовали теоретические, догматические положения. История бюджетного права начинается с советского периода. Автор дал всесторонний анализ с цифрами бюджетной политики Советского государства и сопровождавшей ее нормативно-правовой базы. При этом последовательно излагались вопросы о методах составления бюджета, бюджетных взаимоотношениях Союза ССР и союзных республик, местных финансах, сопоставлялись расходная и доходная части государственного бюджета, в доходной части выделялись неналоговые доходы, доходы от госпредприятий, торговой деятельности, банковское кредитование. Выпуск 2 содержал весьма небольшую по объему общую теорию налогов (10 страниц), основное же внимание было уделено практике взимания единого сельхозналога, подоходного и промыслового налогов, косвенных налогов. В этом же выпуске рассматривались вопросы государственного кредита, денежного обращения, кредитной системы. Таким образом, весь накопленный автором материал, сопровождавший новую финансовую политику, которую он проводил, будучи на государственной службе, был использован. Этот практический материал нашел отражение в данном курсе в структурированном, системном виде.

Единомышленником и подчиненным Г. Я. Сокольникова по службе в Наркомате финансов был **Леонид (Леон) Наумович Юровский** (1884–1938). Он родился в Одессе в семье купца первой гильдии. После окончания классической гимназии с золотой медалью молодой одессит в 1902 г. поступает на электромеханическое отделение Петербургского политехнического института. Однако он не проучился и месяца, как перевелся на экономическое отделение. Большое влияние на его формирование как ученого-экономиста оказали его институтские педагоги – профессора А. С. Посников (первый декан экономического отделения), М. И. Туган-Барановский, А. А. Чупров (его непосредственный научный руководитель), П. Б. Струве. В 1905 г. он полгода слушал лекции в Берлинском университете и в 1906 г. – в Мюнхенском университете. Обучение было завершено в 1907 г., а по представлении письменной работы в 1908 г. Л. Н. Юровскому был вручен диплом с отличием. Напомним, что экономический факультет Петербургского политехнического института был пер-

вым в стране, где давалось специальное высшее экономическое образование. До этого экономистов готовили только на юридических факультетах университетов или в специальных высших учебных заведениях юридического профиля, как, например, в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. Таким образом, Л. Н. Юровский был в числе первых выпускников-экономистов российских дореволюционных вузов.

После этого ему, как одному из лучших студентов, была предоставлена стипендия по кафедре экономической географии на два года для завершения образования и научной работы за границей. В 1908 г. он снова уехал в Мюнхенский университет. Там под руководством крупного немецкого экономиста Л. Брентано молодой ученый написал диссертацию «Русский экспорт хлебов, его организация и развитие», изданную в Штутгарте на немецком языке в 1910 г. В том же году Мюнхенский университет присвоил ему звание доктора политической экономии.

Вернувшись из Германии в Москву в 1910 г., Л. Н. Юровский решил попробовать свои силы в области журналистики. Он стал пайщиком издательского товарищества крупной газеты «Русские ведомости», отражающей взгляды либеральной интеллигенции, регулярно писал для нее статьи по экономическим проблемам. Однако интерес к науке берет свое, и в 1913 г. в Харьковском университете он сдает магистерский экзамен. После этого, не порывая полностью с «Русскими ведомостями», он начал преподавать политэкономию в Московском коммерческом институте (впоследствии – Московский институт народного хозяйства, ныне Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова). Кроме него, в числе сверхштатных ассистентов института был и М. И. Боголепов, о котором будет сказано далее. Леонид Наумович одновременно вел курс экономической политики в Народном университете им. А. Л. Шанявского.

Во время Первой мировой войны весной 1915 г. он по своей инициативе отправился на три месяца на фронт в качестве уполномоченного Всероссийского союза городов. За организацию медицинского и продовольственного обеспечения, «отличную и усердную службу» его наградили орденом Станислава 3-й степени. В августе того же года Л. Н. Юровский вернулся в Москву, успел избраться сверхштатным приват-доцентом Московского

коммерческого института и возглавить Всероссийское бюро труда при отделе беженцев Земского и городского союзов. Однако в конце 1915 г. он был призван на военную службу, стал артиллеристом, получил чин прапорщика. Вершиной его офицерской карьеры стало командование артиллерийской батареей на Румынском фронте. Он горячо приветствовал Февральскую революцию, хотя, будучи на фронте, участия в ней не принимал.

После возвращения с фронта началась его государственная гражданская служба с августа 1917 г. в должности управляющего Особым статистико-экономическим отделом Министерства продовольствия Временного правительства. Однако постепенно бывший офицер и новоявленный чиновник усомнился в способности Временного правительства управлять страной, в одной из статей того времени с иронией отзывался о некомпетентности чиновников своего министерства. Л. Н. Юровского все больше прельщала академическая карьера и еще до октябрьских событий 1917 г. он был утвержден и. о. профессора по кафедре экономики и статистики юридического факультета Саратовского университета, однако продолжал числиться в Министерстве продовольствия. К тому времени он уже сформировался как ученый и человек высокой культуры, знаток литературы и искусства. Он неплохо играл на скрипке, как подлинный интеллигент, не любил конфликтов в повседневной жизни, но в сфере профессиональной твердо и принципиально отстаивал свои взгляды. За отстаивание своих принципов он впоследствии и заплатил по самому страшному счету.

Октябрьскую революцию он, как и большинство интеллигенции, встретил враждебно, опубликовал ряд обличительных статей в «Русских ведомостях». Однако его точка зрения со временем менялась. В статье «Крайний срок», опубликованной в феврале 1918 г., он признал, что «с властвованием большевиков связаны интересы значительных групп населения». Характерная для Л. Н. Юровского способность объективно анализировать сущность происходящих процессов независимо от личных пристрастий привела его к сотрудничеству с Советской властью. В конце 1917 г. он переехал в Саратов, где работал до осени 1921 г. профессором университета, деканом факультета общественных наук (с 1919 г.), стал первым ректором организованного в 1918 г. Института народного хозяйства, членом гу-

бернской плановой комиссии. В Саратове в 1919 г. вышла его монография «Очерки по теории цены» (о ней далее), заслужившая высокую оценку П. Б. Струве. Вместе с тем он не мог не видеть экономическую неэффективность проводившейся во время Гражданской войны политики «военного коммунизма», о чем неоднократно писал впоследствии. Вместе с женой Леонид Наумович перевел книгу немецкого финансиста *Г. Кнаппа* (1842–1926) «Государственная теория денег», но она так и не увидела свет. Во время страшного голода в Поволжье в июле 1921 г. ученый возглавил губернскую Комиссию по организации общественных работ для борьбы с голодом.

Осенью 1921 г. по инициативе члена коллегии Наркомфина РСФСР О. Ю. Шмидта (ставшего известным полярником) Леонида Наумовича вызывают в Москву, как авторитетного специалиста в сфере финансов. Сначала он назначен консультантом Отдела общих вопросов Наркомфина РСФСР, вскоре переведен на должность заведующего Отделом иностранной статистики Центрального статистического управления (ЦСУ). Переходящей к НЭПу стране понадобились не только мастера «бури и натиска», но и ученые-теоретики, знатоки анализа и прогноза. Работа нового отдела дала практически немедленный результат в виде коллективных аналитических исследований[723]. Одновременно, в конце 1922 г., Л. Н. Юровский приступил к преподаванию в Петровской сельскохозяйственной академии.

Он вошел в число тех высококвалифицированных специалистов по денежному обращению, которые с осени 1921 г. привлекались правительством для поиска путей оздоровления денежного обращения. Это соответствовало и его научным взглядам. Успех всего замысла денежной реформы в значительной мере зависел от согласованности в действиях Госбанка, выпускающего червонцы в обращение, и Валютного управления Наркомфина, осуществлявшего эмиссию совзнаков. Важная роль в координации этих действий была отведена Л. Н. Юровскому, ставшему 10 августа 1922 г. заместителем начальника Валютного управления. Название данного управления не совсем точно отражало его функции, т. к.,

[723] См.: Сборник статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств. М., 1922.

кроме валютных операций, в сферу его деятельности входило регулирование всей денежной политики, разработка мер по оздоровлению денежного обращения. В составе управления под руководством Л. Н. Юровского была образована комиссия по вопросам кредита и денежного обращения.

В конце августа 1922 г. Леонид Наумович впервые оказался под домашним арестом. В этот период начался очередной этап давно готовившейся операции по высылке за границу видных представителей интеллигенции, которые публично выражали свое враждебное отношение к марксизму и отрицали возможность социалистического строительства при НЭПе. На протяжении лета 1922 г. Государственное политическое управление (ГПУ), преемник ВЧК, готовило список высылаемых, принимая во внимание отзывы о них членов специальной группы партийных публицистов, образованной Секретариатом ЦК РКП (б). В данный список и был включен Л. Н. Юровский вместе со своими друзьями, известными философами Н. А. Бердяевым и С. Л. Франком. Поводом к тому послужила публикация в журнале «Экономическое возрождение», вскоре закрытом властями, статьи Юровского «Бюджет и народный доход в современной России». В ней он предлагал для уменьшения бюджетного дефицита сократить военные расходы и подчеркивал необходимость «ликвидировать военное хозяйство во всех его видах». Ученый утверждал, что «совершенное несоответствие» между государственным бюджетом и государственными возможностями губительно для финансовой политики государства. Его предложения сводились не к частным изменениям, а к проведению новой финансовой политики, как следствию НЭПа. Он поддержал переход от государственного хозяйства к частному, констатировал необходимость экономического сотрудничества с Западной Европой. Средствами новой финансовой политики должны были служить, как уже указывалось, резкое сокращение военных расходов, свертывание милитаризации народного хозяйства, разгрузка государственного бюджета от излишних трат, жесткий режим экономии, введение обоснованной налоговой системы[724].

[724] См.: Юровский Л. Бюджет и народный доход в современной России // Экономическое возрождение. 1922. №1. С. 11–15.

В начале сентября 1922 г. домашний арест с ученого был снят и по ходатайству коллегии Наркомфина его оставили в стране, как и некоторых других специалистов, исключенных из списка высылаемых по просьбе того или иного ведомства. Власть как бы признала их ценность для решения хозяйственных вопросов, но дала понять, что не потерпит публичной критики принципиальных основ политики партии. После того как в октябре 1922 г. началась практическая реализация декрета о выпуске червонцев, Л. Н. Юровский был назначен представителем Наркомфина в Совете по эмиссионным делам при Госбанке. Этот совет из пяти человек осуществлял общее наблюдение и контроль над эмиссионной деятельностью Госбанка. Однако с самого начала выпуска банкнот стало ясно, что будет нелегко противостоять требованиям чрезмерно увеличить кредитование, особенно со стороны Госплана. В 1923 г. ученый переведен на должность начальника Валютного управления Наркомфина РСФСР, которое, как уже говорилось, занималось регулированием всей денежной политики. Л. Н. Юровский, наравне с Г. Я. Сокольниковым и рядом других уже упомянутых нами лиц, стал организатором и идеологом денежной реформы 1922–1924 гг. Самое активное участие он принимал и в работе Института экономических исследований, созданного в 1921 г. по инициативе Г. Я. Сокольникова. На страницах «Финансовой газеты» Л. Н. Юровский неустанно разъяснял суть проводимой реформы, подводил ее первые итоги[725].

Опыт оздоровления денежного обращения вызывал большой интерес за границей, особенно в Германии. В этой стране сходные идеи использовались при введении рентной марки для борьбы с гиперинфляцией в ноябре 1923 г. Вышедшая в Москве в 1924 г. книга Л. Н. Юровского «На путях к денежной реформе» была переведена на английский и немецкий языки и издана в Лондоне и Берлине. В этой книге, разъясняя необходимость сохранения курса на твердую валюту, автор писал: «Борьба за устойчивую валюту вытекает с железной необходимостью из новой экономической обстановки: хозяйству, работающему на рынок, нужны твердые деньги». Далее он отмечал: «Много говорят и

[725] См.: Юровский Л. Н. Пройденный путь // Финансовая газета. 1924. 1 февр.; Его же. Переход к твердой валюте. 1924. 15 февр. и др.

много еще будут говорить о тех жертвах, с которыми связано установление твердой валюты. Это – недоразумение. С государственной точки зрения таких жертв вообще не будет. Будут трудности для предприятий, которым придется собственными силами бороться за существование. Но это – не жертвы, а усилия, необходимые для того, чтобы создать благоприятные условия развития для всех частей народного хозяйства без исключения»[726]. Под редакцией Л. Н. Юровского был издан сборник материалов по истории денежного обращения (1914–1925 гг.)[727]. Целью этого издания была систематизация и проверка отрывочных, в ряде случаев неточных данных. Центральную часть сборника составили статистические таблицы, которые охватывали четверть века. Кроме статистических таблиц, сборник содержит перечень законодательных материалов и библиографический указатель.

Впоследствии Л. Н. Юровский выступил с резкой критикой т. н. «теории диспропорции», приоритета развития промышленности за счет выкачивания средств из сельского хозяйства. По мнению ученого, дальнейшее форсирование развития промышленности, которое предлагали сторонники теории диспропорции, могло только ухудшить положение. Он писал: «Недостатком этого предложения является его полная неосуществимость. Оно игнорирует самое существенное из условий, вызывающих наши хозяйственные затруднения. А именно, оно забывает о том, что мы обязаны нашими затруднениями недостатку реальных ресурсов и что как раз форсирование развития хозяйства при наличии такого недостатка ведет не к сокращению, а к усилению бестоварья. Может казаться, что при использовании предлагаемого метода успешная ликвидация товарного голода виднеется в конечной перспективе. Но это видение носит характер только миража, и к этому миражу даже действительных подступов нет»[728].

Не ограничиваясь ужесточением денежно-кредитной политики, Л. Н. Юровский выдвинул целую программу изменений в финансовой сфере. «Методы регулирования, которыми владеет го-

[726] Юровский Л. На путях к денежной реформе. М., 1924. С. 116.

[727] Наше денежное обращение / под ред. Л. Н. Юровского. М., 1926.

[728] Юровский Л. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. М., 1926. С. 43.

сударство, должны быть применены в полном объеме, т. е. не только на этом участке, но и во всех других областях»[729]. Без изменения приоритетов экономической политики либерализация отпускных и кооперативных цен и девальвация червонца привели бы только к усилению инфляции и развертыванию глубокого кризиса. Ученый же стремился предотвратить углубление кризисных явлений. В записке председателю Совнаркома СССР А. И. Рыкову от 29 января 1926 г. он характеризовал предлагаемое им направление политики как «использование средств планового воздействия для того, чтобы, не проходя через кризис, провести где нужно необходимое сокращение и восстановить нарушенное равновесие». И далее в той же записке он предлагал, используя ресурсы государственной власти, «превратить кризис в лизис (медицинский термин, означающий медленное понижение температуры с постепенным ослаблением болезни в противоположность кризису), дать постепенно рассосаться болезненным явлениям в хозяйственном организме и восстановить нарушенное во многих частях равновесие».

То объяснение, которое давал Л. Н. Юровский хозяйственным трудностям, его предложение сохранить паритетный курс червонца и отказаться от форсирования индустриализации были поддержаны А. И. Рыковым. С весны 1926 г. стала проводиться сдержанная кредитно-денежная политика, были отвергнуты предложения о девальвации червонца, запланированы реальные темпы роста экономики на 1926–1927 гг. Это достижение Л. Н. Юровского по своей значимости можно приравнять к его вкладу в успех проведения денежной реформы. Показателем доверия руководства к нему явилось его назначение в феврале 1926 г. членом коллегии Наркомфина. Отметим, что беспартийных в то время на такие высокие посты уже не назначали.

Однако, в отличие от периода денежной реформы, в 1926 г. в руководстве страны не было единства по вопросам экономической политики. В начале 1926 г. со своего поста был снят нарком финансов Г. Я. Сокольников за открытое выступление против Сталина на XIV съезде партии в декабре 1925 г. Высококвалифи-

[729] Юровский Л. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. С. 48.

цированные экономисты Наркомфина лишились влиятельного партийного покровителя, разделявшего их взгляды. Его преемник *Николай Павлович Брюханов* (1878–1942) занимал ту же позицию, но не обладал политическим весом и авторитетом своего предшественника в партийных кругах. На собрании работников Наркомата, посвященном этим перестановкам, именно Л. Н. Юровский от лица всех сотрудников зачитал адрес уходящему наркому и обращение к новому, что подтверждало его высокий авторитет как среди руководителей наркомата, так и среди рядовых сотрудников. Н. П. Брюханов, старый большевик, прослушавший два курса на историко-филологическом факультете Московского университета, также был впоследствии репрессирован.

Как руководитель валютного управления, Леонид Наумович старался привлечь на работу специалистов, способных отстаивать собственную точку зрения. Однако в 1926 г. Юровский стал терять лучших сотрудников. Так, был снят с должности его заместитель *Лев Григорьевич Шанин (Шапиро)* (1887 – после 1928), хороший полемист и теоретик, занимавшийся проблемами финансов еще с ранней молодости[730]. Примечательно, что Лев Григорьевич искренне считал себя марксистом, однако, добавим от себя, не в сталинской интерпретации. Так, он не столько исследовал, сколько пытался воспроизвести марксистскую теорию денег, причем часто дословно. Его интересовал тот аспект данной теории, который имел непосредственное отношение к основам советской денежной системы[731]. Дальнейшая его судьба достоверно не известна, однако последняя доступная нам публикация исследователя датируется 1928 г.[732]

Руководитель Особой части Валютного управления *Л. Л. Волин* был приговорен в мае 1926 г. к расстрелу. В свое время он подверг жесткой критике идею «плановиков» во главе с С. Г. Струмилиным о введении «хлебной» или «товарной» валю-

---

[730] См.: Шанин Л. Г. Муниципализация или раздел в собственность? Характер нашего аграрного кризиса. Вильно, 1907; Его же. Странички из истории экономических разногласий с троцкизмом. Харьков, 1925 и др.

[731] Шанин Л. Г. Денежная система СССР в свете марксистской теории. М., 1925. С. 5 и далее.

[732] См.: Шанин Л. Вопросы финансового руководства // Вестник финансов. 1928. № 9.

ты, когда деньги рассматриваются фактически только в качестве квитанций на продукцию и не требуют никакого золотого обеспечения[733]. Ответным «ударом» оппонентов стал донос и неправедный приговор суда.

Научный консультант управления, автор многочисленных экспертных докладов[734] *Александр Юльевич Финн-Енотаевский* (1872–1943) был арестован в 1930 г. по делу «союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков» и в марте 1931 г. осужден к 10 годам лишения свободы. По официальным данным, умер в Карагандинском лагере в феврале 1943 г., хотя не исключено, что он погиб и раньше. Реабилитировали ученого только в марте 1991 г. Это был один из самых авторитетных специалистов в сфере денежного обращения и кредита[735], член РСДРП с 1903 г. Одновременно он вел активную педагогическую работу, некоторое время преподавал в Петербургском университете, накануне ареста был профессором Политехнического и Финансово-экономического ленинградских институтов, где заведовал кафедрами теории денег и кредита. В вину Александру Юльевичу вменялось членство в ЦК меньшевиков и руководство их ленинградской, или северо-западной, организацией[736]. Если абстрагироваться от грозной риторики, то все его преступные действия сводились к откровенному и критическому обсуждению с коллегами экономической и политической ситуации в стране, доставке и использованию,

---

[733] См.: Волин Л. Победоносное отступление (ответ т. Струмилину) // Финансовая газета. 1924. 19 авг.

[734] См.: Финн-Енотаевский А. Ю. О ценности золота и покупательной силе денег; О деньгах, кредите, цене и конъюнктуре // Социалистическое хозяйство. 1927. № 1 и 5; Его же. Современные денежные и кредитные иллюзии (Доклад и прения). М., 1930 и др.

[735] См.: Финн-Енотаевский А. Ю. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911; Его же. Экономическая система Карла Маркса (теория и практика). Пг., 1919; Деньги и кредит / под ред. А. Ю. Финн-Енотаевского. Л., 1925 (это был вып. № 8, и последний, непериодического издания «Новые идеи в экономике», издаваемого под редакцией М. И. Туган-Барановского, а затем А. Ю. Финн-Енотаевского); Его же. Финансовый капитал и производственный. М., 1926 и др.

[736] См.: Обвинительное заключение по делу контрреволюционной меньшевистской организации Громана, Шера, Суханова и др. М., 1931. С. 9, 26, 32 и др.

причем легальному, зарубежной литературы, поддержанию связей с зарубежными специалистами. Вслед за приговором суда прошла и «обличительная» кампания против его научного наследия. Перепуганные коллеги не пожалели «черной краски», но все обвинения свелись к трем пунктам: профессор верил в жизнеспособность капитализма и не верил в перспективы строительства социализма в отдельно взятом СССР, т. к. революция 1917 г. произошла преждевременно и незакономерно; он считал, что уровень развития общества и его строение определяются уровнем развития производительных сил; экономические процессы должны развиваться постепенно и иметь научное обоснование[737]. В части теории денег В. Рейнхардт обличил А. Ю. Финн-Енотаевского в «теоретическом социал-фашизме», его теорию назвал «социал-вредительской», а самого ученого – «теоретическим фокусником-ревизионистом» и «национал-интервенционистом». Главное обвинение заключалось в том, что он придерживался теории экономического равновесия, золотого обеспечения национальной валюты, считал, что реформы не должны вести к излишним жертвам со стороны пролетариата. Естественно, досталось профессору и за «смазывание противоречий капитализма», и за то, что он был приверженцем демократии, не считал революцию 1917 г. пролетарской. Напрямую его «вредительство» связали с Л. Н. Юровским, т. к. оба не отрицали закон ценности при социализме, предпочитали рыночные (в т. ч. через налоги и кредит) методы управлении хозяйством[738].

Такая же печальная участь, возможно, могла ожидать еще одного члена коллегии НКФ, профессора *Семена Анисимовича Фалькнера* (1890 – после 1926), автора книги «Бумажные деньги французской революции (1789–1797)» (М., 1919). Большинство его исследований по проблемам финансов носили экспертный характер[739]. Дальнейшую судьбу С. А. Фалькнера нам установить не удалось.

---

[737] См.: Против воинствующего меньшевизма (финн-енотаевщина). Сб. М.; Л., 1931. С. 4–11.

[738] Там же. С. 63–74.

[739] См.: Фалькнер С. А. Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства. М., 1922; Национальные индексы заработной платы. М., 1923; Его же. Проблемы теории и практики эмиссии. М., 1924 и др.

Сущность дискуссии между Л. Н. Юровским и его соратниками-«плановиками» во главе с С. Г. Струмилиным во многом вращалась вокруг идеи «товарного (хлебного и др.) рубля». Напомним, что еще с 1919 по 1922 г., в условиях гиперинфляции, была введена условная счетная единица – «товарный рубль», – которая приравнивалась по покупательной силе к золотому рублю дореволюционной России. Именно в таких условных рублях устанавливались ставки заработной платы и сметные ассигнования по государственному бюджету. Цены в совзнаках переводились в товарные рубли путем пересчета по специальному индексу, который периодически пересматривался. Этот индекс исчислялся исходя из соотношения текущих рыночных цен к ценам 1913 г. В ходу был также «индексный рубль» ВЦСПС, рассчитываемый по набору продуктов, потребляемых рабочими, и «хлебный рубль», исчисляемый по индексу цен на хлебные продукты. Не сложно догадаться, что, получив право устанавливать индекс перевода и менять его, плановые органы получали право неограниченного разгона инфляции «по мере роста хозяйственных нужд». Денежная реформа 1922–1924 гг. была как раз и задумана для уничтожения всякой параллельной квазивалюты и введения единой, обеспеченной золотом твердой валюты. В этой ситуации «плановики» предлагали возродить в усовершенствованном виде финансовые механизмы времен «военного коммунизма». Л. Н. Юровский всеми силами пытался не допустить возвращения такой практики, за что дорого заплатил.

25 июня 1926 г. сам Леонид Наумович впервые после 1922 г. подвергся критике в прессе на страницах газеты «Правда» за статью «Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики». В ней рецензент усмотрел предложение отказаться от индустриализации, усилить зависимость советского хозяйства от капиталистических стран, в связи с чем автор был назван «стыдливым, завуалированным Шаниным».

Л. Н. Юровский после истории с арестом в 1922 г. решил публично не обсуждать политические вопросы, но опровергнуть теорию, ставившую под угрозу дальнейшее продолжение НЭПа, он считал своим долгом. Об этом свидетельствует его статья «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе», которая имела большое теоретическое значение. В ней впер-

вые была выдвинута идея «товарно-социалистической формы хозяйства» и раскрыт механизм постепенного свертывания НЭПа, обоснована необходимость соблюдения законов товарного хозяйства при государственном регулировании экономики. Но оказать существенное влияние на ход событий она не смогла, в отличие от его выступлений конца 1925 – начала 1926 г. За год заметно изменилось внутриполитическое положение, соотношение сил в руководстве страны.

Л. Н. Юровский, с тревогой наблюдавший, как сбываются его предсказания о свертывании НЭПа, в конце 1927 г. подготовил монографию «Денежная политика Советской власти (1917–1927)». Это был его вклад в юбилейные торжества по поводу десятой годовщины Октябрьского переворота. В данной работе Юровский показал борьбу двух альтернативных тенденций развития советской хозяйственной системы, начиная с первых дней ее существования: военно-коммунистической (безрыночное распределение) и нэповской (рыночное хозяйство), – и продемонстрировал, насколько сильна тенденция самовозрастания таких административных мероприятий, которые не восстанавливают рыночное равновесие.

В апреле 1928 г. по политическим мотивам был снят с поста заведующего Конъюнктурным институтом Наркомфина один из ведущих экономистов 1920-х гг. Н. Д. Кондратьев (о нем далее), с которым Л. Н. Юровский находился в дружеских отношениях. Тогда же обсуждался вопрос об освобождении от должности начальника Валютного управления и самого Л. Н. Юровского. Тем не менее он продолжал попытки объяснить руководству губительность проводимой политики. 12 июля 1928 г. он, как представитель Наркомфина в совете Эмиссионного отдела Госбанка, направил Наркому финансов Н. П. Брюханову записку, в которой выразил коренное несогласие с используемыми при составлении эмиссионных балансов методами показа твердоценного обеспечения. Получив эту записку, Н. П. Брюханов собрал узкое совещание ближайших сотрудников, в число которых входил и ее автор. Это были единомышленники, но, зная результаты закончившегося в тот же день пленума ЦК ВКП (б) и соотношение сил в руководстве страны, большинство пришло к выводу, что менять методы составления балансов нельзя. И это решение легко по-

нять. Л. Н. Юровский предлагал отказаться от использования гарантийных писем Наркомфина, т. е. уменьшить величину твердоценного обеспечения, показываемую в эмиссионных балансах. Это влекло за собой значительное сокращение эмиссии червонцев, резкое ужесточение кредитно-денежной политики. Смысл соблюдения обязательной нормы твердоценного обеспечения как раз в том и состоял, чтобы поставить барьер чрезмерному выпуску бумажных денег. По существу речь шла о предложении изменить всю политику партии, которая привела к опустошению валютных ресурсов.

К тому времени уже шла открытая борьба в руководстве между И. В. Сталиным и лидерами «правого уклона» во главе с А. И. Рыковым, в которой начал вырисовываться перевес Сталина. Руководители Наркомфина фактически предлагали Леониду Наумовичу смириться с тем, чего нельзя изменить. Тогда он попросил вместо него назначить другого представителя в совете Эмиссионного отдела и 13 июля 1928 г. отправил А. Л. Шейнману – председателю правления Госбанка, одновременно занимавшему пост председателя Совета, – письмо, в котором сообщил, что не может принимать участие в работе Совета из-за несогласия с методами составления балансов.

В октябре 1928 г. Л. Н. Юровский освобождается от обязанностей начальника Валютного управления, хотя и остается членом коллегии Наркомфина (стараниями тогдашнего председателя СНК СССР А. И. Рыкова). В феврале 1929 г. Л. Н. Юровского назначили начальником Планово-экономического управления Наркомфина СССР. На этом посту он продолжал выступать за приведение плановых темпов развития страны в соответствие с реальными возможностями, против форсирования индустриализации, причем не только в своем ведомстве, но и на публичных собраниях. Именно в таком направлении была, например, выдержана его речь на V съезде работников плановых органов 12 марта 1929 г. Продолжились и его столкновения с работниками Госплана, требовавшими неограниченной эмиссии и роста плановых показателей. Леонид Наумович продолжал отстаивать уже ставшую «буржуазной» идею о сбалансированности государственного бюджета и устойчивости денежного обращения.

В ноябре 1929 г., после чистки аппарата Наркомфина, Л. Н. Юровский подал заявление с просьбой освободить его от обязанностей начальника Планово-экономического управления. Оно было удовлетворено, но он остался в составе коллегии Наркомфина и даже получил новое назначение. 14 апреля 1930 г. он стал членом Совета Госбанка. Однако 26 июля 1930 г., спустя две недели после окончания XVI съезда ВКП (б), на котором И. В. Сталин закрепил свою победу над «правым уклоном», а А. И. Рыкову пришлось покаяться, ученый был арестован и обвинен в принадлежности к антисоветской «Трудовой крестьянской партии». По делу этой мифической «партии» в стране арестовали более тысячи человек, среди которых было много крупных финансистов. Правление Госбанка в 1930 г. попало под «перекрестный огонь» репрессий, т. к. в нем обнаружили меньшевистскую ячейку, три представителя которой (Б. М. Берлацкий, В. Г. Громан, В. В. Шер) получили по 10 лет лагерей.

В числе репрессированных оказался и ближайший соратник Л. Н. Юровского, профессор *Давид Абрамович Лоевецкий* (1884 – после 1930), видный специалист в сфере финансового права[740]. До 1922 г. он был профессором Одесского института народного хозяйства и консультантом НКФ Украины. Затем он перебирается в Москву и становится сотрудником НКФ РСФСР, затем СССР, активно публикуется по финансово-правовой проблематике. В частности, в своей работе «Государственная теория денег» (Одесса, 1922, 2-е изд. М., 1923) он изложил теорию Г. Кнаппа, поклонником которой, как и Л. Ю. Юровский, он являлся. Этот ученый был наиболее последовательным сторонником равновесного бюджета, ограничения банковской эмиссии, денежной реформы. Свою точку зрения, совпадающую в целом с точкой зрения Л. Н. Юровского, он последовательно отстаивал на страницах

[740] См.: Лоевецкий Д. А. Валютная политика и валютное законодательство. М., 1923; Его же. Денежное обращение и государственные займы. М., 1923; Его же. Наша государственная кредитная система // Финансы и денежное обращение в современной России. Сб. Л.; М., 1924; Его же. Валютная политика СССР. М., 1926; Лоевецкий Д. А., Берковский Б. И. Деньги и денежное обращение. М., 1929. Ч. 1 и др.

периодической печати, прежде всего в «Финансовой газете»[741]. Однако в начале 1930-х гг. идейная борьба велась уже с применением административного ресурса. В обиход был запущен термин «юровщина», как синоним «буржуазного объективизма», стремления к научной обоснованности и отрицания штурмовщины. Дальнейшая судьба самого Д. А. Лоевецкого нам достоверно не известна. Его фамилия (без инициалов) числится среди подсудимых, дело которых было рассмотрено военным трибуналом Московского округа внутренних войск НКВД 7–9 апреля 1939 г., но был ли это именно Д. А. Лоевецкий и какой это был по счету для него процесс, установить невозможно.

Аресты специалистов, занимавших в свое время крупные посты, позволяли связать с ними в случае необходимости оппонентов И. В. Сталина в руководстве страны, в частности А. И. Рыкова, который до декабря 1930 г. занимал должность Председателя Совнаркома СССР. Вскоре после ареста Л. Н. Юровского И. В. Сталин писал В. М. Молотову: «Теперь ясно даже для слепых, что мероприятиями НКФ руководил Юровский (а не Брюханов)»[742]. Л. Н. Юровский выдержал 42 допроса и не подписывал изготовленные следователями признания во вредительстве до тех пор, пока у него хватало сил. Однако еще до ареста он страдал тяжелой болезнью, при которой внезапно наступает головокружение, рвота, понижение слуха. В тюрьме эта болезнь обострилась, и, когда число припадков головокружения дошло у него до шести в день, он согласился удовлетворить все требования следователей. Подписанный им протокол с признаниями был показан проходившему по тому же обвинению Н. Д. Кондратьеву, от которого добивались таких же признаний. Это сломило волю выдающегося ученого-аграрника.

---

[741] См.: Лоевецкий Д. А. Денежная реформа // Финансовая газета. 1924. 6 янв.; Его же. Твердая валюта и твердые цены // Там же. 11 янв.; Его же. Выпуск государственных казначейских билетов // Там же. 7 февр.; Его же. Логика денежной реформы // Там же. 22 февр.; Его же. Денежная реформа и банки // Там же. 28 марта; Его же. Пределы допустимой банковской эмиссии // Там же.13 нояб. и др.

[742] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. М., 1995. С. 193.

Судебный приговор был еще впереди, а ретивые коллеги по научному цеху по отмашке партийных лидеров уже вынесли свой приговор. В основном изобличению «юровщины» было посвящено два сборника статей «Финансовые проблемы» (1931. № 1–2; № 2–3). Тон задал С. Розенберг, который не без изящества связал «начала с концами»: «″Омертвение капитала″, минималистское планирование, планирование с ″диспропорциями″, в целях организации кризиса в различных отраслях промышленности и хозяйства, фальсификация науки, шпионаж, подготовка поджогов и взрывов – все это звенья единой цепи вредительских актов». А далее прямое уточнение: «Во главе финансовых вредителей стоял Юровский»[743], следовательно, у него самая большая степень «вредности» вредительства, обличенная в сугубо «научную» форму. А дальше идут сплошные передергивания. Так, Л. Н. Юровский справедливо писал, что наличие планов закладывает тенденцию к постепенному сжатию инициативы банков. С. Розенберг трактует это так: «Он хочет сказать, что кредитный план – вещь ненужная, вредная, которая сковывает инициативу банков, и, следовательно, развитие хозяйственной системы лишается такого мощного фактора, каким является кредитная система»[744]. Короче, хочет, но не говорит, а С. Розенберг недоговоренное договаривает. А дальше идет тирада о пользе плана. Методология Юровского была сразу отвергнута, так как он был признан исследователем психологической школы в политэкономии, а «методология австрийской школы является полной противоположностью марксизму – идеологии и методологии пролетариата». Тем более что у Юровского «ограниченный буржуазный ум» и он не может представить себе исчезновение товара, цены, денег и других категорий. Главным грехом его методологии является сравнимость финансовых процессов при капитализме и социализме, чего истинный марксист и представить себе не может. По мнению С. Розенберга, уже в 1931 г. должен быть построен фундамент механизма безденежного хозяйства, а отсталый Юровский все занимается проблемами денежного обра-

[743] Розенберг С. Юровщина в экономике и финансах // Финансовые проблемы. 1931. № 1–2. С. 36.

[744] Там же. С. 37.

щения. Названы и его сотоварищи по «вредительскому цеху», которым он является «вождем». Это Лоевецкий, Шмелев, Микезе, его ближайший «соратник» Соколов и др. Можно предположить, что и они были уже арестованы. Если суммировать все сказанное советским теоретиком, то главная вина Л. Н. Юровского заключается в том, что он объявляет ценность, цену, деньги, процент на капитал категориями социалистического хозяйства[745]. К тому же он не понимает диалектики, не оценивает обострение классовой борьбы, видит недостатки в тотальном планировании, поддерживает вредительскую теорию «равновесия». А добивается этим «вредитель» Юровский одного – восстановления капиталистических отношений[746]. Как говорится, страшнее только «поджоги и взрывы».

Е. Вольпян прямо и по-большевистски назвал Л. Юровского, А. Соколова и П. Микеладзе «буржуазными финансистами-вредителями», сторонниками вульгарной политической экономии в приложении к советским условиям[747]. Главные их грехи опять же сведены, кроме пользования методологией вульгарной политэкономии, к оценке советского хозяйства как товарного, сравнению его с капиталистическим, к недооценке значения плана. Отсюда вывод: «Социальный заказ классового врага, таким образом, выполнялся ими последовательно, "на совесть", начиная с исходных пунктов теоретизирования»[748].

Несколько оригинальнее был Д. Бутков, назвавший Юровского, Кондратьева, Финн-Енотаевского, Соколова и др. контрреволюционерами, вредителями и буржуазными реставраторами, но главное обвинение оставил тем же – механическое перенесение финансовых категорий, присущих капитализму, на социалистическое хозяйство, что неминуемо приобретает вредительский характер. Его обличительную тираду трудно понять, а еще труднее оценить: «Приведенные глубоко-реакционные трактовки государства и финансов, чуждые и враждебные марксизму-ленинизму, свили

[745] Розенберг С. Указ. соч. С. 42.

[746] Там же. С. 43–55

[747] Вольпян Е. Методология исследования контрреволюционных финансистов // Финансовые проблемы. 1931. № 1–2. С. 65.

[748] Там же. С. 72.

крепкое гнездо в советской финансовой литературе, и в различных вариациях буржуазные идеологи пытались проводить и проводили под флагом "объективной" "Финансовой науки" вредительские дела. Выводя "особый качественный ряд", ставя государство и финансы вне всей совокупности производственных отношений, образующих экономическую структуру данного общества, вне законов движения данной экономической формации, буржуазные экономисты пустили глубоко корни и в области советских финансов. Их тлетворное влияние постоянно сказывается на путях установления подлинно-советской финансовой системы»[749]. Не совсем понятно, кто и где свил гнездо и куда пустил корни, но тлетворное влияние на путях явно осталось.

В январе 1932 г. коллегия ОГПУ рассмотрела дело руководителей «Трудовой крестьянской партии». В соответствии с директивой Политбюро ЦК ВКП (б) высший срок наказания по этому делу был установлен в восемь лет, его и получил ученый. Вместе с ним были осуждены и такие видные экономисты-аграрники, как Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров (получили по 8 лет) и А. В. Чаянов (получил 5 лет лишения свободы). Вымышленный характер всех обвинений был установлен военной коллегией Верховного суда СССР летом 1987 г., когда осужденные были реабилитированы. Л. Н. Юровский отбывал наказание в Суздальском политизоляторе, и там он сделал попытку заинтересовать руководство в продолжении своей научной работы. Им была написана работа «Трансформация категорий денег и кредита в процессе нашего социалистического строительства», которую его жена в конце июня отправила И. В. Сталину и В. М. Молотову. А в начале июля сам Л. Н. Юровский направил тем же лицам заявление с отказом от всех признаний и просьбой об освобождении. Все эти усилия оказались тщетными, он остался в заключении. Его болезнь еще больше обострилась, и в конце сентября 1934 г. Юровского поместили в тюремную больницу, откуда он направил прокурору страны И. А. Акулову просьбу об освобождении в связи с болезнью. Тот ее поддержал, направив соответствующее обращение И. В. Сталину. 13 декабря 1934 г. на фоне нового вит-

[749] Бутков Д. За марксистско-ленинскую теорию финансов // Финансовые проблемы. 1931. № 3–4. С. 67.

ка массовых репрессий после убийства С. М. Кирова было принято неожиданное решение Политбюро об освобождении ученого. Однако ему было запрещено жить в 15 крупных городах, и он поселился в поселке Середа Ивановской области, где работал бухгалтером. В конце 1936 г. он добился разрешения вернуться в Москву. Поначалу ученый зарабатывал на жизнь переводами художественной литературы с французского и немецкого языков, оформляя договоры на них через своих знакомых переводчиков. Но к осени 1937 г. ему пришлось искать штатную работу – его сына, выпускника школы, не принимали на физический факультет МГУ без справки с места работы отца. Нашелся смелый человек – его старый знакомый, в то время начальник Главсевморпути О. Ю. Шмидт, – который взял его консультантом в Планово-экономический отдел. Но эта идиллия длилась недолго. В конце 1937 г. ученый вновь был арестован и 17 сентября 1938 г., в один день с Н. Д. Кондратьевым, расстрелян. Сын Юровского поступил в МГУ, окончил физфак в 1941 г., пошел добровольцем на фронт и погиб в 1943 г.

Перейдем к анализу творчества ученого. Как уже указывалось, в 1919 г. вышла его монография «Очерки по теории цены»[750], содействие в издании которой оказал Саратовский университет. Отметим, что в этой книге автор выразил признательность академику П. Б. Струве и профессору С. Л. Франку за чтение данных очерков в рукописи и ценные указания. Это исследование было посвящено одному из вопросов теоретической экономии – проблеме теории цены. Рассматривая данную проблему, автор выстраивает эволюцию экономической мысли в виде непрерывной перспективы идей от А. Эджворта и Л. Курно, от А. Маршалла и У. Джевонса, от Э. Бем-Баверка и К. Менгера к творениям Д. Рикардо, А. Сениора, Ж.-Б. Сэя, Дж. Ст. Милля, А. Германа и Г. Тюнена. Разобраны также различные суждения Д. Кларка, Й. Шумпетера, В. Парето, Л. Вальраса, российских ученых А. Д. Билимовича, С. И. Солнцева, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и других авторов по вопросам теории цены. Одно только перечисление источниковой базы уже дает представление о глубине проведенного ученым исследования.

[750] Юровский Л. Н. Очерки по теории цены. Саратов, 1919.

При этом Л. Н. Юровский не только подводит итоги результатов исследований, но и, опираясь на эти разработки, определяет некоторые понятия в теории цены иначе, чем они определялись ранее в теоретической литературе.

Как писал автор, в этих попытках он «был проникнут идеей единства теоретической мысли в политэкономии последнего столетия и стремлением использовать ее достижения»[751]. По содержанию эта работа являлась теоретико-экономическим исследованием, где в комплексе анализировались теория предельной полезности, генезис современной постановки проблемы ценности – цены, основные случаи равновесия между спросом и предложением, вменение и капитализация дохода. Такой подход к проблеме предполагал и авторскую дефиницию предмета политической экономии как «всего того в общественной жизни людей, к чему приложено понятие хозяйственной ценности, а в условиях денежного хозяйства все, что может быть выражено в цене»[752]. Наш современный читатель может задать вопрос: какое отношение эта теоретическая работа по политэкономии имеет к развитию науки финансового права? Но достаточно обратиться к современным исследованиям по проблемам общей теории финансового права, чтобы убедиться в актуальности и значимости рассматриваемого творения Л. Н. Юровского. Так, Н. М. Казанцев современную парадигму финансового права связывает с «ценностно-правовой догмой финансов как ликвидных и обращающихся прав мерной ценности»[753].

В этот же саратовский период Л. Н. Юровский подготовил еще одну монографию, посвященную истории местного крупного землевладения и крепостного хозяйства, «Саратовские вотчины» (Саратов, 1923); вместе с женой завершил перевод книги немецкого экономиста Г. Ф. Кнаппа «Государственная теория денег» (1918 г.), которая, как уже указывалось, к сожалению, так и не увидела свет.

---

[751] Юровский Л. Н. Очерки по теории цены. С. IV.

[752] Там же. С. 12.

[753] См.: Институты финансового права / под ред. Н. М. Казанцева. М., 2009. С. 3–24.

В период его работы на государственных должностях было немало публикаций автора, которые разбросаны по страницам газет, журналов, бюллетеней, сборников, опубликованных и неопубликованных докладов, служебных записок, выступлений, небольших брошюр[754]. Характер и стиль этих исследований был уже иной: отсутствие абстрактных и общий теорий, сугубо практическая направленность. Но предлагаемые автором конкретные решения практических проблем той же денежной реформы строились на всесторонней научной теоретической подготовке и эрудиции автора этих работ. Так, например, в рецензии на одну из его первых работ, изданных после революции, «На пути к денежной реформе» (М., 1924), отмечалось, что автор (Л. Н. Юровский) «пишет ясно, четко и умеет точно формулировать свои мысли. Он сумел одну из труднейших проблем экономической науки представить в книжке, которая читается с увлечением и легкостью. Нет в ней ни одного лишнего слова, ни одной неясной мысли»[755].

Л. Н. Юровский, будучи одним из авторов успешной денежной реформы, предпринимал невероятные и, как оказалось впоследствии, стоившие ему жизни усилия по спасению результатов этой реформы. Так, Юровский выступил со статьей «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе», где подверг критическому анализу «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926–1927 гг.»[756], разработанные Госпланом СССР. Он настаивал на том, что и в советской экономике, которая является товарной (рыночной), действует закон стоимости («ценности» – по терминологии автора). При этом он был одним из первых в советской экономической науке, кто предпринимал попытку решить проблему сочетания двух противоположных начал – рынка и плана.

---

[754] См.: Юровский Л. Н. Бюджет и народный доход в современной России // Экономическое возрождение. 1922. № 1; Его же. Банкноты государственного банка // Экономическое строительство. 1922. № 1; Его же. Фондовый отдел и восстановление финансов // Два года работы фондового отдела при МБТ. М., 1925; Его же. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. М., 1926; Его же. Современные проблемы денежной политики. М., 1926 и др.

[755] Социалистическое хозяйство. М., 1924. Кн. II. С. 383.

[756] Вестник финансов. 1926. № 12. С. 3–31.

Одной из последних опубликованных ученым работ была книга «Денежная политика Советской власти (1917–1927)» (М., 1928). В ней дана периодизация и характеристика не только денежной, но и всей экономической политики Советского государства в указанный период, активным участником, а не посторонним свидетелем которой был автор. Это исследование – не сборник систематизированных материалов, а глубокое исследование, результатом которого стали концептуальные выводы и суждения Л. Н. Юровского, его научно обоснованные прогнозы и перспективы денежной политики государства. Он продолжал настаивать на том, что современный ему строй СССР должен оцениваться как товарно-денежная форма социалистического хозяйства, для которой характерны основные закономерности рынка и образования цены. Это следует иметь в виду в хозяйственной практике. Завершая монографию, ученый еще и еще раз предостерегал власти от административных методов управления экономикой и денежным обращением: «Задачи нашей денежной политики заключаются, главным образом, в установлении того равновесия в области цен, которое является условием ликвидации бестоварья и развития экспорта, а также в накоплении золотых запасов для укрепления денежной системы, для упрочения хозяйственного положения страны на мировом рынке и для создания общих материальных ресурсов государства в наиболее ликвидной их форме»[757]. Об этой книге Г. Я. Сокольников писал, что ей суждено «стать классическим трудом по истории советской политики денежного обращения. Она представляет собой прекрасный комментарий к этапам этой политики… При этом Л. Юровский сохранил объективность научного исследования… Несмотря на специальную тему, книга написана легко – автор владеет даром очень точного и вместе с тем доступного изложения»[758].

Будучи профессором Ленинградского политехнического института, ученый читал лекции о государственном кредите и руководил семинаром по денежному обращению. Тогда, в 1929 г., он

[757] Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 400.

[758] Печать и революция. 1928. № 3. С. 117.

опубликовал небольшое учебно-методическое пособие «Основы кредитной политики».

В камере Суздальского политизолятора он пишет свою последнюю книгу, которая не была завершена. Она посвящалась проблемам теории хозяйственного развития. Он задумал ее еще за два года до ареста. Замысел ученого, если судить по сохранившемуся плану, был грандиозным и включал 30 глав, объединенных в разделы: Введение в изучение народного хозяйства; Теория капиталистического хозяйства; Теория социализма и хозяйства переходного периода. Подводить итоги должна была глава «Капитализм, социализм и проблема народного богатства»[759].

Таким образом, первый советский опыт совмещения высоких государственных должностей с научной работой оказался лишь первоначально удачным, только на период НЭПа и в условиях относительной интеллектуальной свободы. С конца 1920-х гг. подлинная свобода научных исследований для государственных деятелей, как и для всех остальных ученых, стала уже невозможна.

6.3. От «двуглавого орла» к «серпу и молоту» (Н. Д. Кондратьев, В. Я. Железнов, М. И. Боголепов, Д. П. Боголепов, Н. Н. Шапошников, А. А. Соколов, И. А. Трахтенберг)

Наименования государственных символов вынесены в название параграфа не случайно. Все те, о ком здесь будет сказано, получили образование и начали профессиональную деятельность еще в дореволюционной России, так сказать, под сенью двуглавого орла. Однако их профессиональная деятельность и государственная служба главным образом приходится уже на советское время, т. е. «под серпом и молотом». При этом всех их роднит искреннее желание служить интересам Родины интеллектом и пером, хотя эти интересы они и понимали по-разному.

Л. Н. Юровский трагическими изгибами судьбы был связан с **Николаем Дмитриевичем Кондратьевым** (1892–1938). Это, ве-

[759] Личный архив В. Е. Юровского. Цит. по: Ефимкин А. П. Дважды реабилитированные: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский. М., 1991. С. 193.

роятно, один из самых известных в мире русских экономистов первой половины XX в., и вообще один из наиболее выдающихся отечественных экономистов. Возможно, это единственный наш соотечественник, который в советский период был избран членом Американской академии социальных наук, Американской экономической ассоциации, Американского и Лондонского статистических обществ, Лондонского экономического общества, Американской ассоциации по вопросам экономики сельского хозяйства. В период экономического кризиса обострился интерес к теории долгосрочных экономических циклов, или больших циклов конъюнктуры («длинных волн»), именуемых во всем мире «циклами Кондратьева». Он более известен как экономист-аграрник, однако Николай Дмитриевич может быть отнесен и к числу государственных деятелей, занимавшихся проблемами финансов, причем иногда параллельно или совместно с Л. Н. Юровским[760].

Н. Д. Кондратьев родился в Костромском уезде в крестьянской семье в 1892 г. и до 16 лет работал по хозяйству вместе с отцом. Одновременно он окончил церковно-приходскую школу и в 1905 г. поступил в церковно-учительскую семинарию, из которой в следующем году был исключен за неблагонадежность и участие в забастовочном комитете текстильщиков Кинешемского уезда. В 1905 г. Н. Д. Кондратьев вступил в партию эсеров, дважды был арестован и провел в тюрьме около 7 месяцев. Его поступление в 1907 г. в земледельческую школу вновь завершилось исключением за неблагонадежность. После этого Н. Д. Кондратьев уехал в Петербург, где зарабатывал на жизнь в качестве переписчика и частными уроками, одновременно посещал вечерние курсы. Он относился к категории тех «крестьянских детей», которые добились всего в жизни благодаря только своему трудолюбию и таланту. В 1911 г. юноша выдержал экзамены на получение диплома о среднем образовании и поступил на юридический факультет столичного университета. В этот период он отошел от активной политической деятельности, усиленно занимался научными ис-

[760] См.: Юровский Л. Н. и Кондратьев Н. Д. Проблемы денежного обращения (Доклад в деловом клубе) // Товарно-промышленная газета. 1923. 2–3 марта; Кондратьев Н. Д. Падение курса рубля и возможность его стабилизации // Экономическая жизнь. 1922. 12 марта и др.

следованиями, хотя в 1913 г. был еще раз арестован на 1 месяц. Сферу его научных интересов составили преимущественно социально-экономические науки. Его учителем был выдающийся русский юрист, историк и социолог М. М. Ковалевский, не чуждый проблемам финансов и финансового права. После окончания университета в 1915 г. начинающего ученого оставляют для подготовки к профессорскому званию при кафедре политической экономии. В следующем году Н. Д. Кондратьев приступил к сдаче магистерских экзаменов и к преподаванию на Бестужевских высших женских курсах. Его перу принадлежит одно из первых и, вероятно, лучшее в дореволюционный период исследование местных финансов на материалах конкретного земства[761]. Это первое крупное финансовое исследование молодого ученого вызвало целый ряд положительных откликов[762]. Очевиден его интерес к некоторым другим проблемам финансов[763]. При этом он почти постоянно руководил кружками рабочих или учащихся, хотя активного участия в работе партии эсеров не принимал.

Достаточно быстро Н. Д. Кондратьев завоевал репутацию специалиста по аграрному вопросу, что способствовало его карьерному взлету после Февральской революции 1917 г. Почти сразу после свержения самодержавия Н. Д. Кондратьев был назначен по настоянию Совета рабочих депутатов товарищем председателя Государственной продовольственной комиссии, а затем и товарищем председателя Общегосударственного продовольственного комитета. Наконец, молодой политик и ученый стал товарищем министра продовольствия (в 25 лет), членом Экономического совета, членом Главного земельного комитета, членом Всероссийского совета крестьянских депутатов, а затем и членом Учредительного собрания. При этом он сохранил тесный контакт с партией эсеров, хотя формально в ней не числился. Столь бурная

[761] См.: Кондратьев Н. Д. Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии: Социально-экономический и финансовый очерк. Кинешма, 1915.

[762] См. рецензии на данную книгу: Веселовский Б. // Земское дело. Т. 19. 1915. С. 1090–1091; Клейнборт Л. // Современный мир. 1916. № 7–8. С. 214–215 и др.

[763] См.: Кондратьев Н. Д. Рец. на кн.: Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин Е. Деньги. Пг., 1915 // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 418.

политическая деятельность сочеталась с профессорством в ряде петроградских вузов. О его позиции по финансовому вопросу в межреволюционный период можно сказать следующее. Ученый видел четыре пути покрытия государственных расходов в условия революции и войны: 1) те или иные налоги, 2) займы, 3) новые выпуски бумажных денег, 4) продажа государственных имуществ, рудников, лесов и т. п. Последний путь им в расчет не принимался, т. к. он являлся именно последним средством перед банкротством, отчаянным средством, которое не всегда может быть использовано. Разумная финансово-экономическая политика, по мнению Н. Д. Кондратьева, должна исключать выпуск ничем не обеспеченных денег, что являлось, по его терминологии, «бумажным развратом». Ученый доказывал, что денежный оборот – это дело не только «банкиров», а дело всех. В связи с этим акцент предлагалось перенести на государственные займы у имущих слоев населения. Поскольку добровольность таких займов для имущих классов была проблематична, то Н. Д. Кондратьев предлагал прибегнуть к государственному принуждению через увеличение налогов и ограничение прибыли. Ограничение прибыли посредством других финансовых инструментов должно было побудить предпринимателей вкладываться в государственные займы, т. к. они становились бы сопоставимы по доходности с другими способами размещения капиталов. Николай Дмитриевич предлагал вовлекать в государственные займы монастырские капиталы, причем при отсутствии доброй воли предлагалось и здесь прибегать к принуждению, вплоть до конфискации. Он констатировал, что «религиозность народа в конце концов не нуждается в том, чтобы у монастырей скапливались большие капиталы». Демократия могла содействовать стабилизации двумя способами. Во-первых, вместо вкладов в сберегательные кассы денежные средства могут помещаться в государственные займы, для чего надо вести разъяснительную работу. Во-вторых, необходима возможно большая экономия и бережливость. Ученый не призывал народ к полному самопожертвованию, но считал, что бережливость в условиях войны должна быть присуща всем слоям общества. Примечательно, что сам Н. Д. Кондратьев не считал свои предложения новыми,

но настойчиво советовал перейти от слов к делу[764]. Обратим внимание, что исправление финансовых перекосов предложено осуществлять через изменения в законодательстве, причем конфискации допускаются только в крайних случаях и также в рамках закона.

В советский период карьера Н. Д. Кондратьева сделала крутой изгиб. В 1918 г. он переезжает в Москву, где до 1920 г. заведует Экономическим отделом Совета сельскохозяйственной кооперации и Центрального товарищества льноводов, состоит профессором Кооперативного института и Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1920 г. Н. Д. Кондратьев возглавил Управление сельскохозяйственной экономии Народного комиссариата земледелия РСФСР и одновременно создает Конъюнктурный институт, работавший по заданиям Народных комиссариатов финансов и земледелия. Среди основных проблем, изучаемых в Конъюнктурном институте под руководством ученого, была конъюнктура денежного обращения, кредита и государственных финансов, мировых рынков. Наконец, в 1922 г. институт переходит в ведение Народного комиссариата финансов РСФСР, а затем СССР[765]. Одновременно его избирают членом Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии и Института экономики в Москве. При этом подозрения в отношении бывшего эсера у бдительных органов не пропадали никогда. В 1920 г. его арестовали, приговорили к лагерям, но амнистировали. Арест в августе 1922 г. завершился двухмесячным заключением.

В середине 1920-х гг. Николай Дмитриевич еще имел возможность выезжать в зарубежные командировки (Германия, Великобритания, Канада, США), имел доступ к западной научной литературе и контактировал со своими иностранными коллегами. В 1924 г. в США он в последний раз встретился со своим школьным другом П. А. Сорокиным, который предложил ему возглавить кафедру в одном из американских университетов.

---

[764] См.: Кондратьев Н. Д. Бумажные волны // Воля народа. 1917. 20 мая.

[765] См.: Кондратьев Н. Д. О себе // Избранные сочинения. М., 1993. С. 14–16.

Н. Д. Кондратьев отказался по патриотическим мотивам. Именно в этот период он активно занимается вопросами налогообложения сельского хозяйства и единого сельскохозяйственного налога. Его суждения на сей счет изложены в основном в официальных докладах на заседаниях пленума сельскохозяйственной секции Госплана СССР и коллегии Наркомата земледелия РСФСР[766]. В этом вопросе ученый исходил из общей установки, что к крестьянству необходим осторожный и внимательный подход, учет его экономических интересов и своеобразия сельхозпроизводителя.

Потребности отечественного народного, в частности сельского, хозяйства в капитале предлагалось удовлетворить за счет импорта иностранного капитала. Он, по мысли ученого, должен был осуществляться не только в форме концессий, но и в форме кредита (денежного, государственного, кооперативного, товарного и частного), в форме импорта производственного капитала (через участие в смешанных предприятиях, для организации новых предприятий, в т. ч. на началах аренды или на началах концессионного права), в форме импорта торгового капитала (для участия в смешанных предприятиях или для организации новых). Наиболее предпочтительными из этих форм признавались кредитная и импорт производительного капитала.

Относительно единого сельскохозяйственного налога Н. Д. Кондратьев обосновал два основных вопроса: о его общем размере, а также о системе и принципах налогообложения. Он отстаивал принцип районности в обложении с учетом климатического и сельскохозяйственного разнообразия России, ибо лошадь, десятина земли или корова в разных районах являются экономически различными величинами по своей рентабельности и хозяйственному эффекту. Это влияет не только на размер, но и на принципы налогообложения. Ученый высказался за окладное об-

[766] См.: Кондратьев Н. Д. Избранные произведения. М., 1993. С. 360–374; Его же. Основные вопросы обложения крестьянских хозяйств // Финансовая газета. 1924. 8 февр.; Его же. Конъюнктура народного хозяйства Англии в 1924 г. Там же. 5 сент.; Его же. Мировой урожай и хлебный рынок. Там же. 26 сент. и др.; Финн-Енотаевский А. Ю. Современные денежные и кредитные иллюзии. Доклад и прения. М., 1930. С. 23–25, 35–41 и др.

ложение, без всякой круговой поруки для хозяйств. Единый сельскохозяйственный налог мыслился не как подоходный, а как реальный (по реальным объектам), ибо подоходное обложение нически невозможно. При этом реальность не означает механического пообъектного обложения, т. к. должна учитываться и реальная платежеспособность крестьянского хозяйства. Шкалу налогообложения ученый предлагал дифференцировать по районам, но внутри районов местные власти могли ее менять в зависимости от целого ряда факторов, начиная от урожайности и кончая расстоянием до железных дорог. Таким образом, осуществлялось сочетание централизации с региональным налоговым администрированием. Н. Д. Кондратьев предлагал не менять в течение 3 лет объект обложения (например, размер пахотных земель), что стимулировало бы расширенное воспроизводство. Все налоги, по мнению ученого, должны были исчисляться и взиматься только в деньгах в связи с переходом на твердую денежную систему и для увеличения спроса на валюту с целью поддержания устойчивого денежного обращения. К тому же увеличение цен на сельхозпродукты в этом случае негативно не отражалось бы на устойчивости крестьянских хозяйств.

В феврале 1924 г. Николай Дмитриевич предложил следующие принципы обложения сельского хозяйства: 1) сочетание потребностей государственного хозяйства и производительных сил сельского хозяйства с учетом особенностей его районов и отраслей; 2) обложение на основе принципа районности, причем районы берутся по возможности однородные; 3) обложение строится в основе как окладное, с необходимыми коррективами, вытекающими из условий техники взимания; 4) система обложения является реальной, но с максимальным учетом уровня доходов и платежных сил населения; 5) налог в первую очередь должен изъять нетрудовые доходы населения, имеющие характер, близкий к ренте, проценту на капитал и предпринимательской прибыли, 6) развертывание общей суммы налога между районами на предмет определения средней ставки налога по районам производится пропорционально размеру чистого дохода по районам с учетом дохода от промыслов. Кроме этого, внутри районов разверстка налогов должна производиться с учетом реальных объектов обложения с допущением лишь умеренно прогрессивного об-

ложения. При этом основными объектами обложения признавались пашня и покос (в переводе на пашню) на хозяйство. Продуктивный скот в число объектов включался в крайнем случае, с обязательным изъятием молодняка. Ученый предлагал объекты обложения предъявлять не ежегодно, а раз в 3–5 лет, налог же проводить как денежный. В этой ситуации учет урожайности терял свое значение, а общая сумма налогов должна была сообразовываться с нуждами государственного хозяйства и платежными силами сельского населения. Наконец, все обложение сельского хозяйства предлагалось строить на основе системы единого налога[767]. Отметим, что эти принципы были отвергнуты коллегией Наркомата земледелия РСФСР, а их оппонентом стал нарком А. Н. Смирнов. В качестве объектов обложении были сохранены пашня, покос и скот, причем были пересмотрены нормы пересчета луга в пашню с понижением их для ряда районов. Это означало отказ от научно обоснованного налогового механизма в пользу механического пообъектного обложения. Уже не за горами был «великий перелом», когда вместо налогообложения у крестьян изымались все «излишки», а интересы крестьянского хозяйства были принесены в жертву форсированной индустриализации.

В конце 1920-х гг. идеологическое давление на науку усиливается и начинается физическое устранение бывших и оставшихся оппозиционеров и инакомыслящих. В связи с этим Н. Д. Кондратьев в 1928 г. был уволен из Конъюнктурного института (вскоре ликвидированного), в котором работало до 50 сотрудников, а в 1930 г. по надуманному делу «Трудовой крестьянской партии» был арестован. Так началось его восьмилетнее заключение, отнявшее самые продуктивные годы его короткой 46-летней жизни. В оборот был запущен «термин» «кондратьевщина», означавший осторожную политику в отношении крестьянства и сомнения в эффективности неограниченной перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность. Короче говоря, это была разновидность «правого уклона». В январе 1932 г. коллегия ОГПУ рассмотрела дело руководителей «Трудовой крестьянской партии». Н. Д. Кондратьев получил 8 лет лишения свободы. Срок «кулацкий профессор» отбывал в Суздальском поли-

[767] Кондратьев Н. Д. Избранные произведения. С. 373–374.

тизоляторе. Вымышленный характер всех обвинений был установлен Военной коллегией Верховного суда СССР летом 1987 г., когда ученый был реабилитирован.

В тюрьме им была написана рукопись «Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз», а также до сих пор не обнаруженная объемная рукопись по теории тренда и тезисы «Модель экономической динамики капиталистического хозяйства» (1934 г.). Однако советы «врага народа» не были учтены «вождями диктатуры пролетариата». В тюрьме он тяжело болел и почти ослеп. Обширные замыслы и надежды ученого были прерваны 17 сентября 1938 г., когда Н. Д. Кондратьев был расстрелян. Отметим, что его дочь Е. Н. Кондратьева стала видным ученым, членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Научный «приговор» Н. Д. Кондратьеву вынесли авторы сборника статей «Против кондратьевщины. Классовая борьба в экономической теории» (М., 1931). Имена авторов статей ничего не скажут современному читателю за их малозначительностью (если не сказать больше) для науки (В. Нодель, И. Лаптев, Я. Роках, П. Магничкин и др.). Исключение составляет «главный советский безбожник» и партийный идеолог *Е. И. Ярославский* (М. И. Губельман) (1878–1943), правда, непонятно, какое отношение он вообще имеет к экономической науке. Автор первой статьи И. Д. Верменичев сразу расставляет все акценты, что освобождает нас от необходимости знакомиться с другими статьями: «Группа буржуазных и мелкобуржуазных ученых в СССР типа Кондратьева, Юровского… и др. олицетворяла собой антимарксистское направление в области сельскохозяйственной экономики. Это – ″последние могикане″ буржуазной, мелкобуржуазной, всевозможных оттенков народнической идеологии в области аграрного вопроса. В настоящее время вся эта группа разоблачена как руководящая верхушка контрреволюционной, вредительской организации, прямой своей задачей поставившей свержение советской власти и восстановление буржуазно-помещичьего строя!»[768]. Далее из статьи следует, что Кондратьев

[768] Верменичев И. Буржуазные экономисты как они есть // Против кондратьевщины. Классовая борьба в экономической теории. Сб. М., 1931. С. 3.

и иже с ним вредили рабочему снабжению, ставили задачей обеспечить победу Деникина, Колчака и Юденича, помогали генеральской контрреволюции, обслуживали кулаков по линии кооперации и кредита, были «гнуснейшими агентами мировой бурбуржуазии», «лакеями буржуазии», «буржуазными последышами» и просто вредителями. Все это напоминает уже какое-то «ритуальное осквернение», т. к. практически все критикуемые к тому времени были арестованы или погибли. Кстати, ни одного суда по их делам еще не состоялось, поэтому «разоблачение» осуществлялось только по факту ареста и партийной директивы с осуждением позиции арестованных.

Многие гонители Н. Д. Кондратьева не смогли порадоваться гибели своего великого оппонента. Так, *Арон Израилевич Гайстер* (1899–1937), доцент Института красной профессуры и заместитель наркома земледелия, был сторонником форсированной коллективизации и неограниченного «изъятия» материальных ресурсов из сельского хозяйства, непримиримым критиком «кондратьевщины». Однако его за «левый загиб» расстреляли в 1937 г. Его судьбу повторили доцент 2-го МГУ *Савелий Герасимович Ужанский* (1900–1937?) и ученый секретарь Агрономического института Коммунистической академии *Михаил Владимирович Сулковский* (1903–1937?), принимавшие активное участие в травле ученого. Недолго торжествовал и уже упомянутый пламенный сторонник штурмовщины и гонитель Н. Д. Кондратьева *Иван Дмитриевич Верменичев* (1899–1940), преподаватель Института народного хозяйства и начальник ЦУНХУ.

Владимир Яковлевич Железнов (1869–1933) был выпускником юридического факультета Киевского университета (1892 г.), оставлен там для подготовки к профессорскому званию. Еще в студенческие годы он принимал участие в работе нелегальных обществ революционной направленности. С 1898 г. он стал приват-доцентом Киевского университета, читал курс статистики. Его наиболее известным трудом стали «Очерки политической экономии» (Ч. 1–2, Киев, 1899), которые выдержали восемь изданий. Помимо прочего, в очерках рассмотрены ценовая политика государства, взаимосвязь между понятиями «цена», «ценность» и вопросами денежного и кредитного обращения. Данное издание пользовалось популярностью в среде либеральной ин-

теллигенции и студенчества, широко использовалось как пособие для самообразования. Примечательно, что первое типографское издание «Очерков…» было запрещено по цензурным соображениям. В начале XX в. В. Я. Железнов находился в командировке с научной целью в Германии. По возвращении подготовил и издал работу «Главные направления в разработке теории заработной платы» (Киев, 1904). В ней дано критическое осмысление различных концепций заработной платы, определения ее источников, размеров как доли в общей массе чистого дохода общества. В 1905 г. эта работа была защищена в качестве магистерской диссертации в Московском университете. В 1904 г. он стал членом киевской группы «Союза освобождения», который объединял либеральную интеллигенцию. Сам Владимир Яковлевич не без основания имел репутацию марксиста, хотя поддерживал это учение только в его экономической части и тяготел к «легальному» марксизму. В советской литературе впоследствии указывалось, что многие представители буржуазной науки в России и за границей необоснованно считали его марксистом. В действительности В. Я. Железнов, по советской версии, «развивал взгляды, основывающиеся преимущественно на принципах классической буржуазной политической экономии и теории предельной полезности»[769]. Его обоснованно считают одним из основателей, наряду с *В. К. Дмитриевым* (1863–1913), математической школы русских экономистов.

В 1905 г. ученый избирался на должность профессора Киевского университета, но был забаллотирован его советом как «неблагонадежный»[770]. Это подвигло В. Я. Железнова к переезду в Москву, где он совмещал преподавание с практической деятельностью в сфере финансов. Экономические дисциплины он вел в Московском сельскохозяйственном институте, Московском коммерческом институте, Народном университете им. А. Л. Шанявского. Одновременно, с 1908 г., он возглавил комиссию по разработке вопроса об организации кооперативного банка, созданную при Комитете о сельских ссудно-сберегательных товариществах.

---

[769] Большая советская энциклопедия. М., 1952. С. 615.

[770] См.: Гриценко И. С., Короткий В. А. Юридический факультет Университета Святого Владимира. 1834–1920. Киев, 2009. С. 188 (на укр. языке).

На I-м Всероссийском кооперативном съезде в Москве (1908 г.) ученый выступил с докладом об основных положениях Устава Центрального банка кооперативного кредита, который был открыт под названием Московского народного банка в 1912 г. В. Я. Железнов стал председателем ревизионной комиссии этого банка. Одновременно он входил в редакцию 7-го издания «Энциклопедического словаря» товарищества «Братья А. и И. Гранат и К[0»], где поместил ряд статей по экономике, статистике и финансам. Опубликованные им в дореволюционный период исследования по политической экономии затрагивали также проблемы денежного обращения и кредита[771], причем последнему была посвящена специальная публикация[772].

В 1915–1917 гг. он руководил работой финансовой комиссии «Общества им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук», редактировал сборник «Вопросы финансовой реформы в России» (Т. 1–3, М., 1915–1917). Он писал, что результаты работы финансовой комиссии можно разбить на два крупных раздела. В первый включаются обсужденные в комиссии доклады по основным вопросам предстоящей финансовой реформы, в особенности о подоходном и поимущественном обложении, а также посвященные критике принятых во время войны чрезвычайных финансовых мер, в особенности налога на железнодорожные грузы. Во втором разделе помещены результаты предпринятых финансовой комиссией обследований влияния запрещения продажи питей на различные сферы хозяйства и быта населения. Обсуждение указанных вопросов в Чупровском обществе преследовало прежде всего теоретические задачи: разобраться возможно объективнее в создавшемся положении и выяснить потребности в финансовых преобразованиях, а также те условия, при которых они могут быть проведены. В. Я. Железнов считал, что «переход от старого ″пьяного″ бюджета, вообще от бюджета, базировавшегося на чрезмерном развитии косвенного обложения, к системе,

[771] См.: Железнов В. Я. К реформе современной политэкономии. Киев, 1904; Его же. К реформе современной теоретической экономии. Киев, 1905; Его же. Конспект по политической экономии. СПб., 1907 и др.

[772] См.: Железнов В. Я. Теория мелкого (кооперативного) кредита. М., 1912.

центральным пунктом которой будет прогрессивный подоходный налог, будет действительно новой эрой в нашей финансовой организации»[773].

Совместно с А. А. Мануйловым и при финансовой поддержке Московского научного института В. Я. Железнов предпринял попытку опубликовать серию исследований по истории экономической мысли от древности до современности. В 1916 г. в качестве первого тома была издана его монография «Экономическое мировоззрение древних греков», которую он задумал еще в 1906 г. и подготовил с использованием собственных переводов с древнегреческого языка. Из-за событий 1917 г. выпуск серии прекратился.

К февральским и октябрьским событиям 1917 г. В. Я. Железнов отнесся с пониманием. В советский период ученый работал в Институте Труда при Народном комиссариате труда РСФСР. Это нашло отражение в его исследованиях[774]. В начале 1920-х гг., как специалиста в сфере финансов, его привлекли к работе в Наркомате финансов, где он принимал участие в подготовке денежной реформы 1922–1924 гг.[775] Ученый, анализируя основные функции денег в народном хозяйстве, доказывал, что слишком рано говорить в современной ему России, что деньги стали ненужной роскошью и могут быть заменены иными, более рациональными способами распределения. Он писал: «Едва ли сейчас Россия должна предаваться таким мечтаниям… Деньги нужны, если есть нужда в рациональном хозяйстве»[776].

В. Я. Железнов показал себя последовательным сторонником сдерживания денежной эмиссии и сбалансированного денежного

---

[773] См.: Вопросы финансовой реформы в России / под ред. В. Я. Железнова. Т. 1. Вып. 1. М., 1915. С. IX.

[774] См.: Железнов В. Я. Заработная плата. Теория – Политика – Статистика. М., 1918; Его же. Опыт исследования производительности труда в крупной текстильной промышленности. Б. м., 1919.

[775] См.: Железнов В. Я. Курс рубля и рост цен // Экономическая жизнь. 1922. 8 марта; Его же. Перспективы денежного обращения после реформы (дискуссия) //Финансовая газета. 1924. 20 марта; Его же. Эмиссионные возможности и скорость обращения денег // Там же. 23 декабря и др.

[776] Железнов В. Я. Роль денег в товарообмене // Проблемы денег и учета в социализме. Сб. Пг.; М., 1922. С. 16.

обращения. Он отводил устойчивости валюты и денежному обращению принципиальное значение, причем в длительной исторической перспективе, и выражал глубокий скепсис по поводу перспектив роста товарообмена[777].

Его преподавательская деятельность была связана с Сельскохозяйственной академией им. К. А. Тимирязева. Трудился он и в Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономики и политики, созданном в 1922 г., сотрудничал с Институтом экономических исследований при НКФ РСФСР (затем СССР). В институте он руководил Комиссией по государственному кредиту и готовил по данной проблематике сводные доклады[778].

Основной сферой его научных интересов в конце 1920-х гг. стала история русской экономической и финансовой мысли[779]. Он подготовил по этой проблематике целый ряд монографий: «Идеи и планы руководящих финансовых деятелей первой половины XIX в. в России (Сперанский, Мордвинов, Канкрин)» (1932 г., 367 машинописных страниц), «Из истории экономических идей в России. Эпоха Александра I (1801–1825)» (не ранее 1926 г., 189 машинописных страниц), «Экономические воззрения первых русских агрономов (XVIII – начало XIX в.)». Однако ни одна из них не была опубликована, и они по сей день хранятся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки.

Одной из самых ярких личностей, успешно сочетающих научную и государственную деятельность, был **Михаил Иванович Боголепов** (1879–1945). Этот уроженец Московской губернии первоначально был связан с Томским университетом, юридический факультет которого он окончил с дипломом первой степени в 1903 г. Со студенческих лет он был учеником профессора П. С. Клементова, о котором отзывался неизменно высоко. К моменту получения диплома его учитель уже умер, но начинающий ученый был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре финансового права.

---

[777] См.: Железнов В. Итоги денежной реформы и ближайшие перспективы денежного обращения // Финансовая газета. 1924. 7 и 13 сент.

[778] См.: Железнов В. Я. Ближайшие задачи государственного кредита СССР // Вестник финансов. 1927. № 4.

[779] См.: Железнов В. Я. Экономическая наука в России в конце XIX столетия. М., 1927.

Со студенческих лет М. И. Боголепов подпал под обаяние экономического учения К. Маркса, принял его теорию классовой борьбы как движущей силы развития. Однако он никогда не был догматиком и в годы профессорства в Томском университете был последовательным сторонником демократического развития России и рыночных отношений, поощрения частной инициативы. В целом он придерживался социологического подхода к проблемам финансового права. Это было достаточно распространенное в дореволюционной России направление финансовой мысли, наиболее ярким представителем которого был И. Х. Озеров. Первые публикации М. И. Боголепова посвящены актуальным проблемам финансов в связи с войной[780], политикой правительства. Его книга «Финансы, правительство и общественные интересы» (СПб., 1907) вызвала широкий отклик и целую серию рецензий и отзывов в «Русских ведомостях», «Вестнике Европы», «Современном мире», «Критическом обозрении» и многих других периодических изданиях. В рецензиях отмечалось, что эта книга отнюдь не ученый трактат, а ряд живых очерков по предметам, которые обычно считаются большой публикой специальными и скучными. Однако она читается крайне легко и может быть рекомендована каждому интересующемуся судьбами страны[781]. Особый интерес в данной книге представляет очерк о русском бюджетном праве. Бюджетное право определяется автором в объективном смысле как собрание юридических норм, а в субъективном – как совокупность прав народного представительства по отношению к государственному финансовому управлению. Краткий экскурс в российскую историю бюджетного права М. И. Боголепов завершает жестким «приговором»: «Русское бюджетное право, обрезанное, урезанное и сокращенное, доведенное ухищрениями бюрократии до скрупулезных размеров и лишенное серьезного значения, в конце концов оказывается висящим в воздухе идеологическим построением, рассчитанным на безвредность и беспо-

[780] См.: Боголепов М. И. Война и финансы. СПб., 1906; Его же. Война, финансы и народное хозяйство. М., 1914.

[781] Русские ведомости. 1907. № 82.

лезность»[782]. Речь шла о бюджетных правилах от 8 марта 1906 г., которые оценивались как «бюджетное бесправие».

Автор убежден, что для спасения российской государственности необходимо установление политической свободы и неразрывно связанных с ней контроля и решающего голоса народа (народного представительства) во всех вопросах государственных финансов. Так, в очерке о русском государственном долге автор заявляет, что «общество должно получить в свои руки бюджетное право, потому что это будет одним из самых могучих и действенных средств восстановления разрушенного государственного кредита»[783]. В целом рассматриваемая книга написана эмоционально, с политическими оценками состояния государственных финансов России, государственного кредита, содержит характеристику социальных мотивов для введения подоходного налога в России сквозь призму отношения к подоходному налогообложению сельского населения, торгово-промышленного класса и бюрократии.

В 1910 г. М. И. Боголепов защитил магистерскую диссертацию «Государственный долг. К теории государственного кредита», опубликованную в том же году в виде книги[784], и был избран экстраординарным профессором кафедры финансового права. В этой диссертации он рассмотрел общие условия развития публичного кредита, из общей массы государственных долгов предметом специального исследования стали те, которые обязаны своим происхождением войне, приготовлению к войнам и бюджетным дефицитам. Особое внимание было уделено производительным государственным долгам, появившимся уже в последнюю эпоху современной истории. При этом автор обратился к сравнительному анализу опыта отдельных категорий государств, которые использовали определенные типы кредитной политики. Общие заключения по проведенному исследованию автор связал с решением вопроса о выборе между налогом и займом для покры-

[782] Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1907. С. 89.

[783] Там же. С. 307.

[784] См.: Боголепов М. И. Государственный долг (к теории кредита). Типологический очерк. СПб., 1910.

тия государственных расходов и на этой основе сделал выводы о необходимости и элементах новой теории государственного долга.

Он отмечал, что теория государственного кредита имеет довольно продолжительную историю. Обычно выделяли старую и новую школу. Старая школа государственного кредита, как подчеркивал автор, имела два направления: пессимистическое и оптимистическое. Первое рассматривало государственный кредит как зло, которое угрожает основам государственного хозяйства. Задача финансовой науки сводилась к тому, чтобы отыскать пути для избежания новых займов, найти средства поскорее разделаться с уже накопленной задолженностью. Так, когда во Франции Людовик XIV затевал ряд крупных предприятий, он колебался между повышением налогов и займами. Его министр финансов Ж. Б. Кольбер ненавидел займы, ему приписывают закон, карающий смертной казнью всякого, кто осмелится сделать предложение нового займа. Другой советник короля, Ф. М. Лувуа, придерживался иного направления – оптимистического, был поклонником государственного кредита, как новой силы, которая вооружает государственные финансы, как порох вооружает государственные армии. И в этом споре король выбрал совет Лувуа и обратился к займам.

Новая школа государственного кредита начинается с трудов К. Дитцеля, который, по оценке М. И. Боголепова, государственный кредит рассматривает как экономическую необходимость, вырастающую из естественного хода вещей. Далее уже Л. Штейн, А. Вагнер рассматривают государственный кредит как органическую часть финансовой системы. М. И. Боголепов в развитие теории государственного кредита высказал суждения о его производительном характере. Он писал, что система государственного кредита явилась могучим средством поощрения развития народного хозяйства в государствах, в том числе и за счет привлечения иностранного капитала. В капиталистической эре потребность в сбережении модифицировалась в потребность помещения (инвестирования) сбереженных денег. Государственный кредит превратился в необходимый фактор общественного прогресса[785].

[785] Боголепов М. И. Государственный долг (к теории кредита). С. 544–569.

В 1911 г., 32 лет от роду, Михаил Иванович даже избирается деканом юридического факультета Томского университета. Но его кандидатура не была утверждена в Министерстве народного просвещения, не в последнюю очередь из-за политических взглядов ученого. Отметим, что в Томском университете он подготовил ряд специалистов, которые впоследствии показали себя как видные финансисты. Среди них был И. А. Трахтенберг, ставший крупнейшим советским специалистом в сфере денежного обращения.

В дальнейшем М. И. Боголепов перебирается в Москву, где в 1913 г. избирается сверхштатным ассистентом Московского коммерческого института[786]. В следующем году его избирают приват-доцентом кафедры финансового права Санкт-Петербургского университета, где он ведет спецкурс «Теория банковского кредита». В этот период начинается его сотрудничество с Министерством финансов, пиком которого стало назначение ученого редактором издания «Вестник финансов, промышленности и торговли. Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов и по Министерству торговли и промышленности». Это было официальное издание Минфина, М. И. Боголепов редактировал его менее года.

Февральскую революцию он приветствовал, к октябрьским событиям 1917 г. отнесся вполне лояльно. Ученый продолжил преподавательскую деятельность в Петроградском университете, где с 1921 г. стал первым деканом социально-экономического отделения факультета общественных наук (ФОН)[787]. Одновременно, в 1920–1922 гг., М. И. Боголепов выступил организатором и стал первым ректором Института народного хозяйства в Петрограде. Уже в тот период его привлекали к работе Комиссии по национализации банков. Формально ученый числился профессором Ленинградского университета до 1937 г., однако с 1922 г. его деятельность была связана преимущественно с государственной службой в Москве, где с началом НЭПа его привлекли к работе в Наркомфине. Одновременно он работал в Госплане, а также экс-

[786] См.: Отчет Московского коммерческого института. 1913–1914 гг. М., 1915. С. 9.

[787] См.: Ленинградский университет. 1819–1944. М., 1945. С. 184.

пертом Правления Госбанка СССР. Уже первые его исследования в новом качестве носили вполне прикладной характер, касались государственного бюджета и денежного обращения[788].

М. И. Боголепов не мог остаться в стороне от проблем обесценения денег и проведения денежной реформы[789]. Под его редакцией был осуществлен перевод работы К. Диля «Золото и валюта во время и после войны» (Пг., 1921). Он опубликовал для широкой читательской аудитории научно-популярный очерк, посвященный истории бумажных денег. При написании этой книги автор поставил цель познакомить читателей с основными законами, фактами и политикой денежного обращения, представляя их на исторических опытах из жизни различных народов. Научная обработка исторических фактов позволила автору вывести законы денежного обращения, что дает, по его мнению, «необходимый ключ к уразумению современного бумажно-денежного наводнения» [790]. М. И. Боголепов показал, каким образом различные народы выходили из тяжелого положения, в которое они сами себя поставили, когда под влиянием финансовой нужды портили свои денежные системы. Ученый обобщил три возможных результата бумажно-денежного хозяйства: 1) аннулирование денег (опыт Франции, опыт Соединенных Штатов Северной Америки); 2) поднятие их курса до паритета с золотом; 3) девальвация их номинальной стоимости (русский и австрийский опыты). М. И. Боголепов отмечал, что зачастую выбор сводится к тому, чтобы идти или путем полного восстановления ценности старой денежной единицы, или путем девальвации. История говорит о том, что только в редких случаях отдельным народам удавалось восстановить металлическое обращение на основе старой денежной единицы, чаще приходилось прибегать к девальвации. В связи с переживаемыми Россией событиями, как

[788] См.: Боголепов М. И. Бумажные деньги. М., 1922; Его же. Государственный бюджет и его перспективы // Финансы и денежное обращение в современной России. Сб. / М. Боголепов, И. Кулишер, Д. Лоевецкий и др. Л.; М., 1924 и др.

[789] Боголепов М. И. О необходимости валютной политики // Торгово-промышленная газета. 1918. 9 июня.

[790] См.: Боголепов М. И. Бумажные деньги. С. 4.

считал автор, особенно поучительны эти исторические аналогии, но следует учитывать, что всякий исторический пример индивидуален, он во многом связан с условиями и обстоятельствами места и времени, с народным хозяйством[791].

Ученый также был активным участником разработки финансовой программы первой пятилетки, что нашло отражение в его публикациях[792]. Педагогическую деятельность он практически не прекращал, был профессором 1-го МГУ, хотя государственная служба надолго отрывала его от преподавательского поприща. Так, он выступал экспертом при заключении мирных договоров с Литвой и Польшей. Примечательно, что большинство его публикаций 1920-х гг. представляют собой прежде всего экспертные заключения, пояснения, комментарии к финансовым планам и программам[793].

Данные о его жизненном пути в 1930-е годы крайне отрывочны и противоречивы. В начале 1930-х гг., как «буржуазный специалист», он был уволен из центрального финансового аппарата. В известной нам литературе именно с этого периода он перестал именоваться «ответственным работником Наркомфина». С 1930 по 1936 г. данные об М. И. Боголепове у нас отсутствуют, как и сведения о его публикациях. В 1936 г. выходит его лекция «Финансы и их планирование» (М., 1936). Как уже указывалось, в 1937 г. он увольняется из Ленинградского госуниверситета, нет данных о его преподавании и в других вузах. Наконец, в 1939 г. он избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, публикует работу о бюджетном праве, где акцентирует внимание на преимуществах советской финансовой системы по сравнению с

[791] Боголепов М. И. Бумажные деньги. С. 35–37.

[792] Боголепов М. И. Бюджетный план // Плановое хозяйство. 1926. № 3; Его же. Основные черты бюджетного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 11; Его же. Финансовое равновесие // Финансы и народное хозяйство. 1928. № 44; Его же. Финансовый план пятилетия. М., 1929 и др.

[793] См.: Боголепов М. И. Государственный бюджет и его перспективы // Финансы и денежное обращение в современной России. М.; Л., 1924; Его же. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1925. № 4 и др.

буржуазной[794]. Ученый был последовательным сторонником сбалансированного бюджета, устойчивого денежного обращения и развитой кредитной системы. При этом он проявлял большую гибкость, подстраиваясь под линию партии. Однако его так и не приняли в ВКП (б), а некоторое время откровенно шельмовали за его «буржуазные» взгляды.

Страшные репрессии 1937–1938 гг. практически выкосили весь цвет отечественной юридической и финансовой науки. Возможно, осознав это, политическое руководство страны начало выдвигать бывших «буржуазных» ученых, проявивших лояльность к Советской власти. Это касается таких корифеев отечественной юриспруденции, как М. М. Агарков, Д. М. Генкин, В. М. Догадов, Н. Н. Полянский и др. Среди них был и М. И. Боголепов. Даже для сталинского руководства стало очевидным, что выдвинутые им «красные профессора» могут только комментировать действующее законодательство и перетолковывать цитаты К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, цитировать как по любому поводу, так и без всякого повода И. В. Сталина.

Последняя известная нам печатная работа М. И. Боголепова была опубликована в 1945 г., в год смерти ученого[795]. В последние годы он был награжден двумя советскими орденами, да и посмертная судьба его творческого наследия была относительно благополучной. Нельзя сказать, что имя Михаила Ивановича было вычеркнуто из науки и забыто. О нем, в отличие от Г. Я. Сокольникова или Л. Н. Юровского, писали советские энциклопедии и справочники, работы упоминались в печати. Но повышенный интерес к научному наследию этого неординарного ученого наметился только в последние годы[796]. Его первая монография была переиздана в 2006 г.[797]

---

[794] См.: Боголепов М. И. Единство финансовой системы СССР и ее демократизм // Вопросы советского бюджетного права. М., 1940.

[795] См.: Боголепов М. И. Советская финансовая система. М., 1945.

[796] См.: Воронова Н. С. Михаил Иванович Боголепов // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 117–121; История финансового законодательства в России. М., 2003. С. 202–203 и др.

[797] См.: Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы. М., 2006 (по изд. 1907 г.).

Однофамильцем М. И. Боголепова, тоже «ответственным работником наркомата финансов» являлся **Дмитрий Петрович Боголепов (**1885–1941). Он родился в Москве в семье инспектора училищ Тверской губернии, а его дед был сельским священником. В 1904 г. Д. П. Боголепов поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института, но через год перешел на юридический факультет Московский университета, который и окончил с дипломом 1-й степени. В Москве он начинал свою революционную деятельность вместе с Н. И. Бухари-ным, Г. Я. Сокольниковым и другими молодыми радикалами[798], в 1907 г. вступил в РСДРП, где сначала примыкал к меньшевикам.

Это был один из немногих случаев, когда партийная деятельность не помешала хорошей учебе. Более того, он был оставлен на кафедре финансового права Московского университета для подготовки к профессорскому званию, в 1913 г. сдал магистерский экзамен по финансовому праву и был утвержден в должности приват-доцента. Одновременно он был назначен сверхштатным ассистентом кафедры финансового права экономического отделения Московского коммерческого института, где читал курс лекций «Банковское дело». Данные о защите им магистерской диссертации отсутствуют. В 1914–1915 гг. он работал в социал-демократической фракции IV Государственной думы, затем сотрудничал в социал-демократических периодических изданиях. На апрельской конференции большевиков в 1917 г. Дмитрий Петрович познакомился с В. И. Лениным, принял участие в работе комиссии по выработке ее тезисов.

После революционных событий 1917 г. он назначен помощником наркома финансов РСФСР и директором Департамента Государственного казначейства. Не прекращалась и его партийно-политическая деятельность. В частности, Д. П. Боголепов был членом ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов 5-го созыва в 1918 г. от партии большевиков[799], участвовал в работе Конституционной комиссии, выработавшей в июле 1918 г. первую Конституцию РСФСР. Дмитрий Петрович

[798] См.: Коэн С. Указ. соч. С. 42.

[799] См.: Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 412–413.

имеет прямое отношение к принятию первых советских финансово-правовых актов. Он являлся основным разработчиком проекта Декрета СНК об организации финотделов губернских и уездных комитетов советов, который был утвержден 31 октября 1918 г. В это же время он готовил проект Декрета о контрибуциях, которые были должны взиматься в качестве чрезвычайного налога. Результатом стало принятие 26 октября 1918 г. Декрета СНК о единовременном чрезвычайном налоге. 29 декабря того же года на Коллегии НКФ был заслушан доклад ученого о реформировании Главного управления неокладных сборов, а новое положение также было подготовлено им.

В 1919–1920 гг. Д. П. Боголепов командирован для работы в Наркомате финансов Украины, а затем в Туркестан, где участвовал в организации финансовой системы и банковских структур. Таким образом, он может быть назван одним из творцов советской финансовой системы, причем как в центре, так и на местах.

В конце 1920 г. направление его деятельности резко меняется в связи с назначением председателем Временного президиума (ректором) 1-го МГУ. В своей деятельности он опирался на директивы, данные ему В. И. Лениным при личной встрече. Они сводились к тому, что наука и образование должны быть доступны только для бедных, «свобода преподавания» должна быть уничтожена, а преподавание должно осуществляться «по нашим указаниям». Именно в это время лидер советского государства возмущался тем, что старая профессура все еще остается в университетах, где «развращает» своими буржуазными знаниями студентов. При этом ставилась задача улучшить материальное положение преподавательского состава, поскольку в годы «военного коммунизма» его содержание ограничивалось продуктовым пайком. Однако планы Наркомпроса РСФСР по «советизации» вузов вызвали сопротивление основной массы преподавателей, а Временный президиум показался его председателю слишком консервативным для реализации партийных директив. По его инициативе создается т. н. Малый президиум, который берет всю полноту власти в вузе. Стараниями Д. П. Боголепова при университете была открыта первая партийная школа, положившая начало партийному просвещению. В начале 1921 г. на основании Декрета СНК РСФСР «О плане организации факультетов обще-

ственных наук» в 1-м МГУ реорганизуется система факультетов и создается факультет общественных наук (ФОН), в который входило 7 отделений, включая правовое и экономическое. Все это сопровождалось чисткой преподавательского состава и студенческого корпуса с целью его «окоммунистивания» и пролетаризации. Одновременно Д. П. Боголеповым утверждается Положение о премировании ученых и формируется Комиссия по улучшению быта и условий жизни ученых, профессоров и преподавателей. Коллектив 1-го МГУ оказал помощь в организации Туркестанского университета. Преобразования проводились преимущественно административными методами, что вызывало сопротивление большинства преподавателей и научных сотрудников вуза, а за Д. П. Боголеповым закрепилась репутация разрушителя науки. В этой части он далеко превзошел своего однофамильца и предшественника на посту ректора Московского университета, а затем Министра народного просвещения *Н. П. Боголепова* (1846–1901), убитого эсером П. В. Карповичем. Все это привело к отставке Д. П. Боголепова с поста ректора в 1921 г.

До 1931 г. он продолжал профессорствовать в МГУ, затем перешел в Институт советского права, где проработал до 1933 г. Кстати, он также не избежал обвинений в отсутствии в его исследованиях «органической связи с учением Маркса о воспроизводстве и кризисах»[800]. В дальнейшем он совмещал научную работу в Институте национальностей при ЦИК СССР и в Научно-исследовательском финансовом институте при Наркомфине с педагогической работой в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Некоторое время он являлся членом экспертной комиссии ВАК. В 1940 г. Д. П. Боголепов выступал в качестве официального оппонента на защите докторской диссертации А. И. Буковецкого в Ленинградском финансово-экономическом институте. Умер ученый в мае 1941 г. в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище.

В 1920-х гг. он активно публиковался в периодической печати[801], был одним из соредакторов 2-го издания «Финансовой эн-

[800] См.: Финансы капиталистических государств. М., 1934. С. 20.

[801] См.: Боголепов Д. Финансовое строительство в первые годы октябрьской революции // Пролетарская революция. 1925. № 4 и др.

циклопедии» и «Популярного финансово-экономического словаря» (М., 1925). Впрочем, его книга о денежных реформах в сии от реформы Е. Ф. Канкрина до советской реформы 1922–1924 гг. была написана несколько упрощенно, скорее в научно-популярном духе[802].

Он стал автором первого советского учебника «Краткий курс финансовой науки» (М., 1925, 2-е изд. – Харьков, 1929), написанного с марксистских позиций. В названном «Кратком курсе финансовой науки» он проводит резкую грань между финансовой наукой и правом. А. И. Буковецкий считал этот курс вполне удачным первым кратким марксистским учебником по финансовой науке[803]. Однако в соответствии с позицией автора проблемы финансового права в этой работе затрагиваются фрагментарно. Более того, Д. П. Боголепов критиковал проф. И. Х. Озерова за то, что последний не проводил достаточно четкой грани между финансовой наукой и наукой финансового права. Предпочтение в своем курсе автор отдает фактическому материалу. Д. П. Боголепов считал, что студенту факты говорят больше, чем теория. В связи с этим в курсе дано значительное количество цифрового материала. Однако этот материал о налогообложении, бюджете, государственном кредите, местных финансах, денежном обращении Советского государства был дан в сравнительном ключе с Германией, Францией, Италией, США, а равно и царской Россией. Д. П. Боголепов дистанцируется от буржуазной финансовой науки. Он считал, что «при изучении финансовых явлений всегда следует исходить из классовой точки зрения», «необходима тесная связь изучения финансовых явлений с политической экономией и учением о государстве» и «финансы буржуазного государства (так же, как и финансы переходной эпохи) нельзя изучать вне связи с мировым хозяйством»[804]. Финансовую науку общества, переходного к социализму, которую, как подчеркивает автор, нужно еще создать, ученый определял как науку, «изучающую

[802] См.: Боголепов Д. П. Деньги Советской России. Л., 1924.

[803] См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 247–248.

[804] См.: Боголепов Д. Краткий курс финансовой науки. Харьков, 1925. С. 11.

общественные отношения, возникающие на почве добывания этим обществом или его ответвлениями средств материального характера, необходимых для существования его государственной организации, служащей орудием для подавления остатков буржуазного общества, для построения социалистического общества, для вовлечения в его систему некапиталистических обществ и для борьбы с капиталистическими обществами»[805]. Его «марксистское» определение финансовой науки отличалось от сложившихся подходов только указанием на классовый характер целей изучения финансовых явлений. В дальнейшем изложении материала своего курса Д. П. Боголепов сохраняет прежние традиции финансовой науки, открывая каждый раздел кратким историческим экскурсом развития институтов государственных расходов, бюджета, прямого и косвенного налогообложения и др. не только в России, но и в других странах. Здесь мы находим ссылки на труды И. Х. Озерова, П. П. Гензеля и др. В равной мере уделяется внимание и теории вопроса, например теориям подоходного налогообложения, косвенных налогов. Так, в последнем случае Д. П. Боголепов цитирует известный нам труд М. И. Фридмана «Современные косвенные налоги на предметы потребления» (СПб., 1908). Рассматривая вопрос о государственном кредите, автор использует исследование П. П. Мигулина «Русский государственный долг». В курсе нашлось место и анализу позиций известных иностранных ученых-финансистов (А. Вагнера, Ф. Нитти, Ж.-Б. Сэя, Д. М. Кейнса и др.). Отметим, что автор, хотя и заявил о попытке написания марксистского учебника, тем не менее ссылок на теорию К. Маркса, цитирования его работ, равно как и трудов В. И. Лени-на, мы не находим. Да и сам учебник вряд ли можно назвать «кратким курсом». Это довольно полное и информационно насыщенное издание. Кстати, автор в предисловии к своему курсу выразил благодарность за советы при его написании Г. Я. Со-кольникову и М. И. Боголепову.

Гораздо меньше известно о **Николае Николаевиче Шапошникове** (1878–1939). Это был выпускник юридического факультета Московского университета (1903 г.), ставший там же к 1909 г. приват-доцентом по кафедре политэкономии. Изначально

[805] Боголепов Д. Краткий курс финансовой науки. С. 32–33.

проблемы финансов интересовали его в широком контексте социальной проблематики[806]. Он анализировал учение немецкого экономиста И. Г. Тюнена (1783–1850), который рассматривал проблемы дифференциальной ренты, цен и заработной платы в сфере сельскохозяйственного производства. Этот германский ученый считал возможным примирение интересов труда и капитала посредством перераспределения национального дохода через налоговую систему в пользу неимущих классов.

Об интересе к социальной проблематике свидетельствует магистерская диссертации Н. Н. Шапошникова, защищенная в Киевском университете в 1913 г. по монографии «Теория ценности и распределения. Критическое исследование о новейших течениях экономической теории» (М., 1912). В том же году он избран экстраординарным профессором Московского коммерческого института и начал углубленно заниматься проблемами протекционизма и таможенной политики.

В 1917 г. Николай Николаевич также числился преподавателем Московского университета. К марксистской экономической теории он относился вполне сочувственно и охотно пошел на сотрудничество с Советской властью. С 1921 г. он стал членом Института экономических исследований при Наркомфине РСФСР, а затем и «ответственным работником Наркомфина». Николай Николаевич был членом Помгола, который занимался помощью голодающим Поволжья. Однако его общественная активность и политическая позиция не вызвала понимания у новой власти, и в августе 1921 г. Николая Николаевича арестовывают и он несколько месяцев проводит в печально известной Бутырской тюрьме.

После освобождения он одновременно возглавлял целый ряд комиссий по подготовке преобразований в финансовой сфере, занимался проблемами таможенной политики и таможенного тарифа. Предметом его исследования стала таможенная политика России до и после революции. Он писал, что послереволюционная таможенная политика сохраняет преемственную связь с прошлым. В связи с этим, чтобы понять таможенно-тарифную политику СССР, со всеми ее особенностями и деталями, надо

[806] См.: Шапошников Н. Н. Учение Тюнена о естественной заработной плате. Ярославль, 1909.

обратиться к истории российской дореволюционной таможенной политики. Российский тариф был и остается пропитан, по словам автора, неблагожелательным отношением ко всякому ввозу из-за границы, а это неизбежно ухудшало и условия нашего вывоза. Установление такого высокого и сплошного протекционизма в значительной степени было продиктовано соображениями фискального характера. Основная критическая идея работы Н. Н. Шапошникова заключалась в «доказательстве нецелесообразности такого огульного покровительства… Таможенная политика должна всемерно содействовать скорейшей индустриализации страны, но китайская стена сплошной таможенной охраны только препятствует этому»[807]. Именно эту идею он пытался провести в жизнь, принимая участие осенью 1922 г. в выработке проекта таможенного тарифа. Н. Н. Шапошников обосновал теорию «разумно-ограниченного протекционизма», определив научно-рациональные основания и границы протекционизма[808].

В 1922 г. он возглавил комиссию при Финансово-экономическом бюро Наркомфина РСФСР, исследовавшую причины колебаний цен на золото и меры борьбы с вредными последствиями этих колебаний для государственного бюджета и народного хозяйства[809]. При этом ученый придерживался взглядов шведского экономиста Г. Касселя о «стихийной нехватке золота», что препятствует проведению денежной реформы. Оздоровление финансовой системы связывалось с обеспечением стабильного курса и реального обеспечения национальной валюты[810].

В 1925 г. в Институте экономических исследовании он сделал доклад о проблеме восстановления капитала в промышленно-

---

[807] См.: Шапошников Н. Н. Таможенная политика России до и после Революции. М.; Л., 1924. С. 4–6.

[808] См.: Шапошников Н. Н. Протекционизм и свобода торговли. М.; Л., 1924. С. 3, 113–114.

[809] См.: Денежное обращение. Исследование причин повышения цен на золото // Вестник финансов. 1922. № 39. С. 50; Шапошников Н. Н. К вопросу о возрождении золота // Экономический бюллетень конъюнктурного института. 1922. № 14/15. С. 14.

[810] Шапошников Н. Н. О путях оздоровления денежной системы // Экономическая жизнь. 1922. 4 июля.

сти[811]. Затем на объединенном заседании секции денежного обращения и кредита и финансового совета по делам промышленности и торговли ученый выступил с докладом «Денежное обращение и осенние сдвиги цен»[812]. Он констатировал наличие избыточной денежной массы и необходимость более умеренного кредитования. При этом Николай Николаевич выступал сторонником упрощения ввоза нового зарубежного оборудования в Россию и более тесной интеграции в мировую финансовую систему. Он подчеркивал возможность накопления частного капитала за счет государственных средств через предоставление государственного кредита частным лицам. Одновременно он продолжал профессорствовать в Московской академии народного хозяйства и 1-м МГУ. Следы ученого теряются во второй половине 1920-х гг., и есть обоснованное предположение, что он был репрессирован.

Оппонентом Н. Н. Шапошникова по ряду проблем развития отечественных финансов был **Александр Александрович Соколов** (1885 – после 1931), причем биографии этих ученых имеют некоторое сходство. Роднит их и то, что сведения о жизни ученых фрагментарны и отрывочны. Известно, что накануне Первой мировой войны они преподавали в Московском коммерческом институте. Отметим, что на кафедре финансового права экономического отделения этого вуза были собраны многие видные отечественные специалисты, в том числе П. П. Гензель (декан факультета), профессор И. Х. Озеров, доценты и ассистенты М. Д. Загряцков, Д. П. Боголепов, Н. Н. Авинов. А. А. Соколов в дореволюционный период ученой степени получить не успел, хотя можно предположить, что его монография «Германское имперское финансовое законодательство 1913 года» (М., 1916) могла бы быть защищена в качестве магистерской диссертации. В ней дан анализ реформ налоговой системы Германии. А. А. Соколов считал, что этот опыт Германии имеет значение, далеко выходящее за пределы самой Германской империи. Этот опыт, по

[811] См.: Проблема восстановления капитала в промышленности // Вестник финансов.1925. № 4.

[812] См.: Денежное обращение и осенние сдвиги цен // Там же. 1926. № 1.

мнению автора, показывает, что базирование финансов сложных государств исключительно на косвенных налогах приводит к последствиям, совершенно нежелательным с точки зрения финансовых принципов. Другая важная идея, которая была положена в основу германского финансового законодательства 1913 г. и значение которой опять-таки выходит за пределы Германии, заключается в признании того, что военные расходы должны быть покрываемы за счет обложения имущих классов[813].

Одновременно А. А. Соколов готовит ряд статей для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», публикуется по проблемам финансового права в периодической печати и тематических сборниках. На данном этапе намечается его плодотворное сотрудничество с П. П. Гензелем[814]. В исследованиях А. А. Соколова уже в дореволюционный период был рассмотрен широкий круг проблем, в том числе налогов и местных финансов[815]. Так, в 1916 г. он высказался о проекте закона о подоходном налоге, о необходимости принятия во внимание в этой части опыта Англии и Франции[816]. Им совместно с П. П. Гензелем был предложен постатейный законопроект о налоге на общий прирост имущества, с учетом опыта Германии[817].

В это же время начинается и его политическая деятельность во Всероссийском союзе городов, на VII съезде которого в середине октября 1917 г. он сделал доклад «Проект нового положения о городских доходах, расходах, сметах и отчетах». О политиче-

---

[813] См.: Соколов А. А. Германское имперское финансовое законодательство 1913 года. М., 1916. С. 37–38.

[814] См.: Гензель П., Соколов А. Налоги, введенные во время войны, и дороговизна // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. М., 1915; Их же. Финансовая реформа в России. Вып. 1–3. М., 1916–1917 и др.

[815] См.: Соколов А. А. Центральное бюро по городским делам. М., 1916; Проект нового положения о городских доходах, расходах, сметах и отчетах (по докладу А. А. Соколова). М., 1917; О мерах по улучшению городских финансов. Записки Н. Н. Авинова, П. П. Гензеля, А. А. Соколова. М., 1918 и др.

[816] См.: Соколов А. Подоходный налог// Вопросы финансовой реформы в России / под ред. В. Я. Железнова. Т. 1. Вып. 2. М., 1916. С. 10–18.

[817] Гензель П., Соколов А. Финансовая реформа в России. М., 1917. Вып. 2.

ских пристрастиях ученого нам достоверно ничего не известно, но, скорее всего, идейно он был близок к левому крылу кадетской партии.

К революционным событиям 1917 г. А. А. Соколов отнесся с пониманием, однако из-за последующей угрозы голода и репрессий он перебирается в Екатеринодар, где, вероятно, преподает на экономическом отделении Кубанского политехнического института. Там же он издает свое новое исследование, посвященное денежному обращению, которое начал публиковать при белых, а завершил при красных[818].

В Москву он возвратился, вероятно, в 1921 г., затем получил звание профессора и приступил к активному сотрудничеству с Наркомфином. А. А. Соколов преподавал, вероятно, в Московском институте народного хозяйства, а его научная деятельность осуществлялась в рамках Института экономических исследований при НКФ. Не будет преувеличением назвать Александра Александровича одним из теоретиков финансово-правовой составляющей НЭПа[819]. Совместно с И. Х. Озеровым и П. П. Гензелем А. А. Соколов высказал большие опасения относительно восстановления винной торговли. По его мнению, при голоде в деревне это не даст больших доходов, а в условиях безработицы вызовет в городе рост пьянства[820].

Практически все его работы представляли собой экспертные оценки законопроектов, тексты докладов и выступлений и др.

---

[818] См.: Соколов А. А. Обесценивание денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. Екатеринодар. 1920.

[819] См.: Соколов А. А. Налоги как орудие новой экономической политики // Вестник финансов. 1922. № 7–8; Его же. Социалистическое хозяйство, цены и деньги // Там же. 1922. № 20; Его же. Шаг вперед или шаг назад? (О проекте нового Положения о государственном подоходно-имущественном налоге) // Там же. 1923. № 45; Его же. Валютный вопрос как международная проблема и восстановление денежного обращения в России // Очередные вопросы финансовой политики. Вып. 1. М., 1922; Его же. Государственный бюджет в условиях новой экономической политики // Вестник финансов. 1924. № 11; Его же. Ближайшие задачи нашей валютной политики. М., 1925 и др.

[820] См.: О восстановлении продажи спирта // Вестник финансов. 1922. № 12.

При этом он был сторонником активизации экономических связей с Западом, расширения импорта товаров и получения заграничного кредита. Он не поддерживал идею параллельной валюты наряду с советскими знаками (будущего золотого червонца), хотя и был сторонником стабилизации бумажного обращения при уменьшении необеспеченной денежной эмиссии. По его мнению, увеличение количества денег не вызовет роста цен в случае, если эта мера вызвана потребностями оборота и, таким образом, носит чисто технический характер. В этой части он пытался примирить номиналистов и «товарников» (сторонников неограниченного печатания денег для увеличения товарного производства). По поручению Института экономических исследований НКФ группой ученых, в числе которых был и А. А. Соколов, проводилось исследование, посвященное перспективам денежного обращения и учета при социализме. В то время советское правительство твердо держалось мысли о скором уничтожении денег и замене их в качестве ценностной единицы учета в государственном хозяйстве так называемой трудовой единицей. А. А. Соколов, исходя из анализа ценности и цены, пришел к выводу, что полное упразднение денег нужно признать невозможным, при любом общественном хозяйстве деньги неупраздняемы[821]. Этому выводу предшествовал критический анализ взглядов К. Каутского, А. Вагнера, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского.

Ученый поддерживал идею гармоничного хозяйственного взаимодействия города и деревни, бюджетного равновесия при режиме жесткой экономии. В 1924 г. он предложил дополнить единый сельскохозяйственный налог, который не охватывал все доходы крестьян, налогом на промысловые доходы крестьянских хозяйств, но, так как учесть его невозможно, А. А. Соколов считал возможным ввести личный налог с выравниванием его по районам. Это было первым грубым приближением к обложению промысловой деревни[822].

---

[821] См.: Соколов А. А. Социалистическое хозяйство, цена и деньги // К теории денег и учета. Пг.; М., 1922. С. 113–114.

[822] См.: Соколов А. А. К реорганизации единого сел.-хоз. налога (в порядке дискуссии) // Финансовая газета. 1924. 26 янв.

Ученый входил во многие совещания и комиссии по проблемам финансов, создаваемые при НКФ. Это касается Совещания по вопросам денежного обращения, Комиссии по прямым налогам, Комиссии по исследованию причин повышения цен на золото, Комиссии по изучению эмиссионных возможностей и др. Ко второй половине 1920-х гг. он имел заслуженную репутацию одного из самых крупных специалистов по денежному обращению, активно продолжал научную и публицистическую деятельность[823]. Он отстаивал необходимость добровольных накоплений и, в известных пределах, частного накопления, что требует не исключительно принудительного изъятия, а отлаженного финансово-правового инструментария. При этом ученый продолжал заниматься целым спектром проблем налогового права[824].

В 1928 г. при поддержке НКФ СССР А. А. Соколов издает свою наиболее известную работу «Теория налогов», которая была переиздана в 2003 г. в серии «Научное наследие»[825]. Это курс лекций. В предисловии к книге А. А. Соколов называл свои лекции опытом построения систематического курса по теории налогов. Автор рассмотрел главным образом экономические основы обложения, а также экономическую сферу действия налогов, связывая налоговые проблемы с важнейшими экономическими проблемами, прежде всего Советского государства. Каждая лекция, а их 17, сопровождалась вопросами и упражнениями, методическими указани-

---

[823] См.: Проблемы денег и учета в социализме. Сб. / В. Я. Железнов, З. С. Кацеленбаум, А. А. Соколов, К. Ф. Шмелев. Пг.; М., 1922; Соколов А. А. Проблемы денежного обращения и валютной политики. М., 1923; Его же. Единая или параллельная валюта? // Вестник финансов.1924. № 2; Его же. Скорость обращения денег и товарные цены. М., 1925; Его же. Ближайшие задачи нашей валютной политики. М., 1925; Его же. Проблема организации долгосрочного кредита в СССР // Вопросы финансов. 1926. № 7; Его же. Денежная политика и конъюнктура // Там же. 1926. № 12;

[824] См.: Соколов А. А. Основные принципы денежно-кредитной политики. М., 1927; Его же. Рец.: Гензель П. П. Прямые налоги. Очерк теории и практики // Вестник финансов. 1927. № 4; Соколов А., Зотов Ф. О налоге на сверхприбыль // Там же. 1928. № 2 и др.

[825] См.: Соколов А. А. Теория налогов. М., 2003. В этом же издании представлен наиболее объемный, хотя и достаточно фрагментарный биографический очерк А. А. Соколова, подготовленный И. И. Кучеровым (с. 6–58).

ями по изучению материала лекции и списком специальной литературы, дополнительных источников. Следует отметить, что в этом списке указывались и работы известных российский ученых-финансистов, издавших свои работы еще до революции 1917 г. (И. Х. Озеров (1869–1942), И. И. Янжул (1845–1914), Л. В. Ходский), современников А. А. Соколова (И. М. Кулишер (1878–1934), Д. П. Боголепов, П. П. Гензель (1878–1949), В. Н. Твердохлебов (1876–1945) и др.), а также зарубежных авторов (Ф. Нитти, А. Вагнер, Р. Штурм, Э. Селигман (1861–1939) и др.)

И. И. Кучеров отмечал, что «при написании лекций автор, как это водится, пренебрег академизмом в изложении материала и скорректировал свой стиль в сторону упрощения. Однако это нисколько не привело к снижению общего уровня и теоретической ценности курса, а лишь позволило сделать содержание лекций более доступным обучающимся»[826].

По сложившейся еще в дореволюционных учебниках по финансовому праву традиции курс лекций А. А. Соколова начинается с вопросов о природе государственного (публично-финансового) хозяйства и его отличиях от частного хозяйства по цели деятельности и характеру (принудительности публичного хозяйства). Далее автор, следуя традиции и сложившимся в теории подходам, дает определение налогов и сборов (пошлин). Под налогом понимается принудительный сбор, взимаемый государственной властью с отдельных хозяйствующих лиц или хозяйств для покрытия производимых ею расходов или для достижения каких-либо задач экономической политики без предоставления плательщикам его специального эквивалента[827]. Таким образом, налог характеризуется двумя основными признаками: принудительностью и отсутствием специальной возмездности. В отличие от этого, как отмечает А. А. Соколов, сборы пошлинного характера имеют ту особенность, что здесь платежу всегда противостоит известная услуга, известная специальная выгода. Поскольку речь шла об экономической природе налогообложения, постольку анализ дефиниций налогов и сборов автор связал с по-

[826] Кучеров И. И. Профессор А. А. Соколов – основоположник учения о налогах // Соколов А. А. Теория налогов. М., 2003. С. 57.

[827] Соколов А. А. Теория налогов. С. 69.

нятием цены, взаимоотношением двух явлений: цены и налога. В учение о налогах А. А. Соколов включил и определения важнейших терминов: субъект налога и носитель налога, источник, объект и масштаб обложения, ставка налога, оклад налога, порядок его исчисления (податный кадастр) и порядок уплаты (окладные листы). Авторская классификация налогов связывается с теорией переложения налогов. Он выделил две основные категории налогов: 1) персонально-окладные, которые взимаются по определенным спискам плательщиков и на основании различных данных, характеризующих платежную силу каждого из них; 2) объектные (неокладные) налоги, которые падают на отдельные объекты и обособлены от личности плательщика[828]. В дальнейшем на базе этой классификации А. А. Соколов дает характеристику налогам и сборам Советского государства.

В лекциях автор не ограничивается только теорией переложения налогов. Еще одной проблемой, которую ставит автор, является теория (идея) единого налога. Он доказывает ее неосуществимость как в отношении единого земельного налога, так и универсальных подоходного налога и налога на расход. При этом он выстраивает свою позицию, в том числе обращаясь к теориям западных ученых (Г. Шмоллер, Э. Пфейфер и др.). По мнению А. А. Соколова, в налоговой системе необходимо сочетать множественность налогов с принципом рационального построения налоговой системы. В основе современных налоговых систем лежат три основных метода обложения: 1) метод подоходно-поимущественного обложения, 2) метод обложения отдельных доходоприносящих объектов, а также прироста дохода или имущества, 3) метод обложения товаров и услуг. Задача рационального построения налоговой системы заключается в том, чтобы наилучшим образом использовать особенности каждого из этих методов в сочетании друг с другом[829].

Рациональная налоговая система должна основываться на высшем, объективном принципе обложения, который был бы обязателен для всех. В поисках этого принципа автор анализирует принципы налогообложения, сформулированные А. Смитом,

[828] Соколов А. А. Теория налогов. С. 99–100.
[829] Там же. С. 153.

А. Вагнером, В. Н. Твердохлебовым, обосновывая свои критические в этой части суждения. В качестве такого принципа налоговой политики государства автор предлагает принцип индивидуальной платежеспособности, который имеет классово-экономическое содержание.

Значительное место в лекционном курсе отводится характеристике теорий прогрессии обложения, переложения налога и тяжести обложения, рассматриваются вопросы о влиянии налога на хозяйственную жизнь, о взаимодействии методов аккумуляции и распределения ресурсов в государственном хозяйстве: цена, налог, эмиссия и кредит. Далее эти теории составят аналитическую базу для довольно глубокого анализа действующего советского налогового законодательства, его недостатков и преимуществ. В частности, отмечалось, что в действующей налоговой системе ярко проявляется классовая дифференциация обложения, особенно в промысловом, подоходном и сельскохозяйственном налогах. Классовое острие налоговой политики Советской власти, по словам автора, направлено против частного капитала[830]. А. А. Соколов полагал, что должна сохраняться и множественность акцизов в налоговой системе. При этом он обратил внимание на обложение спиртных напитков, подчеркивая, что «Народный Комиссариат финансов должен быть всегда готов изыскать необходимые средства из других источников, не увеличивая дохода от водки»[831]. В отношении подоходного налога с государственных предприятий он считал необходимым заменить его на налог на капитал этих предприятий. На основе учения о переложении налогов А. А. Соколов сделал выводы о переложении отдельных налогов в условиях советской экономики. Учение о тяжести обложения сопровождалось авторской методологией исчисления тяжести обложения с индивидуальной (частнохозяйственной) точки зрения и с точки зрения всего народного хозяйства как целого.

Последняя доступная публикация А. А. Соколова датирована 1929 г.[832], а его дальнейшая судьба нам не известна. Судя по то-

---

[830] Соколов А. А. Теория налогов. С. 311–313.

[831] Там же. С. 330.

[832] См.: Соколов А. К вопросу о реконструкции налоговой системы // Вестник финансов. 1929. № 11–12.

му, что в литературе того времени был запущен «термин» «соколовщина» с последующей идеологической травлей, можно предположить, что ученый был репрессирован.

В учебной литературе 1930-х гг. Н. Н. Любимов (о нем речь пойдет далее) писал о «буржуазном финансисте А. Соколове», который придерживается буржуазной теории коллективных потребностей в своей работе «Теория налогов»[833]. Его имя склонялось в «обличительных» статьях примерно с такой же интенсивностью, как имена Л. Н. Юровского и Н. Д. Кондратьева, а часто даже в одних и тех же текстах. Так, С. Розенберг раскритиковал определение природы денег, данное А. А. Соколовым. В действительности А. А. Соколов писал: «…корни денег (как и цены), на наш взгляд, лежат гораздо глубже. Они заложены в нашей способности соизмерять потраченные нами усилия и жертвы с полученным результатом, т. е., следовательно, в глубине нашего ценностного суждения о благах»[834]. Естественно, здесь было найдено несоответствие марксистской теории, в которой деньги являются категорией объективной и преходящей[835].

Е. Вольпян ставит А. А. Соколову на вид его «ослепление» товарно-денежными отношениями. Его до глубины души возмутила рекомендация А. А. Соколова государству в акцизном обложении вести себя как разумный монополист, нащупывая такую оптимальную ставку, которая не препятствовала бы росту производства и обеспечивала бы наибольшую сумму дохода[836]. «Итак, политика ″разумного″ монополиста – вот что предлагает Соколов Советскому государству»[837]. Подчеркнем, что главной бедой нашего государства долгое время было то, что оно вело себя именно как неразумный монополист во всем, поэтому совет А. А. Соколова был более чем актуален. Е. Вольпян обрушился на него и за то, что тот защищал очевидные для финансового

[833] Финансы капиталистических государств. М., 1934. С. 21.

[834] Соколов А. А. Проблемы денежного обращения и валютной политики. М., 1923. С. 4.

[835] См.: Розенберг С. Юровщина в экономике и финансах // Финансовые проблемы. 1931. № 1–2. С. 42–43.

[836] Вестник финансов. 1929. № 11–12. С. 55.

[837] Там же. С. 68.

права вещи: хозяйством лучше руководить с помощью налогов, чем с помощь директивной установки цен, налоговый гнет не должен подрывать благосостояние деревни, тяжесть налогов должна сочетаться с возможностью налогоплательщиков. При «обострении классовой борьбы» в глазах Е. Вольпяна это уже выглядело как защита кулаков и городской буржуазии и борьба за реставрацию капитализма[838].

Книга А. А. Соколова «Теория налогов» удостоилась ответной брошюры «Критический очерк "Теории налогов" проф. А. Соколова» (М., 1931). Автором ее был преподаватель Всесоюзного заочного института финансово-экономических и счетных наук *Алексей Л. Соколов*. Поскольку его инициалы почти совпадали с инициалами критикуемого, ему, вероятно, было вдвойне обидно подпадать под «соколовщину». Начинает А. Л. Соколов во здравие, считая, что понятие «финансы» еще не пора сдавать в архив, а «налог» еще не отжил свой век, как считают многие сторонники «левацких» теорий. Иначе зачем был бы нужен его заочный институт и готовящиеся там кадры? Он смело заявляет, что в СССР еще есть товарно-денежные отношения, что уже неплохо, но начинает он с критики «подлинно-буржуазных профессоров юровско-кондратьевского толка». Он сразу же отвергает буржуазные теории «индивидуальных и коллективных потребностей» проф. Соколова, принцип развития производительных сил проф. Твердохлебова и немарксистскую теорию эквивалентности налога проф. Болдырева. Однако не все так безобидно, ибо «теории буржуазных профессоров представляют собой отправную точку для вредителей»[839]. Финансовая наука, следовательно, не может быть нейтральной, ибо это ведет к вредительству.

Критике подверглась уже первая посылка уважаемого профессора, который трактовал государство как орган, удовлетворяющий коллективные и индивидуальные интересы общества. Тут молодой преподаватель заочного института возвращается к мысли о собирательном капиталисте, собирающем налоги с собирательного рабочего, и уходит с этими налогами из сферы права

[838] Вестник финансов. 1929. № 11–12. С. 69.

[839] Соколов А. Л. Критический очерк «Теории налогов» проф. А. Соколова. М., 1931. С. 4.

вообще. «Для нас важны не отношения между налогоплательщиком и собирателем налога, а важны условия, породившие эти отношения, – условия производства»[840]. В общем, до свидания, буржуазное финансовое право, здравствуй, марксистская политэкономия. Попытка уважаемого профессора рассмотреть собственно финансово-правовые проблемы всегда получает оценку стремления «затушевать социальные стороны фискальной системы и смазать социальную направленность финансовой политики капиталистов»[841]. Суждения А. А. Соколова о перераспределительном значении подоходного налога отвергаются как «пустая болтовня». В целом у А. Л. Соколова получились политэкономические размышлении о сущности классовой борьбы вокруг налогов со ссылками исключительно на труды К. Маркса, В. И. Ленина и почему-то Р. Люксембург. В аналогичном ключе написана и его брошюра «За марксистский анализ налогов и тяжести обложения» (М., 1930). В качестве похвалы А. Л. Соколову можно отметить, что он относительно редко переходил на откровенную грубость и обошелся без цитат из И. В. Сталина. Однако это был очередной шаг в моральном уничтожении А. А. Соколова.

Среди погребенных на печально известном Бутовском полигоне жертв массовых репрессий 1937–1938 гг. числится Александр Александрович Соколов, но тот ли это человек, нам достоверно не известно.

Крупным советским специалистом в области денежного обращения и кредита был **Иосиф Адольфович Трахтенберг** (1883–1960). Он родился в Мелитополе в небогатой мещанской семье, с 12 лет начал работать. Затем окончил ремесленное училище, где увлекся марксизмом и принял участие в нелегальных кружках. При этом он много занимался самообразованием, практически самостоятельно овладел немецким и французским языками. Твердых марксистских убеждений придерживался неизменно.

В 1912 г., уже в достаточно зрелом возрасте, он окончил юридический факультет Томского университета с золотой медалью, полученной за сочинение «Коллективный договор». Он об-

[840] Соколов А. Л. Критический очерк «Теории налогов» проф. А. Соколова. С. 10.

[841] Там же. С. 20 и др.

ратился к проблемам трудового права не случайно, ибо считал рабочий вопрос важнейшим для своей эпохи. Это сочинение, как и другие работы по этой тематике, он издал уже в советский период[842]. Иосифа Адольфовича можно отнести и к видным специалистам в сфере трудового права[843].

Среди его университетских преподавателей был М. И. Боголепов, о котором уже говорилось ранее, поэтому его интерес к проблемам финансов и финансового права был не случаен. С 1914 г. И. А. Трахтенберг вел преподавательскую работу в Харькове, избран приват-доцентом, а с 1917 г. – профессором Харьковского университета по кафедре политэкономии. В 1914–1917 гг. он читал в Харьковском коммерческом институте курс «Деньги, денежное обращение, кредит и банки». Переработанная часть этого курса впервые была издана в 1918 г.[844] Она выдержала несколько переизданий, наиболее полным из которых стало третье (М., 1924). В этом исследовании дан теоретический анализ явления денег, в частности бумажных денег. Фактический материал, излагаемый в книге, служил, по словам ее автора, только иллюстрацией высказываемых теоретических суждений. Выстраивая теорию бумажных денег, И. А. Трахтенберг обратился к анализу позиций и мнений иностранных ученых по вопросам функций, ценности бумажных денег, их покупательной силы и курса бумажных денег. При этом анализируется научное наследие А. Вагнера (1835–1917), К. Гельфериха (1872–1924), Р. Гильфердинга (1877–1941), К. Гока (1808–1860), У. Джевонса (1835–1882), Г. Зиммеля (1858–1918), Г. Кнаппа (1842–1926), К. Книса (1821–1898), В. Лотца, К. Маркса (1818–1883), К. Менгера (1840–1921), Д. С. Милля (1806–1873), Д. Рикардо (1772–1823), В. Петти (1623–1687), И. Фишера (1867–1947), а также русских ученых, в том числе и уже известных нам М. В. Бернацкого, А. А. Мануйлова,

---

[842] См.: Трахтенберг И. А. Коллективный договор. Харьков, 1918 (до 1927 выдержало 5 изд.); Его же. Профессиональные союзы, их задачи и методы. Харьков, 1918.

[843] См. подробнее: Лушников А. М., Лушникова М. В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени: в 2 т. Т. 2. Ярославль, 2010. С. 109–110.

[844] См.: Трахтенберг И. А. Бумажные деньги. Очерки теории денег и денежного обращения. Харьков, 1918 (переизд. М., 1922, 1924).

М. И. Боголепова, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и др. Только перечисление авторов, на труды которых ссылался А. И. Трахтенберг, свидетельствуют об уровне теоретических обобщений. Это позднее, в 30-е гг. XX в., упоминание перечисленных авторов будет допускаться лишь в ключе критики «апологетов буржуазии», и единственно верным учением признают марксизм-ленинизм. Кстати, отметим, что рассматриваемое исследование по теории бумажных денег оценивалось советскими экономистами как систематическое изложение марксистской теории денег и ее дальнейшее развитие. Особо подчеркивалась заслуга ученого в том, что он «очистил теорию денег К. Маркса от реформистских и либерально-буржуазных наносов и искажений» идеолога русской либеральной буржуазии М. И. Туган-Барановского, реформиста Р. Гильфердинга[845]. Однако такая оценка носила явно односторонний политизированный характер. В своем труде, посвященном теории бумажных денег, И. А. Трахтенберг вел корректную научную дискуссию, зачастую опирался на выводы перечисленных авторов, в равной мере как и на позицию К. Маркса. Но возвратимся к исследованию И. А. Трахтенберга о бумажных деньгах.

Деньги рассматриваются автором как явление социальное, неизбежное и необходимое в условиях товарного хозяйства. Деньги, как отмечает ученый, «являются внешним (вещным) выражением социальных отношений, возникающих на почве меновых сделок»[846]. Государственная власть пускает в обращение бумажные знаки, которые должны заменять металл. Однако, как пишет ученый, не государственная власть, а меновый «оборот» определяет их количество: при свободной чеканке – полностью, при закрытой валюте – его максимум. При металлическом обращении оборот регулирует количество денежных знаков, ценность же денежных знаков определяется ценностью заключенного в них металла, следовательно, независима от государственной власти. При циркуляции же бумажных орудий обращения, хотя ко-

[845] Аникин А. Жизнь и деятельность И. А. Трахтенберга // Трахтенберг И. А. Денежное обращение и кредит при капитализме. М., 1962. Т. 1. С. 10–11.

[846] Трахтенберг И. Бумажные деньги. М., 1924. С. 33.

личество их и может определяться государством, зато ценность их определяется условиями товарного оборота. В этом заключается, по мнению И. А. Трахтенберга, большая ограниченность воздействия государственной власти на денежное обращение.

Ученый определял бумажные деньги как: 1) орудие обращения; 2) выпускаемые государством; 3) в уплату причитающихся с него платежей; 4) имеющие целью извлечение доходов для государственной казны; 5) (обычно) неразменные и 6) снабженные силой законного платежного средства[847]. Ценность бумажных денег определяется ценностью того количества металла, которое представляется ими; количество же это определяется общими условиями товарного рынка. Покупательная сила бумажных денег зависит не только от их количества, но и от многообразных факторов товарного оборота.

Автор исследования дал ответы на вопросы о бумажных деньгах как способе извлечения средств для государства, как источнике государственных доходов. В современных государствах, отмечал ученый, доходы сводятся в основном к двум категориям: налоговые поступления и государственные займы, кредиты. Если рассматривать бумажные деньги с формально-юридической точки зрения, то их нельзя отнести к категории принудительного и беспроцентного займа. С экономической точки зрения бумажные деньги следует назвать налогом. Таким образом, ученый приходит к выводу о том, что бумажные деньги совмещают в себе и элементы займа, и элементы налога. При таком подходе «бумажные деньги как несправедливый налог» неравномерно ложатся на отдельные классы населения. Бумажными деньгами вся тяжесть напряжения финансов перелагается на неимущие трудовые классы. И. А. Трахтенберг на примере денежной реформы 20-х гг. XX в. в Германии показал влияние бумажных денег на народное хозяйство, а также проиллюстрировал «классовый характер денежного обращения и вскрыл классовое содержание денежного аппарата»[848]. Применительно к Советской России, особенно периода НЭПа, бумажно-денежное обращение оценивается ученым с иных позиций. Не отрицая налоговый характер советских бу-

[847] Трахтенберг И. Бумажные деньги. С. 200.
[848] Там же. С. 334.

мажных денег, И. А. Трахтенберг подчеркивал отсутствие у них классового характера, а переложение налога в форме бумажных денег определялось борьбой не классов, а отраслей народного хозяйства. Это явилось одной из причин «ножниц», расхождения цен на сельхозпродукты и промышленные товары. Ученый положительно оценивал результаты денежной реформы 1922–1924 гг.

Однако ученый полагал, что для нормального развития народного хозяйства и в интересах широких масс населения необходимо ликвидировать бумажные деньги. В условиях капитализма буржуазные государства, как писал И. А. Трахтенберг, никогда не откажутся от бумажных денег как наиболее легкого источника доходов государства, по сути за счет неимущих трудовых классов общества[849]. Что же касается Советского государства, то И. А. Трахтенберг размышлял о способах и методах ликвидации бумажных денег. История бумажных денег знала три основных таких метода: 1) уничтожение бумажных денег путем их размена на металлическую систему по полному нарицательному курсу; 2) нуллификация бумажных денег, т. е. государство перестает признавать их законным платежным средством; 3) девальвация, т. е. размен бумажных денег, но не по полному нарицательному курсу, а по курсу ниже нарицательного. Отвечая на вопрос, какой способ ликвидации бумажно-денежного обращения является предпочтительным, И. А. Трахтенберг делает выводы с различных точек зрения. Исходя из интересов трудовых классов, по его мнению, ответа на поставленный вопрос дать нельзя. С финансовой точки зрения, из интересов государственных финансов, все эти методы имеют свои достоинства и недостатки, выбор их определяется конкретными историческими условиями. Вопросы реформы бумажно-денежного обращения являются вопросами не теории, а политики. Общая оценка вопроса, как справедливо отмечает ученый, заменяется принципом целесообразности. С формально-юридической точки зрения бумажные деньги являются долгом государства, поэтому ликвидация их допустима только посредством размена по полной нарицательной цене. Всякая другая форма ликвидации (девальвация, нуллификация) бу-

[849] Трахтенберг И. Бумажные деньги. С. 390.

мажных денег будет с этой точки зрения банкротством государства, полным или частичным, и поэтому недопустима[850].

После революции 1917 г. началась и его практическая деятельность в государственных органах Украины. В частности, некоторое время он руководил Украинским Центральным статистическим бюро. В 1921 г. ученый переехал в Москву. С этого времени до 1925 г. он заведовал экономическим отделом, а затем являлся заместителем начальника Экономического управления Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). В 1925 г. он переходит в Госплан СССР, где был назначен членом Коллегии и заместителем управляющего Центрального статистического управления (ЦСУ), и трудится до 1926 г. В качестве эксперта советской делегации И. А. Трахтенберг принимал участие в Генуэзской конференции 1922 г.[851], работал в советском торгпредстве в Берлине. С 1932 по 1936 г. Иосиф Адольфович был членом Коллегии Центрального управления народно-хозяйственного учета.

Другим фундаментальным исследованием И. А. Трахтенберга в указанный период был труд, посвященный теории кредита, «Современный кредит и его организация»[852]. Эта книга мыслилась автором как первая часть более крупного исследования кредита при капитализме, которое ему в задуманном виде, к сожалению, не удалось закончить. Данное экономическое исследование носит также теоретический характер. Однако автор в предисловии к этой работе писал, что теория кредита и банков, развитая в представляемой книге, является систематизацией взглядов К. Маркса. Все же простым изложением взглядов К. Маркса ученый не ограничился, а рассматривал также проблемы, которые К. Марксом не были освещены, а равно новые факты развития кредитных отношений в последующие периоды развития современного капитализма. Отметим, что К. Маркс цитируется автором практически на каждой странице проводимого исследования. На основе анализа логического и исторического развития

[850] Трахтенберг И. Бумажные деньги. С. 382.

[851] См.: Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М., 1963. С. 34, 40, 81.

[852] Трахтенберг И. А. Современный кредит и его организация. Ч. 1. Теория кредита. М., 1929.

категорий капиталистического хозяйства ученый приходит к выводу, что сущность кредита исчерпывается понятием ссудного капитала. Теория современного кредита, как отмечает автор, есть теория кредита финансового капитализма. Особое место в исследовании отведено характеристике природы банков и их функций, в том числе функции по «созданию» ссудного капитала.

Нельзя не упомянуть еще один уникальный труд ученого, посвященный денежным кризисам в капиталистических странах в 1821–1938 гг. и впервые изданный в 1939 г. (переиздан в 1963 г.) Вначале ученый выстроил теорию денежных кризисов. Они рассматриваются И. А. Трахтенбергом как проявление циклических экономических кризисов в сфере кредита, денежного обращения и на рынке ценных бумаг. Но при этом автор считает, что денежные кризисы присущи только капиталистическому хозяйству, а в социалистическом хозяйстве они невозможны ни в одном из проявлений[853]. Далее ученый рассматривал денежные кризисы капитализма в периоды свободной конкуренции, монополистического капитализма, общего кризиса капитализма. Анализ денежных кризисов в их исторической последовательности позволил автору не только изучить закономерности денежных кризисов, но и установить те изменения, которые они претерпели в процессе развития капитализма. Исследователь использовал обширный статистический и фактический материал из первоисточников, касающихся Англии, США, Германии и Франции.

Как отмечали советские рецензенты, современники ученого, эта книга И. А. Трахтенберга представляет интерес с разных точек зрения и для читателей разного типа. Прежде всего это теоретическая работа по политической экономии. Вместе с тем книга содержит богатейший материал по истории народного хозяйства капиталистических стран примерно за 120 лет. Она будет еще долгое время являться своего рода первоисточником по истории денежных кризисов[854].

Последующие исследования ученного связаны преимущественно с анализом кредитно-денежной системы капиталистиче-

[853] Трахтенберг И. А. Денежные кризисы. М., 1963. Т. 2. С. 110.

[854] Аникин А. От редактора // Трахтенберг И. А. Денежные кризисы. М., 1963. С. 3–4.

ских стран после Второй мировой войны, денежных кризисов и проблем инфляции при капитализме[855]. Это были в значительной части аналитические исследования, сопровождавшиеся цифровым анализом, информацией о состоянии кредитно-денежной системы в США, Англии и др. И. А. Трахтенберг приходил к общему заключению об ослаблении кредитно-денежной системы капитализма в условиях общего кризиса капитализма. Критиковались автором также буржуазные бюджетно-кредитные теории (Э. Хансен, Г. Моултон и пр.).

Пережив неоднократную смену власти на Украине, ученый стал достаточно осторожным в своих оценках, ибо являлся для новой власти только «буржуазным спецом», хотя и последовательным марксистом по убеждениям. Этому способствовало и то, что он был в основном экспертом по финансам стран Запада, а в отношении внутренних финансовых преобразований готовил только технические решения. Однако он последовательно подчеркивал необходимость устойчивой валюты для эффективного развития народного хозяйства, обосновывал необходимость проведения денежной реформы и приветствовал ее проведение[856]. Можно предположить, что среди работников Госплана СССР, настроенных достаточно радикально в отношении роста денежной эмиссии, отступления от равновесного бюджета и твердого рубля, он не прижился. При этом свои исследования он проводил в рамках марксистской парадигмы и никогда не пытался выйти за пределы дозволенного.

Одновременно, в 1921–1949 гг., И. А. Трахтенберг преподавал в вузах Москвы (Институт красной профессуры, Университет им. Я. М. Свердлова и др.), в 1925–1931 гг. – в МГУ. С 1931 г. ученый работал в Институте мирового хозяйства и мировой политики (с 1947 г. – Институт экономики АН СССР). Он по праву

---

[855] Трахтенберг И. А. Кредитно-денежная система капитализма после второй мировой войны. М., 1954; Его же. Капиталистическое воспроизводство и экономические кризисы. М., 1947; Его же. Финансовые итоги войны (проблемы инфляции) М., 1946.

[856] См.: Трахтенберг. И. А. От бумажных денег к устойчивой валюте // Вестник труда. 1924. № 2. С. 62–77; Его же. Денежная реформа // Там же. № 4. С. 52–63; Его же. К вопросу о сущности и ценности денег // Социалистическое хозяйство. 1924. Кн. II. С. 60–80.

считался авторитетным экономистом и финансистом, специалистом по денежному обращению и кредиту, теории и истории экономики, был избран академиком Академии наук СССР (1939 г.), награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

При этом И. А. Трахтенберг не прекращал активно разрабатывать проблемы теории и истории финансов[857]. Отметим, что его работы были написаны преимущественно на нормативном и статистическом материале зарубежных государств. Это относится и к последним исследованиям ученого, посвященным финансовым итогам Второй мировой войны[858]. Основные работы академика были переизданы посмертно с небольшими редакционными правками[859].

В заключение отметим, что в 1920-е гг. практически все известные отечественные специалисты по финансовому праву привлекались в качестве консультантов, а нередко и сотрудников к работе государственных учреждений, прежде всего Наркомфина, Наркомзема, Госбанка, Госплана. Но в конце 1920-х гг. и в этой сфере произошел «великий перелом», начался форсированный процесс, как тогда говорили, «орабочивания» и «окоммунистивания» кадрового состава. На смену специалистам с «неправильными» взглядами приходили «крепкие хозяйственники» с начальным образованием или «красные профессора» с краткосрочными курсами и забитым идеологическими штампами сознанием. Перефразируя известный афоризм Г. Гейне, можно отметить, что когда со сцены большой науки уходят настоящие исследователи, им на смену приходят клоуны. Только так можно воспринимать

[857] См.: Трахтенберг И. А. Современный кредит и его организация. Ч. 1. Теория кредита. М., 1931 (1-е изд. 1929); Его же. Предисловие //Ланде Е. Кредит и конъюнктура. М., 1931. С. 3–14; Его же. Мировые экономические кризисы. Т. III. Денежные кризисы 1821–1938 гг. М., 1939 и др.

[858] См.: Трахтенберг И. А. Проекты международных валютных соглашений // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 1–2. С. 25–40; Его же. Финансовые итоги войны (проблема инфляции). М., 1946; Его же. Кредитно-денежная система капитализма после второй мировой войны.

[859] Трахтенберг И. А. Денежное обращение и кредит при капитализме. М., 1962; Его же. Денежные кризисы (1821–1938 гг.). М., 1963.

написание псевдонаучного труда с целью выработки «форм и способов борьбы с вредительством на экономическом фронте»[860].

Практически все ученые и государственные деятели с «буржуазным» прошлым так и не смогли в полной мере изменить свое научное и управленческое мировоззрение, они с разной долей искренности приняли Советскую власть и пытались помочь советскому строительству, однако власть эта не всегда верно и адекватно оценивала сей благородный порыв.

6.4. В рядах советской номенклатуры
(Н. Н. Любимов, Н. Н. Ровинский, А. Г. Зверев, Я. И. Голев, В. П. Дьяченко и др.).

В этом параграфе пойдет речь о государственных деятелях и ученых, чей жизненный и профессиональный путь был уже преимущественно советским, так как получение специального образования и начало их профессиональной деятельности приходится на советский период. Некоторое исключение составляют Н. Н. Любимов и Н. Н. Ровинский, но вся их государственная служба была связана с Советской Россией и СССР.

Судьба **Николая Николаевича Любимова** (1894–1975) сложилась более счастливо, чем у его предшественников. Он родился в семье священника в Калуге, где окончил гимназию. После этого поступил на юридический факультет Московского университета и окончил его в 1917 г. С 1918 г. начал преподавать в МГУ, активно включился в политическую и научную жизнь[861]. К тому времени он был перспективным ученым, специалистом по британским финансам, свободно владел английским языком. По заданию В. И. Ленина молодой профессор МГУ активно сотрудничал с Наркомфином и Наркоматом иностранных дел. Так, в рамках обзора деятельности НКФ он подготовил комментарий основных положений Постановления ВЦИК от 30 октября 1918 г. о единовременном чрезвычайном революционном налоге и прак-

[860] См.: Шкловский Г. Вредительство как метод классовой борьбы (К вопросу изучения вредительства в условиях переходной экономики). М., 1931.

[861] См.: Любимов Н. Н. Переложение подомовых налогов. М., 1918 и др.

тике его реализации со статистическими данными, но без авторских оценок[862].

С 1921 г. Н. Н. Любимов стал сотрудником Института экономических исследований при Наркомфине РСФСР, а затем заместителем начальника Валютного управления Наркомфина, проработав в этой должности с перерывами до 40-х гг. XX в. В отсутствие начальника управления он неоднократно выполнял его обязанности. Николай Николаевич имел непосредственное отношение ко всем финансовым преобразованиям периода НЭПа, начиная от денежной реформы 1922–1924 гг. Но наиболее активно он занимался проблемами внешнего долга и иностранных займов, финансами иностранных государств, подготовкой проектов международных договоров и участвовал в международных переговорах, был наиболее публикуемым в периодической печати по данной проблематике автором[863]. Рассматривал он и проблемы правового регулирования отечественных финансов[864].

При этом он достаточно быстро стал ведущим советским специалистом в сфере международных финансов, участвовал в международной Генуэзской конференции по финансовым и экономическим вопросам 1922 г.[865] Подчеркнем, что на этой конференции он был ведущим советским экономическим экспертом. По заданию Наркомфина он стал готовить материалы в ответ на претензии западных стран по царским долгам. В своих экспертных оценках Николай Николаевич доказывал, что интервенция

---

[862] См.: Любимов Н. Единовременный чрезвычайный революционный налог (Обзор деятельности Наркомфина). Пг., 1919.

[863] См.: Любимов Н. Н. Юридическое признание червонца Германией // Финансовая газета. 1924. 8 янв.; Его же. Внешняя торговля и финансы // Там же. 5 февр.; Его же. Финансово-экономическое положение Англии // Там же. 15, 16 февр.; Его же. Организация британских кредиторов // Там же. 3 июля; Его же. Заем СССР в Великобритании // Там же. 5 авг.; Его же. План Дауэса и англо-советский договор // Там же. 21, 22 авг. и др. Его же. Гарантии британского правительства по займу СССР // Там же. 30, 31 авг. и др.

[864] См.: Любимов Н. Н., Эльяссон Л. С. Современное финансовое законодательство СССР // Советское право. 1922. № 3 и др.

[865] См.: Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников).

стран Антанты нанесла Советской Росси еще больший вред и должниками являются скорее интервенты.

Основные его публикации были посвящены проблемам международной финансовой системы, международным финансовым отношениям СССР и финансам зарубежных стран[866]. Н. Н. Любимов ознакомил читателей с известной работой Дж. М. Кейнса «Экономические последствия мира». Автор разделил свое исследование на две части. В первой части он критически изложил названную работу Дж. Кейнса о влиянии договора в Версале на экономику Центральной Европы. Это уже был идеологизированный анализ труда буржуазного ученого, поэтому автор, по его словам, взял на себя «задачу очистить работу Кейнса от бесполезного нароста и привести ее к наибольшей степени ясности и конкретности изложения, не обесцвечивая, однако же, субъективных настроений английского ученого и оставляя необходимый для выявления особенностей его стиля минимум» [867].

При этом автор дополнил работу Кейнса значительным количеством критических замечаний в тексте и в примечаниях, сделав, сверх того, на полях ориентирующие читателя заметки к наиболее существенным частям работы. Однако эти критические замечания не искажали в целом суть работы Кейнса. Автор высоко оценил «бесспорные и крупные заслуги этого ученого, которые извиняют многие его заблуждения»[868]. Вторая часть исследования Н. Н. Любимова посвящена авторскому описанию и объяснению финансов в связи с народным хозяйством Англии, Франции, Германии и других стран с июля 1914 г. по июль 1921 г., включая бюджетные сметы отдельных государств.

---

[866] См.: Любимов Н. Н. Баланс взаимных требований Союза ССР и держав Согласия. М.; Л., 1924; Его же. Наш счет иностранным капиталистам. М., 1925; Его же. СССР и Франция. Франко-русская финансовая проблема в связи с международной задолженностью. М., 1926; Его же. Международный государственный кредит (1919–1943). Экономические и правовые проблемы. М., 1944; и др.

[867] См.: Любимов Н. Н. Мировая война и ее влияние на государственное хозяйство Запада. Критическое изложение работы Кейнса «Экономические последствия мира». М., 1921. С. 8.

[868] См.: Любимов Н. Н. Мировая война и ее влияние на государственное хозяйство Запада. С. 132.

Н. Н. Любимов проанализировал динамику государственного хозяйства главнейших стран Западной Европы в связи с изменениями денежного обращения, промышленности и торговли за указанный период.

Предметом научных изыскания Н. Н. Любимова стали и финансы зарубежных стран[869]. Так, возглавляя кафедру в Московском финансово-экономическом институте им. Л. М. Кагановича, Н. Н. Любимов с коллегами подготовили специальный курс финансов капиталистических государств как специальную дисциплину и довольно объемное учебное пособие по этому курсу[870]. В этом пособии предмет изучения финансов капитализма определялся как «те классовые отношения, которые в области финансов капитализма складываются между буржуазией и пролетариатом» на почве присвоения и использования капиталистическим государством материальных средств с целью насильственного поддержания и упрочения капиталистического способа производства[871]. В структуре учебного пособия выделялись главы, посвященные марксистско-ленинскому учению о капиталистическом налоге, государственном кредите, вопросам бюджета и валюты капиталистических государств, а также финансовым системам отдельных стран (Англии, Германии, Франции, Японии, Китая). Красной нитью в пособии проходит «критика буржуазных, социал-фашистских и оппортунистических финансовых теорий» Ф. Лассаля, К. Родбертуса, Л. Штейна, А. Вагнера, К. Эеберга, а равно обличается «троцкизм о финансах», «правый уклон в Коминтерне во главе с Н. И. Бухариным» и т. д. Однако, если отбросить идеологический антураж, продиктованный тем временем, и почти ритуальные заклинания об очередном кризисе капитализма, то следует отметить, что анализ развития финансовых систем зарубежных стран сопровождался развернутыми сравнительными характеристиками бюджетных, налоговых и кредитных систем,

---

[869] См.: Любимов Н. Н. Финансы капиталистических государств. М., 1934; Любимов Н. Н. и др. Финансовые системы иностранных государств. М., 1947.

[870] Финансы капиталистических государств / под рук. проф. Н. Н. Любимова. М., 1934.

[871] Там же. С. 5.

финансовых реформ и финансовой политики зарубежных стран. В этой части они сохраняют свою научную ценность по сей день.

Накануне Великой Отечественной войны Н. Н. Любимов дал развернутый анализ государственных доходов, расходов, в том числе военных расходов, поступлений от налогов, пошлин Германии, Японии, Италии. Ученый писал, что государственные финансы этих государств, вся их кредитно-банковская система и денежное обращение целиком поставлены на службу агрессии, подготовке и ведению грабительских войн. При рассмотрении финансовых систем фашистских государств необходимо иметь в виду, что, помимо официальных бюджетов, эти страны обзавелись многочисленными внебюджетными фондами[872].

В 1943 г. в МГУ он защитил докторскую диссертацию по экономике «Современные проблемы международного государственного кредита». Одновременно он вел преподавательскую работу в ряде вузов столицы. После Великой Отечественной войны Николай Николаевич занимался уже преимущественно исследовательской и преподавательской работой в МГИМО, где заведовал кафедрой международных экономических отношений, стал Героем Социалистического труда, членом-корреспондентом Академии наук СССР, заслуженным деятелем науки РСФСР. При этом он по-прежнему публиковал работы по международным финансам[873]. Нарком финансов СССР А. Г. Зверев так писал о нем: «Исследователь, преподаватель и практический работник, Николай Николаевич являлся экспертом на 20 различных международных конференциях. Его знания и огромный опыт не раз помогали наркомату финансов принимать верные решения по какому-либо сложному и запутанному вопросу торговли с заграницей или относительно валютных дел»[874]. В настоящее время интерес к личности этого видного ученого, педагога и государственного деятеля возрастает[875].

---

[872] См.: Любимов Н. Н. Финансы фашистских государств. М., 1939. С. 5.

[873] См.: Быстров Ф. П., Любимов Н. Н. Рубль и доллар. М., 1961; Любимов Н. Н. Финансы капиталистических государств. М., 1956; Международные экономические отношения / под ред. Н. Н. Любимова. М., 1969 и др.

[874] Зверев А. Г. Указ. соч. С. 149.

[875] См.: Любимов Н. Н. Сборник воспоминаний. М., 2003.

Кстати, Н. Н. Любимов был соавтором одного из первых послевоенных учебников по финансовому праву для юридических институтов под редакцией Н. Н. Ровинского. В этом учебнике Н. Н. Любимов написал главу, посвященную правовым основам денежной системы и денежного обращения в СССР, включая валютное законодательство[876].

Еще один «ответственный сотрудник Наркомфина» – **Николай Николаевич Ровинский** (1887–1953). Выходец из смоленского дворянства, окончил экономическое отделение Петербургского политехнического института по специальности «Финансы» со степенью кандидата наук в 1911 г. Затем работал в финансовых органах, а с августа 1914 по конец 1917 г. находился на фронте. После демобилизации Николай Николаевич до 1923 г. преподавал в Смоленском политехническом институте, а с 1923 по 1929 г. был ректором Смоленского государственного университета. В этот период выходят его первые публикации по проблемам финансов. В частности, он ставил проблему дефицита местных бюджетов и предлагал сконцентрировать решение данной проблемы в губфинотделах. В целом им отстаивалась идея сочетания централизации и децентрализации в бюджетном и налоговом деле[877]. Наконец, с 1929 по 1935 г. ученый являлся консультантом СНК РСФСР по финансово-экономическим вопросам, затем работал в системе Наркомфина СССР. Одновременно, в 1937–1941 гг., по совместительству он был директором Научно-исследовательского института Наркомфина СССР. По совместительству Николай Николаевич заведовал кафедрами государственного бюджета в Московском финансово-экономическом институте (1930–1934 и 1943–1946 гг.), Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте (1934–1947 гг.), Ленинградском финансово-экономическом институте (1936–1941 гг.) и Казанском финансово-экономическом институте (1941–1943 гг.). За труды на государственном и педагогическом поприще его наградили орденом «Знак почета» (1944 г.) и почетным званием За-

[876] См.: Финансовое право. Учебник для юридических институтов / под ред. Н. Н. Ровинского. М., 1946. С. 302–307.

[877] См.: Ровинский Н. Н. Неотложный вопрос (в порядке дискуссии) // Финансовая газета. 1924. 5 февр.

служенного деятеля науки РСФСР. В 1930-е гг. Николай Николаевич вошел в число ведущих советских специалистов по нансовому праву. Он был и среди первопроходцев в обосновании самостоятельности отрасли советского финансового права, в фундамент которого была положена бюджетная система СССР[878].

В 1940 г. в Ленинградском финансово-экономическом институте он защитил докторскую диссертацию по докладу на базе учебника «Государственный бюджет Союза ССР» (М., 1939, неоднократно переиздавался). В 1946 г. Н. Н. Ровинский стал первым директором Московского финансового института, образованного на базе Московского финансово-экономического института. В том же году под его редакцией выходит учебник для юридических институтов «Финансовое право», в котором им написана большая часть глав и разделов[879]. Н. Н. Ровинский определял советское финансовое право как «совокупность юридических норм, регулирующих отношения в области бюджета, налогов, государственного кредита и сберегательного дела, государственного страхования, государственного социального страхования, краткосрочного кредита и расчетов, организации денежной системы, регулирования денежного обращения и финансового контроля»[880]. Он считал, что общим критерием для

---

[878] См.: Ровинский Н. Н. Основные этапы развития бюджетной системы Союза ССР // Бюджетное законодательство Союза ССР за 20 лет. Сб., 1938; Его же. О предмете советского бюджетного права // Вопросы советского бюджетного права. Сб. М., 1940; Его же. Предмет и система финансового права // Советское государство и право. 1940. № 3; Его же. Бюджетная система СССР // Финансы и кредит СССР. Сб. М., 1940; Его же. 25 лет бюджетной системе СССР // Советские финансы. 1942. № 11–12; Его же. Организация исполнения бюджета района. М., 1944; Его же. О финансовом праве (Предмет, система, источники и место среди других отраслей права) // Научные записки ВЗФЭИ. М., 1946. Вып. 1. С. 68–73; Его же. Задачи финансовой науки в новом пятилетии // Советские финансы. № 12. С. 6–11; Его же. Финансовая система СССР. М., 1951 (2-е изд. 1952); Ровинский Н. Н., Чистов И. А., Лавров В. В. Финансовое право. М., 1946; Ровинский Н. Н. и др. Местные финансы СССР. М., 1933 (2-е изд. 1936) и др.

[879] Финансовое право. Учебник для юридических институтов / под ред. Н. Н. Ровинского. М., 1946.

[880] Там же. С. 14.

отнесения отдельных юридических норм к финансовому праву является их непосредственная связь с регулированием отношений, возникающих в процессе аккумуляции государством необходимых для осуществления его функций денежных ресурсов и планового распределения и использования этих ресурсов. Н. Н. Ровинский, характеризуя предмет отрасли финансового права, отграничил эту отрасль от смежных отраслей: государственного права, административного права, гражданского права, а равно от финансовой науки. В последнем случае он ратовал за тесную связь финансового права с финансовой наукой: «Правильный анализ правовых отношений невозможен в отрыве от их экономических основ, на базе которых они возникают. Поэтому наука финансового права при анализе финансово-правовых отношений широко привлекает для вскрытия их экономических основ положения и выводы, разработанные финансовой наукой»[881].

Труды Н. Н. Ровинского отличал добротный догматический анализ действующего финансового законодательства. Так, в работе «Финансовый контроль в СССР» он рассматривал финансовый контроль как специальную отрасль государственного контроля. К требованиям финансовой дисциплины автор относил неуклонное соблюдение законности при исполнении бюджета, смет и финансовых планов, т. е. 1) соблюдение бюджетных прав республик и советов; 2) точное выполнение установленных законом размеров и порядка взыскания налогов, сборов и других платежей в бюджет, а также законодательства и постановлений правительства, регламентирующих размеры и порядок производства отдельных видов расходов (заработная плата, командировки и пр.); 3) образование внебюджетных средств лишь в случаях и порядке, предусмотренных законодательством, и расходование их по прямому назначению; 4) соблюдение всех правил исполнения бюджета и оформления операций с бюджетными средствами[882]. Далее автор изложил историю становления и развития финансового контроля с 1917 г., сопровождая каждый этап реформирования финансового контроля характеристикой нормативных право-

[881] Финансовое право. Учебник для юридических институтов / под ред. Н. Н. Ровинского. С. 17.

[882] Ровинский Н. Н. Финансовый контроль в СССР. М., 1947. С. 8.

вых актов, полномочий финансовых органов и причин, вызвавших эти реформы. Действующее законодательство о финансовом контроле рассматривается автором с позиций анализа чий контролирующих органов: Министерства государственного контроля СССР, КРУ Министерства финансов СССР, внутриведомственного финансового контроля, общественного финансового контроля. При этом значительное место отводится вопросам организации и общих методов контрольно-ревизионной работы: подготовке и организации ревизий, оформлению результатов и реализации результатов ревизий. Это можно назвать общей частью (общими положениями) о финансовом контроле. Особенная часть финансового контроля включала, по мнению автора, следующие виды ревизий: 1) ревизия составления бюджета; 2) ревизия исполнения бюджета; 3) ревизия бюджетных учреждений – главных распорядителей кредитов; 4) ревизия бюджетных учреждений – распорядителей кредитов третьей степени; 5) ревизия промышленных предприятий. Таким образом, на наш взгляд, Н. Н. Ровинский заложил основы учения о советском финансовом контроле. С полным основанием можно вести речь и о самостоятельном институте общей части финансового права – финансовом контроле.

Следует также отметить, что Н. Н. Ровинский не ограничился только советским финансовым контролем, он также исследовал правовую организацию финансового контроля в дореволюционной России, в иностранных государствах (Англии, США, Франции, Бельгии). Это был сравнительно-правовой научный анализ. Если абстрагироваться от требуемых в то время ремарок «о классовой природе финансового контроля на Западе, его формализме», то изложение правовой организации финансового контроля в иностранных государствах было довольно полным и объективным. Поскольку до отечественного читателя не доходили ни в оригинале, ни в переводе тексты западного финансового законодательства, исследование автора представляло особый научный интерес, а для вдумчивого читателя – и информацию для размышления о сущности советского финансового контроля. Так, Н. Н. Ровинский писал, что финансовый контроль во всех иностранных государствах осуществляют специальные государственные органы, организационная структура которых в различных

странах исторически сложилась по-своему. В одних странах контроль является органом непосредственно парламента, который выбирает его руководящий состав (Бельгия), в других он представляет особое ведомство, наряду с министерствами, подотчетное парламенту, но формируемое в своем руководящем составе главой государства (США, Англия), наконец, в третьих – контроль организуется в составе министерства финансов (Франция). В одних случаях контроль действует как административный орган (США, Англия), в других – как судебный (Франция). Результаты деятельности государственного контроля во всех странах докладываются парламенту. Государственный контроль в иностранных государствах, по словам Н. Н. Ровинского, носит ярко выраженный формальный характер. Его внимание «сосредотачивается на соблюдении в процессе исполнения бюджета законов и правил, на направлении средств в соответствии с бюджетным назначением, на оформлении расходов оправдательными документами, на постановке учета и отчетности, но не на хозяйственной целесообразности проводимых мероприятий и расходов»[883]. В советское время это звучало как критика, а с позиций сегодняшних – как правовой принцип организации финансового контроля. В отношении финансового контроля в дореволюционной России автор справедливо отмечал, что «если в западноевропейских странах государственный контроль тесно связан с конституционными правами парламента, то в царской России в условиях полицейского режима он являлся частью бюрократической машины… Некоторые попытки государственной думы реорганизовать государственный контроль по западноевропейским образцам терпели полный крах, встречая решительное сопротивление царского правительства»[884].

Иначе сложилась судьба **Арсения Григорьевича Зверева** (1900–1969), первого персонажа этой книги, начавшего свою деятельность в сфере финансов, включая получение образования, уже в советский период. Он родился в многодетной крестьянской семье (был шестым ребенком из тринадцати), глава которой перебрался в город на заработки. Все, начиная от места рождения

[883] Ровинский Н. Н. Финансовый контроль в СССР. С. 52.
[884] Там же. С. 70.

(деревня Негодяево, Клинского уезда), не предвещало ему в жизни ничего хорошего. Начальное образование маленький Арсений получил в двухклассном училище Министерства народного просвещения с пятилетним курсом обучения, однако с 13 лет он уже работал на текстильной фабрике, став основным кормильцем в семье. Дорогу в большую жизнь ему действительно открыли революционные события 1917 г., которые он, рабочий «Трехгорной мануфактуры», встретил с энтузиазмом. В 1918 г. он призывается в Красную Армию, где его принимают в ряды РКП (б). Знающего грамоту юношу направляют в Оренбургское кавалерийское училище, и свой первый опыт он получает, участвуя в подавлении крестьянского мятежа («сапожковщины») в районе Бузулука летом 1920 г. Весной 1921 г. уже в качестве красного командира он участвовал в боях с восставшими крестьянами Тамбовской губернии (т. н. «антоновщина»), затем подавлял антисоветские восстания в Белоруссии и в Смоленской губернии.

После завершения Гражданской войны демобилизованного 21-летнего красного командира, имеющего ранение и боевой орден, направляют на партийную, затем хозяйственную работу продовольственным агентом и финансовым агентом. Его деятельность на этих постах сводилась к взиманию налогов посредством контроля за рынками, угроз ареста и отдачи под суд, вызова милиции, а при массовом отказе – через вызовы вооруженных отрядов и др. Самые рьяные налоговые инспекторы доходили до инсценировки казни злостных неплательщиков, рукоприкладства, массовых арестов. Сбор налогов агентами новой власти, не исключая нашего героя, мыслился не иначе как классовая борьба, а кулаки и нэпманы вызывали у служащих налоговых органов прямо-таки пролетарскую ненависть. Отметим, что впоследствии А. Г. Зверевым признавалось в этой части некоторое «перегибание палки»[885]. Военный опыт в совокупности с таким «налоговым администрированием» во многом и сформировал мировоззрение будущего наркома финансов.

Его начальное образование было дополнено Центральными курсами Наркомата финансов СССР в 1925 г. После работы в местных финансовых органах его командируют в Московский фи-

[885] См.: Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973. С. 48–59, 72 и др.

нансово-экономический институт (МФЭИ), который он заканчивает за три года в 1933 г. Это годы пришлись на педагогические эксперименты, и без того короткий срок обучения был дополнен коллективным заучиванием и мудреным «лабораторным методом». По сути, знания он получал в результате преимущественно самостоятельной работы, причем удачным считался день, когда ему удавалось поспать 6 часов. С учетом того, что его избрали еще и секретарем парторганизации института, свободного времени у него не оставалось вообще. В период учебы он организовал срыв выступления в институте «уклонистов» К. Б. Радека и Е. А. Преображенского, по линии парткома принимал решение о снятии заведующих кафедрами. Однажды партком принял решение о роспуске целой кафедры во главе с беспартийным профессором. Вот такое было время, когда студенты-коммунисты «чистили» кадровый состав и определяли структуру кафедр.

В тот период А. Г. Зверев был правоверным большевиком, искренне верил в то, что некоторые «специалисты буржуазного типа» встали на путь вредительства и саботажа. Он писал: «Некоторые ученые-экономисты являлись в прошлом акционерами или прямыми совладельцами различных фирм и предприятий. Им была присуща своя система взглядов на народное хозяйство… Это столкновение разных точек зрения приводило к резкой критике сохранившихся еще в нашей экономической науке пережитков прежних взглядов. В дискуссионной литературе бытовали особые термины: юровщина, соколовщина, озеровщина»[886]. У нашего героя такая постановка вопроса не вызывает никаких сомнений, и он добавляет: «Взгляды сторонников этих теоретиков в конце 20-х годов проникли в вузовские учебники, пособия и лекции. Стояла, однако, задача не только всесторонне разработать в противовес им теорию социалистических финансов, но и правильно обучить практиков финансового дела… С этой целью была организована сеть финансово-экономических институтов и курсов»[887]. Получается, что и финансово-экономические институты были организованы в противовес университетам, где «око-

[886] Зверев А. Г. Записки министра. С. 117–118.
[887] Там же. С. 118.

пались» «специалисты буржуазного типа». Суждение странное, но не оригинальное.

Вероятно, для того чтобы сгладить резкость высказывания, он связал слово «юровщина» не только с Л. Н. Юровским, но и с «британским экономистом начала XIX в. Юром». Это явное преувеличение. Э. Юр (1778–1857) действительно был британским химиком и экономистом, автором труда «Философия фабрики» (1835). Однако проблемы финансов он специально не разрабатывал, ратовал за углубление разделения труда, неограниченную свободу трудовых договоров, увеличение продолжительности рабочего дня и против введения трудового законодательства. Его имя могло стать нарицательным скорее для ученых-трудовиков, но никак не финансистов. «Термин» «соколовщина» он вообще связывал с «русским экономистом народнического толка П. А. Соколовским», автором работ по сельскому кредиту, видевшему в данных кредитах панацею от всех бед в деревне. Это еще более спорное утверждение, ибо «соколовщину» навесили на уже известного нам А. А. Соколова. Вообще, советские кампании травли носителей всего «буржуазного» били не по ученым прошлого, тем более иностранным. Это не полная аллюзий и параллелей «критика Линь Бяо и Конфуция», развернутая по инициативе Мао Цзэдуна в годы китайской «культурной революции». В СССР травили именно Л. Н. Юровского и А. А. Соколова.

Примечательно и то, что в своих мемуарах А. Г. Зверев не назвал ни одной фамилии преподавателей МФЭИ, хотя среди них были не только будущие «враги народа», но и его будущие товарищи по Наркомату финансов В. П. Дьяченко, Н. Н. Ровинский и К. Н. Плотников.

Несмотря на все трудности, учебу наш герой завершил успешно. Только после этого, в 1933 г., к нему в Москву переехали жена и трое детей, которые 7 лет до этого жили в Клину. Милая подробность: с собой они привезли кур, которых потом выгуливали на московских улицах. В условиях массовых репрессий карьера проверенного финансиста-коммуниста резко пошла в гору: в 1936 г. он председатель Молотовского райисполкома, а в 1937 г. – 1-й секретарь Молотовского райкома партии в Москве. В сентябре того же года он уже заместитель наркома, а с января 1938 г. – нарком финансов СССР. Как в приложение к должно-

сти, в 1937–1950 и 1954–1962 гг. он избирается депутатом Верховного Совета СССР, в 1939–1961 гг. является членом ЦК партии. После недлительного перевода на должность заместителя министра финансов СССР (февраль – декабрь 1948 г.) А. Г. Зверев вернулся на должность министра финансов. Следовательно, он занимал этот пост с 1938 по 1960 г. с небольшим перерывом. Среди его государственных наград 4 ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, медали.

Это был настоящий «сталинский нарком» с железной хваткой и не склонный к рефлексии. Накануне Великой Отечественной войны он «навел порядок» в сфере финансов, обеспечив их дальнейшую перекачку из деревни в город и из сферы потребления в сферу производства. При этом была прекращена практика бюджетного инспектирования второй половины 1930-х гг., когда инспектор публично объявлял об обследовании определенного финотдела и просил сообщать ему о всех случаях антигосударственной и вредительской деятельности этих учреждений. В итоге это выливалось в сбор анонимок, и даже некоторый аналог прокурорской проверки на наличие «врагов народа». Арсений Григорьевич инициировал замену бюджетной инспекции контрольно-ревизионным управлением НКФ СССР и сам подобрал ее руководящий состав.

А. Г. Зверев организовал выпуск государственных внутренних займов, которые в принудительном порядке размещались среди населения. В годы Великой Отечественной войны на эти займы уходила большая часть зарплаты. Практиковалась продажа по завышенным ценам т. н. «товаров Наркомфина», в частности булок и бубликов, причем местные руководители обязывались обеспечивать их продажу в необходимых объемах. Его принадлежность к «сталинской гвардии» была подтверждена избранием в состав Президиума ЦК КПСС в октябре 1952 г. После смерти И. В. Сталина он потерял место в Президиуме ЦК КПСС, однако оставался в должности министра финансов до достижения пенсионного возраста в 1960 г. При этом он так же неуклонно проводил и хрущевские эксперименты в сфере налогообложения личных крестьянских подворий, как некогда выжимал средства из колхозов.

Проба пера нашего героя пришлась на предвоенные и военные годы. Его первые публикации, чаще всего официальные док-

лады (например, «О едином государственном бюджете Союза ССР на 1938 год» (М., 1938)) и юбилейные статьи, отличало обилие цифр и явная пропагандистская направленность. Так, свое выступление на III съезде профсоюза финансово-банковских работников в ноябре 1939 г. А. Г. Зверев посвятил необходимости выполнения плана по всем платежам, недопущению при этом потерь и большевистской организации социалистического соревнования[888]. Государственным займам нарком выделил почетное и прочное место в бюджете СССР, назвал их «проявлением беззаветной любви к делу партии Ленина – Сталина» и стремлением «восстановить счастливую и радостную жизнь»[889]. Вряд ли в то время он мог написать что-либо иное, да и оставлять эпистолярное наследие в то время было опасно. Далее в своих публикациях А. Г. Зверев взял паузу, прерванную размышлениями о государственном аппарате и финансовой системе[890]. Наконец, в 1958 г. он издает монографию «Вопросы национального дохода и финансы СССР» (2-е изд. 1970), по которой в 1959 г. защищает докторскую диссертацию в МГУ. Данных о защите его кандидатской диссертации у нас нет. Однако с 1959 г. новоявленный доктор экономических наук издает целый ряд работ по проблемам советских финансов[891].

В работе «Вопросы национального дохода и финансов СССР» автор осветил проблемы, связанные с процессом создания и распределения национального дохода в условиях социалистического общества. Основное внимание было сконцентрировано на анализе роли в этом процессе таких стоимостных категорий, как финансы, кредит и цена, занимающих важное

---

[888] См.: Зверев А. Г. За образцовую работу финансовой системы. М., 1939. С. 3–6, 14 и др.

[889] Зверев А. Г. Великая Отечественная война и роль государственных займов. Архангельск, 1943. С. 1–2 и др.

[890] См.: Зверев А. Г. Совершенствование государственного аппарата. М., 1955; Его же. Финансовая система в новых условиях управления хозяйством. М., 1958.

[891] Зверев А. Г. Хозяйственное развитие и финансы семилетки (1959–1965 гг.). М., 1959; Его же. Проблемы ценообразования и финансы. М., 1966; Его же. Роль бюджета в распределении общественного продукта и национального дохода. М., 1967.

место в общественном производстве. Первичным звеном финансовой системы СССР он считал финансы государственных предприятий и колхозов. Рассматривая роль финансов в распределении национального дохода, А. Г. Зверев писал, что «в условиях социалистического строя нет объективных оснований для бюджетного дефицита, т. к. это противоречит требованиям пропорционального развития хозяйства. Однако бездефицитный бюджет может быть обеспечен лишь при правильном планировании социалистической экономики и финансов»[892]. Важную роль в распределении и перераспределении национального дохода автор отводил бюджету социалистического государства. При этом, по его мнению, централизуемые в государственном бюджете СССР средства предназначаются прежде всего для обеспечения потребностей расширенного социалистического производства[893]. И надо полагать, что лишь во вторую очередь идут расходы на удовлетворение потребностей населения (просвещение, здравоохранение, социальное страхование и др.). А. Г. Зверев приводит таблицы, на основании которых утверждает, что выплаты и льготы, предоставляемые населению за счет бюджета, значительно превышают средства населения, привлекаемые государством в порядке налоговых платежей граждан, выпуска займов, размещаемых по подписке среди населения, и временного использования остатка вкладов в сберегательных кассах. Он считал экономически обоснованным решение Совета Министров СССР в 1958 г. об отсрочке погашения на 20 лет облигаций государственных займов, размещенных среди населения, т. к. государство может израсходовать эти финансы на строительство жилищ, школ, больниц. Автор настаивал на реализации в практике принципа единого государственного бюджета, основанного на демократическом централизме. Он писал, что демократический централизм в области финансов означает необходимость поступлений от всех предприятий союзного, республиканского и местного значения части их доходов на финансирование мероприятий общегосударственного

[892] Зверев А. Г. Вопросы национального дохода и финансов СССР. М., 1958. С. 85.

[893] Там же. С. 129.

значения. Эти централизованные общегосударственные средства, в свою очередь, должны обеспечить правильные пропорции и в развитии экономики и оказании помощи союзным республикам в развитии отраслей хозяйства, находящихся на их территории. Но демократический централизм означает и самостоятельность и развитие государственных бюджетов в каждой республике и местных бюджетов у каждого местного органа власти[894].

Очень похожий жизненный и профессиональный путь прошел **Яков Ильич Голев** (1894–1960). Этот выходец из рабочей семьи тоже смог получить только начальное образование, работал на заводе чертежником и слесарем. В Первую мировую он был призван в армию рядовым артиллерии. Революционные события встретил с воодушевлением, в 1918 г. вступил в РКП (б), а в следующем году был призван в Красную Армию. С окончанием боев молодого коммуниста направляют на фронт хозяйственного строительства: сначала продовольственным комиссаром, а затем заведующим уездным финотделом. С 1924 г. его переводят в аппарат Московского областного финансового отдела. Его образование, вероятно, ограничилось курсами при Наркомфине, однако природная смекалка и тяга к самообразованию позволили ему уже в конце 1920-х гг. войти в число известных советских специалистов в области финансов. Впрочем, его первые публикации представляли собой скорее инструкции по применению финансового законодательства[895].

С 1933 г. наш герой работал в государственной комиссии по определению урожайности, уполномоченным в Харькове, Чернигове и Сталино. Напомним, что на этот период пришелся пик форсированных хлебозаготовок, который на фоне плохого урожая вызвал голод, в том числе и на Украине. Как повел себя в этой ситуации уполномоченный, нам не известно, но, вероятно,

---

[894] Зверев А. Г. Вопросы национального дохода и финансов СССР. С. 226–227.

[895] См.: Голев Я. И. Взимание государственного подоходного налога с рабочих и служащих. М., 1928; Голев Я. И., Лисицын В. К. Государственный подоходный налог с рабочих, служащих и госпенсионеров. М., 1928 (2-е изд. 1929); Их же. Подоходный налог. Новый порядок обложения торговли и промышленности. М., 1928 и др.

«правильно», т. к. в 1937 г. он переходит в центральный аппарат Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР. Наконец, в 1940 г. его назначают заместителем, в 1941–1945 гг. – 1-м заместителем наркома финансов СССР, коим был в то время уже известный нам А. Г. Зверев. Последний так писал о своем заместителе: «Яков Ильич, крупный специалист и достойный руководитель финансовой системы, впервые опубликовавший свои работы о теории и практике взимания налогов еще в 1920-е годы, проделал огромную и полезную работу, особенно в период Великой Отечественной войны»[896].

Я. И. Голев в 1942–1944 гг. был начальником Бюджетного управления наркомата, а в 1941–1943 гг. – 1-м заместителем Государственной штатной комиссии при СНК СССР. В годы Великой Отечественной войны он руководил составлением бюджета и привлечением средств в военную промышленность. С 1945 по 1948 г. Яков Ильич руководит правлением Госбанка СССР, который с 1938 по 1946 г. был самостоятельным ведомством, а затем снова вернулся в структуру Министерства финансов СССР. С 1948 по 1953 г. он был членом коллегии Министерства финансов СССР, в 1946–1948 гг. – заместителем министра, а в 1948–1952 гг. – управляющим Сельхозбанком СССР. После смерти И. В. Сталина его место в иерархии не изменилось, и с 1953 по 1959 г. (до выхода на пенсию) Я. И. Голев являлся председателем правления Сельхозбанка СССР. На последней должности он снова вернулся к изысканиям в сфере финансов, опубликовав небольшую брошюру «Сельскохозяйственный кредит в СССР» (М., 1958), где рассмотрел проблемы финансирования сельхозпредприятий, деятельность сельскохозяйственных банков, кредитно-расчетные операции. Его трудно назвать ученым-финансистом, но практиком советских финансов он был незаурядным. Отсутствие специального образования нас смущать не должно, ибо наш герой выступал именно как организатор составления бюджета, волевым началом объединяя обширный планово-бюджетный аппарат. Рискнем предположить, что в советской налоговой и бюджетной системе, где порой не соблюдались не только элементарные экономические законы, но и требования формальной логики, отсутствие образования и не было су-

[896] Зверев А. Г. Записки министра. С. 171.

щественным недостатком. На первый план у руководителей выходила воля в достижении любой поставленной политическим водством цели, работоспособность, умение организовать взаидействие различных звеньев государственного аппарата, жесткость и непреклонность. Своеобразным идеалом (без кавычек) руководителя в сталинской системе был Л. М. Каганович, который отличался тем, что не имел профессиональных знаний ни в одной из областей (кроме сапожного дела), но руководил многими союзными ведомствами. Он в гневе разбивал телефоны, занимался рукоприкладством, виртуозно использовал ненормативную лексику, при этом работал по 20 часов в день, мог найти общий язык с низовым активом, добивался цели любой ценой, а в подчиненных ему ведомствах была самая большая волна репрессий. К чести наших героев, они были в своей сфере профессионалами, а их жесткость все-таки не переходила в жестокость и самодурство.

Василий Петрович Дьяченко (1902–1971) может быть отнесен к числу тех лиц, которые успешно сочетали государственную службу и научную деятельность. Он родился в Кустанае (Казахстан, в то время часть Российской империи) в семье крестьянина-кузнеца и смог выбиться в люди благодаря своим способностям и большому трудолюбию. При этом он в досоветский период успел получить начальное образование и даже 1,5 года проучился в 4-классной гимназии. С 1919 по 1921 г. он служил в Красной Армии, затем заведовал губкомом РКСМ в Петропавловске (Казахстан). В 1922 г. он вступил в РКП (б), год отучился на рабфаке (до 1924 г.), а затем окончил экономический факультет Ленинградского политехнического института (1929 г.). В этом институте в то время еще преподавали известные специалисты старой школы, включая финансиста профессора В. Н. Твердохлебова, специалиста по экономике труда доцента К. М. Варшавского и др. С 1929 до 1947 г. Василий Петрович работал в системе Наркомата финансов СССР. Сначала он был зам. начальника Отдела денежного обращения Наркомфина СССР (1931–1935 гг.), затем начальником Отдела истории финансов и зам. директора Научно-исследовательского института финансов (1935–1939 гг.). В 1939–1946 гг. В. П. Дьяченко возглавлял Отдел денежного обращения Наркомфина СССР.

Одновременно, в 1941–1943 гг., он был главным редактором и управляющим Государственным финансовым издательством. Уже неоднократно упомянутый А. Г. Зверев вспоминал о нем с особым чувством: «С благодарностью вспоминаю тех, чьими советами пользовался тогда и кто усердно помогал народному комиссариату. Прежде всего назову В. П. Дьяченко. Василий Петрович, крупный ученый-экономист, принадлежал к группе тех лиц, кто стоял у основания науки о советских финансах… Он по заслугам сыскал большую известность, входил в совет Международной ассоциации экономических наук и являлся вице-президентом Международного института государственных финансов. На трудах В. П. Дьяченко у нас выросло несколько поколений специалистов»[897]. Действительно, среди учеников В. П. Дьяченко было немало видных специалистов в области бюджета, налогов и денежного обращения. Часть из них трудилась в структуре Наркомата (затем Министерства) финансов СССР. Наиболее ярким из них был член-корреспондент Академии наук СССР *К. Н. Плотников* (1907–?).

Это связано с тем, что параллельно Василий Петрович преподавал в Ленинградском (1936–1941 гг.), Московском (1930–1934, 1943–1946 гг.) и Всесоюзном заочном финансово-экономических институтах (1930–1946 гг.), Московском государственном экономическом институте (1946–1960 гг.), где заведовал кафедрами финансов и кредита. При его участии были подготовлены такие издания, как «Государственные займы и сберегательные кассы СССР» (М.; Л., 1938), «Бюджетное законодательство СССР за 20 лет» (М., 1938), «Финансы и кредит в СССР» (М., 1938), «Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет» (М., 1939) и др.

В 1942 г. в Московском институте народного хозяйства он защитил докторскую диссертацию на тему: «Общая история советских финансов в первой фазе развития социалистического государства». По ее материалам была издана монография[898]. Значительное место в его творчестве занимают труды по истории советских финансов. Разработку теоретических вопросов совет-

[897] Зверев А. Г. Записки министра. С. 148–149.

[898] См.: Дьяченко В. П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. Ч. 1. 1917–1925. М., 1947.

ских финансов он всегда сочетал с изучением их истории. В советский период признавалось, что В. П. Дьяченко написал по существу первые марксистские исследования на историко-архивном материале по истории советских финансов[899]. Работы автора по истории финансов СССР также были представлены в ряде статей в Большой советской энциклопедии, финансово-кредитных словарях и других изданиях.

Определенное внимание он уделил и правовому регулированию налогов, бюджета и денежного обращения, соотношению налогов и разверстки, правовой составляющей денежной реформы и др.

В 1947 г. он назначен заместителем директора, а в 1953–1956 гг. является директором Института экономики АН СССР, в 1953 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. В дальнейшем он продолжил преподавание в ряде вузов, в 1961 г. был избран вице-президентом Международного института государственных финансов, продолжал научные исследования. Часть его работ была переиздана посмертно[900]. В числе его наград три ордена (Трудового Красного Знамени и 2 «Знак почета») и медали.

Его творчество в интересующем нас аспекте крайне противоречиво. С одной стороны, он изначально осознавал, хотя прямо этого и не констатировал, важность механизмов правового регулирования финансов, подчеркивал значение твердой валюты и устойчивого денежного обращения[901]. Вместе с Н. Н. Ровин-

---

[899] Дьяченко В. П. Финансовая политика по этапам // Финансовая политика СССР. Вып. 1. М., 1934; Его же. Очерк развития денежного обращения и кредитной системы СССР // Денежное обращение и кредитная система СССР за 20 лет. М., 1939 и др.

[900] См.: Дьяченко В. П. Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. М., 1974; Его же. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978 и др.

[901] См.: Дьяченко В. П. О классификации доходов на первичные, основные и производственные в связи с исчислением народного дохода // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 4. С. 49–63; Его же. Устойчивое денежное обращение – твердый план: Из истории денежного обращения в СССР // Там же. 1930. № 5; Его же. О природе денег переходного периода // Записки ВЗИНО. 1933. № 4. С. 23–37; Его же. Советская денежная реформа 1947 года // Вопросы экономики. 1948. № 1. С. 48–55; Его

ским он одним из первых начал комментировать действующее финансовое законодательство и анализировать историю развития этого законодательства. Это касается уже упомянутых исследований «Бюджетное законодательство СССР за 20 лет» (М., 1938), «Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет» (М., 1939) и др. Это следует и из подготовленных с его участием практических пособий, как, например, «Справочник районного финансового работника» (М., 1943; 2-е изд. В 2-х т. М., 1952–1953), а равно из того, что он редактировал издания комментариев и сборников нормативных правовых актов, как, например: Глезин С. С. «Бюджетная система СССР: Сб. законов и инструкций» (М., 1937). В отличие от своих советских коллег, он использовал при подготовке своих работ, хотя и несколько однобоко, исследования зарубежных и российских дореволюционных финансистов, в том числе А. И. Шингарева, И. М. Кулишера, Н. Н. Покровского, С. Н. Прокоповича и др. Гораздо чаще большинства других экономистов он ссылался и на нормативные правовые акты.

С другой стороны, все свои исследования он строил на цитатах из К. Маркса и В. И. Ленина, а до конца 1950-х гг. и И. В. Сталина. В. П. Дьяченко обоснованно считают автором марксистско-ленинской теории денег. У него не вызывало сомнений, что «финансы – область классовой борьбы», а одна из его ранних статей называлась «Правооппортунистическая теория денег». Критика отступников от общепринятых догм с его стороны была жесткой и последовательной[902]. В его творчестве отразилась противоречивость всей советской финансовой науки.

В. П. Дьяченко можно отнести к ведущим исследователям не только теории советских финансов, но и методики преподавания этой дисциплины. Еще в 1931 г. он руководил проведением Всесоюзного совещания работников финансовых кафедр. Он выступил против антимарксистских теорий трансформации финансов

же. О переводе курса рубля на золотую базу и о повышении его курса в отношении иностранной валюты // Профессиональные союзы. 1950. № 3 и др.

[902] См.: Дьяченко В. П. Путаный и вредный учебник. Рец. на кн.: Атлас З. В. Деньги и кредит при социализме в СССР. М., 1930 // Финансовые проблемы. 1931. № 3–4. С. 82–88.

капитализма, писал о коренных отличиях советских финансов от финансов капитализма. Финансовые категории, по его мнению, являются историческими категориями, т. к. их содержание определяется сущностью государства и экономической структурой общества в целом. В связи с этим советские деньги, финансы и кредит представляют собой принципиально иные по содержанию экономические категории. В. П. Дьяченко, как и большинство советских экономистов, признавал невозможность конструирования всеобщей финансовой теории. Он критиковал позиции Д. П. Боголепова, А. И. Буковецкого, которые, по его словам, не учитывали принципиальных особенностей советских финансов, в отличие от капиталистических, и выводили общие понятия финансов, налогов, бюджета. Это называлось автором «пропагандой дореволюционных буржуазных финансовых теорий». Он ратовал за отдельное преподавание советских финансов и финансов капиталистических государств.

В учебные планы он предлагал включать самостоятельные курсы: а) финансы социалистического государства; б) денежное обращение и кредит в социалистическом хозяйстве; в) финансы социалистических предприятий и отраслей социалистического хозяйства.

В. П. Дьяченко в дискуссии по поводу учебника «Финансы СССР» в 1951 г. писал, что следует осудить попытку возродить антимарксистское представление о финансах как совокупности денежных ресурсов. Финансы – это не денежные ресурсы, а система организованных государством общественных отношений, область распределительных отношений. Советские финансы, по его мнению, представляют собой «систему денежных отношений, посредством которых планомерно образуются и используются централизованные и децентрализованные фонды денежных ресурсов государства в соответствии с его функциями и задачами[903]. Но в систему советских финансов он включал финансы социалистического государства и финансы социалистических предприятий и отраслей социалистического хозяйства. О финансовой деятельности государства он писал, анализируя его функ-

[903] Дьяченко В. П. Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. М., 1974. С. 111, 470.

ции по организации денежного обращения, кредитной системы, осуществлению контроля за использованием денежных средств и др. Посредством финансов, как подчеркивал В. П. Дьяченко, «социалистическое государство: 1) организует доходы и накопления социалистического хозяйства, а также доходы и сбережения населения; 2) осуществляет распределение и перераспределение доходов, накоплений и сбережений в целях удовлетворения общегосударственных потребностей… 3) осуществляет контроль за образованием, распределением и использованием доходов, накоплений, сбережений»[904]. Рассматривая систему государственных доходов СССР, он отмечал необходимость строгого соблюдения революционной законности, которая обеспечивается: «1) повышением квалификации работников финансового аппарата и бухгалтерского аппарата предприятий, учреждений, организаций; 2) установлением административной, материальной и уголовной ответственности должностных лиц за неправильное исчисление и взимание платежей; 3) предоставлением всем плательщикам права обжалования решений и действий аппарата по исчислению и взиманию государственных доходов»[905].

Практически в одно время с В. П. Дьяченко (двумя курсами младше) на экономическом факультете Ленинградского политехнического института обучался *Георгий Васильевич Петров* (1905–?). Выходец из крестьян Тамбовской губернии, он после окончания института в 1931 г. там же заведовал учебной частью и преподавал финансовые дисциплины, занимался научными исследованиями в данной сфере. С 1936 г. он переходит на руководящую партийную работу, а затем на практическую работу в сфере финансов. В 1940–1943 гг. Г. В. Петров работал заместителем председателя правления Госбанка СССР, затем был первым заместителем председателя Совнаркома СССР. После ряда других назначений в 1948 г. он становится заместителем председателя Госплана СССР, с 1958 г. – первым заместителем председателя Госплана СССР, министром СССР.

---

[904] Дьяченко В. П. Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. С. 213.

[905] Там же. С. 318.

Таким образом, можно констатировать, что в 1930-х гг. и далее советские ученые-финансисты назначались на высокие государственные посты и были экспертами правительства. Однако этот процесс был менее интенсивным, чем в дореволюционной России и даже в 20-е гг. XX в. Это объясняется как падением значения научных исследований в процессе принятия политических и хозяйственных решений, так и изменением требований к личным и деловым качествам государственных деятелей. При этом названные лица специализировались преимущественно на проблемах политической экономии и конкретной экономики, а проблемы финансового права в их работах были затронуты фрагментарно.

Сведения об авторах

Лушникова Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и финансового права Ярославкого государственного университета им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), является специалистом по финансовому праву, трудовому праву и праву социального обеспечения, автором свыше двухсот семидесяти научных и учебно-методических публикаций, в том числе 9 монографий (глав, разделов монографий): Очерки трудового права. СПб.: Юридцентр пресс, 2006. 940 с.; Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов. М.: Проспект, 2006. 288 с. (в соавт); Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени. В 2 т. Ярославль: ЯрГУ, 2010. Т. 1. 563 с.; Т. 2. 363 с. (в соавт.), а также 26 учебников и учебных пособий: Налоговое право. Часть общая. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 74 с.; Правовой механизм налогового планирования. Ярославль: ЯрГУ, 1999. 103 с.; Правовые основы налоговой системы: теория и практика. Ярославль: ЯрГУ, 2000; 216 с.; Курс трудового права. Учебник. В 2 т., Т. 1. М.: Проспект, 2003. 448 с.; Т. 2. М.: Проспект, 2004. 608 с. (в соавт.); Финансовое право: бюджетное, эмиссионное и валютное законодательство. Ярославль: ЯрГУ, 2004; 86 с.; Налоги юридических лиц. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 76 с.; Курс трудового права. Учебник. В 2 т. М.: Статут, 2009. Т. 1. 879 с. Т. 2. 1151 с. (в соавт.); Курс права социального обеспечения. Учебник. М.: Юстицинформ, 2008. 656 с. (в соавт.) (2-е изд. 2009) и др.

Лушников Андрей Михайлович, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права ЯрГУ. Специалист в области трудового права, теории права, таможенного права, автор свыше двухсот шестидесяти научных и учебно-методических публикаций, в том числе 10 монографий (глав, разделов монографий): Наука трудового права России: историко-правовой очерк в лицах и событиях. М.: Проспект, 2003. 304 с.; Таможенное право. Ярославль: МУБиНТ, 2004. 53 с.; Очерки трудового права. СПб.: Юридцентр пресс, 2006. 940 с.; Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 834 с.; Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени. В 2 т. Ярославль: ЯрГУ, 2010. Т. 1. 563 с.; Т. 2. 363 с. (в соавторстве); а также 30 учебников и учебных пособий: Курс трудового права. Учебник. В 2 т. Т. 1. М.: Проспект, 2003. 448 с.; Т. 2. М.: Проспект, 2004. 608 с. (в соавт.); Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 432 с. (в соавт.); Трудовое право России и зарубежных стран. Учебник. М.: Эксмо. 2008. 608 с. (в соавт.) (2-е изд. 2010 г.); Курс трудового права. Учебник. В 2 т. М.: Статут, 2009. Т. 1. 879 с. Т. 2. 1151 с. (в соавт.), Курс права социального обеспечения. Учебник. М.: Юстицинформ, 2008. 656 с. (в соавт.) (2-е изд., 2009); Теория государства и права. Учебный курс. М.: Эксмо, 2009. 272 с. (2-е изд., 2010.) и др.

В сфере его научных интересов находятся общие проблемы истории науки и образования, а также военной истории России. Автором по этой проблеме издан цикл книг: Советский Союз в период Второй мировой войны. Ярославль, 1993. (в соавт.); Армия, государство и общество. Ярославль, 1996; Советская военная школа в 1921–1941 гг.: социально-политические аспекты развития. Ярославль, 1997; Государственная политика России в области образования в 1861–1917 гг. Ярославль, 1999; Реформы и контрреформы в России (XIX – начало XX в.). Ярославль, 2000 и др. Является академиком Академии военно-исторических наук.

Научное издание

Серия
«Ярославская юридическая школа
начала XXI века»

Лушникова Марина Владимировна
Лушников Андрей Михайлович

Наука финансового права на службе государству:
российские государственные деятели и развитие науки финансового права
(историко-правовой очерк)

Монография

Редактор, корректор М. Э. Левакова
Верстка И. Н. Иванова

Подписано в печать 17.11.2010. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$.
Бум. офсетная. Гарнитура "Times New Roman".
Усл. печ. л. 33,03. Уч.-изд. л. 25,83.
Тираж 250 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Ярославский государственный университет
150000, Ярославль, ул. Советская, 14

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001
150049, г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49